

2025. 12 (4)

Asian Journal

"STEPPE PANORAMA"

ISSN 2710-3994

ISSN 2710-3994 (online)

Құрылтайшысы және баспагері: Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитеті Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМК

Ғылыми журнал Қазақстан Республикасы Инвестициялар және даму министрлігінің Байланыс, ақпараттандыру және ақпарат комитетінде 2025 ж. 5 сәуірде тіркелген. Тіркеу нөмірі № KZ91VPY00116246. Жылына 6 рет жарияланады (электронды нұсқада).

Журналда тарих ғылымының *келесі бағыттары* бойынша ғылыми жұмыстар жарияланады: тарих, этнология.

Жарияланым тілдері: қазақ, орыс, ағылшын.

Редакция мен баспаның мекен-жайы:

050010 Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көш., 28-үй

ҚР ҒЖБМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМК

Тел.: +7 (727) 261-67-19, +7 (727) 272-47-59

Журнал сайты: <https://ajspiie.com>

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты 2025
© Авторлар ұжымы, 2025

БАС РЕДАКТОР

Қабылдинов Зиябек Ермұқанұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, ҚР ҒЖБМ ҒКШ.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының бас директоры. (Қазақстан)

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА

Аутрам Алан (Outram Alan) — археология ғылымдарының докторы, Эксетер университеті, тарих және археология кафедрасының профессоры. (Ұлыбритания)

Аширов Адхамжон Азимбаевич — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Өзбекстан Республикасы Ғылым академиясының Тарих институтының Этнология және антропология орталығының меңгерушісі. (Өзбекстан)

Әбіл Еркін Аманжолұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР БҒМ ҒК Мемлекет тарихы институтының директоры. (Қазақстан)

Әлімбай Нұрсан — тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының бас ғылыми қызметкері. (Қазақстан)

Вернер Кунтһиа (Werner Cynthia) — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Техас университеті. (АҚШ).

Дайнер Александр (Diener Alexander) – тарих ғылымдарының докторы, профессор. Канзас университеті, (АҚШ)

Көкебаева Гүлжауһар Какенқызы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті. (Қазақстан)

Кригер Виктор (Kriege Viktor) — тарих ғылымдарының докторы, Нюрнбергтегі Бавариялық немістер мәдени орталығының (BKDR) ғылыми қызметкері. (Германия)

Оайон Изабель (Ohayon Isabelle) — тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, CERCEC директорының орынбасары, Францияның Ұлттық ғылыми зерттеу орталығының (CNRS) қызметкері. (Франция)

Сабурова Татьяна — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Индиана университеті. (АҚШ)

Моррисон Александр (Morrison Alexander) — PhD, Оксфорд университетінің профессоры. (Ұлыбритания)

Муминов Ашірбек Құрбанұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Ислам тарихы, өнер және мәдениет ғылыми-зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері IRCICA – İslam Tarih, Sanat ve Kültür Araştırma Merkezi. (Түркия)

Римантас Желвис (Želvys Rimantas) — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Вильнюс педагогикалық университеті. (Литва)

Смағұлов Оразақ Смағұлұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Балон ғылым академиясының корр.-мүшесі, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы сыйлықтың лауреаты, ғылым мен техниканың еңбек сіңірген қайраткері, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры. (Қазақстан)

Таймағамбетов Жәкен Қожахметұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, ҚР Ұлттық музейі. (Қазақстан)

ЖАУАПТЫ РЕДАКТОР

Қаипбаева Айнагүл Толғанбайқызы — тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының жетекші ғылыми қызметкері. (Қазақстан)

ҒЫЛЫМИ РЕДАКТОРЛАР

Қапаева Айжан Тоқанқызы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Бас ғылыми қызметкері. (Қазақстан)

Қубеев Рустем Жаулыбайұлы — Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының ғылыми қызметкері. (Қазақстан)

ТЕХНИКАЛЫҚ ХАТШЫ

Копеева Сания Жуматайқызы — магистр, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының қызметкері. (Қазақстан).

ISSN 2710-3994 (online)

Учредитель и издатель: РГП на ПХВ «Институт истории и этнологии им.Ч.Ч. Валиханова»
Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан

Научный журнал зарегистрирован в Комитете связи, информатизации и информации
Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан, свидетельство
о регистрации:

№ KZ91VPY00116246 от 03.04.2025 г. Публикуется 6 раз в год (в электронном формате).

В журнале публикуются научные работы *по следующим направлениям* исторической науки:
история, этнология.

Языки публикации: казахский, русский, английский.

Адрес редакции и издательства:

050010 Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Шевченко, д. 28

РГП на ПХВ Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МНВО РК

Тел.: +7 (727) 261-67-19, +7 (727) 272-47-59

Сайт журнала: <https://ajspiie.com>

© Институт истории и этнологии
имени Ч.Ч. Валиханова, 2025
© Коллектив авторов, 2025

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Кабульдинов Зиябек Ермуханович — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, генеральный директор Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МНВО РК. (Казахстан)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абиль Еркин Аманжолович — доктор исторических наук, профессор, директор Института истории государства КН МНВО РК. (Казахстан)

Алимбай Нурсан — кандидат исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан)

Аутрам Алан (Outram Alan) — доктор археологических наук, профессор департамента археологии и истории Университета Эксетера. (Великобритания)

Аширов Адхамжон Азимбаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром этнологии и антропологии Института истории Академии наук Республики Узбекистан. (Узбекистан)

Вернер Синтия (Werner, Cynthia) — доктор исторических наук, профессор. Техасский университет. (США)

Дайнер Александр (Diener Alexander) — доктор исторических наук, профессор. Канзасский университет (США)

Исмагулов Оразак Исмагулович — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, член-корр. Болонской академии наук, лауреат премии им. Ч.Ч. Валиханова, заслуженный деятель науки и техники, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. (Казахстан)

Кокебаева Гульжаухар Какеновна — доктор исторических наук, профессор Казахского национального педагогического университета имени Абая. (Казахстан)

Кригер Виктор (Kriege Viktor) — доктор исторических наук, научный сотрудник Баварского культурного центра немцев (BKDR) в Нюрнберге. (Германия)

Моррисон Александр (Morrison Alexander) — PhD, профессор Оксфордского университета. (Великобритания)

Муминов Аширбек Курбанович — доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Исследовательского центра исламской истории, искусства и культуры. IRCICA – İslâm Tarih, Sanat ve Kültür Araştırma Merkezi. (Турция)

Оайон Изабель (Ohayon Isabelle) — кандидат исторических наук, профессор, заместитель директора CERCEC, сотрудник Национального центра научных исследований Франции (CNRS). (Франция)

Римантас Желвис (Želvys Rimantas) — доктор педагогических наук, профессор, Вильнюсский педагогический университет. (Литва)

Сабурова Татьяна — доктор исторических наук, профессор, Университет Индианы. (США)

Таймагамбетов Жакен Кожаметович — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, Национальный музей РК. (Казахстан)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Каипбаева Айнагуль Толганбаевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан)

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ

Капаева Айжан Токановна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан).

Кубеев Рустем Джаулыбайулы — научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан).

ТЕХНИЧЕСКИЙ СЕКРЕТАРЬ

Копеева Сания Жуматаевна — магистр, сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан).

ISSN 2710-3994 (online)

Founder and publisher: RSE on REM "Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology" of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan

The scientific journal is registered at the Committee for Communications, Informatization and Information of the Ministry for Investments and Development of the Republic of Kazakhstan, registration certificate: No. KZ91VPY00116246 dated 03.04.2025. The journal is published 6 times a year (in electronic format).

The journal publishes scientific works in the *following areas* of historical science: history, ethnology.

Publication languages: Kazakh, Russian, English.

Editorial and publisher address:

28 Shevchenko Str., 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan

RSE on REM Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology CS MSHE of the Republic of Kazakhstan

Tel.: +7 (727) 261-67-19, +7 (727) 272-47-59

Journal website: <https://ajspiie.com>

© Ch.Ch. Valikhanov Institute
of History and Ethnology, 2025
© Group of authors, 2025

EDITOR-IN-CHIEF

Kabuldinov Ziabek Ermukhanovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, General Director of Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology SC MSHE RK. (Kazakhstan)

EDITORIAL BOARD

Abil Yerkin Amanzholovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of History of the State CS MES RK. (Kazakhstan)

Alimbay Nursan — Candidate of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology. (Kazakhstan)

Azimqulov Javohir — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Center for Ethnology and Anthropology at the Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. (Uzbekistan)

Diener Alexander — Doctor of Political Science, Professor, University of Kansas. (USA)

Ismagulov Orazak Ismagulovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Corresponding Member of Bologna Academy of Sciences, winner of Ch.Ch. Valikhanov Award, Honored Worker of Science and Technology, Professor of L.N. Gumilyov University. (Kazakhstan)

Kokebayeva Gulzhaukhar Kakenovna — Doctor of Historical Sciences, Professor at the Abai Kazakh National Pedagogical University. (Kazakhstan)

Kriege Viktor — Doctor of Historical Sciences, Researcher at the Bavarian Cultural Center of Germans (BKDR) in Nuremberg. (Germany)

Morrison Alexander — PhD, Professor, University of Oxford. (UK)

Muminov Ashirbek Kurbanovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher at the Research Center for Islamic History, Art and Culture. IRCICA (İslâm Tarih, Sanat ve Kültür Araştırma Merkezi). (Turkey)

Ohayon Isabelle — Candidate of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of CERCEC, Researcher at the French National Center for Scientific Research (CNRS). (France)

Outram Alan — Doctor of Archaeological Sciences, Professor in the Department of Archaeology and History at University of Exeter. (Britain)

Rimantas Želvys — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vilnius Pedagogical University. (Lithuania)

Saburova Tatiana — Doctor of Historical Sciences, Professor, Indiana University. (USA)

Taimagambetov Zhaken Kozhakhmetovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, National Museum of the Republic of Kazakhstan. (Kazakhstan)

Werner, Cynthia — Doctor of Historical Sciences, Professor, Texas university. (USA)

EXECUTIVE EDITOR

Kaipbayeva Ainagul Tolganbayevna — Candidate of Historical Sciences, leading researcher at Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Kazakhstan).

ACADEMIC EDITOR

Kapaeva Aizhan Tokanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology. (Kazakhstan)

Kubeyev Rustem Dzhaulybayuly — researcher at Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology. (Kazakhstan)

TECHNICAL SECRETARY

Kopeyeva Saniya Zhumataevna — Master's, researcher at Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology. (Kazakhstan)

ТАРИХНАМА ЖӘНЕ ДЕРЕКТАНУ / ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ /
HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

Published in the Republic of Kazakhstan
Asian Journal “Steppe Panorama”
Has been issued as a journal since 2014
ISSN 2710-3994.
Vol. 12. Is. 4, pp. 934-945, 2025
Journal homepage: <https://ajspiie.com>

FTAXP / МПНТИ / IRSTI 95(574)
https://doi.org/10.51943/2710-3994_2025_12_4_934-945

**WESTERN HISTORIOGRAPHY IN THE FORMATION OF HISTORICAL MEMORY
OF THE MASS FAMINE IN KAZAKHSTAN IN THE 30S OF THE XXTH CENTURY**

*Mamytova Saule Nasenovna*¹

¹Astana IT University
(55/11, Mangilik El avenue, EXPO, block C1, 010000 Astana, Republic of Kazakhstan)
Doctoral of historical sciences
 <https://orcid.org/0000-0001-9342-6171>. E-mail: saule.mamytova@astanait.edu.kz

© Ch.Ch. Valikhanov IHE, 2025
© Mamytova S.N., 2025

Abstract. *Introduction.* The relevance of the topic of the article – from a historiographic point of view, the influence of Western historiography on understanding the tragedy of mass famine in Kazakhstan in the 1930s is studied. This study is important for understanding the historical memory and national identity of the Kazakh people, as well as for identifying new approaches to analyzing the consequences of Soviet totalitarian policy. *Materials.* The sources of historiographic analysis are collective works, monographs, scientific articles of Western researchers, as well as materials of international conferences and seminars dedicated to the tragedy of mass famine in Kazakhstan in the 1930s. The methodological basis of the research is the principles of historicism and systems approach, as well as problem-chronological, historical-comparative and typological methods, which provide a comprehensive analysis of events and their consequences, allowing to accurately interpret the influence of Western historiography on the formation of historical memory of the tragedy. *Goals and objectives* of the article – to review the latest research by Western historians on the tragedy of mass famine in Kazakhstan in the 1930s, their role in the formation of historical memory and national identity in Kazakhstan, and their influence on contemporary discussions of repressions and tragedies of the past. *Results.* As a result of the analysis of Western historiography, it was found that foreign researchers apply a wide range of interdisciplinary approaches and actively use a variety of sources, including archival documents, oral histories and memoirs. Their works focus on the political, economic, and cultural causes of the Kazakh famine, considering it because of violent modernization, and not exclusively because of natural disasters or government miscalculations. Various interpretations of the tragedy are revealed - from the interpretation as genocide to the assessment as an act of structural violence. These studies have had a significant impact on the formation of new historical memory and national identity in Kazakhstan, opening prospects for further scholarly dialogue. *Conclusions.* Western historiography of the Kazakh famine has greatly enriched our understanding of the tragedy, offering an interdisciplinary approach and a critical look at the political, social, and cultural aspects of the crisis. Western studies have challenged previous interpretations, emphasizing the systemic nature of the violence and the destruction of traditional Kazakh life. These works have contributed to the formation of a new historical memory and highlighted the need for further scholarly dialogue to better understand one of the most dramatic episodes in the history of Kazakhstan.

Keywords: Western historiography, Kazakhstan, 1930s, mass famine, totalitarian regime, forced collectivization, repressions, historical memory, interdisciplinary approach

Acknowledgment. The article was prepared within the framework of the project of the Ministry of Higher Education and Science of the Republic of Kazakhstan “Preparation and publication of a series of memoirs of eyewitnesses of the mass famine of 1931–1933 in Kazakhstan and their descendants”.

For citation: Mamytova S.N. Western historiography in the formation of historical memory of the mass famine in Kazakhstan in the 30s of the XXth century // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Vol. 12. No. 4. Pp. 934–945. (In Eng.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_934-945

XX ҒАСЫРДЫҢ 30-ШЫ ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ АШАРШЫЛЫҚ ТУРАЛЫ ТАРИХИ ЖАДЫН ҚАЛЫПТАСТЫРУДАҒЫ БАТЫС ТАРИХНАМАСЫ

Мамытова Сәуле Насенқызы¹

¹Astana IT University

(55/11-үй, Мәңгілік ел даңғ., ЕХРО, С1, 010000 Астана, Қазақстан Республикасы)

Тарих ғылымдарының докторы

 <https://orcid.org/0000-0001-9342-6171>. E-mail: saule.mamytova@astanait.edu.kz

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2025

© Мамытова С.Н., 2025

Аңдатпа. *Кіріспе.* Мақалада тақырыптың өзектілігі – тарихнамалық тұрғыдан 1930 жылдардағы Қазақстандағы жаппай ашаршылық қасіретін түсінуге батыс тарихнамасының ықпалы қарастырылады. Бұл зерттеудің қазақ халқының тарихи жады мен ұлттық болмысын түсіну, сондай-ақ кеңестік тоталитарлық саясаттың зардаптарын талдаудың жаңа тәсілдерін анықтау үшін маңызы зор. *Зерттеу жұмысының материалдық негізі ретінде* батыс зерттеушілерінің ұжымдық еңбектері, монографиялары, ғылыми мақалалары, сондай-ақ 1930 жылдардағы Қазақстандағы жаппай ашаршылық қасіретіне арналған халықаралық конференциялар мен семинарлардың материалдары табылады. *Зерттеудің әдіснамалық негізін* трагедия туралы тарихи жадының қалыптасуына батыс тарихнамасының ықпалын дәл түсіндіруге мүмкіндік беретін оқиғалар мен олардың салдарын жан-жақты талдауды қамтамасыз ететін тарихшылық пен жүйелік көзқарас қағидалары, сондай-ақ проблемалық-хронологиялық, тарихи-салыстырмалы және типологиялық әдістер құрайды. *Мақаланың мақсаты* – 1930 жылдардағы Қазақстандағы жаппай ашаршылық қасіреті туралы батыс тарихшыларының соңғы зерттеулерін, олардың Қазақстандағы тарихи жады мен ұлттық болмысты қалыптастырудағы рөлін және олардың өткен дәуірдегі қуғын-сүргіндер мен қайғылы оқиғаларды қазіргі талқылауларға қалай әсер еткенін қарастыру. *Нәтижелер.* Батыс тарихнамасын талдау шетелдік зерттеушілердің көптеген пәнаралық тәсілдер қолданып, әртүрлі дереккөздерді, соның ішінде мұрағат құжаттарын, ауызша тарихты, естеліктерді белсенді түрде пайдаланатынын көрсетті. Олардың жұмысы қазақ ашаршылығының саяси, экономикалық және мәдени себептеріне тоқталып, оны табиғи апаттардың немесе үкіметтің қате есептеулерінің нәтижесі ретінде емес, мәжбүрлі жаңғыртудың салдары ретінде қарастырады. Трагедияны геноцид ретінде түсіндіруден құрылымдық зорлық-зомбылық әрекеті ретінде бағалауға дейінгі әртүрлі интерпретациялар анықталды. Бұл зерттеулер Қазақстандағы жаңа тарихи жады мен ұлттық болмыстың қалыптасуына елеулі әсер етіп, одан әрі ғылыми диалогтың болашағын ашты. *Қорытынды.* Қазақ ашаршылығының батыс тарихнамасы дағдарыстың саяси, әлеуметтік және мәдени аспектілеріне пәнаралық көзқарас пен сыни көзқарасты ұсына отырып, трагедия туралы түсінігімізді едәуір байытты. Батыс авторларының зерттеулері зорлық-зомбылықтың жүйелік сипатына және қазақтың дәстүрлі өмір салтын бұзуға баса назар аудара отырып, бұрынғы түсіндірулерге қарсы шықты. Бұл еңбектер жаңа тарихи жадының қалыптасуына

ықпал етті және Қазақстан тарихындағы ең драмалық эпизодтардың бірін жақсы түсіну үшін одан әрі ғылыми диалог жүргізу қажеттілігін көрсетті.

Түйін сөздер: Батыс тарихнамасы, Қазақстан, 1930 жылдар, жаппай ашаршылық, тоталитарлық режим, күштеп ұжымдастыру, қуғын-сүргін, тарихи жады, пәнаралық көзқарас
Алғыс. Мақала Қазақстан Республикасы Жоғары білім және ғылым министрлігінің «Қазақстандағы 1931-1933 жылдардағы жаппай ашаршылықтың куәгерлері мен олардың ұрпақтарының естеліктері топтамасын дайындау және басып шығару» жобасы аясында жазылған.

Дәйексөз үшін: Мамытова С.Н. XX ғасырдың 30-шы жылдарындағы Қазақстандағы ашаршылық туралы тарихи жадын қалыптастырудағы батыс тарихнамасы // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. 934–945 бб. (Ағылш.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_934-945

ЗАПАДНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О МАССОВОМ ГОЛОДЕ В КАЗАХСТАНЕ В 30-Е ГГ. XX ВЕКА

Мамытова Сауле Насеновна¹

¹Astana IT University

(д. 55/11, пр. Мангилик Ел, ЕХРО, С1, 010000 Астана, Республика Казахстан)

Доктор исторических наук

 <https://orcid.org/0000-0001-9342-6171>. E-mail: saule.mamytova@astanait.edu.kz

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2025

© Мамытова С.Н., 2025

Аннотация. *Введение.* Актуальность темы статьи – с историографической точки зрения исследуется влияние западной историографии на понимание трагедии массового голода в Казахстане в 30-е годы XX века. Это исследование важно для осмысления исторической памяти и национальной идентичности казахского народа, а также для выявления новых подходов к анализу последствий советской тоталитарной политики. Материалы. В качестве источников историографического анализа выступают коллективные труды, монографии, научные статьи западных исследователей, а также материалы международных конференций и семинаров, посвященных трагедии массового голода в Казахстане в 30-е годы XX века. Методологической основой исследования являются принципы историзма и системного подхода, а также проблемно-хронологический, историко-сравнительный и типологический методы, которые обеспечивают комплексный анализ событий и их последствий, позволяя точно интерпретировать влияние западной историографии на формирование исторической памяти о трагедии. *Цели и задачи* данной статьи – рассмотрение новейших исследований западных историков о трагедии массового голода в Казахстане в 30-е годы 20 века, их роли в формировании исторической памяти и национальной идентичности в Казахстане, а также как их влияние на современные дискуссии о репрессиях и трагедиях прошлого. *Результаты.* В результате анализа западной историографии установлено, что зарубежные исследователи применяют широкий спектр междисциплинарных подходов и активно используют разнообразные источники, включая архивные документы, устные истории и мемуары. Их работы акцентируют внимание на политических, экономических и культурных причинах казахского голода, рассматривая его как следствие насильственной модернизации, а не исключительно как результат стихийных бедствий или просчетов власти. Выявлены различные интерпретации трагедии — от трактовки как геноцида до оценки как акта структурного насилия. Эти исследования оказали значительное влияние на формирование новой исторической памяти и национальной идентичности в Казахстане, открыв перспективы для дальнейшего научного диалога. *Выводы.* Западная историография голода в Казахстане значительно обогатила понимание этой трагедии, предложив междисциплинарный подход и

критический взгляд на политические, социальные и культурные аспекты кризиса. Исследования западных авторов поставили под сомнение прежние интерпретации, акцентируя внимание на системном характере насилия и разрушении традиционного казахского уклада. Эти работы способствовали формированию новой исторической памяти и подчеркнули необходимость дальнейшего научного диалога для более глубокого осмысления одного из самых драматичных эпизодов в истории Казахстана.

Ключевые слова: Западная историография, Казахстан, 30-е годы 20 века, массовый голод, тоталитарный режим, насильственная коллективизация, репрессии, историческая память, междисциплинарный подход

Благодарность. Статья выполнена в рамках реализации проекта Министерства высшего образования и науки Республики Казахстан «Подготовка и издание серии воспоминаний очевидцев массового голода 1931–1933 годов в Казахстане и их потомков»

Для цитирования: Мамытова С.Н. Западная историография в формировании исторической памяти о массовом голоде в Казахстане в 30-е гг. XX века // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. С. 934–945. (На Англ.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_934-945

Introduction

The relevance of the topic of this article lies in the need to analyze historiographic approaches to the tragedy of mass famine in Kazakhstan in the 1930s. In recent decades, interest in issues of historical memory and identity has increased, especially among the peoples who suffered from the Soviet totalitarian policy, which led to catastrophic consequences and mass famine that affected millions of people. The Kazakh people suffered colossal human losses. According to modern researchers, the number of “deliberately exterminated Kazakhs by famine was 4,068,480 people, or 70 % of the population” (Akkuly, 2014: 144–145). Without any exaggeration, it can be said that almost the entire land was covered with the corpses of victims of mass famine, turning into a huge cemetery. This time remained in the memory of the Kazakh people as the “Years of the Great Jute” – the mass death of livestock, impoverishment of the population and deaths from hunger, which were the result of the totalitarian policy of the Soviet leadership during forced collectivization, voluntaristic sedentarization and dispossession of the wealthy strata of society.

We must pay tribute to the first researchers who opened previously unknown pages of the history of the tragedy of famine and “nomadism”. These are famous Kazakh historians M. Kozybayev, M. Tatimov, Zh. Abylkhozhin, Kh. Abzhanov, K. Aldazhumanov. Then they were joined by T. Omarbekov, E. Sadykov, Z. Kabuldinov, B. Ayagan and others, who took part in the implementation of several scientific projects. The first to study this problem locally were archivists and local historians. A unique interpretation of this tragedy is reflected in the works of Western researchers. The latest research by Western historians not only illuminates the facts and causes of the tragedy, but also contributes to a rethinking of historical memory, which, in turn, affects the process of forming national identity. Alternative interpretations offered by Western researchers help to better understand the historical experience of Kazakhstan. *The purpose of this article* is to review the latest research by Western historians on the tragedy of mass famine in Kazakhstan in the 1930s, analyze their influence on the modern perception of historical events and the formation of historical memory and identity. In the context of modern discussions about repressions and tragedies of the past, the study of Western historiography is becoming especially relevant, opening new aspects for understanding the complex history of the country.

Materials and methodology

The sources of historiographic analysis are collective works, monographs, scientific articles of Western researchers, as well as materials of international conferences and seminars dedicated to the tragedy of mass famine in Kazakhstan in the 1930s. The methodological basis of the research is the principles of historicism and systems approach, as well as problem-chronological, historical-comparative, and typological methods, which provide a comprehensive analysis of events and their consequences, allowing to accurately interpret the influence of Western historiography on the formation of historical memory of the tragedy.

Discussion

The analysis of Western historiography in the context of the famine in Kazakhstan has become the subject of study by several scholars. The article by Z. Saktaganova, T. Sakabay and K. Bodeyev “On the Problems of the History of Famine in Kazakhstan in Western Historiography (1931–1933)” presents a step-by-step study of the famine of 1931–1933 based on the works of Western researchers, covering the period from the first half of the 1930s to the early 2000s. The authors analyzed the source base of European scholars and identified key issues such as collectivization, settlement, agricultural procurement, causes, scale and consequences of the famine, as well as demographic losses. They concluded that Western researchers viewed the famine in the USSR because of the ill-considered policy of the Soviet leadership (Saktaganova et al., 2023: 99–110).

Russian scholars are also actively engaged in historiographical understanding of Western literature on the famine of 1932–1933. Among them, V. Kondrashin, G. Kornilov and E. Baranov stand out. V. Kondrashin is one of the leading researchers of the problem of famine in the USSR. Under his leadership, the project “Famine in the USSR. 1929–1934” was implemented, which resulted in a multi-volume documentary work (Famine in the USSR, 2011). In this publication, the documents were selected in such a way as to present the famine as a common tragedy of the peoples of the USSR and confirm the thesis about the absence of ethnic genocide, linking the main cause with the class principle that determined the policy of Stalin's leadership. Despite Kondrashin's emphasis on the importance of a scientific approach and refusal to politicize, he himself interprets “Asharshylyk” (mass famine) problem with a clear bias in the interests of Russia, concluding that the famine was the result of mistakes and miscalculations of the political course of the country's leadership in the process of collectivization (Kondrashin, 2022: 43–54).

One of the latest works with a historiographic review of the famine in Kazakhstan is the article by G. Kornilov, published in 2023 in the journal “Newest History of Russia”. Supporting Kondrashin's position, he opposes the ethnicization of the Holodomor (mass famine) and expresses dissatisfaction with those peoples of the USSR who, pursuing a course to restore historical justice, in his opinion, are engaged in the falsification of history (Kornilov: 2023: 103). At the beginning of the article, he notes a decrease in interest in the topic of the Ukrainian famine over the past decade with growing attention to the Kazakh famine (this is what he calls it) (Kornilov: 2023: 99). However, the use of the term “Kazak ASSR” in the title of the article raises questions: this is not just a mistake, but a serious blunder that can be perceived as an echo of chauvinistic habits or even a provocation. Perhaps the author sought to use the language structures of documents of that time, but this does not justify the use of outdated and incorrect names. To confirm his position on the unintentional nature of the genocide, Kornilov refers to the works of foreign authors (R. Kindler, I. Oahon, N. Pianchiola, S. Cameron and S. Wheatcroft), who do not recognize the famine in Kazakhstan as genocide of the Kazakh people. He also mentions the American researcher S. Kotkin, who argues that the victims died not because of ethnic persecution by the regime, but because of the policy of forced denomadization: “The famine was Soviet”, not Ukrainian or Kazakh (Kornilov: 2023: 109). Having presented in a schematic form the estimates of population losses in Kazakhstan, given in the works of various scientists, the author seeks to confirm his idea of falsification, which is expressed in the overestimation of the number of victims of the famine, in a large difference in the figures. Focusing on the negative aspects of the study of the famine by Kazakh historians, he writes that “at the same time as the discourse on population losses, the idea of separating the Kazakhstan famine from the all-Union one came to the centre of attention of historians, its separation, which led to the opposition of the famine in the autonomous republic to the famine in the RSFSR” (Kornilov: 2023: 109).

The issue of the demographic consequences of the famine of the early 1930s is also considered in modern research by E. Baranova, who notes the absence of a single, generally accepted assessment of the victims of this period and highlights a new aspect of the discussions – the reliability of Soviet population statistics (Baranova, 2014: 253–260).

European and American historiography on the famine in Kazakhstan is represented by the works of Sarah Cameron and Nicola Pianchiola, who not only examine the tragedy itself, but also analyze existing approaches in Western historiography. Sarah Cameron looks at how Western scholars interpret the famine. She criticises some of them for their simplistic perception of the situation, which often boils down to accusing the Soviet leadership of genocide against the Kazakh people. Cameron emphasises that such a view ignores the complex socio-economic factors that contributed to the famine and calls for a more in-depth analysis that considers both internal and external circumstances. She also notes the importance of using a variety of sources, including archival documents and oral testimonies, to avoid one-sided interpretations (Cameron, 2015).

Nicola Pianchiola, in his article published in the journal "Otan Tarihi" in 2015, also turns to Western historiography. He analyzes the works of American and European researchers and points out their tendency to focus on the political aspects of the famine, often ignoring the cultural and social contexts. Pianchiola emphasizes the need for a more balanced approach that would consider the diversity of opinions and assessments. He criticizes some studies for insufficient attention to local realities and for generalizations that can lead to a distortion of the historical truth (Pianchiola, 2015: 100–126).

Thus, the problem of studying the famine in Kazakhstan in the 1930s remains a relevant topic for scientific research both at the level of domestic and foreign historiography, requiring further analysis of sources and a deeper understanding of the historical context of this tragic event.

Results

The first major works were carried out by American historians Martha Brill Olcott and Robert Conquest in the 1980s. Their works were valuable analytical overviews of key aspects of the mass famine of the 1930s. However, the source base was extremely limited due to the lack of access to many Soviet archival funds. Martha Brill Olcott viewed the famine because of the authorities' miscalculations in understanding the peculiarities of the pastoral nomadic economy of the Kazakhs (Olcott, 1981). Robert Conquest included a chapter on the Kazakh famine in his book "The Harvest of Sorrow" (1986), dedicated to the famine in Ukraine. It was compiled based on Olcott's materials and contained a similar interpretation that the famine was a consequence of economic and political miscalculations and widespread cultural ignorance. His position coincided with theories of evolutionary development that suggest the inevitable disappearance of nomadic societies (Conquest, 1986).

However, this approach was later criticized. A new wave of researchers, formed in the late 1990s and early 2000s because of political changes and the related opening of access to a number of Soviet archival funds (NKVD, Communist Party organs), questioned the opinion that the Kazakh famine was, above all, a "natural" process, different from the more rigid collectivization policy carried out in other republics of the Soviet Union.

The greatest publication activity was demonstrated by Sarah Cameron, Niccolò Pianchiola, Robert Kindler, Isabel Ohayon, Matthew Payne, who used various sources: archival documents, published statistical collections, memoirs of famine victims and their descendants. Particular attention should be paid to Sarah Cameron's involvement of Kazakh-language sources in scientific circulation, in contrast to the earlier emphasis on Russian-language official documents.

An analysis of the works of these researchers revealed significant differences in their research methodologies. Isabelle Ohayon applied social history methods, examining the policy of sedentarism as a mechanism of social transformation. Niccolò Pianchiola focused on economic processes and ecological factors. He showed how the forced collectivization of nomadic households destroyed the traditional Kazakh economy, leading to ecological degradation and mass death of livestock. Pianchiola emphasized the economic interests of the Soviet state, which was more interested in the appropriation of resources than in the fate of nomads. Kindler focused on patterns of political violence. In "Stalin's Nomads", he pointed out the deliberate cruelty of collectivization policies, accompanied by the destruction of the social fabric of Kazakh society. The work of

Stephen Wheatcroft and R. Davis has contributed to clarifying the demographic consequences of the tragedy: they have suggested that the famine was a consequence of criminal negligence and economic policy, rather than genocide. An important part of their research was an attempt to reconstruct in detail the statistics of births, deaths and migration in Kazakhstan in the early 1930s, which has made it possible to challenge simplistic interpretations of the catastrophe.

Unlike Kazakh researchers, who focus on national tragedy and repression, Western authors often integrated the Kazakh famine into the context of Soviet-wide collectivization and forced modernization.

An analysis of Western historiography of the Kazakh famine of the 1930s reveals a wide range of themes and interpretations that reflect the political, social, and cultural complexity of the tragedy. In contrast to earlier approaches that focused on the structural failures of the Soviet leadership, a new wave of research emphasizes the violent and systemic nature of collectivization policies that destroyed the traditional way of life of Kazakhs and had large-scale humanitarian consequences.

Western scholars have focused on the political causes of the tragedy. Sarah Cameron argues that the Soviet Union's leadership was aware of the catastrophic situation in Kazakhstan. She writes: "Stalin and Filip Goloshchyokin, the First Secretary of the Kazakh Party, corresponded regularly throughout the famine, and Stalin was aware of the extent of the damage being done to the Kazakhs" (Cameron: 2015).

The economic aspect of the policy is covered in the works of Niccolò Pianchiola. He emphasizes that the regime's actions were motivated by the desire to make maximum use of the resources of the Kazakh steppe region – primarily livestock and grain – in the interests of industrialization. In his opinion, Moscow viewed the Kazakhs as "expendable material", not caring about the consequences of the destruction of the nomadic way of life (Pianchiola, 2021: 592). Pianchiola's analysis of archival materials and eyewitness accounts allowed him to conclude that the Soviet leadership carried out a deliberate policy of "freeing up space" for grain production, accompanied by the total confiscation of food and property, which led to mass starvation, the spread of disease and significant human losses among the Kazakh population (Pianchiola, 2004: 137–192).

The social and cultural aspects of the Kazakh famine are analyzed in detail in the studies of Cameron, Kindler, and Ohayon. Cameron focuses on the destruction of tribal ties and the disappearance of the nomadic way of life as the basis of Kazakh identity. In her opinion, the tragedy contributed to the formation of "a new Kazakh national identity that largely displaced the previous identification of Kazakhs with the pastoral nomadic system. After the famine, Kazakhs began to think of themselves as a national group, rather than a social group or a group oriented towards the pastoral nomadic system" (Cameron, 2020). She also points out that "through the most brutal means, the Kazakh famine contributed to the creation of Soviet Kazakhstan, a stable territory with clearly defined borders that became an integral part of the Soviet economic system. ... The cost of this state-building was horrific, both for the regime, which witnessed a sharp decline in agricultural productivity in the region in the years following the famine, and especially for Kazakh society itself, which bore a disproportionate burden of the dead in the aftermath of the disaster. Of the 1.5 million victims of the tragedy, some 1.3 million were Kazakhs. More than a third of all Kazakhs perished in the famine, and because of the disaster, Kazakhs became a minority in their own republic" (Cameron, 2015).

Robert Kindler views the tragedy as an example of violence perpetrated by the state (Kindler, 2017). He analyzes the behavior of the starving population, pointing to the erosion of social solidarity: under the constant threat of death, kinship and community ties weakened. He also interprets the mass migration of Kazakhs as a survival strategy, not a spontaneous flight. He writes: "Solidarity and social cohesion, weakening under the constant pressure, eventually gave way ... the famine 'broke the moral guidelines' of traditional society, leaving deep psychological trauma" (Kindler, 2012: 232).

The topic of demographic and ethnocultural consequences of the tragedy occupies a special place in the research. Cameron, Pianchiola and Wheatcroft cite data on the death of more than 1.3 million Kazakhs, which is a third of the entire nation.

The diversity of interpretations is also evident in the assessments of the nature of the famine. Payne qualifies it as genocide (Payne, 2019), Cameron, Pianchiola and Kindler emphasize that the mass deaths were a consequence of the repressive policy, but not its main goal. At the same time, they recognize that the actions of the Soviet leadership fall under the definitions of international humanitarian law in terms of the partial destruction of an ethnic group. R. Kindler noted that, although the Stalinist leadership did not set the direct goal of destroying certain "Soviet" nations, it consciously allowed the implementation of collectivization and dispossession, which entailed the death of millions of citizens. In his opinion, for Stalin and his entourage, human life was of no value: the priority was the achievement of economic goals, strengthening personal power and the complete subordination of society to the political regime.

The nature causes and consequences of the Kazakh famine of the 1930s is a key topic of debate in Western historiography. Researchers interpret the degree of guilt of the Soviet regime, the goals of its policy and the possible qualification of the tragedy as an act of genocide in different ways. These differences are associated not only with methodological approaches, but also with the choice of sources, scholarly traditions and emphases of research interest. Sarah Cameron and Robert Kindler, relying on archival documents and oral testimonies, argue that the Kazakh famine was not the result of a conscious intent to exterminate the people. At the same time, they emphasize that Stalin and his entourage knew about the humanitarian catastrophe, but did not take measures that could have stopped the tragedy. Cameron writes that the Kazakhs found themselves in conditions "leading to their partial physical destruction", which may meet several criteria of the UN Convention on Genocide. However, she also points out that there is no evidence of direct intent on the part of the USSR leadership to exterminate the Kazakhs as an ethnic group (Cameron, 2010). Kindler in his book "Stalin's Nomads" also rejects the thesis of a "genocidal program of mass murder", emphasizing that the goal of the authorities was not the physical destruction of the people, but the implementation of plans for the modernization and subjugation of the population (Kindler, 2017). At the same time, he focuses on the deliberate disregard for human lives: for Stalin, the Kazakhs were a political instrument, and not self-valuable subjects (Vzglyad, 2022).

According to Pianchiola, the Soviet campaigns were driven by the economic interests of the state, not by ideological motives. He argues that the Soviet regime was interested in the resources of the Kazakhs, not their lives. He writes: "the Kazakhs were deliberately allowed to die out en masse because Stalin and his collaborators were more interested in what the herders had than in what they were or could become" (Pianchiola, 2021: 590).

Igor Caşu, in his comparative analysis of the victims of Stalin's repressions, notes that in the early period, the collectivization of the Kazakhs served both economic and political purposes, but later became a more "man-made" tragedy associated with state policy (Caşu, 2020: 606).

Stephen Wheatcroft and R. Davies, in their book *The Famine Years*, view the Kazakh famine as a "crime of manslaughter and fraud" (Davies, Wheatcroft, 2004). They highlight the incompetence, negligence and brutality of the system, but reject the genocidal interpretation. However, Wheatcroft in 2012 argued that although millions died in the tragedy, there is no evidence that it was planned along ethnic lines (Wheatcroft: 190).

Direct qualification of The Kazakh famine as an act of genocide has found clear expression in the work of Matthew Payne. He calls the tragedy "modernization through genocide", describing the deliberate destruction of a nomadic culture and the physical extermination of a significant part of an ethnic group (Payne, 2019).

Irena Vladimirskaia, one of the first foreign researchers who worked in the central and regional archives of the Republic of Kazakhstan, showed on an extensive source base the deadly price of the socialist reorganization of agriculture in Kazakhstan in the 1920s and 1930s. As I. Vladimirskaia notes, "Soviet policy in Kazakhstan led to the death of a huge number of people as a result of socialist transformations aimed at creating class homogeneity of the entire Soviet society and, above all, the peasantry" (Vladimirsky, 2021).

Another controversial aspect of the famine study is the chronological framework of the tragedy. Pianchiola begins his analysis from the end of the XIXth century when the mass migration of peasants to the steppe regions began to undermine the traditional nomadic way of life of Kazakh society. In his view, the origins of the catastrophe are rooted in imperial policy, and he dates the end of the tragedy to 1934. In contrast, Robert Kindler dates the beginning of the crisis from the end of the Civil War and the first Soviet campaigns of forced sedentarization. Like Isabel Ohayon, he extends the time frame of his analysis to 1945, focusing on the long-term consequences of the destruction of traditional society, including social disintegration and a protracted process of reconstruction. The authors note that in several regions of the republic, the Soviet government was forced to restore nomadic cattle breeding – a way of life that had previously been deliberately eradicated by the regime – to return livestock numbers to pre-war levels (Kindler, 2017: 338; Ohayon, 2009: 355).

These differences in chronological approaches point to more fundamental questions about the nature of the Kazakh catastrophe. How important was the imperial legacy in its formation? Would the famine of the 1930s have been possible without the previous development of the steppes? How did the tragedy transform the politics of the center? These questions provide insights not only into the famine itself, but also into the transition from imperial to Soviet governance, as well as the specifics of Stalinist modernization and violence.

Differences in the interpretation of the 1930s famine and the implementation of memory politics in Ukraine and Kazakhstan are presented in the work of James Richter. He names the following distinctive features of Kazakhstan: the death of more than 1.5 million people, but the absence of official recognition of the famine as genocide; an emphasis on unity, stability, depoliticization of the past; weak memorialization until the 2010s, then a gradual strengthening; maintaining the regime of abnegation (refusal to politicize memory) (James Richter, 2020).

Conclusion

Western historiography of the Kazakh famine thus combines interdisciplinary approaches and diverse sources to provide a deeper understanding of the complex and multifaceted nature of the tragedy. Rather than providing simplistic explanations, it reveals the systemic nature of violence, demonstrating the connection between centralized modernization policies and the destruction of traditional Kazakh society.

Western historiography has focused on both the political mechanisms that created the crisis and its social and cultural consequences. Through a wide range of sources and an interdisciplinary approach, these studies have enriched the understanding of the tragedy of the Kazakh famine and challenged previous interpretations, viewing the disaster as an act of structural violence that had a defining impact on the fate of the Kazakh people and their identity.

A critical analysis shows the lack of a unified approach in Western historiography to interpreting the Kazakh famine. Researchers agree in assessing the disaster as an act of violence, but disagree in explaining its nature, motivation and consequences. This highlights the complexity of the topic and the need for further interdisciplinary analysis that considers the political, economic, ethnocultural and humanitarian aspects of the tragedy.

Western studies of the Kazakh famine of the 1930s have had a significant impact on both international and national views of the tragedy. By drawing on previously closed archival data, oral histories, and independent sources, Western historians have been able to show that the Kazakh famine was not simply the result of administrative miscalculations, but the consequence of systemic, often repressive, government policies.

The work of scholars such as Sarah Cameron, Niccolò Pianchiola, and Robert Kindler has highlighted the violent nature of the socio-economic transformation, the destruction of traditional ways of life, and the grave demographic consequences for the Kazakh people. These studies have allowed the tragedy to be reconsidered as part of a violent transition from a nomadic society to a socialist model imposed from outside.

The influence of Western historiography was also evident in the formation of a new scientific and public view of the famine as an act of systemic violence. This had a significant impact on the historical memory of the Kazakh people, intensifying discussions about national identity, historical justice and the need to revise the previous Soviet version of history. In modern Kazakh society, the desire for a deeper and more truthful understanding of the past has increased, which contributes to the formation of a mature historical memory.

Despite significant progress, important areas for further research remain. These include a more precise study of the demographic consequences of the famine using new statistical methods, research into the perception and memory of the famine in Kazakh culture and literature, and a comparative analysis of the famine in Kazakhstan with other Soviet republics.

Of particular importance is the development of dialogue between various historical traditions – Western, Kazakh and post-Soviet in general. Such dialogue can contribute not only to scientific progress, but also to a more balanced public perception of the complex past. Only through the recognition of the diversity of views and openness to new interpretations is it possible to further deepen the understanding of one of the most tragic pages in the history of Kazakhstan.

References

- Akkuly, 2014 — *Akkuly S.* Golod 1932–1933 gg. istrebil kazakhov na 70 %, sokrativ s 7,2 millionov do 2! [The Famine of 1932–1933 Exterminated 70 % of Kazakhs, Reducing Them from 7.2 Million to 2!] Golod 1930-kh godov v Ukraine i Kazakhstane. Voprosy istoriografii i podkhody k issledovaniu problemy. K 80-letiiu tragedii. Astana, 2014. Pp. 144–145. (In Russ.).
- Baranov, 2014 — *Baranov E.Iu.* Demograficheskie posledstviia goloda nachala 1930-kh godov v SSSR (istoriograficheskii aspekt) [Demographic Consequences of the Early 1930s Famine in the USSR (Historiographic Aspect)]. Institut razvitiia demograficheskoi sistemy obshchestva. V Uralskii demograficheskii forum. Ekaterinburg. Institut ekonomiki UrO RAN, 2014. P. 253–260. (In Russ.).
- Cameron, 2010 — *Cameron S.* Golodnye stepi. Sovetskii Kazakhstan i kazakhskii golod, 1921–1934 gg. [The Hungry Steppe. Soviet Kazakhstan and the Kazakh Famine, 1921–1934]. Transl. from Eng. A. Tereshchenko. Yale University, 2010. 490 p. (In Russ.).
- Cameron, 2015 — *Cameron S.* Golod v Kazakhstane v 1930–33-e gg. Sovremennye issledovaniia i novye napravleniia v izuchenii voprosa [The Famine in Kazakhstan in the 1930–33: Modern Studies and New Directions], 2015. // URL: <https://www.caa-network.org/archives/6126>. (In Russ.).
- Cameron, 2020 — *Cameron S.* Rasplata so stalinskim prestupleniem [The Reckoning with Stalin's Crime]. Journal of Genocide Research, 2020. Pp. 611–619. // DOI: <https://doi.org/10.1080/14623528.2020.1807160>. (In Russ.).
- Caşu, 2020 — *Caşu I.* The Benefits of Comparison: Famine in Kazakhstan in the Early 1930s in Soviet Context // Journal of Genocide Research, 2020. Pp. 606–610. // DOI: 10.1080/14623528.2020.1807159
- Conquest, 1986 — *Conquest R.* The Harvest of Sorrow. Soviet Collectivization and the Terror-Famine. New York, 1986. Pp. 189–198.
- Davies, Wheatcroft, 2004 — *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Industrialisation of Soviet Russia Volume 5: The Years of Hunger. Soviet Agriculture 1931–1933. Palgrave Macmillan, 2004. 624 p. // DOI: 10.1057/9780230273979.
- Golod v SSSR, 2011–2013 — *Golod v SSSR. 1929–1934.* V 3 t. Otv. red. V.V. Kondrashin. T. 1: 1929 – iul' 1932. V 2 kn. M. 2011. Vol. 2: July 1932 – July 1933. Moscow 2012. Vol. 3: Summer 1933–1934. Moscow, 2013. (In Russ.).
- Kindler, 2012 — *Kindler R.* Vyzhivanie kak sotsial'nyi konflikt – naselenie Kazakhstana vo vremia goloda 1932–1933 godov [Survival as Social Conflict – the Population of Kazakhstan During the Famine of 1932–1933]. Great Famine in Kazakhstan. Astana. Institute of State History, 2012. 400 p. (In Russ.).
- Kindler, 2017 — *Kindler R.* Stalinskie kochevniki. Vlast' i golod v Kazakhstane [Stalin's Nomads. Power and Famine in Kazakhstan]. Perv. s nem. L.Iu. Pantinoi. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia, 2017. 382 p. (In Russ.).
- Kondrashin, 2022 — *Kondrashin V.V.* Sovremennaiia istoriografiia goloda nachala 1930-kh gg. v Rossii i Kazakhstane. [Modern Historiography of the Famine of the Early 1930s in Russia and Kazakhstan. Literature Review]. Obzor literatury, 2022. <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-istoriografiya-goloda-nachala-1930-h-gg-v-rossii-i-kazahstane-obzor-literatury>. (In Russ.).
- Kornilov, 2023 — *Kornilov G.E.* Golod v Kazakskoi ASSR v 1930-e gody. Istoriograficheskii dreif [Famine in the Kazakh ASSR in the 1930s. Historiographical Drift]. Noveishaia istoriia Rossii, 2023. No. 1. Pp. 99–121. // DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.107>. (In Russ.).
- Ogaion, 2009 — *Ogaion I.* Sedentarizatsiia kazakhov SSSR pri Staline. Kollektivizatsiia i sotsial'nye izmeneniia (1928–1945 gg.) [The Sedentarization of Kazakhs in the USSR under Stalin. Collectivization and Social Changes (1928–1945)]. Alma-Ata: Sanat, 2009. 368 p. (In Russ.).

- Olkott, 1981 — *Olkott M.B.* Kollektivizatsiia v Kazakhstane [Collectivization in Kazakhstan]. Rossiiskii obzor, 1981. No. 2. Pp. 122–142. (In Russ.).
- Payne, 2019 — *Payne Matthew J.* Soviet Steppe: Modernization and Genocide in Kazakhstan, 1890 to 1941. University of Pittsburgh Press, 2001. (In Russ.).
- Pianchiola, 2004 — *Pianchiola N.* Famine in the steppe. The collectivization of agriculture and the Kazak herdsman 1928–1934 // *Strategies impériales*, 2004. Pp. 137–192.
- Pianchiola, 2015 — *Pianchiola N.* Evropeiskaia i amerikanskaia istoriografiia o velikom golode v Kazakhstane [European and American Historiography on the Great Famine in Kazakhstan]. Otan tarikhy, 2015. No. 2(70). Pp. 100–126. (In Russ.).
- Pianchiola, 2021 — *Pianchiola N.* Environment, Empire, and the Great Famine in Stalin's Kazakhstan // *Journal of Genocide Research*, 2021. Pp. 588–592. // DOI: 10.1080/14623528.2020.1807140
- Richter, 2020 — *Richter J.* Famine, Memory, and Politics in the Post-Soviet Space: Contrasting Echoes of Collectivization in Ukraine and Kazakhstan // *Nationalities Papers*. Vol. 48. Special, 2020. Pp. 476–491.
- Saktaganova, et al., 2023 — *Saktaganova Z.G., Sakabay T.K., Bodeev K.T.* K problemam istorii goloda v Kazakhstane v zapadnoi istoriografii (1931–1933 gg.) [On the Issues of the History of Famine in Kazakhstan in Western Historiography (1931–1933)]. Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya "Istoriia. Filosofii". No. 4(112). 2023. Pp. 99–110.
- Vladimirsky, 2021 — *Vladimirsky I.* The Deadly Price of the Socialist Construction in a Peasant Country: The Case of Kazakhstan // *Journal of Genocide Research*, 2021. Pp. 598–602. // DOI: 10.1080/14623528.2020.1807157
- Vzgliad, 2022 — *Vzgliad nemetskogo istorika na golod v Kazakhstane* [A German Historian's View on the Famine in Kazakhstan]. Azattyq Ryhy, 2022. URL: <https://rus.azattyq.a/kindler-interview-hunger-kazakhstan/25372161.html>. (In Russ.).
- Wheatcroft, 2012 — *Wheatcroft S.G.* The Famine in Kazakhstan and Ukraine. In *Great Famine in Kazakhstan: Tragedy of the Nation and the Lessons of History*. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, May 31 – June 1, 2012. Astana: Institute of State History, 2012. Pp. 178–190.

Литература

- Аккулы, 2014 — *Аккулы С.* Голод 1932–1933 гг. истребил казахов на 70 %, сократив с 7,2 миллионов до 2! // Голод 1930-х годов в Украине и Казахстане: вопросы историографии и подходы к исследованию проблемы (к 80-летию трагедии). Астана, 2014. С. 144–145.
- Баранов, 2014 — *Баранов Е.Ю.* Демографические последствия голода начала 1930-х годов в СССР (историографический аспект) // Институты развития демографической системы общества: V Уральский демографический форум: сборник материалов. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. С. 253–260.
- Взгляд немецкого историка, 2022 — *Взгляд немецкого историка на голод в Казахстане* 05.05.2014. <https://rus.azattyq.org/a/kindler-interview-hunger-kazakhstan/25372161.html>
- Голод в СССР, 2011–2013 — *Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т.* / Отв. ред. В.В. Кондрашин. Т.1: 1929 – июль 1932: в 2 кн. М., 2011; Т.2: Июль 1932 – июль 1933. М., 2012; Т.3: Лето 1933–1934. М., 2013.
- Камерон, 2010 — *Камерон С.* Голодные степи: советский Казахстан и казахский голод, 1921–1934 гг. / Пер. с англ. А. Терещенко. Университет Йель, 2010. 490 с.
- Камерон, 2015 — *Камерон С.* Голод в Казахстане в 1930–33-е гг.: современные исследования и новые направления в изучении вопроса, 2015. // URL: <https://www.caa-network.org/archives/6126>
- Камерон, 2020 — *Камерон С.* Расплата со сталинским преступлением // *Journal of Genocide Research*, 2020. С. 611–619. // DOI: <https://doi.org/10.1080/14623528.2020.1807160>
- Киндлер, 2012 — *Киндлер Р.* Выживание как социальный конфликт – население Казахстана во время голода 1932–1933 годов // *Great Famine in Kazakhstan...* Astana: Institute of State History, 2012. 400 p.
- Киндлер, 2017 — *Киндлер Р.* Сталинические кочевники: Власть и голод в Казахстане / Пер. с нем. Л.Ю. Пантинной. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 382 с.
- Кондрашин, б.г. — *Кондрашин В.В.* Современная историография голода начала 1930-х гг. в России и Казахстане: обзор литературы. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-istoriografiya-goloda-nachala-1930-h-gg-v-rossii-i-kazakhstan-obzor-literatury>
- Корнилов, 2023 — *Корнилов Г.Е.* Голод в Казахской АССР в 1930-е годы: историографический дрейф // *Новейшая история России*. 2023. Т. 13, № 1. С. 99–121. // DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.107>
- Огайон, 2009 — *Огайон И.* Седентаризация казахов СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928–1945 гг.). Алма-Ата: Санат, 2009. 368 с.
- Олкотт, 1981 — *Олкотт М.Б.* Коллективизация в Казахстане // *Российский обзор*. 1981. № 2. С. 122–142.
- Пьянчиола, 2015 — *Пьянчиола Н.* Европейская и американская историография о великом голоде в Казахстане // *Отан тарихы*. 2015. № 2 (70). С. 100–126.
- Сактаганова и др., 2023 — *Сактаганова З.Г., Сакабай Т.К., Бодеев К.Т.* К проблемам истории голода в Казахстане в западной историографии (1931–1933 гг.) // *Вестник Карагандинского университета*. Серия «История. Философия», 2023. С. 99–110.

- Caşu, 2020 — *Caşu I.* The Benefits of Comparison: Famine in Kazakhstan in the Early 1930s in Soviet Context // Journal of Genocide Research, 2020. Pp. 606–610. // DOI: 10.1080/14623528.2020.1807159
- Conquest, 1986 — *Conquest R.* The Harvest of Sorrow. Soviet Collectivization and the Terror-Famine. New York, 1986. Pp. 189–198.
- Davies, Wheatcroft, 2004 — Davies R.W., Wheatcroft S.G. The Industrialisation of Soviet Russia Volume 5: The Years of Hunger. Soviet Agriculture 1931–1933. Palgrave Macmillan, 2004. 624 p. // DOI: 10.1057/9780230273979.
- Payne, 2019 — *Payne Matthew J.* Soviet Steppe: Modernization and Genocide in Kazakhstan, 1890 to 1941. University of Pittsburgh Press, 2001.
- Pianchiola, 2004 — *Pianchiola N.* Famine in the steppe. The collectivization of agriculture and the Kazak herdsmen 1928–1934 // *Stratégies impériales*, 2004. Pp. 137–192.
- Pianchiola, 2021 — *Pianchiola N.* Environment, Empire, and the Great Famine in Stalin’s Kazakhstan // Journal of Genocide Research, 2021. Pp. 588–592. // DOI: 10.1080/14623528.2020.1807140
- Richter, 2020 — Richter James. Famine, Memory, and Politics in the Post-Soviet Space: Contrasting Echoes of Collectivization in Ukraine and Kazakhstan // *Nationalities Papers*. Vol. 48. Special, 2020. Pp. 476–491.
- Vladimirsky, 2021 — *Vladimirsky I.* The Deadly Price of the Socialist Construction in a Peasant Country: The Case of Kazakhstan // Journal of Genocide Research, 2021. Pp. 598–602. // DOI: 10.1080/14623528.2020.1807157
- Wheatcroft, 2012 — *Wheatcroft S.G.* The Famine in Kazakhstan and Ukraine. In Great Famine in Kazakhstan: Tragedy of the Nation and the Lessons of History. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, May 31 – June 1, 2012. Astana: Institute of State History, 2012. Pp. 178–190.

ТАРИХНАМА ЖӘНЕ ДЕРЕКТАНУ / ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ /
HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

Published in the Republic of Kazakhstan

Asian Journal “Steppe Panorama”

Has been issued as a journal since 2014

ISSN 2710-3994.

Vol. 12. Is. 4, pp. 946-959, 2025

Journal homepage: <https://ajspiie.com>

FTAXP / МПНТИ / IRSTI 03.20

https://doi.org/10.51943/2710-3994_2025_12_4_946-959

REPRESENTATIVES OF KAZAKH TRIBES IN THE EPIC “MANAS”

Sabitov Zhaxylyk¹, Karatayev Adilbek², Tolegenuly Bekbolat³

¹Scientific Institute for the Study of the Ulus of Jochi

(15B, Alexander Pushkin Str., 010000 Astana, Republic of Kazakhstan)

PhD, Director

 <https://orcid.org/0000-0001-7186-156X>. E-mail: zh.sabitov@gmail.com

²Scientific Institute for the Study of the Ulus of Jochi

(15B, Alexander Pushkin Str., 010000 Astana, Republic of Kazakhstan)

M.Sc., Junior Researcher

 <https://orcid.org/0009-0000-6264-642X>. E-mail: adilbek.karatayev.93@gmail.com

³Scientific Institute for the Study of the Ulus of Jochi

(15B, Alexander Pushkin Str., 010000 Astana, Republic of Kazakhstan)

Junior Researcher

E-mail: ediz87@mail.ru

© Ch.Ch. Valikhanov IHE, 2025

© Sabitov Zh., Karatayev A., Tolegenuly B., 2025

Abstract. Introduction. This article explores the Kyrgyz heroic epic Manas as a valuable historical and folkloric source reflecting the political, ethno-cultural, and religious processes that took place in Central Asia during the 13th–15th centuries. *The main objective* of the study is to identify historical elements within the epic, compare them with written sources – primarily Majmu‘ at-Tavarikh by Ahsikendi and Kazakh genealogical chronicles (shezhire) – and determine the real-life prototypes of epic characters. For the first time, a systematic attempt has been made to identify the heroes of the Manas epic with the ancestors of Kazakh tribes. *Materials and Methods.* The methodology of the study is based on an interdisciplinary approach, including comparative-historical, source-critical, and narrative analysis. Of particular interest is the comparison of plotlines and character names with genealogical data and materials from chronicles, which allows for the reconstruction of the political and ethno-confessional context of the era. The analysis leads to the hypothesis that the central character of the epic – Manas – is a reflection of a real historical figure who lived in the late 14th century and participated in Tokhtamysh’s coalition against Tamerlane. The authors carry out a detailed identification of epic figures – Karakhodja (Argyn), Yer Kokshe (Uak), Kydyrkhodja and Aday (Alshin), Karashi (Uysun) – with known ancestors of Kazakh clans recorded in the shezhire. New arguments are presented supporting the historicity of these characters, outlining their kinship ties, political roles, and spiritual affiliations. It is shown that a significant portion of the Kazakh tribal elite during this period was connected with Sufi orders such as Ishkiya and Naqshbandiyya. Special attention is paid to the spiritual mentor of Manas – Mir Sayyid Jalal ad-Din – who played a pivotal role in shaping the religious and political ideology of the time. *The research results* demonstrate that

the Manas epic can be used not only as a literary work but also as a historical source that clarifies the composition of political alliances, tribal kinship relations, settlement geography, and religious orientations of the era. The authors propose viewing epics and genealogical chronicles as important supplements to written sources, especially given the scarcity of documentary evidence on the history of nomadic societies. It is recommended that further research be pursued in this area by expanding the comparative-historical framework to include other epic and genealogical traditions, enabling a deeper understanding of the processes of ethnogenesis, political consolidation, and spiritual transformation in the history of the Kazakh people and their neighbors.

Keywords: Epic of Manas, Ulus of Jochi, Moghulistan, shezhire, Tokhtamysh Khan, Uak, Uysun, Argyn, Alshin

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the grant financing project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan “Study of the ethno-political and socio-economic history of the Ulus of Jochi in the 13th–15th centuries”. (Registration number BR 24992878).

For citation: Sabitov Zh., Karatayev A., Tolegenuly B. Representatives of kazakh tribes in the epic “Manas” // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Vol. 12. No. 4. Pp. 946–959. (In Russ.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_946-959

«МАНАС» ЖЫРЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ РУЛАРЫНЫҢ ӨКІЛДЕРІ

Сабитов Жақсылық¹, Қаратаев Әділбек², Төлегенұлы Бекболат³

¹Жошы ұлысын зерделеу ғылыми институты
(15Б-үй, Александр Пушкин көш., 010000 Астана, Қазақстан Республикасы)
PhD, директор
 <https://orcid.org/0000-0001-7186-156X>. E-mail: zh.sabitov@gmail.com

²Жошы ұлысын зерделеу ғылыми институты
(15Б-үй, Александр Пушкин көш., 010000 Астана, Қазақстан Республикасы)
Магистр, кіші ғылыми қызметкер
 <https://orcid.org/0009-0000-6264-642X>. E-mail: adilbek.karatayev.93@gmail.com

³Жошы ұлысын зерделеу ғылыми институты
(15Б-үй, Александр Пушкин көш., 010000 Астана, Қазақстан Республикасы)
Кіші ғылыми қызметкер
E-mail: ediz87@mail.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2025

© Сабитов Ж., Қаратаев Ә., Төлегенұлы Б., 2025

Аңдатпа. *Kіріспе.* Мақалада қырғыздың қаһармандық жыры – «Манас» эпосы тарихи-фольклорлық дереккөз ретінде қарастырылады. Эпос XIII–XV ғасырлардағы Орталық Азияда орын алған саяси, этномәдени және діни үдерістерді бейнелейтін құнды мұра ретінде зерттеледі. *Зерттеудің басты мақсаты* – эпостағы тарихи элементтерді анықтап, оларды жазба деректермен, ең алдымен Сайф ад-Дин Ахсикендидің «Мажму ат-тауарих» шығармасымен және қазақ шежірелерімен салыстыра отырып, эпикалық кейіпкерлердің тарихи тұлғалармен байланысын көрсету. Алғаш рет жүйелі түрде «Манас» жыры кейіпкерлерін қазақ руларының арғы бабаларымен сәйкестендіру әрекеті жасалды. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеу әдіснамасы салыстырмалы-тарихи, деректану және баяндау (нарративтік) талдау тәсілдерін біріктіретін пәнаралық көзқарасқа негізделген. Эпостағы оқиғалар желісі мен кейіпкерлердің есімдерін шежірелік мәліметтермен, жылнамалармен салыстыру арқылы сол дәуірдің саяси және этноконфессиялық контекстін қайта қалпына келтіруге мүмкіндік туады. Зерттеу барысында Манас бейнесі – XIV ғасырдың

соңында өмір сүріп, Тоқтамыстың Өмір Темірге қарсы коалициясына қатысқан тарихи тұлғаның көрінісі деген жорамал ұсынылады. Авторлар эпикалық кейіпкерлер – Қарақожа (Арғын), Ер Көкше (Уақ), Қыдырқожа мен Адай (Алшын), Қарашы (Үйсін) – мен қазақ руларының шежірелерінде кездесетін тарихи тұлғалар арасындағы сәйкестіктерді егжей-тегжейлі талдап көрсетеді. Бұл кейіпкерлердің тарихи екендігін дәлелдейтін жаңа дәйектер келтіріліп, олардың туыстық байланыстары, саяси қызметі және рухани бағдарлары сипатталады. Қазақ рулары элитасының бір бөлігі сол кезеңде Ишкия мен Нақшбандия сияқты сопылық тариқаттармен тығыз байланыста болғаны анықталады. Манастың рухани ұстазы ретінде суреттелетін Мир Сайид Жалаладдин шейхтің діни-саяси идеологияны қалыптастырудағы маңызды рөліне ерекше назар аударылған. *Зерттеу нәтижелері* «Манас» эпосын тек көркем туынды ретінде ғана емес, сонымен қатар тарихи дереккөз ретінде де пайдалануға болатынын көрсетеді. Бұл эпос арқылы сол кезеңдегі саяси одақтардың құрамын, рулар арасындағы туыстық байланыстарды, қоныстану географиясын және діни бағдарларды нақтылауға болады. Құжаттық негіздің тапшылығы жағдайында эпос пен шежірелерді жазба деректерді толықтыратын маңызды құрал ретінде қарастыру ұсынылады. Болашақта басқа эпикалық және шежірелік дәстүрлермен салыстырмалы-тарихи негізді кеңейту арқылы қазақ халқы мен көршілес халықтардың этногенезі, саяси бірігуі мен рухани жаңғыруы үдерістерін тереңірек зерттеу қажет.

Түйін сөздер: «Манас» эпосы, Жошы Ұлысы, Моғолстан, шежіре, Тоқтамыс хан, Уақ, Үйсін, Арғын, Алшын

Алғыс. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің «XIII–XV ғасырлардағы Жошы ұлысының этносаяси және әлеуметтік-экономикалық тарихын зерттеу» тақырыбындағы гранттық қаржыландыру жобасын жүзеге асыру аясында орындалды (жеке тіркеу нөмірі: BR 24992878).

Дәйексөз үшін: Сабитов Ж., Каратаев Ә., Төлегенұлы Б. «Манас» жырындағы қазақ руларының өкілдері // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. 946–959 бб. (Орысш.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_946-959

ПРЕДСТАВИТЕЛИ КАЗАХСКИХ ПЛЕМЕН В ЭПОСЕ «МАНАС»

Сабитов Жаксылык¹, Каратаев Адильбек², Толегенулы Бекболат³

¹Научный институт изучения Улуса Джучи
(д. 15Б, ул. Александра Пушкина, Астана, Казахстан)
PhD, директор

 <https://orcid.org/0000-0001-7186-156X>. E-mail: zh.sabitov@gmail.com

²Научный институт изучения Улуса Джучи
(д. 15Б, ул. Александра Пушкина, Астана, Казахстан)
Магистр, младший научный сотрудник

 <https://orcid.org/0009-0000-6264-642X>. E-mail: adilbek.karatayev.93@gmail.com

³Научный институт изучения Улуса Джучи
(д. 15Б, ул. Александра Пушкина, Астана, Казахстан)
Младший научный сотрудник
E-mail: ediz87@mail.ru

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2025

© Сабитов Ж., Каратаев А., Толегенулы Б., 2025

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию кыргызского героического эпоса «Манас» как ценного историко-фольклорного источника, отражающего политические, этнокультурные и религиозные процессы, происходившие в Центральной Азии

в XIII–XV веках. *Цель исследования.* Основной целью исследования является выявление исторических элементов в эпосе, их сопоставление с письменными источниками – в первую очередь, с трудом «Маджму ат-таварих» Сайф ад-Дина Ахсикенди и казахскими шежирами – и установление реальных прообразов эпических персонажей. Впервые на системной основе предпринята попытка идентификации героев эпоса «Манас» с прародителями казахских племён. *Материалы и методы.* Методология работы опирается на междисциплинарный подход, включающий сравнительно-исторический, источниковедческий и нарративный анализ. Особый интерес представляет сопоставление сюжетных линий и имен персонажей с генеалогическими данными и материалами из летописей, что позволяет реконструировать политический и этноконфессиональный контекст эпохи. В ходе анализа формулируется гипотеза о том, что центральный герой эпоса – Манас – является отголоском реальной исторической фигуры, жившей в конце XIV века и принимавшей участие в коалиции Тохтамыш против Тамерлана. Авторами проведена детальная работа по идентификации эпических персонажей – Караходжи (Аргын), Ер Кокше (Уак), Кыдырходжи и Адая (Алшын), Караши (Уйсун), – с известными из шежира прародителями казахских родов. Приводятся новые аргументы в пользу историчности этих образов, указываются их родственные связи, политическая деятельность и духовные ориентиры. Показано, что значительная часть элиты казахских родов в этот период была связана с суфийскими тарикатами, такими как Ишкия и Накшбандийя. Особое внимание уделено духовному наставнику Манаса – шейху Мир Сайид Джалалиддину, сыгравшему важную роль в формировании религиозно-политической идеологии. *Результаты исследования* показывают, что эпос «Манас» может быть использован не только как художественное произведение, но и как исторический источник, позволяющий уточнить состав политических союзов, родственные связи между племенами, географию расселения и религиозные ориентиры эпохи. Предлагается рассматривать эпосы и шежиры как важные дополнения к письменным источникам в условиях дефицита документальной базы по истории кочевых обществ. Авторы рекомендуют продолжить исследования в данном направлении, расширяя сравнительно-историческую базу за счёт других эпических и родословных традиций, что позволит глубже понять процессы этногенеза, политической консолидации и духовной трансформации в истории казахского народа и его соседей.

Ключевые слова: Эпос «Манас», Улус Джучи, Могулистан, шежиры, Тохтамыш-хан, Уак, Уйсун, Аргын, Алшин

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Изучение этнополитической и социально-экономической истории Улуса Джучи в XIII–XV веках.» (регистрационный номер: BR 24992878).

Для цитирования: Сабитов Ж., Каратаев А., Толегенулы Б. Представители казахских племен в эпосе «Манас» // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. С. 946–959. (На Русск.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_946-959

Введение

Героический эпос «Манас» является великим наследием кыргызского народа и содержит в себе огромный потенциал для изучения. «Образ жизни, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения их нашли себе выражение в этой огромной эпопее», – писал Ч. Валиханов (Жирмунский, 1974: 25), являющийся первым исследователем данного произведения. К его словам можно также добавить и то, что в данной эпопее были выражены и исторические познания кыргызского народа.

Героические эпосы, в число которых входит и «Манас», основывались на исторических событиях, происходивших с реальными историческими личностями, и информация, содержащаяся в эпосах, дополняет информацию из письменных источников, таким образом открывая те белые пятна истории, которые ранее не были известны. К примеру, изучение богатырских эпосов из цикла «Сорок батыров Крыма» и их сравнение с историческими источниками помогло открыть ряд неизвестных фактов из биографии беклярбека Едыге,

а также о Караходже – предке аргынов, Кобланды – предке кыпчаков, Ер Кокше – предке уаков (Сабитов, 2019: 110). Вследствие этого, мы предполагаем, что исследование эпоса «Манас» имеет большие перспективы по открытию неизвестных страниц казахской истории.

Актуальность исследования определяется необходимостью привлечения новых видов исторических источников для реконструкции этнополитической истории казахских племён в XIV–XV веках. Письменных сведений о родоплеменных предводителях этого периода крайне недостаточно, поэтому обращение к эпическим и генеалогическим материалам приобретает особую научную значимость. Научная новизна работы заключается в том, что впервые предпринимается попытка системной идентификации героев эпоса «Манас» с конкретными прародителями казахских родов. Ранее исследователи отмечали наличие общих родоплеменных названий у кыргызов и казахов (например, Молдобаев, 1995), однако детальная корреляция эпических персонажей с историческими личностями из шежире до настоящего времени не проводилась. Таким образом, данное исследование заполняет существенный пробел и вводит в научный оборот новые данные, способствующие реконструкции этнополитической истории казахских племён позднего средневековья.

Материалы и методы

Материалами для исследований послужили кыргызский героический эпос «Манас» варианта Сагымбая Орозбакова, опубликованного в девяти томах, из которых мы использовали первые пять томов (Манас 1995, 1997, 2006). Также был использован «Маджму ат-таварих» Сайф ад-Дина Ахсикенди (Акерев, 2017) и казахские генеалогические предагния – шежире. Выбор указанных источников обусловлен их непосредственной связью с предметом исследования. Эпос «Манас» служит основным фольклорным материалом, в котором отразились исторические персонажи и события, важные для средневековой истории Центральной Азии. Летописный труд «Маджму ат-таварих» предоставляет письменное подтверждение ряда эпических сведений, а казахские шежире содержат генеалогические данные о прародителях племён, позволяющие соотнести их с героями эпоса.

В исследовании были применены сравнительно-исторический метод в сопоставлении данных из фольклорных источниках, таких как эпосы «Манас», «Едыге», казахских шежире, а также данных из письменных источников, таких как «Маджму ат-таварих» Ахсикенди и «Дафтар-и Чингиз-наме». Также был использован нарративный метод для систематизации полученных фактов, выстраивания причинно-следственных связей и описания выводов. Кроме того, применялся источниковедческий подход, предполагавший критическую оценку надежности устных сведений эпоса путем их сопоставления с данными письменных хроник. Идентификация эпических персонажей с конкретными историческими лицами осуществлялась посредством сравнительного анализа имён, родственных связей и описанных в эпосе событий, соотнесённых с генеалогическими записями (шежире) и сведениями летописей. Такой междисциплинарный подход позволил максимально обоснованно соотнести богатырей эпоса с прародителями казахских родов.

Обсуждение

Данное исследование является первым в части идентификации второстепенных персонажей эпоса «Манас», происходящих из родоплеменных объединений, вошедших в состав казахского этноса. В некоторой мере данная тема была затронута в монографии И.Б. Молдобаева «Манас» – историко-культурный памятник кыргызов» (Молдобаев, 1995), в которой отражено частое упоминание казахских родоплеменных объединений и их представителей в эпосе «Манас», однако детальный анализ по персонажам отсутствует.

В монографии приведены сведения о казахско-кыргызских этнических связях в части наличия одноименных родоплеменных объединений в составе обоих народов. Так, к примеру, упоминается о происхождении кыргызского племени Алакчин от казахского племени Алшин с опорой на фольклорные источники. Благодаря привлечению материалов и исследований по генеалогии кыргызов и казахов удалось обнаружить в составах некоторых из рассмотренных

племен (Дулат, Албан, Багыш, Алшин, Аргын) еще девятнадцать этнонимов, совпадающих между собой как по названию, так и по другим признакам.

Как упоминалось выше, в данной монографии И.Б. Молдобаева, а также других исследованиях эпоса «Манас» ранее не было проведено детального анализа по идентификации персонажей эпоса с реальными историческими лицами, известными из письменных и устных исторических источников. В следствие этого, можно утверждать о слабой изученности данной темы, и о том, что данное исследование является первым в этом направлении.

Фольклорные памятники, подобные эпосу «Манас», являются важным дополнением к письменным источникам при изучении истории кочевых обществ. В условиях дефицита документальных материалов они позволяют извлечь ценные сведения о межплеменных отношениях, происхождении родов и исторических событиях. Настоящее исследование опирается на эту концепцию и привлекает эпический материал для исторической реконструкции, что особенно актуально для казахской истории XIV–XV вв., насыщенной лакунами в официальной хронологии.

Следует подчеркнуть, что попытка соотнести персонажей киргизского эпоса с фигурами из казахской истории предпринимается впервые. Ранее внимание исследователей ограничивалось общими параллелями между эпическими и этническими названиями (Молдобаев, 1995), тогда как конкретная идентификация героев эпоса с прародителями казахских племён не проводилась. Между тем, успешное использование сравнительно-исторического анализа фольклора и хроник уже продемонстрировано в других работах – например, в исследовании эпоса «Едыге», где были раскрыты новые факты биографии исторических личностей (Сабитов, 2019: 110). Это свидетельствует о высокой эвристической ценности подобного подхода. В данном случае обращение к «Манасу» позволяет выявить неизвестные ранее детали этнополитических процессов и взаимоотношений казахских родов и соседних народов в конце XIV – начале XV века.

Результаты исследования

Согласно «Маджму ат таварих» Сайф ад-Дина Ахсикенди, Манас являлся исторической личностью, происходившей из киргизского племени Кыпчак, проживавшего в местности Каркара. Эту местность мы отождествляем с долиной реки Каркара и одноименным сельским округом в нынешнем Кегенском районе Алматинской области на границе с Кыргызской Республикой. Его отцом являлся Якуб-бек (в эпосе – Жакып бай). Манас был союзником и соратником Тохтамыш хана, сражался против его соперников в Улусе Джучи, в числе которых были Пулад оглан, и поддерживающие его мангыты, ширины, сарай, а также сражался против Тамерлана и эмиров Могулистана, охраняя юго-восточные границы улуса Джучи. Тохтамыш построил для него город под названием Манасия, который позже был передан под управление Караходже из племени Аргын. Также Манас был одним из участников антитамерлановской коалиции, в которую также входили Тохтамыш хан, Караходжа из племени Аргын, могульские Хызр-ходжа хан, эмир Камар ад-Дин, эмир Инга-торе, кыпчаки из местностей Каркара и Ульмес-Кулан (Сабитов, 2017: 581). Также стоит отметить, что согласно «Маджму ат-таварих» Манас являлся последователем суфийского шейха Сейид Мир Джалаладдина из тариката Ишкия, как и Тохтамыш хан, Караходжа и его отец Темирходжа, Инга-торе, Тамерлан, а также другие знатные лица из Улуса Джучи, Могулистана, государства Тимуридов (Акерев, 2017).

Учитывая подтверждение летописью «Маджму ат-таварих» данных из устного эпоса «Манас» о реально существовавших исторических личностях как Манас, Караходжа, можно сделать вывод о том, что другие персонажи данного эпоса являются не менее реальными историческими личностями, жившими в его эпоху. Некоторых из них мы можем идентифицировать с личностями из казахского шежира, являющимися прародителями отдельных казахских племен. Это существенно помогло бы в раскрытии белых пятен казахской истории, особенно в части деталей из биографии прародителей казахских племен, таких как эпоха, в которую они жили, и их участие в тех или иных исторических событиях. Учитывая, что Манас, как указано выше, был союзником и соратником Тохтамыш хана, можно

сделать вывод, что персонажи, упомянутые как соратники Манаса в эпосе, также являются подданными Тохтамыш хана и жили в эпоху его правления, а также участвовали с Манасом в его войнах с могулами и тимуридами.

В Таблице 1 мы указали имена персонажей эпоса «Манас» и их родоплеменную принадлежность. В списке указаны персонажи только из тех родоплеменных объединений, которые присутствуют в родоплеменном составе казахского народа.

Таблица 1 – Список персонажей – соратников Манаса с указанием родоплеменной принадлежности
[Table 1 – List of Manas's fellow characters with indication of tribal affiliation]

Родоплеменная принадлежность персонажа	Имя персонажа – соратника Манаса	Ссылка на эпос (том, страница)
Абак	Камбар	II, 97
Абак	Айдаркан, сын Камбара	I, 387
Абак	Ер Кокше, сын Айдаркана	II, 97
Албан	Алтай	IV, 275
Албан	Шаабек	IV, 27
Алчын	Бообек	I, 356
Алчын	Кожо	I, 365
Алчын	Каракесек	III, 23
Алчын	Атай	V, 356
Араб	Айкожо	II, 187
Аргын	Каракожо	I, 167
Аргын	Калдар мырза, сын Каракожи	I, 362
Аргын	Шайбек, сын Калдара	II, 133
Конырат	Байбак	I, 222
Кыпчак	Ошпур	I, 356
Кыпчак; Кыргыз	Элеман	I, 162; I, 167
Кыпчак	Тоштук, сын Элемана	II, 133
Кыпчак	Назарбек, сын Ошпура	I, 361
Кыпчак; Кыргыз	Таз шешен, сын Кыдырбая	I, 118; II, 273
Кыпчак, Кыргыз	Ер Урбу, сын Таза	II, 128; II, 273
Кыпчак; Кыргыз	Байжигит	I, 118
Найман	Жоро баатыр	I, 222
Найман	Кобен	III, 49
Найман	Коген	I, 356
Найман	Карабек	I, 300
Сары Уйсун	Сатай	V, 356
Тарак	Тана бий	III, 112
Уйсун	Умет	I, 313
Уйсун	Жайсан, сын Умета	I, 313
Уйсун	Карача	III, 107
Эштек; Казах; Татар	Жамгырчы	II, 133; II, 273; II, 287

Среди вышеуказанных персонажей из фольклорных и письменных источников нам известны:

1. Аргын Караходжа часто упоминается в эпосе как союзник Манаса (Манас I, 1995: 167). Он известен из письменных источников как ближайший приближенный Тохтамыш хана и его посол к Тамерлану (Сабитов, 2017: 582). От Караходжи ведут свое происхождение казахские аргыны. Также он являлся мюридом суфийского шейха Сейид Мир Джалал ад-Дина из тариката Ишкия. Согласно Кадыргали Жалаири, Караходжа был убит беклярбеком Едыге (Сабитов, 2017: 582). Согласно Ахсикенди Тохтамыш назначил Караходжу смотреть за границей Улуса Джучи с Могулистаном и поддерживать Манаса. Отдельно для него и Манаса был построен город Манасия. Есть фольклорные предания, что отец

Караходжи – Акжол (Темирходжа) был убит каракыпчаком Кобланды (Сабитов, 2016). Упоминание в эпосе Караходжи и его помощь Манасу подтверждается сведениями «Маджму ат-таварих».

Также стоит отметить, что Караходжа упоминается в кыргызских преданиях как правитель города Наманган, который помог Манасу разбить каракытаев в местности Кара-Кыштак близ нынешнего г. Алматы (Солтоноев, 1993).

2. Уйсуну Умет, Жайсан и Караша.

2.1. Уйсун Умет также является одним из часто упоминаемых персонажей эпоса «Манас» (Манас I, 1995: 313). Согласно «Дафтар-и Чингиз-наме» и эпосу «Амет, сын Айсы» его звали Амет из племени Уйсун (Мустакимов, 2009: 124). Согласно эпосу «Манас» его сына звали Жайсан (Манас I, 1995: 313). Предполагаем, что под Жайсаном подразумевается Айса, который, согласно вышеупомянутым источникам, является его отцом. Упоминание Амета в качестве союзника Манаса позволяет сделать вывод, что он был соратником Тохтамышша, как и другие батыры. В других преданиях Амет был убит Джанибек ханом из-за связи с его дочерью (Сабитов, 2016 а: 415). Возможно он не умер после этого, и дожил до эпохи Тохтамышша и Манаса. Согласно Ч. Валиханову «Амета и Самета убил Тамерлан во время известного похода на Улус Джучи» (Валиханов, 1985: 159). Это дает нам право предполагать, что Амет выжил, был подвластен Тохтамышшу и был убит в ходе похода Тамерлана на Улус Джучи.

2.2. Уйсун Караш из эпоса «Манас» (Манас III, 1995: 107), известен из шежире племени Уйсун как Караша бий, отец Байдибек бия – прародителя всех уйсунунов (Аргынбаев и др., 2000: 38). Он известен только из шежире, и не указан в других исторических источниках, что опять же показывает уникальность сведений эпоса «Манас». Видимо уйсун Караша бий был также вассалом Тохтамышша. Его сноха Нурила, жена Байдибека, так же известная в преданиях как Домалак ана – прародительница племен Албан, Дулат, Суан, указана в легенде как внучка Махдуми Азама – шейха тариката Накшбандийя (Бабалар сөзі. Т.85., 2006: 43). Это является косвенным подтверждением близости Караша и его сына Байдибека к суфийскому тарикату Накшбандийя.

2.3. Сары уйсунуны во главе с Сатаем указаны в эпосе «Манас» (Манас V, 2006: 356) отдельно от уйсунунов, также как и в шежире Старшего жуза.

3. Алчыны Каракесек, Атай, Кожо и Бообек.

3.1. Кожо (Манас I, 1995: 365) из племени Алчын можно отождествить с Кыдырходжой из племени Алшин, прародителем ветви Байулы. При рассмотрении шежире племени Алшин можно заметить, что от общего для всех алшинов предка – Кыдуара, происходят в разных вариантах шежире люди с именами Алходжа, Асанходжа, Кыдырходжа, Кадырходжа, Надырходжа, Садырходжа, Ерходжа, Байходжа, Атаходжа, Аманходжа (Усенбаев, 2003). От всех вышеупомянутых ходжей рождаются прародители ответвлений племени Алшин. Иногда они даже упоминаются как предки племен Жетыру, которые не являются алшинами, но входят в Младший жуз. Если большинство вышеуказанных имен появляются и исчезают в зависимости от варианта шежире, единственным среди них, который встречается во всех версиях шежире, а также в фольклоре, является Кыдырходжа (Кыдырбай). Поэтому с большой долей уверенности можем утверждать, что под Кожо алчыном из эпоса «Манас» подразумевается именно Кыдырходжа из племени Алшин – прародитель двенадцати родов Байулы.

Интересен сам факт того, что прародители родов племени Алшин имеют окончание –ходжа после своего имени, так же, как и прародители родов племени Аргын (Темирходжа, Караходжа, Айходжа, Дайырходжа, Болатходжа). Скорее всего это связано с причастностью основателей этих родов к суфийским тарикатам. Как известно, аргыны Темирходжа и Караходжа были мюридами шейха Мир Сайид Джалал ад-Дина из тариката Ишкия, базировавшегося в городе Касан в Ферганской долине (Сабитов, 2017: 579). Вполне возможно, что алшин Кыдырходжа, который был сватом Караходжи аргына согласно шежире, также являлся мюридом вышеупомянутого шейха и состоял в тарикате Ишкия.

Очень примечательны также имена сыновей Кыдырходжи и Караходжи. Сыновья Кыдырходжи: Султансиык (Султан-шейх), Бактысиык (Бахты-шейх), Кыдырсиык (Хыдыр-шейх). Сыновья Караходжи: Мейрамсопы (Мейрам суфий), Аксопы (Ак суфий), Карасопы (Кара суфий), Сарысопы (Сары суфий). Сын Мейрамсопы – Болатходжа. Все это указывает на то, что прародители казахских алшинов и аргынов являлись последователями суфийских шейхов.

Согласно шежире аргын Караходжа женил своего сына Мейрамсопы на Нурфае (Нурфаиде) – дочери алшина Кудысбая (Нұрмұратов и др., 2017: 10), которого можно идентифицировать либо с Кыдырходжой, который также известен как Кыдырбай, либо с его отцом Кыдуаром. В обоих случаях Кыдырходжа и Караходжа являются сватами, из чего следует, что Кыдырходжа жил в эпоху правления Тохтамыш хана. Мы можем утверждать, что соратник Манаса – батыр Кожо из племени Алчын является Кыдырходжой из племени Алшин. Из всего вышеперечисленного следует, что Кыдырходжа являлся подданным Тохтамыш хана и союзником Манас батыра, и жил во второй половине XIV века в восточной части Улуса Джучи.

Также следует упомянуть родственные связи алшина Кыдырходжи с вышеупомянутыми уйсун Аметом и каракыпчаком Кобланды.

Согласно шежире, уйсун Амет, сын Айсы, известный как уйсун Бораши в казахских шежире, был женат на дочери Кыдырбая из племени Алшин, который также известен как Кыдырходжа. Сын Амета – Кобысай воспитывался у Кыдырбая, поэтому его потомки известны как племя Байулы-Сиргели (Сабитов, 2016 а: 416). Таким образом алшин Кыдырходжа являлся сватом уйсуну Айсе (Иса, Айсул, Ойсыл), являющегося предком уйсунских племен Сиргели, Ысты, Шапырашты, Ошакты.

Согласно сведениям из айтыса Мурата Монкеулы из рода Бериш с акыном Жылкышы из рода Ысык, матерью Бериша являлась Айса, дочь Куба бия из Среднего жуза (Қорқытов, 1992: 64) (Сыдиқов, Керімов, 1991: 166). Куба бий известен из эпоса «Едыге» как кыпчак Куба жырау (Сабитов, 2016 б). Ж. Сабитов идентифицирует кыпчака Куба с Кобланды батыром из рода Кара-кыпчак (Сабитов, 2019: 110). Сам же Бериш согласно шежире является внуком Кыдырходжи, сыном Естая (Усенбаев, 2003).

Согласно другой версии матерью Бериша являлась младшая четвертая жена Кыдырходжи - Айжан-сулу либо Анай-сулу, дочь аргынского Куба-бия (Бабалар сөзі, 2012: 278).

3.2. Атай из племени Алчын из эпоса «Манас» (Манас V, 2006: 356), по нашему мнению, является Адаем – предком казахского рода Адай из племени Алшин ветви Байулы. Учитывая, что некоторые казахские родоплеменные названия произносятся на кыргызском иначе можем утверждать, что кыргызское имя Атай звучит как Адай на казахском. К примеру, у Алшинов ветви Алимұлы есть предок по имени Дойт, такой же этноним имеется у кыргызов, и звучит как Тейт.

Согласно шежире Адай является сыном Елтая, сына Кыдырходжи (Усенбаев, 2003). Следовательно, мы видим, что они являлись ближайшими родственниками и жили под властью Тохтамыш хана в последней четверти XIV в., и являлись союзниками батыра Манаса.

Также мы имеем два фольклорных источника, позволяющие нам уточнить время и обстоятельства жизни алшина Адая.

Это часть эпоса о кара-кыпчакском батыре Кобланды, именуемая «Победа Кобланды над Тамерланом», приведенная кара-кыпчаком Мергенбаем жырау (Бабалар сөзі. Т.38., 2006). В произведении Адай указан как Ер Адай, сын Естимеса. Естимес указан как глава пастухов Токтарбая, отца Кобланды. Ер Адай участвует в войне Кобланды батыра с эмиром Тимуром, после победы над которым пленил его дочь. Нас в данном контексте интересует лишь то, что Адай указан как современник Кобланды батыра. Как ранее уже было указано Кобланды являлся современником Тохтамыш хана и аргына Темирходжи (Акжол бия) из «Маджму ат таварих», поэтому упоминание Адая в эпосе «Кобланды батыр» также

свидетельствует о том, что он жил в эпоху Тохтамыш хана и Тамерлана, как и сведения из эпоса «Манас».

Алшин Адай бий указан в шежире племени Найман как сват Наймана (Ибадатов, 2014: 27). Аксулу – дочь Адая являлась женой Токмака – сына Аксопы. Найман получил религиозное образование в Бухаре, и поэтому его именовали Аксопы, т.е. «белый суфий», что указывает на близость генеалогического первопрodka найманов к суфийским тарикатам. Ак-суфи найман известен во времена шибанида Абу-л-хайр хана как один из беков, поднявших его ханом в 1430 г., но далее он не упоминается (Маслюженко, 2015: 56). Возможно, в 1430 г. он был уже в довольно почтенном возрасте, и поэтому не упоминается в последующих событиях. Тот факт, что найман Ак-суфи бек и алшин Адай бий были сватами и современниками, подтверждает выводы из вышеприведенных источников, что Адай жил в конце XIV – начале XV в.в.

Потомки Адая на данный момент по большей части живут в западном Казахстане, тогда как сам Адай жил на юге нынешнего Казахстана. Это подтверждается преданиями о «Мұңал ошағы» – «очаге Мунала». Адай прожив 115 лет, уходит из жизни в доме своего младшего внука – Мунала, сына Келимберды. Этот дом, став после этого особенным для адаев, получил название «очаг Мунала» (Усенбаев, 2003: 84), и очаг этот расположен на склоне горы Казыгурт, в Таласском Алатау (Абылай-хан, 2013: 74). Это косвенно подтверждает тот факт, что алшин Адай жил недалеко от границ Могулистана, где и происходили основные события эпоса «Манас», а также летописи «Маджму ат-таварих».

3.3. Каракесек из племени Алчын (Манас III, 1995: 23) идентичен Каракесеку из племени Алшин, который согласно шежире является предком ветви Алимуды племени Алшин, и являлся известным бием (Усенбаев, 2003: 91). Очень примечательно что в эпосе упоминаются прародители обеих ветвей племени Алшин: и Кыдырходжа – предок алшинов ветви Байуды, и Каракесек – предок алшинов ветви Алимуды. Получается Каракесек также являлся современником Тохтамыша.

Что примечательно, потомок Каракесека – Жалантос (Ялангтуш) бахадур являвшийся известным политическим деятелем в XVII в., был мюридом Ходжи Хошима Дахбеди, внука известного шейха Махдуми А'зама (Сабитов, 2016 в), который был потомком вышеупомянутого Мир Сайид Джалалиддина. Вполне возможно, что в казахской родоплеменной среде следование определенному тарикату передавалось от отца к сыну.

3.4. Бообек из племени Алчын (Манас I, 1995: 356), встречающийся в эпосе «Манас», на наш взгляд является алшином Баубеком, сыном Шекты, родного брата Каракесека. Таким образом, в эпосе указаны родные дядя и племянник – Каракесек и Баубек алшины.

Также стоит отметить широко распространённую версию о том, что предок Алау из рода Алшин, которого звали Ордач-бек, отождествляется многими с Минг Садаклы Ордач-беком (тысячестрельный Ордач-бек), основателя золотоордынского племени Минг. Необходимо отметить, что здесь, кроме идентичности имен и примерно одинакового времени жизни (согласно генеалогическим расчетам) других аргументов в пользу их идентичности нет, хотя, безусловно, данная версия имеет «право на жизнь».

4. Камбар батыр (Манас II, 1997: 97), его сын Айдаркан (Манас I, 1997: 387), и его сын Ер Кокше (Манас II, 1997: 97). В эпосе «Манас» наряду с Караходжой из племени Аргын, Ер Кокше является наиболее часто упоминаемым и близким соратником Манаса. Ер Кокше упоминается в русских летописях как Кокча батыр, погибший в 1423 году в одной из битв (Жирмунский, 1974: 73). Это еще раз подтверждает историчность данных из эпоса Манас, а также тот факт, что Манас и его союзники – батыры из Улуса Джучи были реальными историческими лицами, жившими во второй половине XIV – первой половине XV века. В казахском же эпосе, посвященном батыру Ер Кокше, Манас является соратником батыра, и известен под именем Манашы батыр (Жирмунский, 1974: 73).

В эпосе «Манас» Камбар, Айдаркан и Ер Кокше указаны как представители племени Абак. Род Абак входит в состав племени Керей Среднего жуза. Однако по казахскому шежире Камбар, Айдаркан и Ер Кокше являются прародителями племени Уак (Каренов, 2014: 60).

И керей, и уаки входят в состав Среднего жуза, и в исторических источниках их часто упоминают вместе, называя «керей-уак» или «уак-керей». Чтобы понять почему эти батыры в эпосе «Манас» указаны как абаки необходимо разобраться в их происхождении. Абаки изначально являлись частью племени Уйсун из Старшего жуза, влившимися в состав племени Керей (Сабитов, 2012: 93). Что касается Уаков, то два из трех его ответвлений – Сиргели и Ергенекты, по всей видимости являлись также уйсунскими племенами, родственными Абакам. В подтверждение этому можно упомянуть, что в шежире Сиргели и Ергенекты указаны как сыновья Уйсун (Аманжолов, 1959: 29). Этим можно и объяснить историческую близость уаков и кереев, так как племена Абак, Сиргели и Ергенекты являются родственными племенами происходящими из уйсун Старшего жуза. Видимо по этой причине батыры Камбар, Айдаркан и Ер Кокше указаны в эпосе «Манас» как представители племени Абак.

Согласно эпосу «Едыге» Уак, сын Акбалтыра является одним из соратников Тохтамыш хана (Сабитов, 2019: 111). Согласно шежире Уак является дедом Камбара, и прапрадедом Ер Кокше, поэтому они не могли жить во времена Тохтамыш хана. Скорее всего под Уаком, сыном Акбалтыра в эпосе «Едыге» подразумевался его праправнук Ер Кокше, сын Айдаркана.

Ер Кокше был убит Кобланды батыром из племени Каракыпчак, в последствии, его сын – Ер Косай мстит за смерть отца и убивает Кобланды (Сабитов, 2016 б: 50). М. Тынышпаев говорит, что Ер Кокше был убит в 1420 году в битве между Едыге и Кадырберды (Тынышпаев, 2007: 27). Учитывая, что Ер Кокше был сторонником Тохтамыш хана, можно сделать вывод, что каракыпчаки во главе с Кобыланды были сторонниками Едыге. Также это подтверждается тем фактом, что согласно фольклорным данным Акжол бий из племени Аргын, также известный как Даир-ходжа (Темир-ходжа), отец Кара-ходжи был убит каракыпчаком Кобланды (Сабитов, 2016 б). Аргыны были преданными сторонниками Тохтамыша, следовательно Кобланды батыр был из противоположной партии, т.е. сторонником Едыге.

Все вышеперечисленные факты позволяют нам утверждать, что Манас, Ер Кокше, Караходжа, Кобланды являются реальными историческими личностями, стоявшими во главе своих племен, в эпоху Тохтамыш хана и беклярбека Едыге.

Персонажи из других племен не были идентифицированы в казахских шежире. Интересен сам факт того, что вышеупомянутые алшины, так же, как и уйсун Караша, кроме шежире и эпоса «Манас», не упомянуты в других эпосах или письменных источниках в отличии от других батыров, что отражает тот факт, что они запечатлелись в исторической памяти кыргызов в качестве союзников Манаса и были реальными историческими лицами.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие обобщения.

Во-первых, эпос «Манас» следует рассматривать не только как памятник устного народного творчества, но и как важный историко-фольклорный источник, отражающий политические, этнокультурные и религиозные процессы, происходившие в Центральной Азии в конце XIV – начале XV века. Сопоставление эпических сведений с данными письменных хроник, в частности «Маджму ат-таварих» Сайф ад-Дина Ахсикенди, и казахских шежире показало, что значительная часть сюжетов и персонажей эпоса имеет под собой реальную историческую основу.

Во-вторых, проведённое исследование показало, что соратники кыргызского батыра Манаса из эпоса были реальные исторические личности, которых мы находим в шежире казахских племен, такие как уаки Ер Кокше, Айдаркан и Камбар, уйсун Айса, Амет и Караша, аргын Караходжа, алшины Кыдырходжа, Каракесек, Баубек и Адай, а также неидентифицированные в шежире представители племен Тарак (Таракты), Найман, Кыпчак, Конырат, Албан, Сары Уйсун. Учитывая сведения из «Маджму ат-таварих», что Манас был союзником и соратником хана Улуса Джучи – Тохтамыша, можем сделать вывод, что вышеупомянутые представители казахских племен также являлись подданными Тохтамыш

хана, проживали во второй половине XIV века в восточной части улуса Джучи вблизи границ Могулистана, участвовали в коалиции против Тамерлана и оказывали поддержку кыргызскому батыру Манасу в его битвах с могульскими эмирами, описанными в «Маджму ат-таварих».

В-третьих, мы видим сильное влияние суфийских тарикатов на ряд прародителей казахских племен, таких как аргын Караходжа, алшин Кыдырходжа, уйсун Караша, наймана Аксопы. Как известно, со времен Джанибек хана, сына Узбека, отпрыски племенной верхушки обучались в медресе, постигали грамоту и познавали религию, а суфийские шейхи и ходжи старались породниться с чингисидами и эмирами племен, как это указывается в летописях (Тулибаева, 2022: 73). Это являлось основной причиной близости предков казахских племен к суфийским тарикатам, а также наличия в именах эмиров племен приставок «ходжа», «шейх» и «суфи».

На наш взгляд использование сравнительно-исторического метода в отношении фольклорных и письменных источников имеет большие перспективы для более глубокого понимания событий и процессов, происходивших на территории Казахстана. Учитывая тот факт, что среди кочевников Улуса Джучи и появившихся после его распада государств, не имела широкого хождения письменность, то использование сведений эпосов, шежире, произведений акынов и жырау является необходимостью для раскрытия белых пятен этнополитической истории Улуса Джучи и позднеджучидских государств. К тому же большая часть сведений из шежире подтверждается генетическими исследованиями, а данные эпосов и произведений акынов и жырау подтверждаются письменными источниками. В совокупности сравнение и использование обоих видов источников открывает многие белые пятна казахстанской истории.

В данном случае, благодаря сравнению данных из «Маджму ат-таварих» с эпосом «Манас», а также сравнению сведений эпоса «Манас» с казахскими шежире, мы получили обширную картину, показывающую взаимосвязь между историческими персоналиями как Тохтамыш хан, Манас и Караходжа, а также между Манасом и Караходжой, Ер Кокше, Аметом, Карашой, Кыдырходжой, Каракесекком, Адаем, Баубеком, а также их участие в политических событиях, происходивших между Улусом Джучи, Могулистаном, государством Тимуридов. В частности, можно утверждать об участии данных личностей во внутренних междоусобицах Улуса Джучи между Тохтамышем и Едыге на стороне Тохтамыша, также в борьбе за территории в Жетысу между Улусом Джучи и Могулистаном, и участии в коалиции, направленной против Тамерлана. Все эти события достаточно подробно описаны в «Маджму ат-таварих» Сайф ад-дина Ахсикенди.

Также в вышеуказанном труде Ахсикенди большое внимание уделяется суфийскому шейху Мир Сайид Джалалиддину, выступающим в качестве духовного наставника и политического советника Манаса, Тохтамыш хана, Караходжи и его отца Темирходжи, а также ряда политических деятелей из числа могульских и тимуридских эмиров. Мы видим также влияние его тариката (братства, ордена) на прародителей казахских племен, как уйсун Караша, аргына Караходжа, алшина Кыдырходжа, наймана Аксопы.

Таким образом, мы получили достаточно детальную картину сложных политических, религиозных, межплеменных, межатнических процессов в период конца XIV – начала XV века на территории Казахстана.

Литература

- Абылай хан, 2013 — *Абылай хан*. Энциклопедия. Алматы: «Қазақ энциклопедиясы», 2013. 656 с.
- Акерев, 2017 — *Акерев Т.А.* Маджму ат-Таварих как исторический источник (Полный перевод, анализ и комментарии) Б.: ОсОО "МАРТСНАБ" КНУ им. Ж. Баласагына, 2017. 348 с.
- Аманжолов, 1959 — *Аманжолов С.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Часть первая. Алма-Ата: Казахское государственное учебно-педагогическое издательство, 1959. 455 с.
- Аргынбаев, т.б., 2000 — *Аргынбаев Х., Муканов М., Востров В.* Қазақ шежіресі хақында. Алматы: Атамұра, 2000. 464 с.
- Бабалар сөзі. Т. 38., 2006 — *Бабалар сөзі. Т. 38.* Жүзтомдық. Батырлар жыры. Астана: «Фолиант», 2006. 332 с.

- Бабалар сөзі. Т. 83., 2012 — *Бабалар сөзі*. Т. 83 Жүзтомдық. Шежірелік аңыздар. Астана: «Фолиант», 2012. 448 с.
- Бабалар сөзі. Т. 85., 2012 — *Бабалар сөзі*. Т. 85. Жүзтомдық. Тарихи аңыздар. Астана: «Фолиант», 2012. 416 с.
- Валиханов, 1985 — *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. Т. 2. 416 с.
- Жирмунский, 1974 — *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. Ленинград. Издательство «Наука», 1974. 724 с.
- Ибадатов, 2014 — *Ибадатов Ш.* Абыз тұлға, аңыз тұлға – Кетбұқа. Астана: Фолиант, 2014. 384 с.
- Каренов, 2014 — *Каренов Р.С.* Уақ тайпасының шығу тегі және оның жоңғарларға қарсы күресті ұйымдастырған тарихи тұлғалары // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия», 2014. № 4(76). С. 59–67.
- Қорқытов, 1992 — *Қорқытов Б.* Атырау билері мен батырлары. Алматы: «Өлке», 1992. 127 с.
- Манас I, 1995 — *Манас I.* Кыргыз элинин баатырдык эпосу: 1-китеп. Б.: Кыргызстан, 1995. 568 с.
- Манас II, 1995 — *Манас II.* Кыргыз элинин баатырдык эпосу: 2-китеп. Б.: Кыргызстан, 1995. 800 с.
- Манас III, 1995 — *Манас III.* Кыргыз элинин баатырдык эпосу: 3-китеп. Б.: Кыргызстан, 1995. 672 с.
- Манас IV, 1997 — *Манас IV.* Эпос: IV том. Б.: Шам, 1997. 612 с.
- Манас V, 2006 — *Манас V.* Кыргыз элинин баатырдык эпосу: 5-китеп. Б.: «Шам», 2006. 756 с.
- Маслюженко, 2015 — *Маслюженко Д.Н.* Поименные списки соратников Абу-л-Хайра как источник по изучению политической истории Юго-Западной Сибири второй четверти XV в. // Сибирский сборник. Вып. 3. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. С. 44–60.
- Молдобаев, 1995 — *Молдобаев И.Б.* «Манас» – историко-культурный памятник кыргызов. Бишкек: «Кыргызстан», 1995. 312 с.
- Мустакимов, 2009 — *Мустакимов И.А.* Об одном списке «Дафтар-и Чингиз-наме» // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 122–131.
- Нұрмұратов, др., 2013 — *Нұрмұратов С., Сатеришинов Б., Шагырбаев А.* Мәшһүр Жүсіп Көпеев. Алматы: ҚР БҒМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институты, 2013. 359 с.
- Сабитов, 2012 — *Сабитов Ж.М.* О происхождении Кереев с точки зрения популяционной генетики. // Russian Journal of Genetic Genealogy. (Русская версия), 2012. № 1. С. 91–93.
- Сабитов, 2016 в — *Сабитов Ж.М.* Ялангтуш (Жалантос) из рода Алшин // Global Turk, 2016. С. 100–114.
- Сабитов, 2016а — *Сабитов Ж.М.* Ахмет, сын Айсула (Исы) из рода Уйсун (Уйшин) как эпический образ // Ногайцы: XXI век. Черкесск, 2016. С. 414–418.
- Сабитов, 2016б — *Сабитов Ж.М.* Кобланды из рода Каракыпшак // Тарих тағылымы. № 1 (9). Астана, 2016. С. 44–52.
- Сабитов, 2017 — *Сабитов Ж.М.* «Маджму ат-Таварих» как источник по истории Улуса Джучи // Золотоордынское обозрение, 2017. Т. 5. № 3. С. 577–590.
- Сабитов, 2019 — *Сабитов Ж.М.* Второстепенные персонажи эпоса Едиге // Золотая Орда: история, государственность, культурное наследие. Нур-Султан, “Ғылым” баспасы, 2019. С. 97–112.
- Солтоноев, 1993 — *Солтоноев Б.* Кызыл кыргыз тарыхы. Бишкек: Учкун, 1993. 138 с.
- Сыдиыков, Керімов, 1991 — *Сыдиқов Қ., Керімов Ш.* Алқаласа әлеумет: жыр жинағы. Алматы: Жазушы. 1991. 240 с.
- Тулибаева, Тулибаев, 2022 — *Тулибаева Ж.М., Тулибаев Т.Е.* Правители и ислам в Золотой Орде: по материалам тимуридских источников первой половины XV в. // Вопросы истории, 2022. № 5(2). С. 67–77.
- Тынышпаев, 2007 — *Тынышпаев М.* История, этнография и археология казахского народа. Астана: «Алтын кітап», 2007. 317 с.
- Усенбаев, 2003 — *Усенбаев Т.* Алшын шежіресі. Қызылорда: «Тұмар», 2003. 460 с.

References

- Abylaj han, 2013 — *Abylaj han*. Enciklopediya [Abylai Khan: An Encyclopedia] Almaty: Qazaq enciklopediyasy, 2013. 656 p. (In Kaz.).
- Akerov, 2017 — *Akerov T.A.* Madzhmu at-Tavarih kak istoricheskij istochnik (Polnyj perevod, analiz i kommentarii) [Majmu' at-Tavarih as a Historical Source (Complete Translation, Analysis, and Commentary)]. B.: OsOO “Martsnab” KNU im. ZH.Balasagyna. 2017. 348 p. (In Russ.).
- Amanzholov, 1959 — *Amanzholov S.* Voprosy dialektologii i istorii kazahskogo yazyka. CHast' pervaya. [Issues of Dialectology and the History of the Kazakh Language. Part One]. Alma-Ata: Kazahskoe gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1959. 455 p. (In Russ.).
- Argynbaev, 2000 — *Argynbaev H., Mukanov M., Vostrov V.* Qazaq shezhiresi haqynda. [Regarding the Kazakh Genealogy] Almaty: Atamura. 2000. 464 p. (In Kaz.).
- Babalar sozi. T.38., 2006 — *Babalar sozi*. T. 38. Zhuztomdyq. Batyrlar zhyry [Words of the Ancestors. Vol. 38. 100-Volume Series. Epic of the Batyrs]. Astana: Foliant, 2006. 332 p. (In Kaz.).

- Babalar sozi. T.83., 2012 — *Babalar sozi. T. 83. Zhuztomdyq. Tarihi anyzdar.* [Words of the Ancestors. Vol. 83. 100-Volume Series. Historical Legends]. Astana: Foliant, 2012. 448 p. (In Kaz.).
- Babalar sozi. T.85., 2012 — *Babalar sozi. T. 85. Zhuztomdyq. Tarihi anyzdar.* [Words of the Ancestors. Vol. 85. 100-Volume Series. Historical Legends]. Astana: Foliant, 2012. 416 p. (In Kaz.).
- Ibadatov, 2014 — *Ibadatov Sh. Abyz tulga, anyz tulga – Ketbuqa* [Ketbuqa – a Sage and a Legend]. Astana: Foliant, 2014. 384 p. (In Kaz.).
- Karenov, 2014 — *Karenov R.S. Uaq tajpasynyn shygu tegi zhane onyn zhongarlarga qarsy kyresti ujymdastyrran tarihi tulgalary* [The Origins of the Uaq Tribe and Its Historical Figures Who Organized the Struggle Against the Dzungars] // *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya “Istoriya. Filosofiya”*, 2014. No. 4(76). Pp. 59–67. (In Kaz.).
- Manas I, 1995 — *Manas I. Kyrgyz elinin baatyrdyk eposu: 1-kitep* [Manas I. The Heroic Epic of the Kyrgyz People: Book One]. B.: Kyrgyzstan, 1995. 568 p. (In Kyrg.).
- Manas II, 1995 — *Manas II. Kyrgyz elinin baatyrdyk eposu: 2-kitep* [Manas II. The Heroic Epic of the Kyrgyz People: Book Two]. B.: Kyrgyzstan, 1995. 800 p. (In Kyrg.).
- Manas III, 1995 — *Manas III. Kyrgyz elinin baatyrdyk eposu: 3-kitep.* [Manas III. The Heroic Epic of the Kyrgyz People: Book Three]. B.: Kyrgyzstan, 1995. 672 p. (In Kyrg.).
- Manas IV, 1997 — *Manas IV. Epos: IV tom* [Manas IV. The Heroic Epic of the Kyrgyz People: Book Four]. B.: Sham, 1997. 612 p. (In Kyrg.).
- Manas V, 2006 — *Manas V. Kyrgyz elinin baatyrdyk eposu: 5-kitep* [Manas V. The Heroic Epic of the Kyrgyz People: Book Five]. B.: Sham, 2006. 756 p. (In Kyrg.).
- Maslyuzhenko, 2015 — *Maslyuzhenko D.N. Poimennyye spiski soratnikov Abu-l-Hajra kak istochnik po izucheniyyu politicheskoy istorii Yugo-Zapadnoy Sibiri vtoroy chetverti XV v.* [Nominal Lists of Abu-l-Khayr's Associates as a Source for the Study of the Political History of Southwestern Siberia in the Second Quarter of the 15th Century] // *Sibirskij sbornik. Vol.3. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos.un-ta*, 2015. Pp. 44–60. (In Russ.).
- Moldobaev, 1995 — *Moldobaev I.B. “Manas” – istoriko-kul'turnyj pamyatnik kyrgyzov.* [Manas – A Historical and Cultural Monument of the Kyrgyz People] Bishkek: Kyrgyzstan, 1995. 312 p. (In Russ.).
- Mustakimov, 2009 — *Mustakimov I.A. Ob odnom spiske “Daftar-i CHingiz-name”* [On One Copy of the Daftar-i Chingiz-name] // *Srednevekovyye tyurko-tatarskie gosudarstva. Sbornik statej. Vyp. 1. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT*, 2009. Pp. 122–131. (In Russ.).
- Nurmuratov, et al., 2013 — *Nurmuratov S., Satershinov B., Shagyrbaev A. Mashhur Zhusip Kopeev.* Almaty: QR BGM GK Filosofiya, sayasattanu zhane dintanu instituty, 2013. 359 p. (In Kaz.).
- Qorqytov, 1992 — *Qorqytov B. Atyrau bileri men batyrlary* [The Biys and Batyrs of Atyrau] Almaty: Olke, 1992. 127 p. (In Kaz.).
- Sabitov, 2012 — *Sabitov Zh.M. O proiskhozhdenii Kereev s tochki zreniya populyacionnoj genetiki* [On the Origins of the Kerey People from the Perspective of Population Genetics] // *Russian Journal of Genetic Genealogy. (Russkaya versiya)*, 2012. Vol. 3. No. 1. Pp. 91–93. (In Russ.).
- Sabitov, 2016 v — *Sabitov Zh.M. YAlangtush (ZHalantos) iz roda Alshin* [Yalangtush (Zhalantos) of the Alshin Clan] // *Global Turk*, 2016. Pp. 100–114. (In Russ.).
- Sabitov, 2016a — *Sabitov Zh.M. Ahmet, syn Ajsula (Isy) iz roda Ujsun (Ujshin) kak epicheskij obraz* [Ahmet, Son of Aysula (Isy) of the Uysun (Uyshin) Lineage as an Epic Character] // *Nogajcy: XXI. Cherkessk*, 2016. Pp. 414–418. (In Russ.).
- Sabitov, 2016b — *Sabitov Zh.M. Koblandy iz roda Karakypshak* [Koblandy of the Karakypshak Clan] // *Tarih tagylymy. No. 1(9). Astana*, 2016. Pp. 44–52. (In Russ.).
- Sabitov, 2017 — *Sabitov Zh.M. “Madzhmu at-Tavarih” kak istochnik po istorii Ulusa Dzhuchi* [Majmu' at-Tavarikh as a Source on the History of the Ulus of Jochi] // *Zolotoordynskoe obozrenie*, 2017. Vol. 5. No. 3. Pp. 577–590. (In Russ.).
- Sabitov, 2019 — *Sabitov Zh.M. Vtorostepennyye personazhi eposa Edige* [Secondary Characters of the Epic Edige] // *Zolotaya Orda: istoriya, gosudarstvennost', kul'turnoe nasledie. Nur-Sultan: “Gylym” baspasy*. 2019. Pp. 97–112. (In Russ.).
- Soltonoev, 1993 — *Soltonoev B. Kyzyl kyrgyz taryhy.* [The History of the Red Kyrgyz] Bishkek: Uchkun, 1993. 138 p. (In Kyrg.).
- Sydiyqov, Kerimov, 1991 — *Sydiyqov K., Kerimov Sh. Alqalasa aleumet: zhyr zhinary.* [If the People Decide: A Collection of Poems]. Almaty: Zhazushy, 1991. 240 p. (In Kaz.).
- Tulibaeva, Tulibaev, 2022 — *Tulibaeva Zh.M., Tulibaev T.E. Praviteli i islam v Zolotoj Orde: po materialam timuridskih istochnikov pervoy poloviny XV v.* [Islam and Rulership in the Golden Horde: Evidence from Timurid Sources of the Early 15th Century] // *Voprosy istorii*, 2022. No. 5(2). P. 67–77. (In Russ.).
- Tynyshpaev, 2007 — *Tynyshpaev M. Istoriya, etnografiya i arheologiya kazahskogo naroda* [The History, Ethnography, and Archaeology of the Kazakh People]. Astana: Altyn kitap, 2007. 317 p. (In Russ.).
- Usenbaev, 2003 — *Usenbaev T. Alshin shezhiresi.* [The Genealogy of the Alshin] Qyzylorda: Tumar, 2003. 460 p. (In Kaz.).
- Valihanov, 1985 — *Valihanov Ch.Ch. Sbranie sochinenij v pyati tomah. T. 2.* [Collected Works in Five Volumes]. Alma-Ata: Glavnaya redakciya Kazahskoj sovetskoj enciklopedii, 1985. 416 p. (In Russ.).
- ZHirmunskij, 1974 — *Zhirmunskij V.M. Tyurkskij geroicheskij epos* [Turkic Heroic Epic]. Leningrad: Izdatel'stvo “Nauka”, 1974. 724 p. (In Russ.).

ТАРИХ / ИСТОРИЯ / HISTORY

Published in the Republic of Kazakhstan
Asian Journal “Steppe Panorama”
Has been issued as a journal since 2014
ISSN 2710-3994.
Vol. 12. Is. 4, pp. 960-973, 2025
Journal homepage: <https://ajspiie.com>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2710-3994_2025_12_4_960-973

FORMATION OF NATIONAL IDENTITY AND CURRENT ISSUES OF NATIONAL HISTORY IN THE CONTEXT OF THE EXPERIENCE OF KAZAKHSTAN AND TURKEY

*Azretbergenova Elmira Zharylkasynovna*¹

¹Abai Kazakh National Pedagogical University
(13, Dostyk Ave., 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences
 <https://orcid.org/0009-0009-5876-7312>. E-mail: eazret@mail.ru

© Ch.Ch. Valikhanov IHE, 2025

© Azretbergenova E.Zh., 2025

Abstract. *Introduction.* The formation of national identity through the lens of national (domestic) history is one of the key directions of modern humanities scholarship. Historical memory, interpretations of the past, and the content of the official historical narrative directly influence political orientations, cultural values, and educational priorities in any nation-state. In this context, a comparative analysis of the Kazakh and Turkish experience constitutes a scientifically significant task, as both countries have undergone a complex transformation, from an imperial and ideologically driven perception of history to attempts at constructing a sovereign and pluralistic historical discourse. The relevance of the research is determined by the necessity of critically rethinking the processes of postcolonial and post-totalitarian reinterpretation of national history in Kazakhstan and Turkey. Contemporary Kazakh historiography strives to go beyond Soviet ideology by turning to Turkic and local cultural heritage, whereas Turkey is re-evaluating its Kemalist legacy and expanding the historical narrative to include Ottoman and Islamic components. *Goals and objectives.* To identify the particularities of national history formation in the context of national identity through the example of Kazakhstan and Turkey, and to carry out a comparative analysis of key methodological, substantive, and institutional approaches. *Research Objectives* include: describing the main stages of the development of historical narrative in each country; analyzing official and academic interpretations of the past; identifying factors influencing historical policy; and comparing educational strategies in the field of history teaching. *Research Hypothesis.* Despite differing historical contexts, Kazakhstan and Turkey exhibit a common trend toward rejecting centralized and ideologically saturated conceptions of history in favor of more flexible, multilayered, and culturally contextualized approaches. *Theoretical and Methodological Framework.* The theoretical foundation of the research is based on theories of cultural memory, postcolonial studies, as well as comparative and historiographical analysis. The study employs methods of content analysis, narrative interpretation, and the comparative-historical approach. *Results.* The findings of this study suggest that in both countries, national history serves as a key tool for legitimizing contemporary values and as a platform for intellectual decolonization. In Kazakhstan, there is growing interest in national origins that were previously silenced during the Soviet era, while in Turkey, there are discernible shifts away from the Kemalist canon toward a more complex and relevant historical memory. *Conclusion.* The comparative analysis carried out confirms that national history in Kazakhstan and

Turkey is not merely an academic discipline, but a dynamic mechanism for identity formation that responds to contemporary challenges. In both cases, there is a gradual departure from ideological dogmas and a development of diverse approaches to interpreting the past, which opens new horizons for cultivating civic culture, historical consciousness, and strengthening national self-awareness.

Keywords: Kazakhstan, Turkey, national history, Kemalism, national identity, comparative analysis, historiography, post-Soviet space

For citation: Azretbergenova E.Zh. Formation of national identity and current issues of national history in the context of the experience of Kazakhstan and Turkey // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Vol. 12. No. 4. Pp. 960–973. (In Eng.).

DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_960-973

ҚАЗАҚСТАН МЕН ТҮРКИЯ ТӘЖІРИБЕСІ КОНТЕКСТІНДЕ ҰЛТТЫҚ БІРЕГЕЙЛІКТІ ҚАЛЫПТАСТЫРУ ЖӘНЕ ОТАНДЫҚ ТАРИХТЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Азретбергенова Эльмира Жарылқасынқызы¹

¹Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
(13-үй, Достық даңғылы, 050010, Алматы, Қазақстан Республикасы)

Тарих ғылымдарының кандидаты

 <https://orcid.org/0009-0009-5876-7312>. E-mail: eazret@mail.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2025

© Азретбергенова Э.Ж., 2025

Аңдатпа. *Kırpıne.* Ұлттық бірегейлікті қалыптастыру мәселелері отандық тарих шеңбері арқылы қазіргі гуманитарлық білімнің негізгі бағыттарының бірі болып табылады. Тарихи сана, өткенді интерпретациялау және ресми тарихи баяндаудың мазмұны кез келген ұлттық мемлекеттің саяси бағдарларына, мәдени құндылықтарына және білім беру басымдықтарына тікелей ықпал етеді. Осы тұрғыдан алғанда, Қазақстан мен Түркияның тәжірибесін салыстыру ғылыми тұрғыдан маңызды міндет болып табылады. Себебі екі ел де тарихты империялық және идеологияланған қабылдаудан арынып, плюралистік тарихи дискурс құруға бағытталған күрделі жолдан өтті. *Зерттеудің өзектілігі* Қазақстан мен Түркиядағы отандық тарихты отарлық пен тоталитарлық саясаттан кейін қайта пайымдау үдерістерін сыни тұрғыда зерделеудің қажеттілігімен түсіндіріледі. Қазіргі қазақстандық тарихнама кеңестік идеология шеңберінен шығып, түркілік және жергілікті мәдени мұраға бет бұруда. Ал Түркия кемализм мұрасын қайта пайымдап, тарихи баяндауды османдық және исламдық компоненттер есебінен кеңейтіп келеді. *Зерттеудің мақсаты.* Қазақстан мен Түркия мысалында ұлттық бірегейлік контексіндегі отандық тарихтың қалыптасу ерекшеліктерін айқындау және негізгі әдіснамалық, мазмұндық және институционалдық тәсілдерді салыстырмалы түрде талдау болып табылады. *Зерттеудің міндеттері:* әр елдегі тарихи баяндаудың қалыптасу кезеңдерін сипаттау; өткенді ресми және академиялық интерпретациялауды талдау; тарихи саясатқа әсер ететін факторларды анықтау; тарихты оқыту саласындағы білім беру стратегияларын салыстыру. *Зерттеу гипотезасы,* тарихи контекстілерінің айырмашылықтарына қарамастан, Қазақстан мен Түркия тарихты орталықтандырылған әрі идеологияланған түсініктен бас тартып, икемді, көпдеңгейлі және мәдени негізделген тәсілге бет бұруда ұқсас үрдіс байқатады. *Теориялық негізі мен әдіснамасы.* Мәдени сана теориясына, постколониялық зерттеулерге, сондай-ақ компаративті және тарихнамалық талдауға сүйенеді. Контент-талдау, баяндауды интерпретациялау және салыстырмалы-тарихи әдістер қолданылған. *Зерттеудің ғылыми нәтижелері.* Қос елде де отандық тарих заманауи құндылықтарды заңдастыруда маңызды құралына, сонымен қатар интеллектуалдық отарлық санадан арыну платформасына айналып отыр. Қазақстанда кеңестік кезеңде тұншықтырылған ұлттық тарихты қайта жазуға бет бұрып отыр, ал Түркияда кемалистік идеялардан неғұрлым күрделі әрі өзекті тарихи

жадыға қарай бетбұрыс байқалады. *Қорытынды.* Жүргізілген салыстырмалы талдау отандық тарихтың Қазақстан мен Түркияда академиялық пән ретінде емес, заман талаптарына жауап беретін бірегейлік қалыптастырудың динамикалық тетігі екенін растайды. Екі жағдайда да идеологиялық догмалардан біртіндеп арылу және өткенді интерпретациялаудың сан қырлы тәсілдерін дамыту үрдісі жүріп жатыр. Бұл азаматтық мәдениетті, тарихи сананы және ұлттық өзіндік сананы қалыптастырудың жаңа көкжиектерін ашады.

Түйін сөздер: Қазақстан, Түркия, отандық тарих, кемализм, ұлттық бірегейлік, салыстырмалы талдау, тарихнама, посткеңестік кеңістік

Дәйексөз үшін: Азретбергенова Э.Ж. Қазақстан мен Түркия тәжірибесі контекстінде ұлттық бірегейлікті қалыптастыру және отандық тарихтың өзекті мәселелері // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. 960–973 бб. (Ағылш.).

DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_960-973

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ ОПЫТА КАЗАХСТАНА И ТУРЦИИ

Азретбергенова Эльмира Жарылкасыновна¹

¹Казахский национальный педагогический университет имени Абая

(д. 13, просп. Достык, 050010, Алматы, Республика Казахстан)

Кандидат исторических наук

 <https://orcid.org/0009-0009-5876-7312>. E-mail: eazret@mail.ru

© ИИЭ имени Ч.Ч. Уалиханова, 2025

© Азретбергенова Э.Ж., 2025

Аннотация. *Введение.* Вопросы формирования национальной идентичности через призму отечественной истории являются одним из ключевых направлений современного гуманитарного знания. Историческая память, интерпретации прошлого и содержание официального исторического нарратива напрямую влияют на политические ориентиры, культурные ценности и образовательные приоритеты в любом национальном государстве. В этом контексте сопоставление казахстанского и турецкого опыта представляет собой научно значимую задачу, поскольку обе страны прошли сложный путь от имперского и идеологизированного восприятия истории к попытке построения суверенного и плюралистического исторического дискурса. Актуальность исследования обусловлена необходимостью критического осмысления процессов постколониального и посттоталитарного переосмысления отечественной истории в Казахстане и Турции. Современная казахстанская историография стремится выйти за рамки советской идеологии, обращаясь к тюркскому и локальному культурному наследию, в то время как Турция переосмысляет кемалистское наследие и расширяет исторический нарратив за счет османской и исламской составляющей. *Цели и задачи исследования.* Выявить особенности формирования отечественной истории в контексте национальной идентичности на примере Казахстана и Турции, провести сравнительный анализ основных методологических, содержательных и институциональных подходов. Задачи исследования включают: описание ключевых этапов формирования исторического нарратива в каждой стране; анализ официальных и академических интерпретаций прошлого; выявление факторов, влияющих на историческую политику; сопоставление образовательных стратегий в сфере преподавания истории. Гипотеза исследования заключается в том, что Казахстан и Турция, несмотря на различие исторических контекстов, демонстрируют общую тенденцию к отказу от централизованного и идеологизированного понимания истории в пользу гибкого, многоуровневого и культурно обусловленного подхода. Теоретическая основа и методология исследования базируются на теориях культурной памяти, постколониальных исследованиях, а также на компаративистском

и историографическом анализе. Используются методы контент-анализа, интерпретации нарратива, сравнительно-исторический подход. *Результаты.* В обеих странах отечественная история становится важным инструментом легитимации современных ценностей, а также платформой для интеллектуальной деколонизации. В Казахстане нарастает интерес к национальным истокам, ранее замалчиваемым в советское время, а в Турции происходят подвижки от кемалистского канона к более комплексной и релевантной исторической памяти. *Заключение.* Проведенный сравнительный анализ подтверждает, что отечественная история в Казахстане и Турции, не просто академическая дисциплина, а динамичный механизм формирования идентичности, реагирующий на вызовы времени. В обоих случаях наблюдается постепенное освобождение от идеологических догм и развитие многообразного подхода к интерпретации прошлого, что открывает новые горизонты для формирования гражданской культуры, исторического сознания и укрепления национального самосознания.

Ключевые слова: Казахстан, Турция, отечественная история, кемализм, национальная идентичность, сравнительный анализ, историография, постсоветское пространство

Для цитирования: Азретбергенова Э.Ж. Формирование национальной идентичности и актуальные проблемы отечественной истории в контексте опыта Казахстана и Турции // Asian Journal "Steppe Panorama". 2025. Т. 12. № 4. С. 960–973. (На Англ.).

DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_960-973

Introduction

The formation of national identity through the lens of domestic history in Kazakhstan and Turkey is a complex and multilayered process that encompasses various stages of political, ideological, and academic development in both countries. The relevance of this topic stems from the fact that, within the post-imperial and post-totalitarian context, both states were compelled to construct their own visions of the past visions that departed significantly from former imperial ideological frameworks. In Turkey, this process began with the republican revolution of 1923 and, from the early years of Kemalist rule, became an integral component of the official ideological agenda. In contrast, Kazakhstan only began to develop the conditions for a sovereign historiographical discourse by the late 1990s. Throughout the entire Soviet period, Kazakhstan's national history operated largely within the paradigm of communist ideology, where the national interpretation of the past was subordinated to the Marxist-Leninist view of historical development, emphasizing class struggle, internationalism, and the unity of the Soviet peoples (Karibayev, 2015: 4–11).

After gaining independence, Kazakh historical scholarship entered a new phase, in which one of its central tasks was to liberate national history from its colonial and ideological legacy. This transformation was reflected in the reassessment of key concepts, terminologies, and narratives that had previously been imposed from the outside. In this context, the objective was not to replace one ideology with another, but rather to develop a scientifically grounded and interpretively open approach to national history one rooted in primary sources, cultural memory, and the internal logic of Kazakhstan's historical development (Koygeldiyev, Omarbekov, 2003). At the same time, throughout the twentieth century, national history in Turkey was actively used as a tool for constructing national identity based on the statist ideology of Kemalism, in which the Ottoman, Islamic, and multiethnic past was often reduced or reinterpreted to fit the needs of the new secular nation state (Turan, 2019: 626–641). Only in the early twenty-first century, particularly with the rise to power of the Justice and Development Party (AKP), did Turkish historiography begin to partially reassess the Ottoman legacy, while also facing criticism for ideologically redefining the past in favor of a neo-Ottoman and Islamized narrative.

The aim of this article is to conduct a comprehensive comparative analysis of the transformation of national history in Kazakhstan and Turkey in the context of national identity formation, with a focus on the transition from an ideologized to a scholarly, polyphonic, and culturally grounded approach. The research objectives include, first, identifying the initial preconditions for the formation of national historical narratives in each of the two countries; second, analyzing institutional and

discursive shifts in academic and educational policy following key historical turning points (1991 in Kazakhstan, 1923 and 2025 in Turkey); third, comparing thematic priorities and methodologies in national historiography, particularly within curricula, university scholarship, and public memory; and fourth, determining the degree to which historical knowledge remains influenced by contemporary state ideology, as well as identifying trends toward academic autonomy.

The central hypothesis of this study is that, since the beginning of the twenty-first century, Kazakhstan has been undergoing a deliberate scholarly reassessment of its national history within a decolonial framework. In this process, historians aim to move beyond clichéd Soviet-era models and construct a national narrative grounded in cultural codes, ethnic continuity, and the integration of Turkic, Islamic, and Eurasian components, while consciously avoiding a shift toward radical nationalism or ideological monologue (Koygeldiyev, 1995). In Turkey, although professional historical scholarship has a longer academic tradition, there is a noticeable trend toward the reinterpretation of history within the framework of official rhetoric, particularly in recent decades, as the Ottoman legacy has become a component of state cultural policy and foreign policy identity (Yıldız, 1999: 333–342). It is important to emphasize that both countries are in the process of rethinking the concept of the “national” as a category that extends beyond ethnic identity, incorporating linguistic and civilizational dimensions. In this process, national history serves both as scholarly knowledge about the past and as a social instrument through which foundational ideas about the boundaries of community, memory canons, heroes, symbols, and cultural codes are either reinforced or contested. For this reason, the analysis of history textbooks, academic research, and public interpretations of the past becomes an integral part of studying national identity.

The methodology of this study is based on comparative analysis, interpretation of historical narratives, and elements of critical historiography, particularly the idea that national history is a product of specific political and cultural conditions rather than an objective reflection of the past. The use of sources in three languages Kazakh, Russian and Turkish allows for a deep and multilayered understanding of the processes unfolding in the historical scholarship of both countries. In the Kazakh academic field there is a growing demand for the revision of the content and methodological foundations of national history relying on approaches from Turkology, Islamic studies and anthropology. In Turkish historiography meanwhile debates continue over the boundaries of acceptable interpretation of the Ottoman and Republican past which is reflected both in academic research and in public speeches by political figures. The academic significance of this research lies in its comparative perspective on two national historiographies and in identifying broader patterns in the formation of postcolonial historical scholarship that is free from former ideological dependency and capable of offering society a layered and balanced understanding of the past. This work is of interest to scholars in the fields of history, political identity, cultural anthropology and education as well as to a broader audience interested in understanding the pathways of decolonization and academic emancipation in post imperial societies.

Materials and Methods of the Study

This study employs a comprehensive interdisciplinary approach based on the synthesis of historical comparative narrative discursive and hermeneutic methods which together allow for a thorough examination of the formation of national identity in Kazakhstan and Turkey as a result of complex sociocultural political and historical transformations. The primary methodological framework is the comparative historical method which makes it possible to identify both parallels and differences in the national ideologies and historical narratives of the two countries. Kazakhstan and Turkey represent two examples of societal modernization each of which has undergone phases of ethnopolitical construction and a struggle for cultural distinctiveness under conditions of external pressure (Aminov, 2019: 195).

The research is based on an extensive body of historical legal journalistic and educational materials including works by Kazakh and Turkish scholars legal and regulatory documents official doctrines as well as memoirs of participants in the political processes of the twentieth and twenty first centuries. Particular attention is given to texts that shape national memory and the cultural canon such

as school history textbooks educational reform programs speeches by political leaders and works of fiction that actively contribute to the construction of identity frameworks (Kara, 2012: 89–103).

Hermeneutic analysis was applied to interpret key concepts such as nation homeland ancestors and spirituality within the context of historical narratives emphasized in state policy and education. In the case of Kazakhstan the central category became the concept of *rukhani zhangyru* or spiritual renewal introduced in a programmatic article by Nursultan Nazarbayev in 2017. This term initiated a process of symbolic reconstruction of the past and offered a new direction for cultural modernization (Nazarbayev, 2017: 2).

Discursive analysis made it possible to identify structural changes in the official narratives of Kazakhstan and Turkey during different stages of nation building. For example, in Turkey the formation of Kemalist ideology was accompanied by strict control over historiography where priority was given to the idea of *Anadolu'nun medeniyet beşiği olması* (Anatolia as the cradle of civilization) and to the denial of the multiethnic legacy of the Ottoman past (Bora, 1998: 35–50). In Kazakhstan, by contrast, the post-Soviet identity policy evolved from Soviet internationalism to an ethnocentric model and later to an attempt to integrate all ethnic groups within the framework of a Kazakhstani nation (Kabyl, Khazretalikyzy, Orazkhan, 2024).

The source base of this research consists of three main groups. The first group includes academic studies among which the works of Kazakh historians (Aitaly, 2003: 226) and Turkish authors (Gökalp, 1992) are particularly significant. The second group consists of official documents and conceptual programs such as *Madeni mura* meaning Cultural Heritage from 2004 *Rukhani zhangyru* meaning Spiritual Renewal from 2017 *Türkiye Yuzyili* meaning The Century of Turkey from 2023 as well as the constitutions of both countries. The third group consists of fieldwork materials, including interviews with history teachers, students, and education experts in Almaty, Nursultan, Ankara, and Istanbul, conducted by the author during the 2024–2025 academic year.

Particular attention is given to the interpretation of the university history curriculum as an instrument of political socialization. University textbooks in both countries are viewed as an institutionalized form of transmitting the national narrative (Turlybay, 2025). In Turkey textbooks reflect an evolution from strict Kemalism to a more pluralistic interpretation of history including Islamic and Ottoman heritage. In Kazakhstan, there is a tendency to reevaluate the prerevolutionary past and to engage in its heroization, particularly in relation to figures such as Abilay Khan, Kenesary, and Altynsarin (Jaqslyqov, 2017: 95–99).

In the course of analysis the method of historical reconstruction was used to identify the mechanisms of symbolic construction of the past. As noted by K. Kara (Kara, 2012: 101) in Turkey the creation of a new nation was accompanied by the creation of a new past in which key historical milestones were interpreted in the spirit of national heroism and civilizational leadership. Similar processes are taking place in Kazakhstan where the Soviet legacy is viewed through the lens of oppression or colonialism and local forms of resistance are interpreted as expressions of early patriotism (Masanov, Abylkhozhin, Erofeyeva, Alekseenko, Baratova, 2000).

In working with the materials the principles of content analysis were applied especially in the study of media discourse. Publications in outlets such as “*Egemen Qazaqstan*”, “*Zaman*”, “*Yeni Safak*”, and “*Qazaq adebiyeti*” were analyzed which made it possible to trace how symbolic images of the nation are constructed in the modern information environment. Finally, an important component of the methodology was the use of oral sources. As part of the project 16 in depth interviews were conducted with Kazakhstani and Turkish historians, educators and students who had direct experience interacting with the state education system. These data made it possible to understand how the constructed identities are perceived in practice outside official formats. Thus, the methodological foundation of the study is aimed at a comprehensive analysis of the relationship between historical policy the educational system and processes of identity transformation with attention to local and regional contexts.

Discussion

The formation of national identity represents not only a political but also a deeply humanitarian process that involves engaging with historical memory myths, cultural codes and the education system. In the context of Kazakhstan and Turkey this process takes on particularly complex dimensions as both countries have experienced imperial post imperial and post totalitarian stages which has led to a plurality and tension of identity models. Kazakhstan having been part of the Soviet Union developed for a long time within the framework of internationalist ideology whereas Turkey as the successor of the Ottoman Empire shaped its identity in the spirit of secular nationalism. In both cases historical scholarship and memory politics have become essential tools for the cultural construction of the nation (Nurlanova, 2011: 55–58; Ahmad, 1993: 77–81). A distinctive feature of the Turkish and Kazakhstani approach lies in the use of the past not as a neutral experience but as a resource that mobilizes collective consciousness for contemporary political construction.

Kazakhstan historiography of national identity after 1991 has been characterized by an effort to overcome Soviet narratives that diminished or devalued the significance of local elites, resistance, spiritual culture, and indigenous forms of legal consciousness. While in the early years of independence there was a strong drive to restore historical justice, by the 2000s the emphasis had shifted toward building a positive historical memory grounded in heroic narratives. A key part of this process was the movement toward an ethnocentric model of the nation in which primary attention was given to the Kazakh language culture and religious expressions of Islam (Tleubaev, 2016: 76). State programs such as Madeni mura and Rukhani zhangyru contributed to the institutionalization of historical policy within which the significance of khanate authority the figures of the Alash intelligentsia and the Soviet period as a time of identity loss was reinterpreted (Sadikov, 2018: 59–60). However, this approach is often criticized for its limitations and bias, as ethnocentrism can exclude other groups such as the Russian-speaking population, ethnic minority communities, and migrants from the unified national narrative.

One of the key arenas where identity is formed and reproduced is the education system, particularly school history textbooks. As demonstrated in the work of M. Sh. Egamberdiyev and D. Taldybayeva, since 2010, Kazakhstani school curricula have become predominantly oriented toward the formation of patriotic consciousness, within which students are presented with positive interpretations of the past, simplified and heroic representations of national figures, and a tendency to underestimate the contributions of other ethnic and religious communities to the development of the country. The issue lies in the fact that such an approach hinders the development of critical thinking among students and reproduces a one-dimensional historical perspective. Alternative studies, including field interviews with teachers in Almaty, also confirm the existence of censored topics such as political repression, the famine of the 1930s, and the Soviet modernization project, which are covered only superficially or framed in vague terms (Egamberdiyev, Taldybayeva, 2020: 24–32).

The Turkish experience of identity formation, in turn, was based on the principles of republican nationalism codified in the Kemalist ideology. Since the 1920s, Turkey's official historiography has been constructed within the framework of the *Türk Tarih Tezi* (Turkish History Thesis), which asserted that the Turks were the progenitors of the world's most ancient civilizations, including the Hittites and Sumerians (Bora, 2002: 114). This approach pursued a dual purpose. On one hand, it rejected the Ottoman legacy as feudal, religious, and "backward". On the other hand, it sought to construct a secular ethno-national identity aligned with the goals of modernization and Europeanization. By the mid twentieth century, such historiography came under criticism from both academic circles and members of the religious intelligentsia. During the 1980s and 1990s, a process of historical and ideological liberalization began. This shift acknowledged the cultural diversity of the Ottoman Empire, the significance of the Islamic component, and the painful chapters of history, including the Kurdish and Armenian issues (Kadioğlu, 2007: 120).

Contemporary Turkey finds itself in a state of historical and identity-based pluralism. Since the 2000s, the ruling Justice and Development Party (AKP) has been constructing a new model of national memory in which Islam and the Ottoman legacy are viewed as central components of Turkish

cultural identity. Within the framework of the concept of *Yeni Türkiye* (New Turkey), the image of the nation has become intertwined with the idea of restoring historical justice, returning to “spiritual roots”, and positioning Turkey as a civilizational center (Ortaylı, 2020: 62). In this context, there has been a growing interest in Ottoman history, Arabic-language sources, Sufi heritage, and the works of Islamic thinkers. At the same time, however, there has been an increase in state control over the academic environment and the content of school textbooks, raising concerns about a potential return to ideologically driven historiography. Thus, Turkey finds itself balancing between openness to historical debate and the strengthening of a politicized narrative.

A comparative analysis of Kazakh and Turkish historiography reveals both common features and significant differences. In both cases, the state plays an active role in shaping historical memory, using schools, media, and cultural platforms as channels to transmit desired models of identity. However, Turkey has a longer tradition of academic debate and historiographical pluralism, while in Kazakhstan, historical policy tends to remain more centralized and prescriptive. Nevertheless, in both countries, modern history has become a field of ideological contestation, where secular, religious, ethnic, and globalist paradigms intersect and often compete.

In the context of the twenty-first century, Kazakhstan and Turkey face new challenges such as migration processes, the digitalization of memory, and transnational cultural influences, all of which intensify the need to rethink approaches to identity. Post-Soviet Kazakhstan is gradually shifting from an ethnocentric model toward a more inclusive concept of nationhood, with particular emphasis on the idea of “civic identity” (*qazaqstandyq ult*). In Turkey, there is an ongoing tension between a retrospective glorification of the past and the demands of contemporary pluralism. Both countries require the development of critical historiography, dialogical forms of memory, and historical education aimed not at reproducing myths, but at fostering an understanding of historical complexity.

Results

The results of the conducted study reveal significant methodological, substantive, and institutional differences in the organization of university-level teaching of national history in Kazakhstan and Turkey. The analysis is structured along three key dimensions: the theoretical and methodological foundations and structure of academic disciplines, the practical implementation of teaching methods through case studies and educational platforms, and interdisciplinary initiatives along with the civic and spiritual components of education.

The first group of findings pertains to the theoretical and methodological basis of the courses. In Kazakhstan, the university curriculum for the “History of Kazakhstan” course, introduced in 2021, is structured around the chronological progression of major historical periods: ancient history, the era of the khanates, the colonial period, the Soviet era, and the establishment of independence. Modules such as “Revival of National Statehood” and “Sovietization and Modernization” reflect a patriotic motivation underpinning the course content (Abdrakhmanov, 2021: 23–26). This structure supports the restoration of national identity, but at the same time, it promotes a limited conception of history as a linear sequence of events, lacking contextual, structural, and cultural connections.

An opposing approach is observed in Turkish universities, where disciplines that include national history are implemented as interdisciplinary projects. Courses such as *Belge Bilgisi* (Document Analysis) and *Tarih ve Kültür* (History and Culture) incorporate not only source studies but also engage with cultural analysis, archaeology, oral history, and digital practices (Yılmaz, 2019: 38–52). Students work with primary sources, conduct field interviews, and participate in museum and research projects. This format of education cultivates the ability to view history as a complex and active social practice rather than a passive repository of facts.

Since 2018, within the framework of higher education reform in Kazakhstan, groups of educational programs have been introduced to differentiate the directions of student preparation depending on the academic profile. In the field of historical education, this has led to a division into two main tracks called academic history and pedagogical history. Pedagogical history focuses on preparing future history teachers for general secondary schools and colleges. It is primarily

implemented in regional teacher training universities such as Abai Kazakh National Pedagogical University and the Kazakh National Women Teacher Training University. Special attention is given to teaching methods, didactics, developmental psychology, and curriculum design. At the same time, academic history entails scholarly training for specialists such as historians, researchers, archaeologists, archivists, and museum professionals. It is taught at the country's leading research centers such as Al-Farabi Kazakh National University and L.N. Gumilyov Eurasian National University, where emphasis is placed on historiography, source studies, historical research methodology, and working with primary sources. Graduates of pedagogical history receive qualifications that allow them to teach history in schools and colleges, while graduates of academic history mainly continue their careers in academic settings, in research institutes, or in master's and doctoral programs. Despite a shared disciplinary focus, the training programs differ significantly in terms of content, objectives, and applied methods. Pedagogical history is structured around practice oriented instruction, while academic history requires the development of research skills and command of historical criticism.

In the second area, special attention is given to the practical implementation of methodology. In Kazakhstan, an attempt was made to introduce innovative pedagogy through the course History of Religious Consciousness, offered by the Faculty of Humanities at Kazakh National University since 2021. Students engaged in oral history, documentation of traditions, and the architecture of sacred spaces. More than 60 percent of participants noted a reevaluation of Islamic heritage as a personal line of historical continuity (Tauke, 2022: 77–80). However, the tendency toward restricted access to Soviet archives and the lack of methodological support hinder the understanding of history as a research-based practice.

In contrast, the Turkish project Historical Architectural Heritage conducted in Ankara from 2022 to 2023 demonstrated that an interdisciplinary approach involving historians, architects, and sociologists contributes to the formation of active civic identity. Participation in restoration projects, interviews with local residents, and the creation of exhibitions enables students to identify themselves as custodians of cultural heritage (Kaplan, 2023: 100–110). Archival work in Turkey included expeditions, digitization, and analysis of documents from the National Archives, which contributed to an increased level of methodological autonomy and competence (Gültekin, 2021: 85–94).

The third section of the findings focuses on interdisciplinarity, motivation, and the development of civic skills. The course Tarih ve Kültür (History and Culture) demonstrates how the integration of historical studies with cultural research, sociology, and architecture creates an educational model of historical thinking that prepares students for real social engagement and public dialogue. This contributes not only to the growth of academic competence but also to the formation of civic activism and cultural self-awareness (Altun, 2022: 129–140). In Kazakhstan, similar initiatives emerge irregularly, such as electives on regional memory or the history of sacred heritage, but they have not become part of the core curriculum, and there is a lack of coordination between faculties and institutes (Shaimerdenova, 2024: 20–30).

The fourth research category concerns the professional mobility and academic freedom of faculty members. An analysis of teaching staff shows that around one quarter of history instructors in Kazakhstan have international experience, and an even smaller number make use of English-language sources (Abilgazyev, 2024: 153–156). This hinders the implementation of modern teaching methods and limits the reform of academic curricula. In Turkey, instructors actively participate in training programs across Europe and Asia, applying methods from digital history and archival studies (Yılmaz, 2019: 40–45), however, there remain persistent issues related to the lack of instructors specializing in Central Asia, which reflects a broader gap in regional expertise.

The fifth direction concerns student motivation and the emotional component of learning. Field surveys of students of the history of Kazakhstan show that only about one third of students experience a high level of engagement with the discipline, while the majority perceive the course as a collection of facts rather than as a personal cultural experience (Abdrakhmanov, 2021: 50–55). Similar indicators reveal a lack of motivational conditions and an absence of interactive approaches to creating meaningful learning experiences.

In Turkey, emotional engagement is enhanced through participation in practical projects and reconstruction programs, where 75 percent of participants report a deeper connection with history as part of their personal and cultural identity (Kaplan, 2023: 106–110).

The sixth area of focus is the analysis of national identity formation. In universities of both countries, history is used as a tool for constructing a national narrative, but the methods differ. In Kazakhstan, the curriculum emphasizes a constructed line of national continuity, civic belonging, and symbolic meaning.

In Turkey, despite the presence of an ideological framework, there is a stronger inclination toward pluralism and public discussion. Academic clubs openly debate topics such as the Kurdish and Armenian questions, the role of Islamic identity, and the influence of Atatürk on contemporary thought. This creates space for critical reflection, although questions remain regarding the degree of freedom and state support.

The seventh result concerns the analysis of institutional barriers and opportunities. In Kazakhstan, limited access to archives, weak federal support for humanities disciplines, insufficient funding, and narrow professional differentiation all hinder the development of interactive and project-based learning formats. In Turkey, there is significant institutional support for interdisciplinary projects, summer schools, and student clubs, although control over topics and history teaching persists.

Based on these findings, the following recommendations have been formulated.

First, universities in Kazakhstan are strongly advised to integrate elective and project-based courses into the mandatory part of the history curriculum, including archival work, participation in cultural analysis, and digital storytelling.

Second, it is necessary to expand international internships and dual degree programs with universities, and to support faculty mobility especially in Asian and European countries that facilitate the introduction of innovative methods and the strengthening of regional competencies.

Third, the development of multimedia teaching tools that include digital reconstructions, game-based learning, interactive maps, and analytical case studies is needed as part of the modernization of history teaching.

Fourth, academic freedom for history instructors should be encouraged through grants, publications, methodological support, deideologization of courses, and the removal of taboo topics.

Fifth, an important task should be the decolonization of educational content through multiculturalism, gender perspectives, local history, personal narratives, and studies of diasporas and migration phenomena.

Sixth, universities should engage students as agents of historical communication through project activities, urban initiatives, academic research, multimedia formats, and civic platforms.

Thus, university-level education in national history in Kazakhstan and Turkey is currently undergoing transformation. The Kazakhstani model remains oriented toward consolidation and ideological framing, while the Turkish model shows elements of transition toward critical, civic, and cultural practices. Kazakhstan may benefit from the successful elements of the Turkish model by adapting them to local conditions. In this regard, the reconfiguration of the educational curriculum can become a supportive tool not only for training qualified specialists but also for cultivating active citizens who take responsibility for cultural heritage, historical awareness, and moral memory.

Conclusion

Concluding this study, it should be emphasized that in Kazakhstan over the past decades significant progress has been made in the teaching of national history, especially in the aspect of strengthening national identity and rethinking historical heritage. After gaining independence, a process began of forming a national historical school aimed at restoring those layers of the national past that had previously remained outside the framework of official academic discourse. Foundational works on the history of Kazakh statehood were published, and new academic courses were launched, including “History of Kazakhstan” as a compulsory subject for all university students. Particular

importance was given to the development of new textbooks and the integration of research projects into the educational process. Since 2018, within the framework of higher education modernization, a differentiated approach to specialist training has been introduced with separate educational groups for academic and pedagogical history. This became a step towards the professionalization of historical education, allowing universities to clearly orient graduates toward different segments of professional activity such as research, teaching and applied practice.

In Kazakhstan's pedagogical universities, such as Abai Kazakh National Pedagogical University and the National Women's Pedagogical University, modern methods of teaching history at school have been introduced. Here a generation of teachers is being formed, capable of adapting historical knowledge to the needs of the younger generation, taking into account both state values and regional specificities. Meanwhile, in academic centers such as Al-Farabi Kazakh National University and L.N. Gumilyov Eurasian National University, active scientific work is underway, aimed at the development of source studies, historical anthropology, archival studies and theoretical foundations of historiography. These universities have become centers of attraction for young researchers, many of whom carry out international projects and publish in reputable journals. One of Kazakhstan's successes has been the formation of a modern concept of sacred geography, historical memory and the study of the role of traditional Islam in ethnic identity. All of this points to a multi level approach by the state and the academic community to the development of historical knowledge based both on national priorities and universal academic principles.

Comparative analysis with Turkey has made it possible to identify both similar trends and differences in educational approaches. In both countries, history serves as a key element in the formation of cultural and political identity. Over the past two decades, Turkey has developed an effective model for the implementation of interdisciplinary courses, public history and museum pedagogy in the university environment. In Kazakhstan this process is only gaining momentum, but examples of active student involvement in project based learning can already be observed, such as the study of sacred sites, local memory and archival work including the development of digital resources. Kazakhstan demonstrates a clear desire to integrate advanced teaching methods while preserving its own historical and cultural specificity. The opening of regional research centers, the expansion of international academic ties and the formation of domestic schools in archaeology, ethnology and the history of statehood all confirm the existence of a solid foundation for further development.

The prospects for teaching national history in Kazakhstan today are directly related to the tasks of preserving cultural continuity, strengthening interethnic harmony and raising the level of scientific thinking among young people. At the next stage it is important to deepen the integration of pedagogical and academic training and to expand the range of academic disciplines through the inclusion of global history, digital humanities, comparative historiography and applied methods. At the same time special attention should be paid to improving the qualifications of teachers, developing student research initiatives and creating educational platforms and interactive environments. Kazakhstan's educational policy in the field of history has already demonstrated its focus on strengthening cultural sovereignty and developing historical consciousness, which serves as valuable experience and an example for other post Soviet countries. The comparison with Turkey shows that the path of historical education can take many forms, and the Kazakhstani model is confidently moving toward the formation of a modern, stable and intellectually rich concept of teaching national history.

References

- Abdrakhmanov, 2021 — *Abdrakhmanov M.D.* Metodika prepodavaniya istorii v vuzakh Kazakhstana [Methodology of Teaching History in the Universities of Kazakhstan]. Almaty: Gylym, 2021. 176 p. (In Russ.).
- Abilgazyev, 2024 — *Abilgazyev S.T.* Gotovnost' prepodavateley istorii k interaktivnomu obucheniyu [Readiness of History Teachers for Interactive Learning]. Astana: Elorda, 2024. Pp. 143–160. (In Russ.).
- Ahmad, 1993 — *Ahmad F.* The Making of Modern Turkey. London: Routledge, 1993. 260 p.

- Aitaly, 2000 — *Aitaly A.* Ulttanu (Oku quraly) [Nation Studies (Textbook)]. Almaty: Arys, 2000. 226 p. (In Kaz.).
- Altun, 2022 — *Altun F.* Tarih ve Kültür Eğitimi: Türkiye Örneği [History and Culture Education: The Case of Turkey]. Konya: Çizgi Kitabevi, 2022. Pp. 129–140. (In Turk.).
- Aminov, 2019 — *Aminov T.M.* Sovremennaya istoriya Kazakhstana: Uchebnoe posobie [Modern History of Kazakhstan: A Textbook]. Almaty: Bastau, 2019. 456 p. (In Russ.).
- Bora, 1998 — *Bora T.* Milliyetçiliğin Kara Kitabı [The Black Book of Nationalism]. İstanbul: İletişim Yayınları, 1998. Pp. 35–50. (In Turk.).
- Bora, 2002 — *Bora T.* Modern Türkiye’de Siyasi Düşünce, Cilt 4: Milliyetçilik [Political Thought in Modern Turkey, Vol. 4: Nationalism]. İstanbul: İletişim Yayınları, 2002. 648 p. (In Turk.).
- Egamberdiyev, Talaybayeva, 2020 — *Egamberdiyev M., Talaybayeva D.* Identity perception in Central Asia and nation-state building: case of Uzbekistan. *Journal of History*, 2020. No. 98(3). Pp. 24–32. // DOI: <https://doi.org/10.26577/JH.2020.v98.i3.03>
- Gökarp, 1992 — *Gökarp Z.* The Principles of Turkism. Leiden: Brill, 1992. 163 p.
- Gültekin, 2021 — *Gültekin A.* Archival Learning Projects in Turkey. İstanbul: Tarih Vakfı, 2021. Pp. 85–94. (In Turk.).
- Jaqsylıqov, 2017 — *Jaqsylıqov A.* Istoriya Kazakhstana: obraz i interpretatsiya [The History of Kazakhstan: Image and Interpretation]. Nur-Sultan: Foliant, 2017. Pp. 95–99. (In Russ.).
- Kabyl, et al., 2024 — *Kabyl A.A., Khazretalikyzy R., Orazkhan N.O.* Problemy prepodavaniya istorii otkochevki i migratsii kazakhskogo naroda v 1920–1930 gg. [Problems of Teaching the History of the Kazakh People's Nomadic Departures and Migrations in the 1920s–1930s]. *Vestnik KazNPU imeni Abaya. Seriya: Istoricheskie i sotsial'no-politicheskie nauki*, 2024. No. 3(82). // DOI: <https://doi.org/10.51889/2959-6017.2024.82.3.021> (In Russ.).
- Kadioğlu, 2007 — *Kadioğlu A.* Nationalism and Its Others in a Post-Imperial Age: Turkish Identity and the Kurdish Question. *Nations and Nationalism*, 2007. Vol. 13. No. 1. Pp. 117–134.
- Kaplan, 2023 — *Kaplan Y.* Historical Architecture Projects in Turkish Universities. Ankara: Nobel Akademi, 2023. Pp. 100–110. (In Turk.).
- Kara, 2012 — *Kara K.* Osmanlı’dan Cumhuriyet’e Tarih Yazımı [Historiography from the Ottoman Empire to the Republic]. Ankara: İmge Kitabevi, 2012. Pp. 89–103. (In Turk.).
- Karibayev, 2015 — *Karibayev B.B.* Mysli Glavy gosudarstva po srednevekovoy istorii Kazakhstana: analiz i nauchnoe obobshchenie [The Head of State’s Thoughts on the Medieval History of Kazakhstan: Analysis and Scholarly Synthesis]. *Vestnik KazNU: Seriya istoricheskaya*, 2015. Vol. 1. No. 76. Pp. 4–11. // URL: <https://bulletin-history.kaznu.kz/index.php/1-history/article/view/545> (In Russ.).
- Koygeldiyev, 1995 — *Koygeldiyev M.Q.* Alash qozğalysy (Kömekshi oku quraly) [The Alash Movement (Supplementary Textbook)]. Almaty: Sanat, 1995. 368 p. (In Kaz.).
- Koygeldiyev, Omarbekov, 2003 — *Koygeldiyev M.Q., Omarbekov T.* Tarih tağlymy ne deydi? [What Does the Lesson of History Say?]. Almaty: Ana tili, 1993. 205 p. (In Kaz.).
- Masanov, et al., 2000 — *Masanov N.É., Abylkhozhin Zh.B., Erofeeva I.V., Alekseenko A.N., Baratova G.* Istoriya Kazakhstana: narody i kul'tury: Uchebnoe posobie [The History of Kazakhstan: Peoples and Cultures – A Textbook]. Almaty: Daik-Press, 2000. 608 p. (In Russ.).
- Nazarbayev, 2017 — *Nazarbayev N.A.* Bolashaqqa bağdar: rukhani jańğyru (stat’i, inter’yu, vystupleniya, ekspertniye kommentarii i spravočno-analiticheskiye materialy) [Course Towards the Future: Spiritual Modernization (Articles, Interviews, Speeches, Expert Commentaries, and Reference-Analytical Materials)]. Astana: Kazakhstanskiy institut strategicheskikh issledovaniy pri Prezidente Respubliki Kazakhstan, 2017. 512 p. (In Russ.).
- Nurlanova, 2011 — *Nurlanova N.Sh.* Natsional’naya identichnost’ v usloviyakh globalizatsii: kazakhstanskiy kontekst [National Identity in the Context of Globalization: The Kazakhstani Perspective]. Almaty: Institut filosofii i politologii, 2011. 214 p. (In Russ.).
- Ortaylı, 2020 — *Ortaylı İ.* Tarihin Sınırlarına Yolculuk [A Journey to the Borders of History]. İstanbul: Kronik Kitap, 2020. 312 p. (In Turk.).
- Sadikov, 2018 — *Sadikov T.M.* Istoricheskaya nauka v Kazakhstane: paradigmy i vyzovy epokhi [Historical Science in Kazakhstan: Paradigms and Challenges of the Era]. Astana: Elorda, 2018. Pp. 41–62. (In Russ.).
- Shaimerdenova, 2024 — *Shaimerdenova Zh.* Elektivnaya istoriya v universitetakh RK [Elective History Courses in the Universities of the Republic of Kazakhstan]. Almaty: Daik Press, 2024. Pp. 20–30. (In Russ.).
- Tauke, 2022 — *Tauke Zh.* Istoricheskoe soznanie studentov v usloviyakh elektivnykh program [Historical Consciousness of Students in the Context of Elective Programs]. Nur-Sultan: MON RK, 2022. Pp. 75–84. (In Russ.).
- Tleubaev, 2016 — *Tleubaev A.A.* Problemy istoricheskoy pamyati v Kazakhstane: ot amnezii k politike pamyati [Problems of Historical Memory in Kazakhstan: From Amnesia to a Policy of Remembrance]. Almaty: Qazaq universiteti, 2016. Pp. 73–102. (In Russ.).
- Turan, 2019 — *Turan R.* Türkiye’de Cumhuriyet Dönemi Tarih Öğretim Sisteminin Dönemlendirilmesi Üzerine Bir Değerlendirme [An Evaluation on the Periodization of the History Teaching System in the Republican Era of Turkey]. Uluslararası 24 Kasım Başöğretmen Eğitim ve Yenilikçi Bilimler Sempozyumu, Ankara, 2019. Pp. 626–641. (In Turk.).

Turlybay, 2025 — *Turlybay B.S.* Metodologicheskoye osnovy prepodavaniya istorii s ispol'zovaniem statey o prosveshchenii v gazete “Qazaq” [Methodological Foundations of Teaching History Using Enlightenment Articles from the Newspaper “Qazaq”]. Vestnik KazNPU imeni Abaya. Seriya: Istoricheskie i sotsial'no-politicheskie nauki, 2025. No. 1 (84). // DOI: <https://doi.org/10.51889/2959-6017.2025.84.1.023> (In Russ.).

Yıldız, 1999 — *Yıldız G.* The Well Protected Domains: Ideology and the Legitimation of Power in the Ottoman Empire 1876–1909. OA, 1999. No. 19(19). Pp. 333–342. // URL: <https://dergipark.org.tr/tr/pub/oa/issue/10959/131030>

Yılmaz, 2019 — *Yılmaz E.* University History Education in Turkey: Approaches and Challenges. İstanbul: Boğaziçi Yayınları, 2019. Pp. 38–52. (In Turk.).

Әдебиеттер тізімі

Ahmad, 1993 — *Ahmad F.* The Making of Modern Turkey. London: Routledge, 1993. 260 p.

Altun, 2022 — *Altun F.* Tarih ve Kültür Eğitimi: Türkiye Örneği. Konya: Çizgi Kitabevi, 2022. Pp. 129–140.

Bora, 1998 — *Bora T.* Milliyetçiliğin Kara Kitabı. İstanbul: İletişim Yayınları, 1998. Pp. 35–50.

Bora, 2002 — *Bora T.* Modern Türkiye’de Siyasi Düşünce, Cilt 4: Milliyetçilik. İstanbul: İletişim Yayınları, 2002. 648 p.

Egamberdiyev, Taldybayeva, 2020 — *Egamberdiyev M., Taldybayeva D.* Identity perception in Central Asia and nation-state building: case of Uzbekistan. Journal of History, 2020. No. 98(3). Pp. 24–32. // DOI: <https://doi.org/10.26577/JH.2020.v98.i3.03>

Gökalp, 1992 — *Gökalp Z.* The Principles of Turkism. Leiden: Brill, 1992. 163 p.

Gültekin, 2021 — *Gültekin A.* Archival Learning Projects in Turkey. İstanbul: Tarih Vakfı, 2021. Pp. 85–94.

Kadıoğlu, 2007 — *Kadıoğlu A.* Nationalism and Its Others in a Post-Imperial Age: Turkish Identity and the Kurdish Question. Nations and Nationalism, 2007. Vol. 13. No. 1. Pp. 117–134.

Kaplan, 2023 — *Kaplan Y.* Historical Architecture Projects in Turkish Universities. Ankara: Nobel Akademi, 2023. Pp. 100–110.

Kara, 2012 — *Kara K.* Osmanlı’dan Cumhuriyet’e Tarih. Ankara: İmge Kitabevi, 2012. Pp. 89–103. (In Turk.).

Ortaylı, 2020 — *Ortaylı İ.* Tarihin Sınırlarına Yolculuk. İstanbul: Kronik Kitap, 2020. 312 p.

Turan, 2019 — *Turan R.* Türkiye’de Cumhuriyet Dönemi Tarih Öğretim Sisteminin Dönemlendirilmesi Üzerine Bir Değerlendirme. Uluslararası 24 Kasım Başöğretmen Eğitim ve Yenilikçi Bilimler Sempozyumu, Ankara, 2019. Pp. 626–641.

Yıldız, 1999 — *Yıldız G.* The Well Protected Domains: Ideology and the Legitimation of Power in the Ottoman Empire 1876–1909. OA, 1999. No. 19(19). Pp. 333–342. // URL: <https://dergipark.org.tr/tr/pub/oa/issue/10959/131030>

Yılmaz, 2019 — *Yılmaz E.* University History Education in Turkey: Approaches and Challenges. İstanbul: Boğaziçi Yayınları, 2019. Pp. 38–52.

Абдрахманов, 2021 — *Абдрахманов М.Д.* Методика преподавания истории в вузах Казахстана. Алматы: Ғылым, 2021. 176 с.

Абилгазиев, 2024 — *Абилгазиев С.Т.* Готовность преподавателей истории к интерактивному обучению. Астана: Елорда, 2024. С. 143–160.

Айталы, 2000 — *Айталы А.* Ұлттану (Оқу құралы). Алматы: «Арыс» баспасы, 2000. 226 б.

Аминов, 2019 — *Аминов Т.М.* Современная история Казахстана: Учебное пособие. Алматы: «Бастау», 2019. 456 с.

Жаксылыков, 2017 — *Жаксылыков А.* История Казахстана: образ и интерпретация. Нур-Султан: Фолиант, 2017. С. 95–99.

Карибаев, 2015 — *Карибаев Б.Б.* Мысли Главы государства по средневековой истории Казахстана: анализ и научное обобщение. Вестник КазНУ: Серия историческая, 2015. Т. 1. № 76. С. 4–11. // URL: <https://bulletin-history.kaznu.kz/index.php/1-history/article/view/545>

Қабыл, т.д., 2024 — *Қабыл А.Ә., Хазретәліқызы Р., Оразхан Н.О.* Проблемы преподавания истории откочевки и миграции казахского народа в 1920–1930 гг. Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Исторические и социально-политические науки. 3, 82 (сен. 2024). // DOI: <https://doi.org/10.51889/2959-6017.2024.82.3.021>

Қойгелдиев, 1995 — *Қойгелдиев М.Қ.* Алаш қозғалысы (Көмекші оқу құралы). Алматы: «Санат», 1995. 368 б.

Қойгелдиев, Омарбеков, 2003 — *Қойгелдиев М.Қ., Омарбеков Т.* Тарих тағылымы не дейді? Алматы: Ана тілі, 1993. 205 б.

Масанов, т.д., 2000 — *Масанов Н.Ә., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.Н., Баратова Г.* История Казахстана: народы и культуры: Учебное пособие. Алматы: Дайк-Пресс, 2000. 608 с.

Назарбаев, 2017 — *Назарбаев Н.А.* Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру (статьи, интервью, выступления, экспертные комментарии и справочно — аналитические материалы). Астана: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2017. 512 с.

Нурланова, 2011 — *Нурланова Н.Ш.* Национальная идентичность в условиях глобализации: казахстанский контекст. Алматы: Институт философии и политологии, 2011. 214 с.

Садыков, 2018 — *Садыков Т.М.* Историческая наука в Казахстане: парадигмы и вызовы эпохи. Астана: Елорда, 2018. С. 41–62.

Тауке, 2022 — *Тауке Ж.* Историческое сознание студентов в условиях элективных программ. Нур-Султан: МОН РК, 2022. С. 75–84.

Тлеубаев, 2016 — *Тлеубаев А.А.* Проблемы исторической памяти в Казахстане: от амнезии к политике памяти. Алматы: Қазақ университеті, 2016. С. 73–102.

Тұрлыбай, 2025 — *Тұрлыбай Б.С.* Методологические основы преподавания истории с использованием статей о просвещении в газете «Қазақ». Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Исторические и социально-политические науки, 2025. // DOI: <https://doi.org/10.51889/2959-6017.2025.84.1.023>

Шаймерденова, 2024 — *Шаймерденова Ж.* Элективная история в университетах РК. Алматы: Дайк Пресс, 2024. С. 20–30.

ТАРИХ / ИСТОРИЯ / HISTORY

Published in the Republic of Kazakhstan
Asian Journal “Steppe Panorama”
Has been issued as a journal since 2014
ISSN 2710-3994.
Vol. 12. Is. 4, pp. 974-987, 2025
Journal homepage: <https://ajspiie.com>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2710-3994_2025_12_4_974-987

**THE FATE OF VICTIMS OF POLITICAL REPRESSION IN SOUTHERN KAZAKHSTAN
IN THE 1920 AND 1930: AN ANALYSIS BASED ON ARCHIVAL DATA**

Aitimbaev Askat^{1*}, Sandybayeva Akmaral²

¹International Kazakh-Turkish University named Khoja Ahmed Yasawi
(29, Bekzat Sattarkhanov Aven., 161200 Turkestan, Republic of Kazakhstan)
PhD Doctoral student
E-mail: a.aytimbaev@ayu.edu.kz
*Correspondent author

²International University of Tourism and Hospitality
(14B, Rabiga Sultan Begim Str., 161200 Turkestan, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences
 <https://orcid.org/0000-0003-1244-3610>. E-mail: a.sandybaeva@iuth.edu.kz

© Ch.Ch. Valikhanov IHE, 2025
© Aitimbaev A., Sandybayeva A., 2025

Abstract. *Introduction.* The article reveals the history of political repression in the territory of South Kazakhstan region from the 1920s to the 1930s, their course and consequences. Based on fundamental works and archival documents, the volume of political repressions in the territory of South Kazakhstan region, individual memories and accusations against persecuted citizens are studied. This, in turn, will expand the existing understanding of the policy of repression carried out in the South Kazakhstan region and on the scale of the republic. The analysis of new archival documents, first introduced into scientific circulation during the study, increases the value of the work. Relevance. Fundamental works and conducted research work ignore the fate of victims of political repression in the territory of South Kazakhstan region. Based on specific historical data, the fate of persecuted citizens, determining the number of charges brought against them and measures of persecution are very important. The goal of the study is to study the fate of victims of political repression carried out in the territory of the South Kazakhstan region in the 1920–1930s based on fundamental works and archival data and to identify the consequences of political repression. Objectives: to reveal the features of the repressive policy in the territory of the South Kazakhstan region; to determine the fate of repressed persons based on archival documents and scientific works, to show the role of political repressions carried out in the territory of the South Kazakhstan region in the process of changing the social structure and public consciousness. Material and methods. In the course of the article, a number of fundamental works were used, along with the conducted research work, documents of the Central State Archives of the Republic of Kazakhstan, state archives of the Turkestan region for 1920–1930, investigative cases, court decisions and eyewitness accounts of the incident. In the course of the article, the methods of historical-comparative and documentary analysis, quantitative analysis were used. Results. Based on historical data and research, individual examples of individuals who were subjected to political repression in the territory of the South Kazakhstan

region, information about their fate and charges were given. *Conclusion.* Studying the history of political repression in the 1920s and 1930s at the regional level is essential for restoring historical reality and establishing principles of justice. The results of the study can become the scientific basis for the rehabilitation process of victims of repression.

Keywords: Political repression, South Kazakhstan, archival data, collectivization, confiscation, USSR, totalitarian system

For citation: Aitimbaev A., Sandybayeva A. The fate of victims of political repression in Southern Kazakhstan in the 1920 and 1930 an analysis based on archival data // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Vol. 12. No. 4. Pp. 974–987. (In Kaz.).

DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_974-987

1920–1930 ЖЫЛДАРДАҒЫ ОҢТҮСТІК ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ САЯСИ ҚУҒЫН-СҮРГІН ҚҰРБАНДАРЫНЫҢ ТАҒДЫРЫ

Айтимбаев Асқат Тореханович^{1*}, Сандыбаева Акмарал Дауровна²

¹Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті
(29-үй, Бекзат Саттарханов даңғ., 161200 Түркістан, Қазақстан Республикасы)

PhD докторант

E-mail: a.aytimbaev@ayu.edu.kz

*Автор-корреспондент

²Халықаралық туризм және меймандостық университеті
(14В-үй, Рабия Бегім көш., 161200 Түркістан, Қазақстан Республикасы)

Тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор

 <https://orcid.org/0000-0003-1244-3610>. E-mail: a.sandybaeva@iuth.edu.kz

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2025

© Айтимбаев А.Т., Сандыбаева А.Д., 2025

Аңдатпа. *Kipicne.* Мақалада 1920–1930-жылдарда аралығында Оңтүстік Қазақстан облысы аумағындағы саяси қуғын-сүргін тарихы, оның барысы мен салдары айқындалады. Іргелі еңбектер мен архив құжаттарының негізінде Оңтүстік Қазақстан облысы аумағындағы саяси қуғын-сүргін шараларының көлемі, жекелеген естеліктер мен қуғындалған азаматтарға тағылған айыптар зерттелді. Бұл өз кезегінде Оңтүстік Қазақстан өңірінде және республика көлемінде жүргізілген қуғын-сүргін саясаты туралы қалыптасқан көзқарасты кеңейте түседі. Зерттеу барысында алғаш рет ғылыми айналымға енгізілген жаңа архив құжаттарына талдау жұмыстың құндылығын арттырады. *Өзектілігі.* Іргелі еңбектер мен жүргізілген ғылыми-зерттеу жұмыстарында Оңтүстік Қазақстан облысы аумағындағы саяси қуғын-сүргін құрбандарының тағдыры назардан тыс қалады. Нақты тарихи деректер негізінде қуғынға ұшыраған азаматтардың тағдыры, оларға тағылған айыптар мен қуғындау шараларының көлемін анықтау ісі өте маңызды. *Зерттеудің мақсаты* – 1920–1930 жылдары Оңтүстік Қазақстан облысы аумағында жүзеге асқан саяси қуғын-сүргін құрбандарының тағдырын іргелі еңбектер мен архив деректері негізінде зерделеу және саяси қуғын-сүргін шараларының зардаптарын анықтау. *Міндеттері:* Оңтүстік Қазақстан облысы аумағындағы репрессиялық саясаттың ерекшеліктерін ашу; архив құжаттары мен ғылыми еңбектер негізінде қуғын-сүргінге ұшыраған тұлғалардың тағдырын анықтау, Оңтүстік Қазақстан облысы аумағында жүргізілген саяси қуғын-сүргіннің әлеуметтік құрылым мен қоғамдық сананы өзгерту үдерісіндегі рөлін көрсету. *Материалдар мен әдістер.* Мақала барысында бірқатар іргелі еңбектер, жүргізілген ғылыми-зерттеу жұмыстарымен қатар, ҚР Орталық мемлекеттік архиві, Түркістан облыстық мемлекеттік архивтерінің 1920–1930 жылдарға қатысты құжаттары, тергеу істері, сот шешімдері және оқиға куәгерлерінің естеліктері пайдаланылды. Мақала барысында тарихи-салыстырмалы және құжаттық талдау, сандық әдістері

қолданылды. *Нәтижелер.* Тарихи деректер мен зерттеу жұмыстары негізінде Оңтүстік Қазақстан облысы аумағындағы саяси қуғын-сүргінге ұшыраған адамдардың жекелеген мысалдары, олардың тағдыры мен тағылған айыптары туралы мәліметтер келтіріліп, ғылыми тұрғыдан талданды. *Қорытынды.* 1920–1930 жылдардағы саяси қуғын-сүргін тарихын өңірлік деңгейде зерделеу – тарихи шындықты қалпына келтіру және әділеттілік принциптерін орнықтыру үшін аса маңызды. Зерттеу нәтижелері қуғын-сүргін құрбандарын ақтау процесіне ғылыми негіз бола алады.

Түйін сөздер: Саяси қуғын-сүргін, Оңтүстік Қазақстан, архив деректері, ұжымдастыру, тәркілеу, КСРО, тоталитарлық жүйе

Дәйексөз үшін: Айтимбаев А.Т., Сандыбаева А.Д. 1920–1930 жылдардағы Оңтүстік Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін құрбандарының тағдыры: архив деректері негізіндегі талдау // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. 974–987 бб. (Қазақш.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_974-987

СУДЬБЫ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В ЮЖНОМ КАЗАХСТАНЕ В 1920–1930-е ГОДЫ: АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ АРХИВНЫХ ДАННЫХ

Айтимбаев Аска́т Торе́ханович^{1*}, Сандыбаева Акмарал Даировна²

¹Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави
(д. 29, просп. Бекзат Саттарханова, 161200 Туркестан, Республика Казахстан)
PhD докторант

E-mail: a.aytimbaev@ayu.edu.kz

*Автор-корреспондент

²Международный университет туризма и гостеприимства
(д. 14В, ул. Рабия Бегим, 161200 Туркестан, Республика Казахстан)
Кандидат исторических наук, ассоциированный профессор

 <https://orcid.org/0000-0003-1244-3610>. E-mail: a.sandybaeva@iuth.edu.kz

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2025

© Айтимбаев А.Т., Сандыбаева А.Д., 2025

Аннотация. *Введение.* В статье комплексно исследуется формирование и функционирование системы политических репрессий 1920–1930-х годов на основе региональных материалов. Это, в свою очередь, расширяет сложившиеся представления о репрессиях и реабилитации в Южном Казахстане и в масштабах всей республики. Анализ архивных документов, впервые введенных в научный оборот, повышает научную ценность исследования. Реабилитация жертв политических репрессий и изучение их судьбы напрямую связаны с процессом восстановления исторической справедливости в современном казахстанском обществе. Актуальность темы обусловлена необходимостью полного и объективного освещения истории политических репрессий. *Цель исследования* – на основе архивных данных проанализировать механизм политических репрессий, осуществленных в Южном Казахстане в 1920–1930-е годы, и определить их социально-политические последствия. Задачи исследования – раскрыть особенности репрессивной политики советской власти в регионе; обосновать документально судьбы лиц, подвергшихся репрессиям, на основе архивных источников; показать роль политических репрессий в трансформации социальной структуры и общественного сознания. *Методы и материалы исследования.* В исследовании использованы материалы по политическим репрессиям фондов Центрального Государственного архива РК, архивов Туркестанской области, включая документы 1920–1930-х годов, следственные дела, судебные приговоры и свидетельства очевидцев. Применялись историко-сравнительный и документальный методы, а также количественный и биографический подходы. *Результаты.* На основе архивных данных были установлены

конкретные случаи репрессий в Туркестанском районе и прилегающих территориях, подтверждающие факты незаконных преследований сотен человек. *Выводы.* Изучение истории политических репрессий 1920–1930-х годов на региональном уровне имеет важное значение для восстановления исторической правды и утверждения принципов справедливости. Результаты исследования могут послужить научной основой для дальнейшего процесса реабилитации жертв репрессий.

Ключевые слова: Политические репрессии, Южный Казахстан, архивные документы, коллективизация, конфискация, СССР, тоталитарная система

Для цитирования: Айтимбаев А.Т., Сандыбаева А.Д. Судьбы жертв политических репрессий в Южном Казахстане в 1920–1930-е годы: анализ на основе архивных данных // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. С. 974–987. (На Каз.).

DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_974-987

Кіріспе

1920–1930 жылдар аралығындағы саяси қуғын-сүргін тарихы Отан тарихының өзекті мәселелері қатарына жатады. Коммунистік идеология үстемдік құрып тұрған жылдары аталған тақырып көлемінде ғылыми-зерттеу жұмыстарын ұйымдастыру мүмкін болмады. Тек еліміздің егемендікке қол жеткізуі нәтижесінде Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін тарихы, оның барысы мен салдары туралы ғылыми ізденістер басталды. Тақырып көлемінде іргелі еңбектер жарық көріп, ғылыми-зерттеу жұмыстары жүргізілді. Дегенмен Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін тақырыбы көлемінде әлі де болса зерттеуді талап ететін мәселелер бар. Әсіресе жекелеген аймақтардағы саяси қуғын сүргін үдерісінің барысы мен салдарына қатысты белсенді ғылыми-зерттеу жұмыстарының жүргізілгені дұрыс. Мұндай жекелеген аймақтардың бірі – Оңтүстік Қазақстан облысы болып табылады.

Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін жылдары барлық аймақтар сынды Оңтүстік Қазақстан облысы аумағында да азаматтарды қудалау, еңбекпен түзету лагерлеріне тоғыту сынды шаралар белсенді жүргізілді. Қуғындау саясаты азаматтардың әлеуметтік тегіне қарамады. Қарапайым шаруалардан бастап, ел басқарған лауазымды тұлғаларға дейін қуғын-сүргінге ұшырады. Саяси қуғын-сүргінге ұшырағандардың ұрпақтарының естеліктері мен архив құжаттарында, жүргізілген ғылыми-зерттеу жұмыстары мен жарық көрген еңбектерде келтірілген мәліметтерді басшылыққа алатын болсақ, Оңтүстік Қазақстан аумағындағы саяси қуғын-сүргін барысы үркіту мен қорқытуға негізделді. Тағайындалған жазалар еш негізсіз болып жатты. Мұндай саясаттың әлеуметтік салдары өте ауыр болды. Салық тапсыру науқанындағы қателіктері, бай-кулақтарды тап ретінде жою барысындағы қате берілген мәліметтер, саяси көзқарастарының мемлекеттік тәртіппен ұштаспауы, отбасын аштықтан сақтап қалу үшін алынған аздаған астық үшін азаматтар қуғындалып, жер аударылды, еңбекпен түзету лагерлеріне айдалды. Тіпті ату жазасына да кесіліп отырды. Нәтижесінде дәстүрлі қазақ қоғамы, шаруашылық істерін ұйымдастыру, отбасылық құндылықтар ісіне түбегейлі өзгерістер енгізілді. Осы аталған мәселелердің барлығы да кешенді зерттеуді талап етеді.

Материалдар мен әдіс-тәсілдері

Зерттеу барысында Қазақстан Республикасының архивтік қорларындағы құжаттар кеңінен қолданылды. Атап айтқанда, Қазақстан Республикасы Президентінің Архиві: 708-қор – Қазақстан Коммунистік партиясы Орталық Комитетінің құжаттары; 141-қор – БК(б)П Қазақ өлкелік комитетінің материалдары.

Сондай-ақ, Қазақстан Республикасының Орталық мемлекеттік архивінің (ҚР ОМА) 5-қоры, Түркістан облыстық мемлекеттік архивінің (ТОМА) 816, 895, 898 қорлары, және Түркістан облысының қоғамдық-саяси тарихы мемлекеттік архивінің (ТОҚСТА) 29 және 40-қорларындағы құжаттар пайдаланылды. Аталған дереккөздер кешені Қазақ КСР аумағында жүргізілген репрессивтік саясаттың кезеңдерін талдауға мүмкіндік беріп, автор ұсынған ғылыми тұжырымдарды нақтылы фактілермен дәлелдеуге жол ашты. Бұл құжаттық

материалдар зерттеу нысанына қатысты тарихи үдерістерді жан-жақты көрсетуге септігін тигізді.

Зерттеу жұмысының әдіснамалық негізін тарихи құжаттарды талдау, тарихи-салыстырмалы, сандық әдістер құрайды.

Құжаттық талдау – зерттеу Қазақстан Республикасы Орталық Мемлекеттік архиві, Түркістан облысының мемлекеттік архиві, Түркістан облысының қоғамдық-саяси тарихының архиві қорларындағы құжаттарға сүйене отырып жүргізілді.

Тарихи-салыстырмалы әдіс – 1920–1930 жылдар аралығындағы қуғын-сүргін саясатындағы оңтүстік аймақта жүргізілген үдерісін айқындауға мүмкіндік берді.

Сандық әдіс – архивтік мәліметтер негізінде қуғынға ұшыраған адамдардың нақты саны мен құрамын талдауға арналды.

Талқылау

1980-жылдардың екінші жартысынан бастап академик М.Қ. Қозыбаев 30–40-жылдардағы саяси қуғын-сүргіннің құрбандарын анықтау және оларды ақтау жолында жалпы мемлекеттік маңызы бар көлемді де жүйелі жұмыстар жүргізді. Бұл бағыттағы алғашқы әрі іргелі жұмыстардың бірі ретінде академик М. Қозыбаевтың жетекшілігімен Ш.Ш. Уәлиханов атындағы тарих және этнография институты ұжымы дайындаған «Қазақстан тарихы: ақтандақтар» атты мақалалар жинағын атап өтуге болады (История Казахстана, 1991)

1990 жылдардың басы мен ортасында қазақстандық зерттеушілердің жаңа еңбектері жарық көріп, сталинизм мен тоталитарлық жүйе жағдайындағы қуғын-сүргін мәселесінің әртүрлі аспектілері ашып көрсетілген. Атап айтқанда, М. Қозыбаевтың (Қозыбаев, 1992). К. Нұрпейісовтің (Нұрпейсов, 1995) еңбектерін атауға болады. Кеңестік саясаттың ұжымдастыру науқаны кезінде билікке қарсы шыққандарға қатысты жүргізілген жазалау шараларының қатыгездігі, қуғын-сүргін механизмнің жүзеге асу жолдары нақты тарихи деректер негізінде М. Қозыбаев, Ж. Абылхожин, К. Алдажуманов еңбегінде ашып көрсетілген (Қозыбаев и др, 1992). Сонымен қатар, 1920–1930 жылдардағы қуғын-сүргін В. Осиповтың (Осипов, 1991), Т. Омарбековтың (Омарбеков, 1994) зерттеулерінде қуғын-сүргін тарихының әртүрлі аспектілері жан-жақты қарастырылған.

Осы кезеңде жарық көрген тағы бір маңызды еңбек – «Қазақстан тарихы: көне заманнан бүгінге дейін» атты оқулық (Қазақстан тарихы, 1993). Бұл ұжымдық зерттеуде XX ғасырдың 20–50 жылдарындағы саяси оқиғаларға жаңаша, сыни көзқарас тұрғысынан баға берілген. Әсіресе, социалистік жүйені құрудағы теріс құбылыстары, индустрияландыру, ұжымдастырудың зардаптары, 1931–1933 жылдардағы ашаршылық, сондай-ақ сол кезеңдегі саяси қуғын-сүргіннің себептері мен салдары кеңінен қарастырылады.

Зерттеліп отырған мәселе бойынша Г.А. Жумасултанова (Жумасултанова, 1999), А.Н. Калханова (Калханова, 2010), Мұсағалиева А.С. (Мұсағалиева, 2010), Ж.Ж. Кумганбаев (Кумганбаев, 2014) және басқа да авторлардың диссертациялық жұмыстарында бұл тақырыптың кейбір аспектілері ішінара қарастырылғаны байқалады. Бұл еңбектерде саяси репрессиялардың жекелеген аспектілері мен тарихи алғышарттары талданады.

Шетелдік зерттеушілер де Қазақстандағы саяси қуғын-сүргіннің кеңестік жүйе аясында қалай жүзеге асқанын көрсетеді. Роберт Конквест өзінің «*Үлкен террор*» атты еңбегінде әскери оқу орындары мен партиялық мекемелердің өзінде репрессия жаппай сипат алғанын атап өтеді. Оның жазуынша, «тыңдаушыларды тұтас топпен ұстап әкету қалыпты жағдайға айналды. Қызметтік мінездемелерде «халық жауларымен күреске белсенді араласуы» міндетті тармаққа айналды» деген пікір білдіреді (Конквест, 1991:195–196.).

Оңтүстік Қазақстан облысы аумағындағы қуғын-сүргін тарихы кешенді түрде С.У. Бакторазовтың еңбегінде қарастырылады. Зерттеуші мәселені 1917–1939 жылдар аралығындағы хронологиялық шеңберде қарастырған (Бакторазов, 2007). Сонымен қатар мәселеге қатысты Б.К. Қалшабаеваның «Өзбекстандағы қазақтардың саяси қуғын-сүргінге ұшырауының тарихи аспектілері (XX ғ. 30-жылдары)» атты ғылыми-зерттеу жұмысының да өзіндік маңызы бар. Зерттеу жұмысының бір ерекшелігі – мәселенің Өзбекстан аумағындағы

тарихын ашуға бағытталуында. Дегенмен Өзбекстан аумағындағы этникалық қазақтарды қуғын-сүргінге ұшырату тарихын Оңтүстік Қазақстан облысымен байланыстыра отырып қарастырудың маңыздылығын атап өтеміз (Қалшабаева, 2021).

Оңтүстік Қазақстан облысындағы қуғын-сүргін тарихын айқындап, оның көлемін анықтауға Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі Мемлекеттік комиссия жұмысының материалдарының да өзіндік маңызы бар. Архив құжаттары мен естеліктер негізінде жарық көрген жинақта қуғын-сүргін жылдары, оқиға куәгерлерінің естеліктері топтастырылған. Біздің қарастырып отырған мәселе де, яғни Оңтүстік Қазақстан облысы аумағындағы саяси қуғын-сүргін тарихына қатысты мәліметтер сақталған (Мемлекеттік комиссияның..., 2023). Қарастырып отырған мәселеге қатысты нақты мәліметтер беретін және деректік маңызы жоғары жинақтардың бірін Х. Тұрсұн құрастырған. «Түркістан облысындағы саяси қуғын-сүргіннің естеліктері» деп аталатын еңбекте оқиға куәгерлері мен олардың ұрпақтарының естеліктері топтастырылған. Біз өз кезегімізде аталған еңбекте келтірілген мәліметтерді басшылыққа ала отырып, өзіндік тұжырым жасау барысында қолдана алдық (Түркістан, 2023).

Мәселеге жанама мәліметтер беретін В.П. Осиповтың «Всматриваясь в 20–30-е годы» атты еңбегі де жарық көрген. Автор өз еңбегінде қарастырып отырған жылдардағы республиканың даму деңгейі, қоғамдық өміріне қатысты мәліметтер беріп, баға беруге тырысады. Оңтүстік Қазақстан облысы аумағындағы саяси қуғын-сүргіндерге түрткі болған шешім, қаулылардың тарихы мен олардың мәніне қатысты мәліметтер жан-жақты ашылған (Осипов, 1991).

Зерттеу тақырыбына тікелей қатысы бар нақты еңбектер қатарында саяси қуғын-сүргін тарихына арналған республикалық және халықаралық ғылыми конференцияларда ұсынылған баяндамалар, ғылыми-зерттеу жұмыстары мен пікірлерді атауға болады. Дегенмен, бұл жұмыстардың көпшілігі жекелеген мәселерді ғана қамтиды. Оңтүстік Қазақстан аумағындағы қуғын-сүргіннің бүкіл тарихи табиғатын, себеп-салдарын, құрылымдық ерекшеліктерін толықтай ашып көрсете алмайды. Сондықтан аталған тақырыпты жүйелі түрде, кешенді зерттеу қажеттілігі күн тәртібінде өзекті болып отыр.

Зерттеу нәтижелері

Қазақстанның оңтүстік өңірінде орын алған қуғын-сүргін оқиғалары ел тарихының ажырамас бір бөлігін құрайды. Тоталитарлық жүйенің қуғын-сүргін саясаты өңір халқының әлеуметтік, саяси және мәдени дамуына теріс әсерін тигізді. Репрессия құрбандарының қатарында елдің дамуына айрықша үлес қосқан мемлекет және қоғам қайраткерлері, мәдениет пен ғылым саласының өкілдері де болды.

Мысалы, 1914 жылы туған Баймурзаев Абен 1933 жылдың 16 маусымында, 1932 жылғы 7 тамыздағы заңға сәйкес, “саудагер ретінде мемлекеттің шайын заңсыз сатты” деген айыппен ату жазасына кесілген (ТОМА. 217-қ., 1-т., 10 б., 111-іс).

Түркістан ауданында 16-учаскесінде 1930 жылғы 25–30 қаңтар күндері аралығында мақта дайындау жоспарын орындамағаны үшін 16 адам сотқа тартылып, оның 10-ы үш жылға, біреуі үш жылдан астам мерзімге сотталса, төртеуі ауыр жұмыстарға жегілген. Сонымен қатар, 11 шаруашылық тәркіленіп, иелері ауданнан жер аударылған (ТОМА. 816-қ., 1-т., 59-іс, 55-п.). 17-учаскесінің халық соты шешімі бойынша, осы мерзім аралығында 5 күнде 23 азамат айыпталып, 19 адам 3 жылға дейін бас бостандығынан айырылып, 2 адам басқа ауданға жер аударылып, 2 жылға сотталды. Сонымен қатар, 12 бай-кулак деп танылған шаруалардың мал-мүлігі тәркіленді.

Астық жинау науқандары көбіне күшпен және жоғарыдан берілген нұсқаулармен жүргізілді. БК(б)П ОК тарапынан жергілікті партия ұйымдарына өнім тапсырмағандарды қатаң жазалау, сондай-ақ ауқатты шаруалардан астықты зорлықпен алу жөнінде нақты нұсқаулар берілген. 1929 жылдың 1 тамыз – 15 қазан күндер аралығында Түркістан ауданында жоспарды орындамағаны үшін аудандық милиция бөлімінің басшысы қылмыстық жауапкершілікке тартылып, ісі сотқа жолданған (ТОМА 897-қ., 1-т., 87-іс, 171–175-бб.).

1930 жылы салық тапсыру науқаны кезінде Түркістан ауданында 23 азамат сотталған, 6 адам өзге өңірлерге жер аударылған (ТОҚСТА. 29-қ., 1-т., 713-іс, 24-п.). Демек Оңтүстік Қазақстан аумағындағы салық тапсыру науқаны үркіту мен қорқыту әдістеріне негізделгенін байқауға болады. Бұл жайт шаруашылық істерін жүргізуде қиындық көріп отырған шаруалар үшін жағымсыз болғаны шындық. Сонымен қатар Кеңестік билік кезеңінде республикадағы азық-түлік тапшылығына қарамастан, астық пен мал дайындау жоспарлары үздіксіз жүргізіліп отырғандығының дәлелі. Салық тапсыру науқаны салдарынан қуғындалған адамдармен қатар, азаматтарды саяси себептермен де қуғындау тәжірибесі енгізіле бастады. Қуғындау саясаты салдарынан азаматтар өздерінің тұрғылықты жерінен тыс жерлерге жер аударылып, арнайы лагерьлерге жөнелтілді. Алайда архивтерде олардың нақты қай лагерьлерге жіберілгені жөнінде толыққанды мәліметтердің жоқтығы зерттеушілер үшін елеулі қиындықтар туындатып отыр.

Мәселен, Түркістан облыстық мемлекеттік архивінің №819 қорындағы деректерге сүйенсек, Ташқазак уезінен 60-қа жуық азамат түрлі айыптармен тұтқындалып, абақтыға жабылған. Бұл істерде аталған тұлғалардың отбасылары және жерленген орындары Түркістан облыстық мемлекеттік архивінің №819 жөнінде деректер кездеспейді. Сонымен қатар, Шымкент, Жамбыл (Тараз), Қызылорда қалаларында орналасқан қамау мекемелері туралы мәліметтер де архив құжаттарында орын алған (ТОМА. 819-қ., 1-т., 13-іс, п.38).

1930-жылдары Кеңестік қылмыстық заңнамада РСФСР Қылмыстық кодексінің 59-бабы кеңнен қолданылды. Бұл «Мемлекеттік басқару тәртібіне қарсы қылмыстар» бап бойынша қарастырылып, түрлі қызметтік және шаруашылық қылмыстарды қамтыды. Атап айтқанда, 59-баптың жекелеген тармақтарында – 59-3 озбырлық (өз бетінше әрекет ету), 59-4 – Кеңес үкіметі органдарының немесе лауазымды тұлғалардың заңды бұйрықтары мен талаптарына қасақана бағынбау – «мемлекеттік тәртіпке қарсы әрекет ретінде» қарастырылып, қылмыстық жауапкершілікке тартылды, 59-6 – қызмет бабын асыра пайдалану, 59-7 мемлекет мүлкін иемдену немесе ысырап ету (колхоз мүлкін «ұрлау» деп тану), 59-10 – кеңес үкіметне қарсы үгіт-насихат іс-әрекеттер үшін жаза көзделген.

Бұл баптар негізінде көптеген қарапайым азаматтар, соның ішінде колхозшылар, мұғалімдер, дәрігерлер және ауыл белсенділері әртүрлі жалған айыптармен ұзақ мерзімге сотталды. Мәселен, 59-7 бабы бойынша колхозшы аз мөлшерде астық алғаны үшін ұрлық ретінде 10 жылға дейін мерзімге еңбекпен түзеу лагерлеріне жіберілді.

59-бап көбінесе 58-баппен (контрреволюциялық қылмыстар) бірге қолданылып, 1937-1938 жылдардағы «Үлкен террор» кезеңінде жаппай қуғын-сүргіннің құқықтық негіздерінің бірі болды.

59-4 бап кеңестік билік органдарының бұйрықтары мен шешімдеріне қасақана бағынбаған азаматтарды жазалауға арналған. Бұл бап әсіресе 1930-жылдардағы ұжымдастыру және салық жинау науқандары кезінде жиі қолданылды. Халықтың кеңестік саясатқа қарсы ішкі наразылығы, мысалы, еңбек міндетін орындаудан бас тарту немесе жергілікті билікке мойынсынбау, 59-4 бап бойынша мемлекеттік тәртіпке қарсы қылмыс ретінде бағаланды. Мысалы Оңтүстік Қазақстан бойынша бірқатар азаматтар мемлекеттік тәртіп, жалпы КСРО-ға қарсы әрекет жасалды деген күдікпен қуғынға ұшырады. Түркістан облысы Мемлекеттік архивінің «Түркістан ауданының II учаскелік халық соты» 895-ші қорында сақталған құжаттарда бірнеше азаматтардың сот істері осы баптар бойынша оларды бас бостандығынан айыру көзделеді. 1938 жылы сот шешімінің 59-ЗРКФСР ҚК 59-4 бабы бойынша: Досижанов Исхақ, Шалкиев Садуахан, Серікбаев, Стынчиев; 59-3 бабы бойынша: Филюшкин Михаил Филипович, Беляев Сергей Петрович, Демин Иван Никитович, Атарбаев Абдраим, Вдовкин Алексей Петрович, Кабилбеков Сат, Горовой Иван Прокофьевич, Оспанов Ибраим азаматтар сотқа тартылды. Аталған бап КСРО-ға қарсы шетелдік агенттермен байланысқа түсу дегенді білдіреді (ТОМА. 895-қ., 1-т., 13-іс, п.38).

1930-жылдардың басында КСРО-да ауыл шаруашылығын күштеп ұжымдастырумен қатар, ет, мал, астық дайындау науқандарын қатаң бақылауға алып, бұл салалардағы «жоспардың орындалмауы» саяси және қылмыстық сипаттағы айыптауларға ұласа бастады.

Мұның нақты мысалын Түркістан қалалық кеңесінің 1931 жылғы мәжіліс хаттамаларынан көруге болады. (ҚР ОМА. 5-қор., 12-тізбе, 279-іс, 3-п.) Мәселен, № 39 хаттама 10 қараша 1931 жылы. Мал дайындау жоспарының 4-тоқсанда тек 23 % ғана орындалғаны тіркеледі. Қалалық кеңес өкілдері мұны «қылмыстық дәрежеде» деп бағалап, жергілікті колхоздар мен махалля комиттерін (махальком) басшыларын «жауапсыздықпен қарап отыр» деп кінәлайды. Осы жылдары Орта Азия жерінде дәстүрлі территориялық қауымастықты басқару органдары ретінде махалля комитеттері құрылған болатын. Құжатта Ташлақ, Иқан, Жаңа қала, Ескі қала, Кедей, Ерназар, Тоған колхоздарының басшылары мен махальком төрағаларына қатаң сөгіс жариялау, сондай-ақ жоспарды бір тәуліктің ішінде орындау міндеті қойылады. Орындалмаған жағдайда оларды сотқа тарту, бес еселік айыппұл салу секілді жазалау шараларын қолдану тапсырылған. Араға он күн салып, 1931 жылы 21 қарашадағы № 42 хаттамада бұл талаптардың орындалмағаны анық көрсетіледі. Онда Қызылорда, Иқан, Қарсақлы махалькомдарының төрағалары Дүйсенбай Достияров, Иса Оразымбетов, Тәжібай Бизақов «мал дайындау жоспарын қасақана орындамағаны үшін» сотқа тартуға шешім қабылданған. Олардың істерін жүргізу тапсырылып, саяси қысымды күшейту мақсат етілген.

1920–1930 жылдардағы жаппай саяси қуғын-сүргін және тәркілеу науқандары Оңтүстік Қазақстан өңіріндегі мыңдаған отбасының тағдырын күрт өзгертіп, олардың өміріне орны толмас қайғы-қасірет әкелді. Бұл кезеңнің салдарларын тек ресми архив құжаттары арқылы ғана емес, сонымен қатар қуғын-сүргінге ұшыраған жандардың ұрпақтарының естеліктері арқылы да жан-жақты зерделеудің маңызы зор. Себебі мұндай естеліктерде ресми деректерде қамтылмаған немесе үзік-үзік күйінде қалған оқиғалардың маңызды аспектілері көрініс табады. Мысалы, Сайрам ауданының тұрғыны Тортай Төребек Асқарбекұлының естелігі 1928 жылғы тәркілеу науқанының жергілікті денгейдегі нақты көрінісін сипаттайды (Түркістан облысындағы саяси қуғын-сүргіннің естеліктері, 2023: 8). Тіленшіұлы Темірбек орта шаруа, Арыс ауданының «Қызыл сай» елді мекенінде қыстап, Қостұра жайлауына көшіп жүрген. Бай-кулактарды тап ретінде жою саясатына сай, туыстары Тұрабай мен Жыңғылбаймен бірге шолақ белсенділердің көрсетуі негізінде мал-мүлкі тәркіленіп, Магаданға жер аударылады. Сол жерден олар қайтып оралмаған. Темірбек атаның артында бес ұлы мен бір қызын құшақтап қалған жалғыз қалған жары Зейнеп әжеміз қалған. Отбасы мүшелері жоқшылық пен жетімдіктің азабын тартып ақыры 1931 жылы Өзбекстанға ауа көшуге мәжбүр болған. Бұл тек бір отбасының ғана емес, қуғын-сүргінге ұшыраған мыңдаған қазақ отбасыларының ортақ трагедиясын айқын бейнелейді. Ұзақ жылдар өткен соң ғана 1988 жылы Темірбектің ұлы Тортай Темірбек Жоғары Соттың шешімімен әкесінің ақталғаны туралы аңқытама алып, тарихи әділеттіліктің қалпына келуіне куә болды (Түркістан облысындағы саяси қуғын-сүргіннің естеліктері, 2023: 8). Осындай жеке естеліктер архив құжаттарында толық қамтылмаған мәселелерді нақтылай түсіп, тарих ғылымы үшін маңызды дерек көзі қызметін атқарады. Сондықтан жаппай саяси қуғын-сүргінге ұшыраған отбасылардың бүгінгі ұрпақтарымен жүздесіп, олардың ауызша мәліметтерін тіркеп алуы арқылы кеңестік зұлматтың нақты көріністері шынайы әрі терең мазмұнда баяндалады. Осындай естеліктер жаппай саяси қуғын-сүргінді халық жадысында сақтау ісінде ғана емес, тарихи әділеттілікті қалпына келтіру мен ғылыми пайымдаулар жасау үшін де ерекше мәнге ие.

Архивтік құжаттар жергілікті басқару органдарының мал дайындау сияқты шаруашылық міндеттерді орындау барысын қатты саясиландырып, жоспардың орындалмауын мемлекеттік мүддеге қарсы әрекет ретінде бағалағанын көрсетеді. Шаруашылық саладағы бұзушылықтар үшін жазалаудың әкімшілік немесе тәртіптік сипатынан тыс шығып, қылмыстық, тіпті саяси қуғын-сүргін денгейіне ұласуы 1930-жылдардағы репрессиялық саясаттың жүйелік сипатқа ие болғанын дәлелдейді. Бұл құжаттар Оңтүстік Қазақстан өңіріндегі қарапайым басшылар мен еңбек адамдарының да кеңестік жүйенің жоспарлы қысымына қарсы тұру мүмкіндігінен айырылғанын, жаппай жазалау механизміне қалай тартылғанын нақты архив дерегі негізінде көрсетеді. Мысалы, біз жоғарыда келтірген 1930 жылы салық тапсыру науқаны кезінде Түркістан ауданында сотталып, жер аударылған азаматтардың ісі соның дәлелі (ТОҚСТА. 29-қ., 1-т., 713-іс, 24-п.)

Сот істерінің материалдары қуғын-сүргіннің себептері, айыптаулардың мазмұны мен үкімдердің негізсіздігі осы істер арқылы айқын көрінеді. Репрессияланғандар тізімдері жазалау науқандарының нақты ауқымын көрсетеді, ірбір адамның аты-жөні, әлеуметтік мәртебесі, тұратын жері мен тұтқындалу мерзімі көрсетілген.

1930 жыллары бай-кулак өкілдері мен орта шаруаларға қатысты қуғын-сүргін үдерісі тек кәмпескелеу және жер аударумен шектелмей, саяси айып тағы арқылы да жүзеге асты. Бұл жағдай Оңтүстік Қазақстан өңіріндегі көптеген азаматтардың тағдырына әсер етті. «Атабай ауылы, Түркістан ауданының тұрғыны, ҚазақКСР азаматы, 1900 жылы туылған, Абдурахман Батырбековке тағылған айып – оның бай кулактың ұлы болып, саудамен айналасуы еді. 1931 жылы ұжымдастыру кезінде оның нұсқауымен шекараға жақын жерлерде қазақтарды көшіру мақсатында Өзбекстанның Кенимех ауданынан шекаралас аудандарға қоныс аударуды ұйымдастырған. Мал шаруашылығымен айналысатын фермаларды орта шаруалармен көбейтіп, совхоздарда диверсиялық жұмыстар жүргізді. ӨзКСР қылмыстық кодексінің 60, 67 тармақтары бойынша А. Батырбековті 1937 жылы 14 тамызда он жылға еңбекпен түзеу лагеріне қамалады (Қалшабаева, 2021).

1937 жылғы қарашада Кеңестік билік органдары тарапынан «антикеңестік элементтерге» қарсы репрессиялық шараларды күшейту мақсатында арнайы нұсқаулар берілді. Бұл жөнінде 1937 жылғы 19 қарашада өткен ҚК(б)П Орталық Комитеті Бюросының №26 хаттамасында Мәскеудегі БК(б)П ОК шешіміне сәйкес, республиканың бірқатар облыстары бойынша қосымша репрессияланатын адамдардың саны белгіленген. Салыстырмалы түрде алғанда Оңтүстік Қазақстаннан бөлек, Алматы облысы бойынша I категория бойынша – 300 адам, II категория – 500 адам; Шығыс Қазақстан облысы бойынша I категория – 400 адам, II категория – 350 адам белгіленген. Ал Оңтүстік Қазақстан облысы бойынша I категория бойынша – 150 адам, II категория – 300 адам белгіленеді. Салыстырмалы түрде алатын болсақ, Оңтүстік Қазақстан облысы бойынша қудалануға белгіленген адамдар саны Алматы және Шығыс Қазақстан облыстарынан кем болған. Бұл дерек Қазақстан аумағында жаппай саяси қуғын-сүргіннің орталықтандырылған түрде жоспарланып, арнайы сандық квоталармен жүзеге асқанын көрсетеді. Осы санаттарға енген тұлғалар негізінен «антикеңестік элементтер» ретінде айыпталып, I категория бойынша – ең қауіпті дұшпандар ретінде ату жазасына, ал II категория бойынша – белсенділігі сіл төмен еңбекпен түзеу лагерьлеріне (ИТЛ) жіберілген. Мұндай бұйырықтар мен квота жүйесі, әсіресе 1937–1938 жылдардағы «Үлкен террор» кезінде мыңдаған жазықсыз азаматтардың тағдырын қиған саяси науқанның ауқымын нақты сипаттайды (ҚР ПА. 708-қ., 1-тізбе, 1-іс, 21-п).

1936 жылы орталықтан барлық партия ұйымдарына жіберілген жабық хатында «қырағылық мәселесі мен дұшпанды тани білуде» жіберілген кемшіліктерді жою өте қатал түрде талап етілді. Қазақ өлкелік комитетінің бюросы өз комитетінің бюросы өз партия ұйымдарын және әсіресе жетекші кадрларды ерекше қырағылық танытуға және дұшпанды тануда «мейлі ол жақсы қызметкермін десе де, мейлі өзін партияның белсенді және шын берілген мүшесі ретінде көрсетуге әрекеттенсе де – қателеспеуге міндеттеді (Бақторазов, 2007: 100). Осы жағдай Қазақстанда, оның ішінде Оңтүстік өңірлерде де қайталанды. Партия-кеңес қызметкерлері мен жергілікті элита өкілдері орталықтың үлгісімен «сенімсіз» кадр ретінде қарастырылып, көпшілігі жалған доностар мен әлсіз айыптаулар негізінде қуғындалды. Бұл қуғын-сүргін тек орталықпен шектелмей, перифериялық аймақтарда да жүйелі сипат алды.

Түркістан облыстық мемлекеттік архивіндегі (ТОМА) құжаттарда саяси қуғын-сүргіннің әйелдері мен балалар тағдырына да тікелей әсер еткендігі туралы да мәліметтер кездеседі. Мәселен, Бадам болысының 24-ауылының тұрғыны, екі жас баланың анасы Сартаева Марияның жазған өтініш хаты назар аударуға болады. Сартаева М. Күйеуі Е. Күзембаев бай деп танылып, оның бүкіл мал-мүлігі тәркіленуге, ал отбасын жер аударуға үкім шығады. Азаматша Сартаева М. Сырдария облыстық прокурорына жолдаған хатында: «Бұрынғы күйеуім Күзембаев Ережептің қандай қылмыс жасағанын мүлде білмесем де, мен қылмыскердің жұбайы болғым келмейді және онымен бірге жазықсыз жаза тартуға ниетім

жоқ. Сондықтан мен онымен арадағы барлық байланысты және отбасылық өмірді біржола үзіп, АХАЖ бөлімінен ресми түрде ажырасуға шешім қабылдадым», – деп жазады (ТОМА. 816-қ., 1-т., 13-іс, 38-п.). Бұл құжаттан сол кезеңдегі әйелдердің репрессияға ұшыраған ер азаматтармен байланысы үшін «жұбайы ретінде жазықсыз жапа шегу қауіпінен қорқып, отбасынан мәжбүрлі түрде бас тартуға мәжбүр болғанын көреміз.

Бұл жағдайлар саяси қуғын-сүргіннің бір ғана жеке адаммен шектелмей, оның бүкіл отбасы мүшелеріне, әсіресе әйелдер мен балаларға ауыр зардабын тигізгенін көрсетеді.

1930-жылдары Қазақстанда кеңестік саяси қуғын-сүргін саясаттың шарықтау шегіне жеткен кезеңі болды. Бұл уақыт аралығында мыңдаған адам «халық жауы», «антикеңесшік әрекетке қатысы бар» деген жалған айыптармен жауапқа тартылды. Осындай саяси қуғын-сүргін құрбандарының бірі – Түркістан облысының тұрғыны Сарыбаев Ибрагим болды. Сарыбаев Ибрагим, ұлты өзбек, 33 жаста, отбасында 5 баласы бар. Архив деректерінде сақталған Сарыбаев Ибрагимнің 1933 жылы жазылған өтініші – сол дәуірдегі заңсыз айыптау, қылмыс құрамы жоқ істер бойынша соттау тәжірибесінің нақты көрінісі. Бұл құжатта ол 1932 жылғы 1 желтоқсанда Түркістан қаласындағы халық соты тарапынан жеті жылға еңбекпен түзеу лагеріне (контракциялық лагерь) жіберлігінен айтып, істің қайта қаралуын сұрайды (ТОМА. 898-қ., 2-т., 109-іс, 33-34 пп.). Айыптаудың негізі – 1932 жылғы тамыздағы заңға сәйкес, «жергілікті сауданы заңсыз жүргізу» әрекеті болған.

Сарыбаев өз жазбасында өзінің кінәсіздігін бірнеше дәлелмен негіздейді. Біріншіден, ол денсаулығына байланысты ауыр еңбекке жарамсыз екенін айтып, сол себепті тек шағын кәсіппен – үй жағдайында нан пісіріп сатқанын түсіндіреді. Бұл кәсіпті заңды түрде жүзеге асыру үшін 12 рубльге патент алғанын, өнім көлемі бір-екі пұттан аспағынын, ал тапқан табысы отбасының күнкөрісіне ғана жеткенін көрсетеді. Ол 1932 жылы маусым айында бұл кәсіпті тоқтатқанын және салық органдарына патентті қайтарып бергенін айтады. Тергеу барысында ешқандай дәлел табылмағанын, тіпті пәтеріне тінту жүргізілсе де, заңға қайшы әрекет дәлелденбегенін көрсетеді. Сонымен қатар, Ибрагим өзінің кассациялық шағымының ескерілмей қалуына байланысты Жоғары Сот инстанциясына жүгінеді. Ол кассациялық отырысында кеткен процессуалдық бұзушылықтарды да атап өтеді. Мысалы, бір судья бір күнде үш істі қараған, бұл істің формалды түрде ғана қаралғанын мензейді. Бұл дерек Сарбаевтың ісінде қылмыстық құрамның болмағанын, ал оның жауапқа тартылуы – кеңестік әкімшілік-репрессиялық жүйенің заңға сәйкестіктен бұрын идеологиялық саясатына сүйенгенін көрсетеді. Сарыбаев Ибрагимнің басынан өткен бұл іс – кеңестік кезеңдегі бай, кулактарға, жеке кәсіп иелеріне және өз күнін өзі көруге тырысқан қарапайым азаматтарға қарсы жүргізілген саяси қудалау науқаның айқын мысалы. Ол – қылмыс құрамы жоқ әрекет үшін айыпталып, социалистік экономикаға жат әрекет ретінде қарастырылған ұсақ кәсіпкерліктің кеңестік идеологияға сәйкес келмейтіндігінен зардап шеккен жандардың бірі. Сол жылдары «әлеуметтік қауіпті элемент» айыбымен жазаланған азамат Сарыбаевтың тағдыры мыңдаған қарапайым азаматтардың тағдырына ұқсас.

Кеңестік жүйе жүзеге асырған репрессиялық шаралар қоғамның барлық әлеуметтік топтарын қамтып, мыңдаған жазықсыз азаматтардың өмірін күрт өзгертті. Архив құжаттары – тергеу хаттамалары, сот үкімдері, айыптау қорытындылары мен репрессияланғандар тізімдері – сол кезеңнің шынайы бейнесін қалпына келтіруге мүмкіндік береді. Архивтік деректер – тарихи шындықтың ашық дәлелі.

1933 жылы Қызылорда аудандық партия комитетінің Бюро мәжілісінде қабылданған құжатта Оңтүстік Қазақстанда сталиндік репрессиялар мен әкімшіл-әміршіл басқару жүйесінің ауылшаруашылық секторына, қоғамдық саяси өмірге және жекелеген тұлғалардың тағдырына тікелей әсерін жан-жақты сипаттайды (ТОҚСТА. 40-қ., 1-т., 320-іс, 1-6 пп.). Партия шешімдеріне сыни пікір айтқан тұлғалар немесе астық пен ет дайындау жоспарын орындамаған басшылар қудалауға ұшыраған. Аудан прокуроры Утешев колхоздық нанды қорғауға байланысты ұстанымы партияға қарсы көзқарас ретінде бағаланған. Утешев № 16 ауыл кеңесіне ресми түрде жолдаған нұсқауында «колхоз нанын ұрлаған ұсақ ұрыларға (0,5 пұтқа дейін) қатысты репрессиялық шараларды тоқтатуды ұсынған. Бюро бұл әрекетті

«тап жауларына – кулактар мен байларға тікелей қолдау көрсету ретінде қарастырып, оларды социалистік меншікті бұзу жолындағы қарсы әрекеттерге барды» деп сипаттаған.

Сонымен қатар, Бюро құрамындағы Казангапов пен прокурор Утешев қолдаған «саналы» және «санасыз» ұрыларға тәрбиелік шаралармен ғана шектеліп ықпал ету керек деген тұжырым теория ретінде сынға ұшырады. Бұл көзқарас кеңестік таптық күрес идеологиясына қайшы саналып, тап жауларының мүлкін иеленуді заңдастыруға итермелейтін, кулактарды ақтайтын бағыт ретінде бағаланады. Аталған ұстанымдар аудандық партия ұйымының қоғамдағы таптық қырағылықты әлсіретуіне және бай мен кедей арасындағы алшақтықты жою әрекеттеріне қарсы қатаң күрес жүргізу саясатына қайшы деп танылды. Солай Утешев қызметтен қуылып, ісі партиялық бақылауға тапсырылады.

1920–1930 – жылдары жүргізілген саяси қуғын-сүргін науқаны Оңтүстік Қазақстанда да кең ауқымда жүріп, көптеген жазықсыз адамдарды құрбан етті. Астық дайындау барысында көптеген адамдар сотталып, жауапқа тартылды. Архив құжаттарындағы бір істерінде ұлты поляк Юлий Болиславович Новицкий туралы деректер сол уақыттағы жағдайды нақты суреттейді.

Ю.Новицкий 1887 жылы туылған, поляк, жоғары білімді, 1917 жылы Уақытша үкімет тұсында Шымкент қаласының қалалық басқармасының басшысы болған. Кеңестік билік орнағаннан кейін ол құқық саласында жұмысын жалғастырып, халыққа заңгерлік кеңес беруімен айналысқан. 1929 жылы бір қатар архивтік құжаттар негізінде Новицкийге қатысты іс қозғалып, ол «байларға жақтасы ретінде көмек көрсетті, астық дайындау жоспарына қарсы үгіт жүргізді деп айыпталған (ТОМА. 816-қ., 1-т., 92-іс, 2-4 пп.).

Айыптау қорытындысында Новицкий ауыл тұрғындарына астыртын заңгерлік көмек көрсетіп жүріп, Қаратас ауданындағы 4-ші ауыл байлар мен бұрынғы ауыл басқарушылары – Есемкулов, Джумартов, Рустемов, Бахтыбаевқа көмек көрсетіп, оларды мемлекетке астық тапсырудан құтқарудан жолдарын ұсынған, халықтан жасырын арыз жинауды ұймдастырған және бұл әрекеттерінің астық жоспарының 85 % орындалмауына дейін алып келген деп көрсетіледі. Соңында ауылдың бай өкілдері жауапқа тартылып, әртүрлі мерзімге сотталады. Новицкийдің әрекеті тергеуге алынып, Қылмыстық кодекстің 58–10 бабы негізінде айып тағылды. Осы іс Сырдария округтік сотына беріліп, Новицкий саяси астары бар қылмыспен айыпталады. Сотта Ю.Новицкий өз кінәсін мойындамаған. Бұл ахив құжаттары Кеңес үкіметі саяси репрессияны дәлелсіз себептермен құдалағанын нақты әрекеті болғанын дәлелдейді.

Оңтүстік Қазақстанда кеңестік билік орнағаннан кейін жүргізілген социалистік қайта құрулар аясында ауыл шаруашылығын ұжымдастыру, тап күресі сияқты саясаттар кең ауқымды саяси қуғын-сүргінге алып келді. Әсіресе бай, ауқатты шаруалар негізсіз түрде қуғынға ұшырады. Архив материалдарында Түлкібас ауданының тұрғыны Ирискулбеков есімді азаматтың ісі сақталған. Онда көрсетілгендей, оның үйінде тәркілеу кезінде қымбат кілем мен күміс белдік табылған (ТОМА. 816-қ., 1-т., 13-іс. 50-п.). Кеңестік өкімет мұндай тұрмыстық заттарды «артық байлық», «тап жауының белгілері» деп танып, Ирискулбековті бай-кулак ретінде айыптап, жазаға тартқан. Бұл факт тап күресі мен тәркілеу науқандарының шынайы бай мен орта шаруаның, тіпті кейбір жағдайда қарапайым адамдардың да арасында еш айырмашылық жасамай жүргізілгенін көрсетеді. Бұл жағдай кеңестік репрессиялық жүйенің материалдық жағдайы ғана негізге алып, әлеуметтік тапты анықтауда субъективті әрі саяси ұстанымдарға сүйенгендігін аңғартады. Ирискулбеков сияқты мыңдаған азаматтар бағалы мүлікке ие болғаны үшін ғана «тап жауы» ретінде қуғындалып, еріксіз қудалауға ұшырады.

1920–1930 жылдардағы саяси қуғын-сүргіннің құрбандарының бірі – Ж. Арстановтың өмір жолы кеңестік репрессивтік жүйесін айқын бейнелейді. Архивтік деректерге сүйенсек, Ж. Арстанов 1934 жылы Қазкрайком мен КОКП(б) Орталық Комитетінің шешімімен Чимкентке (Шымкентке) жіберіліп, сол жерде Оңтүстік Қазақстан қой шаруашылығы тресінің саяси инспекторы қызметін атқарған. Бұл кезең – аймақтық шаруашылық құрылымдарды кеңестендіру және орталыққа бағындырудың белсенді жүріп жатқан уақыты еді.

Оның осындай жауапты қызметке тағайындалуы оның саяси сенімді кадр ретінде бағаланғанын көрсетеді.

Алайда көп ұзамай кеңестік тоталитарлық жүйенің кез келген кадрды «сенімсіз» ретінде қарастыруы Ж. Арстановтың да тағдырына кері әсерін тигізді. Ол 1938 жылдың 11 тамызында КСРО ІХК (НКВД) ҚазКСР басқармасының тарапынан тұтқындалып, РСФСР Қылмыстық кодексінің 58-бабының 7 және 11-тармақтары бойынша айыпталды. Бұл баптар көбіне «контрреволюциялық әрекет», «зиянкестік» немесе «партия мен кеңес үкіметіне қарсы үгіт» секілді жалпылама, дәлелсіз айыптаулармен байланысты болған.

1940 жылы 26 қазандағы НКВД жанындағы Ерекше Кеңестің шешімімен Ж. Арстанов 8 жылға еңбекпен түзеу лагеріне (ИТЛ) сотталып қуғындалады. Сот үкімі нақты дәлелдерге емес, негізінен жалған доностар мен қолдан жасалған айғақтарға сүйенген. Ол 1946 жылы жазасын толық өтеп шықты. Бұл жағдай сол кезеңдегі көптеген жазықсыз адамдардың тағдырымен ұқсас: саяси репрессиялар азаматтарды қоғамнан оқшаулап, олардың өмір жолын үзіп, отбасы мен ұрпақтарының болашағына теріс әсерін тигізген.

Тек 1954 жылы 5 қарашада КСРО Жоғарғы Сотының Қылмыстық істер жөніндегі Сот алқасының № 81/45 С-54 шешімімен Ж. Арстановтың ісі қайта қаралып, айыптаулар дәлелсіз деп танылып, қылмыстық іс қысқартылды. Бұл ақтау процесі сталиндік репрессия құрбандарын қайта қарастыру мен тарихи әділеттілікті орнатудың алғашқы кезеңдерінің бірі болды (Архив ДНБК РК по г. Алматы Ф. 6. Д. 03743.Т. 1. ЛЛ. 400–402)

Ж. Арстановтың тағдыры – Оңтүстік Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін құрбандарының бірі ретінде сол дәуірдің жүйелі жазалау саясаты мен орталық биліктің қуғын-сүргін тетіктерін айғақтайтын нақты дерек. Оның өмірі арқылы кеңестік жазалаушы құрылымдардың қоғамның түрлі салаларында – ауыл шаруашылығынан бастап, партия-кеңес қызметіне дейінгі аралықта қалай жұмыс істегенін түсінуге болады.

Қорытынды

Оңтүстік Қазақстан облысы саяси қуғын-сүргін жылдары едәуір жапа шеккен аймақтардың бірі деп қорытындылаймыз. Оған дәлел облыс аумағында қарастырып отырған жылдары азаматтардың саяси көзқарастары және әлеуметтік-экономикалық астары бар әрекеттерінің қатаң бақылауда болуы. Облыс аумағында азаматтар салық тапсыру науқаны барысы, партия тапсырмасы мен лауазымды тұлғалардың бұйрықтарына бағынбау, ұрлық сынды экономикалық астары бар әрекеттері үшін қудаланып отырды. Байқағанымыз Оңтүстік Қазақстан облысы аумағындағы азаматтарға саяси қуғын-сүргін жылдары қылмыстық заңнаманың 59-бабы кеңнен қолданылған. Аталған бап мемлекеттік басқару тәртібіне қарсы қылмыстар ретінде қарастырылды. Ол тек шаруашылық істері ғана емес, қоғам өмірінің барлық саласын қамтыды. 59-баптың бірнеше тармақтары бойынша қылмыстық істер қозғалды. Қарапайым шаруа, жұмысшылармен қатар, мұғалым, дәрігерлер сынды қауым өкілдері де түрлі жалған айыптың құрбанына айналды. Тағайындалған жаза жасалған «қылмыстың» түріне сай келе бермеді. Аш жатқан балаларының бір реттік тамағы болатын астықты алғаны үшін 10 жылға сотталды.

Оңтүстік Қазақстан облысы аумағында жүргізілген саяси қуғын-сүргін саясаты дәстүрлі қазақ қоғамының, отбасы институтының дағдарысқа түсуіне жағдай жасалды. Қуғын-сүргін шараларына көптеп ұшыраған ер-азаматтар екендігін ескерсек, балалардың әке тәрбиесінен тыс қалыптасу үдерісі жүрді. Ол коммунистік идеология мен большевиктік тәртіп сай келетін, соның шеңберінен аспайтын жаңа буынды қалыптастыруға мүмкіндік берді. Саяси қуғын-сүргін саясатының мұндай рухани салдарынан бөлек, отбасылар өздерінің тірегі, асыраушысы болған адамдарынан айырылды. Бұл жайт адамдардың әлеуметтік ахуалдарының төмендеуіне алып келді. Ғылыми-зерттеу жұмыстарын саяси қуғын-сүргін құрбандары ұрпақтарының естеліктерін талдау шеңберінде ұйымдастырудың артықшылықтары көп. Мәселенің жан-жақты ашылуына түрткі болады. Бұл алдағы уақыттағы ғылыми-зерттеу жұмыстарының тың бағыттарының біріне айналуы тиіс.

Дереккөздер

ҚР ПА — Қазақстан Республикасы Президентінің архиві
 ҚР ОМА — Қазақстан Республикасы орталық мемлекеттік архиві
 ТОМА — Түркістан облысының мемлекеттік архиві
 ТОҚСТА — Түркістан облысының қоғамдық-саяси тарихының архиві

Sources

AP RK — Archive of the President of the Republic of Kazakhstan
 CSA RK — Central State Archive of the Republic of Kazakhstan
 Turkestan RSA — Turkestan regional state archive
 Turkestan RSPHSA — Turkestan region state archive of socio-political history

Әдебиеттер тізімі

- Архив ДНБК РК по г. Алматы — *Архив ДНБК РК по г. Алматы*. Ф. 6. Д. 03743. Т. 1. Лл. 400–402. В кн.: Койгелдиев М.К., Полулях В.И., Тлеубаев Ш.Б. (сост.). Красный террор: из истории политических репрессий в Казахстане (Сборник документальных материалов 20–50-х годов XX века). Алматы: Алаш баспасы, 2013. 384 с. С. 26–43.
- Бақторазов, 2007 — *Бақторазов С.У.* Оңтүстік Қазақстан саяси қуғын-сүргін (репрессия) жылдарында (1917–1939). Тараз, 2007. 165 б.
- Жумасултанова, 1999 — *Жумасултанова Г.А.* Политические репрессии в Казахстане в условиях тоталитарного режима (20-е – 50-е гг. XX века). Дисс. ... канд. ист. наук. Караганда, 1999. 158 с.
- История Казахстана, 1991 — *История Казахстана: белые пятна*. Сборник статей. Алма-Ата: Казахстан, 1991. 348 с.
- Калханова, 2010 — *Калханова А.Н.* Становление государственной политической идеологии в Казахстане (1921–1925 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Алматы, 2010. 145 с.
- Козыбаев, др., 1992 — *Козыбаев М., Абилхожин Ж., Алдажуманов К.* Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. Алма-Ата, 1992. 35 с.
- Конквест, 1990 — *Конквест Р.* Большой террор. Кн. 1. Пер. с англ. Л. Владимировой. Рига: Ракстникс, 1991. 416 с. С. 195–196.
- Кумганбаев, 2014 — *Кумганбаев Ж.Ж.* Ұлт зиялы қауымы өкілдерінің автономиялы мемлекет тәуелсіздігі жолындағы қызметі мен іс-әрекеті (1917–1939 жж.). Алматы, 2014. 187 б.
- Қазақстан тарихы, 1993 — *Қазақстан тарихы* көне заманнан бүгінге дейін. Очерк. Алматы: Дәуір, 1993. 416 б.
- Қалшабаева, 2021 — *Қалшабаева Б.К.* Өзбекстандағы қазақтардың саяси қуғын-сүргінге ұшырауының тарихи аспектілері (XX ғ. 30-жылдары). Bulletin of History. Al-Farabi Kazakh National University, 2021. № 2(101). С. 99–108.
- Қозыбаев, 1992 — *Қозыбаев М.* Ақтандақтар ақиқаты. Оқу құралы. Алматы: Қазақ университеті, 1992. 272 б.
- Мемлекеттік комиссияның материалдары, 2023 — *Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі Мемлекеттік комиссияның материалдары: XX ғасырдың 20–50 жылдары*. Т. 34. Түркістан өңірінен ауа көшкендердің тағдыры: архивтік құжаттар мен естеліктер жинағы. Құраст.: Х. Тұрсұн, А. Сандыбаева, З. Адилбекова, А. Қабыл, П. Оразхан. Астана: Литера-М, 2023. 328 б.
- Мұсағалиева, 2010 — *Мұсағалиева А.С.* Қазақстанның орталық және жергілікті мұрағаттар қорлары құжаттары саяси репрессиялар тарихының дерек көзі. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Астана, 2010. 47 б.
- Нұрпейсов, 1995 — *Нұрпейсов К.* Алаш хәм Алашорда. Алматы: Ататек, 1995. 256 б.
- Омарбеков, 1994 — *Омарбеков Т.* Зобалаң. Алматы, 1994. 272 с.
- Осипов, 1991 — *Осипов В.П.* Вматриваясь в 20–30-е годы. Алма-Ата, 1991. 110 с.
- Түркістан облысындағы саяси қуғын-сүргіннің естеліктері, 2023 — *Түркістан облысындағы саяси қуғын-сүргіннің естеліктері*. Құрастырушылар тобының жетекшісі Х. Тұрсұн және т.б. Шымкент: Әлем баспасы, 2023. 239 б.

References

- Arhiv DNBK RK po g. Almaty — *Arhiv DNBK RK po g. Almaty*. F. 6. D. 03743. T. 1. LL. 400–402. V kn.: Krasnyj terror: iz istorii politicheskikh repressij v Kazahstane [The Red Terror: from the history of political repression in Kazakhstan] / Sbornik dokumental'nyh materialov v 20–50-h godah XX veka / Sost. M. Kojgel'diev, V.I. Poluljah, Sh.B. Tleubaev. Almaty: Alash, 2013. 384 p. (In Russ.).
- Baktorazov, 2007 — *Baktorazov S.U.* Ontustik Kazakhstan sajasi kugyn-surgin (repressija) zhyldarynda (1917–1939) [South Kazakhstan during the years of political repression (1917–1939)]. Taraz, 2007. 165 p. (In Kaz.).
- Zhumasultanova, 1999 — *Zhumasultanova G.A.* Politicheskie represii v Kazahstane v uslovijah totalitarnogo rezhima (20–50-e gg. XX veka) [Political repression in Kazakhstan under the totalitarian regime (1920s–1950s)]. Dis. kand. ist. nauk. Karaganda, 1999. 158 p. (In Russ.).
- Istorija Kazahstana, 1991 — *Istorija Kazahstana: belye pjatna*. Sbornik statej [The history of Kazakhstan: white spots. Collection of articles]. Alma-Ata: Kazakhstan, 1991. 348 p. (In Russ.).

- Kalhanova, 2010 — *Kalhanova A.N.* Stanovlenie gosudarstvennoj politicheskoy ideologii v Kazahstane (1921–1925 gg.) [Formation of the state political ideology in Kazakhstan (1921–1925)]. Dis. kand. ist. nauk. Almaty, 2010. 145 p. (In Russ.).
- Kozybaev i dr., 1992 — *Kozybaev M., Abilhozhin Zh., Aldazhumanov K.* Kollektivizacija v Kazahstane: tragedija krest'janstva [Collectivization in Kazakhstan: the tragedy of the peasantry]. Alma-Ata, 1992. 35 p. (In Russ.).
- Konkvest, 1991 — *Konkvest Robert.* Bol'shoj terror. Kniga I. [The Great Terror. Book I]. Perevod s angl. L. Vladimirova. Riga: Rakstnieks, 1991. 416 p. Pp. 195–196. (In Russ.).
- Kumganbaev, 2014 — *Kumganbaev Zh.Zh.* Ult zizaly kauymy okllderinin avtonomijaly memleket tauelsizdigi zholyndary kyzmeti men is-areketi (1917–1939 zhzh.) [Activities of the national intelligentsia for the independence of the autonomous state (1917–1939)]. Almaty, 2014. 187 p. (In Kaz.).
- Kalshabaeva, 2021 — *Kalshabaeva B.K.* Ozbekstandagy kazaktardyn sajasi kugyn-surginge ushyrauynyn tarihi aspektleri (20 g. 30-zhyldary) [Historical aspects of the political repression of Kazakhs in Uzbekistan (1930s)] // Bulletin of History. Al-Farabi Kazakh National University. 2021. No. 2(101). Pp. 99–108. (In Kaz.).
- Kazakhstan tarihy, 1993 — *Kazakhstan tarihy* kone zamannan buginge deyin [History of Kazakhstan from ancient times to the present]. Ocherk. Almaty: Daur, 1993. 416 p. (In Kaz.).
- Kozybaev, 1992 — *Kozybaev M.* Aktandaktar akikaty. Oku kuraly [The truth of Aktandaks. Textbook]. Almaty: Kazak universiteti, 1992. 272 p. (In Kaz.).
- Musagalieva, 2010 — *Musagalieva A.S.* Kazakstannyn ortalyk zhəne zhergilikti muragattar korlary kuzhattary sajasi repressijalar tarihnyn derek kozi [Documents of central and local archival funds of Kazakhstan as sources on the history of political repressions]. Avtoref. dis. dokt. ist. nauk. Astana, 2010. 47 p. (In Kaz.).
- Memlekettik komissija materialdary, 2023 — Sajasi kugyn-surgin kurbandaryn tolyq aqtau zhonindegi *Memlekettik komissija materialdary*: 20 g. 20–50-zhyldary [Materials of the State Commission for the full rehabilitation of victims of political repression: 1920s–1950s]. T. 34: Turkistan onirinen aua keshkenderdiñ tardyry: arhivtik kuzhattar men estelikter zhinagy [The fate of migrants from the Turkestan region: collection of archival documents and memoirs] / Kurast.: H. Tursun, A. Sandybaeva, Z. Adilbekova, A. Kabył, P. Orazhan. Astana: Litera-M, 2023. 328 p. (In Kaz.).
- Nurpeisov, 1995 — *Nurpeisov K.* Alash hām Alashorda [Alash and Alashorda]. Almaty: Atatek, 1995. 256 p. (In Kaz.).
- Osipov, 1991 — *Osipov V.P.* Vsmatrivajas' v 20–30-e gody [Peering into the 1920s–1930s]. Alma-Ata, 1991. 110 p. (In Russ.).
- Omarbekov, 1994 — *Omarbekov T.* Zobalan [Catastrophe]. Almaty, 1994. 272 p. (In Kaz.).
- Turkistan oblysyndagy sajasi kugyn-surginnin estelikteri, 2023 — *Turkistan oblysyndagy sajasi kugyn-surginnin estelikteri* [Memoirs of political repression in the Turkestan region] / Kurast. H. Tursun, t.b. Shymkent: Alem baspasy, 2023. 239 p. (In Kaz.).

ТАРИХ / ИСТОРИЯ / HISTORY

Published in the Republic of Kazakhstan
Asian Journal “Steppe Panorama”
Has been issued as a journal since 2014
ISSN 2710-3994.
Vol. 12. Is. 4, pp. 988-1006, 2025
Journal homepage: <https://ajspiie.com>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2710-3994_2025_12_4_988-1006

ACTIVITIES OF THE INSTITUTE OF COMMISSIONERS FOR RELIGION IN KAZAKHSTAN (1945–1990)

Alpyspaeva Galya^{1*}, Dzhumagaliyeva Kulyash², Zhuman Gulmira³

¹Saken Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University
(62, Zhenis Str., 010011 Astana, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Historical Science, Professor of the Department of History of Kazakhstan
 <https://orcid.org/0000-0002-0672-8292>. E-mail: galpyspaeva@mail.ru

*Corresponding author

²Saken Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University
(62, Zhenis Str., 010011 Astana, Republic of Kazakhstan)
Professor, Candidate of Historical Science, Acc. Professor of the Department of History of Kazakhstan
 <https://orcid.org/0000-0003-4758-8916>. E-mail: Dz_kylashV@mail.ru

³Saken Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University
(62, Zhenis Str., 010011 Astana, Republic of Kazakhstan)
Professor, Candidate of Historical Science, Acc. Professor of the Department of History of Kazakhstan
 <https://orcid.org/0000-0002-9428-6411>. E-mail: guliktim@mail.ru

© Ch.Ch. Valikhanov IHE, 2025

© Alpyspaeva G., Dzhumagaliyeva K., Zhuman G., 2025

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of the little-studied and urgent problem of the activities of the institute of commissioners for religion in Kazakhstan in 1945–1990, who were responsible for the implementation of state confessional policy at the local level. The effectiveness of the religious/anti-religious policy of the state largely depended on the performance of officials, their competence and literacy. *The objective of the investigation* is to study the regional features of the functioning of the apparatus of religious ombudsmen based on a critical analysis of the sources found in the archives of the Russian Federation, Uzbekistan and Kazakhstan, characterize the history of the creation of this structure in Kazakhstan, the main areas of activity of the authorized representatives, goals and objectives, and show their role in the system of state-religious relations. *The results.* The authors summarize that the institution of religious commissioners in Kazakhstan was considered by the center as the main instrument of control over the clergy and religious life of the multi-confessional population. The authorized representatives in the regions of Kazakhstan were the main conductors of the state's confessional policy by organizing the work of anti-religious commissions and the public, and by translating into practice the decisions of central party and state bodies on religious issues. *Conclusions.* The regional specificity of their activities consisted of the need to carry out complex and painstaking work with the clergy of different faiths due to the fact that

on the territory of the republic there were many sectarian religious associations (Pentecostals, the Church of Evangelical Christians-Baptists, SDA communities) that did not recognize Soviet religious legislation and they did not want to obey the authorities.

Key words: Religion, Kazakhstan, Council for Religious Affairs, believers, confessional policy

Acknowledgments: The research was carried out within the framework of the project “Historical experience of state-confessional relations in Kazakhstan (1940–1990)” under the programme of grant financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Project IRN: AP23486006).

For citation: Alpyspaeva G., Dzhumagaliyeva K., Zhuman G. Activities of the Institute of Commissioners for Religion in Kazakhstan (1945–1990) // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Vol. 12. No. 4. Pp. 988–1006. (In Russ.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_988-1006

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ДІН ІСТЕРІ ЖӨНІНДЕГІ УӘКІЛЕТТІЛЕР ИНСТИТУТЫНЫҢ ҚЫЗМЕТІ (1945–1990 ЖЖ.)

Алпыспаева Галья^{1*}, Джумагалиева Куляш², Жұман Гүлмира³

¹С. Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық зерттеу университеті
(62-үй, Женіс көш., 010011 Астана, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының докторы, Қазақстан тарихы кафедрасының профессоры
 <https://orcid.org/0000-0002-0672-8292>. E-mail: galpyspaeva@mail.ru

* Автор-корреспондент

²С. Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық зерттеу университеті
(62-үй, Женіс көш., 010011 Астана, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының кандидаты, Қазақстан тарихы кафедрасының асс. профессоры
 <https://orcid.org/0000-0003-4758-8916>. E-mail: Dz_kylashV@mail.ru

³С. Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық зерттеу университеті
(62-үй, Женіс көш., 010011 Астана, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының кандидаты, Қазақстан тарихы кафедрасының асс. профессоры
 <https://orcid.org/0000-0002-9428-6411>. E-mail: guliktim@mail.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2025

© Алпыспаева Г.А., Джумагалиева К.В., Жұман Г., 2025

Аңдатпа. *Kipicne.* Мақала Қазақстандағы 1945–1990 жылдар аралығындағы аз зерттелген және өз өзектілігін жоймаған мемлекеттік конфессионалдық саясаттың жергілікті орындардағы атқарушылары болған дін істері жөніндегі уәкілеттілер институтының қызметін зерттеуге арналған. Мемлекеттің діни/дінге қарсы саясатының тиімділігі көбінесе осы қызметкерлердің біліктілігі мен сауаттылығына байланысты еді. *Зерттеу мақсаты* – Ресей Федерациясы, Өзбекстан және Қазақстан елдерінің архивтерінен табылған дереккөздерді сыни тұрғыдан талдай отырып, дін істері жөніндегі уәкілеттілер аппараты қызметінің аймақтық ерекшеліктерін зерттеу, бұл құрылымның Қазақстанда пайда болу тарихын сипаттау, дін істері жөніндегі уәкілеттілердің негізгі қызметінің бағыттарын, мақсаттары мен міндеттерін анықтап, олардың мемлекет пен дін арасындағы қатынастар жүйесіндегі орнын көрсету. *Нәтижелер.* Авторлар дін істері жөніндегі уәкілеттілер институты Қазақстанда орталық тарапынан поликонфессионалды халықтың руханият пен діни өмірді бақылаудың басты тетігі ретінде қарастырылған деп тұжырымдайды. Дінге қарсы бағытталған комиссиялар мен қоғамдық жұмыстарды ұйымдастыра отырып, орталық партиялық және мемлекеттік органдардың дін мәселелері жөніндегі шешімдерін жүзеге асыруда, уәкілеттілер Қазақстан облыстарында мемлекеттің конфессиялық саясатының негізгі жүзеге асырушылары болды. *Қорытындылар.* Дін істері жөніндегі уәкілеттілер қызметінің

аймақтық ерекшелігі – республика аумағында көптеген кеңестік діни заңнаманы мойындамай, билікке қарсылық білдіріп бағынғысы келмеген сектанттық түрлі діни ұйымдар (пятидесятники, ЕХБ Шіркеу Кеңесі, АСД қауымдары) дінбасыларымен күрделі және тиянақ жұмыс жасау.

Түйін сөздер: Дін, Қазақстан, Дін істері жөніндегі Кеңес, діндарлар, конфессиялық саясат

Алғыс. Зерттеу Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым Комитетінің гранттық қаржыландыру бағдарламасы бойынша «Қазақстандағы мемлекеттік-конфессиялық қатынастардың тарихи тәжірибесі (1940–1990 жж.)» атты жобасы шеңберінде орындалды (жобаның ЖТН: АР 23486006).

Дәйексөз үшін: Алпыспаева Г.А., Джумағалиева К.В., Жұман Г. Қазақстандағы дін істері жөніндегі уәкілеттілер институтының қызметі (1945–1990 жж.) // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. 988–1006 бб. (Орысш.).

DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_988-1006

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО РЕЛИГИИ В КАЗАХСТАНЕ (1945–1990 ГГ.)

Алпыспаева Галья^{1*}, Джумағалиева Куляш², Жұман Гүлмира³

¹Казахский агротехнический исследовательский университет им. С. Сейфуллина
(д. 62, ул. Женис, 010011 Астана, Республика Казахстан)

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана

 <https://orcid.org/0000-0002-0672-8292>. E-mail: galpyspaeva@mail.ru

* Автор-корреспондент

²Казахский агротехнический исследовательский университет им. С. Сейфуллина
(д. 62, ул. Женис, 010011 Астана, Республика Казахстан)

Кандидат исторических наук, асс. профессор кафедры истории Казахстана

 <https://orcid.org/0000-0003-4758-8916>. E-mail: Dz_kylashV@mail.ru

³Казахский агротехнический исследовательский университет им. С. Сейфуллина
(д. 62, ул. Женис, 010011 Астана, Республика Казахстан)

Кандидат исторических наук, асс. профессор кафедры истории Казахстана

 <https://orcid.org/0000-0002-9428-6411>. E-mail: guliktim@mail.ru

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2025

© Алпыспаева Г.А., Джумағалиева К.В., Жұман Г.Ж., 2025

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию малоизученной и актуальной проблемы деятельности института уполномоченных по религии в Казахстане в 1945–1990 годы, отвечавших за реализацию государственной конфессиональной политики на местах. Эффективность религиозной / антирелигиозной политики государства во многом зависела от результативности работы чиновников, от их компетентности и грамотности. *Цель* – на основе критического анализа источников, выявленных в архивах Российской Федерации, Узбекистана и Казахстана, изучить региональные особенности функционирования аппарата уполномоченных по религии, охарактеризовать историю создания данной структуры в Казахстане, основные направления деятельности уполномоченных, цели и задачи, показать их роль в системе государственно-религиозных отношений. *Результаты.* Авторы резюмируют, что институт уполномоченных по религии в Казахстане рассматривался центром как главный инструмент контроля духовенства и религиозной жизни поликонфессионального населения. Организуя работу антирелигиозных комиссий и общественности, транслируя в жизнь решения центральных партийных и государственных органов по вопросам религии, уполномоченные Советов в областях

Казахстана были главными проводниками конфессиональной политики государства. *Выводы.* Региональная специфика их деятельности заключалась в необходимости выполнения сложной и кропотливой работы с духовенством разных конфессий в силу того, что на территории республики находилось немало сектантских религиозных объединений (пятидесятники, СЦ ЕХБ, общины АСД), не признающих советское религиозное законодательство и не желающих подчиняться органам власти.

Ключевые слова: Религия, Казахстан, Совет по делам религии, верующие, конфессиональная политика

Благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта «Исторический опыт государственно-конфессиональных отношений в Казахстане (1940–1990 гг.)» по программе грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН проекта: AP 23486006).

Для цитирования: Алпыспаева Г.А., Джумагалиева К.В., Жуман Г.Ж. Деятельность института уполномоченных по религии в Казахстане (1945–1990 гг.) // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. С. 988–1006. (На Русс.).

DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_988-1006

Введение

С либерализацией религиозной политики государства в годы Великой Отечественной войны в СССР началось создание структуры, отвечающей за осуществление связи между правительством и руководителями различных религиозных объединений. 19 мая 1944 г. Председателем СНК Союза ССР И.В. Сталиным было подписано Постановление об организации государственного органа – Совета по делам религиозных культов, в ведение которого передавались вопросы координации и контроля деятельности всех религиозных организаций в СССР, кроме Русской православной церкви (РПЦ) (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1. Л. 1). Совет имел своих Уполномоченных при Совнаркомах союзных и автономных республик, а также при областных исполкомах. Появился такой орган и в Казахской ССР, первым уполномоченным был назначен Н. Сабитов. Решение Совнаркома КазССР о его назначении Уполномоченным по делам религиозных культов состоялось 30.12.1944 г., и с этого времени он приступил к исполнению своих обязанностей (ЦГА РК. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 4. Л. 1).

На создаваемый институт уполномоченных возлагались задачи по разработке проектов и контролю за проведением в жизнь законодательных актов, постановлений и инструкций, относящихся к религиозным культам. Уполномоченные на местах осуществляли наблюдение за «правильным» и своевременным проведением в жизнь всех законодательных актов по религии, вели учет объектов культа (церквей, мечетей, молитвенных зданий) в областях, на основе данных местных исполнительных органов составляли статистические сводки о количестве религиозных объединений и верующих в них, характере и статусе общин (зарегистрированные /незарегистрированные), регулярно информировали правительственные органы о состоянии и деятельности религиозных культов в своих областях.

Актуальность изучения деятельности уполномоченных обусловлена той ролью, которую играл институт уполномоченных в системе государственно-религиозных отношений. Документальный источниковый нарратив, сформировавшийся благодаря деятельности уполномоченных, активно применяется исследователями, а научные выводы авторов подкрепляются данными из информационных отчетов чиновников. В этом смысле личности уполномоченных, их деятельность становятся объектом научного изучения.

В предлагаемой статье авторы фокусируют внимание на деятельности уполномоченных в КазССР. Казахстан относился к тем регионам Советского государства, в котором проживали верующие разных конфессий, нелегально, без регистрации функционировали протестантские сектантские общины, получил широкое распространение институт «бродячих мулл» – безмечетных мулл. Эти особенности религиозной картины в республике осложняли борьбу государственных органов с религией. Деятельность казахстанских уполномоченных была на

особом контроле центрального аппарата и часто рассматривалась на пленумах и совещаниях по религиозным вопросам. Цель исследования – изучить региональные особенности функционирования аппарата уполномоченных по религии на основе критического анализа источников, выявленных в архивах Российской Федерации, Узбекистана и Казахстана.

Материалы и методы исследования

В качестве источниковой базы исследования использовались документы из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ. Ф. Р-6991 – Совет по делам религий при Совете министров СССР, 1943–1991 гг.), Национального архива Республики Узбекистан (НА РУ. Ф. 2456 – Уполномоченный Совета по делам религии при Совете министров СССР по Узбекской ССР, 1944–1990 гг.), Центрального архива Республики Казахстан (ЦГА РК. Ф. 1711 – Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Казахской ССР, 1946–1965 гг.), Архива Президента РК (АП РК. Ф. 708 – Центральный комитет Коммунистической партии (б) Казахстана), Государственный архив Алтайского Края (ГА АК. Ф. Р-1692 – Уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Алтайскому краю). Были изучены документы из областных казахстанских архивов, в частности дела из фондов областных исполнительных комитетов, при которых функционировали уполномоченные по религии.

Цикл используемых архивных источников включает: Указы и Постановления союзных и республиканских высших органов власти по вопросам создания и деятельности аппарата уполномоченных по религии в областях; квартальные и годовые отчеты, справки, официальные письма областных уполномоченных в республиканский и союзный Совет по делам религиозных культов (СДРК); переписку областных уполномоченных с вышестоящими органами; инструкции и распоряжения областным уполномоченным; письма-жалобы верующих на действия уполномоченных на местах и другие документы. Из названных источников наиболее информативными являются отчеты областных уполномоченных и материалы их переписки с республиканским и союзным СДРК. Они содержат характеристику и оценку работы аппарата областных уполномоченных вышестоящим руководством, критические замечания в их адрес и секретные инструкции касательно того, как выстраивать отношения с духовенством и религиозными объединениями с учетом местных условий.

Изучение деятельности уполномоченных по религии в Казахстане осуществлялось посредством применения комплекса научно-исследовательских методов. Философско-культурологический подход к проблеме ориентирован на изучение дихотомии «государство-религия» через осмысление роли института уполномоченных как важнейшего инструмента реализации государственной конфессиональной политики. В работе с выявленными архивными документами применялся метод дискурсивного критического анализа источников. Историко-генетический и историко-сравнительный методы использовались для понимания и объяснения причин трансформации религиозной политики государства в 1944-1990 годы. Осмысление опыта государственной религиозной политики, проводимой в жизнь посредством института уполномоченных, осуществлялось применением политологических методов.

Обсуждение

Деятельность уполномоченных Совета по делам религий, как объект научного исследования, нашла освещение в российской исторической науке. Научная статья иерея И. Бурдукова представляет собой историографический обзор работ современных российских исследователей, в которых деятельность института уполномоченных характеризуется с разных точек зрения. Автор дает критический анализ работ, раскрывающих деятельности уполномоченных в разные хронологические периоды. По мнению автора, в последнее время среди историков возрос интерес к проблеме статуса и значимости института уполномоченных при анализе государственно-конфессиональных отношений в Советском Союзе, что обусловлено наличием обширной базы архивных источников по тематике. Однако, он отмечает расхождения в оценке роли и значения этого органа среди ученых. Одни

исследователи все проблемы в жизни религиозных объединений возлагали на уполномоченных, как главных проводников и трансляторов в массы политики государства, другие – акцентируют внимание на политических аспектах, оказывавших непосредственное влияние на трансформацию и перегибы в религиозной политике государства (Иерей И. Бурдуков, 2020).

Институт уполномоченных, как объект исследования, представлен в работах Ю.В. Гераськина. Ученый характеризует основные функции и обязанности уполномоченных на местах, рассматривает деятельность уполномоченных по религии как посредников в отношениях государства и церкви, которые регулировали конфликты между духовенством и чиновниками, часто возникавшие по вине органов государственной власти (Гераськин, 2008б). В другой работе ученого поднимается проблема решения кадровых вопросов при назначении региональных уполномоченных. В интерпретации ученого, переход от арбитражной к карательной политике уполномоченных Совета по делам РПЦ на местах не был случайным, а вытекал непосредственно из целей и задач политического курса в отношении религии. В годы хрущевских гонений на религию для надзора за деятельностью церковных структур подыскивались кадры, соответствующие характеру принимаемых решений; уполномоченными нередко назначались бывшие офицеры НКВД и КГБ (Гераськин, 2008а).

Историю деятельности центрального аппарата Совета по делам религиозных культов (СДРК), трудности его становления и пути их преодоления рассматривает Ж.В. Ахмадуллина. По мнению автора, «создание Совета по делам религиозных культов было объективной потребностью для военно-политического руководства Советского государства, увидевшего в новом органе достаточно эффективный механизм решения сложнейших задач в условиях экстремального существования» (Ахмадуллина, 2022: 339).

В большинстве работ освещение деятельности уполномоченных имеет фрагментарный характер и во взаимосвязи с исследованием общих вопросов взаимодействия государства с религией. Так, характеризуя взаимоотношения государства с РПЦ, авторы М.В. Шкаровский и М.И. Одинцов подчеркивают определяющую роль уполномоченных в системе государственно-конфессиональных отношений (Шкаровский, 1999; Одинцов, 2014). В работах П.К. Дашковского освещается роль уполномоченных в системе государственного регулирования религиозных процессов в различных областях России, их опыт решения проблемных ситуаций, связанных с нарушением советского законодательства в области религии (Дашковский, Гончарова, 2022; Дашковский, Траудт, 2024). Следует отметить исследования М.В. Каиля, в которых дается аналитический обзор работы региональных уполномоченных Совета, их административные практики, методы реализации политики государства в отношении РПЦ (Каиль, 2016). Авторы П.К. Дашковский и Н.С. Дворянчикова, опираясь на архивные материалы Алтайского края, дают свое видение деятельности уполномоченных, начиная с середины 1960-х и до начала 1980-х годов (Дашковский, Дворянчикова, 2017).

Региональный аспект деятельности уполномоченных нашел освещение в ряде работ. Исследователь Н.Ю. Федотова на основе архивных материалов характеризует деятельность уполномоченного Совета по делам РПЦ при СНК СССР по Молотовской области (ныне Пермский край) в 1940-е – начале 1950-х годов. Основное внимание автор уделяет взаимодействию уполномоченного с местными органами власти и показывает его роль в открытии и восстановлении религиозных объектов в области (Федотова, 2009). Исследователь Р.М. Громов рассматривает взаимоотношения двух субъектов – управления Рязанской епархии и Совета по делам РПЦ по Рязанской области. По мнению автора, доминирование антирелигиозных настроений в рассматриваемый период показывает зависимость Церкви от личности и идеологической заинтересованности уполномоченного по делам РПЦ (Громов, 2012). В статье Р.М. Громова и В.И. Филонова отмечается, что уполномоченные критиковали работу районных и городских исполкомов, не желавших разбираться в тонкостях религиозной деятельности сектантов, а предоставленные отчеты о проделанной антирелигиозной работе были лишены глубокого анализа (Громов, Филонова, 2019). Недостатки в работе

уполномоченных по пресечению деятельности незарегистрированных религиозных объединений отмечают казахстанские авторы (Сактаганова, Ильяшева, 2009).

Повседневная религиозная жизнь немецкого населения 1950-х годов в Казахстане через призму деятельности казахстанских уполномоченных нашла отражение в работе Ж. Мажитовой и других авторов (Мажитова и др. 2023). При характеристике религиозной жизни немецкого населения в конце 1950-х гг. в Северо-Казахстанской области авторы опирались на отчеты уполномоченного данной области В.П. Ляпунова. Его секретные докладные записки позволили ученым рассмотреть вариативность повседневной религиозной жизни немецкого населения, демонстрировали живучесть религиозных традиций и обрядов.

Состояние религиозности населения и вопросы религиозных отношений в Казахстане в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период освещаются в работах отечественных исследователей (Бодеев, Сактаганова, 2018; Бодеев, 2020; Джунусбаева, 2014; Садыкова, 2020). В них имеются фрагментарные сведения о действиях региональных уполномоченных в контексте анализа взаимоотношений официальной власти с религиозными организациями различных конфессий. Отдельные аспекты религиозной политики в Казахстане в 1950–1980-е годы раскрываются в научных исследованиях Б.Ж. Актауловой, Л.К. Жаманбаевой, Р.М. Мустафиной и других авторов (Актаулова, 2013; Жаманбаева, 2010; Мустафина, 2003; Турлубекова и др., 2025).

В целом, краткий историографический обзор исследований о деятельности института уполномоченных позволяет констатировать актуальность критического научного изучения функционирования аппарата уполномоченных на региональном уровне, чтобы объективно оценить их роль в системе государственно-конфессиональных отношений.

Результаты

Республиканский аппарат уполномоченных в Казахстане был создан в 1945 году. Об истории его создания мы узнаем из материалов переписки первого Уполномоченного СДРК при Совнарком КазССР Н. Сабитова с Председателем СДРК при Совнарком СССР И.В. Полянским. В письме от 13 января 1945 г. Н. Сабитов сообщает И. Полянскому о том, что уполномоченные назначены в шести областях: Гурьевской, Кустанайской, Павлодарской, Карагандинской, Кызыл-Ординской, Северо-Казахстанской (ЦГА РК. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 4. Л. 1). В очередном письме И. Полянскому от 19 марта 1945 г., чиновник пишет, что действуя в соответствии с Положением о создании аппарата уполномоченных СДРК при облисполкомах, в августе 1944 г. он «дал указания председателям облисполкомов о создании аппаратов областных уполномоченных. Однако, эти указания Совнаркома многими облисполкомами, за исключением некоторых, не были выполнены своевременно, что затрудняло работу республиканского Уполномоченного и Совета по делам религиозных культов при СНК СССР» (ЦГА РК. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 4. Л. 20–20 об.). Учитывая создавшееся положение, 14 марта 1944 г. Н. Сабитов обратился со специальным письмом к заместителю Председателя Совнаркома КазССР Д.А. Кунаеву о необходимости принятия срочных мер по созданию аппарата уполномоченных. Д. Кунаев совместно с заместителем заведующего отдела кадров ЦК КП(б)К В. Чулановым в марте 1945 г. послал телеграммы на имя председателей облисполкомов и первых секретарей обкомов партии о немедленном решении вопроса (ЦГА РК. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 4. Л. 20).

И.В. Полянский торопил республиканские власти с созданием аппарата республиканских уполномоченных. «Отсутствие Уполномоченных лишает Совет возможности иметь связь с руководителями религиозных объединений на территории Вашей республики и задерживает рассмотрение ходатайств со стороны верующих граждан, поступивших в адрес Совета об открытии молитвенных зданий» – писал он в письме от 10 ноября 1944 г. Председателю СНК Казахской ССР Н. Ундасынову (ЦГА РК. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 4. Л. 112). Дело в том, что с либерализацией религиозной политики в годы войны в местные и центральные органы стали массово поступать письма от верующих с просьбой вернуть им объекты культа, закрытые и изъятые в 1920–1930-х годах. Именно этими

вопросами занимались уполномоченные, они собирали данные о количестве верующих в общинах и представляли в исполнительные органы свои предложения.

В результате проведенной работы в марте 1945 г. уполномоченные были назначены в нескольких областях: в Северо-Казахстанской области назначен В. Ляпунов, юрист с высшим образованием; в Карагандинской области временно назначен А. Рахимов, председатель областного Радиокомитета, выполнял функции уполномоченного по совместительству; в Семипалатинской области Ш.Ш. Насиров; в Кызыл-Ординской области Т. Таджибаев, имевший высшее (орфография документа сохранена – *авторы*) образование; в Гурьевской области временно назначен Б. Джангалиев; в Павлодарской области В. Гуляева, образование среднее; в Кустанайской области А. Айтленов, образование среднее; в Южно-Казахстанской области временно назначен В. Торопов, работавший заведующим отделом учета в распределении рабсилы области (ЦГА РК. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 4. Л. 20–20 об.). Практически все, за исключением В. Ляпунова, были членами партии. Двое уполномоченных имели высшее образование, большинство же имели среднее образование. Уполномоченные нескольких областей считались временно назначенными, так как постоянно работали на государственных должностях, но по причине дефицита кадров временно исполняли обязанности уполномоченных по религии.

По мере становления и укрепления института уполномоченных по религии, республиканский и областные аппараты пополнялись новыми кадрами. Авторами была сделана выборка из архивных документов и составлена сводная таблица уполномоченных по религии в Казахской ССР в период с 1945 по 1990 годы (таблица 1).

Таблица 1 – Список уполномоченных в областях Казахской ССР (1945 по 1990 гг.)

[Table 1 – List of Commissioners in the Regions of the Kazakh SSR (1945–1990)]

№	Области Казахской ССР	Уполномоченные по религии в хронологическом порядке сменяемости
1	Уполномоченный СДРК (позже СДР) по КазССР	Н. Сабитов, Б. Джумашев, К. Кулумбетов, С.Т. Тотанов, Т.Е. Сауранбеков
2	Уполномоченный Совета по делам РПЦ по КазССР	С. Вохменин
3	Акмолинская (Целиноградская)	А Джазынбаев, А.И. Тишков, К.Ф. Ахметжанов, Т.С. Устинова
4	Актюбинская	Т. Таджибаев, Ж. Иргалиев, Ж. Амиров, А.У. Джалгаспаев
5	Алма-Атинская	Н. Салтовский, А. Балабатыров, Ж.Т. Сатыбалдиев
6	Восточно-Казахстанская	Г. Сатаев, А.Д. Галямин, П.Ф. Исаков
7	Гурьевская	И. Джангалиев, У. Габдрахманов, К. Ураков, К.Ш. Шинбаев
8	Джамбульская	А. Уразымбетов, Б. Мажитов, Д. Саймбетов, А. Адамбеков
9	Джезказганская	Г.К. Исмагамбетов
10	Западно-Казахстанская (Уральская)	Ж. Кадырбалин, А.М. Щуков
11	Карагандинская	Ж. Рахимов, Т. Джумагалиев, А. Ашимов, Д. Шаржуков, М.К. Сулейменов
12	Кзыл-Ординская	Т. Таджибаев, У. Алтынбаев, Ж. Боталиев, А.А. Сарсенбаев
13	Кокчетавская	С. Елеусызов, Б. Халиков, Н.И. Маркевич, З.А. Алибеков, А.К. Утеев
14	Кустанайская	А. Айтленов, К.Н. Лузин, Л.Н. Пучков, В. Цицулна
15	Мангышлакская	Ш.Ж. Жусупов, Ж.К. Курмашев
16	Павлодарская	В. Гуляева, Н.М. Айтпаев
17	Северо-Казахстанская	В. Ляпунов, А.Г. Ткаченко, Д.А. Волков
18	Семипалатинская	А. Корабаев, Ш.Ш. Назиров, К.А. Абдуллин, Н.У. Уалиев
19	Талды-Курганская	И. Ниязов, Т.Ш. Шайдильдинов
20	Тургайская	А.К. Аяпов
21	Южно-Казахстанская (Чимкентская)	А. Юлдашев, Б.У. Нурабаев, Д.Е. Сагналиев

Таблица составлена на основе источников: ГА РФ. Ф. 6991. Оп.3. Д. 29, 30, 41, 391, 393, 395, 399, 360, 376, 378; ГА РФ. Ф. 6991., Оп. 6. Д. 268, 2043, 3789; ГАСКО. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 21.

В секретной инструкции Уполномоченного СДРК при Совнаркоме КазССР Н. Сабитова от 24 мая 1945 г., направленной председателям облисполкомов, обозначен был статус областных уполномоченных. В ней указывалось: 1 Работой областных уполномоченных по делам религиозных культов руководит председатель облисполкома. 2. По должностному окладу и по снабжению уполномоченные приравнивались к заведующим отделов облисполкома. 3. Аппарат уполномоченного содержался за счет местного бюджета и по смете облисполкома, размещался в удобном для приема посетителей помещении. 4. Уполномоченные не могут быть освобождены или переведены на другую должность без согласия СДРК при СНК СССР (ГАСКО. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 14. Л. 19).

Миссия, задачи, функции и основные направления деятельности уполномоченных разрабатывались и корректировались союзными властями в Москве, поступали в республиканский Совет, а затем направлялись в области. Так, уполномоченный по делам РПЦ при Совмине КазССР С. Вохменин в инструкции областным чиновникам четко обозначил направления деятельности уполномоченных в областях: вести ежедневную работу по контролю деятельности религиозных общин в своих областях; при «выездах в область должны обращать внимание на состав членов церковных двадцаток и исполнительные органы церкви»; выявлять молодежь, участвующую в обслуживании церковных объектов (в том числе в церковных хорах); ставить в известность местные исполнительные органы о деятельности духовенства; изучать проповедническую деятельность служителей культа и выявлять наиболее активных (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2021. Л. 5).

В архивах отложились материалы секретной переписки областных уполномоченных с республиканским и союзным Советом, из которых следует, что республиканский аппарат уполномоченных в Алма-Ате и всесоюзный в Москве организовывали и направляли работу областных чиновников в соответствии с политикой государства. Они разрабатывали и отправляли в области секретные инструкции касательно назначения руководителей религиозных объединений (имамов мечетей, священников церквей, старших пресвитеров), обложения подоходным налогом лиц, имеющих доход от совершения религиозных обрядов среди населения, решения спорных вопросов с духовенством, выдачи разрешений на строительство объектов культа и другие.

В письмах часто содержались критические замечания в адрес работы уполномоченных, особенно в первые годы их функционирования. Уполномоченный СДРК при СНК КазССР Н. Сабитов в секретном письме областным уполномоченным в мае 1947 г. отмечал общие недостатки в работе уполномоченных: отсутствие живой связи с местами, отсутствие оперативности и организованности в работе, слабое изучение религиозного движения на местах (ГАСКО. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 21. Л. 36–38). Наиболее часто критике подвергалась работа уполномоченных по возвращению верующим объектов культа, изъятых в 1920–1930-е годы антирелигиозного террора. Несмотря на неоднократные указания и инструкции о порядке оформления материалов об открытии церквей и молитвенных домов, уполномоченные часто допускали нарушения пунктов Постановления Совнаркома от 28 ноября 1943 г. за № 1325, небрежно оформляя документы и нарушая процедуры согласования (ГАСКО. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 21. Л. 4).

Согласно архивным источникам, в первые годы своей деятельности уполномоченные в областях не понимали в полной мере миссию и задачи своей структуры, о чем свидетельствуют тексты ежеквартальных и годовых отчетов, составляемых ими для центрального Совета. Так, уполномоченный по Северо-Казахстанской области В. Ляпунов считал необходимым детально изучать деятельность религиозных общин, часто контактировал с лидерами сектантских объединений, проводил беседы, убеждал и давал советы, за что подвергался критике высшего руководства. По мнению республиканского и союзного руководства, таким образом он проявлял «излишнюю либеральность» (ГАСКО. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 21. Л. 30). Уполномоченный по Кокчетавской области С. Елеусызов часто вступал в переписку с руководителями религиозных общин, за что его критиковало вышестоящее начальство, поскольку существовало негласное требование

высших органов практиковать только устные контакты. Уполномоченный СДРК при СНК КазССР Н. Сабитов в секретном письме в сентябре 1946г. предупреждал о том, что уполномоченные не должны вести официальную переписку со служителями культа, что «связь должны быть личной». «Если не можете пригласить в кабинет для беседы ввиду отдаленности местонахождения служителя, тогда связь держать через председателей городских, районных или сельских советов» (ГАСКО. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 21. Л. 58). Также уполномоченным категорически запрещалось при разговоре со служителями культов ссылаться на решения Правительства о религиозных культах и указания СДРК при Совмине СССР. «Разговор со служителями культа должен носить чисто деловой характер» (ГАСКО. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 21. Л. 59). Уполномоченный по Джамбульской области А. Уразымбетов был снят с должности с формулировкой «за потерю революционной бдительности, сращивание с представителями культа, получение взятки в виде угощения, встал на путь политического и бытового разложения» (ГАСКО. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 21. Л. 60).

На областных уполномоченных возлагалась обязанность по наблюдению за «правильным проведением в жизнь» законов и постановлений Правительства, относящихся к религиозным культам. Для ее выполнения уполномоченные должны были всесторонне изучать состояние и практическую деятельность духовенства, вести контроль финансового состояния общин, доходов мечетей и церквей. Работа с духовенством была одной из важнейших функций СДР и уполномоченных. В организационном плане она означала учет и контроль за кадрами священнослужителей. Ни один священнослужитель, будь то имам или священник, не мог приступить к деятельности без согласия и специальной регистрации у уполномоченного.

СДРК при Совмине СССР требовал от областных уполномоченных периодическую информацию по вопросам выполнения религиозных обрядов и учета посещаемости верующими молитвенных зданий в дни религиозных праздников: Ураза-Байрам, Курбан-байрам, Пасха, Рождество, Жатва. Информация собиралась по зарегистрированным общинам с целью выявления динамики совершения обрядов и посещения молитвенных собраний верующими. Поэтому в инструкциях для уполномоченных была четко расписана методика сбора информации, дающая возможность сравнивать получаемые цифры с предыдущими. Она состояла в том, чтобы сбор данных производить по отдельным взятым на выборку зарегистрированным общинам с указанием ее адреса, общего количества верующих. «При сборе их, строго придерживаться того, чтобы они относились к одним и тем же общинам, а не так, что в одном полугодии цифры будут касаться одних общин, а в другом полугодии – других. В этом, последнем случае, сбор и регулярное представление указанных сведений будет бесполезным делом» (ГАСКО. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 54. Л. 2). Собранные данные о количестве совершенных за отчетное время религиозных обрядов подробно излагались в информационных отчетах.

Можно представить масштабы работы чиновников, если учесть уровень религиозной ситуации в республике. В 1959 г. на территории Казахстана официально функционировали 60 православных церквей, 26 мечетей, 11 зарегистрированных общин баптистов, 2 иудейские синагоги, 1 молитвенный дом лютеран, а также десятки незарегистрированных общин СЦ ЕХБ, пятидесятников, АСД, меннонитов, старообрядцев. В Казахстане находились два епархиальных управления и один казят, 110 священников и 30 имамов (АП РК. 708. Оп. 32. Д. 431. Л. 3). Настоящей проблемой для уполномоченных Казахстана была подпольная нелегальная деятельность незарегистрированных общин, особенно среди сектантских групп с преобладанием немецкого населения. В 1958 г. в республике было учтено 102 религиозные общины с чисто немецким населением: лютеранских – 51, ЕХБ – 26, католических – 19, меннонитских – 6 (АП РК. Ф. 708. Оп. 31. Д. 265. Л. 131). В последующие 1960–1980-е годы численность их в республике выросла. 21 февраля 1985 г. вышло Постановление Совета по делам религий (СДР) при Совете Министров СССР за № 280 «О ходе упорядочивания сети религиозных объединений, состоящих из верующих граждан немецкой национальности» (ГА АК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 290. Л. 309). Оно в большей мере касалось ситуации в Казахстане.

Если в 1974 г. в республике насчитывалось 352 религиозных объединения немцев, то в 1984 г. уже 507, из которых 272 объединения стояли на «противозаконных позициях» (ГА АК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 290. Л. 428–429). Среди них: 105 группировок сторонников Совета церквей Евангельских христиан-баптистов (СЦ ЕХБ), 29 объединений крайних меннонитов, 63 объединения пятидесятников, 30 общин Свидетелей Иеговы. Они массово сосредоточены были в Павлодарской, Джамбульской, Кокчетавской, Карагандинской, Чимкентской и Целиноградской областях (ГА АК. Ф. 1692 Оп. 1. Д. 290. Л. 430). На заседаниях СДР при Совете министров СССР регулярно заслушивались отчеты казахстанских уполномоченных о работе с такими объединениями.

Регистрация и контроль деятельности религиозных объединений были важнейшей функцией аппарата уполномоченных в областях. Архивные региональные источники второй половины 1940-х – 1980-х гг. свидетельствуют о том, что многие религиозные общины длительное время не могли добиться регистрации, поскольку уполномоченные не принимали должных мер по рассмотрению их заявлений. Так, верующие мусульмане с. Урджар Семипалатинской области в течение двух лет несколько раз обращались в высшие правительственные органы с просьбой об открытии мечети, получая необоснованный отказ. Эта община мусульман, объединяющая свыше 150 человек, открыто действовала более десяти лет, но не была поставлено на учет (ГААО. Ф. 730. Оп. 1. Д. 25. Л. 38). В республике в начале 1980-х гг. свыше 70% религиозных организаций разных конфессий продолжали действовать нелегально (ГААО. Ф. 730. Оп. 1. Д. 25. Л. 39). Уполномоченный по делам религий по КазССР К. Бегимов неоднократно отправлял указания региональным областным и городским исполнительным комитетам – принять срочные меры по регистрации деятельности религиозных объединений. Был составлен список религиозных обществ в количестве 77, подлежащих немедленной регистрации (ГААО. Ф. 730. Оп. 1. Д. 25. Л. 49). Причины бездействий уполномоченных заключались в сложной системе регистрации объединений, многочисленных процедурах согласования принятых решений. Нередки были случаи, когда уполномоченные не спешили с регистрацией религиозных объединений, дабы «не испортить статистику» и иметь хорошие показатели антирелигиозной пропаганды.

Жесткой критике подвергалась деятельность казахстанских уполномоченных по регистрации религиозных объединений, в которых преобладало немецкое население. Такие объединения, как правило, уклонялись от регистрации. По результатам проверки, проведенной в 1979–1980 гг. в Алтайском крае, 13 областях Казахской ССР и РСФСР, выяснилось, что состояние работы по упорядочению сети немецких религиозных объединений не отвечает требованиям директивных органов. Абсолютное большинство незарегистрированных объединений действовало в Казахской ССР – 54,0 %, в Российской Федерации – 34,6 %. В Казахстане действовали без регистрации 364 общества и группы. Наибольшее число незарегистрированных объединений было сосредоточено: в Кокчетавской области – 70, в Павлодарской – 45, в Кустанайской – 37, в Алма-Атинской – 36, в Джамбульской – 33, в Чимкентской – 21, в Целиноградской – 26, в Семипалатинской – более 20, в Северо-Казахстанской – 20 (ГА АК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 281. Л. 355). Из числа незарегистрированных 20 объединений лояльно относились к советской власти и могли быть зарегистрированы, но по вине уполномоченных не получили регистрации.

В работе с исламскими объединениями большой проблемой для казахстанских уполномоченных была деятельность так называемых «бродячих мулл», или безмечетных мулл, т.е. официально не зарегистрированных, не плативших налоги мулл. На территории КазССР в 1949 г. действовали более 500 незарегистрированных мулл (ЦГА РК. Ф. 1711. Оп. 2. Д. 5. Л. 22). В 1958г. в республике официально была установлена деятельность 578 «кочующих мулл» (ЦГА РК. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 1. Л. 23). Действовали «бродячие муллы» практически во всех регионах Казахстана. В 1950 г. десятки незарегистрированных мулл отмечены были в Павлодарской области (ГАПО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 3. Л. 40). В Кызыл-Ординской области в 1958-1961 гг. насчитывалось 85 бродячих мулл (ГАКОО. Ф. 808. Оп. 1. Д. 1. Л. 4). Уполномоченный по Павлодарской области называл «бродячих мулл» главными

рассадниками религии и сообщал в центральные органы, что именно они «рассеивают религиозные дурманы, взимают с населения всякого рода подаяния» (ГАПО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 3. Л. 39). Уполномоченный по Кызыл-Ординской области в отчете за 1964 г. писал: «Религиозные объединения мусульман живучи и имеют тенденцию к росту потому, что они вдохновляются и поддерживаются активными действиями бродячих мулл, которые пользуясь бесконтрольностью местных советских органов, развернули активную деятельность, рассчитанную на поддержание религиозности населения» (ГАКОО. Ф. 808. Оп. 1. Д. 2. Л. 5). В инструкциях из Москвы уполномоченным давалась установка касательно того, как действовать в отношении безмечетных мулл: «Тактично, но в то же время последовательно и твердо проведенная работа в строгом соответствии с инструкцией, должна привести к полной ликвидации института бродячих мулл» (ГАСКО. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 14. Л. 4–5). Понимая, что искоренить институт «бродячих мулл» практически невозможно, власти в 1970–1980-е гг. применяли такие методы борьбы, как обложение их налогами, постановку на учет и контроль их деятельности. Эти меры помогли лишь частично решить проблему.

Казахская ССР была наиболее сложным в плане религиозности регионом СССР, поскольку именно здесь действовали религиозные группы и общины, не признававшие советское религиозное законодательство, выступающие с критикой советского режима в части свободы совести. К ним относились пятидесятники, СЦ ЕХБ, Адвентисты Седьмого Дня (АДС) (Алпыспаева и др., 2025: 126). К примеру, в республике в 1966 г. фактически действовали более 50 крупных незарегистрированных религиозных объединений ЕХБ, которые регулярно проводили молитвенные собрания в домах единоверцев, а некоторые общины имели специально оборудованные подпольные молитвенные дома, где совершали религиозные обряды. Действуя нелегально, они постоянно меняли места богослужения, что затрудняло местным органам власти осуществлять контроль за соблюдением законодательства о религиозных культах и за их проповеднической деятельностью (ЦГА РК. Ф. 2079. Оп. 1. Д. 19. Л. 39–40). Большинство таких общин находилось в районах, куда обязаны были регулярно выезжать уполномоченные. Областные аппараты уполномоченных по религии испытывали нехватку кадров, что затрудняло их работу.

В Совет по делам религий при Совмине СССР неоднократно поступали просьбы от уполномоченных по КазССР – рассмотреть вопросы укрепления областного звена работников аппарата дополнительными штатными единицами: заместителя уполномоченного, 1–2 единицами инспекторов. Приведем такие цифры. В 1981г. в Казахстане насчитывалось 697 религиозных объединений в 19 областях и г. Алма-Ате. При этом, штат уполномоченных по республике составлял всего 20 единиц, т.е. по одному уполномоченному в каждой области (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2043. Л. 37–38). Республиканские чиновники просили учесть территориальную разбросанность религиозных обществ и сложную обстановку в Казахстане, где в 1970–1980-х гг. действовали 532 религиозных общества из лиц немецкой национальности, большинство из которых не имели регистрации (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1793. Л. 115). Вести контроль их деятельности силами имеющего штата работников было практически невозможно.

Если аппарат уполномоченного СДР при Совмине КазССР в 1980-х годах состоял из 10 единиц, включая самого уполномоченного, 2-х заместителей, 4-х старших инспекторов, 2-х инспекторов и одну секретарь-машинистку, то в областях всю работу проводил непосредственно сам уполномоченный, который находился в прямом подчинении союзного Совета и лишь косвенно, без юридического обоснования, подчинялся Совету по республике (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2043. Л. 35). Подобная организационная структура не способствовала эффективности работы. Уполномоченный по КазССР С. Тотанов обратился в СДР при Совмине СССР с предложением об усилении статуса и полномочий республиканского уполномоченного, либо о создании в республике Совета по делам религий с соответствующим штатом. Предлагалось также расширить штат областных уполномоченных. Обосновывали свои предложения тем, что территории республики осуществляли свою деятельность религиозные общества 15 конфессий, большинство из

которых состояло из верующих немецкой и польской национальностей (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2043. Л. 29).

Одно из важных направлений деятельности уполномоченных – работа по жалобам верующих. Ей придавали большое значение, поскольку жалобы верующих регулярно поступали в партийные и государственные органы. Кроме того, жалобы рассматривались как своего рода ответная реакция верующих на проводимую политику, канал обратной связи, игнорировать который нельзя было. В информационных докладах уполномоченные приводили цифры по количеству поступивших жалоб, их характеру, сообщали о принятых решениях. Так, уполномоченный Совета по делам РПЦ при Совмине КазССР сообщал в отчетно-информационном докладе в Москву о том, что в 1961 г. поступило 24 жалобы: 4 – по вопросам налогообложения, подписанные 13 служителями культа, 5 – жалобы на грубые действия духовенства, 6 – по вопросу закрытия молитвенных домов, остальные – по внутрицерковным вопросам (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2021. Л. 24). Уполномоченный Совета по Казахской ССР К.Т. Бегимов отправил в Москву в СДР при Совмине СССР в августе 1980 г. подробную секретную информацию о том, сколько и от каких конфессий поступили жалобы, их характер и содержания. По его данным, всего 23 жалобы поступили из разных областей: 5 – из Джамбульской, 4 – из Семипалатинской, по две – из Алма-Атинской, Целиноградской, Кокчетавской, Чимкентской, по одной – из Актюбинской, Карагандинской, Восточно-Казахстанской. В разрезе конфессий: от РПЦ 5, от мусульман – 3, от общин ЕХБ – 8 (ЕХБ – 6, СЦ ЕХБ – 2), от пятидесятников – 3, от лютеран – 1, от атеиста из Кокчетавской области. По характеру и содержанию жалоб: 8 – внутрицерковные разборки, взаимные жалобы на исполнительные органы церкви, по финансовым злоупотреблениям; 5 – жалобы на действия представителей местной власти; 3 – по регистрации религиозных обществ; 2 – о разрешении строительства молитвенных домов; 1 – «клеветнические выпады» сторонников СЦ ЕХБ (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1793. Л. 81–85).

Поток жалоб растет во второй половине 1980-х годов. Вместе с тем, характер жалоб меняется; верующие чаще обращаются с просьбой зарегистрировать объединение и разрешить строительство объектов культа. Приведем данные из отчета уполномоченного Совета по КазССР Т.Е. Сауранбекова. В 1988 г. в адрес партийно-советских органов и уполномоченного Совета по Алма-Атинской области поступили два заявления от общины РПЦ с. Тургень Енбекши-Казахского района с просьбой зарегистрировать в органах власти общину и разрешить строительство церкви. В обоих случаях просьба верующих была удовлетворена. Было удовлетворено и заявление мусульманского объединения г. Каскелен о строительстве новой мечети (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 3804. Л. 21). В феврале 1989 г. было принято решение о безвозмездной передаче мусульманской общине г. Петропавловска помещения бывшей мечети (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 4082. Л. 48). Подобная ситуация наблюдалась во всех областях республики. Большинство просьб и жалоб верующих были удовлетворены (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 3804. Л. 226–227).

Под жестким контролем уполномоченных Совета по делам религий находились вопросы подготовки духовных кадров: деятельность семинарий, медресе, духовных курсов; набор слушателей и отбор кандидатур поступающих; содержание учебных программ; комплектование учебных заведений кадрами преподавателей; экзаменационные вопросы; выпускные экзамены. Даже проявление интереса к порядку поступления в медресе или духовную семинарию порождало комплекс мероприятий воспитательного воздействия, препятствующих получению лицом духовного образования (Советская идентичность, 2022: 180). На территории Казахской ССР официально действующих духовных заведений не было. По этой причине уполномоченные областей не имели непосредственного отношения к этой области. Но через уполномоченных проходили кандидатуры для обучения в двух медресе, находившихся на территории Узбекской ССР. Кандидатуры предлагал казйят республики с обязательного согласия уполномоченного СДРК. По согласованию с областными уполномоченными в медресе «Мир-Араб» в Бухаре, с момента его открытия в октябре 1945 г. и до 1981 г. включительно, завершили обучение 17 мусульман из КазССР,

которые были направлены служить имамами в мечети республики. Специальную духовную школу в Ташкенте, созданную в 1971 г. на базе медресе «Баракхан», по рекомендации уполномоченного по Казахстану окончили в 1979 г. 3 имама из КазССР (НА РУ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 637. Л. 27–28). В 1981–1982 гг. по рекомендации уполномоченного в Ташкентский исламский институт им. Бухари было принято 5 человек из КазССР (НА РУ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 654. Л. 20–21).

Областные уполномоченные Казахстана контролировали отбор кандидатов из числа мусульман для совершения хаджа в Мекку. Вопрос был достаточно щекотливый, поскольку желающих совершить хадж было много, а количество разрешенных к выезду строго регламентировалось государством и не превышало двадцати человек. К тому же, к потенциальным кандидатом предъявлялись жесткие требования касательно знания иностранных языков (арабского, фарси, английского), основ ислама, уровня интеллекта, политической благонадежности паломника и даже внешнего вида. Для формирования групп паломников СДРК при Совете Министров СССР разрабатывал и рассылал квоту по республикам, согласно которой Казахстану отведено было 2 места (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 1449. Т. 1. Л. 1). Но и этот факт не гарантировал попадание казахстанцев в паломники. В 1958 г. с просьбой разрешить паломничество в Мекку заявление от казиата Казахстана подали 41 человек, но в Мекку съездил только один – имам Жана-Семейской мечети А. Калдыбаев (АП РК. Ф. 708. Оп. 31. Д. 265. Л. 97). В 1973 г. заявление на паломничество подали всего 123 мусульманина из республик Средней Азии и Казахстана, но выехало лишь 18, среди которых был один из КазССР (НА РУ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 540. Л. 92–102). Конкуренция среди претендентов и жесткий отбор претендентов на паломничество не оставляли мусульманам Казахстана возможности совершать хадж. Это хорошо понимали уполномоченные, а потому выражали поддержку желающим. В феврале 1989 г. уполномоченный по религии Уральской области А. Шуков направил письмо Председателю СДР при Совете Министров СССР Ю.Н. Христораднову, в котором просил удовлетворить просьбу муэдзина Уральской мечети М. Османова касательно хаджа в Мекку. Дело в том, что Османов М. в очереди на хадж в казиате республики находился с 1985 года, он четыре раза обращался к А. Шукову с ходатайством в Мекку. По словам А. Шукова, «от Уральской области никто и никогда в хадж не ездил» (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 4082. Л. 42).

Уполномоченные по религии организовывали и координировали деятельность общественных комиссий по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах. Такие комиссии активно создавались в 1970-е гг. для противодействия религии. К примеру, уполномоченный по делам религии по Целиноградской области А.И. Тишков так обозначил цели комиссии: «Главная цель осуществляемого контроля – сковать деятельность религиозных объединений, служителей культа, приостановить процесс воспроизводства религиозного сознания, добиваться прекращения деятельности незарегистрированных религиозных объединений и служителей культа» (ГАГА. Ф. 33. Оп. 2. Д. 15. Л. 74).

Уполномоченный по делам религии Кызыл-Ординской области Ж. Боташев в мае 1972 г. акцентировал внимание общественной комиссии касательно контроля за соблюдением незарегистрированных служителей мусульманского культа законодательства о религиозных культах, так как в области имелось 120 «бродячих мулл», которые повсеместно совершали религиозные обряды, организовывали денежные и натуральные поборы среди верующих в виде фитира, садака, имея от этого определенные доходы. Ж. Боташев потребовал от финансовых органов и членов комиссии заняться своевременным выявлением и обложении подоходным налогом незарегистрированных мулл (ГАКОО. Ф. 808. Оп. 1. Д. 18. Л. 35). На территории Кызыл-Ординской области учтено было 14 «святых мест» – объектов паломничества мусульман. В этой связи Ж. Боташев призывал власти «своевременно принимать меры по пресечению тех служителей культа, которые занимались организацией паломничества к «святым местам», в необходимых случаях привлекая их к ответственности за совершение обманных действий с целью возбуждения религиозных суеверий среди населения и извлечения материальных выгод» (ГАКОО. Ф. 808. Оп. 1 доп. Д. 9. Л. 30).

Политические и социокультурные изменения в период перестройки во второй половине 1980-х гг. затронули и государственно-конфессиональные отношения. В эти годы отмечается процесс активного религиозного возрождения. Деятельность религиозных общин в Казахстане постепенно легализировалась, а в отношении многих верующих были прекращены притеснения и преследования, наблюдалось ослабление антирелигиозной пропаганды. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в адрес уполномоченных по делам религий в республике массово стали поступать заявления от верующих с просьбой о регистрации религиозных объединений, возвращении культовых помещений. Выражая поддержку верующим, уполномоченные отмечали, «что большинство заявлений верующих были обоснованными, без лишних претензий» (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 3804. Л. 232). В 1989–1990 гг. началась массовая регистрация религиозных объединений, встречи руководства республики с религиозными деятелями становились регулярными. Уполномоченные по религии в областях Казахстана теперь занимались решением таких проблем, как строительство и ремонт мечетей и церквей, подключение их к централизованному теплоснабжению, установление телефонов в церквях и мечетях, ремонт минаретов и крестов, приобретение автомашин для религиозных объединений. Изменились содержание и тональность отчетов уполномоченных, в которых теперь не содержалась критика и негатив в адрес религиозных объединений. Более того, в отчетах чиновники подчеркивали необходимость восстановления справедливого отношения к религии: «Многие религиозные организации помогают стране в борьбе за мир и гуманизм, оказывают поддержку ее внутренней и внешней политике» (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 4082. Л. 38).

Выводы

Институт уполномоченных по религии в Казахстане прошел сложный путь становления и развития. Если в первые годы своего существования аппарат уполномоченных испытывал проблемы с профессиональными кадрами, отсутствием опыта работы и неопределенностью их статуса в системе государственно-религиозных отношений, то в 1970–1980-е гг. эти проблемы практически были решены. По мере становления института уполномоченных статус их как чиновников госаппарата укреплялся и приравнялся к статусу руководителя отдела облисполкома, но функции и направления деятельности кардинально не изменились. Запутанное советское религиозное, лишь формально деклариовавшее свободу совести, но фактически ограничивающее права верующих, делало работу уполномоченных уязвимой с точки зрения их требований соблюдения религиозного законодательства общинами верующих. С изменением характера государственно-религиозных отношений во второй половине 1980-х гг. деятельность уполномоченных обретает более конструктивный характер и направлена была на выстраивание коммуникаций с конфессиями.

Казахстанский региональный аппарат уполномоченных по религии функционировал в условиях поликонфессионального общества, в котором действовали самые разные религиозные объединения, в том числе сектантские общины ЕХБ, СЦ ЕХБ, пятидесятников, АСД, крайних меннонитов, не признававшие советское религиозное законодательство и выражавшие протестные настроения. В работе с ними уполномоченные опирались на инструкции и указания республиканских и союзных Советов по делам религии. Однако и это не спасало их от «ошибок» и критических замечаний со стороны вышестоящих Советов. В этом заключались особенности функционирования уполномоченных по религии в областях Казахстана. В целом, казахстанский региональный институт уполномоченных по религии, существовавший на протяжении почти полувека, вполне выполнял свою миссию и поставленные государством задачи по координации деятельности религиозных организаций, в республике, контролю за духовенством и сдерживанию религиозности населения, став промежуточной связующей структурой в системе государственно-религиозных отношений.

Sources

AP RK — Archive of the President of the Republic of Kazakhstan
 CSA RK — Central State Archive of the Republic of Kazakhstan
 NA RU — National Archive of the Republic of Uzbekistan
 SA AT — State Archives of the Altai Territory
 SA RF — State Archive of the Russian Federation
 SAAC — State Archive of Astana city
 SAKOR — State Archives of the Kzyl-Orda Region
 SANKR — State Archives of the North Kazakhstan Region
 SAPR — State Archives of the Pavlodar Region
 SAAR — State Archives of the Akmola Region

Источники

АП РК — Архив Президента Республики Казахстан
 ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
 ГААК — Государственный архив Алтайского Края
 ГААО — Государственный архив Акмолинской области
 ГАГА — Государственный архив г. Астаны
 ГАКОО — Государственный архив Кызыл-Ординской области
 ГАПО — Государственный архив Павлодарской области
 ГАСКО — Государственный архив Северо-Казахстанской области
 НА РУ — Национальный архив Республики Узбекистан
 ЦГА РК — Центральный государственный архив Республики Казахстан

References

- Akhmadullina, 2022 — *Akhmadullina Zh.V.* The formation of the activities of the central office of the Council for Religious Affairs: the first difficulties and the ways to overcome them. *Minbar. Islamic Studies*, 2022. No. 15(2). Pp. 325–342. // DOI: <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2022-15-2-325-342> (In Russ.).
- Aktaulova, 2013 — *Aktaulova B.Zh.* Kenestik daur sayasyndagy islam faktory zhane Kazakhsandagy islami axual [The Islamic factor in the politics of the Soviet era and the Islamic situation in Kazakhstan] // *KazNU xabarshysy. Shygystanu ser*, 2013. No. 3 (64). Pp. 3–6. (In Kaz.).
- Alpyspaeva et al., 2025 — *Alpyspaeva G.A., Dzhumagaliyeva K.V., Zhuman G., Aubakirova H.A.* Sectarian Communities in the Kazakh SSR, 1940s–1980s. *Oriental Studies*, 2025. No. 18(1). Pp. 119–138. // DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2025-77-1-119-138> (In Russ.).
- Bodeev, 2020 — *Bodeev K.T.* Metody i priemy borby sovetskoj vlasti s religioznymi organizatsiyami v 40-50-e gg. XX veka (na primere Centralnogo Kazaxstana) [The method and methods of fighting Soviet power with religious organizations in the 40s and 50s. XX century (on the example of Central Kazakhstan)] // *Noyabrskie istoriko-arxivnye chteniya – 2019 g. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii pod. red. S.V. Neganova. Perm*, 2020. Pp. 254–259. (In Russ.).
- Bodeev, Saktaganova, 2018 — *Bodeev K.T., Saktaganova Z.G.* Kenes daurindegi dini ujymdardyn kykyktyk zhagdajy (XX g. 40-shy zhyldary) [Legal status of religious organizations in the Soviet era (40s of the 20th century)] // *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filosofiya*, 2018. Vol. 90. No. 2. Pp. 56–61. (In Kaz.).
- Dashkovskij, Dvoryanchikova, 2017 — *Dashkovskij P.K., Dvoryanchikova N.S.* Deyatel'nost' upolnomochennyh po delam religij pri Sovete Ministrov SSSR v seredine 1960-h-nachale 1980-h gg. (na primere Altajskogo kraja) [Activities of commissioners for religious affairs under the Council of Ministers of the USSR in the mid-1960s and early 1980s. (using the example of the Altai Territory)] // *Narody i religii Evrazii*, 2017. No. 3–4 (12–13). Pp. 99–110. (In Russ.).
- Dashkovskij, Goncharova, 2022 — *Dashkovskij P.K., Goncharova N.S.* Deyatel'nost' upolnomochennyh Soveta po delam religij pri SM SSSR v nacional'nyh avtonomiyah Sibiri (na primere Hakasskoj avtonomnoj oblasti) [Activities of commissioners of the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR in the national autonomies of Siberia (using the example of the Khakass Autonomous Region)] // *Voprosy istorii*, 2022. No. 10–2. Pp. 126–135. (In Russ.).
- Dashkovskij, Traudt, 2024 — *Dashkovskij P.K., Traudt E.A.* Nekotorye aspekty izucheniya deyatel'nosti upolnomochennyh Soveta po delam religij pri Sovete Ministrov SSSR v Buryatii vo vtoroj polovine 1960-h gg. [Some aspects of studying the activities of the commissioners of the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR in Buryatia in the second half of the 1960s.] // *Sbornik Ermolaevskie chteniya. Materialy VII nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 90-letiyu M.A. Davlet i M.H. Mannaj-oola, 95-letiyu A.D. Gracha v ramkah Goda pedagoga i nastavnika. Kyzyl*, 2024. Pp. 205–210. (In Russ.).
- Dzhunusbaeva, 2014 — *Dzhunusbaeva A.M.* Gosudarstvennaya religioznaya politika v gody Velikoj Otechestvennoj vojny v Kazaxstane [State religious policy in the Great Patriotic War in Kazakhstan] // *Vestnik KazNU. Seriya: Istoriya*, 2014. No. 1 (72). Pp. 69–74. (In Russ.).

Fedotova, 2009 — *Fedotova N.Yu.* Deyatel'nost' upolnomochennogo Soveta po delam Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi po otkrytiyu cerkvej v Molotovskoj oblasti (1940-e – nachalo 1950-h gg. [Activities of the Commissioner of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church for the opening of churches in the Molotov region (1940s – early 1950s)] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009. No. 23(161). Istoriya. Vol. 33. Pp. 67–71. (In Russ.).

Geraskin, 2008a — *Geraskin Yu.V.* Vozniknovenie i stanovlenie instituta upolnomochennogo Soveta po delam RPC pri Sovete Ministrov SSSR [The emergence and formation of the institution of the Commissioner of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of Ministers of the USSR] // *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008. No. 4–4(60). Pp. 45–51. (In Russ.).

Geraskin, 2008b — *Geraskin Yu.V.* Upolnomochennyj Soveta po delam Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi: istoricheskij portret [Commissioner of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church: historical portrait] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: istoriya i politicheskie nauki*, 2008. No. 3. Pp. 48–53. (In Russ.).

Gromov, 2012 — *Gromov R.M.* Deyatel'nost' Soveta po delam RPC, vzaimodejstvie cerkvi i vlasti v Ryazanskoj eparhii 1950–1964 gg. [Activities of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, interaction between church and government in the Ryazan diocese 1950–1964] // *Rossijskij nauchnyj zhurnal. Izd.: Ryazanskij institut ekonomicheskikh, pravovykh, politicheskikh i sociologicheskikh issledovanij i ekspertiz*, 2012. No. 6 (31). Pp. 30–35. (In Russ.).

Gromov, Filonov, 2019 — *Gromov R.M., Filonov V.I.* Osobennosti cerkovno-gosudarstvennyh otnoshenij v SSSR perioda 1920–1964 gg. [Features of church-state relations in the USSR during the period 1920–1964] // *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2019. No. 2. Pp. 17–20. (In Russ.).

Ierej, 2020 — *Ierej Iliya Burdukov (Burdukov I.V.)* Institut upolnomochennyh Soveta po delam Russkoj Pravoslavnoj cerkvi v rabotah rossijskikh issledovatelej: temy, ocenki, perspektivy [Institute of Commissioners of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the works of Russian researchers: topics, assessments, prospects] // *Teologicheskij vestnik Smolenskoj Pravoslavnoj Duhovnoj Seminarii*, 2020. No. 1. Pp. 58–64. (In Russ.).

Kail, 2016 — *Kail M.V.* Gosudarstvennoe regulirovanie cerkovnoj zhizni v poslevoennom SSSR: personal'nyj plan, social'nye praktiki [State regulation of church life in the post-war USSR: personal plan, social practices] // *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016. No. 4(36). Pp. 344–350. (In Russ.).

Mazhitova, et al., 2023 — *Mazhitova Zh., Ilyasova K., Shamshieva G., Shukeeva A., Espenbetova A., Utegenov M.* Istoriya religioznoj zhizni nemeczkogo naseleniya Severo-Kazaxstanskogo oblasti v konce 1950-x gg. po dokladnym zapiskam v Sovet Ministrov SSSR (po materialam Severo-Kazaxstanskogo gosudarstvennogo arhiva) [History of religious life of the German population of the Severo-Kazakhstan region in the end of the 1950s. in the report notes of the Soviet Ministers of the USSR (in the materials of the Severo-Kazakhstan State Archive)] // *Vestnik ENU im. L. Gumileva Seriya: Istoricheskie nauki. Filosofiya. Religiovedenie*, 2023. Vol. 145. No. 4. Pp. 92–109. // DOI: 10.32523.2616-7255-2023-145-4-92-109. (In Russ.).

Mustafina, 2003 — *Mustafina R.M.* Islam v Kazaxstane v sovetskij period [Islam in Kazakhstan in the Soviet period] // *Otan tarihy*, 2003. No. 4. Pp. 48–57. (In Russ.).

Odincov, 2014 — *Odincov M.I.* Konfessional'naya politika v Sovetskom Soyuze v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. [Confessional politics in the Soviet Union during the Great Patriotic War of 1941–1945]. M.: Nauch.-polit. Kn.: polit. Encikl., 2014. 317 p. (In Russ.).

Sadykova, 2020 — *Sadykova A.M.* Kenes okimetinin ekinshi duniezhuzilik sogys zhyldaryndagy dinge katysty sayasaty [The policy of the Soviet government regarding religion during the Second World War] // *Asian Journal “Steppe Panorama”*, 2020. No. (1). Pp. 371–378. (In Kaz.).

Saktaganova, Ilyasheva, 2009 — *Saktaganova Z.G., Ilyasheva Z.A.* Vlast i religioznye konfessii v 1950-e gg. (na materialax Centralnogo Kazaxstana) [Power and religious denominations in the 1950s. (based on materials from Central Kazakhstan)] // *Teoreticheskie i prikladnye issledovaniya v religiovedenii. Sbornik statej, posvyashhennyj pamyati doktora filosofskix nauk, professora A.F. Upraviteleva. Barnaul, 2009. Pp. 430–439. (In Russ.).*

Shkarovskij, 1999 — *Shkarovskij M.V.* Russkaya pravoslavnaya cerkov' pri Staline i Hrushcheve (gosudarstvenno-cerkovnye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 gg.). [Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev (state-church relations in the USSR in 1939–1964)]. M.: Krutickoe Patriarshee Podvor'e. Obshchestvo lyubitelej cerkovnoj istorii, 1999. 402 p. (In Russ.).

Sovetskaia identichnost, 2022 — *Sovetskaia identichnost i problemy religioznosti: pravoslavnye praktiki v povsednevnoj zhizni grazhdan SSSR v 1940-e – 1980-e gg.* [Soviet Identity and Religious Issues: Orthodox Practices in the Everyday Lives of Soviet Citizens in the 1940s and 1980s]. Kollektivnaia monografiia/kollektiv avtorov; pod red. A.V. Apanasenko. Kursk: Izd-vo ROSI, 2022. 321 p. (In Russ.).

Turlybekova, et al., 2025 — *Turlybekova A.M., Kabidenova Zh.D., Sadykova A.M., Zhusupova L.K.* Anti-Religious Policy of Soviet Power in Kazakhstan in the 1950–1980s (based on Archival Materials) // *Bulletin of the Khalel Dosmukhamedov Atyrau University*, 2025. No. 76 (1). Pp. 21–31. // DOI: <https://doi.org/10.47649/vau.25.v76.i1.02>

Zhamanbaeva, 2010 — *Zhamanbaeva L.K.* Kenes ukimetinin Kazakhstandagy din sayasatynyn zerttelui [Study of the religious policy of the Soviet government in Kazakhstan] // *KazNU xabarshysy. Tarix ser*, 2010. No. 3(58). Pp. 39–43. (In Kaz.).

Список литературы

- Ақтаулова, 2013 — *Ақтаулова Б.Ж.* Кеңестік дәуір саясатындағы ислам факторы және Қазақстандағы ислами ахуал. // ҚазҰУ хабаршысы. Шығыстану сер., 2013. № 3 (64). С. 3–6.
- Алпыспаева, др., 2025 — *Алпыспаева Г.А., Джумагалиева К.В., Жуман Г.Ж., Аубакирова Х.А.* Сектантские общины в Казахской ССР (1940–1980-е гг.). Oriental Studies. 2025. № 18 (1). С. 119–138. // DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2025-77-1-119-138>
- Ахмадуллина, 2022 — *Ахмадуллина Ж.В.* Становление деятельности центрального аппарата Совета по делам религиозных культов: первые трудности и пути их преодоления. Minbar. Islamic Studies, 2022. № 15(2). С. 325–342. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2022-15-2-325-342>
- Бодеев, 2020 — *Бодеев К.Т.* Методы и приемы борьбы советской власти с религиозными организациями в 40–50-е гг. XX века (на примере Центрального Казахстана) // Ноябрьские историко-архивные чтения – 2019 г. Материалы Международной научно-практической конференции под. ред. С.В. Неганова. Пермь, 2020. С. 254–259.
- Бодеев, Сактаганова, 2018 — *Бодеев К.Т., Сактаганова З.Г.* Кеңес дәуіріндегі діни ұйымдардың құқықтық жағдайы (XX ғ. 40-шы жылдары) // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия, 2018. Т. 90. № 2. С. 56–61.
- Гераськин, 2008а — *Гераськин Ю.В.* Возникновение и становление института уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР // Известия Алтайского государственного университета, 2008. № 4–4 (60). С. 45–51.
- Гераськин, 2008б — *Гераськин Ю.В.* Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви: исторический портрет // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: история и политические науки, 2008. № 3. С. 48–53.
- Громов, 2012 — *Громов Р.М.* Деятельность Совета по делам РПЦ, взаимодействие церкви и власти в Рязанской епархии 1950–1964 гг. // Российский научный журнал. Изд.: Рязанский институт экономических, правовых, политических и социологических исследований и экспертиз, 2012. № 6(31). С. 30–35.
- Громов, Филонов, 2019 — *Громов Р.М., Филонов В.И.* Особенности церковно-государственных отношений в СССР периода 1920–1964 гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки, 2019. № 2. С. 17–20.
- Дашковский, Гончарова, 2022 — *Дашковский П.К., Гончарова Н.С.* Деятельность уполномоченных Совета по делам религий при СМ СССР в национальных автономиях Сибири (на примере Хакасской автономной области) // Вопросы истории, 2022. № 10–2. С. 126–135.
- Дашковский, Дворянчикова, 2017 — *Дашковский П.К., Дворянчикова Н.С.* Деятельность уполномоченных по делам религий при Совете Министров СССР в середине 1960-х-начале 1980-х гг. (на примере Алтайского края) // Народы и религии Евразии, 2017. № 3–4 (12–13). С. 99–110.
- Дашковский, Траудт, 2024 — *Дашковский П.К., Траудт Е.А.* Некоторые аспекты изучения деятельности уполномоченных Совета по делам религий при Совете Министров СССР в Бурятии во второй половине 1960-х гг. // Сборник Ермолаевские чтения. Материалы VII научно-практической конференции, посвященной 90-летию М.А. Давлет и М.Х. Маннай-оола, 95-летию А.Д. Грача в рамках Года педагога и наставника. Кызыл, 2024. С. 205–210.
- Джунусбаева, 2014 — *Джунусбаева А.М.* Государственная религиозная политика в годы Великой Отечественной войны в Казахстане // Вестник КазНУ. Серия: История, 2014. № 1(72). С. 69–74.
- Жаманбаева, 2010 — *Жаманбаева Л.Қ.* Кеңес үкіметінің Қазақстандағы дін саясатының зерттелуі // ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сер., 2010. № 3(58). С. 39–43.
- Иерей, 2020 — *Иерей Илия Бурдуков (Бурдуков И.В.)* Институт уполномоченных Совета по делам Русской Православной церкви в работах российских исследователей: темы, оценки, перспективы // Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии, 2020. № 1. С. 58–64.
- Каиль, 2016 — *Каиль М.В.* Государственное регулирование церковной жизни в послевоенном СССР: персональный план, социальные практики // Известия Смоленского государственного университета, 2016. № 4(36). С. 344–350.
- Мажитова, др., 2023 — *Мажитова Ж., Ильясова К., Шамшиева Г., Шукеева А., Еспенбетова А., Утегенов М.* История религиозной жизни немецкого населения Северо-Казахстанской области в конце 1950-х гг. по докладным запискам в Совет Министров СССР (по материалам Северо-Казахстанского государственного архива) // Вестник ЕНУ им. Л. Гумилева Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение, 2023. Т. 145. № 4. С. 92–109. // DOI: 10.32523.2616-7255-2023-145-4-92-109.
- Мустафина, 2003 — *Мустафина Р.М.* Ислам в Казахстане в советский период // Отан тарихы, 2003. № 4. С. 48–57.
- Одинцов, 2014 — *Одинцов М.И.* Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Науч.-полит. Кн.: полит. Энцикл., 2014. 317 с.
- Садыкова, 2020 — *Садыкова А.М.* Кеңес өкіметінің екінші дүниежүзілік соғыс жылдарындағы дінге қатысты саясаты // Asian Journal “Steppe Panorama” 2020. № 1. С. 371–378.

Сактаганова, Ильяшева, 2009 — *Сактаганова З.Г., Ильяшева З.А.* Власть и религиозные конфессии в 1950-е гг. (на материалах Центрального Казахстана) // Теоретические и прикладные исследования в религиоведении. Сборник статей, посвященный памяти доктора философских наук, профессора А.Ф. Управителяева. Барнаул, 2009. С. 430–439.

Советская идентичность, 2022 — *Советская идентичность* и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940-е – 1980-е гг: коллективная монография/коллектив авторов; под ред. А.В. Апанасенка. Курск: Изд-во РОСИ, 2022. 321 с.

Федотова, 2009 — *Федотова Н.Ю.* Деятельность уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по открытию церквей в Молотовской области (1940-е – начало 1950-х гг. // Вестник Челябинского государственного университета, 2009. № 23(161). История. Вып. 33. С. 67–71.

Шкаровский, 1999 — *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг.). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье. Общество любителей церковной истории, 1999. 402 с.

Turlybekova, et al, 2025 — *Turlybekova A.M., Kabidenova Zh.D., Sadykova A.M., Zhusupova L.K.* Anti-Religious Policy of Soviet Power in Kazakhstan in the 1950–1980s (based on Archival Materials). // Bulletin of the Khalel Dosmukhamedov Atyrau University, 2025. No. 76(1). Pp. 21–31. // DOI: <https://doi.org/10.47649/vau.25.v76.i1.02>

ТАРИХ / ИСТОРИЯ / HISTORY

Published in the Republic of Kazakhstan
Asian Journal “Steppe Panorama”
Has been issued as a journal since 2014
ISSN 2710-3994.
Vol. 12. Is. 4, pp. 1007-1027, 2025
Journal homepage: <https://ajspiie.com>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.81.35
https://doi.org/10.51943/2710-3994_2025_12_4_1007-1027

URBAN POPULATION OF EAST KAZAKHSTAN: FEATURES, POTENTIAL AND RISKS

Aubakirova Zhanna¹, Krasnobayeva Nelli², Ualtayeva Altyn^{3*}

¹D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University
(19, Serikbaeva Str., 070000 Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
 <https://orcid.org/0000-0003-1179-5518>. E-mail: zhanna_aubakirova707@inbox.ru

²D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University
(19, Serikbaeva Str., 070000 Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences
 <https://orcid.org/0000-0002-9081-0191>. E-mail: krasn_nelli@mail.ru

³Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, head of the “Gylym Ordasy”
(28, Shevchenko Str., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.
 <https://orcid.org/0000-0001-9530-352X>. E-mail: altyn.lazzat@mail.ru

*Corresponding author

© Ch.Ch. Valikhanov IHE, 2025

© Aubakirova Zh.S., Krasnobayeva N.L., Ualtayeva A.S., 2025

Abstract. *Introduction.* The study of the characteristics and dynamics of the urban population in East Kazakhstan Region serves as an important basis for improving the effectiveness of territorial governance. As in other regions of the Republic of Kazakhstan, the region is experiencing transformational processes in the structure of the population, including changes in ethnic composition, birth and death rates, migration flows, population aging, and urbanization intensification. *The aim of the study* is to identify the specific features of demographic dynamics in the urban population of East Kazakhstan compared to other regions, to determine its development potential, and to identify regional risks and threats to demographic security. The article examines the spatial and demographic characteristics of the urban population in East Kazakhstan in the early 21st century. It analyzes current urbanization trends, including population distribution, changes in age and ethnic structure, birth and death rates, and demographic aging. Special attention is paid to regional disparities. Key risks and threats are identified. At the same time, the region's potential for the development of urban infrastructure is emphasized. *Conclusions.* The results obtained may serve as a foundation for the development of effective regional policy and strategies for sustainable urban development.

Keywords: East Kazakhstan, urban population, regional characteristics, urbanization, Kazakhs, birth rate, mortality, cluster

Acknowledgment. This article was written as part of the implementation of the grant project AR26198933 “East of Kazakhstan: trajectories of socio-demographic and socio-cultural transformation of the urban space of Semey and Ust-Kamenogorsk” with financial support from the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

For citation: Aubakirova Zh.S., Krasnobaeva N.L., Ualtayeva A.S. Urban Population of East Kazakhstan in a Regional Context: Features, Potential, and Risks // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Vol. 12. No. 4. Pp. 1007–1027. (In Russ.).
DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1007-1027

ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАННЫҢ ҚАЛА ХАЛҚЫ: ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ, ӘЛЕУЕТІ ЖӘНЕ ТӘУЕКЕЛДЕРІ

Аубакирова Жанна Сакеновна¹, Краснобаева Нелли Леонидовна², Уалтаева Алтын Слямкайдаровна^{3*}

¹Д. Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университеті
(19-үй, Серікбаев көш., 070000 Өскемен, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор
 <https://orcid.org/0000-0003-1179-5518>. E-mail: zhanna_aubakirova707@inbox.ru

²Д. Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университеті
(19-үй, Серікбаев көш., 070000 Өскемен, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының кандидаты
 <https://orcid.org/0000-0002-9081-0191>. E-mail: krasn_nelli@mail.ru

³Ш.Ш. Уәлиханов атындағы тарих және этнология институтының, «Ғылым Ордасы»
(28-үй, Шевченко көш., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор
 <https://orcid.org/0000-0001-9530-352X>. E-mail: altyn.lazzat@mail.ru

*Корреспондент автор

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2025

© Аубакирова Ж.С., Краснобаева Н.Л., Уалтаева А.С., 2025

Аңдатпа. *Kipicne.* Шығыс Қазақстан облысының қалалық халқының сипаттамалары мен демографиялық динамикасын зерттеу аумақтық басқарудың тиімділігін арттырудың маңызды негізі болып табылады. Қазақстан Республикасының басқа өңірлері сияқты, бұл аймақта да халық құрылымында трансформациялық үдерістер байқалуда, олар этникалық құрамның, туу және өлім-жітім көрсеткіштерінің өзгеруімен, көші-қон ағындарымен, халықтың қартаюымен және урбандалудың күшеюімен сипатталады. *Зерттеудің мақсаты* – Шығыс Қазақстанның қалалық халқының демографиялық үдерістерінің ерекшеліктерін басқа өңірлермен салыстыра отырып анықтау, оның даму әлеуетін бағалау, сондай-ақ өңірлік қауіптер мен демографиялық қауіпсіздікке төнетін қатерлерді айқындау. Мақалада ХХІ ғасырдың басындағы Шығыс Қазақстан облысы қалалық халқының кеңістіктік және демографиялық ерекшеліктері қарастырылады. Халықтың аумақтық орналасуы, жас және этникалық құрылымдағы өзгерістер, туу, өлім-жітім және демографиялық қартаю үдерістері талданады. Өңірлік теңсіздіктерге ерекше назар аударылады. Негізгі қауіптер мен қатерлер анықталады. Сонымен қатар, өңірдің қалалық инфрақұрылымды дамытудағы әлеуеті атап өтіледі. *Қорытындылар.* Алынған нәтижелер өңірлік саясат пен тұрақты қалалық даму стратегияларын әзірлеуге негіз бола алады.

Түйін сөздер: Шығыс Қазақстан, қалалық халық, өңірлік ерекшеліктер, урбандалу, қазақтар, туу көрсеткіші, өлім-жітім, кластер

Алғыс. Бұл мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің қаржылық қолдауымен жүзеге асырылған AP26198933 гранттық жобасы «Қазақстанның шығысы: Семей және Өскемен қалалық кеңістігінің әлеуметтік-демографиялық және әлеуметтік-мәдени трансформациясының траекториялары» аясында жазылды.

Дәйексөз үшін: Аубакирова Ж.С., Краснобаева Н.Л., Уалтаева А.С. Шығыс Қазақстан қала халқының өңірлік көрінісі: ерекшеліктері, әлеуеті және тәуекелдері // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. 1007–1027 бб. (Орысш.).
DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1007-1027

ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗРЕЗЕ: ОСОБЕННОСТИ, ПОТЕНЦИАЛ И РИСКИ

Аубакирова Жанна Сакеновна¹, Краснобаева Нелли Леонидовна², Уалтаева Алтын Слямкайдаровна^{3*}

¹Восточно-Казахстанский технический университет имени Д. Серикбаева
(д. 19, ул. Серикбаева, 070000 Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)
Кандидат исторических наук, ассоциированный профессор

 <https://orcid.org/0000-0003-1179-5518>. E-mail: zhanna_aubakirova707@inbox.ru

²Восточно-Казахстанский технический университет имени Д. Серикбаева
(д. 19, ул. Серикбаева, 070000 Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)
Кандидат исторических наук

 <https://orcid.org/0000-0002-9081-0191>. E-mail: krasn_nelli@mail.ru

³Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова, Ғылым ордасы
(д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
Кандидат исторических наук, ассоциированный профессор

 <https://orcid.org/0000-0001-9530-352X>. E-mail: altyn.lazzat@mail.ru

*Корреспондирующий автор

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2025

© Аубакирова Ж.С., Краснобаева Н.Л., Уалтаева А.С., 2025

Аннотация. *Введение.* Исследование характеристик и динамики городского населения Восточно-Казахстанской области представляет собой важную основу для повышения эффективности территориального управления. Как и в других регионах Республики Казахстан, в Восточно-Казахстанской области наблюдаются трансформационные процессы в структуре населения, выражающиеся в изменении этнического состава, показателей рождаемости и смертности, миграционных потоков, старении населения и интенсификации урбанизации. *Цель исследования* – выявить особенности динамики демографических процессов городского населения Восточного Казахстана в сравнении с другими регионами, определить потенциал его развития, выявить региональные риски и угрозы демографической безопасности. В статье рассматриваются пространственные и демографические особенности городского населения региона в начале XXI века. Анализируются текущие тенденции урбанизации, включая территориальное распределение населения, изменения в возрастной и этнической структуре, рождаемость, смертность и демографическое старение населения. Особое внимание уделяется региональным диспропорциям. Выявлены ключевые риски и угрозы. Вместе с тем, подчеркивается потенциал региона в развитии городской инфраструктуры. *Выводы.* Полученные результаты могут служить основой для разработки эффективной региональной политики и стратегий устойчивого развития городской среды.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, городское население, региональные особенности, урбанизация, казахи, рождаемость, смертность, кластер

Благодарность. Статья написана в рамках реализации грантового проекта AP26198933 «Восток Казахстана: траектории социально-демографической и социокультурной трансформации городского пространства Семей и Усть-Каменогорска» при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Для цитирования: Аубакирова Ж.С., Краснобаева Н.Л., Уалтаева А.С. Городское население Восточного Казахстана в региональном разрезе: особенности, потенциал и риски // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. С. 1007–1027. (На Русс.).

DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1007-1027

Введение

В условиях глобализации и интеграции при формировании государственной политики Казахстана важно учитывать особенности демографического развития регионов. Поскольку изучение городского населения Восточного Казахстана может способствовать более эффективному управлению территорий. Восточный Казахстан, как и другие регионы республики, сталкивается с изменениями в структуре населения, включая этнический состав, рождаемость, смертность, миграцию, старение населения и урбанизацию. Понимание этих процессов важно для разработки эффективной социальной и экономической политики.

Как известно, Восточный Казахстан обладает значительными природными ресурсами и промышленным потенциалом. Изучение городского населения в этом контексте позволяет выявить возможности для экономического роста и развития. Наряду с этим городское население сталкивается с различными социальными проблемами, такими как доступ к образованию, здравоохранению и социальным услугам. Анализ этих аспектов поможет в разработке программ, направленных на улучшение качества жизни населения. Регион подвержен серьезным экологическим рискам, связанным с промышленной деятельностью и изменением климата. Изучение городского населения в контексте этих рисков поможет в разработке стратегий по их минимизации.

Восточный Казахстан является полиэтническим регионом, где темпы движения структуры населения к моноэтничности несколько ниже, чем в других республиках, и изучение городского населения в этом контексте позволяет понять культурные и этнические взаимодействия. Все это важно для сохранения и укрепления социальной стабильности. Следовательно, исследование городского населения Восточного Казахстана в разрезе регионов Казахстана является важным для понимания текущих тенденций и разработки стратегий, направленных на устойчивое развитие региона.

Многие вопросы демографической безопасности возникли потому, что демография являлась инструментом для решения других проблем, в первую очередь геополитических. Но с течением времени все более явно заявляет о себе и социально-экономический фактор. Выясняется, что динамика развития компонентов демографической безопасности (демография, политика, экономика) разная. Разрешить противоречие может то, что детерминирующей идеей станет не экономика или политика, а демографическая составляющая. Необходимо создание системы индикаторов, основывающихся на классических демографических параметрах, через призму которых будет оцениваться политическая, социально-экономическая ситуация (возрастно-половая структура населения, воспроизводство, миграции). Рассмотрение демографических составляющих в контексте социально-экономических явлений довольно четко фиксирует зоны вызовов, рисков и угроз, возможную динамику их развития. Важным является то, что для регионов Республики Казахстан набор проблемных вариантов существенно, а иногда и кардинально, различается.

Исходя из этого определена следующая цель исследования – выявить особенности динамики демографических процессов городского населения Восточного Казахстана в

сравнении с другими регионами, определить потенциал его развития, выявить региональные риски и угрозы демографической безопасности.

Материалы и методы исследования

Источниковую базу исследования представили статистические данные (демографические, социально-экономические), в частности данные текущей статистики и переписей населения (1999, 2009, 2019 гг.). Исследование хронологически ограничено данными допандемийного периода, так как с началом пандемии Ковид-2019 произошли совершенно новые сдвиги в демографических процессах, требующих отдельного изучения, и охватило суверенный период развития Казахстана и его восточного региона (1999–2019 гг.).

Методологической основой исследования стала система историко-демографических методов (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный), которые были использованы для проведения исследования. Наряду с этим авторы разработали новый метод - индикативную систему оценки для определения степени демографических вызовов, рисков и угроз, как на республиканском, так и на региональном уровнях. Данная система была сформирована на основе специальных индикаторов, при ее конструировании были учтены как демографические, так и социально-экономические показатели. Это позволило выявить сильные и слабые стороны демографической системы как Казахстана в целом, так и отдельных ее регионов. Все это позволит выработать научно обоснованные рекомендации для дальнейшего совершенствования демографической политики государства. Следует отметить, что зарубежный опыт подобных оценок, главным образом, основан на демографических данных. Разработанная индикативная система оценки, кроме собственно демографических показателей, учитывает влияние социально-экономического и геополитического факторов.

Индикативными показателями оценки стали:

- удельный вес возрастной группы 60+ лет (коэффициент старения населения по международной классификации ООН);
- отношение численности населения в возрасте 60 лет и старше к численности населения в возрасте от 0 до 15 лет (индекс старения РК);
- коэффициент пенсионной нагрузки: соотношение числа людей возраста старше 65 лет к числу людей трудоспособного возраста 20–64 года на 1000 человек (нагрузка пожилыми людьми);
- темпы прироста и потерь численности населения 2009–2020 гг.;
- темпы прироста и потерь численности городского населения 2009–2020 гг.;
- темпы прироста и потерь численности сельского населения 2009–2020 гг.;
- общий коэффициент рождаемости;
- общий коэффициент смертности;
- суммарный коэффициент рождаемости.

Авторская система оценки позволяет рассматривать и оценивать демографическую безопасность страны как комплексный феномен и принимать во внимание особое географическое положение и внутреннюю региональную дифференциацию Казахстана. Представленная индикативная система критериев оценки демографической безопасности была апробирована для каждого региона в сопоставлении со среднереспубликанскими средними показателями и показателями других регионов. Особое внимание было уделено Восточному Казахстану.

Результатом стали шкалы оценки состояния демографических процессов, которые сопровождаются аналитическими комментариями, по существу, происходящих демографических изменений и их социально-экономических последствий. Эти шкалы позволяли детализировать процесс исследования, выявить наиболее уязвимые позиции демографической ситуации для восточного региона страны. Во всех шкалах использован один принцип представления данных – пространство значений до нижней границы – стабильное состояние процесса (зеленый цвет). Пространство значений между нижней и верхней

границей – это пространство нарастания рисков (желтый цвет). Пространство выше верхней границы – это пространство перерастания рисков в угрозы (красный цвет). Выявлены риски и возможные негативные последствия: демографические, социально-экономические и политические, осуществлена их типологизация и выявлена степень проявления данных рисков. Опираясь на международные стандарты и среднереспубликанские значения, установлены предельно-критические значения каждого индикативного показателя, отражающего состояние демографической безопасности и динамику их изменений. Кроме этого, использован корреляционный анализ по методу Пирсона и осуществлено стохастическое прогнозирование демографических показателей на основе метода временных рядов.

Наряду с этим с целью выявления региональных особенностей и классификации был использован кластерный метод, который позволил выявить группы областей и/или территорий со сходными показателями демографических процессов. Для кластеризации были отобраны соответствующие статистические показатели, наиболее полно характеризующие динамику основных демографических процессов (рождаемости, смертности, численности населения, этнического и возрастного состава населения).

Обсуждение

В статье рассматриваются два важных понятия: демографические риски и демографический потенциал, каждый из которых имеет широкое обсуждение в научной литературе. Демографические риски авторами рассматриваются как вероятность возникновения неблагоприятных событий, исходящих из определенного сочетания демографических, социальных и экономических тенденций, условий, факторов. Откладывание решений существующей проблемы влечет за собой увеличение вероятности наступления негативных, кризисных, катастрофических последствий, которые необходимо рассматривать как форму опасности – угрозу. Исходя из этого демографические угрозы, на наш взгляд, представляют собой явления и тенденции, вследствие возникновения и развития которых происходят негативные количественные и качественные изменения в состоянии населения, оказывающие отрицательное воздействие на устойчивое развитие страны. Угроза отражает состояние крайнего обострения противоречий, которое может нести угрозу жизненно важным интересам личности, общества, страны, а в критической ситуации может повлечь за собой нарушение территориальной целостности государства (Аубакирова, т.д., 2022: 246). Наряду с рисками и угрозами важное значение приобретает демографический потенциал, включающий ресурсы, текущие и перспективные возможности, а также дополнительные резервы развития демографических процессов, протекающих на той или иной территории. (Рыбаковский, 2023: 325).

Вопросы исследования численности и этнического состава населения, происходящих урбанизационных процессов в Казахстане, стали предметом изучения казахстанских исследователей И.Г. Поправко (Поправко, 2014), А.Б. Кошербаевой (Кошербаева, 2018), Ф.Г. Альжановой, З.Т. Сатпаевой, Г.Ж. Алибековой (Альжанова т.д., 2022), А.Г. Махрова, С.Г. Сафронова, А.Ж. Абилова (Махрова и др., 2023), Г.М. Мендикуловой (Мендикулова, 1997), Е.М. Арын, Е.М. Абенова, К. Боданулы (Арын т.д., 1997; Арын и др., 2000), А.Н. Алексеенко, Ж.С. Аубакирова (Алексеенко и др., 2020), Г.А. Сарсембаевой (Сарсембаева, 2020; Сарсембаева, 2018), А. Хизат (Хизат, 2015), и др. Учеными изучаются особенности формирования городского пространства, воздействие урбанизации на социально-экономические и демографические процессы, тенденции и проблемы развития территорий.

Проводят сравнительный анализ отечественной и зарубежной историографии, рассматривают особенности этнодемографического развития населения Казахстана в своих исследованиях Н. Абдинасир, С. Ковальская (Abdinassir, Kovalskaya, 2025) и А.С. Адильбаева, А.Б. Бакытжанова (Adilbayeva, 2023; Адильбаева, Бакытжанова, 2024). А.Т. Ускеленова, Н. Никофорова (Uskelenova, Nikiforova, 2024),

Соотношение сельского и городского населения, изменения этнического состава населения Казахстана и процессы этносоциальной адаптации рассматриваются Г. Даулетовой и ее коллегами (Davletova и др., 2025), А. Сапарбековой (Saparbekova, т.д., 2024). Характеризуя исторические и статистические материалы, исследователи демонстрируют взаимосвязь этнодемографических процессов и урбанизации.

Отдельные аспекты адаптации населения в городах, взаимодействие или столкновение традиционных и модернизированных ценностей в городском пространстве представлены в работах Ж.Б. Абылхожина (Абылхожин, 1997), А.Т. Забировой (Забирова, 2002), Н. Романовой (Романова, 1999), А.Н. Алексеенко (Алексеенко, 2016; Алексеенко, 2013а; Алексеенко, 2014; Алексеенко, 2012; Алексеенко, 2013b), А. Султангалиевой (Султангалиева, 2010), Н. Султанмуратова (Султанмуратов, 2015; Султанмуратов, 2016), А.К. Садвокасовой (Садвокасова, 2015), А.С. Уалтаевой (Ualtayeva, 2024).

Вопросы демографической безопасности Казахстана, риски, связанные с урбанизацией изложены в публикациях А. Королева, М. Мамаева (Королев, Мамаев, 2011), А.А. Кайгородцева (Кайгородцев, 2007), К.В. Григоричева, Е.П. Зимовиной (Григоричев, Зимовина, 2004), Р.М. Мушанова (Мушанов, 2010). В них обозначены такие проблемы, как неконтролируемая трудовая миграция, стихийная миграция из села в город, беженцы и вынужденные мигранты, рождаемость и репродуктивное здоровье мужчин и женщин, взаимосвязь демографической и религиозной ситуации и т.д.

Основные демографические риски, способные стать угрозами для безопасности государства в начале XXI в., изучаются Ж. С. Аубакировой и А.Н. Алексеенко: старение населения, гендерный дисбаланс возрастной структуры, высокая смертность трудоспособного населения и т.д. (Аубакирова, Алексеенко, 2020; Аубакирова, 2016; Аубакирова, т.д., 2022).

Таким образом, на сегодняшний день существуют различные подходы, изучающие этнодемографические процессы в Казахстане. Однако анализ вышеназванных работ позволяет говорить об незначительной представленности исследований, содержащих комплексное изучение рисков, связанных с урбанизацией в контексте социально-демографического и социокультурного развития. Не получило достаточного освещения исследование вышеназванной проблематики в региональном аспекте. Не в полной мере изучено влияние истории формирования и функционирования городов на современные экономические, демографические и социокультурные процессы в них.

Результаты

В Восточном Казахстане динамика численности населения и этнического состава имеет свои особенности. Исторически она характеризовалась низким удельным весом казахского этноса и высоким – других этносов. Соответственно, и темпы роста казахского населения здесь были ниже, чем в Южном и Западном регионах, а удельный вес славянских этносов и немцев – выше. Все это привело к более выраженному сокращению общей численности населения, так за 1999–2009 гг. она сократилась на 9,8 % (Таблица 1).

Таблица 1 – Численность и этнический состав населения Восточного Казахстана по данным переписей населения 1999 и 2019 гг. (тыс. человек)
[Table 1 – Population size and ethnic composition of East Kazakhstan according to the 1999 and 2019 censuses (thousand people)]

Этносы	1999		2009		2009 к 1999 (%)	2009		2019		2019 к 2009 (%)
	ч-ть	%	ч-ть	%		ч-ть	%	ч-ть	%	
Все население	1531,0	100	1396,6	100	91,2	1396,6	100	1378,5	100	98,7
Казахи	743,1	48,6	781,7	56,0	105,2	781,7	56,0	834,8	60,6	106,8
Русские	694,7	45,4	561,2	40,2	80,8	561,2	40,2	496,6	36,0	88,5
Украинцы	15,7	1,0	7,1	0,5	45,2	7,1	0,5	3,8	0,3	53,5

Немцы	32,1	2,1	14,1	1,0	43,9	14,1	1,0	12,9	0,9	91,5
другие этносы	45,4	3,0	32,5	2,3	71,6	32,5	2,3	30,4	2,2	93,5

Примечание - в состав Восточного Казахстана вошла Восточно-Казахстанская область по данным переписи населения 2009 г.

Источник: Национальный состав Республики Казахстан. Т. 4, Ч. 1. Население РК по национальностям, полу и возрасту. Итоги переписи населения 1999 года в РК: стат. сб. Алматы, 2000. С. 6–237; Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги: стат.сб. / под ред. А. А. Смаилова. Астана, 2010. С.11. Численность населения Казахстана по отдельным этносам на начало 2019 г. [Электронный ресурс]. https://data.egov.kz/api/v4/kazakhstan_respublikasy_halkyny/v3?apikey=yourApiKey (дата обращения: 20.06.2024).

В настоящее время казахское население, во многом сохранившее традиционные ценности, является мощным демографическим ресурсом государства в большинстве регионов. В Восточно-Казахстанской области удельный вес казахов по данным переписи 2019 года составил 60,6 %. (Таблица 2).

Таблица 2 – Численность и этнический состав населения Казахстана по данным текущей статистики 2019 г. (тыс. человек)
[Table 2 – Number and ethnic composition of the population of Kazakhstan according to current statistics of 2019 (thousand people)]

Области	все население		казахи		русские		украинцы		немцы		другие этносы	
	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%
Казахстан	18395,5	100	12587,5	68,4	3471,0	18,9	270,9	1,5	178,0	1,0	1887,5	10,2
Акмолинская	738,6	100	379,3	51,4	242,7	32,9	31,8	4,3	26,0	3,5	58,8	8,0
Актюбинская	869,6	100	720,4	82,8	98,6	11,3	21,6	2,5	5,7	0,7	23,3	2,7
Алматинская	2038,9	100	1469,5	72,1	271,9	13,3	3,6	0,2	8,6	0,4	285,3	14,0
Атырауская	633,8	100	586,8	92,6	33,4	5,3	0,8	0,1	0,5	0,1	12,3	1,9
Западно-Казахстанская	652,3	100	498,0	76,3	125,6	19,3	9,2	1,4	1,3	0,2	18,2	2,8
Жамбылская	1125,4	100	818,5	72,7	110,0	9,8	2,7	0,2	4,3	0,4	189,9	16,9
Карагандинская	1378,5	100	714,1	51,8	488,9	35,5	40,1	2,9	32,0	2,3	103,4	7,5
Костанайская	872,8	100	355,7	40,8	357,6	41,0	71,8	8,2	27,2	3,1	60,5	6,9
Кызылординская	794,3	100	764,6	96,3	14,6	1,8	0,3	0,0	0,1	0,0	14,7	1,9
Мангистауская	678,2	100	617,1	91,0	36,8	5,4	1,8	0,3	0,3	0,0	22,2	3,3
Павлодарская	753,9	100	394,7	52,4	267,1	35,4	32,4	4,3	20,3	2,7	39,4	5,2
Северо-Казахстанская	554,5	100	194,2	35,0	274,6	49,5	22,9	4,1	19,7	3,6	43,1	7,8
Туркестанская	1984,0	100	1508,2	76,0	35,5	1,8	0,9	0,0	1,3	0,1	438,1	22,1
Восточно-Казахстанская	1378,5	100	834,8	60,6	496,6	36,0	3,8	0,3	12,9	0,9	30,4	2,2
г. Астана	1078,4	100	852,0	79,0	138,5	12,8	14,2	1,3	9,3	0,9	64,4	6,0
г. Алматы	1854,7	100	1120,5	60,4	468,1	25,2	10,4	0,6	7,6	0,4	248,1	13,4
г. Шымкент	1009,1	100	676,8	67,1	92,6	9,2	2,6	0,3	1,2	0,1	235,9	23,4

Источник: Численность населения Казахстана по отдельным этносам на начало 2019 г. Комитет по статистике Министерства национальной экономики [электронный ресурс]. https://data.egov.kz/api/v4/kazakhstan_respublikasy_halkyny/v3?apikey=yourApiKey (дата обращения 13.06.2024).

Используя кластерную классификацию, рассмотрим динамику численности городского населения по регионам. В целом по Казахстану можно выделить кластеры с разными уровнями урбанизированности населения.

Так, в первый кластер (от 70 % и выше) вошли наиболее высокоурбанизированные территории: Карагандинская (79,6 %), Павлодарская (70,6 %) и Актюбинская (70,7 %) области. Средний показатель уровня урбанизированности по кластеру составляет 73,6 % и превышает уровень республики в 1,3 раза.

Второй кластер (от 50 % до 70 %) составили территории со средним удельным весом городского населения по кластеру – 52,9 %. Его уровень урбанизированности соответствует

среднереспубликанским показателям. К этому кластеру относятся Костанайская (54,5 %), Атырауская (52,1) и Западно – Казахстанская (52,0 %) области.

Третий кластер (от 30 % до 50 %) определили регионы с уровнем урбанизации по кластеру – 43,8 %: это собственно Восточно-Казахстанская область (45,8 %), Акмолинская область (47,2 %), Северо-Казахстанская область (45,6 %), Кызылординская область (44,3 %), Мангистауская область (40,0 %) и Жамбылская область (39,7 %). Меньше половины населения этих областей – горожане.

Процесс урбанизации в целом не показывает значительной динамики: удельный вес городского населения вырос с 56,4 % до 57,8 %. Кластеризация через призму этнического состава позволяет понять масштаб произошедших изменений. Она выявляет роль и значение в этом процессе казахского населения и позволяет увидеть сущность ускоренной урбанизации. Хотя общая динамика урбанизации за двадцать лет (1999–2019 гг.) демонстрирует рост лишь на 1,4 %, но рост удельного веса городских казахов за этот же период увеличивается на 20 %. (Аубакирова, т.д., 2022: 71). В Восточно-Казахстанской области – численность городского населения в данный период снизилась на 5,9 %, но наблюдается рост численности казахов в составе городского населения с 33,1 % в 1999 году до 57,2 % в 2021 г. (Краткие итоги, 2022: 12; Итоги переписи, 2000: 17). Такие темпы свидетельствуют об ускоренной урбанизации и подтверждают, что основное содержание урбанизационных процессов в Казахстане обеспечивает казахский этнос за счет внутренних миграций и естественного прироста. Однако это порождает и ряд проблем. Так, неготовность городской социальной инфраструктуры и неразвитость рынка труда приводит к нарастанию таких социальных рисков, как массовая молодежная безработица, «пояса бедности», криминогенный фактор, общая социальная дестабилизация и протестность населения.

Взрывной рост численности городского населения, который является логичным завершением процессов внутренней миграции, формирует новый миграционный потенциал, направленный за пределы республики. Дальнейшая урбанизация приведет к росту казахской внешней миграции. Следует отметить урбанизацию населения на фоне обезлюживания сельских территорий. Первое, на что необходимо обратить внимание: темпы прироста сельского населения по сравнению с городским в 5 раз ниже, что демонстрирует, с одной стороны, низкую привлекательность сельской местности для жизни людей, с другой стороны, высокую внутреннюю миграцию и концентрацию населения в городах. Эти процессы были измерены шкалами демографической безопасности, рисков и угроз и представлены на рисунке 1.

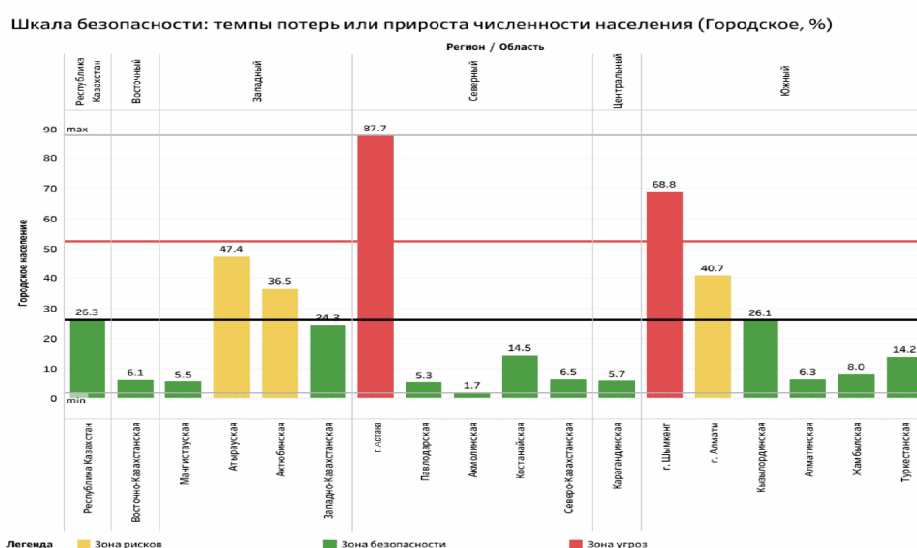

Рис. 1. Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по темпам прироста городского населения, замер 2020 г. к 2009 г. Источник: база данных

https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16545120866240/sheet0_1

[Fig. 1. Demographic Security, Risk and Threat Scale by Urban Population Growth Rate, 2020 Measured by 2009].

Для демографических шкал были использованы следующие параметры:

- до нижней границы: зона безопасности (зеленый уровень) от 0 % до 26,3 % для городского населения;
- нижняя граница: среднереспубликанский уровень – 26,3 %;
- верхняя граница: зона рисков, где темпы прироста населения в 2 раза превышают среднереспубликанский уровень: 52,6 % для городского населения (жёлтый уровень);
- выше верхней границы: зона угроз, где темпы прироста населения, превышают более, чем в два раза средний уровень по республике (красный уровень).

К «зоне безопасности» можно отнести территории, где темпы прироста населения составляют от 1 % до 26,3 % (не выше среднереспубликанских): Акмолинская (1,7 %), Павлодарская (5,3 %), Мангистауская (5,5 %), Карагандинская (5,7 %), Восточно-Казахстанская (6,1 %), Алматинская (6,3 %), Северо-Казахстанская (6,5 %), Жамбылская (8,0 %), Туркестанская (14,2 %), Костанайская (14,5 %), Западно-Казахстанская (24,3 %), Кызылординская (26,1 %) области. Однако в этой зоне необходимо выделить северные и восточные города, где темпы увеличения населения достаточно низкие и в несколько раз меньше, чем в городах на западе и юге Казахстана (Рисунок 2). Лидируют, безусловно, мегаполисы – Астана, Алматы, Шымкент и две области – Атырауская и Актыбинская.

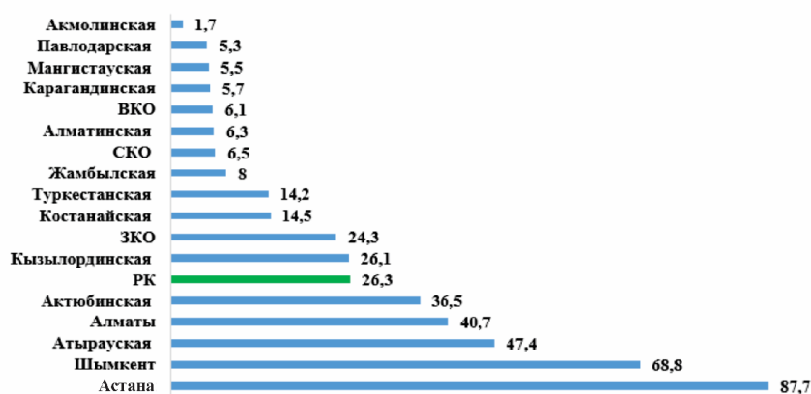

Рис. 2. Прирост численности городского населения, 2020 г. по отношению к 2009 г., %
[Fig. 2. Urban population growth, 2020 in relation to by 2009, %]

Большое значение для выявления особенностей демографического развития Восточного Казахстана имеет возрастная структура населения. Для этого рассмотрим динамику численности трех возрастных групп - 0–19 лет, 20–59 лет, 60 и старше лет за период 2009–2020 гг. (Таблица 3).

Таблица 3 – Численность отдельных возрастных групп (2009–2020 гг.) (тыс. человек)
[Table 3 – Number of individual age groups (2009–2020) (thousand people)]

Возраст	2009		2020		2020 к 2009 (%)
	Численность	%	Численность	%	
Все население	1396,9	100	1369,6	100	98,0
0–19	394,3	28,2	392,8	28,7	99,6
20–59	818,2	58,6	737,0	53,8	90,1
60 и старше	184,4	13,2	239,8	17,5	130,0

Восточно-Казахстанская область относится к регионам, где уже длительное время численность населения сокращается (за 2009–2020 гг. – на 2,0 %). В первую очередь это происходит вследствие уменьшения численности трудоспособного населения: в 2020 г по сравнению с 2009 г., численность возрастной группы 20–59 лет стала меньше на 9,9 %. Небольшая динамика потерь наблюдалась в возрастной группе 0–19 лет (-0,4 %). Большое влияние на изменение численности возрастных групп 0–19 лет и 20–59 лет оказали миграционные процессы. В результате отрицательного сальдо миграции (как внешней, так и

внутренней) численность молодежи в 2009–2020 гг. уменьшилась на 19,3 %. В то же время, в 2020 г., в сравнении с 2009 г., число людей старшего возраста (60+) увеличилось на 30,0 %. Это один из наиболее низких показателей роста населения старшего возраста в Казахстане. Данное явление характерно для Северо-Восточного и Центрального Казахстана. Сравнительно (с Юго-Западным регионом) невысокая динамика объясняется тем, что здесь достаточно давно сложилась «старая» возрастная структура. Период массового перемещения в старшие возрастные группы остался в прошлом.

Наибольшее внимание привлекает и требует безотлагательных мер т.н. «пространство перерастания рисков в угрозы», где доля удельного веса старших возрастных групп превышает 10 %. В 2009 году такие значения демонстрировали только две области: Северо-Казахстанская и Костанайская. В 2020 году их число пополнилось Восточно-Казахстанской, Павлодарской и Карагандинской областями. Таким образом, для данных территорий актуальны уже не риски старения, а связанные с ними угрозы: происходит нарастание тенденции деформации возрастной структуры в сторону старения населения, увеличение демографической нагрузки пожилыми людьми, высокий уровень смертности населения, главным образом, на северо-востоке Казахстана.

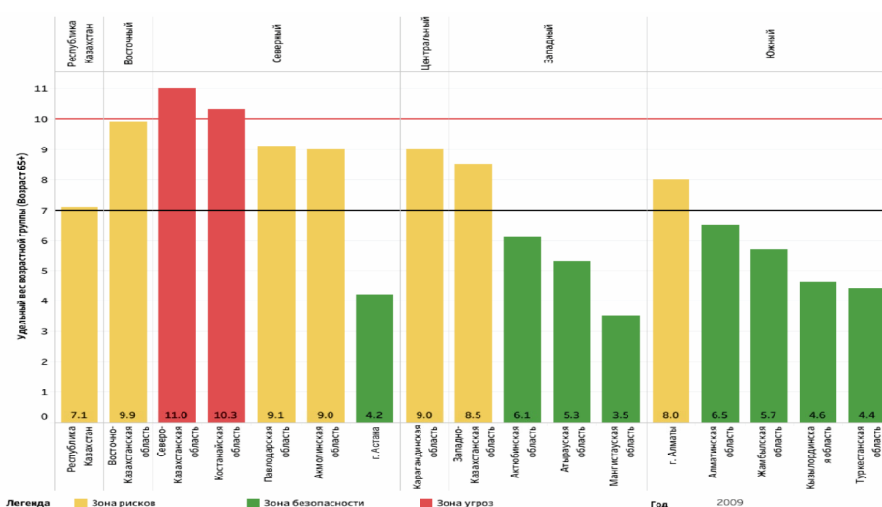

Рисунок 4 – Шкала демографической безопасности, рисков и угроз старения населения, замер 2009 г. (по международным стандартам ООН). Источник: база данных

https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/65_16545954390610/sheet3

[Figure 4 – Demographic Security, Risks and Threats of Population Aging Scale, measured in 2009 (according to UN international standards). Source Database

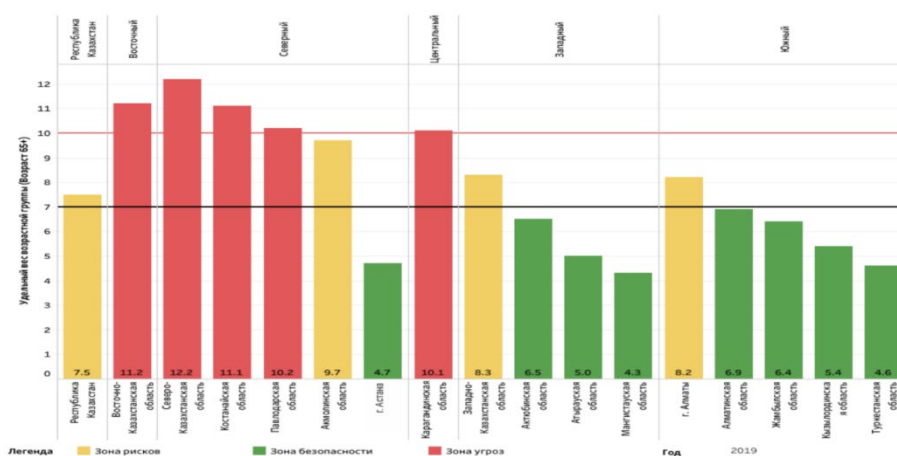

Рисунок 5 – Шкала демографической безопасности, рисков и угроз старения населения, замер 2020 г. (по международным стандартам ООН). Источник: база данных

https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/65_16545954390610/sheet3

[Figure 4 – Demographic Security, Risks and Threats of Population Aging Scale, measured in 2020 (according to UN international standards). Source Database

Используемая ООН трехуровневая классификация предназначена для изучения демографического старения на глобальном уровне. Следующим шагом стало выявление демографических рисков по индексу старения РК: показатель возрастного состава населения, характеризующий число лиц пожилого возраста на 100 детей. Рассчитывается как отношение численности населения в возрасте 65 лет и старше к численности населения в возрасте от 0 до 15 лет и установление верхних и нижних предельно-критических значений шкалы. За предельно-критическое значение было принято среднереспубликанское значение. Однако учитывая то, что в 2009 году это значение составило 28,3 человека, а в 2020 году – 26,7 человека, считаем необходимым округлить это значение до 30 человек. Исходя из этого, были установлены следующие значения шкалы:

- нижняя граница: 30 человек возраста старше 65 лет на 100 детей (среднереспубликанский уровень);

- верхняя граница: 60 лиц возраста старше 65 лет на 100 детей. Данная граница установлена как критический уровень, в два раза превышающий среднереспубликанский.

С точки зрения рисков искажения соотношения людей пожилого возраста к числу детей наиболее благоприятной является зона ниже среднереспубликанского уровня – 30 человек пожилого возраста на 100 детей.

В 2009 году значение ниже данного соотношения можно было отметить в структуре населения семи южных и западных областей: Актюбинской, Алматинской, Жамбылской, Атырауской, Кызылординской, Мангистауской и Туркестанской и двух городов – Астана и Шымкент. В 2020 году в этих пределах остались все объекты, однако значения в них выросли. Следует обратить внимание на области, где соотношение имеет минимальное значение – 12 пожилых на 100 детей: Мангистауская и Туркестанская области (в два раза меньше, чем в среднем по республике). В них возникают риски другого плана: высокая демографическая нагрузка детьми.

В 2009 году в «пространстве рисков» от 30 до 60 находились Восточно-Казахстанская, Павлодарская, Акмолинская, Карагандинская, Западно-Казахстанская, Северо-Казахстанская и Костанайская области и г. Алматы (высокие значения). Замер 2020 года фиксирует следующие изменения: ситуация ухудшилась в Северо-Казахстанской области, и теперь она находится в зоне, где риски перерастают в угрозы. Во всех остальных объектах – тенденция нарастания количества пожилых на число детей.

Наибольшее внимание привлекает и требует безотлагательных мер ситуация в Северо-Казахстанской области, где количество пожилых людей на 100 детей в 2 раза больше, чем в среднем по республике. В перспективе в пространство демографических угроз войдут другие северные, восточные и центральные области Казахстана.

Итак, увеличение темпов прироста старших возрастных групп населения является одним из серьезных рисков, характерных для формирующейся под воздействием длительных изменений структуры населения. Этот риск оказывает значительное влияние на экономические, социальные и другие аспекты жизнедеятельности общества. Причиной старения населения в северных и восточных регионах Казахстана (Восточно-Казахстанская, Костанайская и Северо-Казахстанская области) являются длительные изменения в характере воспроизводства населения: снижения рождаемости, увеличения смертности населения и существенные миграционные потери. Все это требует развития институтов социальной поддержки и ухода за пожилыми людьми, особенно с тяжелой формой инвалидности, расширения числа государственных и частных поставщиков социальной услуг по обеспечению качества жизни пожилых людей. Кроме того, невысокий уровень материальной обеспеченности населения поддерживает актуальность трудовой деятельности в пожилом возрасте, следовательно, необходима соответствующая диверсификация регионального рынка труда.

Наращение этого риска можно проследить по увеличению региональной поляризации старения населения Казахстана, росту амплитуды колебаний между минимальными и максимальными значениями на фоне снижения показателей старения в одних регионах и

увеличению показателей старения в других. Это следует считать одним из наиболее серьезных региональных рисков, поскольку он несет в себе потенциальную угрозу для отдельных, главным образом, северо-восточных территорий Казахстана.

Рассмотрим другой важный демографический процесс – рождаемость населения. Для его изучения рассмотрим динамику суммарного коэффициента рождаемости (СКР). За предельно-критическое значение принимаются международные стандарты: уровень рождаемости, соответствующий простому воспроизводству, устанавливается значением 2,22, а кризисную ситуацию характеризует значение СКР выше 4,0 и ниже 2,22. Исходя из этого, были установлены следующие значения шкалы:

- пространство значений до нижней границы: СКР от 2,22 до 3,00 – зона безопасности (зелёный цвет);

- нижняя граница: СКР от 3,0 до 4,0 - зона рисков (желтый цвет);

- верхняя граница: от 4,0 и выше, ниже 2,22 - зона угроз (красный цвет).

В 2009 году в «зону безопасности»: от 2,22 до 3,0 вошли четыре области: Актюбинская (2,42), ЗКО (2,35), Акмолинская (2,29) и Алматинская (2,74). В 2020 году в нее вошли ВКО (2,48), Акмолинская (2,55), Павлодарская (2,30), Карагандинская (2,41) и Западно-Казахстанская (2,93) области, а также город Астана (2,84).

В «зоне рисков» находятся объекты, где суммарный коэффициент рождаемости находится в диапазоне от 3,0 до 4,0 в 2009 году: Мангистауская область (3,22), Атырауская область (3,18), Кызылординская область (3,48), Южно-Казахстанская область (3,59) и Жамбылская область (3,28). В 2020 году из перечисленных остались Кызылординская (3,96), Атырауская (3,86) и Жамбылская (3,96) области, вошла Актюбинская область из зеленой зоны, в ней выросли показатели суммарной рождаемости до 3,14 и город Шымкент (3,66).

В «красной зоне угроз» находятся объекты, где СКР по международным стандартам ниже 2,22 либо выше 4,0. В 2009 году области с низкой рождаемостью, не обеспечивающей простого уровня воспроизводства: Павлодарская (1,98), Карагандинская (2,04), Восточно-Казахстанская (2,11), Костанайская (1,67) и Северо-Казахстанская (1,99) области и два города Алматы (1,83), Астана (2,15).

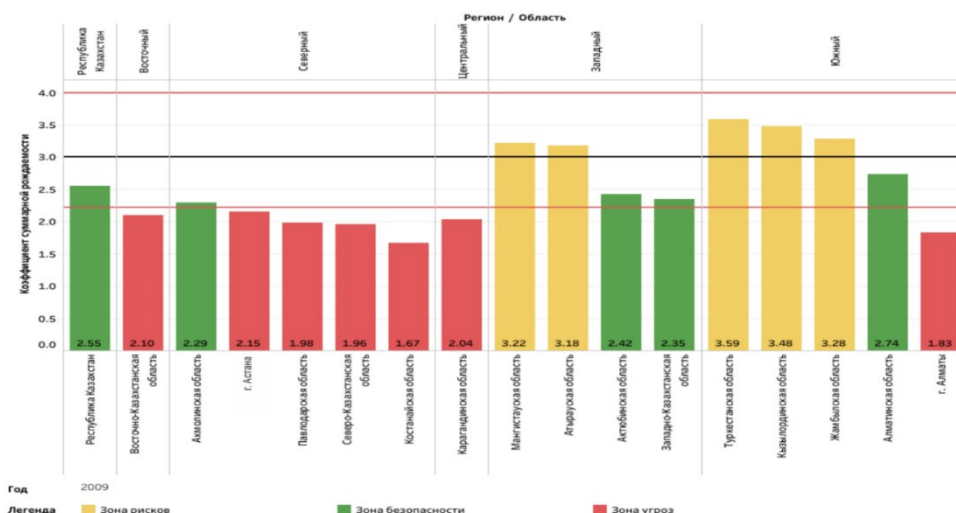

Рисунок 6 – Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по уровню рождаемости населения, СКР, замер 2009 г. Источник: база данных

https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16552770961160/2009_1

[Figure 6 – Demographic Security, Risks and Threats Scale by Population Fertility Rate, TFR, 2009 Measurement. Source Database https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16552770961160/2009_1]

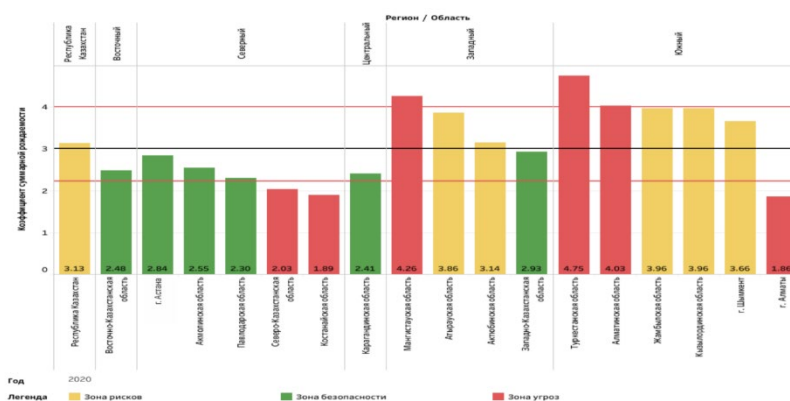

Рисунок 7 – Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по уровню рождаемости населения, СКР, замер 2020 г. Источник: база данных

https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16552770961160/2009_1

[Figure 7 – Demographic security scale, risks and threats by population birth rate, TFR, measurement 2020 Source: database https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16552770961160/2009_1]

В 2020 году в большинстве этих объектов уровень рождаемости увеличивается и начинает превышать значение 2,22. Остаются в этой зоне две северные области: Костанайская (1,89), Северо-Казахстанская (2,03) области и город Алматы (1,86). Кризисной также считается зона, где находятся объекты выше 4,0. В 2009 году таких объектов не было, за одиннадцать лет произошел высокий рост рождаемости и в «красную зону» вошли: Туркестанская область (4,75), Мангистауская область (4,26) и Алматинская область (4,03). В перспективе в нее войдут те регионы, где значение приближается к 4, это Жамбылская, Кызылординская и Атырауская области.

Шкалы демографической безопасности еще раз демонстрируют резкую поляризацию процессов рождаемости и воспроизводства населения в регионах, нарастание этих процессов в динамике. Наряду с суммарным коэффициентом рождаемости рассмотрим общий (ОКР). Региональная динамика общего коэффициента рождаемости за 2009–2020 гг. представлена на рисунке 8. Отрицательная динамика наблюдается в Жамбылской, Павлодарской, Кызылординской, Акмолинской, ВКО, Карагандинской областях и городе Алматы. Положительная динамика в процессах рождаемости отмечена в Туркестанской, Атырауской, ЗКО, Мангистауской, Актюбинской и Алматинской областях, а также в столице республики городе Астана.

Отмечается рост поляризации процессов рождаемости в регионах: на юго-западе общий коэффициент рождаемости увеличивается, на севере Казахстана снижается, амплитуда региональных колебаний стала больше (с 15,50 в 2009 г. до 18,69 в 2020 г.). В 2009 году максимальное значение ОКР в Туркестанской области (29,71 %), что выше среднего значения по республике в 1,3 раза, а минимальное значение в Костанайской области (14,21 %), что в 1,6 раза меньше, чем по республике (Рисунок 8).

Рисунок 8 – Региональная динамика общего коэффициента рождаемости, 2009–2020 гг.

[Figure 8 – Regional dynamics of total fertility rate, 2009–2020]

Исходя из установленных значений, в 2009 году к пространству относительной демографической безопасности можно отнести такие области, как Западно-Казахстанская (21,75 %), Акмолинская (20,53 %), Карагандинская (17,23 %), Павлодарская (16,99 %), Восточно-Казахстанская (16,76 %), Северо-Казахстанская (16,76 %) области и город Алматы (18,48 %). В 2020 году в этой зоне находятся те же объекты.

Следующий важный демографический процесс, влияющий на воспроизводство населения, – смертность. Для его характеристики использован общий коэффициент смертности (ОКС). Средний по республике показатель в 2009 году составил 8,88 %, в 2020 году он снизился до 8,60 %. Классификация регионов Казахстана по уровню смертности представила три кластера. В первую группу вошли области, где ОКС составил более 10 %, с большим удельным весом неказахского населения (за исключением Западно-Казахстанской области) (Таблица 4).

Таблица 4 – Регионы с общим коэффициентом смертности более 10 %, ранжирование на 2020 год (группа 1)

[Table 4 – Regions with a total mortality rate of more than 10 %, ranking for 2020 (group 1)]

Области	2009	2015	2015 к 2009 (%)	2020	2020 к 2015 (%)	2020 к 2009 (%)
РК	8,88	7,46	84,0	8,60	115,3	96,9
Акмолинская	11,95	10,02	83,9	11,57	115,5	96,8
ЗКО	10,0	8,67	86,7	10,09	116,1	100,9
Карагандинская	11,25	9,81	87,2	11,25	114,7	100,0
Костанайская	11,66	10,47	89,8	12,23	116,8	104,9
СКО	13,35	11,78	88,2	13,75	116,7	103,0
ВКО	11,94	10,47	87,7	12,06	115,2	101,0
Павлодарская	10,69	9,74	87,5	11,58	119,4	108,3

Во вторую и третью группы (ОКС менее 10 %) вошли области и города республиканского значения с преобладанием казахского населения, возрастная структура которого в сравнении с другими этническими группами более молодая.

Рисунок 9 – Региональная динамика общего коэффициента смертности, 2009–2020 гг.
[Figure 9 – Regional dynamics of overall mortality rate, 2009–2020]

За исследуемый период 2009–2020 гг. динамика ОКС имела следующую региональную специфику (Рисунок 9). Средний показатель по стране демонстрировал снижение на 0,28 пункта. Тенденция к снижению ОКС отмечалась в Актыбинской, Алматинской, Атырауской, Акмолинской областях и г. Алматы. В таких областях, как Жамбылская, Западно-Казахстанская, Восточно-Казахстанская, Туркестанская, Кызылординская, Мангистауская, Северо-Казахстанская, Костанайская, Павлодарская и г. Астана общий коэффициент смертности рос. Только в Карагандинской области он оставался неизменным

Выявляя демографические риски, связанные с динамикой смертности населения, были установлены верхние и нижние предельно-критические значения шкалы. За него был принят среднереспубликанский уровень: общий коэффициент смертности в 2009 году составил

8,80 %, в 2020 году – 8,60 %. Если ОКС выше в 1,5 раза среднереспубликанского показателя, в зону, когда риски переходят в угрозы (Рисунок 10 и 11). Значение шкалы:

- Зона безопасности: в 2009 году значение общего коэффициента смертности составляло до 8,80 %, в 2020 году до 8,60 % (зелёная зона);
- Нижняя граница: в 2009 году от 8,8 % до 13,2 %, в 2020 году от 8,60 % до 12,90 %, зона рисков (желтая зона);
- Верхняя граница: в 2009 году от 13,20 % и выше; в 2020 году выше 12,90 %, зона угроз (красная зона).

Наиболее благоприятной ситуация наблюдается в регионах, где ОКС ниже уровня в среднем по республике. В 2009 году в «пространстве демографической безопасности» находилось население Актюбинской, Алматинской, Жамбылской, Атырауской, Кызылординской, Мангистауской, Туркестанской областей и двух городов республиканского значения – Астана и Алматы. В 2020 году все эти объекты сохраняют меньшее значение, чем среднереспубликанское.

В 2009 году в «зону рисков» – высокий уровень смертности населения, входили Восточно-Казахстанская, Павлодарская, Акмолинская, Карагандинская, Костанайская, Западно-Казахстанская области, где значение показатель был выше среднереспубликанского. Замер 2020 года фиксирует следующие изменения: идет нарастание уровня смертности населения в обозначенных объектах, ОКС находится в диапазоне от 8,60 до 12,90 %.

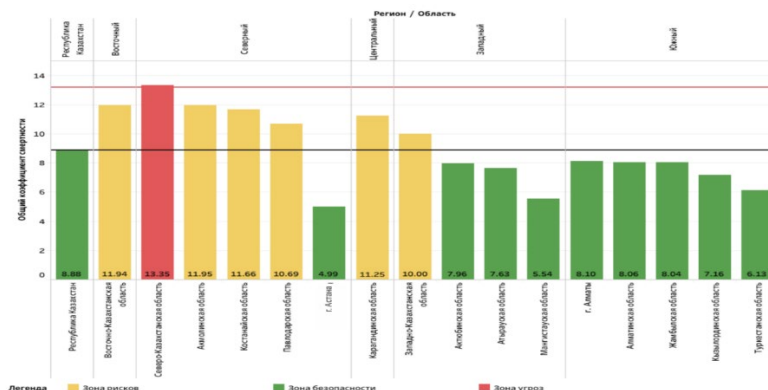

Рисунок 10 – Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по уровню смертности населения, ОКС, замер 2009 г. Источник: база данных

https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16552073000730/2009_1

[Figure 10 – Demographic Safety, Risk and Threat Scale by Mortality Rate, ACS, Measured 2009 Source: Database https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16552073000730/2009_1]

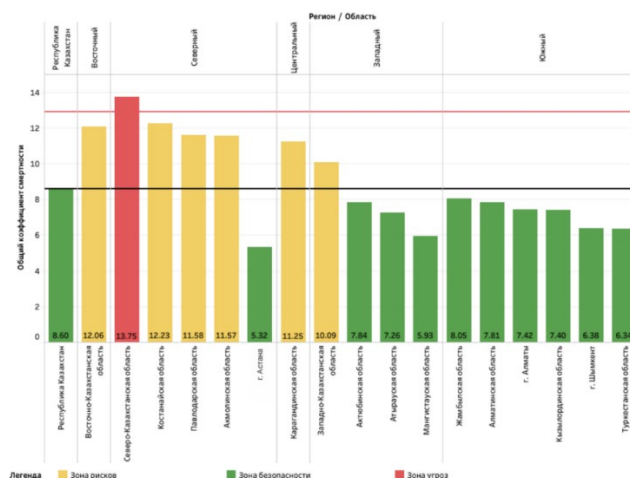

Рисунок 11– Шкала демографической безопасности, рисков и угроз по уровню смертности населения, ОКС, замер 2020 г. Источник: база данных https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16552073000730/2009_1
[Figure 11 – Demographic Safety, Risks and Threats Scale by Mortality Rate, ACS, Measurement 2020 Source: Database https://public.tableau.com/app/profile/antonivlev/viz/_16552073000730/2009_1]

В «красной зоне угроз» в 2009 году находилась Северо-Казахстанская область (13,35 %), где уровень смертности выше среднереспубликанского в 1,5 раза. В 2020 году уровень смертности продолжал расти, регион остается в красной зоне.

В целом тенденция роста уровня смертности в Северо-Восточном регионе нарастает и в перспективе в «красную зону» войдут Костанайская, Восточно-Казахстанская, Павлодарская и Акмолинская области. Именно эта зона требует наибольшего внимания и безотлагательных мер со стороны государства.

Выводы

Проведённый анализ пространственного распределения и динамики городского населения Восточно-Казахстанской области выявил ряд устойчивых региональных закономерностей, определяющих специфику урбанизационного процесса. Урбанистическая структура региона формировалась под воздействием исторических и экономических факторов, индустриализации советского периода, а также трансформационных процессов постсоветского времени.

Ключевыми особенностями современного этапа являются неравномерность территориального распределения городского населения, его сосредоточенность в крупных промышленных и административных центрах (Усть-Каменогорск, Семей), а также выраженные демографические и миграционные диспропорции, усиливающиеся на фоне депопуляции малых городов и оттока молодежи.

Регион располагает значительным потенциалом в сфере развития городских агломераций, модернизации инфраструктуры и диверсификации экономики. Перспективным направлением является формирование полицентрической модели урбанизации с учётом трансграничного положения области, что открывает возможности для межрегионального и международного сотрудничества.

В то же время сохраняются существенные риски: экологическая уязвимость (в частности, в зонах, пострадавших от ядерных испытаний), социальная и экономическая поляризация, ограниченность трудовых и инвестиционных ресурсов. Отсутствие системной региональной политики, направленной на сбалансированное развитие городских и периферийных территорий, может усугубить имеющиеся диспропорции.

Таким образом, устойчивое развитие городского населения Восточного Казахстана требует комплексного подхода, включающего демографическую, экономическую, экологическую и пространственную составляющие, с опорой на современные инструменты регионального планирования и стратегического управления.

Для региональных органов власти рекомендуется направления, цели и задачи развития Восточного Казахстана связать с социальными запросами, выявленными в процессе анализа актуальной демографической ситуации в городах. В число основных индикаторов успешности реализации Программ и Планов социально-экономического развития региона включить показатели демографической безопасности, ориентируясь на оценочные шкалы и балльную систему, предложенные авторами (Столярова, Аубакирова, 2022: 86). Включить в Программу и План территориального развития основные параметры населения Восточно-Казахстанской области – помимо общей численности и размещения в городской и сельской местности, а также плотности населения, добавить текущие данные о состоянии половозрастной структуры (тенденции старения/омоложения), естественном приросте, сальдо внутренней и внешней миграции. При планировании мероприятий делать оценку, какое влияние их реализация окажет на основные демографические параметры развития Восточно-Казахстанской области. Например, насколько строительство перинатального центра удовлетворит потребность в специфических медицинских услугах, исходя из показателей рождаемости, характерных для данного региона; насколько ввод в эксплуатацию больниц, школ или центров обслуживания пожилого населения покроет имеющийся социальный дефицит; насколько строительство объектов и создание определенного количества рабочих мест покроет дефицит на рынке труда и т.д.

В заключении следует отметить, что основной проблемой демографической безопасности РК, является выраженная региональная дифференциация демографического развития и нарастание поляризации («демографические качели»), обусловленные многими факторами: этнический состав; возрастно-половая структура населения; различные типы рождаемости; миграционные процессы, в первую очередь массовое движение в города республики и отдельные регионы) и т. д. На наш взгляд, сверхзадачей демографической политики Казахстана в данное время видится сведение к минимуму поляризации демографических в регионах. Важно не только реагировать на существующие риски и вызовы, но и создавать условия, препятствующие разбалансированию суверенной демографической системы Казахстана и способствующие нивелированию «демографических качелей» между регионами.

Литература

- Абылхожин, 1997 — *Абылхожин Ж.Б.* Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы: Университет «Туран», 1997. 360 с.
- Адилбаева, Бакытжанова, 2024 — *Адилбаева А.С., Бакытжанова А.Б.* Этническая структура урбанизации в Восточном Казахстане между переписями 2009 и 2021 гг. // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: сб. науч. трудов XXIII Междунар. науч.-практ. конф., 4–5 декабря 2024 г. Усть-Каменогорск, 2024. 511 с.
- Алексеевко, Аубакирова, 2020 — *Алексеевко А.Н., Аубакирова Ж.С.* Население Казахстана в конце XX века: этнодемографические эволюции и становление суверенной демографической системы // Вестник КазНПУ. Серия исторические и социально-политические науки, 2020. № 4 (67). С. 15–20.
- Алексеевко, 2012 — *Алексеевко А.Н.* Городское население Казахстана в XX–XXI вв.: численность, этнический состав // Сибирь и Центральная Азия: актуальные вопросы политического и социокультурного развития: пятые научные чтения памяти Е.М. Залкинда. Барнаул, 2012. С. 131–134.
- Алексеевко, 2013а — *Алексеевко А.Н.* Этнизация и традиционализация городского пространства современного Казахстана // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщество / Науч. ред. В.И. Дятлова, К.В. Григоричева. Иркутск, 2013. С. 224–249.
- Алексеевко, 2013b — *Алексеевко А.Н.* Казахи в городах Казахстана: особенности суверенной урбанизации // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность: материалы междунар. науч. конф., Барнаул 31 мая – 1 июня 2013 г. / Под ред. А.В. Старцева. Барнаул, 2013. Вып. III. С. 269–275.
- Алексеевко, 2014 — *Алексеевко А.Н.* Внутренние миграции и эволюции городского пространства Республики Казахстан / А.Н. Алексеевко, С.З. Байхонова // Востоковедные исследования на Алтае: материалы регионального науч. семинара с международным участием. «Азиатская Россия, Центральная Азия и Китай: история и перспективы взаимодействия» / Сост. И.В. Анисимова; Под. ред.: Д.А. Глазунова; Алтайский университет. Барнаул, 2014. Вып. VIII. С. 203–208.
- Алексеевко, 2016 — *Алексеевко А.Н.* Место встречи Усть-Каменогорск: два мира, два образа жизни в поисках взаимодействия и сотрудничества. Астана – Алматы, 2016. 144 с.
- Альжанова, т.д., 2022 — *Альжанова Ф.Г., Сампаева З.Т., Алибекова Г.Ж.* Современные тенденции урбанизации и демографического развития городов Казахстана // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество, 2022. С. 1127–1129. [электронный ресурс] // URL: <https://project.ieconom.kz/publikaczii/> (дата обращения: 06.09.2024).
- Арын, т.д., 1997 — *Арын Е.М., Абенов Е.М., Бодаханулы К.* Вопросы регулирования миграции казахской диаспоры (на основе социологического опроса репатриантов, прибывших из Монголии в 1991-1996 гг.) // Саясат: события, проблемы, анализ, прогнозы, 1997. № 3. С. 40–47.
- Арын, т.д., 2000 — *Арын Е.М., Абенов Е.М., Бодаханулы К.* Иммиграционная политика в Казахстане на примере репатриантов из дальнего зарубежья / Ответ. редакторы М. Ауэзов, С. Жусупов. Алматы, 2000.
- Аубакирова, т.д., 2022 — *Аубакирова Ж.С., Алексеевко А.Н., Столярова Э.О., Краснобаева Н.Л., Өмірзақ Т.Е.* Демографическая безопасность Казахстана: потенциал, риски и перспективы. Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2022. 515 с.
- Аубакирова, 2016 — *Аубакирова Ж. С.* Демографическое развитие и безопасность Казахстана (2000–2015 гг.): SWOT – анализ // Вестник НАН РК, 2016. № 3. С. 79–88.
- Григоричев, т.д., 2004 — *Григоричев К.В., Зимовина Е.П.* Беженцы и вынужденные мигранты: Международные правовые документы и законодательство Республики Казахстан. Караганда: Экожан, 2004. 224 с.
- Забирова, 2002 — *Забирова А.Т.* Миграция, урбанизация и идентификация у казахов. Астана: Nits Ghylym, 2002. 134 с.
- Итоги переписи, 2000 — Итоги переписи населения 1999 года по Восточно-Казахстанской области. Том 1. Статистический сборник. /Под ред.: А.А. Смаилова. Алматы, 2000. С. 17.

- Кайгородцев, 2007 — *Кайгородцев А.А.* Анализ экономической безопасности Казахстана // Вестник КАСУ, 2007. № 4. С. 191–198.
- Королев, Мамаев, 2011 — *Королев А., Мамаев М.* Казахстану удалось справиться с демографическими вызовами [электронный ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31070219 (дата обращения: 12.05.2025).
- Кошербаева, 2018 — *Кошербаева А.Б.* Анализ развития городов Казахстана в свете управляемой урбанизации // Экономика и статистика, 2018. № 4. С. 134–140.
- Краткие итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан / Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Астана, 2022. 12 с.
- Махрова, т.д., 2023 — *Махрова А.Г., Сафронова С.Г., Абилов А.Ж.* Городские агломерации Казахстана: тенденции социально-экономического развития // Известия РАН. серия географическая. 2023. Т. 87. № 1. С. 16–28. // DOI: 10.31857/S2587556623010119
- Мендикулова, 1997 — *Мендикулова Г.М.* Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие. Алматы: Гылым, 1997. 264 с.
- Мушанов, 2010 — *Мушанов Р.М.* Основные угрозы демографической безопасности государств постсоветского пространства // Вестник КазНУ, серия Философия, политология, культурология, 2010. № 2(35). С. 53–57.
- Поправко, 2014 — *Поправко И.Г.* Чужие среди своих: репатрианты, аутентичность и повседневные границы в Восточном Казахстане // Известия Иркутского государственного университета, 2014. Т. 10. С. 206–216.
- Романова, 1999 — *Романова Н.* Этнопсихологические аспекты миграционных процессов в Казахстане // Евразийское сообщество: общество, политика, культура, 1999. № 1. С. 135–139.
- Садвокасова, 2015 — *Садвокасова А.К.* Отношение населения Казахстана к интеграционным проектам // Евразийская экономическая интеграция, 2015. № 3(28). С. 5–11.
- Сарсембаева, 2018 — *Сарсембаева Г.А.* Особенности формирования городского пространства Восточного Казахстана в XIX – начале XX века (на примере городов Семипалатинск и Усть-Каменогорск) // Вестник НГУ, серия «История, филология», 2018. № 1. Т. 16. С. 80–92.
- Сарсембаева, 2020 — *Сарсембаева Г.А.* Урбанизация, как основной миграционный тренд современного Казахстана // Вестник КазНПУ им. Абая, серия «Исторические и социально-политические науки», 2020. № 1(64). С. 63–67.
- Султангалиева, 2010 — *Султангалиева А.* Город и люди: опыт социокультурной трансформации в Казахстане. Алматы, 2010. 240 с.
- Султанмуратов, 2015 — *Султанмуратов Н.* Особенности урбанизации казахов // Социальный портрет современного казахстанского общества. Сборник статей. ИМЭП. Астана-Алматы, 2015. С. 105–151.
- Султанмуратов, 2016 — *Султанмуратов Н.* Процесс урбанизации в вопросе демографического перехода в казахском обществе // Социальный портрет современного казахстанского общества: сб. ст. 2-й выпуск. ИМЭП. Астана – Алматы, 2016. С. 75–99.
- Хизат, 2015 — *Хизат А.* Репатрианты и городское пространство Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан // Вестник Томского государственного университета. История, 2015. № 5(37). С. 61–64.
- Abdinassir, Kovalskaya, 2025 — *Abdinassir N.N., Kovalskaya S.* The ethno-demographic structure of Kazakhstan's population and its representation in domestic and foreign historiography. Bulletin of the Karaganda University. History Philosophy series, 2025. No. 117(1). Pp. 7–22. // URL: <https://doi.org/10.31489/2025HPh1/7-22>.
- Adilbayeva, 2023 — *Adilbayeva A.S.* Development trends of the Kazakh population of Eastern Kazakhstan during the period of independence // Ethnodemographic processes in Kazakhstan and adjacent territories: collection of scientific papers of the XXII International scientific and practical conference, September 25–26, 2023. Ust-Kamenogorsk: Media-Alliance, 2023. 498 p.
- Davletova, et.al., 2025 — *Davletova G., Dosekeyva K., Junusbayeva A., Chatybekova K., Zhuztayeva B.* Ethno-demographic and urbanisation processes in Kazakhstan (1970–2020). Revista Inclusiones, 2025. No. 12(34). Pp. 68–81.
- Saparbekova, et.al., 2024 — *Saparbekova A., Kocourková J., Kučera, T.* Sweeping ethno-demographic changes in Kazakhstan during the 20th century: A dramatic story of mass migration waves. Part I: From the turn of the 19th century to the end of the Soviet era. Ministry of Health of the Republic of Kazakhstan, Charles University in Prague, 2024 // URL: <https://karolinum.cz/data/clanek/26/96643.pdf>. (date of contact 09.04.2025).
- Ualtayeva, et.al., 2024 — *Ualtayeva A.S., Margulan A.S., Apendiyev T.A., Berkinbayev O.U., Sain E.D.* Urbanization and the emergence of small towns: Rural urban transformations and the formation of urban vernacular settlements in East Kazakhstan. ISVS e-journal, 2024. No. 11(6). // URL: https://com/pdf/ISVS_11-06/ISVSej_isvshome_11.06.06.pdf (accessed: 15.03.2025).
- Uskelenova, et.al., 2024 — *Uskelenova A.T., Nikiforova N.* Regional development of Kazakhstan: Theoretical premises and reality. Regional Science Policy, Practice, 2024. No. 16(3). // URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S175778022400146X> (accessed: 15.03.2025).

References

- Abdinassir, et.al., 2025 — *Abdinassir N.N., Kovalskaya S.* The ethno-demographic structure of Kazakhstan's population and its representation in domestic and foreign historiography. Bulletin of the Karaganda University. History Philosophy series, 2025. No. 117(1). Pp. 7–22. // URL: <https://doi.org/10.31489/2025HPh1/7-22>.
- Abylhozhin, 1997 — *Abylhozhin Zh.B.* Ocherki social'no-jekonomicheskoy istorii Kazakhstana. XX vek [Essays on the socio-economic history of Kazakhstan. XX century]. Almaty: University Turan, 1997. 360 p. (In Russ.).
- Adilbaeva, et al., 2024 — *Adilbaeva A.S., Bakytzhanova A.B.* Jetnicheskaja struktura urbanizacii v Vostochnom Kazahstane mezhdru perepisjami 2009 i 2021 gg. [The ethnic structure of urbanization in East Kazakhstan between the censuses of 2009 and 2021] // Ethnodemographic processes in Kazakhstan and adjacent territories: Sat. scientific. works XXIII International. scientific-practical. conf., 4–5 December 2024. Ust-Kamenogorsk, 2024. 511 p. (In Russ.).
- Adilbayeva, 2023 — *Adilbayeva A.S.* Development trends of the Kazakh population of Eastern Kazakhstan during the period of independence // Ethnodemographic processes in Kazakhstan and neighboring territories: Sat. scientific. works XXII International. scientific-practical. conf., September 25–26, 2023. Ust-Kamenogorsk: Media Alliance, 2023. 498 p.
- Alekseenko, Aubakirova, 2020 — *Alekseenko A.N., Aubakirova Zh.C.* Nacelenie Kazahstana v konce HH veka: jetnodemograficheskie jevoljucii i ctanovlenie cuverennoj demograficheskoj cictemy [The population of Kazakhstan at the end of the twentieth century: ethnodemographic evolutions and the formation of a sovereign demographic system] // Vestnik KazNPU. Historical and socio-political sciences series, 2020. No. 4(67). Pp. 15–20. (In Russ.).
- Alekseenko, 2012 — *Alekseenko A.N.* Gorodskoe naselenie Kazakhstana v XX–XXI vv.: chislennost', jetnicheskij sostav [Urban population of Kazakhstan in the XX–XXI centuries: number, ethnic composition] // Siberia and Central Asia: topical issues of political and socio-cultural development: fifth scientific readings in memory of E.M. Zalkind. Barnaul. 2012. Pp. 131–134. (In Russ.).
- Alekseenko, 2013a — *Alekseenko A.N.* Jetnizacija i tradicionalizacija gorodskogo prostranstva sovremennogo Kazakhstana [Ethnization and traditionalization of the urban space of modern Kazakhstan] // Resettlement society of Asian Russia: migrations, spaces, community / Scientific. ed.: V.I. Dyatlova, K.V. Grigoricheva. Irkutsk, 2013. Pp. 224–249. (In Russ.).
- Alekseenko, 2013b — *Alekseenko A.N.* Kazahi v gorodah Kazakhstana: osobennosti suverennoj urbanizacii [Kazakhs in the cities of Kazakhstan: features of sovereign urbanization] // International relations in Central Asia: history and modernity: materials international. scientific. conf., Barnaul May 31 – June 1, 2013. Barnaul, 2013. No. III. Pp. 269–275. (In Russ.).
- Alekseenko, 2014 — *Alekseenko A.N.* Vnutrennie migracii i jevoljucii gorodskogo prostranstva Respubliki Kazahstan [Internal migration and evolution of urban space of the Republic of Kazakhstan] / Oriental studies in Altai: materials of regional scientific. workshop with international participation. “Asian Russia, Central Asia and China: History and Prospects for Interaction”. Barnaul, 2014. No. VIII. Pp. 203–208. (In Russ.).
- Alekseenko, 2016 — *Alekseenko A.N.* Mesto vstrechi Ust'-Kamenogorsk: dva mira, dva obraza zhizni v poiskah vzaimodejstvija i sotrudnichestva [Ust-Kamenogorsk meeting place: two worlds, two ways of life in search of interaction and cooperation]. Astana – Almaty, 2016. 144 p. (In Russ.).
- Alzhanova, et al., 2022 — *Alzhanova F.G., Satpaeva Z.T., Alibekova G.Zh.* Sovremennye tendencii urbanizacii i demograficheskogo razvitiia gorodov Kazakhstana [Modern trends in urbanization and demographic development of cities in Kazakhstan] // Greater Eurasia: development, security, cooperation, 2022. Pp. 1127–1129. // URL: <https://project.ieconom.kz/publikaczii/> (access date: 06.09.2024). (In Russ.).
- Aryn, et al., 1997 — *Aryn E.M., Abenov E.M., Bodakhanuly K.* Voprosy regulirovanija migracii kazahskoj diaspory (na osnove sociologicheskogo oprosa repatriantov, pribyvshih iz Mongolii v 1991–1996 gg.) [Issues of regulation of migration of the Kazakh diaspora (based on a sociological survey of repatriates who arrived from Mongolia in 1991–1996)] // Sayasat: events, problems, analysis, forecasts, 1997. No. 3. Pp. 40–47. (In Russ.).
- Aryn, etc., 2000 — *Aryn E.M., Abenov E.M., Bodakhanuly K.* Immigracionnaja politika v Kazahstane na primere repatriantov iz dal'nego zarubezh'ja [Immigration policy in Kazakhstan on the example of repatriates from far abroad] / Answer. editors M. Auezov, S. Zhusupov. Almaty. 2000. (In Russ.).
- Aubakirova, 2016 — *Aubakirova Zh.C.* Demograficheskoe razvitie i bezopasnost' Kazakhstana (2000–2015 gg.): SWOT – analiz [Demographic development and security of Kazakhstan (2000–2015): SWOT – analysis] // Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. 2016. No. 3. Pp. 79–88. (In Russ.).
- Aubakirova, etc., 2022 — *Aubakirova Zh.C., Alekseenko A. N., Stolyarova E. O., Krasnobaeva N. L., Umirzak I.* Demograficheskaia bezopacnost' Kazahstana: potencial, riski i percpektivy [Demographic security of Kazakhstan: potential, risks and prospects]. Ust-Kamenogorsk: Media Alliance. 2022. 515 p. (In Russ.).
- Davletova, et.al., 2025 — *Davletova G., Dosekeyva K., Junusbayeva A., Chatybekova K., Zhuztayeva B.* Ethno-demographic and urbanisation processes in Kazakhstan (1970–2020). Revista Inclusiones, 2025. No. 12(34). Pp. 68–81.
- Grigorichev, etc., 2004 — *Grigorichev K.V., Zimovina E.P.* Bezheny i vynuzhdennye migranty: Mezhdunarodnye pravovye dokumenty i zakonodatel'stvo Respubliki Kazahstan. [Refugees and forced migrants: International legal documents and legislation of the Republic of Kazakhstan]. Karaganda: Ekozhan, 2004. 224 p. (In Russ.).

- Kaigorodtsev, 2007 — *Kaigorodtsev A.A.* (Analiz jekonomicheskoy bezopasnosti Kazahstana [Analysis of economic security of Kazakhstan] // Bulletin of KAFU, 2007. No. 4. Pp. 191–198. (In Russ.).
- Khizat, 2015 — *Khizat A.* Repatianty i gorodskoe prostranstvo Vostochno-Kazahstanskoy oblasti Respubliki Kazahstan [Repatriates and urban space of the East Kazakhstan region of the Republic of Kazakhstan] // Bulletin of Tomsk State University. History, 2015. No. 5 (37). Pp. 61–64. (In Russ.).
- Korolev, etc., 2011 — *Korolev A., Mamaev M.* Kazahstanu udalos' spravit'sja s demograficheskimi vyzovami [Kazakhstan managed to cope with demographic challenges] [electronic resource]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31070219 (date of contact 12.05.2025). (In Russ.).
- Kosherbaeva, 2018 — *Kosherbaeva A.B.* Analiz razvitiya gorodov Kazahstana v svete upravljajemoj urbanizacii [Analysis of the development of cities in Kazakhstan in the light of managed urbanization] // Economics and Statistics, 2018. No. 4. Pp. 134–140. (In Russ.).
- Kratkie itogi, 2022 — *Kratkie itogi Summary of the National Census of 2021 in the Republic of Kazakhstan.* Kratkie itogi Nacional'noj perepisi naselenija 2021 goda v Respublike Kazahstan / Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan Editor-in-Chief Shaimardanov Zh.N., Astana, 2022. 12 p.
- Makhrova, etc., 2023 — *Makhrova A.G., Safronova S.G., Abilov A.Zh.* Gorodskie aglomeracii Kazahstana: tendencii social'no-jekonomicheskogo razvitiya [Urban agglomerations of Kazakhstan: trends in socio-economic development] // Izvestia RAS. geographical series. 2023. T. 87. No. 1. Pp. 16–28. // DOI: 10.31857/S2587556623010119 (In Russ.).
- Mendikulova, 1997 — *Mendikulova G.M.* Istoricheskie sud'by kazahskoj diaspory. Proishozhdenie i razvitie [Historical fate of the Kazakh diaspora. Origin and development]. Almaty: Gylym. 1997. 264 p. (In Russ.).
- Mushanov, 2010 — *Mushanov R.M.* Osnovnye ugrozy demograficheskoy bezopasnosti gosudarstv postsovetского prostranstva [The main threats to the demographic security of the states of the post-Soviet space] // Vestnik KazNU, series Philosophy, Political Science, Cultural Studies. 2010. No. 2(35). Pp. 53–57. (In Russ.).
- Popravko, 2014 — *Popravko I.G.* Chuzhie sredi svoih: repatianty, autentichnost' i povsednevnye granicy v Vostochnom Kazahstane [Strangers among their own: repatriates, authenticity and everyday borders in East Kazakhstan] // Izvestia of Irkutsk State University, 2014. T.10. Pp. 206–216. (In Russ.).
- Romanova, 1999 — *Romanova N.* Jetnopsihologicheskie aspekty migracionnyh processov v Kazahstane [Ethnopsychological aspects of migration processes in Kazakhstan] // Eurasian community: society, politics, culture, 1999. No. 1. Pp. 135–139. (In Russ.).
- Sadvokasova, 2015 — *Sadvokasova A.K.* Otnoshenie naselenija Kazahstana k integracionnym proektam [The attitude of the population of Kazakhstan to integration projects] // Eurasian economic integration, 2015. No. 3 (28). Pp. 5–11. (In Russ.).
- Saparbekova, et.al., 2024 — *Saparbekova A., Kocourková J., Kučera T.* Sweeping ethno-demographic changes in Kazakhstan during the 20th century: A dramatic story of mass migration waves. Part I: From the turn of the 19th century to the end of the Soviet era. Ministry of Health of the Republic of Kazakhstan, Charles University in Prague, 2024. // URL: <https://karolinum.cz/data/clanek/26/96643.pdf>. (date of contact 09.04.2025).
- Sarsembaeva, 2018 — *Sarsembaeva G.A.* Osobennosti formirovaniya gorodskogo prostranstva Vostochnogo Kazahstana v XIX – nachale XX veka (na primere gorodov Semipalatinsk i Ust'-Kamenogorsk) [Features of the formation of urban space in East Kazakhstan in the XIX – early XX centuries (on the example of the cities of Semipalatinsk and Ust'-Kamenogorsk)] // Bulletin of NSU, series History, Philology, 2018. No. 1. Vol. 16. Pp. 80–92. (In Russ.).
- Sarsembaeva, 2020 — *Sarsembaeva G.A.* Urbanizacija, kak osnovnoj migracionnyj trend sovremennogo Kazahstana [Urbanization as the main migration trend of modern Kazakhstan] // Vestnik KazNPU im. Abay, series Historical and socio-political sciences, 2020. No. 1(64). Pp. 63–67. (In Russ.).
- Sultangalieva, 2010 — *Sultangalieva A.* Gorod i ljudi: opyt sociokul'turnoj transformacii v Kazahstane [City and people: experience of socio-cultural transformation in Kazakhstan]. Almaty, 2010. 240 p. (In Russ.).
- Sultanmuratov, 2015 — *Sultanmuratov N.* Osobennosti urbanizacii kazahov [Features of urbanization of Kazakhs] // Social portrait of modern Kazakhstani society. Collection of articles. IMEP. Astana – Almaty, 2015. Pp. 105–151. (In Russ.).
- Sultanmuratov, 2016 — *Sultanmuratov N.* Process urbanizacii v voprose demograficheskogo perehoda v kazahskom obshchestve [The process of urbanization in the issue of demographic transition in Kazakh society] // Social portrait of modern Kazakhstani society: Sat. Art. 2nd issue. IMEP. Astana – Almaty, 2016. Pp. 75–99. (In Russ.).
- The results, 2000 — *The results Itogi perepisi naselenija 1999 goda po Vostochno-Kazahstanskoy oblasti.* The results of the 1999 population census in the East Kazakhstan region. Volume 1. Statistical collection. Almaty, 2000. 17 p. (In Russ.).
- Ualtayeva, et al., 2024 — *Ualtayeva A.S., Margulan A.S., Apendiyev T.A., Berkinbayev O.U., Sain E.D.* Urbanization and the emergence of small towns: Rural urban transformations and the formation of urban vernacular settlements in East Kazakhstan. ISVS e-journal, 2024. No. 11(6). // URL: https://com/pdf/ISVS_11-06/ISVSej_isvshome_11.06.06.pdf (accessed: 15.03.2025).
- Uskelenova, et al., 2024 — *Uskelenova A.T., Nikiforova N.* Regional development of Kazakhstan: Theoretical premises and reality. Regional Science Policy, Practice, 2024. No. 16(3). // URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S175778022400146X> (accessed: 15.03.2025).
- Zabirova, 2002 — *Zabirova A.T.* Migracija, urbanizacija i identifikacija u kazahov. [Migration, urbanization and identification among Kazakhs]. Astana: Nits Ghylym, 2002. 134 p. (In Russ.).

ТАРИХ / ИСТОРИЯ / HISTORY

Published in the Republic of Kazakhstan
Asian Journal “Steppe Panorama”
Has been issued as a journal since 2014
ISSN 2710-3994.
Vol. 12. Is. 4, pp. 1028-1038, 2025
Journal homepage: <https://ajspiie.com>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2710-3994_2025_12_4_1028-1038

**HISTORY OF KAZAKHSTAN IN THE XVIII – EARLY XX CENTURIES
IN CONTEMPORARY JAPANESE HISTORIOGRAPHY**

Kabuldinov Ziyabek E.¹, Beisembayeva Akmaral R.²

¹Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28, Shevchenko Str., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Historical Sciences, Professor, general director
 <https://orcid.org/0000-0002-9625-0535>. E-mail: kabulzia@rambler.ru

²Branch of the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology in Astana
(11/5, Kabanbay Batyr Ave., 010017 Astana, Republic of Kazakhstan)
Researcher
 <https://orcid.org/0000-0002-3599-9091>. E-mail: read_and_read@mail.ru

© Ch.Ch. Valikhanov IHE, 2025
© Kabuldinov Z.E., Beisembayeva A.R., 2025

Abstract. *Introduction.* The article examines the development of Japanese historiography devoted to the history of Kazakhstan in the XVIII – early XX centuries. Following the collapse of the Soviet Union and the opening of Central Asian archives, Japanese scholars’ interest in this subject has grown significantly. Japanese researchers have undertaken a comprehensive study of the formation of the Kazakh Khanate, its external relations, socio-political development, and cultural aspects of the period. Particular attention is given to the works of leading Japanese historians analyzing various dimensions of Kazakhstan’s history (Jin Noda, Takahiro Onuma, Tomohiko Uyama, Toru Saguchi, among others). *Aim and Objectives.* Research aim: to systematically analyze the main trends and achievements in Japanese studies on the history of Kazakhstan in the eighteenth to early twentieth centuries, based on published monographs, scholarly articles, and archival materials. Research objectives: to review and analyze the works of Japanese historians in key areas, including the diplomatic relations of the Kazakh Khanate with the Qing and Russian Empires; the institution of khan authority and the legitimation of rulers; the significance of historical cities in regional politics; the study of the Turkic heroic epic as a source of historical memory; the examination of transboundary trade in Central Asia; as well as intelligence missions and Japan’s foreign policy interests in the region under consideration. *Results.* The article demonstrates that Japanese scholars have made a significant contribution to the study of Kazakhstan’s history in the eighteenth and nineteenth centuries. Their works reveal the diplomatic strategies employed by Kazakh rulers to maintain a balance between the Qing and Russian Empires. Japanese researchers emphasize the region’s economic and geopolitical connections: they have examined cross-border trade between Kazakh territories and Qing China, and have also highlighted intelligence expeditions of the early twentieth century (including missions of Japanese military intelligence officers), reflecting an East Asian perspective on Central Asia as a zone of strategic interest. *Conclusion.* The study demonstrates the importance of examining Japanese historiography on the history of Kazakhstan for deepening and

broadening the understanding of regional history. Engaging with the works of Japanese historians makes it possible to supplement domestic scholarship with new data from foreign archives and with alternative interpretations of events, thereby situating the history of the Kazakh Khanate within a broader Eurasian context. In this way, the integration of Japanese historiographical perspectives enriches contemporary understandings of the diplomatic, socio-political, and cultural processes in the history of Kazakhstan from the eighteenth to the early twentieth centuries, underscoring the significance of international cooperation in historical research.

Keywords: Kazakh Khanate, Russian Empire, Qing Empire, khans, diplomacy, diplomatic relations, international relations, Central Asia, Japanese historiography

Acknowledgements. The study was carried out as part of the project № BR28713777 “New sources on the history and geography of Kazakhstan: analysis, translation and introduction into scientific circulation”.

For citation: Kabuldinov Z.E., Beisembayeva A.R. History of Kazakhstan in the XVIII – early XX centuries in contemporary Japanese historiography // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Vol. 12. No. 4. Pp. 1028–1038. (In Russ.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1028-1038

XVIII–XX ҒАСЫРДЫҢ БАСЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАН ТАРИХЫ ҚАЗІРГІ ЖАПОН ТАРИХНАМАСЫНДА

Қабылдинов Зиябек Ермұханұлы¹, Бейсембаева Ақмарал Рашидқызы²

¹Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көш., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының докторы, профессор, бас директор
 <https://orcid.org/0000-0002-9625-0535>. E-mail: kabulzia@rambler.ru

²Астана қаласындағы Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институтының филиалы
(11/5-үй, Қабанбай батыр даңғ., 050010 Астана, Қазақстан Республикасы)
Ғылыми қызметкер
 <https://orcid.org/0000-0002-3599-9091>. E-mail: read_and_read@mail.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2025

© Қабылдинов З.Е., Бейсембаева А.Р., 2025

Аңдатпа. *Kіріспе.* Мақалада XVIII–XX ғасырдың басындағы Қазақстан тарихына арналған жапон тарихнамасының дамуы қарастырылады. КСРО ыдырағаннан кейін және Орталық Азия мұрағаттарының ашылуына байланысты жапон ғалымдарының бұл тақырыпқа деген қызығушылығы айтарлықтай артты. Жапон зерттеушілері Қазақ хандығының қалыптасуын, оның сыртқы байланыстарын, әлеуметтік-саяси дамуын және осы кезеңнің мәдени аспектілерін кешенді түрде зерттей бастады. Қазақстан тарихының түрлі аспектілерін талдаған жетекші жапон тарихшыларының еңбектеріне (Дзин Нода, Такахиро Онума, Томохико Уяма, Сагути Тору және басқалар) ерекше назар аударылған. *Мақсаты мен міндеттері.* Зерттеудің мақсаты: XVIII–XX ғасырдың басындағы Қазақстан тарихына арналған жапон зерттеулеріндегі негізгі үрдістер мен жетістіктерді жарияланған монографиялар, мақалалар және мұрағаттық материалдар негізінде жүйелі түрде талдау. Зерттеудің міндеттері: жапон тарихшыларының еңбектерін негізгі бағыттар бойынша шолу және талдау, соның ішінде Қазақ хандығының Цин және Ресей империяларымен дипломатиялық қатынастары, хандық билік институты мен билеушілердің легитимациясы, аймақтық саясаттағы тарихи қалалардың маңызы, тарихи жад көзі ретінде түркілік батырлық эпосты зерттеу, Орталық Азиядағы трансшекаралық сауданы қарастыру, сондай-ақ XX ғасырдың басындағы барлау миссиялары мен Жапонияның сыртқы саяси мүдделерін талдау. *Нәтижелер.* Мақалада жапон зерттеушілерінің XVIII–XIX ғасырлардағы Қазақстан

тарихын зерттеуге айтарлықтай үлес қосқаны көрсетіледі. Олардың еңбектерінде қазақ билеушілерінің Цин және Ресей империялары арасындағы тепе-теңдікті сақтауға бағытталған дипломатиялық стратегиялары ашып көрсетілген. Жапон ғалымдары аймақтың экономикалық және геосаяси байланыстарын айқындап көрсетеді: қазақ жерлері мен Цин Қытайы арасындағы трансшекаралық сауда зерттеліп, XX ғасырдың басындағы барлау экспедициялары (соның ішінде жапон әскери барлаушыларының миссиялары) талданады. Бұл Орталық Азияны стратегиялық мүдде аймағы ретінде қарастыратын шығысаязиялық көзқарасты айқын көрсетеді. *Қорытынды.* Зерттеу Қазақстан тарихының жапон тарихнамасын зерделеудің аймақтық тарихты тереңірек әрі жан-жақты түсінудегі маңыздылығын көрсетеді. Жапон тарихшыларының еңбектеріне жүгіну отандық ғылымды шетелдік мұрағаттардан алынған жаңа деректермен және оқиғаларды балама интерпретацияларымен толықтыруға мүмкіндік береді, Қазақ хандығының тарихын кең еуразиялық контексте қарастыруға жол ашады. Осылайша, жапон тарихнамалық тәжірибесін интеграциялау XVIII–XX ғасырдың басындағы Қазақстан тарихындағы дипломатиялық, әлеуметтік-саяси және мәдени үдерістерді қазіргі түсінікті байытып, тарихи зерттеулердегі халықаралық ынтымақтастықтың маңыздылығын айқындайды.

Түйін сөздер: Қазақ хандығы, Ресей империясы, Цин империясы, хандар, дипломатия, дипломатиялық қатынастар, халықаралық қатынастар, Орталық Азия, жапон тарихнамасы

Алғыс. Мақала BR28713777 «Қазақстан тарихы мен географиясы бойынша жаңа дереккөздер: талдау, аудару және ғылыми айналымға енгізу» жүзеге асыру шеңберінде дайындалған.

Дәйексөз үшін: Қабылдинов З.Е., Бейсембаева А.Р. XVIII–XX ғасырдың басындағы Қазақстан тарихы қазіргі жапон тарихнамасында // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. 1028–1038 бб. (Орысш.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1028-1038

ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Кабульдинов Зиябек Ермуханович¹, Бейсембаева Акмарал Рашидкызы²

¹Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова
(д. 28, ул. Шевченко, 050010, Алматы, Республика Казахстан),
Доктор исторических наук, профессор, генеральный директор
 <https://orcid.org/0000-0002-9625-0535>. E-mail: kabulzia@rambler.ru

²Филиал Института истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова в г. Астана
(д. 11/5, пр. Кабанбай батыра, 010017 Астана, Республика Казахстан)
Научный сотрудник
 <https://orcid.org/0000-0002-3599-9091>. E-mail: read_and_read@mail.ru

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2025

© Кабульдинов З.Е., Бейсембаева А.Р., 2025

Аннотация. Введение. В статье рассматривается развитие японской историографии, посвященной истории Казахстана XVIII – начала XX вв. После распада СССР и открытия архивов Центральной Азии значительно вырос интерес японских ученых к данной тематике. Японские исследователи начали комплексно изучать формирование Казахского ханства, его внешние связи, социально-политическое развитие и культурные аспекты этого периода. Особое внимание уделено работам ведущих японских историков, анализирующих различные стороны истории Казахстана (Джин Нода, Такахиро Онума, Томохико Уяма, Сагути Тору и др.). *Цель и задачи.* Цель исследования: систематически проанализировать основные тенденции и достижения в японских исследованиях истории Казахстана XVIII – начала XX вв. на основе опубликованных монографий, статей и архивных материалов.

Задачи исследования: обзор и анализ работ японских историков по ключевым направлениям, включая дипломатические отношения Казахского ханства с Цинской и Российской империями, институт ханской власти и легитимации правителей, значение исторических городов в региональной политике, изучение тюркского героического эпоса как источника исторической памяти, исследование трансграничной торговли в Центральной Азии, а также разведывательные миссии и внешнеполитические интересы Японии в рассматриваемом регионе. *Результаты.* Статья показывает, что японские исследователи внесли значительный вклад в изучение истории Казахстана XVIII–XIX вв. В их трудах раскрыты дипломатические стратегии казахских правителей по поддержанию баланса между Цинской и Российской империями. Японские ученые выделяют экономические и геополитические связи региона: изучена трансграничная торговля между казахскими землями и Цинским Китаем, а также освещены разведывательные экспедиции начала XX в. (включая миссии японских военных разведчиков), что отражает восточноазиатский взгляд на Центральную Азию как зону стратегического интереса. *Заключение.* Исследование демонстрирует важность изучения японской историографии истории Казахстана для углубления и расширения понимания региональной истории. Обращение к работам японских историков позволяет дополнить отечественную науку новыми данными из зарубежных архивов и альтернативными интерпретациями событий, показывая историю Казахского ханства в широком евразийском контексте. Таким образом, интеграция японского историографического опыта обогащает современное понимание дипломатических, социально-политических и культурных процессов в истории Казахстана XVIII – начала XX веков, подчеркивая значимость международного сотрудничества в исторических исследованиях.

Ключевые слова: Казахское ханство, Российская империя, Цинская империя, ханы, дипломатия, дипломатические отношения, международные отношения, Центральная Азия, японская историография

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации BR28713777 «Новые источники по истории и географии Казахстана: анализ, перевод и ввод в научный оборот».

Для цитирования: Кабульдинов З.Е., Бейсембаева А.Р. История Казахстана XVIII – начала XX века в современной японской историографии // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. С. 1028–1038. (На Русс.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1028-1038

Введение

Японская историческая наука формировалась в тесной связи с восточноазиатской традицией историописания (прежде всего китайской и корейской), получив новый импульс после реставрации Мэйдзи (1868). Уже в 1869 году по указу императора был создан Историографический институт Токийского университета (Shiryō Hensanjo), который стал ведущим центром исторических исследований в Японии. В дальнейшем важнейшими академическими школами японской историографии стали исторические факультеты университетов Токио, Киото и Тохoku (Сендай). В конце XIX века в Японии возникла концепция «восточной истории» (тоёси), отделенной от традиционной синологии. Классиком считается Сиратори Куракичи (1865–1942), ученик немецкой школы Ранке. Его усилиями история Восточной Азии начала рассматриваться как самобытная и единая часть всемирной истории. Это отражало мировоззрение эпохи: понятие «восточной истории» возникло на стыке XIX–XX вв. в контексте поисков Японией своего места между Востоком и Западом (Haneda, 2008). При этом заметно возрос интерес японских ученых к теме кочевых миграций и влияния кочевых народов на формирование древней японской цивилизации. Различные идеи подчеркивают стремление соотнести историю Японии с общим историческим процессом, протекавшим в Центральной и Восточной Азии. Таким образом, японские историки с одной стороны сохраняют внимание к автохтонным источникам и традициям, с другой стороны активно вовлекают в дискуссию данные о кочевых народах. Это отражает взаимосвязь национальной историографии с восточноазиатской: новые исторические школы рассматривают Японию как часть большего синтеза региональных культур.

Токийский университет с конца XIX века закладывала основы научной критики источников. Сиратори Куракичи, работавший в Токио, основал в 1905 г. Ассоциацию азиатских исследований и воспитал плеяду востоковедов. Для токийской традиции характерен широкий охват: история Азии и Африки, а также контактов этих регионов с внешним миром. Киотоская школа (Университет Киото) сложилась несколько позже, вокруг видного китаеведа Найто Конана (1866–1934) – основателя киотоского направления историографии. Киото всегда славился сильной филологической подготовкой и вниманием к дальневосточным источникам. Здесь в поле зрения историков, помимо Китая, вошли Монголия, Маньчжурия, Корея, Восточный Туркестан и другие регионы Восточной Азии.

К примеру, в 1970-е профессор Хонда Минобу заложил в Киото основы изучения истории Ирана, начав с исследований Монгольской империи. Так возникла «киотоская школа» восточной истории, вскоре дополнившаяся «токийской школой» (Haneda, 2008). Что касается Тохоку, то университет в Сэндае традиционно специализируется на истории Восточной Азии, прежде всего Китая.

Отдельно следует отметить интерес японских ученых к истории кочевых обществ Евразии. Этот интерес имеет глубокие корни: еще рубеже XIX–XX вв. японские востоковеды обратились к истории монголов, тюрков, гуннов. Например, Сиратори изучал проблему происхождения сюнну (хунну) и поддерживал гипотезу родства алтайских языков, а Вада Сэй (1890–1963) посвятил труды истории Монгольской державы и Маньчжурии (Wada, 1959). После Второй мировой войны исследования кочевников продолжились на новом этапе – уже без имперской идеологии, но с опорой на советские и западные исследования. В последние десятилетия интерес значительно возрос благодаря новым источникам. С начала 1990-х, когда стали доступны российские и центральноазиатские архивы, все больше японских исследователей обращается к истории тюрко-монгольских народов. В Японии активно проводятся исследования по истории Монгольской империи, Золотой Орды, Казахского ханства, Центральной Азии.

Изучение истории Казахстана в японской историографии – сравнительно новое направление, которое получило импульс после распада СССР и открытия архивов Центральной Азии (Noda Hitoshi, 2005). Как указывает Хитоши Нода, доступ к документам из Центрального государственного архива Республики Казахстан позволил японским ученым проводить комплексные исследования XVIII–XX вв. Проблематика этого периода затрагивает вопросы формирования Казахского ханства, его внешних связей, социально-политического развития и культурных аспектов.

Таким образом, развитие японской историографии характеризуется синтезом западных методов и восточной проблематики, а также постоянным интересом к истории кочевых обществ, вписанных в широкий контекст всемирно-исторического процесса.

Материалы и методы

В работе использованы результаты изучения японских научных публикаций по истории Казахстана, архивных материалов и современных статей зарубежных исследователей. В частности, проанализированы труды японских историков (монографии, статьи, диссертационные исследования), посвященные Казахскому ханству и взаимоотношениям Центральной Евразии с Россией и Китаем. Особое внимание уделено переводу и введению в научный оборот японскими исследователями архивных документов, а также их интерпретации в сравнении с отечественной и зарубежной историографией. В качестве метода использован сравнительный анализ подходов и выводов разных авторов, а также ретроспективный обзор литературы.

Обсуждение

Хироюки Нагаминэ (Нагаминэ, 2020) исследует значение города Сыгнака как политического, экономического и сакрального центра левого крыла Джучидов, а также как «порта Дашт-и Кыпчака» и «города-мавзолея». На основе письменных источников Золотой

Орды автор показывает преемственность политических институтов и культурных практик, переходящих от периода Джучидов к Урусидам и «казахам», Казахскому ханству, что позволяет рассматривать Сыгнак как один из ключевых узлов в процессе формирования казахской государственности.

Помимо политических и экономических аспектов, японские исследователи проявляют интерес к культурным традициям народов Казахстана. Так, Сакаи Хироки (Hiroki Sakai, 2002) в своей работе «Chūōajia no ei'yū jojishi: Katari tsutawaru rekishi» («Героические эпосы Центральной Азии: устная история») анализирует тюркские героические сказания и эпосы, рассматривая их как средства сохранения исторической памяти. Исследование опубликовано в рамках серии «Евразийские буклеты», в которой автор уделяет внимание содержанию, структуре и функциям эпических текстов, а также их связи с традициями народов Казахстана и сопредельных регионов.

К числу значимых исследований по вопросам легитимации власти относится глава Мияваки Дзюнко (Junko Miyawaki, 1999), посвященная институту ханства у кочевников (в частности, калмыков). Автор анализирует, как принцип преемственности у чингизидов определял признание власти в степных сообществах, в том числе в постджунгарский период, что находит параллели с казахской историей.

Изучение казахско-цинских отношений в XVIII веке занимает важное место в современной японской историографии. Существенный вклад в исследование этой темы внес Такахиро Онума, проанализировавший в ряде публикаций дипломатические контакты казахских правителей с Китаем эпохи цинской династии (Onuma, 2010). В главе «Political Relations between the Qing Dynasty and Kazakh Nomads in the Mid-18th Century» Такахиро Онума рассматривает концептуальную модель взаимоотношений в регионе, исследователь анализирует концепцию «эжен-албату» (отношения вассалитета), согласно которой хан признавался подданным императора. В исследованиях Т. Онумы, опирающихся на исторические источники на чагатайском и маньчжурском языках, отражены трансграничные институты и их влияние на политику соседних государств (Onuma, 2010a). В работе 2018 года Т. Онума подробно рассматривает дипломатическую миссию, возглавляемую цинским посланником Нусаном, прибывшего к султану Абылаю в 1757 году. В результате этой встречи цинский император, несмотря на то, что Абылай формально еще не был избран ханом, даровал ему титул «хан», что подтверждается архивными документами. Это решение отражало стратегический подход Цинской империи, направленный на закрепление символического господства без прямого вмешательства в дела казахов. После признания Абылаем своего статуса албату, цинское правительство не предпринимало активных попыток контроля, придерживаясь политики невмешательства за так называемой «карункой линией» (Onuma, 2018). Т. Онума отмечает, что подобная модель отношений в долгосрочной перспективе способствовала ослаблению цинско-казахских связей. Рассматривая изменение баланса влияния империй, Т. Онума отмечает, что с 1770-х годов, после стабилизации границ, политика Цинской империи становилась более пассивной, что способствовало усилению позиций России в регионе (Onuma, 2018a). Уже в первой половине XIX века на фоне снижения китайского влияния усилилось продвижение Российской империи в степные регионы. Эти выводы частично соотносятся с позициями российской историографии, акцентирующей продвижение империи через территорию Среднего жуза (Сулейменов, 1988; Моисеев, 1989). Японский исследователь акцентирует внимание на цинской концепции «внешних вассалов» (вайюй), рассматривая ее как фактор, повлиявший на трансформацию политического ландшафта Центральной Азии.

История колониальной политики Российской империи в Центральной Азии находит всестороннее освещение в трудах японского исследователя Томохико Уямы. В статье «A Particularist Empire: The Russian Policies of Christianization and Military Conscription in Central Asia» (2007) Т. Уяма анализирует особенности имперского подхода к управлению окраинами, включая казахские степи (Uyama, 2007).

Одну из ведущих ролей в японской историографии истории Казахстана конца XVIII – XIX вв. занимает Джин Нода. Совместно с Онума Такахиро был опубликован специальный выпуск Central Eurasian Research Series, который представляет собой уникальную публикацию переводов и комментариев к дипломатической переписке казахских султанов XVIII века с цинским двором. Сборник документов содержит корпус оригинальных документов – адресованных цинским императорам от казахской правящей элиты, включая Абылай хана и Уали хана (Jin Noda, 2010). Документы опубликованы на языке оригинала (маньчжурский, чагатайский, иногда китайский), сопровождаются научным переводом и подробным комментарием. Японские ученые осуществили параллельный анализ маньчжурских, чагатайских и китайских версий документов. Документы охватывают период с середины XVIII века до начала XIX века (письма Уали и его потомков). Японские исследователи применили метод триангуляции источников: сопоставление российских, китайских и казахских источников.

Монография Джин Ноды «The Kazakh Khanates between the Russian and Qing Empires» (Jin Noda, 2016) представляет собой фундаментальное исследование внешнеполитических связей Казахского ханства с Российской и Цинской империями. Автор опирается на широкий круг источников – российские архивные материалы, цинские (включая маньчжурские) документы, а также местные тексты, что позволяет компенсировать дефицит собственно казахских письменных источников. Методологической основой его работы является «архивная и методологическая триангуляция»: каждое двустороннее взаимодействие рассматривается в контексте влияния третьей стороны. Таким образом, выявляется взаимозависимость русско-казахских и цинско-казахских отношений в рамках многосторонней дипломатической динамики. Джин Нода значительно расширяет представление об эпохе благодаря масштабным архивным исследованиям. Исследователь подчеркивает, что казахские султаны использовали тонкие правовые и ритуальные механизмы, чтобы укрепить позиции своих владений в трансимперском пространстве Центральной Азии. Его исследование показывает, что казахские правители формировали баланс между Китаем и Россией, интегрируя Восточный Казахстан, Западную Сибирь и Синьцзян в сферу своего дипломатического влияния. Отдельное направление в научной деятельности Джина Ноды связано с историей японского интереса к Центральной Азии. В статье «Japanese Spies in Inner Asia during the Early Twentieth Century» (Jin Noda, 2018) он рассматривает зарождение стратегического интереса Генерального штаба Японии к Синьцзяну в конце XIX в. и организованные разведывательные миссии, включая экспедицию Ниси Токудзиро (1880). Эти действия рассматриваются как проекция восточной геополитики, в рамках которой Казахстан и Восточный Туркестан осмысливались Японией как важные зоны наблюдения и потенциального влияния.

Одним из ведущих японских ориенталистов, внесших значительный вклад в изучение социально-экономической истории Синьцзяна и сопредельных регионов, включая территории современного Казахстана, является Сагучи Тору (Saguchi Tōru, 1963). Его монография «18–19 seiki Higashi Torukisutan shakaishi kenkyū» (Исследование социальной истории Восточного Туркестана XVIII–XIX вв.) и последующее фундаментальное сочинение «Shinkyō minzoku shi kenkyū» (Исследования по истории народов Синьцзяна) заложили основы японского академического исследования обществ региона (Saguchi Tōru, 1993). Сагучи подробно исследовал социальные, политические и религиозные институты региона Центральной Азии в XVI–XIX вв., уделяя внимание социальным и земельным отношениям в Илийской долине. Отдельное внимание в его работах уделяется трансграничной торговле по маршруту Джунгария–Илийская долина, связывавшему Китай и казахские территории.

Во времена Мэйдзи (после 1868 г.) Япония начала целенаправленно изучать регионы, представлявшие потенциальную ценность для внешнеполитических интересов. В своей статье 2018 г. «Japanese Spies in Inner Asia during the Early Twentieth Century» Нода Джин указывает, что в конце XIX века Генеральный штаб Японии обратил внимание на стратегическое значение Северо-Западного Китая (Синьцзяна) (Jin Noda, 2018). Японское командование

направляло в регион разведывательные миссии, в том числе экспедицию Ниси Токудзиро (1880 г.), а также добровольцев, стремившихся установить контакты с местными мусульманскими сообществами. Эти ранние усилия отражают зарождение японского интереса к «вопросу Синьцзяна» (Восточного Туркестана).

Японская историография Казахстана охватывает широкий спектр исследований – от путевых заметок и разведывательных отчетов до фундаментальных трудов по социальной и политической истории региона. На рубеже XIX–XX вв. японские путешественники и дипломаты проявляли устойчивый интерес к Центральной Азии. Так, Хино Цутому в 1907 году посетил район реки Или и по результатам поездки опубликовал двухтомное сочинение «*Hi kikō*» (Hino, 1973), в котором представил наблюдения о населении и географии региона, в том числе окрестностях озера Балхаш. Особое внимание автор уделил дельте реки Или и ее значению в системе трансграничной водной коммуникации между Казахстаном, Китаем и Сибирью. Работа может быть полезна как дополнительный источник в рамках исследований пограничной истории, миграций и этнической политики Цинской империи на территориях, сопредельных с казахскими землями (Zhuangsheng, 2019).

Современные японские историки-востоковеды опираются на широкий круг источников и архивных баз, привлекая материалы из разных стран. В исследованиях активно используются как отечественные, так и зарубежные архивы – российские, китайские, центральноазиатские – а также цифровые базы данных.

Для изучения истории Евразии японские ученые обильно привлекают фонды Российского государственного архива древних актов и Российского государственного военно-исторического архива. Эти архивы хранят богатый материал по дипломатическим и военным контактам России с кочевыми государствами. Эти архивные материалы позволяют японским историкам взглянуть на события со стороны Российской империи и сопоставить с данными из Китая и казахскими источниками.

Япония так же располагает давней традицией работы с китайскими архивными источниками, особенно по истории Цинской империи. Исследователи активно пользуются фондами Первого исторического архива Китая (Пекин) – хранилища маньчжурских и китайских документов цинской эпохи. Помимо этого, используются материалы Второго исторического архива (Нанкин) для поздних цинских и ранних республиканских документов, а также региональные китайские архивы по приграничным делам. Японские востоковеды работают с китайскими и маньчжурскими текстами, что позволяет им напрямую читать имперские эдикты, меморандумы и донесения. Это сказывается на методах исследования, каждый документ анализируется в подлиннике, зачастую публикуется его транслитерация и перевод на японский с подробным комментарием. Такой источниковедческий подход – характерная черта японской школы, особенно Киотоской, где уделяется внимание разночтениям и вариантам в разных языках оригинала.

Для исследования новой и новейшей истории японские ученые обращаются к собственным архивным фондам – Дипломатическому архиву МИД Японии, архиву Национальной библиотеки, военному архиву Института обороны и др. Особенно ценным ресурсом является Центр азиатских исторических архивов Японии (JACAR) – онлайн-база оцифрованных документов МИД, армии и администрации за период Мэйдзи–Сёва (Jin Noda, 2018). Через JACAR японские историки получают доступ к отчетам и донесениям, связанным с Центральной Азией и кочевыми народами. Японские исследователи работают с материалами центральноазиатских архивов. После 1991 г. стали доступными документы из Центрального государственного архива Республики Казахстан. Благодаря стремлению задействовать максимум источников, японские историки достигают целостного обзора.

Важную роль играют крупные библиотеки и фонды, прежде всего Тоё бунко (Oriental Library) в Токио – один из крупнейших центров востоковедения. Тоё бунко не только хранит богатую коллекцию редких книг, рукописей и микрофильмов азиатских архивов, но и издаёт научный журнал «*Memoirs of the Toyo Bunko*». В нём японские учёные публикуют результаты своих изысканий, в том числе по истории Казахстана. В недавних выпусках

журнала публиковались работы о связях Цинского Китая с Казахстаном, о сопоставлении маньчжурских летописей с русскими архивами и многое другое. Источниковедческий подход японских историков характеризуется комбинированием разнородных данных и тщательным сравнительным анализом. Принципиально важно то, что японские востоковеды стремятся к триангуляционной проверке сведений из разных историографических и источниковедческих традиций. Такой многосторонний анализ стал возможен именно благодаря доступу к разноязычным архивам. Японские учёные обычно обладают знаниями нескольких языков (китайского, маньчжурского, казахского, русского, персидского, монгольского и других), что позволяет им работать с источниками комплексно.

Японские историки тщательно проверяют факты по различным архивам, стремясь избавиться от односторонности и «предвзятых образов кочевника», навеянных колониальными историографиями. Они стремятся соскрести налёт предубеждений с источников и восстановить истинный облик кочевых обществ, опираясь на максимально полный массив свидетельств.

Таким образом, японские исследования по истории Казахстана в совокупности представляют собой многосторонний научный вклад. Дипломатические и разведывательные материалы отражали интерес Японии к стратегически важным районам Центральной Азии. Глубокие архивные изыскания Т. Сагути, Д. Ноды, Т. Онума и других анализируют внутреннюю структуру общества Синьцзяна и международные связи казахов. Этнографические и фольклорные работы Х. Сакаи и Д. Мияваки обогащают понимание культурных связей региона. В совокупности японские ученые показали, что в изучении истории Казахстана важны как межимперские отношения (между Китаем, Россией, центральноазиатскими странами), так и собственно казахские социальные процессы (архетипы власти, родоплеменной строй, миграции). Японские исследования дополняют эту картину, подтверждая широкий круг вопросов, интересовавших зарубежных исследователей. Японские исследования Истории Казахстана XVIII – начала XIX вв. последовательно показывают, что казахи не являлись «пассивным объектом» имперской политики. В совокупности публикации формируют целостный взгляд на казахско-цинские, казахско-русские отношения середины XVIII – начала XIX вв., подкрепленный новыми источниками из пекинских архивов и библиотеки Тоё Бунко.

Японская историография существенно обогатила знания о Казахстане и сопредельных территориях. Исследования показывают, что исторические процессы рассматриваются японскими авторами в разных плоскостях: военной, социально-экономической, культурной и международной. Все это свидетельствует о комплексном подходе японских историков в исследованиях межкультурных контактов.

Заключение

Обзор трудов зарубежных, в том числе японских, историков подтверждает интерес к международным отношениям Казахстана с Россией и Китаем, к кочевым институтам и их взаимодействию с окружающим миром. При этом характерна мультидисциплинарность – в исследованиях объединяются политическая история, этнография, религиоведческие аспекты и т.д. Обращение к работам японских историков позволяет дополнить отечественную науку новыми данными из зарубежных архивов и альтернативными интерпретациями событий, показывая историю Казахского ханства в широком евразийском контексте. Таким образом, интеграция японского историографического опыта обогащает современное понимание дипломатических, социально-политических и культурных процессов в истории Казахстана XVIII – начала XX веков, подчеркивая значимость международного сотрудничества в исторических исследованиях.

Список литературы

- Международные отношения, 1989 — *Международные отношения* в Центральной Азии, XVII–XVIII вв.: Документы и материалы / АН СССР, Ин-т востоковедения, Акад. наук МНР, Ин-т востоковедения; сост. Б.П. Гуревич, В.А. Моисеев. Кн. 1. М.: Наука, 1989. 373 с.
- Нагаминэ, 2020 — *Нагаминэ Х.* Сыгнак как «порт Дашт-и Кыпчака» и «город-мавзолей»: период от правления левого крыла Джучидов до основания «Казахского ханства» // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 3. С. 533–551. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.533-551.
- Сулейменов, Моисеев, 1988 — *Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А.* Из истории Казахстана XVIII века (о внешней и внутренней политике Аблая). Алма-Ата: Наука, 1988. 144 с.
- Haneda, 2008 — *Haneda M.* Japan VIII. Safavid Studies in Japan. Encyclopædia Iranica. New York: Encyclopædia Iranica Foundation, 2008. Vol. XIV/5. Pp. 568–569.
- Hino, 1973 — *Hino T.* 日野強. Iri kikō 伊犁紀行 [Ili travel notes]. Tokyo: Fuyō Shobō, 1973. 280 p. (In Jap.).
- Sakai, 2002 — *Sakai H.* Chūōajia no ei-yū jojishi: Katari tsutawaru rekishi [中央アジアの英雄叙事詩: 語り伝わる歴史 / Heroic epics of Central Asia: Oral tradition of history]. Eurasia Booklet, No. 35. Tokyo: Tōhō Shoten, 2002. 63 p. (In Jap.).
- Noda, Onuma, 2010 — *Noda J., Onuma T.* A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty. Special Issue. Tokyo: TIAS, Department of Islamic Area Studies, Center for Evolving Humanities, Graduate School of Humanities and Sociology, The University of Tokyo, 2010. 176 p.
- Noda, 2016 — *Noda J.* The Kazakh Khanates between the Russian and Qing Empires. Leiden; Boston: Brill, 2016. 350 p.
- Noda, 2018 — *Noda J.* Japanese Spies in Inner Asia during the Early Twentieth Century. The Silk Road. Saratoga, Calif.: The Silk Road House, 2018. Vol. 16. Pp. 21–29.
- Miyawaki, 1999 — *Miyawaki J.* The Legitimacy of Khanship among the Oyrat (Kalmyk) Tribes in Relation to the Chinggisid Principle. In: Amitai-Preiss R., Morgan D.O. (eds.) The Mongol Empire and its Legacy. Leiden: Brill, 1999. Pp. 319–331.
- Noda, 2005 — *Noda H.* 野田仁. カザフスタン中央文書館所蔵史料と中央アジア史研究の動向 [Trends in the study of Central Asian history and sources held in the Central State Archive of Kazakhstan]. Ислам世界 (The World of Islam). 2005. Vol. 64. Pp. 67–78. DOI: 10.57470/theworldofislam.64.0_67. (In Jap.).
- Onuma, 2006 — *Onuma T.* Journal of Asian and African Studies. 2006. Vol. 72. Pp. 39–63.
- Onuma, 2010a — *Onuma T.* A Set of Chaghatay and Manchu Documents Drafted by a Kashgar Hakim Beg in 1801: A Basic Study of a “Chaghatay-Turkic Administrative Document”. In: Studies on Xinjiang Historical Sources in 17–20th Centuries. Tokyo: Toyo Bunko, 2010. Pp. 185–217.
- Onuma, 2018 — *Onuma T.* Dispatch of the Nusan Mission: The Negotiations between Qing and Ablay in 1757. Global-Turk. International Turkic Academy, 2018. No. ½. Pp. 55–74.
- Onuma, 2018a — *Onuma T.* The Shift in Qing–Kazakh Relations: The Qing Western Territory in the 1770s. Memoirs of the Toyo Bunko. Tokyo, 2018. Vol. 76. Pp. 47–85.
- Saguchi, 1963 — *Saguchi T.* 佐口透. 18–19 seiki Higashi Torukisutan shakaishi kenkyū [18–19世紀東トルキスタン社会史研究 / Social history of East Turkestan in the 18–19th centuries]. Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan, 1963. 351 p. (In Jap.).
- Saguchi, 1993 — *Saguchi T.* Shinkyō minzoku shi kenkyū [新疆民族史研究 / Study of the ethnic history of Xinjiang]. Trans. by Zhang Ying. Ürümqi: Xinjiang People’s Publishing House, 1993. 407 p. (In Chin.).
- Uyama, 2007 — *Uyama T.* (ed.) Empire, Islam and Politics in Central Eurasia. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2007. 354 p.
- Wada, 1959 — *Wada S.* Studies on the History of Far East (Mongolia) (Tōashi Kenkyū – Mōkohen). The Toyo Bunko Publication Series A, No. 42. Tokyo: The Toyo Bunko, 1959. 938 p.
- Zhuangsheng, 2019 — *Zhuangsheng Cmr.* The Development of Sibe Ethnic Awareness: With Special Consideration of the Sibe People of the Ili River Basin. Written Monuments of the Orient, 2019. No. 5. Pp. 50–76. DOI: 10.17816/wmo25867-.

References

- Haneda, 2008 — *Haneda M.* Japan VIII. Safavid Studies in Japan. Encyclopædia Iranica. New York: Encyclopædia Iranica Foundation, 2008. Vol. XIV/5. Pp. 568–569.
- Hino, 1973 — *Hino T.* 日野強. Iri kikō 伊犁紀行 [Ili travel notes]. Tokyo: Fuyō Shobō, 1973. 280 p. (In Jap.).
- Mezhdunarodnye otnosheniia, 1989 — *Mezhdunarodnye otnosheniia v Tsentral'noi Azii, XVII–XVIII vv.:* Dokumenty i materialy [International relations in Central Asia, 17th–18th centuries: Documents and materials] / AN SSSR, In-t vostokovedeniia, Akad. nauk MNR, In-t vostokovedeniia; comp. B.P. Gurevich, V.A. Moiseev. Book 1. Moscow: Nauka, 1989. 373 p. (In Russ.).
- Miyawaki, 1999 — *Miyawaki J.* The Legitimacy of Khanship among the Oyrat (Kalmyk) Tribes in Relation to the Chinggisid Principle. In: Amitai-Preiss R., Morgan D.O. (eds.) The Mongol Empire and its Legacy. Leiden: Brill, 1999. Pp. 319–331.

Nagamine, 2020 — *Nagamine H.* Sygnak kak “port Dasht-i Kypchaka” i “gorod-mavzolei”: period ot pravleniia levogo kryla Dzhuchidov do osnovaniia “Kazakhskogo khanstva” [Sygnak as the “port of Dasht-i Qipchaq” and “mausoleum city”: from the rule of the left wing of the Jochids to the foundation of the Kazakh Khanate] // *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. 2020. Vol. 8, No. 3. Pp. 533–551. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.533-551. (In Russ.).

Noda, 2005 — *Noda H.* 野田仁. カザフスタン中央文書館所蔵史料と中央アジア史研究の動向 [Trends in the study of Central Asian history and sources held in the Central State Archive of Kazakhstan]. *イスラム世界* (The World of Islam). 2005. Vol. 64. Pp. 67–78. DOI: 10.57470/theworldofislam.64.0_67. (In Jap.).

Noda, 2016 — *Noda H.* The Kazakh Khanates between the Russian and Qing Empires. Leiden; Boston: Brill, 2016. 350 p.

Noda, 2018 — *Noda H.* Japanese Spies in Inner Asia during the Early Twentieth Century. The Silk Road. Saratoga, Calif.: The Silk Road House, 2018. Vol. 16. Pp. 21–29.

Noda, Onuma, 2010 — *Noda J., Onuma T.* A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty. Special Issue. Tokyo: TIAS, Department of Islamic Area Studies, Center for Evolving Humanities, Graduate School of Humanities and Sociology, The University of Tokyo, 2010. 176 p.

Onuma, 2006 — *Onuma T.* Journal of Asian and African Studies. 2006. Vol. 72. Pp. 39–63.

Onuma, 2010a — *Onuma T.* A Set of Chaghatay and Manchu Documents Drafted by a Kashgar Hakim Beg in 1801: A Basic Study of a “Chaghatay-Turkic Administrative Document.” In: *Studies on Xinjiang Historical Sources in 17–20th Centuries*. Tokyo: Toyo Bunko, 2010. Pp. 185–217.

Onuma, 2018 — *Onuma T.* Dispatch of the Nusan Mission: The Negotiations between Qing and Ablay in 1757. *Global-Turk. International Turkic Academy*, 2018. No. 1/2. Pp. 55–74.

Onuma, 2018a — *Onuma T.* The Shift in Qing–Kazakh Relations: The Qing Western Territory in the 1770s. *Memoirs of the Toyo Bunko*. Vol. 76. Tokyo, 2018. Pp. 47–85.

Saguchi, 1963 — *Saguchi T.* 佐口透. 18–19 seiki Higashi Torukisutan shakaishi kenkyū [18–19世紀東トルキスタン社会史研究 / Social history of East Turkestan in the 18–19th centuries]. Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan, 1963. 351 p. (In Jap.).

Saguchi, 1993 — *Saguchi T.* Shinkyō minzoku shi kenkyū [新疆民族史研究 / Study of the ethnic history of Xinjiang]. Trans. by Zhang Ying. Ürümqi: Xinjiang People’s Publishing House, 1993. 407 p. (In Chin.).

Sakai, 2002 — *Sakai H.* Chūōajia no ei-yū jōjishi: Katari tsutawaru rekishi [中央アジアの英雄叙事詩: 語り伝わる歴史 / Heroic epics of Central Asia: Oral tradition of history]. *Eurasia Booklet*, No. 35. Tokyo: Tōhō Shoten, 2002. 63 p. (In Jap.).

Suleimenov, Moiseev, 1988 — *Suleimenov R.B., Moiseev V.A.* Iz istorii Kazakhstana XVIII veka (o vneshnei i vnutrennei politike Ablai) [From the history of Kazakhstan in the 18th century (on the foreign and domestic policy of Ablai)] Almaty: Nauka, 1988. 144 p. (In Russ.).

Uyama, 2007 — *Uyama T.* (ed.) Empire, Islam and Politics in Central Eurasia. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2007. 354 p.

Wada, 1959 — *Wada S.* Studies on the History of Far East (Mongolia) (Tōashi Kenkyū – Mōkohen). The Toyo Bunko Publication Series A, No. 42. Tokyo: The Toyo Bunko, 1959. 938 p.

Zhuangsheng, 2019 — *Zhuangsheng Cmr.* The Development of Sibe Ethnic Awareness: With Special Consideration of the Sibe People of the Ili River Basin. *Written Monuments of the Orient*, 2019. No. 5. Pp. 50–76. DOI: 10.17816/wmo25867-.

ТАРИХ / ИСТОРИЯ / HISTORY

Published in the Republic of Kazakhstan
Asian Journal “Steppe Panorama”
Has been issued as a journal since 2014
ISSN 2710-3994.
Vol. 12. Is. 4, pp. 1039-1055, 2025
Journal homepage: <https://ajspiie.com>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2710-3994_2025_12_4_1039-1055

VISUAL HISTORICAL SOURCES IN FOCUS OF RESEARCH: FROM TRADITIONAL ILLUSTRATION TO VR/AR REPRESENTATION

Dalayeva Tenlik¹, Idrissova Aidana^{2*}

¹Abai Kazakh Pedagogical University
(13, Dostyk Ave., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences, Professor-Researcher
 <https://orcid.org/0000-0002-8901-063X>. E-mail: t.dalayeva@abaiuniversity.edu.kz

²Abai Kazakh Pedagogical University
(13, Dostyk Ave., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
PhD student
 <https://orcid.org/0009-0008-9006-1793>. E-mail: a.idrissova@abaiuniversity.edu.kz

*Corresponding author

© Ch.Ch. Valichanov, 2025
© Dalayeva T.T., Idrissova A.M., 2025

Abstract. *Introduction.* The “visual turn” in historical science actualizes the issue of the typology of visual sources, and the rapid development of technology only contributes to the creation of new ways of reconstructing and representing the past, which change the perception of historical events in both scientific and educational environments. *Goals and objectives.* The purpose of this article is to review and characterize studies of modern history visual sources with an emphasis on their typology, methods of interpretation, and their transformation from traditional forms to digital and immersive representations. *Results.* In 20th century historiography, visual sources on the history of Kazakhstan primarily continued to serve an illustrative function, especially in topics related to culture, social transformation, modernization, and everyday life. They also became an important element of educational practice, were widely used in textbooks and manuals, gaining importance as didactic material. The analysis showed that visual historical sources have gone through a long process of transformation – from traditional forms of fixation of the past (photographs, paintings, newsreels) to interactive and immersive representations generated by digital technologies. These changes expand the research and educational potential of the visual material, opening up new ways of reconstructing and interpreting historical events. *Conclusions.* Traditionally, images depicting the modern history of Kazakhstan were used primarily to affirm the reality of historical phenomena and events. In recent years, however, an interdisciplinary approach has emerged, viewing visual sources as an independent historical narrative with their own structure, semiotics and methodology of analysis. The advent of immersive technologies (VR/AR) has begun to reshape researchers’ attitudes toward visual sources. At the same time, the development of artificial intelligence and neural networks, the research and educational potential of visual material, offering new ways to reconstruct and interpret historical events.

Keywords: Visual sources, history of Kazakhstan, historiography, digital humanities, immersive technologies in historical research

Acknowledgements. This research has been funded by the Abai Kazakh National Pedagogical University (Contract №05-04/250 dated 03.04.2025, “Possibilities and prospects of VR/AR technology in transforming historical education in the 21st century”).

For citation: Dalayeva T.T., Idrissova A.M. Visual historical sources in focus of research: from traditional illustration to VR/AR representation // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Vol. 12. No. 4. Pp. 1039–1055. (In Russ.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1039-1055

ВИЗУАЛДЫ ТАРИХИ ДЕРЕККӨЗДЕР ЗЕРТТЕУ БАҒДАРЫНДА: ДӘСТҮРЛІ ИЛЛЮСТРАЦИЯДАН VR/AR РЕПРЕЗЕНТАЦИЯЛАУҒА ДЕЙІН

Далаева Тенлик Токтарбекқызы¹, Идрисова Айдана Мухамеджанқызы^{2*}

¹Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
(13-үй, Достық даңғ., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
Т.ғ.к., профессор-зерттеуші

 <https://orcid.org/0000-0002-8901-063X>. E-mail: t.dalayeva@abaiuniversity.edu.kz

²Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
(13-үй, Достық даңғ., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
PhD докторант

 <https://orcid.org/0009-0008-9006-1793>. E-mail: a.idrissova@abaiuniversity.edu.kz

*Автор-корреспондент

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2025

© Далаева Т.Т., Идрисова А.М., 2025

Аңдатпа. *Kipicne.* «Визуалды өзгеріс» тарих ғылымда визуалды дереккөздердің типологиясына қатысты мәселелерді жаңартады, ал технологиялардың жылдам дамуы өткенді қайта құру мен репрезентациялаудың жаңа тәсілдерін жасауды одан әрі қолдайды, бұл тарихи оқиғаларды ғылыми және білім беру саласында қабылдауды өзгертеді. *Зерттеу мақсаты мен міндеттері.* Осы мақаланың мақсаты – жаңа заман визуалды тарихи дереккөздерді зерттеулердің шолуы мен сипаттамасы, олардың типологиясына, интерпретация әдістеріне және дәстүрлі формалардан цифрлық және иммерсивті репрезентацияларға трансформациясына назар аудару. *Нәтижелер.* XX ғасырдағы тарихнамада Қазақстан тарихы бойынша визуалды дереккөздер негізінен иллюстративтік функцияны атқаруды жалғастырды – әсіресе мәдениет, әлеуметтік трансформация, модернизация және тұрмыс тақырыптарымен байланысты. Олар оқу практикасында да маңызды элементке айналды, оқулықтар мен оқу құралдарында кеңінен қолданылып, дидактикалық материал ретінде мәнге ие болды. Жүргізілген талдау көрсеткендей, визуалды тарихи дереккөздер ұзақ трансформация жолын өтті – өткенді фиксациялаудың дәстүрлі формаларынан (фотосуреттер, суреттер, кинохроника) цифрлық технологиялармен туындайтын интерактивті және иммерсивті репрезентацияларға дейін. Бұл өзгерістер көрнекі материалдың зерттеу және білім беру әлеуетін кеңейтеді, тарихи оқиғаларды қайта құру мен интерпретациялаудың жаңа тәсілдерін ашады. *Қорытынды.* Дәстүрлі түрде Қазақстан тарихы бойынша жаңа заман бейнелері тарихи құбылыстар мен оқиғалардың шындығын растау үшін пайдаланылғаны анық. Қазіргі уақытта пәнаралық тәсілдің дамуына қарай, өзіне тән визуалды дереккөз құрылымы, семиотикасы және талдау әдістемесі бар тәуелсіз тарихи нарратив ретінде қарастырылады. Иммерсивті технологиялардың (VR/AR) пайда болуы бүгінде зерттеушілердің визуалды көздерге деген көзқарасын өзгертеді. Жасанды интеллект пен нейрондық желілердің дамуымен визуалды материалдың зерттеу және білім беру әлеуеті кеңейіп, тарихи оқиғаларды қайта құру мен түсіндірудің жаңа тәсілдерін ашады.

Түйін сөздер: Визуалды дереккөздер, Қазақстан тарихы, тарихнама, цифрлық гуманитаристика, тарихи зерттеулердегі иммерсивті технологиялар

Алғыс. Зерттеуді Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті қаржыландырды/қаржыландырып отыр (03.04.2025 ж. №05-04/250 шарт, «XXI ғасырдағы тарихи білім беру трансформациялаудағы VR/AR технологиясының мүмкіндіктері мен перспективалары»).

Дәйексөз үшін: Далаева Т.Т., Идрисова А.М. Визуалды тарихи дереккөздер зерттеу бағдарында: дәстүрлі иллюстрациядан VR/AR репрезентациялауға дейін // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. 1039–1055 бб. (Орысш.).

DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1039-1055

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ В ФОКУСЕ ИССЛЕДОВАНИЙ: ОТ ТРАДИЦИОННОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ К VR/AR РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Далаева Тенлик Токтарбековна¹, Идрисова Айдана Мухамеджанкызы^{2*}

¹Казахский национальный педагогический университет имени Абая
(д. 13, просп. Достык, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

К.и.н., профессор-исследователь

 <https://orcid.org/0000-0002-8901-063X>. E-mail: t.dalayeva@abaiuniversity.edu.kz

²Казахский национальный педагогический университет имени Абая
(д. 13, просп. Достык, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

PhD докторант

 <https://orcid.org/0009-0008-9006-1793>. E-mail: a.idrissova@abaiuniversity.edu.kz

*Автор-корреспондент

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2025

© Далаева Т.Т., Идрисова А.М., 2025

Аннотация. *Введение.* «Визуальный поворот» в исторической науке актуализирует вопрос о типологии визуальных источников, а стремительное развитие технологий только и способствует созданию новых способов реконструкции и репрезентации прошлого, которые меняют восприятие исторических событий как в научной, так и в образовательной среде. *Цель и задачи.* Работа является обзором и характеристикой исследований визуальных исторических источников нового времени с акцентом на их типологию, методы интерпретации и на их трансформацию от традиционных форм к цифровым и иммерсивным репрезентациям. *Результаты.* В историографии XX века визуальные источники по истории Казахстана нового времени продолжали выполнять преимущественно иллюстративную функцию – особенно в темах, связанных с культурой, социальной трансформацией, модернизацией и бытом. Они также стали важным элементом учебной практики, широко использовались в учебниках и пособиях, приобретая значимость как дидактический материал. Проведённый анализ показал, что визуальные исторические источники прошли длительный путь трансформации – от традиционных форм фиксации прошлого (фотографий, картин, кинохроники) к интерактивным и иммерсивным репрезентациям, порождаемыми цифровыми технологиями. В республике уже предложены варианты иммерсивных игр на материалах истории Казахстана, но нет научно-теоретического осмысления их разработки и применения на практике. *Выводы.* Очевидно, что традиционно изображения по истории Казахстана нового времени использовались для подтверждения реальности исторических явлений и событий. В настоящее время получил развитие междисциплинарный подход, при котором визуальный источник рассматривается как самостоятельный исторический нарратив, обладающий собственной структурой, семиотикой и методологией анализа. Появление

иммерсивных технологий (VR/AR) сегодня меняют отношение исследователей к визуальным источникам. С развитием искусственного интеллекта и нейросетей расширяется исследовательский и образовательный потенциал визуального материала, открывая новые способы реконструкции и интерпретации исторических событий.

Ключевые слова: Визуальные источники, новая история Казахстана, историография, цифровая гуманитаристика, иммерсивные технологии в исторических исследованиях

Благодарность. Исследование финансируется Казахским национальным педагогическим университетом имени Абая (приказ №05-04/250 от 03.04.2025 г.) «Возможности и перспективы применения VR/AR технологий в трансформации исторического образования в XXI веке».

Для цитирования: Далаева Т.Т., Идрисова А.М. Визуальные исторические источники в фокусе исследований: от традиционной иллюстрации к VR/AR репрезентации // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. С. 1039–1055. (На Русс.).

DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1039-1055

Введение

«Визуальный поворот» в исторической науке актуализирует вопрос о типологии визуальных источников, а стремительное развитие технологий только и способствует созданию новых способов реконструкции и репрезентации прошлого, которые меняют восприятие исторических событий как в научной, так и в образовательной среде. Благодаря технологической революции, визуальные источники становятся не только объектом исследования и интерпретации, но и активным инструментом в педагогическом процессе, так как становятся доступными цифровые методы визуализации учебного материала и анализа больших баз данных.

Целью данной статьи является обзор и характеристика исследований визуальных исторических источников нового времени с акцентом на их типологию, методы интерпретации и на их трансформацию от традиционных форм к цифровым и иммерсивным репрезентациям. Отдельное внимание уделено выявлению взглядов исследователей на возможности и ограничения иммерсивных технологий в передаче исторического знания.

Объектом в данной статье является совокупность историко-научных исследований, концепций, подходов и дискуссий, связанных с изучением и использованием визуальных источников в исторических исследованиях. Предметом историографического анализа по теме выступают конкретные аспекты, свойства и закономерности развития историографического знания об эволюции визуальных исторических источников.

В XXI веке история перестала быть только академической дисциплиной, она стала частью массовой культуры, что делает ее более доступной, но и более уязвимой к интерпретациям и мифологизации. Визуальные исторические источники в традиционном формате получили активное применение в реконструкции прошлого, в фиксации событий и образов акторов (как известных персоналий, так и в отражении собирательного портрета определенных этнических/социальных групп) исторического процесса. Междисциплинарный характер исследований на основе комплексного использования различных видов источников, в том числе и визуальных, отражается в расширении проблематики новых направлений в исторической науке. Особенность визуальных источников в отличие от текстовых состоит в сохранении и передаче невербальной коммуникации прошлого с настоящим, эмоциональном воздействии на индивидуальное/ массовое восприятие. Современный цифровой формат репрезентации визуальных источников создает возможность для многослойной интерпретации разнообразных сюжетов истории.

Технологии виртуальной (VR) и дополненной реальности (AR) изначально зарекомендовали себя в индустрии развлечений, однако в последние годы они всё активнее внедряются в сферу образования. Их потенциал заключается в способности формировать иммерсивные образовательные среды, повышающие мотивацию и вовлечённость учащихся, а также предоставляющие новые формы визуального взаимодействия с учебным материалом

(Stuchlikova, et al., 2017: 1–6; Su, et al., 2021: 53–67). Особенно перспективным представляется использование VR/AR в преподавании истории, где визуализация и переживание прошлого играют ключевую роль.

Материалы и методы

Основными материалами для исследования послужили зарубежные публикации базы данных Scopus и отечественные публикации в журналах КОКШВО МНВО РК за последние 20 лет, дополнительной базой данных послужил Google Scholar, учебные издания, сборники международных конференций и научные монографии исследователей по теме статьи. Выбор базы данных Scopus обусловлен междисциплинарным характером публикаций, что соответствует тематике данной статьи. Для поиска литературы были использованы следующие ключевые слова: визуальные исторические источники, изобразительные источники, документальные фотографии, кинохроника, иммерсивные технологии, виртуальный класс, AR/VR технологии, историческое образование. Тематика выявленных публикаций охватывает следующие направления исследований: 1) монографии, статьи, посвященные анализу визуальных источников; 2) дискуссии о статусе визуальных источников в историческом познании; 3) эволюция представлений историков о роли и значении изображений (от просто иллюстраций до самостоятельных нарративов); 4) исследовательские практики по работе с различными типами визуальных данных (иконография, семиотика, визуальная антропология); 5) развитие применения технологий в работе с визуальными источниками (от фотографии и кино до цифровой обработки и иммерсивных технологий); 6) публикации, использующие VR/AR в образовательной среде.

Основными методами выступили тематический анализ исследований и сравнительно-исторический метод. Тематический анализ послужил для выявления наиболее часто используемых тем в публикациях. Сравнительно-исторический метод использован для сравнения традиционных форм визуальных источников по истории Казахстана нового времени с их современными цифровыми репрезентациями, а также для анализа трансформации потребления визуального контента: от пассивного восприятия до активного участия в исследовании исторических событий. Основными этапами работы в данной статье стали следующие: 1) сбор и проверка литературы в соответствии с критериями отбора публикаций; 2) анализ контекста, выявленных материалов и методов исследования; 3) обобщение результатов.

Тематический анализ исследований позволил выявить круг вопросов, определяющих предмет исследования данной статьи. В первую очередь, авторы обратили внимание на формирование и развитие концепций «визуального поворота» в исторической науке и его влияние на источниковедение. Ключевое место занимают исследования, характеризующие динамику изменения методологических подходов к анализу визуальных источников (на примере исследований по новой истории Казахстана), так методы интерпретации сначала были основаны на формальном описании изображений, на полной атрибуции визуального источника (кем, когда, где и на какую тему создан визуальный источник), затем наблюдаются переход к контекстуальному анализу (контекст исторической эпохи, конкретного кейса), расширение понимания визуальных исторических источников через применение специфических для искусствоведения и культурологии видов анализа, таких, как семиотика, иконография/иконология. Отдельное направление сегодня представлено историографическим осмыслением влияния технологического прогресса (фотография, кинематограф, цифровая эра, VR/AR) на определение, классификацию и способы работы с визуальными источниками. Актуальным вопросом является изучение мнений исследователей о статусе традиционных изображений и новых форм визуальной репрезентации (VR/AR) как исторических источников, так как это связано с необходимостью историографической рефлексии над проблемами аутентичности, интерпретации, реконструкции и верификации в контексте использования VR/AR в исторических исследованиях. К числу малоизученных тем относится вопрос о тенденциях в использовании и осмыслении иммерсивных технологий в современной

историографии в области исторических исследований. К настоящему времени не выявлены научные публикации по разработке VR/AR контента по истории Казахстана, чем определяется актуальность предлагаемого исследования.

В статье авторы предлагают обратить внимание на методологические проблемы, возникающие при работе с VR/AR. В частности, на вопрос об аутентичности и интерпретации VR/AR репрезентации, если они основаны на конкретных верифицированных визуальных источниках, или их отнести к вторичным конструкциям, созданных по определенным сценариям. Еще одним кейсом для изучения является вопрос о критериях отличия фактов от художественной интерпретации или исследовательской реконструкции в иммерсивных средах. Наконец, актуальным, на взгляд авторов, является исследование влияния иммерсивного опыта на эмоциональное и когнитивное восприятие истории и формирование научного представления о прошлом у пользователей (учащихся в учебных заведениях, публики в музеях и др.).

Обсуждение

Современные подходы к визуальному источниковедению получили свое развитие в результате «визуального поворота» в гуманитарных науках со второй половины XX века.

В зарубежной историографии, П. Бурдье и др. (Бурдье, др., 2014: 456), С. Сонтаг (Сонтаг, 2021: 272) рассматривают фотографию в качестве формы репрезентации и объекта критического анализа. П. Бурдье внес значительный вклад в осмысление фотографии как общественно значимого феномена, раскрывая социальную природу визуального восприятия. Исследователь П. Берк (Берк, 2023: 368) поднимает вопрос о роли визуальных образов в формировании исторического сознания. Он в своей монографии «Взгляд историка: как фотографии и изображения создают историю» (2023) отметил следующее: «С самого начала истории фотографии новый медиум рассматривался как помощник историка. К примеру, в лекции, прочитанной в 1888 году. Джордж Фрэнсис призвал к систематическому сбору фотографий как «наилучшему возможному изображению наших земель, зданий и образа жизни». Проблема для историков заключается в том, насколько можно доверять изображениям» (Берк, 2023: 31).

На постсоветском пространстве, исследователь Л.Н. Мазур (Мазур, 2015: 160–178) акцентирует внимание на использование визуального нарратива, как самостоятельного источника в исторических исследованиях. Л.В. Белгородская (Белгородская, 2019: 165) освещает вопрос о сложности интерпретации изображений как носителей скрытых смыслов. Изучение визуальных источников в источниковедении оформилось в отдельное направление, первоначально сосредоточенное на анализе фотографий, картин и кинодокументов. Теоретико-методологические аспекты работы с аудиовизуальными и фото источниками отражены в работах В.М. Магидова (Магидов, 2005: 394) и Г.А. Сексенбаевой (Сексенбаева, 2020: 224). Юмашева Ю.Ю. (Юмашева, 2018: 84–110) отмечает важность коллекций аудиовизуальных архивов в сети интернет и дает условную классификацию материалов по категориям.

Исследования, посвящённые визуальным источникам Казахстана и Центральной Азии представлены широким спектром материалов – от восточных миниатюр и геральдики до кинодокументов и фотоматериалов. В монографии М.Х. Абусеитовой и Л.Н. Додхудоевой (Абусеитова, Додхудоева, 2010: 264) показана роль кочевников в политической истории на материалах миниатюр среднеазиатских правителей, а труды А.Ш. Бимендиева (Бимендиев 2015:18-4; Бимендиев, 2017: 52–63) анализируют символы власти кочевой элиты через визуальные и этнографические источники. О визуальном символе власти, а именно казахской тамге, как носителе исторической информации пишет Н. Базылхан (Базылхан, 2013: 47-58).

Этнографическая составляющая визуальных источников раскрывается в статье А.К. Шашаева и В.С. Зикирбаевой (Шашаев, Зикирбаева, 2019: 47–58), где рассматривается значение фотографий в фиксации и репрезентации культурных практик. Т.Е. Картаева (Картаева, 2017), Н.С. Алгожаева, А.К. Шашаев и В.С. Зикирбаева (Алгожаева, т.д., 2020:

51–61) обращаются к вопросам музейной визуализации и роли фотодокументов в историко-культурной реконструкции. В целом, данный корпус работ показывает многообразие типов визуальных источников и обосновывает необходимость их критического анализа в исследованиях по истории Казахстана нового времени.

Работы, посвящённые визуальной репрезентации Центральной Азии и Казахстана в колониальный и постколониальный периоды, демонстрируют, как визуальные источники функционировали в качестве инструментов власти, идентичности и культурной трансляции. В работах В.З. Галиева (Галиев, 2005: 160) и Е. Андреевой (Andreeva, 2021: 374) анализируются визуальные и текстуальные способы репрезентации сюжетов по истории Казахстана и Центральной Азии в период Российской империи. Особое внимание уделяется музейным и архивным коллекциям: В.А. Прищепова (Прищепова, 2011: 452) исследует иллюстративные и фотографические собрания Кунсткамеры, а отчёты С.М. Дудина с предисловием Т. Емельяненко (Емельяненко, 2021: 559) служат источником первичных визуальных наблюдений. Исследования С. Абашина (Абашин, 2012), С. Горшениной (Gorshenina, et al., 2022), обращаются к визуальному образу региона в рамках имперской оптики, подчеркивая политическую и символическую роль фотографии в колониальном дискурсе. В контексте казахского общества визуальные источники анализируются с позиций социальной истории в трудах Г.С. Султангалиевой (Султангалиева, 2022: 104–114), Т.Т. Далаевой (Далаева, Султангалиева, 2022: 240). В публикациях Д.Б. Асымовой (Далаева, Асымова, 2023: 178–196), (Асымова, 2022: 19–27) обращено внимание на новое осмысление репрезентации кочевой культуры, семьи и социальной трансформации. В статье Г.К. Мукановой, Д.Б. Касымовой рассмотрен вопрос культурной адаптации мусульманского социума Степного края и Туркестана к «возможности изображений одушевленной натуры» (Муканова, Касымова, 2023: 320–329). В статье Г.Ж. Султангазы, Ж.Е. Нурбаева, С.Б. Кишибаевой (Султангазы, т.д., 2023: 554–566) на основе фотодокументов рассмотрено влияние капиталистической модернизации на развитие городского пространства Костаная. Таким образом, корпус этих источников показывает, как визуальные материалы становятся полем пересечения власти, памяти и культуры в историческом исследовании.

С развитием цифровых технологий значительно расширился арсенал инструментов визуального анализа исторических материалов. В их числе можно выделить методы компьютерного зрения (OpenCV, Google Vision API), применяемые для распознавания визуальных паттернов и объектов, технологии 3D-моделирования (Blender, SketchUp), используемые для реконструкции исторических сцен и объектов, а AR/VR-платформы (Unity, Vuforia), создающие возможности для пространственного анализа визуальных источников. Дополнительно применяются цифровые методы реставрации и повышения качества изображений, способствующие восстановлению и интерпретации визуальных свидетельств прошлого. Ю.Ю. Юмашева, Д.Ю. Гук (Юмашева, Гук, 2022: 114–155) пишут, что «одним из знаковых явлений (тенденций) в части создания высококачественных изображений стала разработка и появление на рубеже 2010-х гг. технологии гигапиксельной панорамной фотосъемки, пионерами применения которой в музеях являются Google/NASA/CMU (Carnegie Mellon University)». По мнению Ю.Ю. Юмашевой (Юмашева, 2025: 95–121): «AI пока дает возможность интенсифицировать применение многих традиционных методов технико-технологического анализа, а разработка оригинальных исследовательских методик изучения произведений искусства с помощью AI – дело будущего».

На сегодняшний день AR/VR-технологии приобрели прикладное значение в работе с визуальными историческими источниками. В интернете уже есть сообщения о разработках виртуальных игр на материалах по истории Казахстана. В 2023 году Олжас Серикулы презентовал виртуальную игру, в которой было предложено совершить «путешествие по истории Казахстана» и проходить логические задачи (Каримов, 2023). Разработчик надеялся на поддержку государства и граждан. Пока о дальнейшей судьбе этой игры нет информации. Второй кейс был создан компанией «CrocOS» в честь проведения Всемирных игр кочевников

в Казахстане (г. Астана) в 2024 г. Компания «Crococ» разработала уникальный VR проект «Этно-деревня: Погружение в средневековый Казахстан» («Crococ», 2024), суть которого состоит в возможности игроков в виртуальном участии в традиционных играх казахов в атмосфере средневекового времени. Таким образом, можно говорить о перспективах развития виртуального контента на материалах истории Казахстана, но в то же время теоретическое осмысление практик создания VR/AR продуктов на основе визуальных исторических источников Казахстана, а также анализ и выявление новых смысловых уровней данной темы остаются сегодня практически не разработанными и требуют дальнейшего исследования.

Виртуальная реальность (VR) и дополненная реальность (AR) – это два разных типа технологий, которые вышли на передний план индустрии развлечений. Однако эти технологии также применяются в образовании, чтобы помочь учащимся увидеть вещи с новой точки зрения или освоить новый навык. По определению, виртуальная реальность (VR) – это компьютерная симуляция реальной среды, которую можно исследовать и с которой можно взаимодействовать с помощью дисплеев, закрепленных на голове, или других устройств (Stuchlikova, et al., 2017: 1–6). Эта иммерсивная среда может быть как интерактивной, так и неинтерактивной. Дисплеи, закрепленные на голове, и другие устройства, обеспечивающие виртуальную реальность, позволяют людям воспринимать смоделированный мир, а не физический мир (Su, et al., 2021: 53–67; Zhang, Wang, 2022). В качестве альтернативы дополненная реальность (AR) – это наложение цифровой информации на реальное видение мира пользователем через специальные очки, линзы или контактные линзы, или через приложение, которое проецирует виртуальные изображения поверх прямой трансляции с камеры мобильного устройства. Это делается для того, чтобы дополнить то, что может показаться экспериментальным в реальном мире (Shanu, et al., 2022: 87–109). Хотя эти технологии выводят обучение на новые высоты, они не безграничны и могут быть сложны для внедрения учителями (Carone, Lerone, 2020: 185–204).

Появление VR/AR в образовании может изменить каждый аспект преподавания и обучения, предоставляя иммерсивный опыт (Gandolfi, et al., 2018: 545–561). Однако важно, чтобы учителя систематически оценивали потенциал технологии и ее внедрение в своих классах, прежде чем внедрять ее со своими учениками (Faqih, Jaradat, 2021). В последние годы наблюдается существенный рост исследований в области использования дополненной реальности (AR) и виртуальной реальности (VR) в образовании, при этом исследования изучают потенциал этих технологий для улучшения опыта обучения. Однако все еще существуют определенные пробелы в исследованиях, которые необходимо заполнить (Verner, et al., 2022). Например, отсутствие фактических исследований, сравнивающих образовательное воздействие AR и VR, является одним из пробелов. Хотя исследования рассматривали потенциальные преимущества каждой технологии по отдельности, существует необходимость в дополнительных исследованиях, которые изучают их относительную полезность в образовательной среде (Solmaz, et al., 2021: 81–93).

В современной литературе, посвящённой использованию VR в образовании, подчеркиваются как её достоинства, так и недостатки. Мотивационные и взаимодействующие аспекты интеграции VR в преподавание истории хорошо изучены. Например, исследование Makransky и Mayer (Makransky, Mayer, 2022) демонстрирует принцип погружения, показывая, как виртуальная реальность повышает вовлечённость и понимание благодаря размещению учащихся в географических контекстах. По результатам эксперимента, где двум группам учащихся было предложен один образовательный контент, но в разных форматах: HMD 360-видео и 2D видео, авторы приходят к выводу, что «виртуальная поездка в поле показывает, что даже кратковременные виртуальные поездки в поле могут повлиять на долгосрочные результаты, поскольку вызывают больший интерес к теме» (Makransky, Mayer, 2022). Это эффективнее, чем передача сложной информации и перспектив, которые многим учащимся трудно интерпретировать или контекстуализировать.

Аналогичным образом, авторы A. Papadopoulou и др. (Papadopoulou, et al., 2024) сообщают, что платформы социальной виртуальной реальности могут использовать

иммерсивное повествование и интерактивность для поддержки активного, ориентированного на учащихся обучения, тем самым усиливая когнитивную и эмоциональную связь с важными историческими событиями. Их выводы согласуются с D. Richards и др. (Richards, et al., 2023: 1–24), которые предполагают, что виртуальная реальность способствует развитию исторического сопереживания, позволяя учащимся примерить на себя роли исторических личностей. Это создаёт эмоционально насыщенный опыт, который другие методы преподавания не могут воспроизвести. Как они отмечают: «Ценность VR может заключаться в его способности вызывать эмпатию, позволяя студентам учиться своим умом – через свои сердца» (Richards, et al., 2023: 18). Сходные выводы делают Sweeney и др. (Sweeney, et al., 2017: 114–118), демонстрируя, как виртуальная реальность позволяет студентам исследовать реконструированные исторические пространства и наблюдать их развитие, способствуя критическому мышлению и историческому сопереживанию.

Petersen и др. (Petersen, et al., 2020) критикуют чрезмерную зависимость от «новизны» VR как инструмента вовлечения, предупреждая, что без акцента на исследовательский подход и вдумчивую интеграцию в учебные программы VR рискует остаться поверхностным учебным пособием, а не трансформационным средством обучения на уроках истории.

Отсюда вытекает необходимость сочетать сильные стороны виртуальной реальности – такие как погружение – с педагогическими стратегиями, способствующими развитию критического мышления и устойчивого интереса, а не просто развлечения или статичных нарративов (Remolar, et al., 2021). Несколько исследователей подчёркивают важность продуманного образовательного дизайна для оптимизации влияния VR на историческое образование (Egea-Vivancos, Arias-Ferrer, 2021: 383–402; Petersen, et al., 2020; Remolar, et al., 2021).

Хотя VR предлагает широкие возможности для практико-ориентированного обучения истории, ограниченность ресурсов и проблемы устойчивости часто препятствуют его полноценному внедрению в учебный процесс. Fransson и соавт. (Fransson, et al., 2020) подчёркивают чрезмерно высокую стоимость оборудования, включая гарнитуры (HMDs), специализированное программное обеспечение и недостаточный уровень подготовки преподавателей как ключевые препятствия для масштабного применения. Помимо начальных инвестиций, школы сталкиваются с постоянными расходами на обновление устаревающего оборудования, ПО и приобретение новых программ. Эти расходы могут оказаться неподъёмными для образовательных учреждений с ограниченным финансированием.

Иммерсивные образовательные опыты, такие как виртуальные полевые экскурсии или симуляции исторических событий, могут быть созданы с помощью технологии VR (Hagge, 2021: 342–360). Это может помочь обучению студентов стать более увлекательным и интерактивным (Chan, et al., 2022). Например, виртуальная реальность тура по историческому месту может предоставить студентам более яркое и реалистичное понимание того, каково это было там находиться, чем традиционный учебник или лекция. Напротив, технология AR может использоваться для улучшения понимания студентами объектов и концепций реального мира.

В казахстанских исследованиях акцент сделан преимущественно на обобщение существующего зарубежного опыта и обзор существующих цифровых инструментов, тогда как практика применения AR/VR-технологий на материалах, связанным с историей Казахстана, остаётся недостаточно изученной и требует дальнейшего осмысления. Отечественные публикации представляют собой аналитические обзоры литературы и доступных инструментов для преподавания в целом. А.И. Кыдырбекова и А.К. Садвакасова (Кыдырбекова, Садвакасова, 2023) провели общий анализ научной литературы по использованию иммерсивных технологий в обучении. М.М. Оразымбет и А.Р. Турганбаева (Оразымбет, Turganbaeva, 2023: 15–22), а также Т.М. Сембаев и Ж.К. Нурбекова (Сембаев, Нурбекова, 2020: 81–89), Н.К. Удербоева и др. (Удербоева и др., 2023: 217–228) в своих статьях классифицировали технологии виртуальной реальности и обозначили их функциональные возможности. С.М. Сарсимбаева и др. (Сарсимбаева и др., 2021: 190–197)

теоретически обозначили факторы внедрения AR/VR технологий в казахстанские школы и произвели анализ результатов научных исследований по тематике. «Методические рекомендации по использованию дополненной и виртуальной реальности в школе» Национальной академии образования им. И. Алтынсарина описывают состояние внедрения технологий виртуальной и дополненной реальности в систему образования на 2023 год и представляют собой общие методические аспекты внедрения технологий виртуальной и дополненной реальности в школу (НАО имени Ы. Алтынсарина, 2023: 89). Таким образом, мы видим, что среди казахстанских исследований нет публикаций посвященных иммерсивным технологиям в исторических исследованиях и образовании.

Результаты

Изучение историографии по теме статьи показывает, что на протяжении длительного времени визуальные материалы рассматривались преимущественно как иллюстративное дополнение к текстовым нарративам в рамках конкретных тематических направлений исторической науки. К числу таких иллюстративных источников относились художественные произведения авторов, живших в соответствующую эпоху и отражавших в своих картинах пространство, образы людей, особенности быта. При этом в визуальных репрезентациях по истории Казахстана нового времени зачастую проявлялся колониальный характер взгляда – акцент на экзотизации, демонстрации культурной и цивилизационной иерархии, утверждении доминирования одной культуры над другой.

Доказательством реалистичности визуальных изображений повседневной жизни казахов в условиях степного пространства нередко служили материальные артефакты, собранные в ходе этнографических экспедиций на территории Казахстана и представленные позднее в музейных коллекциях (Прищепова, 2011: 139–142).

Особую роль в этом контексте сыграли и фотографии с этнографическим содержанием, которые рассматривались как документальные свидетельства и использовались для подтверждения подлинности или типичности тех или иных предметов материальной культуры (Емельяненко, 2021: 559). Эти визуальные источники на момент своего создания в первую очередь выполняли функцию фиксации и иллюстрации, транслируя внешний взгляд власти на колониальные территории.

В советский период и в историографии XX века визуальные источники по истории Казахстана продолжали выполнять преимущественно иллюстративную функцию – особенно в темах, связанных с культурой, социальной трансформацией, модернизацией и бытом. Они также стали важным элементом учебной практики, широко использовались в учебниках и пособиях, приобретая значимость как дидактический материал. Например, М. Габович (Gabowitsch, 2023: 99–128) пишет, что «учебники превратили (официальную версию) опыт каждого региона во время войны в центральную черту своей – тем самым советизированной – идентичности. В то же время они визуализировали принадлежность республики или региона к семье советских наций, демонстрируя ее вклад в совместные военные усилия. Более систематически, чем любой другой период истории, Великая Отечественная война и, в частности, памятники, увековечивающие ее, стали посредниками в идентификации школьников не только со всей социалистической родиной, но и с их собственной республикой или регионом».

Историографический анализ показывает, как развивались методы работы с визуальными источниками, от иконографического и иконологического анализа (Пановский, Варбург) для изучения символики и смыслов в традиционных изображениях, до появления семиотических и нарративных подходов, которые рассматривают визуальный источник как сложную знаковую систему (Далаева и др., 2024). О влиянии культурных исследований и визуальной антропологии, расширивших понимание контекста создания и восприятия изображений по истории Казахстана нового времени рассматривается в исследованиях, осуществленных по научным проектам ИРН: AP08857194 «Визуальная антропология и история образов казахстанской культуры XIX – нач. XXI вв.: эволюция и

обретение субъектности (2020–2022 гг.), ИРН AP14871932 «Аудиовизуальные сюжеты социальной истории и культурной памяти казахстанского общества (конец XIX – нач. XXI вв.)» (2022–2024 гг.).

С переходом от аналоговых носителей к цифровым форматам существенно расширились возможности анализа и интерпретации визуальных исторических источников. Современные технологии позволяют создавать динамические визуальные нарративы, в которых визуальный образ становится не просто дополнением к тексту, а самостоятельным средством реконструкции исторических процессов, событий и контекстов. В данной статье основное внимание уделено изучению сущности визуальных источников по истории Казахстана нового времени. Вопросы изучения визуализации истории Казахстана представляет собой отдельную тему в историографии, поэтому требует отдельного исследования.

Историографический анализ демонстрирует растущее влияние цифровой гуманитаристики (Digital Humanities), которая предоставляет новые инструменты и подходы к работе с визуальными данными. Важно понимать, как междисциплинарный подход (с привлечением компьютерных наук, теории игр, медиаисследований) обогащает методологию анализа визуальных источников, особенно в контексте VR/AR. Основной акцент в работах исследователей сделан на интеграцию VR/AR-технологий в образовательный процесс, в то время, как научный потенциал иммерсивных сред в качестве инструмента репрезентации визуальных источников практически не изучен и представляет собой новое поле для дальнейших исследований.

Таким образом, происходит переосмысление методологических подходов к визуальным материалам и формирование новых исследовательских стратегий в цифровой гуманитаристике.

Заключение

Очевидно, что традиционно историография изучения визуальных источников фокусировалась на анализе изображений как иллюстраций, к которым исследователи обращались для подтверждения реальности исторических явлений и событий. Наличие изображений рассматривалось как прямое доказательство фактического их существования в прошлом. Проведённый анализ показал, что визуальные исторические источники прошли длительный путь трансформации – от традиционных форм фиксации прошлого (картин, фотографий, кинохроники) к интерактивным и иммерсивным репрезентациям на основе цифровых технологий. В результате получил развитие современный междисциплинарный подход, при котором визуальный источник рассматривается как самостоятельный исторический нарратив, обладающий собственной структурой, семиотикой и методологией анализа.

Историографический анализ исследований по истории Казахстана нового времени на основе анализа визуальных источников позволил проследить, как расширялся круг этих источников и сюжеты по истории Казахстана XVIII – нач. XIX вв. В частности отражение природного ландшафта и образа жизни кочевого казахского общества, политические и социальные изменения в результате распространения власти Российской империи на территорию Казахской степи первоначально можно видеть в традиционных рисунках и картинах (графика, живопись) XVIII в., затем с развитием фотографического искусства детальная репрезентация становится доступной в фотографиях исследователей, путешественников и чиновников XIX – нач. XX вв. Созданные в новое время визуальные источники получили новое применение в документальном и художественном кино, послужив развитию публичной истории на материалах XVIII – нач. XX вв., наконец, в XXI в. визуальные источники переформатированы в цифровые репродукции для музейного пространства и в 3D-модели, востребованных в обучающей и игровой среде.

Появление иммерсивных технологий (VR/AR), которые представляют собой не просто изображения, а интерактивные, многомерные среды, созданные на основе исторических данных, сегодня меняют отношение исследователей к визуальным источникам.

Актуализируются анализ новых методов работы с такими «источниками» и их историографическое осмысление.

Эти изменения расширяют исследовательский и образовательный потенциал визуального материала, открывая новые способы реконструкции и интерпретации исторических событий. Вместе с тем, внедрение технологий виртуальной и дополненной реальности, а также развитие искусственного интеллекта и нейросетей, ставит перед исследователями новые методологические и этические вызовы. В частности, возрастает риск ложной интерпретации или фальсификации визуального контента. В этой связи особую значимость приобретают вопросы достоверности, источниковедения, корректной атрибуции визуальных источников, а также законодательного регулирования использования генеративного искусственного интеллекта для создания визуального контента. Ответственное отношение к визуальным источникам требует комплексного подхода, сочетающего технологические возможности с критическим анализом и соблюдением научных стандартов. Актуальным остается вопрос о критериях отбора необходимого визуального материала для репрезентации в иммерсивной среде, с целью создания вторичных конструкций как для научных, так и для учебных экспериментальных работ.

Литература

- Абашин, 2012 — *Абашин С.Н.* Власть и фотография: визуальная репрезентация в имперской рамке // *Неприкосновенный запас*, 2012. № 84(4). // URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/84_nz_4_2012/article/18910/ (дата обращения: 25.05.2025)
- Абусеитова, Додхудоева, 2010 — *Абусеитова М.Х., Додхудоева Л.Н.* История Казахстана в восточных миниатюрах. Алматы: Дайк Пресс, 2010. 264 с.
- Алгожаева, др., 2020 — *Алгожаева Н., Шашаев А., Зикирбаева В.* Мұражай топтамаларындағы фотоматериалдардың деректемелік маңызы // *Asian Journal “Steppe Panorama”*, 2020. № 2(22). Б. 51–61.
- Асымова, 2022 — *Асымова Д.Б.* Қазақстанның XX ғасырдың екінші жартысындағы отбасы фотоларындағы бейнелердің визуалды тарихы // *Отан тарихы*, 2022. № 3(99). Б. 19–27. // DOI: 10.51943/1814-6961_2022_3_19
- Базылхан, 2013 — *Базылхан Н.* Қазақ таңбаларына байланысты тарихи-деректанулық кейбір мәселелер // *Археография және деректану ұлттық орталығының Хабарлары*, 2013. № 3. С. 36–51.
- Белгородская, 2019 — *Белгородская Л.В.* Смыслы и скрытые подтексты визуальных исторических источников. Красноярск: СФУ, 2019. 165 с.
- Берк, 2023 — *Берк П.* Взгляд историка: как фотографии и изображения создают историю / пер. с англ. А. Воскобойниковой. М.: Эксмо, 2023. 368 с.
- Бимендиев, 2015 — *Бимендиев А.Ш.* Знамя как символ власти казахских ханов-чингизидов (по изобразительным и этнографическим источникам) // *Отан тарихы*, 2015. № 3 (71). С. 18–46.
- Бимендиев, 2017 — *Бимендиев А.Ш.* Геральдические символы кочевой элиты: источниковедческий и идеологический аспекты // *Отан тарихы*, 2017. № 3. С. 52–63.
- Бурдые, др., 2014 — *Бурдые П., Болтански Л., Кастель Р., Шамборедон Ж.-К.* Общедоступное искусство: опыт о социальном использовании фотографии / пер. с франц. Б.М. Скуратова; послесловие А.Т. Бикбова. М.: «Прагмис», 2014. 456 с.
- Галиев, 2005 — *Галиев В.З.* Казахстан в творчестве художников XIX века. Алматы: Онер, 2005. 160 с.
- Далаева, др., 2024 — *Далаева Т.Т., Султангалиева Г.С., Маничкин Н.А., Крупко И.В.* Аудиовизуальные сюжеты социальной истории и культурной памяти казахстанского общества (конец XIX – нач. XXI вв.). Коллективная монография. Алматы: Press Co, 2024. 320 с.
- Далаева, Асымова, 2023 — *Далаева Т.Т., Асымова Д.Б.* Образ казахской семьи в визуальных источниках XIX – нач. XXI вв.: репрезентация традиций и влияние современности // *ҚазҰУ Хабаршысы. Тарих сериясы*, 2023. Т. 110. № 3. С. 178–196. // DOI: <https://doi.org/10.26577/JH.2023.v110.i3.17>
- Далаева, Султангалиева, 2022 — *Далаева Т.Т., Султангалиева Г.С.* Визуальная антропология новой социальной истории Казахстана XIX – нач. XX вв. Монография. Алматы: ИД «Жибек Жолы», 2022. 240 с.
- Емельяненко, 2021 — *Емельяненко Т.Г.* Отчет С.М. Дудина о поездках в Среднюю Азию в 1900–1902 гг. / подготовка текста, вступительная статья и примечания. М.: Фонд Марджани, 2021. 559 с.
- Каримов, 2023 — *Каримов Е.* Путешествие по истории Казахстана: создана необычная VR игра, 2023. // URL: <https://ulysmedia.kz/news/19591-puteshestvie-po-istorii-kazakhstana-sozdana-neobychnaya-vr-igra/> (дата обращения: 28.07.2025)
- Кыдырбекова, Садвакасова, 2023 — *Кыдырбекова А., Садвакасова А.* Білім саласында виртуалды шындық технологиясын қолдануға сыни көзқарас // *Научно-педагогический журнал «Білім-Образование» Национальной академии образования имени И. Алтынсарина*, 2023. № 104(1). // URL: <https://bilim-uba.kz/index.php/science/article/view/11> (дата обращения: 25.05.2025)

- Кыдырбекова, Садвакасова, 2023 — *Кыдырбекова А., Садвакасова А.* Білім саласында виртуалды шындық технологиясын қолдануға сыни көзқарас // Научно-педагогический журнал «Білім-Образование» Национальной академии образования имени И. Алтынсарина, 2023. № 104(1). // URL: <https://bilim-uba.kz/index.php/science/article/view/11> (дата обращения: 25.05.2025)
- Қартаева, 2017 — *Қартаева Т.Е.* Тарихи зерттеулердегі фотодеректердің тарихи-мәдени маңыздылығы // «Edu.e-history.kz» электрондық ғылыми журналы, 2017. № 2(10). // URL: <https://edu.e-history.kz/kz/publications/view/666>
- Магидов, 2005 — *Магидов В.М.* Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: РГГУ, 2005. 394 с.
- Мазур, 2015 — *Мазур Л.Н.* Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического знания // Quaestio Rossica, 2015. № 3. С. 160–178.
- Методические рекомендации, 2023 — *Методические рекомендации* по использованию дополненной и виртуальной реальности в школе. Астана: НАО имени И. Алтынсарина, 2023. 89 с.
- Муканова, Касымова, 2023 — *Муканова Г., Касымова Д.* В фокусе эпох: к истории визуальной репрезентации жизни казахов Степного края и Русского Туркестана (рубеж XIX–XX столетий) // *Bylye Gody*, 2023. № 18(1). Рр. 320–329. // DOI: 10.13187/bg.2023.1.320
- Оразымбет, Турганбаева, 2023 — *Оразымбет М., Турганбаева А.* Виртуалды шындық: білім беру саласындағы жаңа технологиялық әзірлемелерді пайдалану // *Advanced Technologies and Computer Science*, 2023. Vol. 1. No. 2. Рр. 15–22. // URL: <https://atcs.iict.kz/index.php/atcs/article/view/115>
- Прищепова, 2011 — *Прищепова В.А.* Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX – начала XX века в собраниях Кунсткамеры. СПб.: Наука, 2011. 452 с., ил.
- Прищепова, 2013 — *Прищепова В.А.* Фотографические коллекции по народам Средней Азии и Казахстана конца XIX – начала XX в. из собрания Музея Антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) // Сборник докладов междунар. конференции «Фотография в музее» 21–23 мая 2013 г. СПб.: Издательство «СПбОО «А-Я», 2013. 176 с. С. 139–142.
- Сарсимбаева, др., 2021 — *Сарсимбаева С., Мукашева М., Корнилов Ю., Омирзакова А.* О внедрении технологий виртуальной и дополненной реальности в школу // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Физико-математические науки, 2021. Т. 73, № 1. С. 190–197. // DOI: 10.51889/2021-1.1728-7901.28
- Сексенбаева, 2020 — *Сексенбаева Г. А.* Аудиовизуальные документы: источниковедческий и архивоведческий аспекты. Алматы: «Қазақ университеті», 2020. 224 с.
- Сембаев, Нурбекова, 2020 — *Сембаев Т.М., Нурбекова Ж.К.* Оқу үрдісінде қолданылатын толықтырылған шынайылық қосымшаларын жасақтау орталарына талдау // Қазақ Ұлттық Қыздар Педагогикалық Университетінің Хабаршысы, 2020. № 3. С. 81–89. ISSN 2306-5079. // URL: <https://vestnik.kazmkpu.kz/jour/article/view/333> (дата обращения: 25.05.2025)
- Сонтаг, 2021 — *Сонтаг С.* О фотографии / пер. Голышев В.П. 8-е изд. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2021. 272 с.
- Султангазы и др., 2023 — *Султангазы Г.Ж., Нурбаев Ж.Е., Кишибаева С.Б.* Из истории урбанистики на рубеже XIX–XX вв.: анализ фотоисточников // Отан тарихы, 2023. Т. 26. № 3. С. 554–566. // DOI: 10.51943/2788-9718_2023_26_3_554-566
- Султангалиева, 2022 — *Султангалиева Г.С.* Отражение социальных изменений казахского кочевого общества в делопроизводственной документации и визуальных источниках XIX в. // Отан тарихы, 2022. № 2(98). С. 104–114. // DOI: https://DOI.10.51943/1814-6961_2022_2_104
- Удербасова, др., 2023 — *Удербасова Н., Карелхан Н., Дауренбеков К., Закирова А.* «Цифрлық сауаттылық» пәнін оқытуда AR және VR технологияларын қолданудың тиімділігі // Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің хабаршысы. Педагогика. Психология. Социология сериясы, 2023. № 145(4). С. 217–228. FTAMP 14.85.25. // URL: <https://bulpedps.enu.kz/index.php/main/article/view/543> (дата обращения: 25.05.2025)
- Шашаев, Зикирбаева, 2019 — *Шашаев А.К., Зикирбаева В.С.* Фотоматериалдардың этнографиялық дереккөз ретіндегі маңызы (Значение фотоматериалов как источника по этнографии) // Отан тарихы, 2019. № 1 (85). С. 47–58.
- Юмашева, 2018 — *Юмашева Ю.Ю.* Аудиовизуальные архивы в сети Интернет. Часть первая: «В начале было слово...» // Историческая информатика, 2018. № 4. С. 84–110. // DOI: 10.7256/2585-7797.2018.4.28149. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28149 (дата обращения: 25.05.2025)
- Юмашева, 2025 — *Юмашева Ю.Ю.* К вопросу о применении искусственного интеллекта в исторических исследованиях // Историческая информатика, 2025. № 1. С. 95–121. // DOI: 10.7256/2585-7797.2025.1.73578. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73578 (дата обращения: 25.05.2025)
- Юмашева, Гук, 2022 — *Юмашева Ю.Ю., Гук Д.Ю.* Информационные технологии в научно-исследовательской деятельности музеев: от электронных каталогов к методам искусственного интеллекта // Историческая информатика, 2022. № 3. С. 114–155. // DOI: 10.7256/2585-7797.2022.3.38813. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38813 (дата обращения: 25.05.2025)
- Andreeva, 2021 — *Andreeva E.* Russian Central Asia in the Works of Nikolai Karazin, 1842–1908. Palgrave Macmillan, 2021. 374 p.

- Capone, Lepore, 2020 — *Capone R., Lepore M.* Augmented reality to increase interaction and participation: A case study of undergraduate students in mathematics class // *Augmented Reality, Virtual Reality, and Computer Graphics: 7th International Conference, AVR 2020, Lecce, Italy, September 7–10, 2020, Proceedings, Part II.* Springer International Publishing, 2020. Pp. 185–204.
- Chan, et al., 2022 — *Chan V.S., Haron H.N.H., Isham M.I.B.M., Mohamed F.B.* VR and AR virtual welding for psychomotor skills: A systematic review // *Multimedia Tools and Applications*, 2022. Vol. 81. No. 9. Pp. 12459–12493. // DOI: <https://doi.org/10.1007/s11042-022-12293-5>
- Crococ, 2024 — *Crococ* Виртуальная игра «Этно-деревня: Погружение в средневековый Казахстан». Crococs, 2024. // URL: <https://crococ.kz/vr-igra-dlya-world-nomad-games> (дата обращения 28.07.2025)
- Egea-Vivancos, Arias-Ferrer L, 2021 — *Egea-Vivancos A., Arias-Ferrer L.* Principles for the design of a history and heritage game based on the evaluation of immersive virtual reality video games // *E-Learning and Digital Media*, 2021. Vol. 18. No. 4. Pp. 383–402. <https://doi.org/10.1177/2042753020980103>
- Faqih, Jaradat, 2021 — *Faqih K.M., Jaradat M.I.R.M.* Integrating TTF and UTAUT2 theories to investigate the adoption of augmented reality technology in education: Perspective from a developing country // *Technology in Society*, 2021. Vol. 67. Art. 101787.
- Fransson, et al., 2020 — *Fransson G., Holmberg J., Westelius C.* The challenges of using head-mounted virtual reality in K–12 schools from a teacher perspective // *Education and Information Technologies*, 2020. Vol. 25. Pp. 3383–3404. // DOI: <https://doi.org/10.1007/s10639-020-10119-1>
- Gabowitsch, 2023 — *Gabowitsch M.* Visuals in History Textbooks: War Memorials in Soviet and Post-Soviet School Education from 1945 to 2021. *Journal of Educational Media, Memory, and Society*, 2023. No. 15(1). Pp. 99–128. // URL: <https://doi.org/10.3167/jemms.2023.150106>
- Gandolfi, 2018 — *Gandolfi E.* Virtual reality and augmented reality // *Handbook of Research on K-12 Online and Blending Learning* / Eds. K. Kennedy, R. E. Ferdig. 2nd ed. Pittsburgh: Carnegie Mellon University - ETC Press, 2018. Pp. 545–561.
- Gorshenina, et al., 2020 — *Photographing Central Asia: From the Periphery of the Russian Empire to Global Presence* / Editors: Svetlana Gorshenina, Sergey Abashin, Bruno De Cordier, Tatiana Saburova. Vol. 13 in the series *Welten Süd- und Zentralasiens / Worlds of South and Inner Asia*, 2020. // DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110754469>
- Hagge, 2021 — *Hagge P.* Student perceptions of semester-long in-class virtual reality: Effectively using “Google Earth VR” in a higher education classroom // *Journal of Geography in Higher Education*, 2021. Vol. 45. No. 3. Pp. 342–360. // DOI: <https://doi.org/10.1080/03098265.2020.1827376>
- Makransky, Mayer, 2022 — *Makransky G., Mayer R. E.* Benefits of Taking a Virtual Field Trip in Immersive Virtual Reality: Evidence for the Immersion Principle in Multimedia Learning // *Educational Psychology Review*, 2022. Vol. 34. Pp. 1771–1798. // DOI: <https://doi.org/10.1007/s10648-022-09675-4>
- Papadopoulou, et al, 2024 — *Papadopoulou A., Mystakidis S., Tsinakos A.* Immersive Storytelling in Social Virtual Reality for Human-Centered Learning about Sensitive Historical Events // *Information*, 2024. Vol. 15. No. 5. Art. 244. // DOI: <https://doi.org/10.3390/info15050244>
- Petersen, et al., 2020 — *Petersen G. B., Klingenberg S., Mayer R.E., Makransky G.* The virtual field trip: Investigating how to optimize immersive virtual learning in climate change education // *British Journal of Educational Technology*, 2020. Vol. 51. No. 6. Pp. 2099–2115.
- Remolar, et al., 2021 — *Remolar I., Rebollo C., Fernández-Moyano J.A.* Learning history using virtual and augmented reality // *Computers*, 2021. Vol. 10. No. 11. Art. 146. // DOI: <https://doi.org/10.3390/computers10110146>
- Richards, et al., 2023 — *Richards D., Lupack S., Bilgin A. A. B., Neil B., Porte M.* Learning with the heart or with the mind: Using virtual reality to bring historical experiences to life and arouse empathy // *Behaviour & Information Technology*, 2023. Vol. 42. No. 1. Pp. 1–24. // DOI: <https://doi.org/10.1080/0144929X.2021.2009571>
- Shanu, et al., 2022 — *Shanu S., Narula D., Nayana, Pathak L.K., Mahato S.* AR/VR Technology for Autonomous Vehicles and Knowledge-Based Risk Assessment // *Virtual and Augmented Reality for Automobile Industry: Innovation Vision and Applications*. Cham: Springer International Publishing, 2022. Pp. 87–109.
- Solmaz, et al, 2021 — *Solmaz S., Dominguez Alfaro J. L., Santos P., Van Puyvelde P., Van Gerven T.* A practical development of engineering simulation-assisted educational AR environments // *Education for Chemical Engineers*, 2021. Vol. 35. Pp. 81–93. // DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ece.2021.01.007>
- Stuchlykova, 2017 — *Stuchlykova L., Koša A., Benko P., Juhasz P.* Virtual reality vs. reality in engineering education // 15th international conference on emerging eLearning technologies and applications (ICETA), 2017. Pp. 1–6.
- Su, et al., 2022 — *Su L.C., Youkyung L., Seog-Soo K.* Leading Advanced Education Innovation Strategies for local companies using IPA analysis // *Sustainability*. 2022. T. 45. No. 1. Pp. 53–67.
- Sweeney, et al., 2018 — *Sweeney S.K., Newbill P., Ogle T., Terry K.* Using augmented reality and virtual environments in historic places to scaffold historical empathy // *TechTrends*, 2018. Vol. 62. No. 1. Pp. 114–118. // DOI: <https://doi.org/10.1007/s11528-017-0234-9>
- Verner, et al., 2022 — *Verner I., Cuperman D., Perez-Villalobos H., Polishuk A., Gamer S.* Augmented and virtual reality experiences for Learning Robotics and Training Integrative Thinking Skills // *Robotics*, 2022. Vol. 11. No. 5. Art. 90. // DOI: <https://doi.org/10.3390/robotics11050090>
- Zhang, et al., 2022 — *Zhang C., Wang X., Fang S., Shi X.* Construction and application of VR-AR teaching system in coal-based Energy Education // *Sustainability*. 2022. T. 14. No. 23. C. 16033. // DOI: <https://doi.org/10.3390/su142316033>

References

- Abashin, 2012 — *Abashin S.N.* Vlast' i fotografiia: vizual'naia reprezentatsiia v imperskoi ramke [Power and photography: visual representation in the imperial frame]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2012. No. 84(4). // URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/84_nz_4_2012/article/18910/ (accessed: 25.05.2025). (In Russ.).
- Abuseitova, Dodkhudoeva, 2010 — *Abuseitova M.Kh., Dodkhudoeva L.N.* Istoriia Kazakhstana v vostochnykh miniaturakh [The history of Kazakhstan in Eastern miniatures] Almaty: Daik Press, 2010. 264 p. (In Russ.).
- Algozhaeva, et al., 2020 — *Algozhaeva N., Shashaev A., Zikirbaeva V.* Muražai toptamalaryndaghy fotomaterialdardyn derektemelik mañyzy [The evidential value of photographic materials in museum collections]. *Asian Journal “Steppe Panorama”*, 2020. No. 2(22). Pp. 51–61. (In Kaz.).
- Andreeva, 2021 — *Andreeva E.* Russian Central Asia in the Works of Nikolai Karazin, 1842–1908. Palgrave Macmillan, 2021. 374 p.
- Assymova, 2022 — *Assymova D.B.* Qazaqstannyn XX ghasyrdyn ekinshi zhartysyndagy otbasy fotalaryndaghy beynelerdin vizualdy tarikhy [Visual history of family photographs in Kazakhstan in the second half of the 20th century]. *Otan tarikhy*, 2022. No. 3(99). Pp. 19–27. // DOI: https://doi.org/10.51943/1814-6961_2022_3_19. (In Kaz.).
- Bazylkhan, 2013 — *Bazylkhan N.* Qazaq tañbalaryna bailanysty tarikhy-derektanulyq keibir máseleler [Some historiographic and source-critical issues related to Kazakh tribal signs]. *Arkheografiia zhane derektanu ulttyq ortalygynyñ Khabarlary*, 2013. No. 3. Pp. 36–51. (In Kaz.).
- Belgorodskaja, 2019 — *Belgorodskaja L.V.* Smysly i skrytye podteksty vizual'nykh istoricheskikh istochnikov [Meanings and hidden subtexts of visual historical sources]. Krasnoarsk: SFU, 2019. 165 p. (In Russ.).
- Berk, 2023 — *Berk P.* Vzgliad istorika: kak fotografii i izobrazheniia sozdaiut istoriiu [The historian's gaze: how photographs and images create history] / Transl. from English by A. Voskoboynikova. M.: Eksmo, 2023. 368 p. (In Russ.).
- Bimendiev, 2015 — *Bimendiev A.Sh.* Znamia kak simvol vlasti kazakhskikh khanov-chingizidov (po izobrazitel'nykh i etnograficheskikh istochnikam) [The banner as a symbol of power of the Kazakh Chinggisid khans (based on visual and ethnographic sources)]. *Otan tarikhy*, 2015. No. 3(71). Pp. 18–46. (In Russ.).
- Bimendiev, 2017 — *Bimendiev A.Sh.* GERAL'dicheskie simvol'y kochevoi elity: istochnikovedcheskii i ideologicheskii aspekty [Heraldic symbols of the nomadic elite: source and ideological aspects]. *Otan tarikhy*, 2017. No. 3. Pp. 52–63. (In Russ.).
- Bourdieu, et al., 2014 — *Bourdieu P., et al.* Obschedostupnoe iskusstvo: opyt o sotsial'nom ispol'zovanii fotografii [Accessible art: a study on the social use of photography] / Transl. from French by B.M. Skuratov; postscript by A.T. Bikbov. M.: Praxis, 2014. 456 p. (In Russ.).
- Capone, Lepore, 2020 — *Capone R., Lepore M.* Augmented reality to increase interaction and participation: A case study of undergraduate students in mathematics class. In: *Augmented Reality, Virtual Reality, and Computer Graphics: 7th International Conference, AVR 2020, Lecce, Italy, September 7–10, 2020, Proceedings, Part II*. Springer International Publishing, 2020. Pp. 185–204.
- Chan, et al., 2022 — *Chan V.S., et al.* VR and AR virtual welding for psychomotor skills: A systematic review. *Multimedia Tools and Applications*, 2022. Vol. 81, No. 9. Pp. 12459–12493. <https://doi.org/10.1007/s11042-022-12293-5>. (Accessed: 28.07.2025).
- Crocus, 2024 — *Crocus.* Virtual'naia igra “Ethno-derevnia: Pogruzhenie v srednevekovyi Kazakhstan” [Virtual game “Ethno-Village: Immersion into Medieval Kazakhstan”], 2024. // URL: <https://crocus.kz/vr-igra-dlya-world-nomad-games> (accessed: 28.07.2025). (In Russ.).
- Dalayeveva, et al., 2024 — *Dalayeveva T.T., et al.* Audiovizual'nye siuzhety sotsial'noi istorii i kul'turnoi pamiati kazakhstanskogo obshchestva (konets XIX – nachalo XXI vv.) [Audiovisual narratives of the social history and cultural memory of Kazakhstani society (late 19th – early 21st centuries)]. Almaty: Press Co., 2024. 320 p. (In Russ.).
- Dalayeveva, Assymova, 2023 — *Dalayeveva T.T., Assymova D.B.* Obraz kazakhskoi semi v vizual'nykh istochnikakh XIX – nach. XXI vv.: reprezentatsiia traditsii i vliianie sovremennosti [The image of the Kazakh family in visual sources of the 19th – early 21st centuries: representation of traditions and the influence of modernity]. *QazUU Khabarshysy. Tarikh seriiasy*, 2023. Vol. 110. No. 3. Pp. 178–196. // DOI: <https://doi.org/10.26577/JH.2023.v110.i3.17>. (In Russ.).
- Dalayeveva, Sultangalieva, 2022 — *Dalayeveva T. T., Sultangalieva G. S.* Vizual'naia antropologiya novoi sotsial'noi istorii Kazakhstana XIX – nach. XX vv. [Visual anthropology of the new social history of Kazakhstan (19th – early 20th centuries)]. Almaty: ID “Zhibek Zholy”, 2022. 240 p. (In Russ.).
- Egea-Vivancos, Arias-Ferrer, 2021 — *Egea-Vivancos A., Arias-Ferrer L.* Principles for the design of a history and heritage game based on the evaluation of immersive virtual reality video games. *E-Learning and Digital Media*, 2021. Vol. 18. No. 4. Pp. 383–402. <https://doi.org/10.1177/2042753020980103>.
- Emel'ianenko, 2021 — *Emel'ianenko T.G. (ed.).* Otchet S.M. Dudina o poezdakh v Sredniuiu Aziyu v 1900–1902 gg. [Report by S. M. Dudin on his travels to Central Asia in 1900–1902]. M.: Fond Marzhani, 2021. 559 p. (In Russ.).
- Faqih, Jaradat, 2021 — *Faqih K.M., Jaradat M.I. R.M.* Integrating TTF and UTAUT2 theories to investigate the adoption of augmented reality technology in education: Perspective from a developing country. *Technology in Society*, 2021. Vol. 67. Art. 101787.
- Fransson, et al., 2020 — *Fransson G., et al.* The challenges of using head-mounted virtual reality in K–12 schools from a teacher perspective. *Education and Information Technologies*, 2020. Vol. 25. Pp. 3383–3404. // DOI: <https://doi.org/10.1007/s10639-020-10119-1>.

- Gabowitsch, 2023 — *Gabowitsch M.* Visuals in History Textbooks: War Memorials in Soviet and Post-Soviet School Education from 1945 to 2021. *Journal of Educational Media, Memory, and Society*, 2023. Vol. 15. No. 1. Pp. 99–128. // DOI: <https://doi.org/10.3167/jemms.2023.150106>.
- Galiev, 2005 — *Galiev V.Z.* Kazakhstan v tvorchestve khudozhnikov XIX veka [Kazakhstan in the works of 19th-century artists]. Almaty: Öner, 2005. 160 p. (In Russ.).
- Gandolfi 2018 — *Gandolfi E.* Virtual reality and augmented reality // *Handbook of Research on K-12 Online and Blending Learning* / Eds. K. Kennedy, R.E. Ferdig. 2nd ed. Pittsburgh: Carnegie Mellon University – ETC Press, 2018. Pp. 545–561.
- Gorshenina, et al., 2020 — *Photographing Central Asia: From the Periphery of the Russian Empire to Global Presence* / Editors: Svetlana Gorshenina, Sergey Abashin, Bruno De Cordier, Tatiana Saburova. Vol. 13 in the series *Welten Süd- und Zentralasiens / Worlds of South and Inner Asia*, 2020. // DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110754469>
- Hagge, 2021 — *Hagge P.* Student perceptions of semester-long in-class virtual reality: Effectively using “Google Earth VR” in a higher education classroom // *Journal of Geography in Higher Education*, 2021. Vol. 45. No. 3. Pp. 342–360. // DOI: <https://doi.org/10.1080/03098265.2020.1827376>
- Karimov, 2023 — *Karimov E.* Puteshestvie po istorii Kazakhstana: sozdana neobychnaia VR igra [Journey through the history of Kazakhstan: an unusual VR game created], 2023. // URL: <https://ulysmmedia.kz/news/19591-puteshestvie-po-istorii-kazakhstana-sozdana-neobychnaia-vr-igra/> (accessed: 28.07.2025). (In Russ.).
- Kydyrbekova, Sadvakasova, 2023 — *Kydyrbekova A., Sadvakasova A.* Bilim salasinda virtualdy shyndyq tekhnologiiasynda qoldanuga syni ko'zqaras [A critical view on the use of virtual reality technology in education]. *Nauchno-pedagogicheskii zhurnal “Bilim-Obrazovanie” Natsional'noi akademii obrazovaniia imeni I. Altynsarina*, 2023. No. 104(1). URL: <https://bilim-uba.kz/index.php/science/article/view/11> (accessed: 25.05.2025). (In Kaz.).
- Magidov, 2005 — *Magidov V.M.* Kinofotofonodokumenty v kontekste istoricheskogo znaniia [Audiovisual documents in the context of historical knowledge]. M.: RGGU, 2005. 394 p. (In Russ.).
- Makransky, Mayer, 2022 — *Makransky G., Mayer R. E.* Benefits of Taking a Virtual Field Trip in Immersive Virtual Reality: Evidence for the Immersion Principle in Multimedia Learning // *Educational Psychology Review*, 2022. Vol. 34. Pp. 1771–1798. // DOI: <https://doi.org/10.1007/s10648-022-09675-4>
- Mazur, 2015 — *Mazur L.N.* Vizualizatsiia istorii: novyi povorot v razvitiu istoricheskogo znaniia [Visualization of history: a new turn in the development of historical knowledge]. *Quaestio Rossica*, 2015. No. 3. Pp. 160–178. (In Russ.).
- Metodicheskie rekomendatsii, 2023 — *Metodicheskie rekomendatsii po ispol'zovaniu dopolnennoi i virtual'noi real'nosti v shkole* [Methodological recommendations on the use of augmented and virtual reality in schools]. Astana: NAO imeni Y. Altynsarina, 2023. 89 p. (In Russ.).
- Mukanova, Kassymova, 2023 — *Mukanova G., Kassymova D.* V fokuse epokh: k istorii vizual'noi reprezentatsii zhizni kazakhov Stepnogo kraia i Russkogo Turkestana (rubezh XIX–XX stoletii) [In the focus of epochs: on the visual representation of Kazakh life in the Steppe Region and Russian Turkestan (turn of the 19th–20th centuries)]. *Bylye Gody*, 2023. Vol. 18(1). Pp. 320–329. // DOI: 10.13187/bg.2023.1.320. (In Russ.).
- Orazymbet, Turganbaeva, 2023 — *Orazymbet M., Turganbaeva A.* Virtualdy shyndyq: bilim beru salasindagy zhana tekhnologiialyq azirlemerdi paidalanu [Virtual reality: using new technological developments in the field of education]. *Advanced Technologies and Computer Science*, 2023. Vol. 1. No. 2. Pp. 15–22. // URL: <https://ates.iict.kz/index.php/ates/article/view/115>. (In Kaz.).
- Papadopoulou, et al, 2024 — *Papadopoulou A., Mystakidis S., Tsinakos A.* Immersive Storytelling in Social Virtual Reality for Human-Centered Learning about Sensitive Historical Events // *Information*, 2024. Vol. 15. No. 5. Art. 244. // DOI: <https://doi.org/10.3390/info15050244>
- Petersen, et al., 2020 — *Petersen G. B., Klingenberg S., Mayer R.E., Makransky G.* The virtual field trip: Investigating how to optimize immersive virtual learning in climate change education // *British Journal of Educational Technology*, 2020. Vol. 51. No. 6. Pp. 2099–2115.
- Prishchepova, 2011 — *Prishchepova V.A.* Illiustrativnye kollektsii po narodam Tsentral'noi Azii vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka v sobraniakh Kunstkamery [Illustrative collections on the peoples of Central Asia in the second half of the 19th – early 20th centuries in the Kunstkamera collections]. SPb.: Nauka, 2011. 452 p. (In Russ.).
- Prishchepova, 2013 — *Prishchepova V.A.* Fotograficheskie kollektsii po narodam Srednei Azii i Kazakhstana kontsa XIX – nachala XX v. iz sobraniia Muzeia Antropologii i Etnografii imeni Petra Velikogo (Kunstkamera) [Photographic collections on the peoples of Central Asia and Kazakhstan from the late 19th – early 20th centuries from the collection of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)]. In *Sb. dokladov mezhdunar. konferentsii “Fotografiia v muzee” (21–23 May 2013)*. SPb.: SPbOO “A-Ia”, 2013. Pp. 139–142. (In Russ.).
- Qartaeva, 2017 — *Qartaeva T.E.* Tarikhi zertteudegi fotoderektiñ tarikhi-mädeni maңызdylyғы [The historical and cultural significance of photo sources in historical research]. “edu.e-history.kz” elektronдық ғылыми zhurnaly, 2017. No. 2(10). // URL: <https://edu.e-history.kz/kz/publications/view/666>. (In Kaz.).
- Remolar, et al., 2021 — *Remolar I., Rebollo C., Fernández-Moyano J.A.* Learning history using virtual and augmented reality // *Computers*, 2021. Vol. 10. No. 11. Art. 146. // DOI: <https://doi.org/10.3390/computers10110146>
- Richards, et al., 2023 — *Richards D., Lupack S., Bilgin A. A. B., Neil B., Porte M.* Learning with the heart or with the mind: Using virtual reality to bring historical experiences to life and arouse empathy // *Behaviour & Information Technology*, 2023. Vol. 42. No. 1. Pp. 1–24. // DOI: <https://doi.org/10.1080/0144929X.2021.2009571>

- Sarsimbaeva, et al., 2021 — *Sarsimbaeva S., Mukasheva M., Kornilov Yu., Omirzakova A.* O vnedrenii tekhnologii virtual'noi i dopolnennoi real'nosti v shkolu [On the implementation of virtual and augmented reality technologies in schools]. *Vestnik KazNPU imeni Abaya. Seriya: Fiziko-matematicheskie nauki*, 2021. Vol. 73. No. 1. Pp. 190–197. // DOI: 10.51889/2021-1.1728-7901.28. (In Russ.).
- Seksenbaeva, 2020 — *Seksenbaeva G.A.* Audiovizual'nye dokumenty: istochnikovedcheskii i arkhivovedcheskii aspekty [Audiovisual documents: source-studies and archival aspects]. Almaty: Qazaq universiteti, 2020. 224 p. (In Russ.).
- Sembaev, Nurbekova, 2020 — *Sembaev, T. M., Nurbekova, Zh. K.* (2020). Oqu úrdisinde qoldanylatyn tolyqtyrylgan shynailyq qosymshalaryn jasaqtau ortalaryna taldau [Analysis of platforms for developing augmented reality applications used in the educational process]. *Qazaq Ulttyq Qyzdar Pedagogikalyq Universitetinin Khabarshysy*, 2020. No. 3. Pp. 81–89. ISSN: 2306-5079. // URL: <https://vestnik.kazmkpu.kz/jour/article/view/333> (accessed: 25.05.2025). (In Kaz.).
- Shanu, et al., 2022 — *Shanu S., Narula D., Nayana, Pathak L.K., Mahato S.* AR/VR Technology for Autonomous Vehicles and Knowledge-Based Risk Assessment // *Virtual and Augmented Reality for Automobile Industry: Innovation Vision and Applications*. Cham: Springer International Publishing, 2022. Pp. 87–109.
- Shashaev, Zikirbaeva, 2019 — *Shashaev A.K., Zikirbaeva V.S.* Fotomaterialdardyn etnografiyalyq derekko'z retindegi ma'nyzy (Znachenie fotomaterialov kak istochnika po etnografii) [The significance of photographic materials as ethnographic sources]. *Otan tarikhy*, 2019. No. 1(85). Pp. 47–58. (In Kaz.).
- Solmaz, et al, 2021 — *Solmaz S., Dominguez Alfaro J. L., Santos P., Van Puyvelde P., Van Gerven T.* A practical development of engineering simulation-assisted educational AR environments // *Education for Chemical Engineers*, 2021. Vol. 35. Pp. 81–93. // DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cec.2021.01.007>
- Sontag, 2021 — *Sontag S.* O fotografii [On Photography] / transl. by V. Golyshev. 8th ed. M.: Ad Marginem Press, 2021. 272 p. (In Russ.).
- Stuchlykova, et al., 2017 — *Stuchlykova L., Koša A., Benko P., Juhasz P.* Virtual reality vs. reality in engineering education // 15th international conference on emerging eLearning technologies and applications (ICETA), 2017. Pp. 1–6.
- Su, et al., 2022 — *Su L.C., Youkyung L., Seog-Soo K.* Leading Advanced Education Innovation Strategies for local companies using IPA analysis // *Sustainability*. 2022. T. 45. No. 1. C. 53–67.
- Sultangalieva, 2022 — *Sultangalieva, G. S.* (2022). Otrazhenie sotsial'nykh izmenenii kazakhskogo kochevogo obshchestva v deloproizvodstvennoi dokumentatsii i vizual'nykh istochnikakh XIX v. [Reflection of social changes in Kazakh nomadic society in administrative records and visual sources of the 19th century]. *Otan tarikhy*, 2022. No. 2(98). Pp. 104–114. // DOI: https://doi.org/10.51943/1814-6961_2022_2_104. (In Russ.).
- Sultangazy, et al., 2023 — *Sultangazy G.Zh., Nurbayev Zh.E., Kishibaeva S.B.* Iz istorii urbanistiki na rubezhe XIX–XX vv.: analiz fotoistochnikov [From the history of urbanism at the turn of the 19th–20th centuries: analysis of photo sources]. *Otan tarikhy*, 2023. Vol. 26. No. 3. Pp. 554–566. // DOI: 10.51943/2788-9718_2023_26_3_554-566.
- Sweeney, et al., 2018 — *Sweeney S.K., Newbill P., Ogle T., Terry K.* Using augmented reality and virtual environments in historic places to scaffold historical empathy // *TechTrends*, 2018. Vol. 62. No. 1. Pp. 114–118. // DOI: <https://doi.org/10.1007/s11528-017-0234-9>
- Uderbaeva et al., 2023 — *Uderbaeva N., Karelkhan N., Daurenbekov K., Zakirova A.* “Tsifirlyq sauattylyq” pənin oqytuda AR zhəne VR tekhnologiyalaryn qoldanudyn tiimdiligi [The effectiveness of using AR and VR technologies in teaching the course “Digital literacy”]. *L. N. Gumilev atyndagy Eýraziya ulttyq universitetinin khabarchy. Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiologiya seriasy*, 2023. No. 145(4). Pp. 217–228. // URL: <https://bulpedps.enu.kz/index.php/main/article/view/543> (accessed: 25.05.2025). (In Kaz.).
- Verner, et al., 2022 — *Verner I., Cuperman D., Perez-Villalobos H., Polishuk A., Gamer S.* Augmented and virtual reality experiences for Learning Robotics and Training Integrative Thinking Skills // *Robotics*, 2022. Vol. 11. No. 5. Art. 90. // DOI: <https://doi.org/10.3390/robotics11050090>
- Yumasheva, 2018 — *Yumasheva Yu.Yu.* Audiovizual'nye arkhivy v seti Internet. Chast' pervaya: “V nachale bylo slovo...” [Audiovisual archives on the Internet. Part one: “In the beginning was the word...”]. *Istoricheskaya informatika*, 2018. No. 4. Pp. 84–110. DOI: 10.7256/2585-7797.2018.4.28149. // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28149 (accessed: 25.05.2025). (In Russ.).
- Yumasheva, 2025 — *Yumasheva Yu.Yu.* K voprosu o primeneni iskusstvennogo intellekta v istoricheskikh issledovaniyakh [On the application of artificial intelligence in historical research]. *Istoricheskaya informatika*, 2025. No. 1. Pp. 95–121. DOI: 10.7256/2585-7797.2025.1.73578. // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73578 (accessed: 25.05.2025). (In Russ.).
- Yumasheva, Guk, 2022 — *Yumasheva Yu.Yu., Guk D.Yu.* Informatsionnye tekhnologii v nauchno-issledovatel'skoi deiatel'nosti muzeev: ot elektronnykh katalogov k metodam iskusstvennogo intellekta [Information technologies in the research activities of museums: from electronic catalogs to methods of artificial intelligence]. *Istoricheskaya informatika*, 2022. No. 3. Pp. 114–155. DOI: 10.7256/2585-7797.2022.3.38813. // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38813 (accessed: 25.05.2025). (In Russ.).
- Zhang, et al., 2022 — *Zhang C., Wang X., Fang S., Shi X.* Construction and application of VR-AR teaching system in coal-based Energy Education // *Sustainability*. 2022. T. 14. No. 23. C. 16033. // DOI: <https://doi.org/10.3390/su142316033>

ТАРИХ / ИСТОРИЯ / HISTORY

Published in the Republic of Kazakhstan
Asian Journal “Steppe Panorama”
Has been issued as a journal since 2014
ISSN 2710-3994.
Vol. 12. Is. 4, pp. 1056-1072, 2025
Journal homepage: <https://ajspiie.com>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20
ӘӘЖ/УДК/ UDC 912.4
https://doi.org/10.51943/2710-3994_2025_12_4_1056-1072

PRACTICE OF ESTABLISHING RUSSIAN ADMINISTRATIVE BORDERS IN THE KAZAKH STEPPE IN THE 70–90S OF THE XIX CENTURY

Jampeissova Zhanar^{1*}, Bizhigitova Karlygash², Bekenzhanova Ainash³

¹Astana IT University
(55/11, Mangilik El Aven., 0103000 Astana, Republic of Kazakhstan)
Candidate of historical sciences, associate Professor
 <https://orcid.org/0000-0002-1296-8436>. E-mail: Zhanar.Dzhampeissova@astanait.edu.kz
*Corresponding author

²University of International Business
(8A, Abay Aven., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Candidate of historical sciences, associate Professor
 <https://orcid.org/0000-0002-1076-5213>. E-mail: Bizhigitova.k@uib.kz

³The Caspian University of Technology and Engineering after Sh. Yessenov
(32, 130000 Aktau, Republic of Kazakhstan)
Master of History, Senior Lecturer
 <https://orcid.org/0000-0003-1642-779X>. E-mail: ainash.bekenzhanova@yu.edu.kz

© Ch.Ch. Valikhanov IHE, 2025
© Jampeissova Zh., Bizhigitova K., Bekenzhanova A., 2025

Abstract. Introduction. The article discusses the practice of creating administrative borders in the Kazakh steppe after the adoption of the Russian reforms of 1867–1868. *The goal and objectives.* The purpose of this article is to study the process of creating administrative boundaries. The objectives of the article are to study this issue in the context of the interaction of the colonial system with the local population at the level of the uezd administration. *Results.* Based on the study of archival materials, the authors substantiate the opinion that the plans of the empire to create a unified administrative system on the territory of the Kazakh steppe and their implementation in practice rested on the reluctance of nomadic clans to accept them. Such a mood of the nomadic Kazakhs was expressed in contestation, resistance and revision of borders. Meanwhile, the authors of the article emphasize, the uezd administrations also balanced between the interests of the empire and the needs of the population, and they found it important to maintain “calm” in subordinate areas. For the uezd administrations, a strategy was needed to maintain the interests of the local community, especially in the face of a shortage of personnel, lack of competence and sufficient experience among Russian officials in matters of land and legal relations, which ultimately led to the need to negotiate with the local population. As the documents show, apparently due to the above-mentioned circumstances, the uezd chiefs often used local knowledge to resolve conflicts, which led to disputes with the administrations of other uezd. *Conclusion.* It is difficult to say, the authors note, how long this period

lasted, but it is clear that the 1970s and 1980s were a transitional period when such tactics of interaction between the colonial authorities and local interests took place. However, in the following years, with the further advancement of the resettlement policy, it became increasingly difficult for the Kazakhs to defend their rights, as the interests of Russian peasants in politics prevailed and, thus, as is known, changed the Kazakh steppe in terms of demography, culture and way of life.

Keywords: Administrative reforms, colonialism, Russian Empire, Kazakh steppe, uezd heads, administrative borders

For citation: Jampeissova Zh., Bizhigitova K., Bekenzhanova A. Practice of establishing Russian administrative borders in the kazakh steppe in the 70–90s of the XIX century // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Vol. 12. No. 4. Pp. 1056–1072. (In Russ.).

DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1056-1072

XIX ҒАСЫРДЫҢ 70–90 ЖЫЛДАРЫНДА ҚАЗАҚ ДАЛАСЫНДАҒЫ РЕСЕЙ ӘКІМШІЛІК ШЕКАРАЛАРЫН ОРНАТУ ТӘЖІРИБЕСІ

Джампейсова Жанар Махметқызы^{1*}, Бижигитова Қарлығаш Сабырқызы², Бекенжанова Айнаш Алтынмұратқызы³

¹Astana IT университеті

(55/11-үй, Мәңгілік Ел даңғ., 0103000 Астана, Қазақстан Республикасы)

Тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессорі

 <https://orcid.org/0000-0002-1296-8436>. E-mail: Zhanar.Dzhampeisova@astanait.edu.kz

*Автор-корреспондент

²Халықаралық бизнес университеті

(8А-үй, Абай даңғ., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)

Тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессорі

 <https://orcid.org/0000-0002-1076-5213>. E-mail: Bizhigitova.k@uib.kz

³Ш. Есенов атындағы Каспий Технологиялар және Инжиниринг Университеті

(32 шағын аудан, 130000 Ақтау, Қазақстан Республикасы)

Тарих мамандығы бойынша магистрі, аға оқытушысы

 <https://orcid.org/0000-0003-1642-779X>. E-mail: ainash.bekenzhanova@yu.edu.kz

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2025

© Джампейсова Ж.М., Бижигитова Қ.С., Бекенжанова А.А., 2025

Аңдатпа. *Kіріспе.* Мақалада 1867–1868 жылдардағы Ресей реформаларының қабылданғаннан кейін қазақ даласында әкімшілік шекараларды құру тәжірибесі қарастырылады. *Мақсаттары мен міндеттері.* Бұл мақаланың мақсаты әкімшілік шекараларды құру процесін зерттеу болып табылады. Мақаланың міндеттері бұл мәселені отаршылдық жүйе органдарының жергілікті халықпен уезд әкімшілігі деңгейінде өзара іс-қимылы тұрғысынан зерттеу. *Нәтижелер.* Авторлар мұрағат материалдарын зерделеу негізінде империяның қазақ даласы аумағында біртұтас басқару жүйесін құру жоспарлары мен оларды іс жүзінде жүзеге асыру көшпелі рулардың оларды қабылдамауы кедергі болды деген пікірді негіздейді. Көшпелі қазақтардың бұл жағдайы талас-тартыс, қарсылық, шекараны қайта қарау арқылы көрініс тапты. Бұл арада уездік басқармалар да империяның мүддесі мен халықтың талабын қарастырып, бағынышты аудандарда «тұрақтылықты» сақтауды маңызды деп тапты. Аудандық әкімшіліктер үшін жергілікті қоғамдастықтың мүдделерін қолдау стратегиясы маңызды болды, әсіресе кадр тапшылығы, жер-құқықтық қатынастар мәселелерінде ресейлік шенеуніктер арасында құзыреттілік пен жеткілікті тәжірибенің жоқтығы нәтижесінде жергілікті халықпен келіссөздер жүргізу қажеттілігіне әкелді. Құжаттар көрсеткендей, жоғарыда айтылған жағдайларға байланысты уезд басшылары қақтығыстарды шешуде көбіне

жергілікті білімге сүйеніп, бұл басқа уездердің әкімшіліктерімен талас тудырған. *Қорытынды.* Бұл кезеңнің нақты қанша уақытқа созылғанын дәп басып айту қиын, бірақ XIX ғасырдың 70–80-жылдарының отарлық билік пен жергілікті мүдделер арасындағы өзара әрекеттесу тактикасы қолданылған өтпелі кезең болғаны анық. Алайда, көші-қон саясаты одан әрі ілгерілеген соңғы жылдары қазақтардың өз құқықтарын қорғауы барған сайын қиындады, өйткені ресейлік шаруалардың мүдделері саяси басымдыққа ие болып, нәтижесінде, белгілі болғандай, қазақ даласы демографиялық, мәдени және тұрмыс-салт тұрғысынан өзгеріске ұшырады.

Түйін сөздер: Әкімшілік реформалар, отаршылдық, Ресей империясы, қазақ даласы, уезд басшылары, әкімшілік шекаралар

Дәйексөз үшін: Джампейсова Ж.М., Бижигитова Қ.С., Бекенжанова А.А. XIX ғасырдың 70–90 жылдарында қазақ даласындағы ресей әкімшілік шекараларын орнату тәжірибесі // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. 1056–1072 бб. (Орысш.).

DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1056-1072

ПРАКТИКИ УСТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ГРАНИЦ В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ В 70–90-е ГОДЫ XIX ВЕКА

Джампейсова Жанар Махметовна^{1*}, Бижигитова Карлыгаи Сабыровна², Бекенжанова Айнаш Алтынмуратовна³

¹Astana IT University

(д. 55/11, просп. Мангилик Ел, 0103000 Астана, Республика Казахстан)

Кандидат исторических наук, ассоциированный профессор

 <https://orcid.org/0000-0002-1296-8436>. E-mail: Zhanar.Dzhampeisova@astanait.edu.kz

*Автор-корреспондент

²Университет международного бизнес

(д. 8А, ул. Абая, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

Кандидат исторических наук, ассоциированный профессор

 <https://orcid.org/0000-0002-1076-5213>. E-mail: Bizhigitova.k@uib.kz

³Каспийский Университет Технологий и Инжиниринга им. Ш. Есенова

(32 микр., 130000 Актау, Республика Казахстан)

Магистр истории, старший преподаватель

 <https://orcid.org/0000-0003-1642-779X>. E-mail: ainash.bekenzhanova@yu.edu.kz

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2025

© Джампейсова Ж.М., Бижигитова К.С., Бекенжанова А.А., 2025

Аннотация. *Введение.* В данной статье авторы определяют основной целью исследование процесса создания административных границ в казахской степи после принятия российских реформ 1867–1868 годов. В этой связи решаются задачи изучения этого вопроса в контексте взаимодействия органов колониальной системы с местным населением на уровне уездной администрации. *Результаты.* На основе анализа архивных материалов авторы обосновывают мнение о том, что планы империи по созданию унифицированной административной системы на территории казахской степи и воплощение их на практике, часто упиралось в нежелание кочующими родами их принять. Такое настроение кочующих казахов, как показывают приведенные факты, выражалось в оспаривании, сопротивлении и пересмотре предлагаемых границ. В то же время изложенные примеры говорят о том, что уездные администрации в свою очередь балансировали между интересами империи и запросами населения, и российские чиновники на местах считали необходимым сохранять «спокойствие» в подчиненных уездах. Для уездных управлений стратегия поддержания интересов местного сообщества была

обусловлена имевшим место кадровым дефицитом, отсутствием компетентности и достаточного опыта у российских чиновников в вопросах земельных и правовых отношений, которые в конечном итоге, видимо, приводили к необходимости договариваться с местным населением. Также по вышеуказанным обстоятельствам, уездные начальники при разрешении конфликтов часто оперировали к местному знанию, что приводило к возникновению диспутов с администрациями других уездов. *Заключение.* Сложно сказать, сколь долго этот период длился, но при пристальном изучении архивных источников явно наблюдается, что именно 70–80-е годы XIX века были переходным периодом, и тактика активного взаимодействия между колониальными властями и местными интересами получает немало фактических подтверждений. Но уже в последующие десятилетия с дальнейшим углублением переселенческой политики, казахам становилось все труднее защищать свои права, так как интересы российских крестьян в политике стали доминирующими, что впоследствии в корне изменило ситуацию в казахской степи с точки зрения демографии, культуры и образа жизни.

Ключевые слова: Административные реформы, колониализм, Российская империя, казахская степь, уездные начальники, административные границы

Для цитирования: Джампеисова Ж.М., Бижигитова К.С., Бекенжанова А.А. Практики установления Российских административных границ в казахской степи в 70–90-е годы XIX века // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. С. 1056–1072. (На Русс.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1056-1072

Введение

В XIX веке мир столкнулся с многочисленными проявлениями капиталистического колониализма. Европейские империи развивали финансовые и экономические сети через захват и контроль все больших территорий в масштабах всего мира. Новые технологии позволяли им быстро завоевывать более традиционные народы и создавать иерархические социальные связи с подчиненными элитами, находящихся далеко от метрополий. Для создания таких иерархий империи обладали к данному времени профессиональными бюрократами, которые усиленно работали над накоплением информации, чтобы создавать новые административные и правовые юрисдикции на новообретенных территориях (Burbank, Cooper, 2010). После оформления юридического права над территориями имперские чиновники продвигали аппарат присвоения территорий через организацию административного «знания». Империи использовали множество технологий современного государства для стандартизации и систематизации информации в деле создания «колониального политического пространства с фиксированной, повторяющейся и единообразной структурой пространственного заселения» (Santos, 2010: 550–551). Изучение истории формирования административной системы Российской империи в казахской степи и дальнейшее ее осмысление в данном контексте продолжает оставаться актуальным.

Целью данной статьи является исследование процессов создания административных границ в контексте взаимодействия колониальной системы с местным населением на уровне уездной администрации. В статье будут проанализированы практики деятельности чиновников на уровне уездного управления, не редко и на уровне областного согласования границ, а также и на уровне взаимоотношений генерал-губернаторств в осуществлении задач разграничения землепользования в период 70–90-х годов XIX века. Именно эти десятилетия, как известно, стали началом внедрения полномасштабной административной реформы по всей территории казахской степи, тогда как переселенческая политика российских крестьян большей частью была только в проекте. К этому же, обозначенный период можно выделить как специфический, потому что именно в это время, как фиксируется документами, стала частой практика кооперации деятельности российских чиновников с местными интересами для установления унифицированной колониальной системы на всей территории степи. Исследовать эти процессы непросто, так как голоса и имена местных представителей власти, к сожалению, мало отложились в документах. Однако можно проанализировать докладные записки уездных начальников, через которые просвечиваются факты их деятельности,

отражавшие запросы местного населения. Отсюда возникает вполне любопытный интерес проанализировать тактику российских властей этого периода на самых нижних уровнях управления. К тому же, конкуренция чиновников российской администрации между собой на уровнях смежных уездов, областей, а также генерал-губернаторств, образованных в деле организации административных границ на территории казахских степей, подталкивает к изучению причин таких процессов.

Материалы и методы

В статье анализируются ряд источников: законодательные акты, отчеты чиновников, архивные документы. Особенно важными явились документы, выявленные в Центральных архивах Казахстана и Узбекистана, которые «проливают свет» на взаимоотношения между уездными начальниками с вышестоящими и подчиненными органами власти колониальной системы и исследовать практики создания административных границ.

С методологической точки зрения в изучении практик по организации административной системы, представляется важным подход известной ученой по проблемам правовой системы казахов в колониальный период Вирджинии Мартин. В своих научных заключениях она подчеркивает важность исследования всех сторон сложившихся взаимоотношений в колониальный период, учитывая, что местное население не переставало отстаивать свои права через попытки влияния на проводимую политику. В связи с этим, ученый подчеркивает актуальность изучения практики кочевников по защите своих интересов (Martin, 2001: 1–14). Методологически значимыми для данного исследования являются также идеи М. Фуко о том, что не объекты определяют наше поведение, но практики изначально определяют свои объекты. Важными его идеями в исследовании являются также связи между властью и знанием, когда обладание знаниями может открыть инструменты управления (Фуко, 2002). Такой подход дает понимание роли компетенций колониальных чиновников в степи, а именно наличия у них способности или их отсутствия в осуществлении властных полномочий.

Обсуждение

Политика колониального административного учреждения Российской империи в казахской степи, где кочевое население не поддавалось контролю из-за сезонных миграций кочевников, является примером двух ярких характеристик российской власти: проведения политики управления населением путем создания административных границ и отсутствия механизмов контроля над процессом их установления, связанных со спецификой кочевой экономики. В этой связи, японский ученый Уяма Томохико поднял вопрос о недостатке исследований о роли местного подвластного населения в империях. В частности, в одной из своих работ он рассмотрел влияние местного населения Индии на британскую имперскую политику, населения Восточного Туркестана на китайскую политику, а также отношения жителей Центральной Азии с официальными лицами Российской империи. На основе сравнения фактов ученый пришел к очевидному для него выводу, что эти крупные империи создавали свои политические образования не сами по себе, а с привлечением подчиненных народов. По словам Томохико, и у местного населения, и у империй была своя тактика в развитии конкретного процесса. В каждом случае принятия решения результаты были разными (Uyama Tomohiko, 2018). Такой подход в исследовании выглядит перспективным и применительным в изучении различных направлений и имперской политики России в казахской степи в новое время. Особенно это касается вопроса внедрения административной системы и создания границ на территории с доминированием кочевого образа жизни, где границы являлись антиподом номадической цивилизации.

В современной историографии многие вопросы колонизации изучаются через призму роли имперского производства знания, включая и исследование процессов внедрения новой административной системы (Cohn, 1995; Cooper, 2005; Bayly, 1996; Marshall, 2006; Santos, 2010). Прежде всего, речь касается фактов накопления империями практических

знаний об объекте колонизации и готовности к захвату территорий или внедрения имперской системы. Уже есть достаточно исследований о том, как империи через своих военных, чиновников, ученых серьезно занимались работой по накоплению информации о культуре, географии, многих других параметров колонизованных народов, необходимых для понимания путей организации колониальных структур власти. Если говорить относительно казахской степи, то в начале XIX века ее территория была незнакома и чужда для России. Несмотря на то, что обширные степные территории не были отделены от метрополии морем, они оставались главным препятствием для эффективного функционирования российской административной системы. Поэтому предыстория формирования российской административной политики в казахских степях была долгой, осторожной и основывалась на опыте колониальной российской политики на Кавказе, Калмыкии, Башкирии, а также использования моделей управления других колониальных держав (Султангалиева, 2015; Morrison, 2023).

Американский исследователь Ян Кемпбелл проследил историю размышлений высших имперских управленцев относительно состояния администрирования казахов в XIX веке в контексте создания производства знания. Он проанализировал российские реформы в казахской степи как результат сбора информации, которые позволяли бы колониальным функционерам предпринять какие-либо шаги в сторону управления населением. Этим он объясняет активную деятельность различных военных деятелей Генерального штаба, колониальной номенклатуры в написании различных докладов и записок в высшие инстанции, касавшиеся политической организации, расселения, хозяйства и культуры. Его анализ позволил сказать, что многие представители казахского населения, кто тем или иным образом были связаны с управленческой системой России, выступали посредниками между колониальной властью и населением. Очень часто они были важными источниками пополнения российских властей знаниями о степи (Campbell, 2017). Постепенно анализ переписок, докладных записок, а также истории формирования Степной комиссии в 1864 году, позволили ему утверждать, что высшие российские чины пришли к выводу о том, что степная территория постепенно может стать частью империи и административная реформа здесь вполне осуществима по типу центральной части империи. Осуществленные реформы, как известно, были тесно увязаны с верой поэтапного превращения населения степи в оседлое состояние (Campbell, 2017: 31–63).

Вирджиния Мартин, скрупулезный американский исследователь колониальной политики Российской империи в степи, подчеркивала, что местное население на территории Среднего жуза в течение введения административных нововведений выработало тактики манипулирования властями, при помощи которых они достигали некоторых успехов в защите интересов своих групп (Martin, 2001). Также значительная часть других исследователей отмечают немало негативных последствий установления российской административной системой 1867–1868 годов в ходе создания границ на кочевую систему. В частности, исследователи, изучив историю формирования административных границ в степи в период от второй половины XIX века до начала XX века, отмечали, что теперь новоопределенные границы стали местом оспаривания земель соседними родами. Эти факты стали иметь тенденцию к нарастанию напряженности борьбы в местах разграничения. Исследователи связывают дальнейшее усиление напряжения между родами с политикой переселения крестьян и ухудшением соответственно положения кочевого скотоводства и дискриминации кочевников (Ксенжик, 2009: 84–107). В целом, отмечается значительный интерес к изучению роли казахов в участии функционирования российской административной системы (Султангалиева, 2014; Сактаганова, т.д., 2019; Абдрахим, Моррисон 2022; Кайралапина, 2019; Удербаета, 2021). Однако, надо заметить, что ученые еще недостаточно исследовали вопрос взаимоотношений имперских чиновников с местным населением в вопросе практик установления границ, которые требуют более детального изучения. Следует отметить, что процесс установления границ занял много времени, создал огромное количество пограничных конфликтов, вовлек в решение вопросов все уровни администрации, а также различные

министерства, оставался одним из болезненных вопросов для всех вовлеченных сторон, и прежде всего, местного населения. Исходя из такого контекста, в данной статье предлагается рассмотреть отдельные кейсы, в которых наглядно можно видеть взаимообусловленность указанных процессов и их персональных участников.

Результаты

Фактическим началом колониального управления Российской империи казахскими территориями можно считать время введения административно-территориальных реформ 20-х гг. XIX века. Эти реформы известны как реформа 1822 г., предложенная графом М.М.Сперанским в новообразованной Области сибирских киргизов, а также реформа 1824 года, выработанная графом П.К.Эссеном для управления Области Оренбургских киргизов. Названные реформы предполагали различные системы административного управления в двух казахских регионах, которые в свою очередь, подчинялись разным ведомствам в Оренбурге и Омске. Долгое время дискуссии среди российских администраторов о будущем управлении кочевых территорий варьировались от планов отставить внешнее управление и сохранить кочевой образ жизни, до рассуждений о необходимости трансформации казахских кочевников в «цивилизованное» оседлое население (Campbell, 2017: 32–64). Особым предметом дискуссий был вопрос о том, будет ли сохранение родо-племенной системы казахов способствовать эффективному колониальному управлению, либо дальнейшее развитие избирательной системы постепенно могло бы искоренить родовые связи казахов, и которое способствовало бы, с их точки зрения, положительному развитию в населении имперской идентичности (Материалы, 1960: 258–265). Однако, после окончания военных завоеваний России в Средней Азии, территории казахов оказались замкнутыми со всех сторон, и поэтому окончание военных завоевательных кампаний заставили колониальных функционеров подойти к решению вопроса более быстро и твердо.

В 1865 году была организована Степная комиссия, в задачи которой входило изучение вопроса будущего административного устройства степи. В задачи комиссии входило решение вопросов о возможности вхождения степной территории в пространство империи. Заключение комиссии на данный вопрос в 1866 году было положительным и дальнейшим развитием событий стало объединение Оренбургской и Сибирской степи, а также части завоеванного Туркестана в одно Степное генерал-губернаторство. Реформы 1867–1868 годов произвели унификацию административного управления на азиатских окраинах империи, образовав три генерал-губернаторства: Оренбургское, Западно-Сибирское (с 1882 года – Степное) и Туркестанское. По мнению, Яна Кемпбелла, «Временное положение...», какое оно получило название, отражало ожидание дальнейшего его совершенствования и выразило ощущение необходимости дальнейшего изучения степи, и выглядело скорее как эксперимент: «...Временное положение было чересчур гибким: оно подразумевало, что местным управленцам будет передаваться все больше власти по мере того, как их понимание степи и ее населения будет расти» (Campbell, 2017: 61–62). Чувство неуверенности властей в том, что водворяемые реформы будут успешными, все время сопровождало необходимость их коммуникации с местным населением в сфере административных реформ. В связи с этим, представляется важным проследить взаимоотношения колониальных властей с казахским населением.

По принятию «Временного положения...» об управлении степными областями оговаривалось административное переустройство бывших управлений казахами Оренбургского и Сибирского ведомств на два генерал-губернаторства, Оренбургского и Западно-Сибирского, с разделением на четыре области: Уральскую, Тургайскую, Акмолинскую и Семилатинскую, также с последующими внутренними делениями на уезды, волости и аулы. Семиреченская и Сыр-Дарьинская области вошли в Туркестанское генерал-губернаторство. При этом уже были намечены приблизительные границы областей. Например, граница «между Акмолинской и Семипалатинской областями, примерно, полагается от Крутойрского выселка на юг по черте, разграничивающей Баян-Аульский и

Каркаралинский округа от остальных частей Области Сибирских киргизов, по ближайшему усмотрению и взаимному соглашению областных начальств» (Материалы, 1960: 323–329). То же самое касалось других областей, и, таким образом, само по себе разграничение отдавалось на ответственность самих управлений областей, а вся ответственность реализации реформы ложилась на самые нижние чины администрации, уезды и уездных начальников, а также волостных управителей. Можно сказать, что здесь, в этих документах, и обнаруживаются истории создания всей административной системы, которые не описываются в официально публикуемых документах.

Кочевые владения распространялись на довольно обширные, в основном аридные территории, занимавшие большую часть образованных генерал-губернаторств. Как ранее говорилось, царская администрация видела свои задачи в осуществлении дальнейшего вхождения этих территорий в пространство империи, население которых представлялось в будущем оседлым. Согласно реформам, степные территории были переведены в «государственные», и юридически значило, что Россия теперь считалась полным собственником приобретенных территорий. В то же время признавалось, что кочевья остаются в «общественном пользовании» кочевников, что открыло возможности государства единолично принимать решения в земельных вопросах. Во Временном Положении об управлении туркестанскими и степными областями 1867–1868 г.г. существовали статьи о кочевом землепользовании. В них находились правила, по которым казахское население должно было кочевать с зимних пастбищ на летние пастбища. В параграфе 218 части 4 говорилось, что маршруты кочевок, по возможности, должны находиться в рамках уездов, с примечанием о том, что казахам Сырдарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства оставили право вкочевывать на территорию Оренбургского генерал-губернаторства (Материалы, 1960: 337). Таким образом, Временные Положения ввели ограничения расстояний кочевых маршрутов в рамках уездных административных единиц. В этом факте можно наблюдать колониальные решения о насильственном изменении традиционного уклада экономики и социальной жизни кочевников. Такая политика отвечала интересам колонизации в трех направлениях: первое, закрепление кочевников в рамках колониальных управлений с целью лучшего контроля и налогообложения; второе, постепенное развитие оседлости; третье, ослабление родовых связей. Относительно последнего, спустя некоторое время военный генерал-губернатор Сыр-Дарьинской области Н.И. Гродеков писал: «...закон 1867 года, считал необходимым разделить кочевое население на волости и уезды с целью разъединения киргизских [казахских] родов, ибо признавалось вредным в политическом отношении соединение большого рода под властью одного родоначальника. На основании этого, в 1867 году были сформированы волости, по возможности смешанные из разных родов» (Гродеков, 1889: 13). Далее во Временном Положении говорилось о правилах перехода аулов из волости в волость, который был возможен с разрешения уездного начальника (Материалы, 1960: 327). В историографии факт административного переустройства казахов считается переломным в существовании кочевой экономики и родовых связей (Артыкбаев, 1989; Артыкбаев, 2006: 21). Обратимся к некоторым эпизодам бюрократической деятельности, касавшихся политики создания административных границ в казахской степи на уровне уездных начальников с целью более детального изучения самого процесса.

Согласно реформе 1867–1868 годов, в каждой области были сформированы уезды, в которых было по меньшей мере четыре, во главе с уездными начальниками. По своему замыслу, они, уездные начальники, несли основные функции по управлению кочевым населением. В их функции входили обязанности управления всего населения уездов на огромных территориях. Например, Кокчетавский уезд насчитывал 59137,34 кв. км (Материалы, 1898), а площадь Атбасарского уезда составляла 114549,5 кв. км, то есть в два раза больше (Материалы, 1902: 5). При учетывании такого факта, что в уезды вкочевывали роды других административных единиц, дислоцировались казачьи войска, спектр деятельных уездных начальников становился внушительным. На них возлагалась также организация

работы полицейских, а в некоторых уездах им были переданы права управления войсками, расположенными на их территориях. Кроме того, на них вменялись функции надзора за торговлей и налогами (Материалы, 1960: 281–315, 319–340). Конечно, перечисленные обязанности выполнялись уездными начальниками не единолично, но вкупе с различными помощниками и канцелярией, однако следует признать, что объем ответственной сферы все-таки был огромный. Теперь же обратимся к вопросу о том, как уездные начальники вовлекались в работу административного разделения уездов.

В конце 70-х годов XIX века формирование границ находилось только в фазе создания. В рамках генеральной идеи волостные начальники должны были отправлять рапорты уездным начальникам с описанием границ пастбищ, урочищ, занимаемых их родами. После сбора подобной информации по всем волостям уезда уездные начальники могли получить представление об очертаниях границ уезда. Отсюда можно видеть, что от волостных начальников исходила наиболее важная, первоначальная информация о землепользовании в каждой волости и тем самым, о создании границ уездов. Следующим шагом в формировании границ уездов было урегулирование границ между смежными уездами, с целью получить одобрение всеми сторонами. Последующим этапом в создании границ должны были быть областные границы, а затем и границы генерал-губернаторств (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 6990. Л. 3–6).

После создания проектов границ уездные начальники смежных уездов собирались для выяснения спорных вопросов землепользования. Чиновники же, не зная правил землепользования и прав принадлежности урочищ, приглашали представителей от смежных кочующих родов для выяснения этих вопросов (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 6652. Л. 4). Причинами необходимости выяснения споров были многочисленные факты перерезания пастбищ и урочищ на две части, что не могло не вызывать противостояния казахов по поводу землепользования. В докладе Акмолинского уездного начальника от в марте 1870 года отмечалось, что при разграничении Акмолинской и Семипалатинской областей, затруднение представляло линия разделения между Каркаралинским и Акмолинским уездом. Он указывал на факт того, что это разделение «разбивает Сары-Мурат Алтаевскую волость на две половины, лишая эту волость зимовок на урочище Ботагара, ... и реки Алтын-су, которая доставляет муратовцам хорошие летовки, затем ... по западную сторону реки Алтын-Су к Нарчокконю и разделяет два больших аула: амантаевцев, 250 кибиток, зимующих на Нарчокконе, итбулбинцев, байбулдинцев 280 кибиток, зимующих в Актасты, Матак, Увак-кайракты, Караганды и др. к Каркаралинскому уезду; эти два аула составляют половину Сары-Мурат Алтаевской волости. Такое переустройство волости и невыгодное отделение лучших мест к Каркаралинскому уезду решительно не позволяет мне согласиться с представленным предложением г. Генерала майора Полтарацкого» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 6652. Л. 20–21). Если посмотреть на пограничную карту Акмолинского и Каркаралинского уездов, можно обратить внимание на количество урочищ, с подчеркнутыми названиями, то можно видеть как много конфликтов возникло между родами, претендовавших на них в указанный период. Это собственно результат проведения границы и, таким образом акции присвоения урочищ в исключительное пользование отдельных родов, которые, по-видимому, использовались ранее или сообща, или по некоторым договоренностям.

Рисунок 1 – Карта с границей между Акмолинским и Каркаралинским уездами. Оспариваемые урочища подчеркнуты одной или двумя линиями (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 6652)

[Fig. 1 – Map with the border between Akmola and Karkaraly uyezds. The disputed plots are underlined with one or two lines (CSA RK. F. 369. Op. 1. D. 6652)]

Усугублялся спор тем, что на территории Среднего жуза уже ранее были организованы волости, которые стали частью организованной в 1822 году и в последующие годы системы округов по законодательству «Указа о сибирских киргизах». Теперь, новые уезды ломали старую систему организации волостей, по которой они привыкли использовать пастбищные угодья. Уездные начальники были обеспокоены, что новые границы развернут новую волну недовольств среди кочевников. Как писал Акмолинский уездный начальник, «...считаю долгом и обязанностью доложить, что проектируемые границы Каркаралинским уездным начальником поведет к нескончаемым спорам и бесчисленным жалобам, чем несомненно нарушается общий строй спокойствия народа, которому так дороги родовые зимовые места настоящим разграничением отчуждаемые в пользу киргиз другого уезда, места занимаемые в настоящее время Алтаевцами и оспариваемые киргизами Каркаралинского уезда, принадлежат Алтаевцам с 1835 года..» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 6652. Л. 39–39 об.). Таким образом, можно видеть, что уездные начальники были встревожены тем, что спокойствие в уезде нарушится, и они пытались прилагать усилия к балансированию интересов кочевых родов и интересов службы.

Уездные начальники часто не могли найти согласия в принципах проведения разграничительных линий друг с другом. Акмолинский уездный начальник считал неправильным проведение границы по местам, где нет естественных границ, к примеру рек, считая, что размежевания межевыми искусственными знаками никто не признает и, которые легко уничтожаются, но дает преимущество в том, что оба уезда могут иметь подход к рекам. В то же время Акмолинский уезд продолжал прения с вышестоящим начальством о положении разграничения с Павлодарским уездом по поводу принадлежности земель рода канжигалы, их зимовки и места сенокосения. Уездный начальник отмечал, что земли, «лежащие внутри гор Еременя по реке Селеты к Акмолам и должны оставаться в стороне от летовок, которые тянутся по восточной стороне гор Еременя по верховьям р. Ишим и по реке Ишиму, минуя Балтогары, на этом прострانتве слишком достаточно удобств для летовок многих волостей и киргизы Павлодарского уезда... без возбуждения споров могут располагать свои летовки» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 6652. Л. 39–50 об.). То есть, с самого начала проведение границ каждого уезда являлось вопросом казахского кочевого землепользования, который для российской администрации был вне их компетенции, поэтому главным инструментом обсуждения границ и разрешения споров вокруг их разграничения были съезды выборных от самих волостей, собиравшиеся достаточно часто, но не всегда бывшие эффективными.

Чиновники Семипалатинской области со своей стороны также докладывали о неспособности договориться по установлению границ между Акмолинским и Павлодарским уездами. Съезды выборных по выработке договоренности по разграничению землепользования между уездами или не состоялись, или не пришли к согласию. Как замечали чиновники, «...киргизы обоих [уездов] домогались восстановить разноуездную границу по своим особым урочищам с наибольшим приграничением земель из одного уезда в другой...» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 665. Л. 29–219 об.). При этом было ясно, что не только кочевники уездов не смогли договориться, но также и помощники уездных начальников не смогли договориться между собой, и более того, не сделали проектов изменения волостей, так как именно на уровне уездных начальников ожидалось получение новых проектов уездов, – отмечалось в докладе Семипалатинской области в управление Западной Сибири.

В Главном управлении Западной Сибири, в городе Омске, с целями создания административных единиц в степи в конце 1876 года был организован Комитет по постановке границ в степных областях. До указанного года, как показывают документы, этот процесс находился еще в зачаточном состоянии. Проекты границ уже были сделаны, но они не получали своего утверждения из-за того, что смежные области все не могли договориться о принадлежности пастбищ на спроектированной пограничной полосе. В тех проектах, которые были созданы ранее, были согласованы только наиболее главные урочища, но не оговорены территории, которые находились между ними, а они могли составлять от 20 до 100 верст. Так, например, из 1395 верст границ между Павлодарским и Омским уездом, 540 верст проходили по естественной природной границе вдоль реки, и около 855 верст проходили по суходолу. То есть, большая часть границ не были обозначены (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 6990. Л. 3–6).

После начальных попыток построения уездных пограничных линий стало ясно, что между смежными уездами постоянно возникают споры о принадлежности земель тому или иному уезду. При организации уездных границ чиновники не могли привести к соглашению роды, проживавшие на границе между Омским и Павлодарским уездами в местах урочища Бес-Кене и урочище Джаильма и ... могилы Мусреп. Для обсуждения границы и спорных территорий комитет собирался созвать съезд выборных от спорящих сторон.

По мнению Комитета, в большинстве своем, местное население в течение 5 лет свыклось с введением границ и стало принимать их во внимание. Таким образом, к данному моменту, т.е. к 1877 году, Комитет по образованию границ, считал, что все проблемы по вопросу землепользования в районах границ происходят из-за их примерности, а сами проекты границ намечались предварительно, с учетом землепользования казахских родов, в частности, организованных системой волостей.

В тоже время у чиновников стало формироваться мнение, что границы и кочевое население – трудно совместимое предприятие, поэтому в 70-х годах, в официальных кругах, занимавшихся администрированием границ, одновременно усилились разговоры о необходимости вообще оседания кочевников. В связи с этим Комитет по образованию границ полагал начать разработки проектов и исследований относительно внедрения оседлых поселений, а последующим шагом уже могло стать и запрещение перекочевки через уездные границы на законодательном уровне (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 6990. Л. 3–6). Но до тех пор должны были проводиться работы по выяснению и уточнению границ, для чего должны быть организованы специальные комиссии, состоящие из чиновников Министерства государственных имуществ Главного управления Западной Сибирью, которые отдельно могли заняться устройством областных и уездных границ. С другой стороны, в рассматриваемый период такие дискуссии были далеки от реальности. В условиях дефицита кадров, огромных расстояний в уездах, существовала ситуация зависимости уездного управления от местного населения и тактики их адаптации к доминировавшему кочевому образу жизни казахов. Как ранее было отмечено, роль уездных начальников была многофункциональной. К тому же они были ответственными за сбор покибиточного сбора. После того, как сбор производился в волостях, затем он сдавался в уездное правление. Они выдавали квитанции, а затем отправляли

полученные деньги в дальнейшие финансовые учреждения (Материалы, 1960: 335, 333). Кроме того, уездные начальники были ответственны за собрание волостных и чрезвычайных съездов, организация которых требовала огромных затрат времени и согласования с волостными, волостными народными судьями. Отсюда можно представить и понять, что уездные начальники могли проводить политику российских властей только в кооперации с местным населением. Ежедневные практики в администрировании широкого круга вопросов расширили их полномочия, которые можно видеть по тем дополнениям, которые по их представлениям были обновлены в реформах в 80–90-х годах XIX века.

В 1886–1891 годах XIX века были опубликованы изменения и дополнения к предыдущим реформам, по которым кочевники имели юридическое право пересекать все административные границы в степи. Из этого следовало, что уездные и областные начальники, контролируя маршруты кочевников, также имели функции обеспечения прохождения кочевников по таким маршрутам. Это делало из уездных начальников таких официальных лиц, решения которых серьезно влияли на самый главный вопрос для кочевников – вопрос землепользования. При всей очевидности ограничения пореформенной системы кочевания, в законодательстве 1886–1891 годов существовало определенное противоречие. Следует обратить внимание на пункты, где можно заметить тенденцию к увеличению возможностей кочевать на более длинные расстояния. Теперь, согласно новому законодательству: во-первых, можно было перечисляться из одного уезда в другой с разрешения генерал-губернатора; во-вторых, появилась тенденция расширения правил передвижения кочевников в рамках административных единиц, а точнее там было представлено следующее:

«Переходя на летовки и зимовки за пределы своих уездов, а также при прохождении чужих уездов и областей, кочевники подчиняются, в полицейском отношении, местным властям, по принадлежности, а казенные и земские сборы и повинности они отбывают в своих уездах. Должностные лица при перекочевках, остаются при своих обязанностях и следуют с наибольшей партией своей волости или аульного общества. При откочевании из пределов уезда, волостные управители или аульные старшины, получают от уездного начальника свидетельство, в коем означает число откочевавших кибиток. Перейдя на летовки или на зимовки за пределы своего уезда или области, аульные или волостные должностные лица обязаны являться к местному начальству и предъявлять свидетельство, выданное им при их откочевании» (Материалы, 1960: 361–362, 391–393).

Таким образом, теперь по законодательству 80–90-х годов XIX века, кочевники имели юридическое право пересекать все административные границы в степи. Пришло понимание необходимости официальной власти приспособиться к реальности. Отсюда следовало, что уездные и областные начальники, контролируя маршруты кочевников, также исполняли функции обеспечения прохождения кочевников по таким маршрутам.

Далее, с целью более ясного представления функций и деятельности различных колониальных инстанций на практике, рассмотрим дебаты, которые возникли между Степным генерал-губернаторством и Туркестанским генерал-губернаторством в ходе обеспечения ими прохождения подведомственных кочевых аулов через, так называемые, «чужие» уезды и области. Разберем содержание дела о споре по поводу границ между Акмолинской областью Степного генерал-губернаторства и Сыр-Дарьинской областью Туркестанского генерал-губернаторства. По существу, дело рассматривает вопрос о праве пользования территориями, находившимися в центральной части и на юге Атбасарского уезда, климатически переходившими из сухой степи в полупустыню, с большой долей пустынного пространства. Эти экстремально аридные территории исчислялись сотнями километров, при большом дефиците водных ресурсов. Объектами спора были озера группы Телеколь-тата, находящихся в дельте рек Сарысу и Чу, оспаривавшиеся волостями рода баганалы в составе 6 волостей Акмолинской области и 4-мя волостями кипчаков Перовского уезда и племенем тама Чуйской волости Туркестанского генерал-губернаторства. Спор состоял в том, что баганалы не хотели давать проход на свои зимовые стойбища, находившиеся в рамках Атбасарского уезда, кочевникам Перовского уезда, имевшим там свои летовки. Баганалы не

давали прохода кипчакам и тама, доказывая, что при проходе на летовки они вытравливают места зимовок и уничтожают зимовки баганалинцев. Основываясь на законодательство своего времени, лидеры баганалы в споре использовали права принадлежности их к Акмолинской области и Атбасарскому уезду, и утверждали, что другие кочевники должны были кочевать в пределах своих уездов. Несколько съездов по решению спора не смогли привести их ни к каким результатам.

Этот вопрос поднимался между двумя губернаторствами не первый раз и имел уже историю разбирательств в 1877 году, когда была установлена граница между Акмолинской и Сырдарьинской областями, которая, собственно, узаконила на севере Сырдарьинской области границу между Перовским уездом данной области и Сарысуйским уездом (позднее переименованной в Атбасарский уезд) Акмолинской области. Суть дебатов, разгоревшихся в 90-х годах, заключалась в оспаривании со стороны сырдарьинской администрации черты границы. По их мнению, она была неправильно проложена и оставляла кочевников Перовского уезда без жизненно важных водоемов в виде системы озер Телеколь, которые были единственными на кочевом пути кочевников Перовского уезда далее в Атбасарский уезд. По сути, этот спор являлся вопросом о праве землепользования кочевников Перовского уезда в ходе кочевания в Атбасарском уезде. Он был пограничным вопросом потому, что оспаривая правильность границы, Сырдарьинская администрация могла бы осуществить фактический захват этих территорий для кочевников своих ведомств. Как писала Сырдарьинская администрация, в то время, когда еще не было четких административных границ, разные кочевые группы могли эти территории использовать сообща. В 70-х годах кочевые группы Сарысуйского уезда стали оспаривать эти земли, как административно принадлежащие их уезду и утверждать свое привилегированное право пользоваться данными территориями. В 1875 году Сарысуйский уездный начальник в своем ответе на запрос Сырдарьинского ведомства сообщил, что он не согласен на то, чтобы этими территориями могли пользоваться кочевники Перовского уезда. В нем он писал следующее: «...я, положительно не могу согласиться, чтобы урочища Телекуль-Тата и Кум-куль могли принадлежать Перовским киргизам, ...а потому, на основании изложенных данных, я не могу стеснять киргиз вверенного мне уезда во владении оспариваемыми со стороны Перовских киргиз помянутыми выше урочищами» (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 755. Л. 114). Сырдарьинская администрация оценила этот ответ как «бесцеремонный» и подчеркнула, что «не киргизы пограничных волостей Перовского и Сары-Суйского уездов создали трактуемый вопрос о принадлежности области озер той или другой стороне, а представитель русской уездной администрации одного из уездов Акмолинской области; Характерные приемы... проведены красной нитью сквозь все дело о спорных землях уездов администрацией Сары-Суйского, а в впоследствии Атбасарского уезда, при чем уездные начальники бесцеремонным трактованием предмета ввели в заблуждение не только свое областное начальство, но и центральные управления Степного и Туркестанского генерал-губернаторств» (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 755. Л. 114). В сентябре 1877 г. прошел съезд относительно повторного рассмотрения границы. По мнению Сырдарьинских властей, съезд прошел неуспешно, так как, сарысуйские казахи опять опирались на уездного начальника г. Меньшикова, который также собрал собрание волостных управителей рода баганалы, которое постановило, что спорные территории отходят к Курайлинской (Айнакульской) волости Атбасарского уезда.

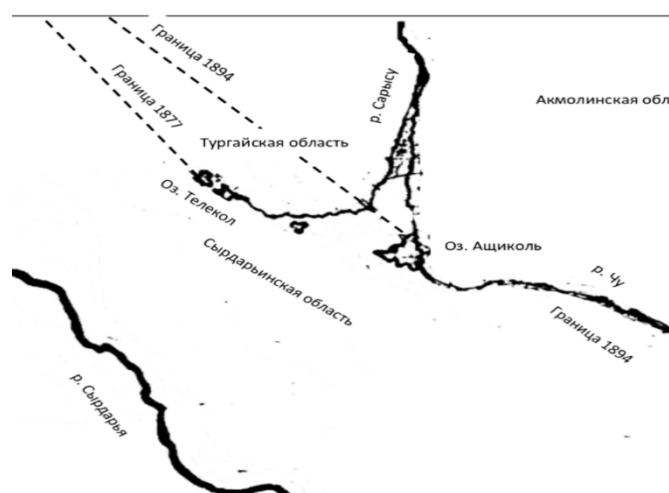

Рисунок 2 – Схема административных границ между Акмолинской и Сырдарьинской областями в 1877 и в 1894 гг. (на основе архивного дела: ЦГА РК. Ф. 25. Д. 2678. Л. 27)
 [Fig. 2 – Scheme of administrative borders between Akmola and Syrdarya regions in 1877 and 1894
 (based on archival files of CSA RK. F. 25. D. 2678. S. 27)]

По этому вопросу проходили и другие съезды, решениями которых были недовольны то одна, то другая сторона. Стороны двух ведомств использовали разные аргументы для того, чтобы доказать, именно кому необходимые территории должны принадлежать. Официальная переписка показывает, что в спорах они использовали достаточно хорошее знание местности, где кочевали кочевники, также условий, которые были необходимы для кочевников для кормления своего скота, в частности, специфику произрастающих трав, наполнения воды в водоемах и другие специфические черты скотоводства данных мест, из сообщений, скорее всего полученных от представителей баганалы.

Спустя некоторое время конкуренция между кочевыми аулами разных уездов привела к серьезным столкновениям между ними. Как писали чиновники, столкновения произошли между аулами родов баганалы Атбасарского уезда и аулами кипчаков и тама, которые претендовали на стоянки в районе озер Телеколь. Сырдарьинская администрация продолжала настаивать на том, что граница проведена неправильно, так как, по их мнению, уровень географических знаний местности на тот момент не отражал действительности. В целом, военный губернатор Сыр-Дарьинской области сделал вывод, что 20-летний спор из-за озер Телеколь создан из-за давления богатого рода баганалы, занимавшего половину Атбасарского уезда, и, который, якобы, соперничал с родом кипчаков. Создавшееся положение, по его мнению, усугублялось также из-за поддержки их Атбасарской уездной администрацией. В свою очередь, сырдарьинские чиновники считали, что они защищают перовских кочевников только потому, что считают их претензии справедливыми. «Поэтому, - писал военный губернатор Сырдарьинской области, - русской администрации, смотрящей на устройство киргизского населения со строго объективной общегосударственной точки зрения, вовсе не следует поддаваться частным интересам той или другой из спорящих сторон, и обсуждать их на более широком начале» (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 755. Л. 126). В тоже время при таком ходе обсуждения вопроса, губернатор делал вывод, что территория должна быть сохранена за Перовским уездом.

В одном из писем к Атбасарскому уездному начальнику, а также члену комиссии по разграничению Акмолинской и Сырдарьинской областей, надворному советнику Селицкому, Степной генерал-губернатор написал некоторые рекомендации об урегулировании вопросов землепользования. В нем он напоминал уездному начальнику о том, что комиссия должна разъяснить депутатам от волостей, что согласно Степному и Туркестанскому законодательству «граница, как бы проведена ни была, ни в коем случае, не может служить препятствием к переходу таковой кочевниками Перовского и Чимкентского уездов на летовки в пределы Атбасарского уезда, а кочевниками этого уезда на зимовки в Перовский уезд, как

это практикуется населением со стародавних времен» (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 755. Л. 144 об.). Этот пункт замечателен тем, что сами чиновники теперь напоминали кочевникам о старых традициях кочевков, в то время как кочевники, оказавшиеся в рамках административных границ, не только оказались ограниченными в своих маршрутах, но и использовали те выгоды, которые эти границы могли произвести.

Создается впечатление, что административные дебаты находились под сильным влиянием местных родовых лидеров, которые активно влияли на принятие решений через петиции в органы колониальной администрации. Канцелярии были завалены жалобами, и следует заметить, эффективными по воздействию, так как, собственно, они становились основаниями деятельности местной администрации. Такое проявление внимательности к интересам кочевников, надо думать, не было целью встать на сторону казахов, а скорее, стало вынужденной позицией смирения перед доминирующим кочевым хозяйством, принятием реальности до лучших времен «временно отложенной» седентаризации.

Заключение

Итак, установление административных границ в степи сопровождалось двумя отличительными чертами: обострение земельного вопроса у кочевников из-за «приписывания» земель отдельным группам в ходе административного разграничения, а также усиленным сотрудничеством местного населения с уездными администрациями за решения вопросов землепользования в свою пользу. В конечном итоге складывалась картина, на которой между большими задачами, которые ставили высшие чиновники российской империи по колонизации казахских аридных территорий и деятельностью чиновников на местах, и реальными возможностями, проявлялись значительные расхождения. Между тем, когда высшие чиновники заботились о решении проблем всероссийского масштаба за счет колонизации казахских земель, то чиновники колониального управления на местах беспокоились о сохранении порядка в управляемых ими административных образованиях. Вследствие этого, в работе нижних местных органов прослеживалась самостоятельная линия управления, в которой можно было заметить значительное влияние интересов местных кочевых групп. В связи с этим, именно линия «сохранения спокойствия», возможности сбора налогов и возможности функционирования российской власти в целом вызвала заинтересованную позицию уездных администраций в разрешении локальных конфликтов кочевников во многих вопросах, в том числе в вопросах землепользования. В свою очередь, это влекло за собой активную позицию местных лидеров в решении вопросов землепользования посредством колониального бюрократического аппарата.

Так как административные границы не отражали реальное землепользование и кочевание на длинные маршруты, процесс их разграничения практически был бесконечным. Рассматривая административные реформы второй половины XIX века, представляется, что они создавались в высоких начальствующих кабинетах, но при изучении истории создания границ на практике, выясняется, что они прокладывались изначально через их оспаривание на местном уровне. Это было нелегким делом, в решении вопроса о границах были вложены огромные усилия местного населения, в которые были включены также все уездные управления. В результате развития процесса можно было наблюдать конкурирующие интересы административных ведомств разного уровня, от уездов до генерал-губернаторств. Стратегия «сохранения спокойствия» в своих уездах важна была для уездных управлений в условиях дефицита российских чиновников, отсутствия знаний местного права в вопросах землепользования, опыта и, таким образом, вынужденной необходимости договариваться с местным населением. В таких случаях они полагались на местное знание и шли на уступки казахам во вверенных территориях. Сложно сказать, сколь долго этот период длился, но ясно, что 70–80-е годы XIX века были переходным периодом, когда тактика активного взаимодействия именно в эти годы между колониальными властями и местными интересами имело место быть.

Источники

ЦГА РК — Центральный государственный архив Республики Казахстан
 ЦГА РУз — Центральный государственный архив Республики Узбекистан

Sources

CSA RK — Central State Archives of the Republic of Kazakhstan
 CSA RUz — Central State Archives of the Republic of Uzbekistan

Литература

- Абдрахим, Моррисон, 2022 — *Абдрахим М.Е., Моррисон А.* Казахское чиновничество в Семиреченской области в контексте теории коллаборации Р. Робинсона // *Bulletin of history*, 2022. № 4(107). С. 44–52. // DOI: https://doi.org/10.51943/2788-9718_2024_27_4_871-888
- Артыкбаев, 1989 — *Артыкбаев Ж.О.* Этносоциальная структура казахов Северного и Центрального Казахстана во второй половине XIX века. Автореф. канд. дисс. ист.наук. Алматы, 1989. 23 с.
- Артыкбаев, 2006 — *Артыкбаев Ж.О.* История Казахстана. Учебник для вузов. Алматы: Казак Университеті, 2006. 312 с.
- Гродеков, 1889 — *Гродеков Н.И.* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. // Юридический быт. Ташкент: Типо-Литография С.И.Лахтина, 1889. Т. 1. 544 с.
- Кайралапина, 2009 — *Кайралапина А.Ж.* Уездное управление в административной системе Казахстана: функции начальников (вторая половина 19 века) // *Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия история*, 2009. № 1. С. 56–59.
- Ксенжик, 2009 — *Ксенжик Г.Н.* Историческая география Степных областей Казахстана в XIX – начала XX вв. Диссертация на соискание ученой степени доктора ист. наук. Алматы, 2009. 302 с.
- Материалы, 1898 — *Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией Степных областей. Акмолинская область. Кокчетавский уезд.* / Отв. редактор Ф. Щербина. Воронеж: Воронеж: Типолитография И.П. Исаева, 1898. Т. 1. 712 с.
- Материалы, 1902 — *Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией Степных областей. Акмолинская область. Атбасарский уезд.* / Отв. редактор Ф. Щербина. Воронеж: Типолитография И.П. Исаева, 1902. Т. 2. 540 с.
- Материалы, 1960 — *Материалы по истории политического строя Казахстана. Сборник документов.* / Отв. Редактор М.Г. Масевич. Алма-Ата: Изд. Академии наук, 1960. Т. 1. 441 с.
- Сактаганова, т.д., 2019 — *Сактаганова З.Г., Ильясов Ш.А., Тулегенова А.Ж.* Права, обязанности и деятельность уездных и крестьянских начальников и других сотрудников штатных структур в колониальной системе управления // *Вестник КарГУ*, 2019. № 94(2). С. 88–91.
- Султангалиева, 2015 — *Султангалиева Г.* Административная политика Российской империи в первой половине XIX века: поиск новых форм управления // *Res Historica*. 2015. № 40. С. 125–134. // DOI: 10.17951/rh.2015.40.2.125
- Удербаета, 2021 — *Удербаета С.К.* Новейшая историография института волостных управителей в Центральной Азии // *Вестник КНУ*, 2021. № 2(106). С. 181–186.
- Фуко, 2002 — *Фуко М.* Власть и знание. // *Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью.* М.: Праксис, 2002. 384 с.
- Bayly, 1996 — *Bayly C.A.* Empire and Information: Intelligence Gathering and Social and Social Communication in India, 1780–1870. Cambridge – New-York: Cambridge University Press, 1996. 412 p.
- Burbank, Cooper, 2010 — *Burbank J., Cooper F.* Empires in world history. Power and the politics of difference. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2010. 511 p.
- Campbell, 2002 — *Campbell Ian W.* Knowledge and the Ends of Empire. Kazakh Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731–1917. Itaca and London: Cornell University, 2017. 273 p.
- Cohn, 1995 — *Cohn S. Bernard.* Colonialism and its forms of knowledge. The British in India. New Jersey: Princeton University Press, 1995. 189 p.
- Cooper Frederick, 2005 — *Cooper Frederick.* Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History. Berkeley: University of California Press, 2005. 327 p.
- Marshall, 2006 — *Marshall Alex.* The Russian General Staff and Asia (1800–1917). London, New York: Routledge, 2006. 263 p.
- Martin Virginia, 2001 — *Martin Virginia.* Law and Custom in the Steppe. The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the nineteenth century. Richmond, Surrey: Curzon Press, 2001. 244 p.
- Morrison, 2023 — *Morrison A.* Military-Popular Administration and its discontents in Tsarist Central Asia // *Rivista Storica Italiana*, 2023. Vol. 2. Pp. 655–676.
- Santos, 2010 — *Santos Catarina Madeira.* Administrative knowledge in a colonial context Angola in the eighteen century // *The British Journal for the History of Science*. 2010. Vol. 4. Special Issue 04. Pp. 539–556.
- Sultangalieva, 2014 — *Sultangalieva G.* The role of the pristavstvo institution in the context of Russian imperial policies in the Kazakh Steppe in the nineteenth century // *Central Asian Survey*, 2014. Vol. 33. No. 1. Pp. 62–79. // DOI: <https://doi.org/10.1080/02634937.2014.88574>
- Tomohiko, 2018 — *Tomohiko U.* Invitation, Adaptation, and Resistance to Empires: Cases of Central Asia // *Slavic Eurasian Studies*, 2018. No. 33. Pp. 99–118.

References

- Abdrahim, Morrison, 2022 — *Abdrahim M.E., Morrison A.* Kazahskoe chinovnichestvo v Semirechenskoi oblasti v kontekste teorii kollaboratsii R. Robinsona [Kazakh officialdom in the Semirechye region in the context of R. Robinson's collaboration theory]. *Bulletin of History*, 2022. No. 4(107). Pp. 44–52. // DOI: https://doi.org/10.51943/2788-9718_2024_27_4_871-888. (In Russ.).
- Artykbaev, 1989 — *Artykbaev J.O.* Etnosotsialnaya struktura kazahov Severnogo i Tsentralnogo Kazakhstana vo vtoroi polovine XIX veka [Ethnosocial structure of the Kazakhs of Northern and Central Kazakhstan in the second half of the 19th century]. Abstract of Cand. hist. sci. diss. Almaty, 1989. 23 p. (In Russ.).
- Artykbaev, 2006 — *Artykbaev J.O.* Istoriya Kazakhstana [History of Kazakhstan]. Textbook for universities. Almaty: Qazaq Universiteti, 2006. 312 p. (In Russ.).
- Bayly, 1996 — *Bayly C.A.* Empire and Information: Intelligence Gathering and Social and Social Communication in India, 1780–1870. Cambridge – New-York: Cambridge University Press, 1996. 412 p.
- Burbank, Cooper, 2010 — *Burbank J., Cooper F.* Empires in world history. Power and the politics of difference. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2010. 511 p.
- Campbell, 2002 — *Campbell Ian W.* Knowledge and the Ends of Empire. Kazakh Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731–1917. Itaca and London: Cornell University, 2017. 273 p.
- Cohn, 1995 — *Cohn S. Bernard.* Colonialism and its forms of knowledge. The British in India. New Jersey: Princeton University Press, 1995. 189 p.
- Cooper Frederick, 2005 — *Cooper Frederick.* Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History. Berkeley: University of California Press, 2005. 327 p.
- Fuko, 2002 — *Fuko M.* Vlast i znanie [Power and knowledge]. In: *Intelktualy i vlast. İzbrannyye politicheskie stati, vystupleniya i intervyyu* [Intellectuals and power. Selected political articles, speeches and interviews]. M.: Praksis, 2002. 384 p. (In Russ.).
- Grodekoy, 1889 — *Grodekoy N.I.* Kirgizy i karakirgizy Syr-Darinskoi oblasti [Kyrgyz and Kara-Kyrgyz of the Syr-Darya region]. In: *Yuridicheskii byt* [Legal customs]. Tashkent: Tipo-Litografiya S.I. Lahtina, 1889. Vol. 1. 544 p. (In Russ.).
- Kairalapina, 2009 — *Kairalapina A.Zh.* Uezdnoe upravlenie v administrativnoi sisteme Kazakhstana: funktsii nachalnikov (vtoraya polovina XIX veka) [District administration in the administrative system of Kazakhstan: functions of chiefs (second half of the 19th century)]. *Vestnik KazNU im. al-Farabi. Seriya istoriya*, 2009. No. 1. Pp. 56–59. (In Russ.).
- Ksenjik, 2009 — *Ksenjik G.N.* İstoricheskaya geografiya Stepnyh oblastei Kazakhstana v XIX – nachale XX vv. [Historical geography of the Steppe regions of Kazakhstan in the 19th – early 20th centuries]. Dr. hist. sci. diss. Almaty, 2009. 302 p. (In Russ.).
- Marshall, 2006 — *Marshall Alex.* The Russian General Staff and Asia (1800–1917). London, New York: Routledge, 2006. 263 p.
- Martin Virginia, 2001 — *Martin Virginia.* Law and Custom in the Steppe. The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the nineteenth century. Richmond, Surrey: Curzon Press, 2001. 244 p.
- Materialy, 1960 — *Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana* [Materials on the history of the political system of Kazakhstan]. Collection of documents. Ed. by M.G. Masevich. Alma-Ata: Academy of Sciences, 1960. Vol. 1. 441 p. (In Russ.).
- Morrison, 2023 — *Morrison A.* Military-Popular Administration and its discontents in Tsarist Central Asia // *Rivista Storica Italiana*, 2023. Vol. 2. Pp. 655–676.
- Saktaganova, et al., 2019 — *Saktaganova Z.G., İlyasov Sh.A., Tulegenova A.Zh.* Prava, obyazannosti i deyatelnost uездnyh i krestyanskih nachalnikov i drugih sotrudnikov ştatnyh struktur v kolonialnoi sisteme upravleniya [Rights, duties and activities of district and peasant chiefs and other employees of regular structures in the colonial administrative system]. *Vestnik KarGU*, 2019. No. 94(2). Pp. 88–91. (In Russ.).
- Santos, 2010 — *Santos Catarina Madeira.* Administrative knowledge in a colonial context Angola in the eighteen century // *The British Journal for the History of Science*. 2010. Vol. 4. Special Issue 04. Pp. 539–556.
- Materialy, 1898 — *Materialy po kirgizskomu zemlepolzovaniyu, sobrannyye i razrabotannyye ekspeditsiei Stepnyh oblastei.* Akmolinskaya oblast. Kokchetavskii uезд [Materials on Kyrgyz land use, collected and developed by the Steppe Regions Expedition. Akmola region. Kokchetav district]. Ed. by F. Shcherbina. Voronezh: Tipolitografiya I.P. Isaeva, 1898. Vol. 1. 712 p. (In Russ.).
- Materialy, 1902 — *Materialy po kirgizskomu zemlepolzovaniyu, sobrannyye i razrabotannyye ekspeditsiei Stepnyh oblastei.* Akmolinskaya oblast. Atbasarskii uезд [Materials on Kyrgyz land use, collected and developed by the Steppe Regions Expedition. Akmola region. Atbasar district]. Ed. by F. Shcherbina. Voronezh: Tipolitografiya I.P. Isaeva, 1902. Vol. 2. 540 p. (In Russ.).
- Sultangalieva, 2014 — *Sultangalieva G.* The role of the pristavstvo institution in the context of Russian imperial policies in the Kazakh Steppe in the nineteenth century // *Central Asian Survey*, 2014. Vol. 33. No. 1. Pp. 62–79. // DOI: <https://doi.org/10.1080/02634937.2014.88574>
- Sultangalieva, 2015 — *Sultangalieva G.* Administrativnaya politika Rossiiskoi imperii v pervoi polovine XIX veka: poisk novyyh form upravleniya [Administrative policy of the Russian Empire in the first half of the 19th century: search for new forms of governance]. *Res Historica*, 2015. No. 40. Pp. 125–134. // DOI: <https://doi.org/10.17951/rh.2015.40.2.125>. (In Russ.).
- Tomohiko, 2018 — *Tomohiko U.* Invitation, Adaptation, and Resistance to Empires: Cases of Central Asia // *Slavic Eurasian Studies*, 2018. No. 33. Pp. 99–118.
- Uderbaeva, 2021 — *Uderbaeva S.K.* Noveishaya istoriografiya instituta volostnyh upravitelei v Tsentralnoi Azii [Recent historiography of the institute of volost rulers in Central Asia]. *Vestnik KNU*, 2021. No. 2(106). Pp. 181–186. (In Russ.).

ТАРИХ / ИСТОРИЯ / HISTORY

Published in the Republic of Kazakhstan
Asian Journal “Steppe Panorama”
Has been issued as a journal since 2014
ISSN 2710-3994.
Vol. 12. Is. 4, pp. 1073-1088, 2025
Journal homepage: <https://ajspiie.com>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2710-3994_2025_12_4_1073-1088

FEATURES OF SOCIAL POLICY IN KAZAKHSTAN IN THE 1920S–1930S XX CENTURY

Kapayeva Aizhan Tokanovna^{1*}, *Asanova Saltanat Amirgalievna*²

¹Ch.Ch. Valikhanov Institute of history and ethnology
(28, Shevchenko Str., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Candidate of historical sciences, associate professor, leading researcher

*Corresponding author

 <https://orcid.org/0000-0002-1198-0185>. E-mail: kapaeva.59@mail.ru

²Ch.Ch. Valikhanov Institute of history and ethnology
(28, Shevchenko Str., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
PhD, leading researcher
 <https://orcid.org/0000-0002-7077-2298>. E-mail: saltasanova@gmail.com

© Ch.Ch. Valikhanov IHE, 2025

© Kapayeva A.T., Asanova S.A., 2025

Abstract. *Introduction.* At the beginning of the XX century, Kazakh society underwent profound changes that led to the destruction of its traditional culture and social structure, which had developed over centuries. This article analyzes the features of social policy in Kazakhstan in the 1920s–1930s, a period of large-scale transformations influenced by Soviet reforms and the transition to new economic and political realities. The mass migration of peasants from Central Russia and Ukraine to the Kazakh steppes resulted in a reduction of Kazakh land holdings, exacerbating economic difficulties. As a result, the nomadic economy, which had been the foundation of Kazakh existence for centuries, began to decline. This process not only undermined the economic system but also disrupted the social structure of society, as the entire system of relationships within the Kazakh community was closely tied to the nomadic way of life. *Research Objectives and Tasks.* The goal of this study is to identify the key features of social policy in Kazakhstan in the 1920s–1930s, determine its impact on different social groups, and assess the outcomes of the reforms. The study examines the consequences of policies aimed at destroying the traditional way of life of the Kazakh people, investigates the effects of sedentarization and collectivization on social policy, and analyzes healthcare reforms in the 1920s–1930s. The research findings indicate that Soviet social policy in Kazakhstan had a dual nature: on the one hand, there was a modernization of the education, healthcare, and social welfare systems; on the other hand, collectivization and the forced settlement of nomads led to deep socio-economic crises, famine, and significant demographic losses. The article explores the radical social and economic changes that had a profound impact on the structure of society and the social living standards of the population. *Conclusions.* The findings indicate that the social reforms of the 1920s–1930s were contradictory in nature: despite attempts to create a new social structure, the violent methods of their implementation led to the destruction of the traditional way of life of Kazakh society, a deterioration in living conditions, and large-scale social upheavals.

Keywords: Social policy, traditional society, tribal structure, collectivization, famine, healthcare, epidemics

Acknowledgment: This article was prepared as part of the grant-funded project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, “Social Policy in Kazakhstan in Historical Dynamics (1920s–1980s)” (Grant Registration No. GF AP 23490001).

For citation: Капаяева А.Т., Асанова С.А. Features of Social Policy in Kazakhstan in the 1920s–1930s // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Vol. 12. No. 4. Pp. 1073–1088. (In Russ.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1073-1088

XX ҒАСЫРДЫҢ 20–30 ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ӘЛЕУМЕТТІК САЯСАТТЫҢ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Капаяева Айжан Токановна^{1*}, Асанова Салтанат Амиргалиевна²

¹Ш.Ш. Уәлиханов атындағы тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көш., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының докторы, профессор

*Автор-корреспондент

 <https://orcid.org/0000-0002-1198-0185>. E-mail: kapaeva.59@mail.ru

²Ш.Ш. Уәлиханов атындағы тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көш., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының кандидаты

 <https://orcid.org/0000-0002-7077-2298>. E-mail: saltasanova@gmail.com

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2025

© Капаяева А.Т., Асанова С.А., 2025

Андатпа. *Kipicne.* XX ғасырдың басында қазақ қоғамы ғасырлар бойы қалыптасқан дәстүрлі мәдениет пен әлеуметтік құрылымның бұзылуына алып келген терең өзгерістерге тап болды. Мақала 1920–1930 жылдардағы Қазақстандағы әлеуметтік саясаттың ерекшеліктерін талдауға, өңірдің кеңестік реформалардың ықпалымен ауқымды өзгерістерді бастан өткерген кезеңіне, сондай-ақ жаңа экономикалық және саяси құндылықтарды айқындауға арналған. Орталық Ресей мен Украинадан шаруалардың қазақ даласына жаппай көшуі қазақтардың жер алқаптарының қысқаруына әкеліп соқты, бұл экономикалық қиындықтарды одан әрі ушықтырды. Нәтижесінде ғасырлар бойы қазақтардың тіршілігінің негізі болған көшпелі шаруашылық құлдырай бастады. Бұл қоғамның экономикалық құрылымын ғана емес, әлеуметтік құрылымын да бұзып жіберді, өйткені қазақ қауымы ішіндегі қатынастардың бүкіл жүйесі көшпелі өмір салтымен тығыз байланысты еді. *Зерттеудің мақсаты мен міндеттері.* 1920–1930 жылдардағы Қазақстандағы әлеуметтік саясаттың негізгі ерекшеліктерін анықтау, оның халықтың түрлі топтарына тигізген әсерін зерделеу және жүргізілген реформалардың қорытындыларын бағалау. Қазақтардың дәстүрлі өмір салтын бұзу саясатының салдарын қарастыру, седентаризация мен ұжымдастырудың әлеуметтік саясатқа әсерін анықтау, XX ғасырдың 20–30-жылдарындағы денсаулық сақтау реформаларын талдау. *Зерттеу нәтижелері* Қазақстандағы кеңес мемлекеті әлеуметтік саясатының екі жақты сипаты болғанын көрсетеді: бір жағынан, білім беру, денсаулық сақтау және әлеуметтік қолдау жүйесін жаңғырту жүргізілді, екінші жағынан – көшпенділерді ұжымдастыру және күштеп отырықшыландыру терең әлеуметтік-экономикалық дағдарыстарға, ашаршылыққа және едәуір демографиялық шығындарға әкелді. Мақалада қоғамның құрылымына, халықтың әлеуметтік тұрмыс деңгейіне терең әсер еткен түбегейлі әлеуметтік және экономикалық өзгерістер қаралды. Қорытындылар 1920–1930 жылдардағы әлеуметтік реформалардың қарама-қайшы сипатта болғанын айғақтайды: жаңа әлеуметтік құрылым құру әрекетіне қарамастан, оларды іске асырудың күштеу әдістері қазақ қоғамының дәстүрлі өмір салтының

бұзылуына, халықтың өмір сүру жағдайының нашарлауына және ауқымды әлеуметтік күйзелістерге әкелді.

Түйінді сөздер: Әлеуметтік саясат, дәстүрлі қоғам, рулық құрылым, ұжымдастыру, аштық, денсаулық сақтау, эпидемия

Алғыс: Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің «Қазақстандағы әлеуметтік саясаттың тарихи сипаты (XX ғасырдың 20–80 жылдары)» гранттық қаржыландыру жобасын іске асыру шеңберінде дайындалды (тіркеу нөмірі АР 23490001 МФ).

Дәйексөз беру үшін: Капаева А.Т., Асанова С.А. XX ғасырдың 20–30-жылдарындағы Қазақстандағы әлеуметтік саясаттың ерекшеліктері // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. 1073–1088 бб. (Орысш.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1073-1088

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КАЗАХСТАНЕ В 20–30-Е ГОДЫ XX В.

Капаева Айжан Токановна^{1*}, Асанова Салтанат Амиргалиевна²

¹Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова
(д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
Доктор исторических наук, профессор

*Автор-корреспондент

 <https://orcid.org/0000-0002-1198-0185>. E-mail: kapaeva.59@mail.ru

²Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова
(д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
Кандидат исторических наук
 <https://orcid.org/0000-0002-7077-2298>. E-mail: saltasanova@gmail.com

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2025

© Капаева А.Т., Асанова С.А., 2025

Аннотация. *Введение.* В начале XX века казахское общество столкнулось с глубокими изменениями, которые привели к разрушению традиционной культуры и социального уклада, складывавшегося веками. Статья посвящена анализу особенностей социальной политики в Казахстане в 1920–1930-е годы, периода, когда регион переживал масштабные трансформации под влиянием советских реформ, а также переход к новым экономическим и политическим реалиям. Массовая миграция крестьян из Центральной России и Украины в казахские степи привела к сокращению земельных угодий казахов, что усугубляло экономические трудности. В результате кочевое хозяйство, которое веками было основой существования казахов, начало приходить в упадок. Это разрушало не только экономическую, но и социальную структуру общества, так как вся система отношений внутри казахской общины была тесно связана с кочевым образом жизни. *Цель и задачи исследования.* Выявить ключевые особенности социальной политики в Казахстане в 1920–1930-е годы, определить её влияние на различные слои населения и оценить итоги проведённых реформ. Рассмотреть последствия политики разрушения традиционного образа жизни казахов, исследовать влияние седентаризации и коллективизации на социальную политику, проанализировать реформы в здравоохранении в 20–30-е годы XX в. *Результаты* исследования показывают, что социальная политика советского государства в Казахстане носила двойственный характер: с одной стороны, проводилась модернизация системы образования, здравоохранения и социальной поддержки, с другой – коллективизация и насильственное оседание кочевников привели к глубоким социально-экономическим кризисам, голоду и значительным демографическим потерям. В статье рассмотрены радикальные социальные и экономические изменения, которые оказали

глубокое влияние на структуру общества, на социальный уровень жизни населения. *Выводы* свидетельствуют о том, что социальные реформы 1920–1930-х годов имели противоречивый характер: несмотря на попытки создания новой социальной структуры, насильственные методы их реализации привели к разрушению традиционного уклада казахского общества, ухудшению условий жизни населения и масштабным социальным потрясениям.

Ключевые слова: Социальная политика, традиционное общество, родовая структура, коллективизация, голод, здравоохранение, эпидемии

Благодарность: Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Социальная политика в Казахстане в исторической динамике (20–80-е годы XX в.)» (регистрационный номер ГФ АР 23490001).

Для цитирования: Капаева А.Т., Асанова С.А. Особенности социальной политики в Казахстане в 20–30-е годы XX в. // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. С. 1073–1088. (На Русс.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1073-1088

Введение

Задачи и реализация советской социальной политики на разных этапах отличалась спецификой, обусловленной целями и экономическими возможностями, но можно проследить общую тенденцию, которая заключалась в том, чтобы всеми возможными средствами укреплять существующий строй и господствующее положение правящего класса. 20–30-е годы XX века стали периодом глубоких социальных преобразований в Казахстане, сопровождавшихся серьезными вызовами и проблемами. Этот этап связан с установлением советской власти, проведением радикальных реформ и изменением традиционного уклада жизни казахского народа.

Начало XX века стало переломным моментом в истории казахского народа, так как традиционный уклад жизни подвергся значительным изменениям под влиянием внешних и внутренних факторов. Этот процесс был обусловлен как социально-экономическими преобразованиями, так и политикой советской власти.

Традиционный уклад жизни казахов основывался на кочевом или полукочевом скотоводстве, которое обеспечивало относительную экономическую стабильность и социальную структуру общества. Однако в конце XIX – начале XX века царское правительство начало массовую переселенческую политику, изымая земли казахов для размещения крестьян из центральных регионов России. Это сократило доступные пастбища, что сделало невозможным поддержание прежнего образа жизни.

На изъятые земли переселялись крестьяне в основном из средней полосы России, Поволжья и Украины. За счет переселения крестьян на казахские земли центральная власть решала свои внутренние проблемы «недостатка» земель и социальные вопросы.

Таким образом, почти 1 500 000 (полтора миллиона) человек в конце XIX – нач. XX вв. переселились в казахские степи. Массовое переселение крестьян сильно изменило демографические показатели Казахстана. Значительно выросла общая численность населения, за счет переселенцев – треть населения Казахстана стали составлять русские и украинцы, соответственно удельный вес коренного населения заметно снизился.

Материалы и методы

Социальная политика в Казахстане в 20–30-е годы исследована на основе архивных документов, которые выявлены в Архиве Президента РК, Центральном Государственном архиве РК. Интерес представляют фонды и дела из аннотированного перечня особо ценных документов АП РК. Ф. 139. Киргизский областной комитет РКП(б) – Протоколы финансовой комиссии, сметы расходов и доходов Киробкома, закрытые письма об экономическом положении, отчетно-статистические данные, материалы по охране материнства и детства и т.д. В ЦГА РК информативный материал по теме содержат фонды: Народный комиссариат

социального обеспечения, Народный комиссариат труда; Наркомат финансов; Комитет по улучшению труда и быта трудящихся женщин, Главное управление коммунального хозяйства, Наркомат снабжения и т.д. В этих документах содержится материал об изменении быта кочевников; справки о доходах и расходах в рамках КАССР, сколько средств направлялось на различные направления в процентном отношении; докладные записки о тяжелом положении в области здравоохранения и т.д.

Статья опирается на фундаментальные работы историков, изучавших различные проблемы исследуемого периода: труды Сулейменова Б.С., Дахшлейгера Г.Ф., Толыбекова С.Е., Абылхожина Ж.Б, Сужикова Б. М., Масанова Н.Э., Алексеенко Н.В. и др.

Традиционная жизнь кочевников, их быт и традиции, хозяйство описаны в путевых заметках путешественников, побывавших в казахских степях.

В статье использованы отдельные документы из опубликованных сборников документов и материалов: Советский Казахстан: становление и развитие здравоохранения (1917–1937 гг.), изданный ЦГА РК; Россия и Центральная Азия. Конец XIX – начало XX века, под редакцией Д. Аманжоловой.

Статья опирается на принцип диалектического развития, из которой вытекают основополагающие принципы исторического исследования: историзм, объективность и системность. В основе исследования использован проблемно-хронологический принцип, который дал возможность не только выделить основные направления социальной политики, но и выявить, как они реализовывались во временной последовательности в разные годы.

Обсуждение

К 1917 г. в Казахстане изъято 45 млн. десятин земли. Изъятия земель носили не только массовый, но и бессистемный характер, не учитывая особенностей экономики казахского хозяйства. Как правило, отбирались наиболее плодородные, «удобные» земли. Так, из 40 с лишним миллионов десятин, изъятых в Степном и Оренбургском генерал-губернаторствах, «удобные» составляли около 30 млн. дес. С земельными участками захватывались и водные источники, каналы и арыки.

В результате изъятия привели к резкому сужению площади сезонных пастбищ, особенно зимних, смещению границ землепользования, перекрытию скотопрогонных дорог и подступов к водопоям, лишению в кочевых и полукочевых районах больших групп лучших пастбищ коренного населения, а в оседлых освоенных – плодородных и орошаемых земель. Резко обострился кризис кочевого скотоводческого хозяйства. «Природные условия создают необходимость в последовательной и систематической смене пастбищ, что возможно лишь при урегулированном землепользовании» — отмечалось в «Материалах по киргизскому землепользованию». (Материалы, 1915: 27)

Казахи в большинстве занимались кочевым и полукочевым скотоводством, предполагавшим круглогодичный или почти круглогодичный выпас скота на пастбищах. Приспособленность скотоводства к естественным условиям края, доскональное знание населением особенностей ведения этого типа хозяйства, накапливавшийся веками народный опыт, потому что кочевое и полукочевое скотоводство находилось во власти стихии. Летние засухи, уничтожавшие травяной покров, глубокие снега и гололед зимой постоянно сопутствовали кочевому и полукочевому скотоводству. (Сулейменов, 1963: 117) (Толыбеков, 1957: 51). «Главным же занятием и собственно источником дохода является скотоводство: стада составляют для казахов их капитал и доход, их гордость, радости, счастье и – несчастье. Скот и благосостояние нераздельны в понятии казаха». (Карутц, 2023: 54). «Степь кормит скот, а скот кормит киргиза. Киргиз живет для скота – для главного источника своего существования. Известно, чем пустынее и не производительнее страна и чем больше скота пасется в стаде, тем скорее истребляется корм на данном месте и тем больше площади земли требуется для пропитания скота. Именно от этих условий и зависит необходимость кочевания киргизов». (Россия и Центральная Азия, 2017: 266)

В новых условиях говорить об урегулированном землепользовании не приходится. Казахи теперь не имели возможности при приближающемся джуге принять превентивные меры, как делали раньше. По наблюдениям казахов, джуги повторялись в степи с периодичностью 12 лет: 1855–1856; 1867–1868; 1879–1880; 1903–1904; 1910–1911 гг. Раньше казахи при надвигающемся джуге имели возможность отгонять стада на более благоприятные территории. Теперь радиус кочевания был ограничен до минимума, поскольку кругом были либо образованные крестьянские поселения, либо «десятиверстная полоса», за которую нельзя было переступать кочевникам. (Атушева, 2000: 15) Никаких мер по развитию кочевого животноводства не предпринималось, мало того, кочевое скотоводство было отнесено к отсталым формам хозяйствования как архаическое, малопродуктивное хозяйство. Кочевничество было классифицировано как «феодалное общество с патриархальными пережитками». (Сужиков, 2001: 179). «Для европейцев кочевая жизнь киргизов представляется не сложной, не стоящей внимания. Многие смотрят на кочевания киргиз как явление произвольное, бесцельное, похожее на бродяжничество. Согласно их мнению, ничего не стоит воспретить бестолковое шатание по степи и прикрепить их к земле. Тогда киргизы будто бы и станут способными к восприятию современных культурных форм. На самом деле это мнение от начала до конца не основательно и показывает незнание думающих так лиц с киргизской жизнью, находящейся в полной зависимости от климатических и почвенных условий степи.» (Россия и Центральная Азия, 2023: 266). Как видим, русские и зарубежные путешественники, побывавшие в казахской степи, понимали сущность кочевого скотоводства казахов, роль скота и пастбищ для нормального функционирования кочевнического общества. В своих заметках они писали, что кочевание не простое «бродяжничество» по степи, а целая кочевая система, разработанная веками, которую не нарушали и строго придерживались представители разных родов. Поэтому насильственное оседание кочевников революционным путем, без учета особенностей кочевничества, без учета роли пастбищ для скота, изъятие земель и скота – привело к катастрофическим последствиям в 20–30-е годы XX в. Советские руководители игнорировали тот факт, что кочевое скотоводство было наиболее рациональной системой хозяйствования в условиях степи и полупустыни. Оседание, навязанное кочевникам, привело к нехватке кормов, падежу скота и кризису сельского хозяйства. В результате население оказалось без средств к существованию.

К патриархальным пережиткам относили и родовую систему, существовавшую в традиционном казахском обществе. С разрушением традиционного хозяйства казахов, целенаправленно разрушалась родовая система. Поскольку кочевая политическая культура зиждилась на узаконении родовой и аульной власти на основе традиции и общего согласия, то попытка возбудить внутренний конфликт в казахском обществе потерпела неудачу. «Советские активисты рассматривали такие понятия как «ынтымак» (согласие между различными слоями общества), «казактык» (казахство – исполнение дел согласно традиционному казахскому пути), а также «тамырство» (братство на основе крепких дружественных связей) в качестве наиболее вредоносных, так как они препятствовали формированию классового сознания среди эксплуатируемых». (Сужиков, 2001: 179). В архивном документе АП РК «Материалы по закреплению итогов конфискации баев-полуфеодалов» подведен итог борьбы с баями: «Семь с лишним лет советской власти и работа партии в Казахстане для аула не прошли бесследно. Уже есть отдельные случаи когда партийные или комсомольские ячейки действительно взяли в свои руки руководство аульной жизнью, отвоевали у бая и повели за собой массу трудового аульного населения. Проведенные массовые кампании показали, что беднота пробуждается и при поддержке со стороны власти и умелого руководства могут противостоять эксплуататорской верхушке аула. Необходимо своевременно притти на помощь государственными мерами, способствующими созданию материальных условий для развертывания классовой борьбы в ауле. Нужно крепко приударить по экономической мощи бая, чтобы создать условия для хозяйственного и культурного подъема аула и улучшения экономического положения бедноты» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2874. Л. 9–10). Меры, проводимые властью, были

направлены исключительно на ликвидацию любого экономического неравенства, и в свою очередь вели к обнищанию населения и огосударствлению хозяйств, будь то земледельческое или скотоводческое. Результатом такой политики стало значительное уменьшение поголовья скота, которое было главным богатством кочевника. Как видим, социальная политика советского государства в 20–30-е годы была основана на жестком механизме распределения, который установил «равенство в бедности» в качестве определяющей черты социальных отношений.

В 1903 г. в очерке «Киргизы» (казахи), опубликованном в № 3 ежемесячного научного журнала «Сибирский наблюдатель», русский исследователь В. К. Никольский свидетельствовал: «Громадные степные пространства, покрытые травой и удобные для пастбищ, позволяли водить много скота, а родовая организация поддерживала сородичей, имевших несчастье по той или иной причине лишиться скота. Угнали ли у киргиза барантаци его табун, лишился ли он его вследствие джута, он не обрекался на голодную смерть... Он не выкидывался из рода, не вычеркивался из числа степняков, напротив, его старались поддержать, давали возможность опереться вновь...» (Сибирский наблюдатель, 1903: 21). Глава любого казахского рода поддерживал хозяйства одноаульцев, не давая им разориться полностью. Родовое деление киргиз отменялось по Временному Положению 1868 г. и вводилось волостное, в результате чего роды оказались разделены по разным волостям, иногда и уездам. «Присматриваясь к общественно-экономической жизни киргиз, мы должны констатировать то обстоятельство, что с падением родовых устоев в жизни степи начинает выделяться течение, разделяющее киргизскую народную массу на антагонистические по имущественному положению классы (Сибирский наблюдатель, 1903: 5). Поскольку менялась система расселения аулов, ослабевали родовые связи, к чему и стремилась власть. Ее не устраивали сильная родовая власть, которая проявлялась как в экономической жизни, так и в политической. С падением родовых устоев, начинается сильное имущественное расслоение среди киргиз. В советской историографии родовая власть представлялась как «патриархально-феодалная форма эксплуатации, внешне общинное землепользование, представления о социальном «единстве» рода, скрывавшие факт неравного отношения к земле. Отсталость и косность быта, полная зависимость кочевого и даже полукочевого хозяйства от стихийных сил природы, деспотизм и произвол байства, авторитарность «старшего» в роде, неравенство женщины и многие другие черты казахской общины, освященные вековыми традициями и обычаями, в неменьшей степени, чем колониальный гнет, сковывали развитие производительных сил края. (Дахшлейгер, 2015: 85).

Разрушив родовую систему казахского общества, власть добилась разделения на классы по имущественному признаку, появлялись новые и «переплавлялись» старые социальные группы, формы эксплуатации, приспособившиеся, перестраивавшиеся применительно к изменившимся общественно-политическим условиям. (Дахшлейгер, 2015: 84).

Таким образом, традиционная социальная организация казахского общества, основанная на родоплеменных связях, клановой системе и авторитете биев (судей) и старшин, начала разрушаться с приходом советской власти, которая активно искореняла традиционные формы самоуправления и заменяла их новой административной системой. Власть биев и старшин была упразднена, а их влияние на общество сведено к минимуму. Это ослабило социальное единство аулов. Вместо родоплеменной организации общество начало делиться по классовому признаку. Кулаки и баи (зажиточные крестьяне) подвергались раскулачиванию, что стало причиной социальной напряженности и массового недовольства.

Частью общей политики социалистической трансформации общества, было принудительное оседание (седентаризация) казахов. Советская власть рассматривала кочевой уклад как пережиток феодализма и стремилась сделать всех граждан оседлыми земледельцами и рабочими, что соответствовало марксистским представлениям о прогрессивном развитии общества. Оседлый образ жизни считался более удобным для внедрения советских ценностей и контроля за населением. Кочевой образ жизни не позволял эффективно проводить продразвёрстку и коллективизацию. Советское правительство ввело политику продразвёрстки

(продовольственной разверстки), при которой крестьяне и кочевые хозяйства были обязаны сдавать государству почти всё произведённое зерно и продовольствие. Особенно тяжелым для казахов была мясная продразверстка, планы изъятия которой зачастую превышали наличие скота у населения. Это привело к нехватке продовольствия у самих крестьян и скотоводов, что в условиях неурожая 1921 года стало катастрофическим. Оседлость облегчала сбор продовольственного налога и организацию колхозов. Власти пытались превратить Казахстан в зерновой и животноводческий регион, заставляя кочевников заниматься оседлым земледелием, несмотря на неподходящий климат и почвы. КССР рассматривалась как ресурсная база для снабжения крупных промышленных центров СССР продовольствием и сырьём. Советская политика, направленная на централизованное изъятие ресурсов, разрушение традиционной системы хозяйствования и подавление рыночных механизмов, привела к массовому голоду. В 1921–1923 годах от голода в Казахстане погибло около 1 миллиона человек, а последствия этих процессов отразились и в 1930-х годах, когда начался новый голод во время насильственной коллективизации. Голод 1921–1923 гг. стал одной из крупнейших трагедий Казахстана в XX веке и во многом предопределил тяжелые последствия коллективизации конца 1920-х – начала 1930-х годов.

Одной из ключевых социальных трудностей стало осуществление политики коллективизации, которая привела к разрушению традиционного образа жизни казахов. Введение коллективных хозяйств (колхозов) сопровождалось насильственным изъятием имущества у зажиточных слоев населения (раскулачивания), так как советская власть рассматривала крупных скотоводов (баев) как эксплуататоров, которых нужно ликвидировать. В ходе кампаний против байства сотни состоятельных казахов были арестованы, сосланы или расстреляны, а их имущество конфисковано. Это разрушило традиционную систему социального управления и ослабило экономическую основу кочевого общества. Политика коллективизации окончательно разрушила традиционное кочевое скотоводство, являвшееся основой экономики и культуры казахского общества. В результате коллективизации многие семьи потеряли средства к существованию, нехватка продовольствия, разрушение хозяйств и социальная дезорганизация привели к массовому голоду в 1931–1933 годах. Демографические потери были катастрофическими: от голода погибло около 2-х миллионов человек, что составляло значительную часть населения региона. Многие казахи были вынуждены эмигрировать в соседние страны, такие как Китай, Афганистан, Иран. Это явление усугубило разрушение традиционной структуры общества. На грубые ошибки при проведении коллективизации обращали внимание центральной власти сами чиновники из регионов. Так, в докладной записке на имя секретаря Казкрайкома секретарь Уральского ОК ВКР(б) отмечает: «Перегибы в аулах сводятся к следующим основным группам: 1. Игра в коллективизацию; 2. Заготовка хлеба среди безпосевного скотоводческого населения; 3. Давление оседлых центров района на кочевую периферию; 4. Налоготворчество вплоть до индивидуального обложения в какой-то фонд имени Ленина (Налог населением называется «ленинским налогом»); 5. Приписание лишнего скота во время учета объектов обложения; 6. Искусственное подведение под индивидуальное обложение середняков.» В заключении докладной чиновник делает абсолютно верный вывод, который касается всего процесса коллективизации в Казахстане: «Совершенно не учитывалась специфичность отдельных р-нов, сел и аулов; не принимались во внимание местные, национально-бытовые условия, а самый подход, метод коллективизации везде применялся одинаковый: будь то полеводческий или скотоводческий район». (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2949. Л. 78.).

Это стало прямым следствием разрушения традиционного хозяйства, принудительного оседания и отсутствия продуманной государственной политики.

Период 1920–30-х годов в Казахстане был чрезвычайно сложным как с социальной, так и с экономической точки зрения. После Октябрьской революции 1917 года и гражданской войны регион столкнулся с серьезными проблемами в области здравоохранения. В эти годы происходило становление новой системы здравоохранения, однако этот процесс сопровождался многочисленными трудностями и вызовами, включая эпидемии, недостаток

медицинских кадров, нехватку медикаментов и низкий уровень санитарной культуры населения. В 20–30-е годы Казахстан переживал множество эпидемий, которые усугубляли и без того сложную ситуацию в регионе.

Среди наиболее распространенных заболеваний были: сыпной и брюшной тиф, оспа, чума, холера, туберкулез. Распространению этих эпидемий способствовало массовое переселение людей, тяжелые условия жизни, недостаток питания, антисанитария, отсутствие доступа к чистой воде. «Киргизы живут в самых тяжелых, в смысле гигиенических условиях, являвшихся причинами вспыхивавших эпидемий тифов и цинги... в некоторых местах вспышки холеры. Главный процент смертности падает на заболевания от цинги и истощения. Медицинская работа функционирует слабо. Весной 1922 г. в губернии голодало до 100.000 человек. Красным крестом приняты все меры к усилению медицинской помощи киргизам через свои вновь открытые фельдшерские пункты.» (АП РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 359. Л. 78)

Органы здравоохранения Кирккая прилагали огромные усилия для сдерживания эпидемий, выявлению больных и по мере возможности их изоляции. Однако катастрофически не хватало выделяемых средств ни на медикаменты, ни на открытие больниц и амбулаторий. Первый Всекиргизский съезд советов, состоявшийся в октябре 1920 г. учредил Народный Комиссариат здравоохранения КазАССР, первым наркомом здравоохранения был назначен Шамов Михаил Сергеевич, проработавший в этой должности до 1928 г. (ЦГА РК. Ф. 82. Оп. 1. Д. 38. Л. 91–92)

9 января 1922 года при Комиссии помощи голодающим прошло межведомственное совещание, на котором поднимались жизненно важные вопросы, требующие немедленного решения. От них напрямую зависела судьба тысяч людей. В докладе представителя РСФСР Мискинова подчеркивалось, что больницы в губерниях не отапливаются, условия в них крайне тяжёлые: холод, отсутствие стекол в окнах, помещения непригодны для проживания. Высокая смертность вызвана голодными отеками, истощением и кишечными инфекциями. Малочисленные медицинские учреждения, вместо изоляции очагов болезни, сами стали источниками распространения инфекций. В них царила, как отмечают архивные документы «антисанитария, теснота, вшивость, отсутствовал элементарный уход. Врачей не было, имеющийся медицинский персонал не получал зарплату месяцами». (АП РК. Ф. 139. Д. 211. Л. 65).

В резолюции совещания было сказано: 1. «Признать, что положение врачебно-санитарного отдела в КССР вообще и в области борьбы с тифозной эпидемией в частности находится в катастрофическом положении». 2. Совещание считает, что тифозная эпидемия органически связана с голодом». 3. Просить уполномоченных НКЗ РСФСР доктора Мискинова донести до сведения НКЗ и ЦК Помгола РСФСР, что без помощи центра Киркрай справится со стихийно развившемся голодом и эпидемией не может, что никакие обследования комиссии и уполномоченных без реальной помощи деньгами, продовольствием и мануфактурой облегчения не несут. (АП РК. Ф. 139. Д. 211. Л. 69).

Ситуация в здравоохранении оставалась критической: к середине 1920 года на территории республики функционировало всего 23 больницы с 814 койками и 86 амбулаторий. Медицинские кадры были крайне ограничены: всего 35 врачей, 72 фельдшера и 75 акушеров. (ЦГА РК. Ф. 82. Оп. 1. Д. 8. Л. 5) В 1920–1921 годах смертность среди младенцев достигала 70–90 %. (ЦГА РК. Ф. 82. Оп. 61. Д. 103. Л. 39–40)

В 1921 году в Казахстане работало 87 врачебных участков и 394 фельдшерских пункта. Рост заболеваемости среди населения был вызван как голодом, так и отсутствием профилактических мер. Особенно распространились социальные болезни: туберкулез, педикулез, тиф, анемия и др.

Инфекционные больные не могли быть госпитализированы в необходимом объёме из-за острого дефицита коек: по данным Наркомздрава КазССР «обеспеченность инфекционными койками составляла в 1921 году всего 7,7 коек на 10000 населения, в 1922 году – 7,6 коек, но

специализированных детских стационаров не было, больные дети госпитализировались в больницы для взрослых». (ЦГА РК. Ф. 82. Оп. 1. Д. 76. Л. 7).

По всей КАССР было зарегистрировано 350 тысяч больных инфекционными болезнями. Из этого числа так называемых острозаразных было 205 455 человек, что составляло 58,7 % от всех инфекционных больных. (Статистико-экономический обзор, 1923: 9–11). В 1922 г. этот процент составлял 76,1 %, что связано с распространением эпидемии тифа зимой 1922 г.

О тяжелой ситуации, сложившейся в Киргизском крае была направлена радиотелеграмма Ленину о состоянии медико-санитарной работы в КирАССР от 8 апреля 1921 г. В данной телеграмме отмечается: «Многочисленное население Кирреспублики, как и во времена царизма, остается без всякой медицинской помощи. Киргизы вырождаются, умирают от туберкулеза, повальной оспы, цинги и других инфекционных заболеваний... Учитывая специфические особенности Кирреспублики и трудности осуществления санитарной культуры все же на проведение элементарных санитарных мероприятий и организацию примитивной лечебной помощи киргизский народ имеет право претендовать» (ЦГА РК. Ф. 82. Оп. 1. Д. 48. Л. 19–21). Далее отмечается, что смертность даже в столице Оренбурге среди детей раннего возраста за 1920 г. превышает 80 %. Не хватает медработников, имеющийся медицинский персонал «влачит жалкое существование, лишенный элементарных человеческих условий – голодный, босой, раздетый, врачи уезда ходят в лаптях, не говоря уже о подсобном медперсонале...». В Петропавловске сотрудники лечзаведений четыре месяца не получали жалованья, к тому же им не выдавался продовольственный паек из-за отсутствия продуктов в продорганах.

В другом архивном документе отмечается, что из 9000 санитарных коек, предназначенных «голодающей Киргизии» пришло лишь 3150 коек, а из 8807 медперсонала предусмотрено пайков 2619. «Кирнаркомздрав не может территорию равно 1/3 Западной Европы, с населением в 5,001 миллионов душ, свернуть 2/3 и без того убогий лечебной сети, местами радиусом до 150–200 верст и уволить 2/3 медперсонала». (ЦГА РК. Ф. 82. Оп. 1. Д. 52. Л. 89). По смете запрашивалось 800.000 рублей, отпущено было только 125.000 рублей.

Расходы по здравоохранению на душу населения из местного бюджета в КАССР в 1925 г. были самыми низкими по сравнению с другими республиками:

Таблица 1 – Сравнение ассигнований по местным бюджетам
[Table 1 – Comparison of local budget allocations]

Расход на душу населения по здравоохранению в 1925/1926 гг.	
РСФСР	1 руб.16 коп.
Т.ССР	1руб. 24 коп.
Узбекская ССР	94 коп.
Калмыцкая область	86 коп.
Монголо-Бурятская республика	76 коп.
Башкирская	74 коп.
Чувашская республика	68 коп.
Центрально-земледельческий район	56 коп.
Якутская область	54 коп.
Казахстан	42 коп.

Источник: АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 689. Л. 71.

Таким образом, по расходам из местных бюджетов на здравоохранение Казахстан занимал последнее место в стране. Участие местных исполкомов в расходах на здравоохранение по КССР в 1925/26 г. составляло 12,3 %, в 1926/27 году – 12,8 %, что меньше, чем соседних республиках: Узбекистан – 14,1 %, Туркменистан – 16,4 %. (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 689. Л. 71).

Надо отметить, что медицинская помощь по ряду причин не охватывала кочевые районы и сельское население. В то время как именно эти категории составляли значительно большую

часть населения КАССР. Согласно переписи 1922 г. в городах проживало всего 9 % населения, 91 % проживало в аулах и селах, в том числе в кочевых районах. Сколько городского и сельского населения в разрезе губерний можно увидеть в таблице 2:

Таблица 2 – Численность населения КССР по губерниям
[Table 2 – Population of the KSSR by provinces]

Губернии	в городах	в селениях	Всего
Оренбургская	134.750 24,1 %	423.780 75,9 %	558.530 100 %
Уральская	54.400 13,4 %	351.460 86,6 %	405.860 100 %
Букеевская	3.690 2,2 %	166.940 97,8 %	170.630 100 %
Кустанайская	20.120 6 %	313.300 94 %	333.420 100 %
Актюбинская	23.710 5,8 %	391.270 94,2 %	415.110 100 %
Семипалатинская	101.330 9,5 %	966.510 90,5 %	1.067.840 100 %
ИТОГО: По КССР	392.640	3.545.070	3.938.440

Примечание: сведения о числе населения даны по результатам переписи 1922 г. / Стат.Эк. обзор Кир.ССР (АП РК. Ф. 139. Оп. 2. Д. 667. Л. 4)

Как показывает таблица, основное казахское население в 1920-е годы проживало в сельской местности от 75,9 % в Оренбургской губернии до 97,8 % в Букеевской губернии. Соответственно городское население в этих губерниях составляло 24,1 в Оренбургской и 2,2 % в Букеевской губернии. В письме, адресованном в СНК РСФСР и Наркомздрав РСФСР Председатель СНК КССР Нурмаков и народный комиссар здравоохранения Татимов отмечают: «В условиях Казахстана организация высококвалифицированной медицинской помощи на местах не редко наталкивается на непреодолимые трудности: привлечение квалифицированных хирургов, гинекологов, офтальмологов и других специалистов в глухие места Казахстана невозможно. Население, частью кочевое, расплещено на больших пространствах, и даже густая больничная сеть не была бы в состоянии обслужить население в достаточной степени.» Сельское население получало лечебную помощь через врачей и лекпомов (помощник лекаря, фельдшер). Несоответствие медицинской помощи городскому и сельскому – кочевому населению сохранялось на протяжении длительного периода. В 1929 г. в материалах подготовки к VI Всеказахскому съезду здравоохранения и участковых врачей отмечалось: «Не вполне правильное направление мероприятий и ассигнований на дело здравоохранения между городами и прочими местностями края: 68 % всех средств и 60,9 % всех коек приходится на 8,5 % процента городского населения и 32 % и 39,1 % всех коек на 91,5 % прочего населения края, а в особенности внутри последних между оседло-сельским, кочевыми и рабочими районами. В результате такого направления ассигнований особенно обездоленными в деле здравоохранения оказываются наиболее ранимые рабочие районы, кочевые и оседло-сельские группы трудящегося населения Республики». (Советский Казахстан, 2023: 267)

Для обслуживания кочевого населения действовали так называемые передвижные «красные юрты», в задачи которых входили комплексные задачи: ликвидация неграмотности, санитарно-просветительская работа, а также оказание медицинской помощи местному населению. В состав входили врачи, фельдшеры и помощники из местного населения, которые выполняли в основном роль переводчиков.

В 1926 г. в Казахстан была направлена экспедиция Академии наук СССР для проведения обследования казахского населения. По результатам этого обследования отмечалось, что «казахские волости обеспечены врачебно-больничной сетью лишь на 12 %.

Сельское население КССР обслуживается неравномерно. При норме «одна койка на тысячу человек населения» эта медобеспеченность сельского населения стационарной помощью представляется в следующем виде:

Таблица 3 – Обеспеченность сельского населения коечной помощью
[Table 3 – Provision of rural population with bed care]

№	Название губерний	% обеспеченности сельского населения коечной помощью
1.	Уральская губерния	30,4
2.	Семипалатинская губерния	9,9
3.	Акмолинская	17,8
4.	Кустанайский округ	29,8
5.	Джетысуйская губерния	16,5
6.	Сыр-Дарьинская губерния	11,2
7.	Кара-Калпакская автономная область	6,5
8.	Актюбинская губерния	15,3
9.	Адаевский уезд	30,0
	По КССР в среднем	16,8%

Источник: АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 689. Л. 92.

В западных районах КССР % обеспеченности несколько выше за счет того, что «население можно причислить к полукочевому (а не кочевому), к тому же вследствие эндемичности чумы лечучреждений в этом районе было больше». (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Л. 91)

Киргизский Наркомат финансов в своем докладе по расходам на 1922/1923 и 1923/1924 гг. отмечает, что расходы на здравоохранение составили 80.756 руб., что составляет *всего 10,6 % от всего бюджета*. Расходы на народное образование 138.384 руб. – 18 % от бюджета. Наибольшая часть расходов была затрачена на содержание административного аппарата 192.008 руб., что составляет четверть всего бюджета 25 %. В 1923/1924 годах общие расходы увеличились до 1.728.952 против 769.227 в предыдущем году. Расходы на здравоохранение увеличились и составили 207.826 руб., что составляет *12 % от общего бюджета*. (АП РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 988. Л. 202)

Таблица 4 – Расходы на душу населения КССР
[Table 4 – Expenditures per capita of the KSSR]

Наименование расходов	1922/1923		1923/1924	
	Израсходовано за 3 квартал	Приходится На 1душу в коп.	Израсходовано за 3 квартал	Приходится На 1душу в коп.
Содержание адм. аппарата	192.008	4,9	381.805	9,8
РАСХОДЫ:				
Народное образование	138.384	3,6	524.434	13,5
Здравоохранение	80.756	2,1	207.526	5,3
Сельское хоз-во	23.102	0,6	79.921	2,0
Ком. Хоз.	149.097	3,5	192.094	4,9
Остальные расходы	185.870	4,7	343.162	8,8
ИТОГО:	769.227	19,7	1.728.952	44,3

Источник: АП РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 988. Л. 204.

Из данной таблицы видно, что в третьем квартале 1922/23 года из общей суммы расходов на одного человека 19.7 коп. на содержание административного аппарата приходится 4,9 коп. и остальные расходы по ведению местного хозяйства (расходы юстиции, социального обеспечения и пр.) 4,7 коп., а всего 9,6 коп. На расходы же обслуживающие непосредственно

потребности населения (народное образование, здравоохранение, сельское хозяйство и коммунальные расходы = 10,1 коп. Таким образом, на расходы связанные с управлением местного хозяйства потрачено 49 %, на обслуживание нужд населения 51 %. За тот же период 1923/24 года из общей суммы расходов на душу населения потрачено на расходы, связанные с управлением местного хозяйства 42 % (18,6 коп), а на обслуживание нужд населения 58 % (25,7 коп). (АП РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 988. Л. 204). Что касается здравоохранения, то цифры просто очень низкие: из положенных на душу населения 19,7 коп. на здравоохранение приходилось всего лишь 2,1 коп. В 3 квартале 1923/1924 г. мы видим незначительный рост как расходов на душу населения, так и на здравоохранение: расходы на душу населения выросли до 44,3 коп., на здравоохранение 5,3 коп. (АП РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 988. Л. 204). Киргизский Наркомат финансов обратил в докладной внимание на необходимость сокращения средств на содержание административного аппарата и увеличение средств на здравоохранение, народное образование и сельское хозяйство. Наркомат финансов предлагает «в целях достижения цели нужно принять все меры к упрощению управления местным хозяйством, пересмотреть существующие сети учреждений, произвести укрупнение волостей и селений произведя сокращение аппаратов». (Там же)

Одним из важных направлений социальной политики советской власти в рассматриваемые годы была охрана здоровья матери и ребенка. Первый Нарком здравоохранения М.С. Шамов в кратком обзоре медико-санитарного состояния Киргизского края к 1 февраля 1922 г. отмечает: «В отношении детской смертности Россия занимала 1-е место среди европейских государств. Статистика смертности за 15 лет в России от 1867 до 1881 года показывает, что в среднем детская смертность 271 на тысячу детей или 27 %. В Оренбургской губернии 320 на тысячу или 32 %. Но эта колоссальная смертность бледнеет перед цифрой детской смертности в настоящее время в связи со стихийным голодом, постигшим Киргизскую Республику. Смертность детей до года в наших домах колеблется между 80–90%, а старше одного года между 50–60 %. Санитарное состояние детских домов в связи с их перегруженностью и не благоустроенностью ниже всякой критики: грязь, зловоние, скученность, по трое четверо детей на одной койке, если таковые имеются, без света; дети грязны, голы, босы, проводят целые дни в ожидании полуголодного обеда. Дети чахнут физически и тупеют морально». (ЦГА РК. Ф. 5. Оп. 2. Д. 18. Л. 162–164.)

В докладе заведующей санитарной частью детских домов г. Кустаная доктора Бахтияровой на ноябрь месяц 1923 г. показано чрезвычайно тяжелое санитарное состояние детских домов, что было характерно для всех немногочисленных городов Казахстана в 20–30-е годы. В г. Кустанае на ноябрь месяц 1923 г. имелось 8 детских домов, в которых было 385 детей в возрасте от грудного до 18 лет. При санитарном осмотре обнаружено массовое заболевание детей трахомой, чесоткой, конъюнктивитом, цингой, а именно:

«В 3 Интернационале на 340 человек – 240 трахоматозных (70,6 %), чесоточных 25 (7,35 %), цинготных 100 (29,6 %).

В д\д Коммунист на 60 человек трахоматозных 15 (20 %)

В д\д площадь на 176 трахоматозных 34,5%, чесоточных 40 чел (23,3 %), конъюнктивных 16 (9 %), цинготных 55 %

В д\д ребенок на 30 чел. конъюнктивных 5 (15,6 %) чесоточных 4 (3,3 %)

В д\д Красноармеец на 70 человек трахоматозных 8 (11,4 %, чесоточных – 2 (28 %))» (ЦГА РК. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1. Л. 101). Протоколы заседаний Центральной детской комиссии).

Этот доклад не остался вне поля зрения Губернской детской комиссии (Губдеткомиссия), которая на своем заседании 29 ноября 1923 г. рассмотрела вопрос о тяжелом санитарном положении детских домов Кустаная и постановила принять ряд неотложных мероприятий.

Голод 1921–1923 и 1931–1933 годов в Казахстане стал одной из главных причин резкого увеличения количества беспризорных детей. В результате голода сотни тысяч казахов погибли от истощения и болезней. Дети, потерявшие родителей, оставались без средств к существованию и пополняли ряды беспризорников. Разрушение традиционных родовых

структур, которые были разрушены советской властью, в задачу которых входила забота о сиротах, привело к ослаблению родственных связей. В годы голода и разрухи люди сами боролись за выживание и не могли брать на себя заботу о чужих детях, как в традиционном казахском обществе. Голод стал одной из главных причин демографического кризиса, обострения социальной обстановки и появления огромного числа сирот и беспризорников в Казахстане.

Для решения проблем детей 28 апреля 1921 г. была образована Центральная комиссия КЦИК по улучшению жизни детей КССР, согласно Постановлению ВЦИК от 16 февраля и Президиума КЦИК от 2 марта 1921 г. за подписью Председателя КЦИК Мендешева и Председателя КирСовнаркома Радус-Зеньковича. Согласно этому постановлению создана комиссия Президиума КЦИК куда вошли представители от Кирнаркомпрода, Кирнаркомпроса, Киррабкри, Кирнаркомздрава, Кирпрофбюро и уполномоченный ВЧК. На комиссию по улучшению жизни и положения детей в КССР были возложены следующие задачи: 1. Объединение и согласование деятельности ведомства и организаций, связанных с вопросами обслуживания детей и оказания на организационном уровне материального содействия в этой работе. 2. Изыскание средств в помощи детям, в первую очередь беспризорным. 3. Привлечение к делу помощи детям советскую общественность, организаций и руководство в этой области. (ЦГА РК. Ф. 509. Оп. 1. Д. 10. Л. 1)

За пять месяцев работы комиссии сменилось четыре председателя. С 25 августа Председателем комиссии стал Нарком просвещения А. Кенжин. На 16 ноября 1921 года по всей КССР было 100.000 беспризорных детей, на 1 декабря – 128.873 чел., на 31 декабря – 158.564, в январе беспризорных детей насчитывалось уже 331.043 человека. Эти данные приведены в докладе А. Кенжина. Наибольшее количество беспризорных детей было в Оренбургской губернии 150.000, в Кустанайской – 96.000, Уральской – 31.000. (ЦГА РК. Ф. 509. Оп. 1. Д. 5. Л. 11) В наиболее тяжелом положении во всех отношениях находилась Букеевская губерния, признанная в 1922 г. голодающей, здесь первоначально дети помещались у частных лиц на правах патроната, а затем в 1923 г. была организована сеть детучреждений, куда и были помещены дети. Детучреждения оборудованы плохо, санитарная помощь почти отсутствует. Количество голодных детей было 25.630 человек. (ЦГА РК. Ф. 509. Оп. 1. Д. 5. Л. 86)

В 1923 г. учреждения социального воспитания и охраны детства – школы, дома ребенка, ясли, детские дома, школы-коммуны, колонии, обслуживающие в КССР свыше 300.000 детей «с таким трудом созданные рабочим классом, в беспримерно тяжелых условиях хозяйственной разрухи, с переводом на местные средства поставлены в весьма тяжелые условия». (ЦГА РК. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1. Л. 65). Повсеместно из-за нехватки средств некоторые детские учреждения были закрыты, что неизбежно привело к увеличению числа беспризорных детей.

В мае 1927 г. при Наркомздраве был образован отдел охраны материнства и детства (ЦГА РК. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 679а. Л. 49 об.)

Обычным явлением в лечебных заведениях Кирреспублики было отсутствие коек, матрацев, постельного белья, предметов ухода за больными.

Таким образом, в 1920–1930-е годы советская власть активно проводила политику насильственного оседания (седентаризацию), коллективизации, направленную на создание колхозов и совхозов, сопровождавшуюся изъятием скота и других средств производства у частных хозяйств, что особенно сильно ударило по кочевому образу жизни казахов. Переход на оседлость и уничтожение традиционного скотоводческого хозяйства привели к массовому голоду в 1921–1923 и 1932–1933 годах, которые стали катастрофой для казахского народа. В Казахстане большая часть населения Северного, Западного, Центрального, Восточного регионов вела кочевой и полукочевой образ жизни. Принудительный переход к оседлости и создание колхозов привели к катастрофическим последствиям: голоду и большим потерям среди населения. Власть не учитывала национальные особенности казахского народа, его хозяйства. Политика проводилась «по единому стандарту» на всей территории.

Внедрение социалистических реформ негативно сказалось на традиционной культуре и образе жизни казахов. Советская власть проводила активную политику по искоренению элементов традиционной культуры, считавшихся «устаревшими». Это касалось, например, разрушения институтов родоплеменной организации, которые на протяжении веков играли важную роль в социальной структуре казахского общества. Оседлость нарушила привычный уклад жизни кочевников, а коллективизация и индустриализация привели к массовым миграциям, изменив структуру сельского и городского населения.

Период 20–30-х годов XX века стал для казахского народа временем больших социальных изменений, как позитивных, так и негативных. К позитивным изменениям относятся первые шаги в становлении системы здравоохранения в КАССР, важным направлением которого была борьба с эпидемиями. Благодаря проведенной органами здравоохранения вакцинации к 1925 г. удалось сократить заболеваемость брюшным тифом в 15 раз, дизентерией – в 2 раза, сыпным тифом в 25 раз. (Ганина, 2022: 14). В рассматриваемые годы берет начало становление народного образования, ликвидация неграмотности. В 1920–1930-е годы XX в. казахское общество прошло через кардинальную трансформацию: традиционные социальные группы были уничтожены, формировались два основных новых класса – рабочие и колхозники. Однако эти изменения сопровождались огромными жертвами, что привело казахское общество к глубокой социальной и демографической трагедии.

Многие негативные процессы, происходившие в рассматриваемый период, были следствием стремления партийных и советских руководителей применить социальные меры и методы, применявшиеся в центральных регионах России, на все народы страны, без какого бы то ни было учета национальных особенностей, специфики хозяйственного уклада.

Однако, несмотря на это, казахский народ сумел сохранить свою культурную идентичность, что позволило ему пережить этот период радикальных перемен и продолжить своё развитие в новых исторических условиях.

Источники

АП РК — Архив Президента Республики Казахстан
ЦГА РК — Центральный государственный архив РК

Sources

AP RK — Archive of the President of the Republic of Kazakhstan
CSA RK — Central State Archives of the Republic of Kazakhstan

Литература

Атушева, 2000 — *Атушева С.* Джуты в Казахстане в к. XIX – нач. XX вв. Автореф. к.и.н. Алматы, 2000. 15 с.

Галина, 2022 — *Галина Г.Ф.* Развитие советской системы здравоохранения в Казахской ССР // Гасырлар авазы – Эхо веков, 2022. № 1. С. 14–15.

Дахшлейгер, 2015 — *Дахшлейгер Г.Ф.* Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана // Избранные труды. Алматы, 2015. 85 с.

Карутц, 2023 — *Карутц Р.* Среди казахов и туркмен. Алматы: AkmaBooks, 2023. 54 с.

Материалы, 1915 — *Материалы* по киргизскому землепользованию района реки Чу и низовьев реки Таласа Черняевского и Аулиеатинского уездов Сыр-Дарьинской области. Ташкент: Литография В.М. Ильина, 1915.

Россия и Центральная Азия, 2017 — *Россия и Центральная Азия.* Конец XIX – начало XX века: сборник документов и материалов / сост.: Д.А. Аманжолова, Т.Т. Далаева, Г.С. Султангалиева. М., Издательство: Новый хронограф, 2017. 266 с.

Сибирский наблюдатель, 1903 — *Сибирский наблюдатель.* Томск, 1903. № 3. Кн. 8. 21 с.

Советский Казахстан, 2023 — *Советский Казахстан:* становление и развитие здравоохранения (1917–1937 гг.). Сборник документов и материалов / сост.: С.К. Шилдебай, З.М. Толенова, А.А. Джунисбаев. Алматы: КР Орталық мемлекеттік архиві, 2023. 267 с.

Статистико-экономический обзор, 1923 — *Статистико-экономический обзор* КазССР. Оренбург: ЦСУ КССР, 1923. С. 9–11.

Сужиков, 2001 — *Сужиков Б.М.* История модернизации казахского края. Обзор книги М.Дж. Пайна «Сталинская железная дорога Турксиб и строительство социализма, 2001. 384 с.

Сулейменов, 1963 — *Сулейменов Б.С.* Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX начала XX вв. Алма-Ата, 1963.

Толыбеков, 1957 — *Толыбеков С.Е.* Вопросы экономики и организации кочевого скотоводческого хозяйства казахов в конце XIX и начале XX веков // Труды Института экономики АН КазССР». Алма-Ата, 1957. Т. 2.

References

Atusheva, 2000 — *Atusheva S.* Dzhuty v Kazakhstane v kontse XIX – nachale XX vv. [Droughts in Kazakhstan in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Avtoreferat kandidata istoricheskikh nauk. Almaty, 2000. 15 p. (In Russ.).

Dakhshleyger, 2015 — *Dakhshleyger G.F.* Sotsial'no-ekonomicheskiye preobrazovaniya v aule i derevne Kazakhstana [Socio-Economic Transformations in the Aul and Village of Kazakhstan] // Izbrannyye trudy. Almaty, 2015. 85 p. (In Russ.).

Galina, 2022 — *Galina G.F.* Development of the Soviet healthcare system in the Kazakh SSR // Gasyrlar avazy – Echo of centuries, 2022. No. 1. Pp. 14–15.

Karutts, 2023 — *Karutts R.* Sredi kazakhov i turkmen [Among the Kazakhs and Turkmens]. Almaty: AkmaBooks, 2023. 54 p. (In Russ.).

Materialy, 1915 — *Materialy* po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu rayona reki Chu i nizov'yev reki Talasa Chernyayevskogo i Auliyeatinskogo uyezdov Syr-Dar'inskoy oblasti [Materials on Kyrgyz Land Use in the Chu River Area and Lower Talas of the Chernyaevsky and Aulie-Ata Uyezds of the Syr-Darya Region]. Tashkent: Litografiya V.M. Il'ina, 1915. (In Russ.).

Rossiya i Tsentral'naya Aziya, 2017 — *Rossiya i Tsentral'naya Aziya.* Konets XIX – nachalo XX veka: sbornik dokumentov i materialov [Russia and Central Asia. Late 19th – Early 20th Century: Collection of Documents and Materials] / sost.: D.A. Amanzholova, T.T. Dalayeva, G.S. Sultangaliyeva. M.: Novyy khronograf, 2017. 266 p. (In Russ.).

Sibirskiy nablyudatel', 1903 — *Sibirskiy nablyudatel'* [Siberian Observer]. Tomsk, 1903. No. 3. Book 8. 21 p. (In Russ.).

Sovetskiy Kazakhstan, 2023 — *Sovetskiy Kazakhstan: stanovleniye i razvitiye zdravookhraneniya (1917–1937 gg.): sbornik dokumentov i materialov* / sost. S.K. Shildebay, Z.M. Tolenova, A.A. Dzhunisbayev (Soviet Kazakhstan: Formation and Development of Healthcare (1917–1937): Collection of Documents and Materials). Almaty: Qazaqstandyq Ortalyq Memlekettik Arkhivi, 2023. 267 p. (In Russ.).

Statistiko-ekonomicheskiy obzor KazSSR, 1923 — *Statistiko-ekonomicheskiy obzor KazSSR* [Statistical and Economic Review of the Kazakh SSR]. Orenburg: Tsentral'noe Statisticheskoe Upravlenie KSSR, 1923. Pp. 9–11. (In Russ.).

Suleymenov, 1963 — *Suleymenov B.S.* Agrarnyy vopros v Kazakhstane posledney trety XIX – nachala XX vv. [The Agrarian Question in Kazakhstan in the Last Third of the 19th – Early 20th Century]. Alma-Ata, 1963. (In Russ.).

Suzhikov, 2019 — *Suzhikov B.M.* Istoriya modernizatsii kazakhskogo kraya. Obzor knigi M.Dzh. Payna “Stalinskaya zheleznaya doroga Turksib i stroitel'stvo sotsializma” [History of the Modernization of the Kazakh Region. Review of the Book by M. Dzh. Payne “Stalin's Railroad Turksib and the Construction of Socialism”] // Ocherki zarubezhnoy istoriografii Kazakhstana XIX–XX vv. Almaty, 2019. 179 p. (In Russ.).

Tolybekov, 1957 — *Tolybekov S.Ye.* Voprosy ekonomiki i organizatsii kochevogo skotovodcheskogo khozyaystva kazakhov v kontse XIX i nachale XX vekov (Economic and Organizational Issues of Kazakh Nomadic Animal Husbandry in the Late 19th and Early 20th Centuries) // Trudy Instituta ekonomiki AN KazSSR. Alma-Ata, 1957. Vol. 2. (In Russ.).

ТАРИХ / ИСТОРИЯ / HISTORY

Published in the Republic of Kazakhstan
Asian Journal “Steppe Panorama”
Has been issued as a journal since 2014
ISSN 2710-3994.
Vol. 12. Is. 4, pp. 1089-1108, 2025
Journal homepage: <https://ajspiie.com>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2710-3994_2025_12_4_1089-1108

SOME ASPECTS OF RELIGIOUS SITUATION IN THE KAZAKH SSR IN 1950–1980s

Kassymova D.B.¹, Tleubayev Sh.B.², Abdrakhmanov B.³

¹Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28, Shevchenko Str., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher
 <https://orcid.org/0000-0001-8521-9818>. E-mail: didarkassymova87@gmail.com

²Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28, Shevchenko Str., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences, Deputy Director General for Scientific Work
 <https://orcid.org/0000-0002-9659-1006>. E-mail: Shamek_09@mail.ru

³A. Marghulan Pavlodar Pedagogical University,
(60, Mira Str. 140002 Pavlodar, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
 <https://orcid.org/0000-0001-7147-4391>. E-mail: abdrahmanov_bayr@mail.ru

© Ch.Ch. Valikhanov IHE, 2025

© Kassymova D.B., Tleubayev Sh.B., Abdrakhmanov B., 2025

Abstract. Introduction. The article elucidates the religious situation in the Kazakh SSR since 1950s and onwards until the perestroika time and how it affected the social life of population, its religiosity (in particular, on Islamic populace). *Goals and objectives* – to study the situation that developed after the Bolsheviks came to power in 1917. In particular, when Bolsheviks came to power in 1917, they launched the process of state building on ideocratic foundations – Marxist materialistic dialectics, atheism, that denied religion as one of the key factors for civilization evolution, historical dynamics and social integrator. *Results.* Religion was declared not only a political enemy, but a competitor for societal formation. The period of 1950–1980s in the history of the Soviet regime politics towards religion is remarkable for a new approach of the administration with explicit declarations and implicit politics. The population of the Kazakh SSR was ethnically and religiously diverse, and all the ethnic groups retained ethnic identity core markers with strong religious core. The article is based on analysis of archival documents and legal acts of the state bodies of the USSR and the Kazakh SSR, official statistics, assessment of researches on the Soviet religious politics. For explanation of the Soviet politics towards religion is employed secularism – principle of separation of state and religion, minimization of its role in public sphere. Secularism implies anti-clericalism, explanation of nature and society evolution by naturalistic laws. Major methodological tools – principles of historicism, systemic approach, content- and event- analysis, discourse analysis. *Conclusion.* But despite all the policies of the soviet regime – ban and criminalization of religious practices, atheistic propaganda, the Soviet regime failed to fully control the population minds and hearts, that remained religious even in moderate way, still maintaining most of religious rites embedded in life-cycle ethnic-cultural practices.

Keywords: Kazakh SSR, religion, Soviet politics towards religion, Islam, atheism, propaganda

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the grant financing project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan “Social policy in Kazakhstan in historical dynamics (20s–80s of the twentieth century). Registration number: AP23490001”.

For citation: Kassymova D.B., Tleubayev Sh.B., Abdrakhmanov B. Some aspects of religious situation in the Kazakh SSR in 1950–1980s // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Vol. 12. No. 4. Pp. 1089–1108. (In Eng.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1089-1108

1950–1980 ЖЫЛДАРДАҒЫ ҚАЗАҚ КСР-індегі ДІНИ ЖАҒДАЙДЫҢ КЕЙБІР АСПЕКТІЛЕРІ

Қасымова Дидар Бейсенғалиқызы¹, Тілеубаев Шәмек Баянұлы², Абдрахманов Бауыржан³

¹Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көш., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер
 <https://orcid.org/0000-0001-8521-9818>. E-mail: didarkassymova87@gmail.com

²Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көш., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
Бас директордың ғылыми жұмыстар жөніндегі орынбасары
Тарих ғылымдарының кандидаты
 <https://orcid.org/0000-0002-9659-1006>. E-mail: Shamek_09@mail.ru

³Ә. Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті
(60-үй, Мира көш., 140002 Павлодар, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор
 <https://orcid.org/0000-0001-7147-4391>. E-mail: abdrahmanov_bayr@mail.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2025

© Қасымова Д.Б., Тілеубаев Ш.Б., Абдрахманов Б., 2025

Аңдатпа. *Kіріспе.* Мақалада Қазақ КСР-дегі 1950 жылдардың басына қайта құруға дейінгі діни ахуал және оның халықтың әлеуметтік өміріне, діндарлығына (ислам дінінің әсіресе мұсылман халқына) қалай әсер еткені қарастырылады. 1917 жылы большевиктер билікке келгеннен кейін идеологиялық негізде мемлекет құруға кірісті – маркстік материалистік диалектика, атеизм, дінді өркениет дамуының негізгі факторы, тарихи динамика және әлеуметтік интегратор ретінде жоққа шығарылады. Дін тек саяси қарсылас қана емес, сонымен бірге қоғамдық формациядағы бәсекелес ретінде де жарияланды. Кеңес мемлекетінің дін саясаты тарихында 1950 жылдардың басына 1980 жылдардың аяғына дейінгі кезең ашық мәлімдемелермен және жасырын қудалау саясатымен жаңа әкімшілік көзқараспен ерекшеленеді. Қазақ КСР халқының этникалық және діни құрамы әртүрлі болды, ал барлық этностар күшті діни өзегі бар байырғы этникалық белгілерін сақтап қалды. *Материалдар мен әдістер.* Мақалада КСРО және Қазақ КСР-ның архив құжаттары мен құқықтық актілеріне, ресми статистикалық мәліметтерге, кеңестік дін саясаты мәселелері бойынша зерттеушілердің еңбектерінде келтірілген материалдарға талдау жасалған. Зайырлылық принципі кеңестік дін саясатын – дінді мемлекеттен бөлу, оның қоғамдық ортадағы рөлін барынша азайтуды түсіндіру үшін қолданылады. Зайырлылық антиклерикализмді, табиғат пен қоғамның дамуын натуралистік заңдармен түсіндіруді білдіреді. *Негізгі методологиялық әдістерге* – тарихилық, жүйелілік ұстаным, мазмұнды және оқиғаларды талдау, дискурстық талдау принциптері жатады. *Нәтижелер.* Кеңес өкіметінің жүргізген – діни әдет-ғұрыптарға тыйым салу және қылмысқа тарту, атеизмді насихаттау саясатына қарамастан, режим өмірлік циклдер мен

этномәдени тәжірибелерге енген, көптеген діни жоралғыларын сақтап (әр түрлі дәрежеде) діндар болып қалған халықтың санасы мен жүрегін толықтай бақылай алмады.

Түйін сөздер: Қазақ КСР, дін, дінге қатысты кеңестік саясат, ислам, атеизм, насихат

Алғыс. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің «Тарихи динамикадағы Қазақстандағы әлеуметтік саясат (XX ғасырдың 20–80 жж.)» тақырыбындағы гранттық қаржыландыру жобасын жүзеге асыру аясында орындалды. Жеке тіркеу нөмірі: AP23490001)

Дәйексөз үшін: Қасымова Д.Б., Тілеубаев Ш.Б., Абдрахманов Б. 1950–1980 жылдардағы Қазақ КСР-індегі діни жағдайдың кейбір аспектілері // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. 1089–1108 бб. (Ағылш.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1089-1108

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕЛИГИОЗНОЙ СИТУАЦИИ В КАЗАХСКОЙ ССР В 1950–1980е ГОДЫ

Касымова Дидар Бейсенғалиевна¹, Тлеубаев Шамек Баянович², Абдрахманов Бауыржан³

¹Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова

(д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник.

 <https://orcid.org/0000-0001-8521-9818>. E-mail: didarkassymova87@gmail.com

²Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова

(д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

Кандидат исторических наук, заместитель Генерального директора по научной работе

 <https://orcid.org/0000-0002-9659-1006>. E-mail: Shamek_09@mail.ru

³Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана,

(д. 60, ул. Мира, 140002 Павлодар, Республика Казахстан)

Кандидат исторических наук, ассоциированный профессор

 <https://orcid.org/0000-0001-7147-4391>. E-mail: abdrahmanov_bayr@mail.ru

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2025

© Касымова Д.Б., Тлеубаев Ш.Б., Абдрахманов Б., 2025

Аннотация. *Введение.* В статье рассмотрена религиозная ситуация в Казахской ССР с начала 1950х годов до перестройки, и как это влияло на социальную жизнь населения, его религиозность (в особенности, on Islamic на мусульманское население). *Цели и задачи исследования* – исследовать ситуацию, сложившуюся после того, как большевики пришли к власти в 1917 году. В частности, они приступили к строительству государства на идеократических основаниях – марксистская материалистическая диалектика, атеизм, который отрицал религию как ключевой фактор развития цивилизаций, исторической динамики и социальный интегратор. *Результаты.* Религия была объявлена не только политическим противником, но и конкурентом в социетальном формировании. Период с начала 1950-х до конца 1980х годов в истории религиозной политики советского государства отмечен новым административным подходом с открытыми декларациями и скрытой политикой преследований. Население Казахской ССР было разнообразным в этническом и религиозном отношениях, и все этнические группы сохраняли коренные этнические маркеры с сильным религиозным ядром. Статья основана на анализе архивных документов и правовых актов СССР и Казахской ССР, официальной статистике, материалах, изложенных в работах исследователей по советской религиозной политике. Для объяснения советской религиозной политики использован принцип секуляризма – отделение религии от государства, минимизация её роли в публичной сфере. Секуляризм подразумевает антиклерикализм, объяснение развития природы и общества натуралистическими законами. Основные

методологические приемы – принципы историзма, системный подход, контент- и ивент- анализ, и дискурс анализ. *Заключение.* Несмотря на политику советского режима – запрет и криминализация религиозных практик, пропаганда атеизма, режиму не удалось полностью контролировать умы и сердца населения, которое оставалось религиозным (в разной степени), сохраняя многие религиозные ритуалы, вписанных в жизненные циклы и этнокультурные практики.

Ключевые слова: Казахская ССР, религия, советская политика в отношении религии, ислам, атеизм, пропаганда

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Социальная политика в Казахстане в исторической динамике (20-е–80-е годы XX в.). Регистрационный номер: AP23490001).

Для цитирования: Касымова Д.Б., Тлеубаев Ш.Б., Абдрахманов Б. // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. С. 1089–1108. (На Англ.).

DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1089-1108

Introduction

The state in its internal and external policy being a socio-political institution turns to religion, because it largely determines the historical, and cultural foundations and constraints of interaction between ethnic groups, socio-cultural factors of the structural organization of society and moral and psychological value orientations of population groups. The repressive policy of the Soviet state with regard to religion forced the Soviet people to hide their religious beliefs deep into their consciousness, while a significant part of populace still remained deeply religious. The Soviet state's policy on religion was an integral part of the process of communism buildup process. It was carried out in several interrelated dimensions in internal policy (secularization, formation of a new culture, identity and person as the core of the moral qualities of the builder of communism), and in external policy (combat other models of creating one of the versions of world history and civilizational path, demonstration of the Soviet form of interaction between the state, society and religion) (Legislation of the USSR, 2015). It was important for the Soviet regime to show (and the inhabitants of the Oriental/Muslim republics proved it with their lifestyle) that socialism was not alien to the national culture of these peoples, where Islamic practices still played a significant role, but only at the domestic level. The components of the anti-Islamic policy were the introduction of a socialist mode of life, overcoming the vestiges of Islam in everyday life, the processes of internationalization, the social emancipation of women in the Soviet East, their spiritual and moral liberation, atheistic education and propaganda.

The Soviet regime politics towards religion went through several stages each determined mainly by political objectives – establishing total control over all aspects of life through strict observance and intervention (even in private one). The politics of 1920–1930s was characterized by strong degree of force, coercion, propaganda and agitation. During the World War II (or – Great Patriotic war) religion was exploited to stimulate patriotic feeling of the population and mobilize it to fight against Nazis. On May 9, 1944, the Council for Religious Cults was established, headed by state security officer K.A. Zaytsev, and later by I.V. Polyansky (Council for Religious Affairs, 1985: 414). The attitude toward Islam changed, and at the initiative of the NKGB, the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR decided on July 31, 1943, to establish the Spiritual Administration of Muslims of Central Asia and Kazakhstan – SADUM (Maslova, 2011). Religious institutes were competitors for the Soviet building socialism and then communism (New Criminal Codes). The Decree of the Presidium of the Supreme Council of RSFR “On administrative responsibility for violation of the legislation on religious cults” was adopted on the March 18th 1966. In Kazakhstan was adopted Decree был of the Presidium of the Supreme Council of the Kazakh SSR on the 3 June 1966 “On administrative responsibility for violation of the legislation on religious cults”.

Discussion

The western scholarship has accumulated a rich body of literature on the Soviet politics towards religion – state propaganda of atheism, repressions against religion and clerics (ban of religion from public life and from all officialdom, reprisals against clergy of all denominations), general policies and its effects. But the religious situation in some republics has not been studied. Politics towards Islam in the Soviet Central Asia after Bolsheviks came to power was analyzed by A. Khalid (Khalid, 2010). The Muslim nations under the soviet anticlerical control have been analyzed by Keller S. (Keller, 2001), (Ro'i Y., 2000), (Benningsen, 1985). The effects of the Soviet combat against religions through propaganda is evaluated by D. Powell (Powell, 1967). The N. Khrushchev policy towards religion is analyzed by Marchenko A. (Marchenko, 2010).

The literature on the soviet politics towards religion by Kazakhstani scholars include the works on the role of religion in ethnicity maintenance of Sultangalieva A. (Sultangalieva, 1998), Kydyralina Z. (Kydyralina, 2007), Mukhtarova (Mukhtarova, 2007), Saktaganova Z. (Saktaganova, et al., 2014), (Saktaganov, 2017) Nurtazina N. (Nurtazina, 2008), Shapoval Y. (Shapoval, 2022), Abdrakhmanova K. (2013), Tastanova Z. (2021). Everyday life of commoners was studied by Mazhitova (Mazhitova et al.). The Soviet authorities also controlled the Orthodox Church in the Kazakh SSR monitoring all activities, intervening into internal life of the Church (Ivanov, 2024).

The article is based on analysis of the Soviet legislative acts of the USSR (Zakonodatelstvo o relig. Kultah) and Kazakh SSR (Saktaganova, Tasbulatova, 2014), reports of the commissioners of religious cults in the Kazakh SSR. For explanation of the Soviet politics towards religion is employed secularism – principle of separation of state and religion, minimization of its role in public sphere. Secularism implies anti-clericalism, explanation of nature and society evolution by naturalistic laws (Kurilov, 2022). Major methodological tools – principles of historicism, systemic approach, content- and event-analysis, discourse analysis.

Results

Religious variety in Kazakhstan Historically the Kazakh SSR became a home for different ethnic groups, who professed Islam, versions of Christianity (Orthodoxy, Catholicism, Old Believers), and Judaism. The religious diversity in the Kazakh SSR resulted from arrival various ethnic groups into its territory, their establishment as state-forming ones. Islam was the religion of many peoples who were deported to Kazakhstan during Stalin's ethnic cleansing, although versions of Islam varied. Kazakhs, Tatars, Crimean Tatars, Chechens, Ingush, Uighurs, Balkars, Karachais, Uzbeks, Kyrgyz, Uighurs, Dungans, and Tajiks were Muslims. For many ethnic groups, the religious component was determinant as an ethnic marker, in the need to erect a kind of cultural and moral-psychological barrier in relations with other ethnic groups and the interpretative lenses of the state course. Muslims of the Kazakh SSR belonged to two main branches of Islam – Sunni (majority) and Shia (minority), within which there was an even each internally divided by legal schools and Sufi orders. However, all of them were perceived by the Soviet regime (as well as by external interested observers) as an ummah and the territory of the republic as part of the Islamic world. In the Kazakh SSR in 1960s there was one synagogue, one Armenian church, one Baptist community and one mosque, compared to 1910, when 36 mosques were registered in Chimkent, 4 in Perovsk, 5 in Kazalinsk and 21 in Aulie-Ata (Mustafina, 1992: 29).

The Soviet regime fought for its citizens and the right to determine their identity, all aspects of daily life, social and political position. The hierarchy of identities of the peoples of the Kazakh SSR contradicted the Soviet (in Stalin's interpretation) taxonomic titlature:

Table 1

Soviet	Soviet people, Soviet nationalities, ethnic minorities
Ethnic (people of Central Asia and Kazakhstan)	Tribal, ethnic, Muslim/Turkic identity Civic identity – Soviet people was used in the official discourse of representatives of groups that went to power

Compiled by the author.

The Soviet statistics could not give the exact number of religious believers for the whole country or for the republics. Secret Koranic schools were active in Central Asia. Since the 1950s, Salafism was spreading. Chechens were the most closed of the Muslim groups; they were followers of the Kadiriya tariqat (Sufism). Sufism among Kazakhstan's Chechens remains poorly studied due to the closed nature of the Chechen community and the language barrier.

The Islamic world in Kazakhstan during the Soviet era was not unified with different divisions. Many of them differed by the degree of loyalty to the Soviet state, its governing legal and institutional mechanisms, and internal theoretical and practical fault lines – into conservatives, fundamentalists and reformers (Jadids). Fundamentalists appealed to a literal reading of the Koran and believed that its reform was impossible without a return to its origins. Anti-religious or atheistic work among them was particularly difficult because while certain provisions of Islam and forms of explanation of world order and patterns of navigation (according to official authorities) had disappeared, many practices were ingrained into an ethno-cultural identity, and hierarchically constructed and maintained internal order – clan schemes, rites, rituals and life cycle transitions, gender code, forms and modes of social communication. Some Muslim rituals were observed – marriage/neke, mostly in the rural South, death rites – funeral complex, dieting and commemoration (The leaders of Central Asia). However, most Muslims were not well acquainted with the basic tenets of the faith, did not observe fasting, but strictly followed a ritual circumcision rite (sundet) as a physical sign of belonging to umma (Mustafina, 1992: 77).

The main body that regulated and controlled issues related to religious denominations was the Council for Religious Denominations under the Council of Ministers of the USSR. The Muslim population was under the jurisdiction of SADUM. It also pursued an active anti-religious policy, which included bans on pilgrimages to "holy places": "On March 7, 1945, the Council of People's Commissars of the Uzbek SSR, by Resolution No. 410, transferred seven mazars most visited by believers (and previously closed by the state) from the jurisdiction of the Department of Architecture under the Council of People's Commissars of the Uzbek SSR to the use of the Spiritual Administration of Muslims of Central Asia and Kazakhstan" (Akhmadullin, 2016: 88). Official holy places did not last long. Already in the late 1940s. their withdrawal from believers has begun. February 21, 1950 The Council of Ministers of the USSR issued Decree No. 2204-rs, which seized most of the buildings of Shah Zind from SADUM. Decree No. 9363-rs of the Council of Ministers of the USSR dated June 18, 1950 authorized the Uzbek authorities to seize Shakhimardan and Bahautdin from SADUM. On June 30, 1951, by decision No. 969-rs of the Council of Ministers of the USSR, the mausoleum of Hakim-at-Termezi was seized from SADUM. However, the withdrawal was compensated by the fact that the authorities transferred new mazars to the use of the Spiritual Administration of Muslims of Central Asia and Kazakhstan until 1956. At the beginning of 1960 There were already 18 mazars in use by the Spiritual Administration of Muslims of Central Asia and Kazakhstan (Akhmadullin, 2016: 87). According to official data, by May 30, 1959, there were 20 Muslim holy sites identified by the authorities in the Kazakh SSR (Akhmadullin, 2016: 92). The task to combat pilgrimage to the holy places, was assigned to the spiritual administrations of Muslims. In February 1959, a fatwa against pilgrimages to "holy places" was issued by the Spiritual Board of Muslims of Central Asia and Kazakhstan. May 4, 1960 The Soviet authorities took measures to protect the mazars with historical value. For example, during the construction of Algiers (Karaganda region) it was strictly forbidden to use adobe bricks from the walls of Kazakh burial grounds (however, that prohibition was violated in practice) (Akhmadullin, 2016: 65–66). Visiting "holy places" was criminalized, under consideration as activities related to the spread of religious superstition among the population (Resolution). A Resolution of the Central Committee of the CPSU "On Measures to Stop Pilgrimage to so-called Holy Places" was adopted in 1958. Ten years later (on February 1969), the Council for Religious Affairs reported to the CPSU Central Committee on the results of the fight against "holy places" in the regions with Islamic population. The mazar of auliye ata Karakhan and the mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi were turned into anti-religious museums, and the mazar of Arslan-bab became a district atheist house (Akhmadullin, 2016: 104).

In 1959, there were 839 actually functioning Muslim holy places (ziyarat, auliya) according to the Council for Religious Denominations' information (Saktaganov, Mazhitova, 2017: 195–204). 18 holy places were officially handed over to Muslim spiritual administrations, which forbade pilgrimage to them. The anti-religious combat was carried out by turning the holy places into parks, creating rest houses, pioneer camps and sanatoriums on their territory. Under the pressure of the Soviet authorities, the leaders of confessions were forced to issue bans on pilgrimages to holy places, from which they used to receive considerable income. The holy places themselves were confiscated from believers. In 1960, the government issued a decree withdrawing 13 mazars previously given to SADUM by the state. They were placed under the supervision of the republican committees for the protection of monuments of material culture.

In Kazakhstan, the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the Kazakh SSR in 1976 approved the Regulation on Religious Associations, which repeated the provisions of the Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Soviet of People's Commissars of the RSFSR of 8 April 1929 On Religious Associations' (O religioznyh ob'edineniayh).

In Kazakhstan, from the early 1960s to the late 1980s, there was an average of 500–600 registered and unregistered religious organizations. The number of unregistered organizations exceeded the registered ones by 3–5 times. Most of the unregistered structures belonged to Evangelical Christian Baptist, Lutheran, Islamic and Orthodox denominations.

Table 2. In 1964, the following statistics were given on the number of believers in the USSR

Confession	Number of believers
Orthodoxy	35,000,000
Islam	15,000,000
Old Believers	5,000,000
Evangelical Christians Baptists	4,000,000
The Roman Catholic Church	3,500,000
Lutherans	900,000
Judaism	500,000
Calvinists	90,000
Mennonites	10,000
Total	64,000,000

How the commissioners on religious cults worked

For control over religious communities was set up Council on religious cults under the Council of Ministers of the USSR on May 9, 1944, headed by state security officer K.A. Zaytsev, and later – by I.V. Polyansky. The attitude towards Islam changed, and at the initiative of the NKGB, the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR decided on July 31, 1943, to establish the Spiritual Administration of Muslims of Central Asia and Kazakhstan. In the union republics were appointed commissioners on religious cults. The Commissioners for Religious Affairs were the direct agents of State policy to religious denominations. They had to work locally with the authorities on all issues relating religion. The commissioner's candidacy was selected by the party organs from local communists, but approved in Moscow. Institute of Religious Affairs Commissioners became part of the system of executive bodies and was funded from the republican budget. Conditions were created for the work of the Commissioner for Religious Affairs – a separate office for the reception of clergy and believers; the workplace of the secretary-typist, separate from the office of the Commissioner. In the Kaz. SSR the Commissioner was directly subordinate to the Council of Ministers of the Kazakh SSR. There was a commissioner for religious affairs in each region. In the Kazakh SSR that position first was assigned to Nygmet Sabitov. (CSA RK. F. 1711. Op. 1. D. 4.12. L. 1). He was instructed by the chairman of the Council of religious cults under the CM USSR Polyansky to speed up the process of appointing representatives/executives in 9 oblasts (CSA RK. F. 1711. Op. 1. D. 4.12. L. 7). That was done by the 5th of May 1945 (CSA RK. F. 1711. Op. 1. D. 4.12. L. 68).

In one of the documents sent by N. Sabitov to Polyansky is given an account of his (of N.Sabitov) business trip in Jambul oblast from 16th to 25th November. I went there by the task of the Central Committee of the Communist party of Kazakhstan. The purpose was to read lectures

"On 30-year anniversary of the Kazakh SSR". Sabitov was in Jambul and Merke village (Merke raion) and delivered several lectures. At the same time, he familiarized with the life of religious communities, oblast executive on religious cults and degree of the local people religiosity. He concluded his observations: "In Jambul oblast the head of mosque is Zupnun Zinnunov (since 1948). He is hoja by origin. Spiritual education – secondary. He learned from famous Kenzhe - mullah (Chimkent city). No secular education... The community comprises a big number of believers out of Kazakhs, Uzbeks, Dungans, Tatars and special settlers (Chechens and others)... The group of believers living on Namangan Street intend to build a new mosque. For that end they collected money from believers, made bricks and woods without permission... Earlier in Jambul there were several Uzbek mosques with big boilers (qazans). They were used for cooking meat or plov and treated those coming for prayer. Boilers were seen as "holy" dishes. During the anti-religious campaign of 1930, the mosques were closed (and were demolished, obviously, while the clergy was repressed, or went "underground") and only boilers left. The local people used them for various kinds of religious gatherings – funerals, commemorations, weddings, as they (boilers) allegedly possessed certain sacral quality (i.e. were prayed for) and it was viewed as a god loving case to use them – "sauab". "For use of boilers the believers reimburse (in food or money). Thus, the boilers, on one side, turned into income source for some people, and on the other side, are used for cultivating religious traditions through them". N. Sabitov took some measures to halt such practices: "I directed the oblast executive of the Council to recommend the community Council evict those boilers and keep them in the mosque's storage, and not to give anyone for religious purposes". Thus, as the executive thought, through control over boilers he could downgrade the populace religiosity (Report of the commissioner of the Council, 1950).

The work of executives on religion was not effective as described by N. Sabitov in Merke raion: "Oblast executive of the Council has been since October 1949 comrade Aitmagambetov, CPSU (b) member, Kazakh by nationality. Secondary education... 1) The work of comrade Aitmagambetov until present time was limited to "observation" over three registered communities. 2) Not studied the state of religion among rural population, in particular among special settlers... 4) Comrade Aitmagambetov does not inform the oblast executive committee of the CP (b) Kazakhstan on religious situation and does not provide copies of quarterly reports. 5) Quarter reports of comrade Aitmagambetov that he submits to the Council and its republican executive are of low quality, do not reflect the real situation of various cults in the oblast ..." (Report of the commissioner of the Council, 1950).

The Soviet politics towards religion in 1960–1980s was primarily anti-clerical. That included control over the mass media, censorship over the content of literary works, and conducting anti-religious lectures and seminars for general public and in the educational institutions. The faculties of history, philosophy and economics at the Marxism-Leninism University of Alma-Ata in 1957 introduced the discipline of scientific atheism, which soon became a mandatory subject in all universities for all majors, and they also taught dialectical materialism.

Such factors as the introduction of secular education, repressions against ministers of religion, atheistic propaganda, introduction of civil rituals into everyday life, transition from Arabic script to Cyrillic, formation of consciousness and culture of the population in cultural houses, closure of churches and mosques, ban on religious education contributed to the decrease in the level of religiosity level among the population of the Kazakh SSR, as well as the entire Soviet Union (Roi, 1984: 26–44). Purposefully were introduced changes in the practice of sanitary and hygienic norms (according to medical, not religious principles), rites of age passage, name giving, planning of living quarters, dieting - pork became one of the key ingredients in the food ration in public canteens and was introduced into family cuisine (as the sausage making technique included pork as the most important ingredient).

Khrushchev's anti-religious policy was, in fact, a return to the Stalinist model of repressive policy toward religion, since the USSR had already begun building communism, and religion was seen as a relic of the past, and even as an internal enemy (Sazonov, 2015). The Moral code of communism builder incorporated all the fundamental components of the Biblical commandments,

therefore religious denominations were seen not just as relics of the past, but as ideological opponents (The moral code, 1964). A series of anti-religious decrees were adopted that significantly restricted the activities of religious institutions and increased the tax burden, and persecution of clergy began. That policy was in line with the Khrushchev administration's program statements about the advent of the era of universal prosperity – communism. In the early 1960s, regular All-Union meetings of the Council's commissioners in charge of religious affairs were held, where the main topics that required serious attention were considered – ban on pilgrimages to holy places, control over the repair of religious and cult structures and prayer buildings, protection of children and teenagers from religious influence, increase of parental responsibility for children upbringing, etc.

The Decree of the Central Committee of the CPSU of January 16, 1961 “On Strengthening Control over the Activities of the Church” denounced a number of legislative acts adopted during the World War II right after the war. As a result, control over the activities of the clergy was strengthened (Sazonov, 2015: 32–37).

Measures taken to combat religion included broad mass political and scientific atheistic propaganda, publication of atheistic literature revealing the false anti-scientific nature of pilgrimage and holy places, and exposing the activities of individuals and organizations that used holy places for selfish purposes. In Kazakhstan, the number of holy places has halved over the given period. On the basis of the Decision “On measures to stop pilgrimage to the so-called “holy places”, 13 out of 26 holy places were closed in the Kazakh SSR (AP RK. F. 708., Op. 34. D. 1651. L. 174). The holy spring “Ayak-Kalkan” (Almaty region) became a resort, the mausoleum of Ukach-ata – a summer pioneer camp, “Uzun-ata” – a veterinary station (Aunasova, 2007: 37). The publication of anti-religious literature in different languages of the USSR increased, from January 1, 1962 to December 31, 1964, 210 kinds of literature were published in the USSR, and 50 of them in Kazakh language (Mustafaeva, 2012).

The number of mosques and Muslim clerics from the 1950s through the late 1980s ranged from 20 to 29, and the number of registered clerics from 25 to 59, including imams, muezzins, and mullahs. By 1961, construction of religious buildings had ceased, mosque revenues had declined, and atheist propaganda had improved (CSA RK. F. 81. Op. 89. L 43). By ethnicity, Muslim clerics were mostly Kazakhs. For example, in 1960, out of 25 imams, 21 were Kazakhs, 3 were Uzbeks, and 1 was a Tatar. In 1946, of the 17 people who applied for religious studies at the madrasa in Bukhara, 11 were Kazakhs, 3 Tatars, 1 Dungan, and 1 Uighur (a re-emigrant from China) (CSA RK. F. 171. Op. 1. D. 238. L. 100).

Islamic religious education was permitted, anyway, but in limited scope. Thus, in 1946, the Miri Arab madrasa was opened in Bukhara, and later the Barakkhan (1956–1961, Tashkent). In 1971, the Higher Institute of SADUM was opened. But the goal of the Soviet authorities was “to form a special type of loyal Soviet imam”, with a new mindset, a new dress code, in which the tie was to symbolize agreement with the secular authorities, complete renunciation of the “old world” and, thus, the old ways of teaching” (Khalilova, Babadjanov, 2017: 30). Among the total number of Miri Arab graduates, for instance, 17 were from Kazakhstan (Khalilova, Babajanov, 2017: 43).

Religious institutions were seen as competitors for the Soviet government, which was building a happy future (Smirnov, 2018). The 1977 Constitution separated religion from the state and declared freedom of faith. However, the state strictly controlled outward displays of religious affiliation, and especially the involvement of children in religious practices. About 40 religious denominations were officially listed in the USSR. The Soviet legislation legally restricted the activities of religious associations in terms of organization, ownership of property, religious practices and pilgrimage.

After *L.I. Brezhnev came to power*, there was some shift from the restrictions introduced under Khrushchev. In particular, court decisions on persecution of believers were halted, and the system of punishment was softened – fines for holding religious events were introduced. But the very number of religious associations was reduced:

Table 3. The decline of religious associations from 1960–1969

Religious associations	1960	1969
Total number of churches of all religions, including	20914	16321
The Russian Orthodox Church	13008	7352
The Muslim cult	2307	962
The Catholic cult	1179	1096
The Jewish cult	259	226

Source: Nabyev, A. Islam and the State: Cultural-Historical Evolution of the Muslim Religion in the Eastern Europe.

The Council for Religious Affairs monitored the activities of the clergy, although historian V. Akhmadullin states that the statistics provided to the Council for Religious Affairs by its local Representatives were not often unreliable, but were also “edited” by local representatives of the party and state apparatus (Akhmadullin, 2016: 104): “The Council's Commissioner for Kazakhstan reported in 1960 on its suspension of several ministers of religion for minor deviations from established restrictions. “Incomov Sabit promoted the discovery of a new mazar field for pilgrimage near Uralsk, declaring it a holy place. Nurmagambet Abdykhalyk committed a number of violations in the collection of voluntary donations, did not adhere to the advice and installation given by him, and fueled clan disputes among the believers. Tamsutdinov Akhletdin was released for a number of reasons, as he allowed violation of the Soviet legislation on cults” (Information from the Commissioner, 1960).

Atheistic propaganda

The Soviet regime spent enormous resources to combat religion - mass media, atheistic literature – books, brochures, posters, lectures, anti-religious museums and holding collective and individual meetings and classes and talks on the harm of religion and religious prejudice. The scientific invalidity of religion was proved by criticizing folk traditions and prejudices, revealing the anti-scientific essence of religious practices, and promoting Soviet rites and practices. There was a direct attack on religion, Islam, in particular, an anti-religious works of the classics – Marx, Lenin, etc. – translation into Kazakh language. Sociological surveys were conducted to find out the degree of religiosity of different groups of the population, lectures and conversations on atheistic topics were held, visits to believers and their families were organized, and the main emphasis was placed on distracting the younger generation from the influence of believers.

Table 3. Publication of anti-religious materials in the USSR, 1957–1964

Year	Newspaper articles	Books or pamphlets	Articles in periodicals
1957	31	91	69
1958	104	155	117
1959	204	312	233
1960	117	319	343
1961	97	329	248
1962	123	243	324
1963	115	289	324
1964	130	284	299

*Source: Powell David, The effectiveness of Soviet Anti-Religious propaganda

It was assumed that the cardinal changes in the socio-economic life of the country's population under the political leadership of the Communist Party would also be reflected in changes in the population's consciousness and spiritual life. But the inner life of family and ethnic/clan practices turned out to be more conservative than Soviet ideologists had assumed.

Obkoms, gorkoms and rayon committees carried out atheist work; activities included holding regular atheist clubs and councils, lectures, political education offices, universities of scientific and atheist propaganda, circles, lectures. The work was carried out in groups and individually, the titles of arrangements varied depending on the creativity of the leaders and performers. Public events to introduce secular rites were also invented and popularized – weddings, retirements, honoring labor heroes, becoming part of community work, etc.

However, according to reports from the regions, there were still problems with religious observance, even among Communists: "...the former secretary of the district party committee in charge of ideological issues, comrade Kurbanbaev, and his brother, editor of a district newspaper, organized a religious funeral for his mother. Kurbanbaev paid money and cloth to the mosque for his services in organizing the funeral. Wearing a dressing gown, with a stick in his hands, he greeted with a low bow travelling mullahs and servants of the local mosque who arrived for the funeral. That fact was known to the members of the bureau and the first secretary of the district party committee, comrade Beisembayev, but they neglected it. Kurbanbayev continued working as the district committee secretary and only on the 17th of September this year was fired by decision of the Chimkent regional party committee bureau (AP RK. F. 708. Op. 40. D. 233. L. 1–6). As atheist work was carried out, the general state of religiosity of the population was monitored. For example, in the southern areas of the republic high religiosity was noted: "In Turkestan district religious prejudices are closely intertwined with feudal-bai rudiments, which are supported and revived by preachers of Islam. Cases of girls kidnapping, marrying off minors, humiliating and insulting women are common. In 1964, the district prosecutor's office brought 46 people to criminal responsibility for offences related to the feudal-bai attitude towards women, and 23 people in the first 10 months of this year" (AP RK. F. 708. Op. 40. D. 233. L. 1–6).

In the course of atheist work, "discoveries" were often made. For example, in the Aktobe Oblast, during a planned event (1968) – a visit to a gathering of sectarians and individual conversations with believers – about 200 people of Mennonite Baptist believers were identified in Batamshi village; although their sect was not registered (AP RK. F. 708. Op. 44. D. 1675. L. 14–18).

On a regular basis, the process of atheist work and anti-religious policy were monitored by oblast, and relevant resolutions were taken. On 23 June 1969, the Council of Ministers of the Kazakh SSR adopted a resolution "On the unsatisfactory state of control over the implementation of legislation on religious cults". The taken measures were to improve control over the observance of legislation on religious denominations, to keep records of actually operating religious associations and places of pilgrimage of believers. Unauthorized construction of new mosques, churches and houses of worship was detected and suppressed. In Kazakhstan unregistered mullahs and persons performing religious rites were detected in 1969 – 150, 1970 – 490, 1971 – 432, 1972 – 482, 1973 – 533 (Informatsionny otchet, 1973). The Muslim population was forced to conceal the performance of rituals according to the Muslim canons: "For example, in the Kazakh SSR, 426 circumcisions were recorded in 1972, and none in 1973" (Informatsionny otchet, 1973). The authorities monitored the activities of Islamic structures – financial part of conducting rituals and readings the Koran where Muslims used to gather: "In two districts of the Kokchetav region, the Commissioner of the Council for Religious Affairs, in coordination with local authorities, introduced the position of a wandering mullah, who is accountable to the executive body of the registered association operating in Kokchetav, receives a salary from the mosque's treasury, and must hand over to the mosque the money received for performing funeral rites and reading the Koran in the homes of believers. In the last quarter of 1973, two wandering mullahs deposited about 4,000 rubles in the mosque's treasury. At the same time, the introduction of these positions has significantly reduced the activity of wandering mullahs" (Informatsionny otchet, 1973).

The decisions of the XIV Congress of the Communist Party of Kazakhstan and resolutions of the Central Committee of the CPSU indicated the ways to improve ideological work and propaganda of scientific atheism. Resolutions of the Central Committee of the CPSU "On strengthening the atheistic education of the population" and the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan "On the state of scientific-atheistic and international education in secondary schools of Karaganda region" (23 June 1971) were binding on all Soviet bodies, and they regularly reported on the work accomplished.

The message of the Pavlodar Regional Committee of the Communist Party of Kazakhstan from 19 January 1974 read that "in recent years there has been an activation of some sects of Baptists – schismatics. In recent years, 7 new groups and communities of Baptist Christians (Baptists) have appeared in the region. There were 51 religious associations in the region, including

three registered ones: the Russian Orthodox Church, a Muslim mosque, and Baptist prayer houses in Pavlodar and Kachir settlement. Along with the registered ones, 47 religious communities operate illegally in the region, including 12 communities of supporters of the so-called ‘Council of Churches’, 12 communities of the so-called “Council of Churches”, 12 communities of schismatics of the Baptist Church, and 12 communities of the “Council of Churches”. – Baptist schismatics, 12 Lutheran, 3 Catholic, 5 Pentecostal, and 16 Baptist communities” (Information on atheist work in Pavlodar region). The complex of measures adopted by the Regional Committee included delivering lectures, seminars, classes in schools of atheism, educational work among believers. All reports are classified.

Atheist education was seen as one of the key factors in the formation of a communist worldview among the masses. In Pavlodar, the Council for Atheist Education was established with 13 members, including representatives of Communist party and Soviet Komsomol bodies, the best atheist lecturers, and teachers of social disciplines at universities (Information from Pavlodar on atheist education).

Table 4. In total, the following number of events were held on atheistic topics in the republic

	1971	1972
Lectures	2476	4359
Conversations	24636	22803
Radio	247	264
Published articles in newspapers	25	74
Sanitary bulletins	597	648
Themed evenings	10	18
-evenings of questions and answers		104
-exhibitions	53	47
- atheist meeting places	127	161
film screenings	1473	957
TV programs	18	9

*Data for 1972 are incomplete because annual reports by oblasts will be provided later

By 1972 there were 513 associations in the republic, of which 402 were operating without registration. The reasons for not registering them were that the local authorities did not consider applications for registration in the legal way, but took administrative measures if believers held services. That, in turn, caused denial of the state policy, distrust and even anger of believers, which could become an incitement to extremist actions (AP RK. F. 708. Op. 58. D. 2024. L. 36–37). The report of K. Kulumbetov, the Commissioner of the Council for Religious Cults under the Council of Ministers of the Kazakh SSR, indicated that as of 1 January 1973, 53 associations of the Muslim cult were registered in the Kazakh SSR, including 26 registered ones, served by 37 mullahs. They were engaged in conducting funeral and memorial rites, festive namazes, naming, circumcisions and weddings. In 1972, 4,310 in-person and 1,705 in absentia funerals, 56 name giving rites, 618 weddings, and 426 boys circumcisions were performed in registered mosques. A total of 4729 other religious ceremonies were performed. Compared to 1971, the number of religious funerals and circumcisions increased from 20 to 426. That was explained by the lack of record keeping in previous years. Rites were held even for communists: “According to the data of the commissioner of Chimkent region, in 1972 in Chimkent city the following communists were buried with observance of religious rites: Auelbaev Asan and Junusbekov Sagymbek – teachers of Chimkent pedagogical institute, Kabdulin Kaliakpar – worker of regional state justice, Tursumetov Abdugali – worker of out-of-department security of regional police. In the same way the funeral rites of 9 communists in Arys city were performed” (Information report from Isakov, 1972).

Anti-religious work was evaluated by the commissioners for religious affairs and members of the “twenty” group, and by the executive bodies of religious associations (Information from Isakov, 1972).

In the report on the state of scientific and atheistic education of students in the schools of the republic on the Ministry of Education of the KazSSR as of 30 January 1974 it was noted that the new content acquired new work on scientific and atheistic and international education in connection with the preparation and celebration of the 50th anniversary of the USSR creation, elaborated the topics

of Soviet patriotism and proletarian internationalism, eternal friendship, the achievements of five year plans, opened prospects due to the solution of problems set by the Congress of the CPSU. Those themes were to be propagandized in classes of history, social studies, geography, literature and others (Information on atheistic education from Pavlodar, 1974). The combat against religious vestiges was waged, issues of atheistic education were discussed at meetings. A list of features, chronicle-documentary and popular science films on atheism was compiled, which in mandatory way were shown in cinemas (AP RK. F. 708., Op. D. L. 3–7). The State Committee of the Council of Ministers of the Kazakh SSR on Cinematography sent the list of recommended films to lower structures.

By the mid-1970s, the "Regulation on Religious Associations in the Kazakh SSR" was issued and adopted for implementation, that confirmed the control over the activities of religious associations by state structures (Regulation on Religious associations).

However, in the early 1980s, serious violations of religious legislation were noted. The report of the Commissioner for Religious Affairs S. Totanov stated: "In the course of the inspection it was established that in the region almost every deceased from the local population, and party and Soviet activists are buried according to religious rites with the attendance of mullahs, huge tomb are erected like medieval mausoleums with Islamic symbols. These structures are erected mainly on the graves of the deceased ones who relate to the local leadership. Thus, for example, in the cemetery of Guryev city 'mausoleums' are built on the graves of Yerkenov A., former secretary of the party committee of the regional automobile trust; Aitzhanov B., former chairman of the regional sovprof (trade union leader), member of the bureau of the regional committee of the Communist Party of Kazakhstan; Dosmukhambetov J., former head of the association 'Embanef'. Near the village of Novobogatinskoye 'mausoleums' are built on the graves of I.O. Zhuketaev, former chief engineer of the state farm, member of the CPSU; A.E. Taspayev, district inspector of the militia, member of the CPSU, etc. Similar phenomena are typical for many other settlements of the region. According to the calculations of construction engineers, up to 10 thousand pieces of silicate bricks, more than 3 tons of cement and other materials are used for the construction of such mausoleums. The construction lasts for several days by 6–8 workers and costs about 6–8 thousand rubles. The question arises: where from the deficit materials for these structures' construction are obtained and what kind of craftsmen 'create' them in such a splendid fashion. These facts show that the funeral business in many places is actually in the hands of the Muslim clergy, who organize some kind of competition who would build a better and more beautiful mausoleum, who could host more people and spend more money on funeral ceremonies. Such wastefulness would negatively impact on the family budget of the deceased relatives. Despite such negative phenomena, which contradict the Soviet legislation, the local authorities do not restrict the illegal activities of Muslim worshipers, especially the unregistered mullahs, who are generously rewarded for their services. Meanwhile, on the day of the inspection, not a single 'out-of-state' minister of religion was subjected to income tax by the financial authorities. Similar tolerant attitude to religion was observed in the East Kazakhstan region: "There is a clearly conciliatory attitude towards illegal activities of mullahs, therefore up to 80 per cent of deceased Kazakhs are buried with mullahs' attendance. There are 7–40-day annual gatherings with the invitation of a large number of people, slaughter of livestock, drinking alcohol and participation of mullahs. At funerals often are present party functionaries and Soviet activists of the district, as it was, for example, at the commemoration of the mother of the head of the department of personnel management of agriculture Uzhkibayev / and many others, about whom the district party committee and district executive committee were aware/ but proper evaluation of such facts is not given. From the conversation with the mullahs, it turns out that they cannot not refuse taking part in funerals, as they (people) come and ask for them, that they receive 2–3 thousand rubles a year for performing rituals, without paying income tax' (Information from Akhmetzhanov). As the commissioners noted, that was the result of weak atheistic work and lack of trained specialists (Information of the Authorized Council, 1982).

The information of the Commissioner for Religious Affairs of Aktobe region for 1983 reported that the scientific-materialistic picture of the world was still not fundamental among the inhabitants

of the region, especially in rural areas: "All 15 people, as they stated themselves, believe in Allah, recognize Mohammed as a prophet, the Koran's holy nature, believe in the afterlife, heaven and hell. The main manifestations of religiosity in the neighborhood are Muslim funerals, the forms and means of commemoration. They say that they do not bury the dead without the rite of janaza, as the mullah is still needed therefore, he is invited". Out of the other Islamic basic tenets in the region, some Muslims (Kazakhs and Tatars) observed fasting (oraza), performed namaz and boys' circumcision (sundet), but the latter mostly for safety reasons is performed in hospitals by doctors. There were unregistered mullahs in the region, who in opinion of the commissioner must be put into custody (Letter from Amirov). Commissioner for Aktobe region Amirov J. informed the Temir district committee of the Communist party of Kazakhstan Mr. Nurzhanov R.N., Temir district executive committee Mr. Krapivnaya R.A. about the religious situation and facts of violation of legislation on religious cults in the Temir district (Letter from Amirov). In particular, he pointed out at the observance of a number of rites by population – circumcision, memorial rituals, construction of mazars, and gave a list of officially registered and self-appointed mullahs: "... quite a few mausoleums were built by Communists, who still hold important leadership positions. In the city of Temir and in the district center, both believers and party, Soviet workers of the district, and representatives of the intelligentsia speak with indignation about the attitude of comrade S. Maushev to religion, who, as the director of the state farm, built two huge Islamic mausoleums of two or three floors in the cemetery of Temir, that cost about 4–5 thousand rubles each, and now, as chairman of the village council, he is hiding from accounting three self-appointed mullahs, two of them wander outside the village council" (Letter from Amirov).

Ethno-cultural practices and rituals of population, especially in the Muslim republics, contained a religious component. In 1981, the CPSU Central Committee prepared another anti-religious resolution 'On Strengthening Atheist Education'.

On 14 May 1986, the Ministry of higher and secondary education of the Kazakh SSR informed that 'special attention is paid to one of the aspects of communist education – scientific atheistic education, propaganda of atheistic knowledge'. As part of the activities, special courses on atheism and seminars on criticism of religion (especially Islam) were developed and introduced into the educational process (AP RK. F. 708. Op. 139. D. 219).

It was only in the late 1980s that we can talk about the cessation of atheist persecution in the USSR. But the country's leadership realized that there was a serious struggle for the minds and moods of the population: 'Gorbachev: The influence of Islam is growing. Our document (Politburo resolution) should not look like we are starting a combat Islam, with believing people. We should fight the anti-Soviet consequences of religious extremism. There is a philosophical and political aspect to this. We should try to reduce religiosity, to channel this need to another direction. Otherwise, we will be accused of being against our own laws on religious freedom. But everyone is equal before the law – representatives of all religions, all believers and non-believers. What to do? We need a strong constructive program. If we offer nothing to the people, whom can we blame? Political, social isolation is an environment for religion. It is necessary to draw people to open intellectual debates on the issues the religion deals with' (In the Politburo: 70). In 1990, the USSR law 'On Freedom of Conscience and Religious Organizations' was adopted, which radically changed the nature of relations between the state and religious organizations (Saktaganova, 2016: 72).

In 1960–1970s the *combat against folk traditions* was waged, as they contained strong religious component. In Kazakh family building practices still were observed bride kidnapping (alyp qashy), dowry payment (qalyn mal), child math-making (besik quda). Appeals to nature for rain in drought times (tasattyq) still were practiced. Although bride kidnapping contradicted Islamic code. Southern Kazakhstan provided numerous examples of the religiosity – there were many unregistered mosques, religious rites were performed by unregistered mullahs, who could be noticed in any aul and were must actors at wedding ceremonies, funerals, commemorations. The authorities were aware of that, were taking measures to stop such activities, and decrease the influence of clergy on population.

Changes during perestroika

During the perestroika times the politics towards religion changed and it was recognized as part of cultural heritage and part of social indicator. In the Kazakh SSR situation towards religion changed as well, as it was reported in the information of the executive of the Council to the new head of the republic N. Nazarbayev in 1988 (Information of Sauranbayev).

On the initiative of the 22 of September the Chairman of the Council of Ministers of Kazakh SSR comrade Nazarbayev N.A. received the representative of the Central Spiritual Administration for Kazakhstan kazi R. Nysanbayev, naib-imam of Alma-Atinskaya mosque Z. Imonov, mutavali of that mosque M. Telenbayev, and bishop of Alma-Atinsky and Kazakhstansky Yevsavii, secretary of diocesan administration I. G. Slusar and rector of Nikolsky Cathedral V.A. Zakharov.

During the conversation N.A. Nazarbayev talked about broadening democratization and openness, acceleration of social-economic development and upgrade of the population well-being. The most important point was restoration on Leninist principles to religion... The representatives of the Muslim and Orthodox Christian religions expressed gratitude for the meeting and talked about activities of the clergy meeting; they asked several questions: on construction of new mosque in Alma-Ata; transfer of Mickhailo-Arkhangelsky cathedral in Uralsk (closed in 1961) to the believers; registration of the female monastery under the temple of the Russian Orthodox church in Tselinograd; support in acquisition of automobiles; allocation of dacha plots to clergy. The requests were submitted for consideration to oblast executive committees, ministries and departments.

Religious organizations were recognized for their peacemaking role in global politics and internal political life of the country and society, their contribution to the maintenance of universal values. // Information of the Commissioner of the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR for the Kazakh SSR T.E. Sauranbekov to the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR about the meeting of the Chairman of the Council of Ministers of the KazSSR N.A. Nazarbayev with religious figures of the republic (Information of Suranbekov). // Russian Perspectives on Islam, accessed March 11, 2025. By 1989 in Kazakhstan there were '47 Muslim religious associations, about 700 registered ministers of religion and more than 1000 illegal mullahs. There are applications to open new mosques.

Conclusion

Anti-religious policies in the Kazakh SSR were integral part of the general politics across the USSR, and undergone several stages – from compromises in early 1920s through reprisals of 1930–1940s, and moderate stance since the war times to strict control until perestroika times. Despite the state-run institutes, legislature, propaganda anti-clerical policies were not effective. The communism buildup process was slowed down because of the population religiosity and adherence to religious practices. Administrative and ideological pressure, atheistic propaganda could not achieve the set objectives. Although, the population could not publicly express their religiosity, they hid it inside the communities, and observe the fundamental practices name giving, circumcision, funeral, commemorations, life cycle rituals, observance of prayers and fasting and in some ethnic groups – strong endogamous practices (Karklins, 1980). The survey of late 1980s in the Kazakh SSR revealed high religiosity level, between 20 and 70% of those surveyed identified as believers and sympathizers (Religioznye ob'edinenia v Kazahstane: 11).

Sources

AP RK — Archive of the President of the Republic of Kazakhstan
CSA RK — Central State Archive of the Republic of Kazakhstan
RGANI — Russian State Archive of Contemporary History

Источники

АП РК — Архив Президента Республики Казахстан
РГИА — Российский государственный архив новейшей истории
ЦГА РК — Центральный государственный архив Республики Казахстан

References

- Abdrahmanov, 2013 — *Abdrahmanov K.* Religiiia v povsrednevnoi zhizni gorodskogo naseleniia Tsentral'nogo Kazakhstana v poslevoennii period [Religion in the everyday life of the urban population of Central Kazakhstan in the post-war period] // *Vestnik ugrovedeniia*, 2013. No. 1(12). Pp. 102–109. (In Russ.).
- Akhmadullin, 2016 — *Akhmadullin V.A.* Deiatel'nost' Sovetskogo gosudarstva i Dukhovnykh upravlenii musul'man po organizatsii palomnichestv (1944–1965 gg.): analiz istoricheskogo opyta i ego znachenie dlia nastoiashchego [The activities of the Soviet state and the Spiritual Administrations of Muslims in organizing pilgrimages (1944–1965): An analysis of historical experience and its significance for the present]. Moscow: Islamic Book, 2016. 208 p. (In Russ.).
- Akhmetzhanov, 1984 — Information from *K.F. Akhmetzhanov*, the Authorized Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR for the Tselinograd region, to the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR on the Muslim holiday. Russian Perspectives on Islam, 1984. // URL: <https://islamperspectives.org/rpi/items/show/18052> (access date: March 25, 2024). (In Russ.).
- Auanasova, 2007 — *Auanasova B.M.* Istoriia evoliutsii religioznykh otnoshenii v Kazakhstane (na primere islama, 1941–1991 gg.) [The history of the evolution of religious relations in Kazakhstan (Based on the example of Islam, 1941–1991): PhD Dissertation]. Uralsk, 2007. 135 p. (In Russ.).
- Bennigsen, Wimbush, 1985 — *Bennigsen A., Wimbush S.E.* Mystics and Commissars. Sufism in the Soviet Union. London: Hurst, 1985. 195 p.
- Burgart, 1999 — *Burgart L.A.* Religioznye gruppy nemtsev-spetsposelentsev v Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti po materialam agenturno-osvedomitel'noi seti NKVD (1940–1950-e gg.) [Religious groups of German special settlers in East Kazakhstan based on the materials of the NKVD agent-informant network (1940s–1950s)] // *Kul'tura nemtsev Kazakhstana: istoriia i sovremennost'* [Culture of Germans in Kazakhstan: History and modernity] / Ed. S.K. Wenzel. Almaty: Tipografiia Nemetskogo Doma, 1999. Pp. 112–122. (In Russ.).
- Council for Religious Affairs, 1985 — *Council for Religious Affairs* under the Council of Ministers of the USSR // *Ateisticheskii slovar'* [Atheist dictionary] / Ed. M.P. Novikov. Moscow: Politizdat, 1985. (In Russ.).
- Information from the Authorized Council, 1969 — *Information from the Authorized Council* for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR for the East Kazakhstan region of the Kazakh SSR P.F. Isakov to the Chairman of the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR V.A. Kuroedov on the passage of the Muslim holiday. Russian Perspectives on Islam, 1969. // URL: <https://islamperspectives.org/rpi/items/show/18515> (access date: August 14, 2023). (In Russ.).
- Information from the Commissioner, 1960 — *Information from the Commissioner* of the Council for Religious Cults in Kazakhstan, *B. Jumashiev*, to the Representative of the Council for Religious Cults under the USSR Council of Ministers, *A.A. Puzin*, on the observance of the Muslim holiday in Kazakhstan in 1960. Russian Perspectives on Islam, 1960. // URL: <https://islamperspectives.org/rpi/items/show/16983> (access date: October 12, 2023). (In Russ.).
- Information of the Authorized Council, 1982 — *Information of the Authorized Council* for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR for the Kazakh SSR S.T. Totanov in the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan on the religious movement. No. 57, April 12, 1982. Russian Perspectives on Islam. // URL: <https://islamperspectives.org/rpi/items/show/17911> (access date: March 25, 2024). (In Russ.).
- Information of the Commissioner, 1943 — *Information of the Commissioner* of the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR for the Kazakh SSR T.E. Sauranbekov to the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR on the establishment of the Spiritual Administration of Muslims of Kazakhstan. Russian Perspectives on Islam, 1943. // URL: <https://islamperspectives.org/rpi/items/show/18426> (access date: March 11, 2025). (In Russ.).
- Information of the executive, 1988 — *Information of the executive* of the Council on Religious Issues under the USSR Council of Ministers for the Kazakh SSR T.Y. Sauranbayev on the meeting of the Chairman of the Council of Ministers of the Kazakh SSR N.A. Nazarbayev with religious leaders of the republic. Russian Perspectives on Islam, 1988. // URL: <https://islamperspectives.org/rpi/items/show/18367> (access date: July 25, 2025). (In Russ.).
- Ivanov, 2024 — *Ivanov E., archpriest.* Antiklerikal'naia kampaniia v Kazakhskoi SSR v 1958–1963 gg. (po dokumentam fonda P-6991 Gosudarstvennogo arkhiva Rossiiskoi Federatsii) [Anti-clerical campaign in the Kazakh SSR in 1958–1963 (based on the documents of Coll. P-6991 of the State Archive of the Russian Federation)] // *Theological Herald*, 2024. No. 3(54). Pp. 189–206. (In Russ.).
- Karklins, 1980 — *Karklins R.* Islam: How Strong Is It in the Soviet Union? Inquiry Based on Oral Interviews with Soviet Germans Repatriated from Central Asia in 1979 // *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*, 1980. Vol. 21. No. 1. Pp. 65–81. // URL: http://www.persee.fr/doc/cmr_0008-0160_1980_num_21_1_1374.
- Kazakh SSR Decree, 1976 — *Kazakh SSR Decree*, 1976. // URL: <https://academics.hamilton.edu/central-asian-history/khalid-kazakh-ssr-1976-decree> [access date: 12.03.2025].
- Keller, 2001 — *Keller S.* To Moscow, Not Mecca: The Soviet Campaign against Islam in Central Asia, 1917–1941. Westport: Praeger, 2001. 384 p.
- Khalid, 2010 — *Khalid A.* Islam posle kommunizma: religiia i politika v Tsentral'noi Azii [Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia] / transl. from English by A.B. Bogdanova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 304 p. (In Russ.).
- Khalilova, Babajanov, 2017 — *Khalilova Z., Babajanov B.* Sovetskaia ideologiia v medrese: politicheskii kontekst i obrazovatel'nye praktiki [Soviet Ideology in Madrasas: Political Contexts and Educational Practices] // *Islamovedenie*, 2017. Vol. 7. No. 2. Pp. 29–52. (In Russ.).

Kraynev, 1967 — *Kraynev I.V.* Tipologiya religioznykh organizatsii i differentsiatsiya ateisticheskogo vospitaniya [Typology of religious organizations and differentiation of atheistic education]. *Voprosy nauchnogo ateizma* [Issues of Scientific Atheism], 1967. No. 3. Pp. 40–63 (see p. 54). (In Russ.).

Kurilov, 2022 — *Kurilov V.A.* Sovetskaia model' sekularizatsii: politicheskoe i pravovoe regulirovanie svobody sovesti v SSSR (vtoraiia polovina XX veka) [The Soviet model of secularization: political and legal regulation of freedom of conscience in the USSR (second half of the 20th century)] / Ed. by V.A. Egorov. St. Petersburg: RHGA, 2022. 344 p. (In Russ.).

Kydyralina, 2007 — *Kydyralina Z.* Etnos i religiia v Kazakhstane [Ethnos and religion in Kazakhstan]. Astana: El Orda, 2007. 224 p.

Legislation of the USSR on Religion, 2015 — *Legislation of the USSR on Religion*: Constitution of the USSR; Decree of January 23, 1918, “On the Separation of Church from State and School from Church”; Resolution of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of January 27, 1965, “On Certain Facts of Violations of Socialist Legality in Relation to Believers”; Regulation on the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR, Approved by the Resolution of the Council of Ministers of the USSR on May 10, 1966. In: *State-Confessional Relations in Soviet Kyrgyzstan (1917–1991): Collection of Documents and Materials. Part 2* / Ed. by V.A. Voropaeva, A.A. Karymsakova, E.V. Nosova; under the general editorship of V.M. Ploskikh. Bishkek: KRSU, 2015. 260 p. Pp. 199–203. (In Russ.).

Letter from Amirov, 1983 — Letter from the Authorized Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR for the Aktobe region J.A. Amirov, secretary of the Uilsky district Committee of the Communist Party of Kazakhstan A.K. Bekmukhambetov on the religious movement, 1983. // URL: <https://muslimlife.info/posts/856> (access date: 24.07.2023). (In Russ.).

Marchenko, 2010 — *Marchenko A.* Religioznaya politika sovetskogo gosudarstva v gody pravleniya Khrushcheva i ee vliyanie na tserkovnuyu zhizn' v SSSR [Religious policy of the Soviet state during Khrushchev's rule and its influence on church life in the USSR]. Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ia; Obshchestvo lyubitelei tserkovnoi istorii, 2010. 330 p. (In Russ.).

Maslova, 2011 — *Maslova I.I.* Historical Lessons of State-Confessional Policy in Russia: An Analysis of the Activities of the Council for Religious Affairs (1965–1985). *Izvestiya of the Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky. Humanities*, 2011. No. 23. Pp. 513–518. (In Russ.).

Mazhitova, et al., 2023 — *Mazhitova Zh., Ilyassova K., Shamshiyeva G., Shukeyeva A., Yespenbetova A., Utegenov M.* Everyday Religious Life of German Population in North Kazakhstan Region in the late 1950s. *Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. Historical sciences. Philosophy. Religion Series*, 2023. Vol. 145, No. 4. Pp. 92–109. (In Russ.).

Mukhtarova, 2007 — *Mukhtarova G.* Islam v sovetskom Kazakhstane (1917–1991 gody) [Islam in Soviet Kazakhstan (1917–1991): Doctor of History thesis]. Uralsk, 2007. 310 p. (In Russ.).

Mustafaeva, 2012 — *Mustafaeva A.A.* Historical Review of the Evolution of Islam in Soviet Kazakhstan. *al-Farabi KazNU Bulletin*, 2012. No. 3(60). Pp. 31–35. (In Russ.).

Mustafina, 1992 — *Mustafina R.M.* Beliefs, Cultures, and Rites Among the Kazakhs (In the Context of Everyday Islam in Southern Kazakhstan in the Late 19th–20th Centuries). Alma-Ata: Kazakh University, 1992. 176 p. (In Russ.).

Nabiyeu, 2002 — *Nabiyeu A.* Islam and the State: Cultural-Historical Evolution of the Muslim Religion in the Eastern Europe. Kazan: Kazan University Press, 2002. 244 p. (In Russ.).

New Criminal Code, 1973 — *New Criminal Code of 1961 and Decrees of the Presidium of the Supreme Council of the RSFSR as of March 18th, 1966*: “On administrative responsibility for violation of the legislation on religious cults”, “On amendments to article 142 Criminal Code of RSFSR”, “On application of article 142 Criminal Code of RSFSR”. In: Ivanov A.I., Lobazov P. Policies of the Soviet state on issues of religion and church. Moscow: Znanie, 1973. 88 p. (In Russ.).

Nurtazina, 2008 — *Nurtazina N.* Bor'ba s islamom. Religioznaya politika sovetskoi vlasti v Kazakhstane v 20–40-e gody XX veka [Struggle against Islam: Religious policy of the Soviet power in Kazakhstan in the 1920s–1940s]. Almaty: Qazaq universiteti, 2008. 36 p. (In Russ.).

O religioznykh ob'edineniyah, 1971 — *O religioznykh ob'edineniyah* [On religious associations]. Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 16 okt. 1958 g. In: *Zakonodatel'stvo o religioznykh kul'tah*. Moscow, 1971. (In Russ.).

Powell, 1967 — *Powell D.* The Effectiveness of Soviet Anti-Religious Propaganda. *The Opinion Quarterly*, 1967. Vol. 31. No. 3. Pp. 366–380.

Religioznye ob'edinenia, 2015 — *Religioznye ob'edinenia v Kazakhstane: Spravochnik* [Religious associations in Kazakhstan: Handbook]. Astana: MTsKR KDR MKS RK, 2015. 42 p. (In Russ.).

Report of the commissioner of the Council, 1950 — Report of the commissioner of the Council on religious cults of the Kazakh SSR N. Sabitov (Sabitov N.) to the chairman of the Council on religious cults under the Council of Minister of the USSR I.V. Polyansky (Polyanskii I.V.) about the trip to Jambul oblast. November 25, 1950. In: *Russian Perspectives on Islam, 1950*. // URL: <https://islamperspectives.org/rpi/items/show/18859> (access date: July 25, 2025). (In Russ.).

Ro'i, 2000 — *Ro'i Y.* Islam in the Soviet Union. London: C. Hurst & Co. Publishers, 2000. 764 p.

SADUM, 1943–1953 — *SADUM* (Spiritual Administration of Muslims of Central Asia and Kazakhstan). Established in 1943. The first chairman was Eshon Babakhan; Abdulgafar Shamsutdinov (1884–1953) was the 1st kaziy of the Kazakh Kaziyat under SADUM. The organization issued fatwas reviewed for compliance with the USSR Constitution and laws, 1943–1953.

Saktaganova, 2014 — *Saktaganova Z., Tasbulatova Z.* Normativno-pravovye osnovy regulirovaniia politiki sovetskogo gosudarstva v otnoshenii religioznykh organizatsii v 1950–1980 gg. [Normative-legal foundations of the Soviet state policy towards religious organizations in the 1950s–1980s], 2014. // URL: https://www.rusnauka.com/3_ANR_2014/Istoria/2_156625.doc.htm [access date: 30.04.2024]. (In Russ.).

Saktaganova, 2017 — *Saktaganova Z.* Sovetskaya model' gosudarstvennoi religioznoi politiki v Kazakhstane i religioznaya povsednevnost' kazahstantsev vo vtoroi polovine XX v. [The Soviet model of state religious policy in Kazakhstan and the religious everyday life of Kazakhstani people in the second half of the 20th century]. *Vlast' i obshchestvo*, 2017. Pp. 60–76. (In Russ.).

Sazonov, 2015 — *Sazonov D.I.* Resistance of the Clergy to the Parish Administration Reform of 1961 (Based on materials from Yaroslavl and Kostroma regions). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*, 2015. No. 4. Pp. 32–37. (In Russ.).

Shapoval, 2022 — *Shapoval Y.* The Struggle of the Soviet Power Against the Muslim Clergy in Northern Kazakhstan in the 1920–30s: From the Status of ‘Disenfranchised’ to ‘Participants of Counter-Revolutionary Organizations’. *Religiya v sotsiokul'turnykh kontekstakh proshlogo i nastoyashchego* [Religion in socio-cultural contexts of the past and present], 2022. No. 1(77). Pp. 153–168. (In Russ.).

Smirnov, 2018 — *Smirnov M.Yu.* Nauchnyi ateizm v sovetskom vysshem obrazovanii: periodizatsiya i sodержanie [Scientific atheism in Soviet higher education: periodization and content]. 2018. Pp. 144–171. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnyy-ateizm-v-sovetskom-vysshem-obrazovanii-periodizatsiya-i-soderzhanie/viewer> (access date: August 13, 2023). (In Russ.).

Soviet National Policy, 2013 — *Sovetskaya natsional'naya politika: ideologiya i praktiki* [Soviet National Policy: Ideology and Practices]. Moscow: ROSSPEN, 2013. Pp. 737–738 (O.Ya. Goncharuk's report, data on polygamy). (In Russ.).

Sultangalieva, 1998 — *Sultangalieva A.* Islam v Kazakhstane: istoria, etnichnost' i obshchestvo [Islam in Kazakhstan: history, ethnicity, and society]. Almaty: KISI, 1998. 188 p. (In Russ.).

Tastanova, Baimuratova, 2021 — *Tastanova Z., Baimuratova G.* Religioznaya praktika v Kazakhstane v sovetskii period (na primere bor'by s palomnichestvom) [Religious practice in Kazakhstan in the Soviet period (on the example of the struggle against pilgrimage)]. *OF “Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii tsentr ‘Endless Light in Science’”*. *Istoricheskie nauki*, 2021. Pp. 3–12. (In Russ.).

The Moral Code, 1964 — *Moral'nyi kodeks stroitelia kommunizma* [The Moral Code of the Builder of Communism]. Moscow: Nauka, 1964. 346 p. (In Russ.).

V Politburo TsK KPSS, 2006 — *V Politburo TsK KPSS...: Po zapisiam Anatoly Chernyaev, Vadim Medvedev, and Georgiy Shakhnazarov (1985–1991)* [In the Politburo of the CPSU Central Committee...: According to the Notes of Anatoly Chernyaev, Vadim Medvedev, and Georgiy Shakhnazarov (1985–1991)] / Comp. A. Chernyaev (proj. head), A. Veber, V. Medvedev; Gorbachev-Fund. Moscow: Alpina Bizness Books, 2006. 784 p. (In Russ.).

Zakonodatel'stvo o religioznykh kul'takh, 1971 — *Zakonodatel'stvo o religioznykh kul'takh: Sbornik materialov i dokumentov: dlya sluzhebno pol'zovaniya* [Legislation on Religious Cults: A Collection of Materials and Documents: For Official Use] / Ed. V.A. Kuroedov. Moscow, 1971. New York, 1981. Pp. 10–24. (In Russ.).

Литература

Абдрахманов, 2013 — *Абдрахманов К.* Религия в повседневной жизни городского населения Центрального Казахстана в послевоенный период // *Вестник угроведения*, 2013. № 1(12). С. 102–109.

Ауансова, 2007 — *Ауансова Б.М.* История эволюции религиозных отношений в Казахстане (на примере ислама, 1941–1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Уральск, 2007. 135 с.

Ахмадуллин, 2016 — *Ахмадуллин В.А.* Деятельность Советского государства и Духовных управлений мусульман по организации паломничеств (1944–1965 гг.): анализ исторического опыта и его значение для настоящего. Москdf: Islamic Book, 2016. 208 с.

Ахметжанов, 1984 — *Информация К.Ф. Ахметжанова*, Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Целиноградской области, в Совет по делам религий при Совете Министров СССР о мусульманском празднике. 20 июля 1984 г. // *Russian Perspectives on Islam*, 1984. // URL: <https://islamperspectives.org/rpi/items/show/18052> (дата обращения: 25.03.2024).

Бургарт, 1999 — *Бургарт Л.А.* Религиозные группы немцев-спецпоселенцев в Восточно-Казахстанской области по материалам агентурно-осведомительной сети НКВД (1940–1950-е гг.) // *Культура немцев Казахстана: история и современность* / Отв. ред. С.К. Венцель. Алматы: Типография Немецкого Дома, 1999. С. 112–122.

В Политбюро ЦК КПСС, 2006 — *В Политбюро ЦК КПСС...: По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева и Георгия Шахназарова (1985–1991)* / Сост. А. Черняев (рук. проекта), А. Вебер, В. Медведев; Горбачев-Фонд. Москва: Альпина Бизнес Букс, 2006. 784 с.

Декрет Казахская ССР, 1976 — *Декрет Казахской ССР* 1976 г. // URL: <https://academics.hamilton.edu/central-asian-history/khalid-kazakh-ssr-1976-decree> (дата обращения: 12.03.2025).

Доклад о медико-атеистической пропаганде, 1950 — *Доклад о медико-атеистической пропаганде*, проводимой в республике. Заместитель министра здравоохранения Казахской ССР Е. Клебанов, 1950.

Доклад уполномоченного Совета по делам, 1950 — *Доклад уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров Казахской ССР* Н. Сабитова председателю Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР И.В. Полянскому о поездке в Джамбульскую область. 25 ноября 1950 г. // *Russian Perspectives on Islam*, 1950. // URL: <https://islamperspectives.org/rpi/items/show/18859> (дата обращения: 25.07.2025).

Законодательство о религиозных культах, 1971 — *Законодательство о религиозных культах: Сборник материалов и документов: для служебного пользования* / Ред. В.А. Куроедов. М., 1971. Нью-Йорк, 1981. С. 10–24.

Законодательство СССР о религии — *Законодательство СССР о религии*: Конституция СССР; Декрет от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»; Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 27 января 1965 г. «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих»; Положение о Совете по делам религий при Совете Министров СССР, утвержденное Постановлением Совета Министров СССР от 10 мая 1966 г. // Государственно-конфессиональные отношения в Советском Кыргызстане (1917–1991): Сборник документов и материалов. Ч. 2 / Под ред. В.А. Воропаева, А.А. Карымсаковой, Е.В. Носовой; под общ. ред. В.М. Плоских. Бишкек: КРСУ, 2015. С. 199–203.

Иванов, 2024 — *Иванов Е.* протоиерей. Антиклерикальная кампания в Казахской ССР в 1958–1963 гг. (по документам фонда Р-6991 Государственного архива Российской Федерации) // Богословский вестник, 2024. № 3 (54). С. 189–206.

Информация исполняющего обязанности, 1988 — *Информация исполняющего обязанности* уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Казахской ССР Т.Я. Сауранбаева о встрече председателя Совета Министров Казахской ССР Н.А. Назарбаева с религиозными деятелями республики. Russian Perspectives on Islam, 1988. // URL: <https://islamperspectives.org/rpi/items/show/18367> (дата обращения: 25.07.2025).

Информация уполномоченного Совет, 1969 — *Информация уполномоченного Совета* по делам религий при Совете Министров СССР по Восточно-Казахстанской области Казахской ССР П.Ф. Исакова председателю Совета по делам религий при Совете Министров СССР В.А. Куроедову о проведении мусульманского праздника. Russian Perspectives on Islam, 1969. // URL: <https://islamperspectives.org/rpi/items/show/18515> (дата обращения: 14.08.2023).

Информация уполномоченного Совета по делам, 1943 — *Информация уполномоченного Совета по делам* религиозных культов при Совете Министров СССР по Казахской ССР Т.Е. Сауренбекова в Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР об образовании Духовного управления мусульман Казахстана. Russian Perspectives on Islam. // URL: <https://islamperspectives.org/rpi/items/show/18426> (дата обращения: 11.03.2025).

Информация уполномоченного Совета по делам, 1960 — *Информация уполномоченного Совета по делам* религиозных культов по Казахстану Б. Жумашева представителю Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР А.А. Пузину о праздновании мусульманского праздника в Казахстане в 1960 г. Russian Perspectives on Islam. // URL: <https://islamperspectives.org/rpi/items/show/16983> (дата обращения: 12.10.2023).

Информация уполномоченного Совета по делам, 1982 — *Информация уполномоченного Совета по делам* религий при Совете Министров СССР по Казахской ССР С.Т. Тотанова в ЦК Компартии Казахстана о религиозном движении. № 57, 12 апреля 1982 г. Russian Perspectives on Islam. // URL: <https://islamperspectives.org/rpi/items/show/17911> (дата обращения: 25.03.2024).

Крайнев, 1967 — *Крайнев И.В.* Типология религиозных организаций и дифференциация атеистического воспитания // Вопросы научного атеизма, 1967. № 3. С. 40–63 (см. с. 54).

Курилов, 2022 — *Курилов В.А.* Советская модель секуляризации: политическое и правовое регулирование свободы совести в СССР (вторая половина XX века) / Под ред. В.А. Егорова. Санкт-Петербург: РХГА, 2022. 344 с.

Кыдыралина, 2007 — *Кыдыралина З.* Этнос и религия в Казахстане. Астана: Ел Орда, 2007. 224 с.

Мажитова, др., 2023 — *Мажитова Ж., Ильясова К., Шамишева Г., Шукеева А., Еспенбетова А., Утегенов М.* Повседневная религиозная жизнь немецкого населения Северо-Казахстанской области в конце 1950-х гг. // Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение, 2023. Т. 145. № 4. С. 92–109.

Марченко, 2010 — *Марченко А.* Религиозная политика советского государства в годы правления Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР. Москва: Изд-во Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории, 2010. 330 с.

Маслова, 2011 — *Маслова И.И.* Исторические уроки государственно-конфессиональной политики в России: анализ деятельности Совета по делам религий (1965–1985) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2011. № 23. С. 513–518.

Моральный кодекс, 1964 — *Моральный кодекс* строителя коммунизма. Москва: Наука, 1964. 346 с.

Мустафаева, 2012 — *Мустафаева А.А.* Исторический обзор эволюции ислама в советском Казахстане // Вестник КазНУ им. аль-Фараби, 2012. № 3(60). С. 31–35.

Мустафина, 1992 — *Мустафина Р.М.* Вероисповедания, культуры и обряды у казахов (в контексте повседневного ислама в Южном Казахстане в конце XIX–XX вв.). Алма-Ата: Казахский университет, 1992. 176 с.

Мухтарова, 2007 — *Мухтарова Г.* Ислам в советском Казахстане (1917–1991 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Уральск, 2007. 310 с.

Набиев, 2002 — *Набиев А.* Ислам и государство: культурно-историческая эволюция мусульманской религии в Восточной Европе. Казань: Изд-во Казанского университета, 2002. 244 с.

Новый Уголовный кодекс — *Новый Уголовный кодекс* РСФСР 1961 г. и Указы Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 марта 1966 г.: «Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах», «О внесении изменений в статью 142 УК РСФСР», «О применении статьи 142 УК РСФСР» // Иванов А.И., Лобазов П. Политика советского государства по вопросам религии и церкви. Москва: Знание, 1973. 88 с.

Нуртазина, 2008 — *Нуртазина Н.* Борьба с исламом. Религиозная политика советской власти в Казахстане в 20–40-е годы XX века. Алматы: Казахский университет, 2008. 36 с.

О религиозных объединениях, 1971 — *О религиозных объединениях.* Постановление Совета Министров СССР от 16 окт. 1958 г. // Законодательство о религиозных культах. Москва, 1971.

Письмо уполномоченного Совета по делам, 1983 — *Письмо уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Актыбинской области Ж.А. Амирова, секретаря Уильского райкома КП Казахстана А.К. Бекмухамбетова о религиозном движении*, 1983. // URL: <https://muslimlife.info/posts/856> (дата обращения: 24.07.2023).

Постановление ЦК КПСС, 1958 — *Постановление ЦК КПСС «О мерах по прекращению паломничеств к так называемым святым местам»*. 1958. РГАНИ. Ф. 55. Оп. 33. Д. 91. Л. 149–150. Опубл. в: Бюллетень Администрации Президента РФ. 1997. № 4. С. 120.

Религиозные объединения, 2015 — *Религиозные объединения в Казахстане: Справочник*. Астана: МЦКР КДР МКС РК, 2015. 42 с.

САДУМ, 1943–1953 — *САДУМ* (Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана). Основано в 1943 г. Первым председателем был эшон Бабахан; Абдулгафар Шамсутдинов (1884–1953) – первый казий Казахского казиста при САДУМ. Организация издавала фетвы, проверяемые на соответствие Конституции и законам СССР.

Сазонов, 2015 — *Сазонов Д.И.* Сопротивление духовенства реформе приходского управления 1961 г. (по материалам Ярославской и Костромской областей) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. № 4. С. 32–37.

Сактаганова, 2017 — *Сактаганова З.* Советская модель государственной религиозной политики в Казахстане и религиозная повседневность казахстанцев во второй половине XX в. // Власть и общество, 2017. С. 60–76.

Сактаганова, Тасбулатова, 2014 — *Сактаганова З., Тасбулатова З.* Нормативно-правовые основы регулирования политики советского государства в отношении религиозных организаций в 1950–1980 гг., 2014. // URL: https://www.rusnauka.com/3_ANR_2014/Istoria/2_156625.doc.htm (дата обращения: 30.04.2024).

Смирнов, 2018 — *Смирнов М.Ю.* Научный атеизм в советском высшем образовании: периодизация и содержание, 2018. С. 144–171. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnyy-ateizm-v-sovetskom-vysshem-obrazovanii-periodizatsiya-i-soderzhanie/viewer> (дата обращения: 13.08.2023).

Совет по делам религий, 1985 — *Совет по делам религий* при Совете Министров СССР // Атеистический словарь / Под ред. М.П. Новикова. Москва: Политиздат, 1985.

Советская национальная политика, 2013 — *Советская национальная политика: идеология и практики*. М.: РОССПЭН, 2013. С. 737–738 (доклад О.Я. Гончарука, данные о многоженстве).

Султангалиева, 1998 — *Султангалиева А.* Ислам в Казахстане: история, этничность и общество. Алматы: КИСИ, 1998. 188 с.

Тастанова, Баймуратова, 2021 — *Тастанова З., Баймуратова Г.* Религиозная практика в Казахстане в советский период (на примере борьбы с паломничеством) // ОФ «Международный научно-исследовательский центр» / “Endless Light in Science”. Исторические науки, 2021. С. 3–12.

Халид, 2010 — *Халид А.* Ислам после коммунизма: религия и политика в Центральной Азии / пер. с англ. А.Б. Богдановой. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. 304 с.

Халилова, Бабаджанов, 2017 — *Халилова З., Бабаджанов Б.* Советская идеология в медресе: политический контекст и образовательные практики // Исламоведение, 2017. Т. 7. № 2. С. 29–52.

Шаповал, 2022 — *Шаповал Ю.* Борьба советской власти с мусульманским духовенством Северного Казахстана в 1920–30-е гг.: от статуса «лишенцев» до «участников контрреволюционных организаций» // Религия в социокультурных контекстах прошлого и настоящего, 2022. № 1(77). С. 153–168.

Bennigsen, Wimbush, 1985 — *Bennigsen A., Wimbush S.E.* Mystics and Commissars. Sufism in the Soviet Union. London: Hurst, 1985. 195 p.

Karklins, 1980 — *Karklins R.* Islam: How Strong Is It in the Soviet Union? Inquiry Based on Oral Interviews with Soviet Germans Repatriated from Central Asia in 1979 // Cahiers du Monde Russe et Soviétique, 1980. Vol. 21. No. 1. Pp. 65–81. // URL: http://www.persee.fr/doc/cmnr_0008-0160_1980_num_21_1_1374.

Keller, 2001 — *Keller S.* To Moscow, Not Mecca: The Soviet Campaign against Islam in Central Asia, 1917–1941. Westport: Praeger, 2001. 384 p.

Powell, 1967 — *Powell D.* The Effectiveness of Soviet Anti-Religious Propaganda // The Opinion Quarterly, 1967. Vol. 31. No. 3. Pp. 366–380.

Ro'i, 2000 — *Ro'i Y.* Islam in the Soviet Union. London: C. Hurst & Co. Publishers, 2000. 764 p.

ТАРИХ / ИСТОРИЯ / HISTORY

Published in the Republic of Kazakhstan
Asian Journal “Steppe Panorama”
Has been issued as a journal since 2014
ISSN 2710-3994.
Vol. 12. Is. 4, pp. 1109-1129, 2025
Journal homepage: <https://ajspiie.com>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2710-3994_2025_12_4_1109-1129

**EVERYDAY LIFE AND LEGAL ASPECTS OF THE LIVES OF SPECIAL SETTLERS
IN NORTHERN KAZAKHSTAN DURING THE PERIOD OF VIRGIN LAND
DEVELOPMENT (1950–1960S)**

Kozybayeva Makhabbat Malikovna¹

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Institute of Culture and Spiritual Development “Alash”
(2, Satpayev Str., 010008 Astana, Republic of Kazakhstan)
PhD, Associate Professor, Leading Researcher
 <https://orcid.org/0000-0002-7223-2439>. E-mail: koz.mahabbat_85@mail.ru

© Ch.Ch. Valikhanov IHE, 2025
© Kozybayeva M.M., 2025

Abstract. *Introduction.* Special settlers constituted a significant part of the population of Northern Kazakhstan and made a significant contribution to the development of virgin lands, while facing discrimination, violation of rights and social difficulties. The study of the everyday life and legal aspects of the life of special settlers in Northern Kazakhstan during the virgin lands development will allow us to take a fresh look at the social history of the virgin lands development and better understand the influence of state policy on the destinies of individuals and social groups. *The purpose and objectives* of the study are to study the everyday life and features of the legal aspects of the life of special settlers in Northern Kazakhstan during the virgin lands development in the 1950–1960s based on the study of new archival sources and oral sources. *Results.* The article studies the features of everyday life and socio-economic status, problems of changing the legal status of special settlers in Northern Kazakhstan during the period of their active involvement as the main labor force in the virgin lands development. *Conclusions.* A significant part of the special settlers, placed in the regions of Northern Kazakhstan, was distributed between collective farms, state farms, enterprises and institutions. The subsequent release of special settlers in Northern Kazakhstan was closely connected with the Virgin Lands Campaign and was carried out within the framework of the decrees adopted by the highest authorities of the USSR from 1955 to 1957, when special settlers from among Germans, Poles, and Chechen-Ingush began to be released in stages. The country's leadership expected that the main role in the development of virgin lands would be played by special settlers who had skills in working with agricultural machinery, had already settled in a new place, were employed, and had proven themselves to be conscientious workers in collective and state farms. The adopted decrees significantly expanded the civil rights of special settlers, created the necessary conditions for further improving their material and living conditions and cultural level, and contributed to their involvement in active socio-political life.

Keywords: Northern Kazakhstan, special contingent, special settlers, special commandant's office, development of virgin lands, everyday life, legal status, food supply, leading worker, rehabilitation

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the grant funding project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan “Virgin Lands and the Special Contingent of Northern Kazakhstan: Oral Narratives and New Archival Sources” (registration number: AP23489276).

For citation: Kozybayeva M.M. Everyday life and legal aspects of the lives of special settlers in Northern Kazakhstan during the period of virgin land development (1950–1960s) // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Vol. 12. No. 4. Pp. 1109–1129. (In Russ.).

DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1109-1129

ТЫҢ ИГЕРУ КЕЗЕҢІНДЕГІ (1950–1960 ЖЖ.) СОЛТҮСТІК ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ АРНАЙЫ ҚОНЫС АУДАРУШЫЛАРДЫҢ КҮНДЕЛІКТІ ӨМІРІ МЕН ҚҰҚЫҚТЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ

Қозыбаева Махаббат Маликовна¹

¹Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,
«Алаш» мәдениет және рухани даму институты
(2-үй, Сәтбаев көш., 010008 Астана, Қазақстан Республикасы)
PhD, қауымдастырылған профессор, жетекші ғылыми қызметкер
 <https://orcid.org/0000-0002-7223-2439>. E-mail: koz.mahabbat_85@mail.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2025

© Қозыбаева М.М., 2025

Андатпа. *Kіріспе.* Арнайы қоныс аударушылар Солтүстік Қазақстан халқының елеулі бөлігін құрап, тың игеруге зор үлес қосты. Алайда олар кемсітушілікке, құқықтарының бұзылуына және әлеуметтік қиындықтарға жиі ұшырады. Тың игеру кезеңіндегі Солтүстік Қазақстандағы арнайы қоныс аударушылардың күнделікті тұрмысы мен құқықтық аспектілерін зерттеу тың игерудің әлеуметтік тарихына жаңа қырынан қарауға және мемлекеттік саясаттың жеке адамдар мен әлеуметтік топтардың тағдырына тигізген ықпалын тереңірек түсінуге мүмкіндік береді. *Зерттеудің мақсаты мен міндеттері.* 1950–1960 жылдардағы тың игеру кезеңінде Солтүстік Қазақстандағы арнайы қоныс аударушылардың күнделікті тұрмысы мен құқықтық аспектілерін жаңа мұрағаттық деректер мен ауызша дереккөздер негізінде зерттеу. *Нәтижелер.* Мақалада қоныс аударушылардың күнделікті өмір ерекшеліктері мен әлеуметтік-экономикалық жағдайы, сондай-ақ оларды негізгі жұмыс күші ретінде тың игеруге жаппай тарту кезеңіндегі құқықтық мәртебесінің өзгеру мәселелері қарастырылды. *Қорытынды.* Солтүстік Қазақстан облыстарына орналастырылған арнайы қоныс аударушылардың едәуір бөлігі колхоздар, совхоздар, кәсіпорындар мен мекемелер арасында бөлініп орналастырылды. Солтүстік Қазақстандағы арнайы қоныс аударушыларды одан әрі босату үдерісі тың игеру науқанына тығыз байланысты болды және ол 1955–1957 жылдары КСРО-ның жоғарғы билік органдары қабылдаған қаулылар шеңберінде жүргізілді. Дәл осы кезеңде немістер, поляктар, шешен-ингуштар қатарындағы арнайы қоныс аударушылар кезең-кезеңімен бостандыққа шыға бастады. Ел басшылығы тың игеруде негізгі рөлді ауыл шаруашылығы техникасымен жұмыс істеу дағдылары бар, жаңа жерге орнығып үлгерген, еңбекке тартылған және колхоздар мен совхоздарда адал жұмысшылар ретінде танылған арнайы қоныс аударушылар атқарады деп есептеді. Қабылданған қаулылар арнайы қоныс аударушылардың азаматтық құқықтарын едәуір кеңейтті, олардың материалдық-тұрмыстық жағдайын және мәдени деңгейін одан әрі жақсартуға қажетті алғышарттар жасады, сондай-ақ оларды белсенді қоғамдық-саяси өмірге тартуға ықпал етті.

Түйін сөздер: Солтүстік Қазақстан, арнайы контингент, арнайы қоныстанушылар, арнайы комендатура, тың игеру, күнделікті өмір, құқықтық мәртебе, азық-түлікпен қамтамасыз ету, өндіріс озаты, ақтау

Алғыс. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің гранттық қаржыландыру жобасы аясында дайындалды: «Тың және Солтүстік Қазақстандағы арнайы контингент: ауызша нарратив және жаңа мұрағаттық деректер» (тіркеу нөмірі: AP23489276).
Дәйексөз үшін: Қозыбаева М.М. Тың игеру кезеңіндегі (1950–1960 жж.) Солтүстік Қазақстандағы арнайы қоныстанушылардың күнделікті өмірі мен құқықтық аспектілері // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. 1109–1129 бб. (Орысш.).
 DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1109-1129

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ В ПЕРИОД ОСВОЕНИЯ ЦЕЛИНЫ (1950–1960-Е ГГ.)

Козыбаева Махаббат Маликовна¹

¹Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
 Институт культуры и духовного развития «Алаш»
 (д. 2, ул. Сатпаева, 010008 Астана, Республика Казахстан)
 PhD, ассоциированный профессор, ведущий научный сотрудник
 <https://orcid.org/0000-0002-7223-2439>. E-mail: koz.mahabbat_85@mail.ru

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2025

© Козыбаева М.М., 2025

Аннотация. *Введение.* Спецпереселенцы составляли значительную часть населения Северного Казахстана и внесли весомый вклад в освоение целины, при этом сталкиваясь с дискриминацией, нарушением прав и социальными трудностями. Изучение повседневности и правовых аспектов жизни спецпереселенцев в Северном Казахстане в период освоения целины позволит по-новому взглянуть на социальную историю освоения целины и глубже понять влияние государственной политики на судьбы отдельных людей и социальных групп. *Цель и задачи исследования* – изучить повседневность и особенности правовых аспектов жизни спецпереселенцев в Северном Казахстане в период освоения целины в 1950–1960-х гг. на основе изучения новых архивных и устных источников. *Результаты.* В статье изучены особенности повседневной жизни и социально-экономического положения, проблемы изменения правового статуса спецпереселенцев Северного Казахстана в период активного привлечения их в качестве основной рабочей силы в освоение целины. *Выводы.* Значительная часть спецпереселенцев, размещенная в областях Северного Казахстана, была распределена между колхозами, совхозами, предприятиями и учреждениями. Дальнейшее освобождение спецпоселенцев в Северном Казахстане было тесно связано с целинной кампанией и проводилось в рамках тех постановлений, которые были приняты высшими органами власти СССР с 1955 по 1957 гг., когда поэтапно стали освобождаться спецпереселенцы из числа немцев, поляков, чечено-ингушей. Руководство страны рассчитывало, что основную роль в освоении целины сыграют спецпереселенцы, обладающие навыками работы с сельхозтехникой, уже обосновавшиеся на новом месте, трудоустроенные и проявлявшие себя как добросовестные работники в колхозах и совхозах. Принятые постановления значительно расширили гражданские права спецпоселенцев, создали необходимые условия для дальнейшего повышения их материально-бытового положения и культурного уровня, способствовали вовлечению их в активную общественно-политическую жизнь.

Ключевые слова: Северный Казахстан, спецконтингент, спецпереселенцы, спецкомендатура, освоение целины, повседневность, правовой статус, продовольственное обеспечение, передовик производства, реабилитация

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Целина и спецконтингент Северного Казахстана: устный нарратив и новые архивные источники» (регистрационный номер: AP23489276).

Для цитирования: Козыбаева М.М. Повседневность и правовые аспекты жизни спецпереселенцев в Северном Казахстане в период освоения целины (1950–1960-е гг.) // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. С. 1109–1129. (На Русс.).
DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1109-1129

Введение

Освоение целины в 1950–1960-х гг. стало одним из крупнейших проектов Советского Союза, нацеленных на развитие сельского хозяйства и укрепление продовольственной безопасности. Северный Казахстан стал центром этой кампании, куда массово переселялись жители различных регионов страны. Наряду с добровольцами, важную роль в освоении новых земель сыграли и спецпереселенцы – репрессированные, депортированные народы и другие группы, находившиеся под контролем государства.

При этом их вклад в развитие целинных территорий сопровождался серьёзными лишениями: ограниченные права, клеймо «неблагонадёжных», тяжёлые условия труда и жизни, социальная изоляция. Их судьбы практически игнорировались официальной пропагандой, а правовой статус не соответствовал принципам справедливости. Анализ повседневной жизни и правового положения спецпереселенцев позволяет глубже понять противоречия социальной политики того времени и переосмыслить исторический опыт освоения целины в контексте судьбы этих людей.

Актуальность темы исследования обусловлена недостаточной научной проработкой вопросов, связанных с жизнью спецпереселенцев в Северном Казахстане в период освоения целины. Большинство исследований сосредоточены на экономических и политических аспектах целинной кампании, тогда как повседневность и правовое положение людей, оказавшихся в условиях ограничений и надзора, остаются на периферии внимания. Между тем, спецпереселенцы составляли значительную часть населения региона и внесли весомый вклад в освоение целины, при этом сталкиваясь с дискриминацией, нарушением прав и социальными трудностями. Анализ их опыта позволяет по-новому взглянуть на социальную историю освоения целины и глубже понять влияние государственной политики на судьбы отдельных людей и групп.

Материалы и методы

Изучение повседневной жизни и правового положения спецпереселенцев Северного Казахстана в период освоения целины опирается на обширную и разноплановую источниковую базу, что обусловлено сложностью и многогранностью объекта исследования. Важно отметить, что значительная часть этих источников ранее была недоступна исследователям советского периода. Существенный объем материалов выявлен в центральных российских архивах (ГАРФ, РГНИ, РГАЭ), а также в отечественных хранилищах – Архиве Президента РК, областных архивах Акмолинской и Костанайской областей. Основу составляют архивные документы: приказы, постановления, отчеты, связанные со спецпереселенцами. Особое значение имеют правовые и нормативные акты, определявшие их статус, а также мемуары, интервью, статистика по занятости и условиям проживания, публикации в прессе 1950–1960-х гг. Значительная часть этих материалов вводится в научный оборот впервые, что придаёт исследованию оригинальность и актуальность.

Значительный массив документальных источников содержится в опубликованных сборниках, посвящённых истории депортированных народов в Казахстан. Среди них: «Белая книга (Из истории выселения чеченцев-ингушей 1944–1957 гг.)» (1991), «История российских немцев в документах (1763–1992)» (1993), «Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы» (1998), «Из истории немцев Казахстана (1921–1975 гг.)» (1997), «Из истории поляков в Казахстане (1936–1956 гг.)» (2000), «Реабилитация: как это было» (2000), «По решению Правительства Союза ССР» (2003), «Спецпереселенцы в

Карагандинской области» (2007) и др. Эти издания существенно обогатили исследовательскую базу и способствовали более глубокому осмыслению темы.

Методологической основой исследования служит принцип историзма, предполагающий анализ объекта в динамике его развития и трансформации в конкретных исторических условиях. Системный подход позволяет рассматривать спецпереселенцев как часть более широкой социальной структуры, отражающей общие процессы, происходившие в стране. Учитывая сложность и многослойность исследуемой темы, использован междисциплинарный подход, включающий элементы социологии, демографии, экономики и культурологии, что обеспечило комплексную оценку условий жизни спецпереселенцев. В ходе исследования применялись различные методы: анализ архивных и нормативных документов – для изучения правового статуса переселенцев; контент-анализ воспоминаний и интервью – для реконструкции их повседневности; сравнительный метод – для выявления региональных и этнических различий; историко-правовой метод – для оценки влияния изменений в законодательстве на положение спецпереселенцев.

Обсуждение

Историография рассматриваемой темы включает широкий круг работ, посвящённых социальной истории, правовому положению и жизненным условиям спецпереселенцев в СССР. В трудах казахстанских исследователей, таких как М.К. Козыбаев (Козыбаев, 1990), К.С. Алдажуманов (Алдажуманов, 1997), Т.О. Омарбеков (Омарбеков, 2003), Ж.Б. Абылхожин (Абылхожин, 2019) и З.Г. Сактаганова (Сактаганова, 2017), основное внимание уделяется вопросам депортации, экономике и государственной политике. Современные исследования таких авторов, как М.Ч. Калыбекова (Калыбекова, 2008), С.Д. Шаймуханова, Т.Ж. Макалаков, Н.А. Абуов (Абуов, 2014), А.Н. Табулденов (Табулденов, 2015), А.М. Турлыбекова, А.А. Мусагажинова, М.О. Жакупов (Турлыбекова А.М. и др., 2023) всё чаще акцентируют внимание на правовом статусе спецпереселенцев, их социальной интеграции и условиях жизни. Проблематика участия спецконтингента Северного Казахстана в целинной кампании в казахстанской историографии остаётся слабо изученной, за исключением работ А.С. Мусагалиевой (Мусагалиева, 2018) и Р.М. Мусабековой (Мусагалиева, Мусабекова, 2018), в которых рассматриваются нормативные акты, особенности быта переселенцев и государственная политика в условиях освоения целины. В зарубежной историографии наблюдается активное переосмысление роли спецпереселенцев в экономике СССР с опорой на современные подходы и концепции. Исследования посвящены вопросам миграции, депортаций и механизмов социального контроля. В этом контексте труд и повседневность спецпереселенцев рассматриваются, в частности, в работах Е.Ю. Зубковой (Зубкова, 2000), В.Н. Земскова (Земсков, 2003), Н.Ф. Бугая (Бугай, 2006), И.В. Лиджиевой (Лиджиева, 2013), Н.Б. Лебиной (Лебина, 2015) и других, изучавших различные социальные группы советского общества. Зарубежные авторы анализируют особенности советской депортационной политики, её последствия и адаптационные механизмы репрессированных. Однако жизнь спецпереселенцев в Северном Казахстане и их правовой статус по-прежнему остаются малоизученными, что подчеркивает необходимость дальнейших исследований с привлечением архивных источников и междисциплинарных подходов.

Результаты

В целом, послевоенное восстановление сельского хозяйства привело лишь к незначительному улучшению условий жизни крестьян. Производственный кризис и низкий уровень благосостояния способствовали миграции сельского населения в близлежащие города, что отразилось на демографической ситуации в селах. Организация колхозного производства в республике в послевоенные годы сопровождалась рядом серьезных проблем – от низкой агрокультуры до слабого развития общественного животноводства. По данным исследований, аграрный сектор Казахстана не справлялся с задачей продовольственного обеспечения страны и поставками сырья для промышленности, что

привело к возникновению дефицита. В ответ власти избрали экстенсивную модель развития – через освоение целинных и залежных земель. Северная часть Казахстана, включающая Акмолинскую, Кокчетавскую, Кустанайскую, Северо-Казахстанскую, Павлодарскую области, являлась основным регионом проведения целинной кампании. Одним из ключевых ресурсов в ее реализации рассматривались спецпереселенцы, обладающие опытом работы с сельскохозяйственной техникой. Именно на них было сосредоточено особое внимание в ходе проведения целинной политики.

По состоянию на 1 января 1950 г. на территории Казахской ССР в составе спецконтингента было зарегистрировано 882 809 выселенцев и спецпоселенцев. Почти половину из них составляли немцы – 409 859 человек, в то время как значительную часть второй половины – чеченцы и ингуши (299 986 человек), преимущественно занятые в горнодобывающей промышленности и сельском хозяйстве Северного Казахстана. Кроме того, спецконтингент включал поляков, греков, карачаевцев и другие этнические группы, переселённые из Северного Кавказа, Крыма, Грузии, Западной Украины и Грузинской ССР (Таблица 1).

Таблица 1 – Справка о количестве выселенцев и спецпоселенцев, расселенных на территории Казахской ССР по состоянию на 1 января 1950 г. (АП РК. Ф. 708. Оп. 11. Д. 22. Л. 116)
[Table 1 – Reference on the number of deportees and special settlers resettled in the territory of the Kazakh SSR as of January 1, 1950 (AP RK. F. 708. Op. 11. D. 22. L. 116)]

№ пп	Наименование контингентов	Дата вселения (года)	Количество	
			семей	человек
1	немцы	1936–1941	123963	409859
2	поляки	1936	9776	33319
3	карачаевцы с Северного Кавказа	1943	9010	33801
4	чечено-ингуши тоже	1944	78485	299986
5	балкарцы тоже	1944	4756	17618
6	калмыки	1945	754	2275
7	из Крыма	1945	2009	5875
8	из Грузии	1944	7230	30049
9	из Западной Украины (оуновцы)	1947	2929	7121
10	власовцы	1946	-	1197
11	греки	1949	9355	36920
12	из Грузинской ССР	1950	1334	4789
		Всего:	249601	882809

В начале 1950-х гг. спецпереселенцы подчинялись установленному режиму и общественному порядку, определённым органами МГБ в соответствии с постановлением СНК СССР № 35 от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев» и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдалённые районы СССР в период Великой Отечественной войны». Совершённые ими правонарушения рассматривались в общем порядке.

В этот период усилилось внимание к спецпереселенцам, что выразилось в принятии Постановления ЦК КП(б) Казахстана от 24 февраля 1951 г. «О работе среди спецпоселенцев». Документ предписывал усилить контроль и активизировать политико-воспитательную работу с данной категорией населения. Спецпереселенцам предоставлялась возможность участвовать в социалистических соревнованиях через агитационно-массовую деятельность. Трудовое законодательство предусматривало различные формы поощрения за высокие производственные достижения – передовиков отмечали на досках почёта и в газетах. Партийные, комсомольские и женские организации активно вели политическое просвещение среди спецконтингента. Все перечисленные меры были призваны активизировать трудовую деятельность спецпереселенцев и повысить их мотивацию к

достижению высоких показателей, однако не устраняли существующих проблем (ГАКО. Ф. 72-П. Оп. 18. Д. 72. Л. 1–3).

Незначительные послабления режима практически не отражались на повседневной жизни спецпоселенцев Северного Казахстана, которые продолжали сталкиваться с произволом со стороны местных спецкомендатур. По данным спецорганов, на 20 августа 1951 г. в Кокчетавской области было размещено и трудоустроено 47 197 спецпереселенцев немецкой национальности, из которых 29 214 – взрослые и 17 983 – дети до 16 лет. Отмечались случаи, когда сотрудники МГБ ставили на спецучет местных жителей – казахов и русских – вступивших в брак со спецпереселенцами. Например, спецпереселенцы продолжали испытывать затруднения в обеспечении продуктами и товарами первой необходимости. Министерство торговли и торговые организации региона не обеспечивали должным образом завоз ширпотреба (в частности, хлопчатобумажных тканей, фуфаяк, обуви) в населённые пункты, где преобладали спецпоселенцы. Также наблюдались проблемы в сфере образования: Министерство просвещения КазССР и местные органы не смогли организовать интернаты для детей спецпереселенцев, занятых в отгонном животноводстве. В ряде районов отсутствовали средние школы. В Кзылтусском районе, например, более 100 выпускников семилеток не могли продолжить обучение из-за отсутствия школ и невозможности выезда в другие регионы – спецрежим ограничивал передвижение, а МГБ отказывало в выдаче пропусков (АП РК. Ф. 708. Оп. 16/2. Д. 54. Л. 155–156).

В районах Келлеровском, Чкаловском, Кзылтусском и Красноармейском Кокчетавской области большинство колхозов состояли преимущественно из спецпереселенцев – поляков, немцев и других депортированных, без участия коренного населения. Спецкомендатуры контролировали лишь один-два населённых пункта, тогда как зона ответственности местных партийных, советских и хозяйственных органов была значительно шире. В такой ситуации органы МГБ были вынуждены массово выдавать временные разрешения на выезд за пределы обслуживаемых территорий. Однако установленная система оформления этих разрешений не отвечала хозяйственным и административным потребностям, мешая эффективной работе колхозов, МТС и других учреждений. В Келлеровском, Чкаловском и Кзылтусском районах отсутствовали элеваторы, нефтебазы и другие важные сельскохозяйственные объекты, что вынуждало вывозить зерно, получать топливо и технику за пределами районов. Если в этих поездках участвовали спецпереселенцы, требовалось предварительное разрешение от областного управления МГБ, оформление которого занимало от 10 до 15 дней. Из-за удалённости от областного центра хозяйственные органы часто направляли спецпоселенцев без разрешений, нарушая режим. В других случаях длительное ожидание документов тормозило выполнение хозяйственных и административных задач (АП РК. Ф. 708. Оп. 16/2. Д. 54. Л. 157–158).

Разрешения на передвижение внутри района выдавались исключительно райотделом МГБ, тогда как коменданты спецкомендатур не имели таких полномочий. Поэтому для поездки в соседнее село по личным делам или к родственникам спецпереселенцам приходилось обращаться в райотдел. Поскольку спецкомендатуры располагались в 20–50 км от райцентра, коменданты не могли часто ездить за разрешениями, из-за чего они нередко выдавались с опозданием или вовсе не оформлялись. Аналогичные трудности возникали с посещением базаров, проходивших раз в неделю в райцентрах. Для торговли сельхозпродукцией спецпереселенцам также требовались разрешения, однако комендант, который мог выезжать в район всего дважды в месяц, не успевал своевременно их оформлять. Это вызывало недовольство среди переселенцев и провоцировало случаи самовольных выездов (АП РК. Ф. 708. Оп. 16/2. Д. 54. Л. 159–160).

Уже в начале 1950-х гг. местные власти районов Келлеровского, Чкаловского, Кзылтусского и Айртаусского поднимали вопрос о необходимости пересмотра порядка выдачи разрешений на выезд за пределы спецкомендатур. Это объяснялось стремлением шире вовлекать спецпереселенцев в хозяйственную деятельность колхозов, совхозов, МТС и МЖС, а также в общественно-политическую жизнь районов. В частности, предлагалось наделить

комендантов правом выдачи разрешений на передвижение в пределах района, что позволило бы оперативнее решать задачи по привлечению переселенцев к труду и повысить эффективность работы МГБ. Также поднимались вопросы ускорения решения жилищно-бытовых проблем в совхозах (например, Рузаевском и Червонном), улучшения снабжения товарами первой необходимости и снятия с учёта спецпоселения немцев и поляков – уроженцев Казахской ССР, которых в других республиках уже не ставили на спецучёт. Предлагалось также разрешить детям спецпоселенцев поступать в техникумы и вузы и освободить от спецучёта местных жителей, вступивших в брак со спецпереселенцами (АП РК. Ф. 708. Оп. 16/2. Д. 54. Л. 161–163).

Одновременно с ростом числа колхозников значительно возросла и общая численность спецпоселенцев и высланных, проживавших в областных городах, районных центрах и на железнодорожных станциях Казахской ССР, которое на 1 января 1952 г. достигло 135 581 человека. Рост числа спецпоселенцев в городах и рабочих поселках был обусловлен массовым переселением чеченцев и ингушей из сельской местности. При переезде в города и на железнодорожные станции спецпоселенцы самовольно занимали земли колхозов и полосы отчуждения железных дорог для строительства жилья. В результате на многих стратегически важных железнодорожных станциях с ограниченной производственной базой (Джамбул, Бурное, Луговая, Акмолинск, Аягуз) концентрировалось большое количество спецпоселенцев, многие из которых не могли найти постоянную работу и становились потенциальной средой для роста уголовной преступности.

Несмотря на официальное трудоустройство большинства чеченских и ингушских спецпереселенцев, часть из них продолжала вовлекаться в противоправную деятельность, включая случаи мелких хищений и неформальной торговли. Органы МГБ Казахской ССР предпринимали меры по контролю и снижению уровня правонарушений среди спецконтингента. Однако сохранялись определённые трудности, обусловленные ограниченным правовым статусом, сложными социально-экономическими условиями, а также влиянием традиционных родовых связей, затруднявших полноценную интеграцию в местное общество. Кроме того, из-за недостаточной профессиональной подготовки значительной части переселенцев их трудовое участие в городах и рабочих поселках, за исключением Караганды, оставалось ограниченно результативным. Вместе с тем, дальнейшее развитие сельского хозяйства Казахстана, особенно выращивание технических культур (хлопчатник, сахарная свекла, кендырь), а также животноводство и другие отрасли, испытывали острый дефицит рабочей силы. С учетом данных обстоятельств и в интересах государственной и общественной безопасности Совет Министров и ЦК КП(б) Казахстана направили обращение в ЦК КПСС с просьбой разрешить переселение спецпереселенцев, проживающих в Алма-Ате, областных и районных центрах, а также на железнодорожных станциях без производственных возможностей, в колхозы и совхозы республики, остро нуждавшиеся в рабочей силе (ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 570. Л. 65, 66).

В то же время спецпоселенцы-немцы в основном были заняты в колхозах, совхозах, хозяйственных организациях и на промышленных предприятиях и проявляли ответственное отношение к труду. Среди них не было лиц, ведущих паразитический образ жизни; все трудоспособные работали честно и добросовестно. В период 1951–1952 гг. среди спецпоселенцев-немцев не фиксировались случаи хулиганства, краж или недовольства местными властями. Вместе с тем участие детей спецпоселенцев в общественных работах и вступление в ВЛКСМ оставалось на низком уровне (АП РК. Ф. 708. Оп. 16/2. Д. 54. Д. 294. Л. 165).

О намеренной подготовке сельскохозяйственных специалистов из числа спецпереселенцев свидетельствует Постановление ЦК КП(б) Казахстана от 28 мая 1952 г. «О приеме спецпоселенцев в высшие учебные заведения». Документом запрещалось принимать спецпереселенцев в ряд ведущих вузов республики, таких как Казахский государственный университет им. С.М. Кирова, Алма-Атинский юридический, горнометаллургический, физкультурный и педагогический институты, а также в

консерваторию. Вместе с тем, ограниченный набор разрешался в аграрные и прикладные учебные заведения: Казахский сельскохозяйственный, ветеринарно-зоотехнический, медицинский, Чимкентский технологический и учительские институты (за исключением Алма-Атинского). Прием допускался только по конкурсу, с приоритетом для коммунистов и комсомольцев, проявивших себя в труде и общественной деятельности, и строго в пределах установленной квоты (АП РК. Ф. 708. Оп. 16/1. Д. 91. Л. 112–113).

Рассмотрим специфику социально-правового и экономического положения спецпереселенцев на примере Кустанайской области. Так, согласно установленным данным, на 1 декабря 1952 г. в области было расселено спецпоселенцев 80034 человека, из них взрослых – 49 048 человек, детей – 30986 человек. Наибольшее число спецпоселенцев было расселено в Семиозерном (10226 взрослых и 6470 детей), Тарановском (9060 взрослых и 6286 детей), Федоровском (7340 взрослых, 4381 детей), а также Орджоникидзеvском (7131 взрослых и 4055 детей) районах. Среди взрослых спецпоселенцев большую часть составляли немцы – 30295 человек, чеченцы – 8488 человек и ингуши – 8995 человек. Из числа мужчин-спецпоселенцев насчитывалось 18817 человек, включая 1981 до 18 лет, 5391 в возрасте от 18 до 25 лет, 3 354 – от 26 до 35 лет, 3442 – от 36 до 45 лет, 2 293 – от 46 до 55 лет и 2356 человек старше 55 лет (ГАКО. Ф. 72-П. Оп. 18. Д. 72. Л. 14).

В Семиозерном районе Кустанайской области на 24 декабря 1952 г. на учете состояло спецпоселенцев 2824 семей, 10336 человек, из них немцев – 13866 семей, 4666 человек чеченцев и ингушей 1435 семей, 5684 человек. Из общего числа спецпоселенцев работали на железнодорожном транспорте – 3649 человек, в геологоразведочных партиях – 327 человек, в колхозах и МТС – 2714 человек, в совхозах – 3358 человек, в разных организациях – 318 человек. Из числа спецпоселенцев на материально-ответственных и руководящих должностях работали 137 человек, из них – 106 немца и 31 чечено-ингушей. За хорошую работу награждено 10 человек немцев, в том числе Орденом Трудового Красного Знамени – 1 человек, медалью «За трудовую доблесть» – 8 человек и грамотой Президиума Верховного Совета Казахской ССР – 1 человек (ГАКО. Ф. 72-П. Оп. 18. Д. 72. Л. 8–9).

В Карасуском районе Кустанайской области на 9 января 1953 г. было учтено 1643 взрослых спецпоселенца, среди которых преобладали немцы – 1310 человек, также числились ингуши – 206, чеченцы – 72 и один азербайджанец. Наибольшее их число было расселено в районном центре, Карасуском мясововхозе и на станции Койбагор. Из общего числа трудоспособных спецпоселенцев: 340 были заняты в промышленности, 466 – в колхозах, и 808 человек работали в МТС и совхозах района. По району числилось 29 трудоспособных, но неработающих спецпоселенцев, основная причина – наличие многодетных семей. Более 50% работающих в промышленности и совхозах (из 808 человек) состояли в профсоюзах. Все спецпоселенцы были обеспечены жильем: часть проживала в собственных домах, часть – в жилищах, предоставленных колхозами и совхозами. Однако охват школьным образованием был неполным, зарегистрирован отсев 12 детей (ГАКО. Ф. 72-П. Оп. 18. Д. 72. Л. 1–2).

В Пресногорьковском районе Кустанайской области на 14 января 1953 г. проживало 1849 спецпереселенцев, включая 627 детей в возрасте до 16 лет и 1222 человека старше этого возраста. Основная масса проживала в Чапаевском мясововхозе и районном центре, где их привлекали к производственной работе как в совхозе, а также на местных предприятиях. Из 979 человек трудоспособных спецпоселенцев, из которых мужчин – 387, женщин – 592 человека, работало в местной промышленности – 48 человек, в совхозах – 235, в колхозах и МТС – 551 человек. В профсоюзах состояло 147 человек. Все спецпоселенцы были обеспечены жилой площадью, имели свои квартиры – 349 семей, остальные 163 семьи проживали на ведомственных квартирах (ГАКО. Ф. 72-П. Оп. 18. Д. 72. Л. 3–4).

Установленный органами МГБ режим и общественный порядок в целом соблюдался. Нарушения, совершенные спецпереселенцами, рассматривались в рамках действующего законодательства на общих основаниях. Повышение квалификации спецпоселенцев проходило в основном на местах – через курсы механизаторов и агрозооветеринарную

подготовку в течение трех лет. Небольшая часть спецпоселенцев повышала профессиональные навыки заочно, среди них – учителя, агрономы, веттехнические. Обучение велось на русском и казахском языках. Трудовое законодательство распространялось на всех спецпоселенцев, предоставляя им различные формы поощрения за высокие производственные результаты. Передовики отмечались на досках почёта и в публикациях в районной прессе. Большинство спецпоселенцев принимали участие в социалистическом соревновании через агитационно-массовую работу, при этом предпринимались меры по расширению числа участников (ГАКО. Ф. 72-П. Оп. 18. Д. 72. Л. 1–2). По состоянию на 20 декабря 1952 г., по Кустанайской области всего было награждено спецпоселенцев – 1642 человека, из них орденами – 29, медалями – 1613 человек, из них после переселения в Кустанайскую область – 1584 человека (ГАКО. Ф. 72-П. Оп. 18. Д. 72. Л. 15). Спецпереселенцы принимали активное участие в общественной жизни: на 16 января 1953 г. всего по Казахстану депутатами в местные советы избраны в прошлых выборах: немцев – 472 человека, из них 2 – в районные советы, 1 в городской совет, 462 – в аульные, сельские советы, 7 – в поселковые советы (АП РК. Ф. 708. Оп. 26. Д. 301. Л. 5).

Несмотря на благополучную обстановку, имелись и негативные последствия спецзаключения. Вследствие длительного продовольственного затруднения, а также существовавшего языкового барьера охват школьным образованием был неполным. По состоянию на 24 января 1953 г. детей спецпереселенцев школьного возраста, неохваченных обучением по Кустанайской области числилось 936 человек (ГАКО. Ф. 72-П. Оп. 18. Д. 72. Л. 17). Взаимоотношения спецпоселенцев с местным населением были удовлетворительными. Однако изоляция чеченцев и ингушей от местного населения и их слабое участие в общественной жизни способствовали тому, что отдельные представители этих групп распространяли враждебные настроения и провоцировали конфликты, оказывая давление на местных жителей. В июне 1953 г. в Убаганском, Тарановском, Семиозерном районах Кустанайской области были зафиксированы факты хулиганства среди спецпоселенцев – чечено-ингушей (ГАКО. Ф. 72-П. Оп. 18. Д. 72. Л. 30–32).

Особый акцент на спецконтингент был сделан после февральско-мартовского пленума ЦК КПСС 1954 г., на котором было принято решение о расширении посевных площадей зерновых культур за счёт освоения целинных и залежных земель в Северном Казахстане, на Кавказе, в Поволжье и Западной Сибири. Руководство страны рассчитывало, что основную роль в аграрной кампании сыграют спецпереселенцы, обладающие навыками работы с сельхозтехникой, уже обосновавшиеся на новом месте, трудоустроенные и проявлявшие себя как добросовестные работники в колхозах и совхозах. В связи с этим внимание властей было сосредоточено именно на данном контингенте, поэтому в отношении спецпереселенцев продолжал действовать прежний строгий режим ограничения передвижения.

Так, уже с февраля 1954 г. по поручению Секретариата ЦК КПСС работала специальная комиссия под руководством К.Е. Ворошилова, которая изучала вопрос об освобождении от спецпоселения отдельных категорий спецпоселенцев и снятии некоторых ограничений в их правовом положении. По данным МВД СССР, в начале 1954 г. на спецпоселении находилось всего 2 819 776 человек, в том числе детей, не достигших 16-летнего возраста – 884 057 человек. Основную группу спецпоселенцев – около 2 млн человек – составляли немцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, калмыки и крымские татары, выселенные во время Отечественной войны и в послевоенный период (Реабилитация, 2000: 97–101).

При этом рассматривался вопрос об освобождении отдельных категорий спецпереселенцев таким образом, чтобы избежать массового оттока рабочей силы из регионов их компактного проживания – Казахской, Узбекской и Киргизской ССР, Красноярского и Алтайского краёв, Кемеровской, Новосибирской и других областей Сибири и Урала, где остро ощущалась нехватка рабочих рук. Напротив, предполагалось закрепить спецпоселенцев на постоянной основе в этих местах. Это объяснялось тем, что в данных регионах планировалось масштабное освоение целинных и залежных земель, а также развитие сельского хозяйства и

промышленности. В связи с этим комиссия обратилась к руководству республик, краёв и областей, где проживало большинство спецпоселенцев, с запросом: возможно ли освободить от спецпоселения отдельные категории и какие меры следует принять для их трудового и бытового закрепления в указанных районах (Реабилитация, 2000: 95–97).

По состоянию на апрель 1954 г. в Казахской ССР численность спецконтингента составляла 1 010 610 человек, включая 997 757 спецпоселенцев и 12 853 ссыльных и высланных, что составляло около 15% от общего населения республики. Из общего числа спецконтингента взрослых (достигших 16-летнего возраста) насчитывалось 650 276 человек. Среди спецпоселенцев имелось членов и кандидатов партии – 2401 человек, комсомольцев – 30203 человек, награждённых орденами и медалями Советского Союза – 19133 человека. Более 480 тысяч трудоспособных спецпоселенцев и ссыльных были заняты в народном хозяйстве республики: около 132 тысяч (27,5%) – в промышленности и 285 тысяч (59,3%) – в сельском хозяйстве. Это делало спецконтингент важным трудовым резервом для экономики Казахстана (АП РК. Ф. 708. Оп. 11. Д. 22. Л. 157).

В письме Председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову от 8 апреля 1954 г. ЦК КП Казахстана предложил продлить срок пребывания на спецпоселении на пять лет для определённых категорий спецпереселенцев – чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар-басмачей, украинских националистов («оуновцев»), дашнаков, репатриированных немцев и кулаков, высланных из Белоруссии. Исключения предлагалось сделать для несовершеннолетних (до 18 лет), лиц, награждённых орденами и медалями СССР во время пребывания на спецпоселении, участников Великой Отечественной войны и их семей, семей военных, погибших на фронте, инвалидов, тяжелобольных, а также женщин, вступивших в брак с лицами, не являвшимися спецпереселенцами. Такая мера обосновывалась тем, что многие из указанных категорий считались социально опасными, проявляли антисоветские настроения, нарушали общественный порядок и совершали преступления. Кроме того, предлагалось наделить МВД КазССР и прокуратуру республики правом рассматривать возможность досрочного снятия ограничений со спецпоселенцев и их семей в индивидуальном порядке – при условии безупречного поведения и добросовестного труда не менее двух лет. В связи с острой нехваткой рабочей силы на предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах Казахской ССР, особенно в районах освоения целины, предлагалось сохранить в республике всех освобождаемых от спецпоселения. Министерством и ведомствам, на предприятиях которых трудились эти лица, рекомендовалось заключать с ними индивидуальные договоры, предоставляя льготы, аналогичные тем, что имели штатные работники. Также предлагалось выдавать ссуды до 10 тыс. рублей на жильё и скот, обеспечивать земельными участками под строительство и проводить разъяснительную работу для их закрепления на местах. (АП РК. Ф. 708. Оп. 11. Д. 22. Л. 159–161).

В результате работы комиссии ЦК КПСС было принято постановление Совета Министров СССР от 5 июля 1954 г. «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпереселенцев». Согласно документу, спецпоселенцам, находившимся на учёте и занятым в общественно полезном труде, разрешалось проживание в пределах области. С учёта также снимались дети старше 16 лет, зачисленные в учебные заведения, которым разрешался выезд к месту учебы по всей стране. Для усиления вовлеченности спецпереселенцев в трудовую и общественную жизнь планировалось их полное трудоустройство, а также организация условий для получения образования подростками. Им позволялось вступать в профсоюзы и комсомол, поощряться за добросовестный труд и работать по специальности. Хотя данное постановление стало шагом к смягчению их правового положения, спецучет сохранялся, а дети, несмотря на формальное освобождение, в большинстве случаев продолжали проживать с родителями (Сборник законодательных и нормативных актов, 1999: 263–264). Постановлением Совета Министров СССР от 13 августа 1954 г. «О снятии ограничений по спецпоселению с бывших кулаков и других лиц» были отменены ограничения для следующих категорий: бывших кулаков, высланных в 1929–1933 гг. из районов сплошной коллективизации; немецкого населения, проживавшего ранее на Дальнем Востоке, в Сибири,

на Урале, в Средней Азии, Казахстане и других регионах, откуда их не выселяли; а также немцев, мобилизованных во время Великой Отечественной войны для работы в промышленности и не подвергавшихся выселению (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 136. Л. 1).

Однако в 1954 г. постановление, касающееся трудоустройства спецпоселенцев, фактически не выполнялось. Хозяйственные органы регулярно увольняли их с работы в колхозах, совхозах и на предприятиях, что вызывало массовый отток переселенцев – как в южные регионы республики, так и из сельской местности в города и промышленные районы области. Нередко такие перемещения происходили без веских причин. По данным Управления МВД по Павлодарской области, после объявления нового правового статуса спецпоселенцев согласно постановлению Совета Министров СССР от 5 июля 1954 г., предусматривавшему смягчение ограничений и разрешение на передвижение внутри республики, 1290 человек были уволены по причине «в связи с выездом» и покинули область. Из них 930 человек выехали из сельской местности, 360 – из городов и промышленных зон (ГАПО. Ф. 3п. Оп. 3. Д. 777. Л. 1–2).

В 1955 г. высшие партийные и государственные органы приняли ряд постановлений, способствовавших улучшению правового положения спецпереселенцев. Среди них – постановление Совета Министров СССР от 10 марта «О выдаче спецпереселенцам паспортов» и постановление Президиума ЦК КПСС от 23 марта «О призыве на действительную военную службу некоторых категорий спецпереселенцев». Согласно последнему, с 1955 г. на военную службу стали призывать спецпереселенцев, родившихся в 1936 г., а впоследствии – и тех, кто родился после этого года и уже был освобождён от ограничений. Призванные автоматически снимались с учета спецпоселения и направлялись в воинские части по указанию Генштаба (Реабилитация, 2000: 206–207). Постановление Президиума ЦК КПСС от 9 мая 1955 г. «О снятии ограничений в правовом положении с членов и кандидатов в члены КПСС и их семей, находящихся на спецпоселении» предусматривало отмену ограничительных мер в отношении коммунистов и их семей из числа депортированных народов – немцев, чеченцев, калмыков, крымских татар и других, выселенных в отдалённые регионы страны (Реабилитация, 2000: 216). Однако, несмотря на определённые послабления, правовое положение спецпереселенцев оставалось уязвимым, возвращение в места прежнего проживания оставалось запрещённым. Так, в 1955 г., несмотря на изменения в политике, в Казахской ССР продолжало проживать значительное число спецпереселенцев – 594 842 человека (ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 896. Л. 2–4; 57, 58).

Принятые постановления были призваны расширить гражданские права спецпереселенцев, улучшить их бытовые условия и способствовать их вовлечению в общественно-политическую жизнь. Тем не менее, при сопоставлении официальных правовых положений с их практической реализацией на местах нередко обнаруживались расхождения между провозглашёнными декларациями и практикой, что было характерно для рассматриваемого периода. Так, на местном уровне – в областях и районах – имелись случаи игнорирования провозглашенных изменений. Партийные, советские, профсоюзные и комсомольские органы, а также руководители предприятий зачастую не признавали за спецпереселенцами полных гражданских прав, кроме ограничения на передвижение. Это выражалось в предвзятом отношении и политическом недоверии. Бывших спецпереселенцев, даже коммунистов, нередко не допускали к работе в партийных структурах, редакциях и других учреждениях.

Новаторы и передовики сельского хозяйства из числа спецпереселенцев, как правило, не поощрялись и не награждались, несмотря на высокие производственные результаты. Массово-политическая и культурно-просветительская работа среди них велась слабо: решения партии и правительства, а также актуальные политические события разъяснялись формально, печатной продукции на родном языке практически не выпускалось. Многие партийные и хозяйственные органы не уделяли должного внимания закреплению спецпереселенцев в местах их проживания, что приводило к их массовому перемещению между регионами. Особенно остро эта проблема проявилась в Казахстане, где часть переселенцев

покидала районы освоения целины и уезжала в южные области республики из-за недостаточного внимания и негативного отношения.

В этой связи 29 июня 1955 г. Президиум ЦК КПСС утвердил постановление «О мерах по усилению массово-политической работы среди спецпоселенцев», направленное на устранение выявленных недостатков. Документ обязывал партийные органы Казахстана и других республик активнее вовлекать спецпереселенцев в трудовую и общественно-политическую деятельность. Рекомендовалось выдвигать наиболее успешных из них на руководящие посты в колхозах, совхозах, МТС и на предприятиях, представлять к наградам и освещать их успехи в СМИ и на выставках. Также предусматривалось издание газет и политической литературы на родных языках спецпоселенцев, организация полноценного школьного обучения для всех детей и, при возможности, открытие классов на родном языке (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 151. Л. 66; Д. 152. Л. 109–114).

В рамках выполнения постановлений ЦК КПСС и ЦК КП Казахстана в целинных регионах удалось значительно активизировать трудовую деятельность спецпоселенцев. Например, в Акмолинской области по состоянию на 1 сентября 1955 г. Проживало 68 409 спецпереселенцев, включая 40 508 немцев, 20 854 чеченцев и ингушей и 7 047 представителей других народов. Из них 52 143 человека были трудоспособными: 29 022 работали в колхозах, 4 906 – в совхозах, 17 116 – на прочих предприятиях. Среди спецпоселенцев имелись: 4 председателя колхозов, 2 заместителя председателя, 143 бригадира полеводческих бригад, 186 – тракторных, 12 заведующих фермами, 8 управляющих совхозными отделениями, 58 агрономов, 52 зоотехника, 89 ветеринаров, 381 учитель, 75 врачей, 24 инженера, 37 техников и 3 893 других специалистов. Из 27 472 семей переселенцев, проживающих в области, 17 583 имели собственные дома, из них 814 построены в 1954 г. и 342 планировались к строительству в 1955 г. (АП РК. Ф. 708. Оп. 28. Д. 1339а. Л. 1–2).

Согласно данным Акмолинского обкома КП Казахстана, 17 068 семей спецпоселенцев содержали коров, 635 – лошадей, а 10 531 семья держала мелкий скот (овец, коз, свиней и прочее). Кроме того, 67 спецпоселенцев имели собственные автомобили, 787 – мотоциклы, 8 372 – велосипеды и 2 181 – радиоприемники. Среди спецпоселенцев было 167 членов и кандидатов в члены КПСС, 1 689 – членов ВЛКСМ и 11 493 – членов профсоюзов. Из комсомольцев 51 человек занимал должности секретарей первичных комсомольских организаций, а из профсоюзных членов 19 человек – председателей профкомов. В общей сложности 3 802 спецпоселенца были награждены правительственными наградами, из них 289 – за выполнение и перевыполнение производственных планов.

В 1954 г. в Акмолинской области численность детей спецпоселенцев школьного возраста, не состоящих на учете спецпоселения, составила 17 410 человек. В 1954–1955 учебном году обучались 16 392 ребенка, из них 113 – в государственных интернатах, а 1 018 оставались без обучения. В школах, пионерских организациях и кружках самодеятельности участвовали 7 882 ребенка из спецконтингента. Вечерние средние школы посещали 485 молодых спецпоселенцев, а 298 человек выехали для поступления в высшие и средние специальные учебные заведения. По неполным данным, в Акмолинской области насчитывалось около 12 530 неграмотных спецпоселенцев, из которых 7 842 являлись выходцами с Северного Кавказа. Культурно-просветительскими учреждениями – хоровыми, драматическими, музыкальными и спортивными кружками было охвачено около 2 000 человек (АП РК. Ф. 708. Оп. 28. Д. 1339а. Л. 2).

Акмолинский обком КП Казахстана принимал конкретные меры по разъяснению решений ЦК КПСС и усилению массово-политической работы среди спецпоселенцев. В районы области направлялись представители партийного актива для проверки ситуации и поддержки райкомов в проведении этой работы. Проверка показала, что большинство спецпоселенцев были заняты общественно-полезным трудом, добросовестно работали в колхозах, совхозах, МТС, на стройках и железнодорожном транспорте, а также активно участвовали в деятельности партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций.

Многие ранее неработавшие спецпоселенцы начали активно включаться в сельскохозяйственное производство и проявлять героизм на трудовом фронте. Хорошим примером эффективной работы стали спецпоселенцы-механизаторы Косбарманской МТС Атбасарского района. В этой МТС работали 162 спецпоселенца: 135 трактористов, 35 комбайнеров, 3 слесаря и 3 токаря. Все выполняли производственные задания без исключения. Во время хлебоуборки комбайнеры Шекк, Риденгер и Шрайнер на комбайне «Сталинец-6» ежедневно собирали по 35–42 гектара зерна. Средний заработок спецпоселенцев в МТС составлял: комбайнеры за сезон получали 9000–10000 рублей, трактористы – 900–1000 рублей в месяц, слесари – 900–1200 рублей в месяц, токари – 800–1000 рублей в месяц (АП РК. Ф. 708. Оп. 28. Д. 1339а. Л. 3).

Хороших результатов в производстве добились спецпоселенцы-механизаторы МТС «Авангард» Казачинского района, МТС имени Тельмана Шортандинского района, МТС имени Калинина Новочеркасского района и нескольких других МТС области. Многие спецпоселенцы также успешно трудились в животноводстве, среди них было немало передовиков с высокими показателями. Например, доярки колхоза имени Сталина Шортандинского района А. Гергардт, П. Вольгемут и В. Пфайфер надоили с каждой закрепленной за ними коровы более 2000 литров молока. В Атбасарском районе по итогам соцсоревнования на 1 июля 1955 г. было определено 25 передовиков, из них 14 доярок были из числа спецпоселенцев.

Доярки колхоза имени Ленина – Е. Дерр и М. Егель – на 1 июля в среднем надоили с каждой закрепленной коровы 1270 и 1300 литров молока соответственно. В 1954 г. доярка Моор Лидия в этом же колхозе отработала 1000 трудодней и получила 360 кг молока, она надоила в среднем по 1123 литра молока с 12 закрепленных коров и заработала 551 трудодень. В колхозе «Красный партизан» на свиноферме с каждой свиноматки получили по 13,5 поросят, а передовая свинарка Кун Елена за перевыполнение плана получила дополнительно 16 поросят. Подобных высоких результатов добились и другие спецпоселенцы в разных районах области. За высокие производственные достижения многие спецпоселенцы были удостоены орденов и медалей СССР, а также поощрены ценными подарками со стороны правлений колхозов, дирекций МТС и совхозов. В общей сложности 28 спецпоселенцев из области приняли участие во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (ВСХВ) (АП РК. Ф. 708. Оп. 28. Д. 1339а. Л. 4).

В Казахстане в рамках исполнения постановления о мерах по усилению массово-политической работы среди спецпоселенцев рассматривалась возможность создания в школах классов и групп для обучения детей спецпоселенцев на их родном языке. Однако, как указано в справке бригады ЦК Компартии Казахстана в Отдел пропаганды и агитации ЦК от сентября 1955 г., в Павлодарской области данная инициатива изначально не вызвала положительного отклика у самих спецпоселенцев. В период с 15 августа по 3 сентября 1955 г. члены бригады посетили 19 колхозов, 7 совхозов, 6 МТС и 6 промышленных предприятий, где провели 13 собраний и 24 групповые беседы со спецпоселенцами, а также прочитали 27 лекций и докладов. Партийным, советским и хозяйственным работникам были даны разъяснения по методам, формам и целям массово-политической работы с данной категорией населения, а также подробно изложены положения соответствующих постановлений ЦК КПСС и ЦК Компартии Казахстана.

На основании многочисленных индивидуальных и групповых бесед со спецпоселенцами разных национальностей, члены бригады пришли к выводу, что открытие отдельных классов или школ с обучением на родном языке нецелесообразно и не поддерживается самими родителями. Вместо этого родители высказывали пожелание ввести родной язык как отдельный предмет в начальных классах (с 1 по 4). Так, опытный педагог с 37-летним стажем, немец В.П. Лефлер из колхоза им. Тельмана Павлодарского района, в беседе отметил: «Преподавание на родном языке – надуманная и ненужная затея. Даже в Саратовской области еще в 1939 г., мы, по требованию родителей, перешли к преподаванию своих предметов на

русском языке. Я лично не слышал ни одного высказывания родителей о желании обучать детей на родном языке» (АП РК. Ф 708. Оп. 28. Д. 1339а. Л. 102).

Председатель колхоза им. Тельмана Павлодарского района В.И. Шилль на открытом партийном собрании с участием 32 спецпоселенцев выразил свое мнение по вопросу обучения на родном языке: «У меня уже взрослые дети и вопрос об обучении в школах на родном языке лично меня не касается, но я против таких школ. Из молодежи, окончившей такие школы, трудно будет подготовить полноценных специалистов в техникумах и институтах, где ведется преподавание на русском языке. Русский язык – государственный, основной язык в нашей стране. Просят ввести преподавание на родном языке, видимо, те, у кого нет детей или просто от нечего делать». Подобные взгляды разделяли и другие родители-колхозники, такие как Пазнер, Майбах, Фляйн и Гуур. Учителя семилетней школы при колхозе им. Кирова – Э.Л. Гуттенлохер, Е.А. Леман, Л.Ф. Доц и Ф.А. Таборт – отметили, что работали в этом учебном заведении с момента переселения и несмотря на то, что свыше 90% учащихся составляли немцы, ни разу не получали обращений от родителей с просьбой о преподавании на родном языке. По их мнению, такая инициатива была бы нецелесообразной (АП РК. Ф. 708. Оп. 28. Д. 1339а. Л. 103).

По итогам проверки бригада ЦК Компартии Казахстана предложила увеличить тираж газеты «Знамя труда» и организовать выпуск женского журнала на чеченском языке. Также рекомендовалось ходатайствовать о выделении лимита на немецкоязычные издания «За прочный мир...» и «Новое время», а также разрешить подписку на художественную литературу на немецком языке. Министерству культуры КазССР предлагалось издавать произведения советских писателей, детские книги и материалы для самодеятельных кружков на чеченском и немецком языках. Министерству просвещения – разработать меры по ликвидации неграмотности среди взрослых спецпоселенцев. В районах с большим числом чеченцев и ингушей рекомендовалось восстановить женотделы при райкомах и активнее принимать молодежь в профтехучилища. С учетом того, что большинство спецпоселенцев-немцев активно трудились, участвовали в общественной и политической жизни, прочно обосновались на новом месте и не высказывали стремления к возвращению в прежние районы проживания, бригада ЦК Компартии Казахстана обратилась с предложением о полном снятии с них режима спецпоселения. Также предлагалось освободить от учета спецпоселения представителей других национальностей, имеющих особые заслуги перед Родиной – участников войны и награжденных орденами (АП РК. Ф 708. Оп. 28. Д. 1339а. Л. 104–105).

Наиболее достоверные сведения о положении спецпереселенцев на местах содержались в докладных записках прокуроров районного и областного уровня. Так, в записке прокурора Павлодарской области сообщалось, что на 1 ноября 1955 г. в 28 спецкомендатурах области числилось 37 114 спецпереселенцев: 13 235 – с Северного Кавказа, 22 819 – немцев, 420 – греков и 40 – других категорий. За 10 месяцев 1955 г. к уголовной ответственности по области были привлечены 576 человек, из них 70 спецпереселенцев, что составляло 12% от общего числа осужденных. Основной целью массово-разъяснительной работы с данной категорией населения было вовлечение спецпереселенцев в общественно-политическую жизнь и повышение их трудовой активности, особенно в районах освоения целинных и залежных земель (ГАПО. Ф. 3п. Оп. 3. Д. 777. Л. 37–38).

Постановлением Совета Министров СССР от 24 ноября 1955 г. были отменены ограничения для ряда категорий спецпоселенцев: участников Великой Отечественной войны, членов семей погибших на фронте, лиц, награждённых орденами и медалями СССР, преподавателей учебных заведений, женщин, вышедших замуж за местных жителей, не являвшихся спецпоселенцами, а также одиноких инвалидов и граждан с тяжёлыми неизлечимыми заболеваниями (Реабилитация, 2000: 216).

Дальнейшее освобождение спецпоселенцев в Северном Казахстане было тесно связано с развитием целинной кампании и осуществлялось в рамках постановлений, принятых высшими органами власти СССР в 1955–1957 гг. В этот период постепенно освобождались спецпереселенцы из числа немцев, поляков, чечено-ингушей. В первую очередь

рассматривались предложения о снятии ограничений с советских немцев, высланных в годы войны в отдалённые регионы, а также с репатриированных из Германии после войны, направленных на спецпоселение. По данным с мест, большинство спецпоселенцев-немцев добросовестно трудились на промышленных объектах, стройках, в совхозах и колхозах, многие из них были передовиками производства и отмечались правительственными наградами и почётными грамотами. В Алма-Атинской, Павлодарской и Акмолинской областях Казахской ССР 3835 спецпоселенцев-немцев были награждены за высокие трудовые достижения, а 556 стали участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В Кокчетавской области насчитывалось шесть колхозов-миллионеров, преимущественно состоящих из спецпереселенцев-немцев, а в Павлодарской – более десяти таких хозяйств. В связи с этим, чтобы удержать квалифицированную рабочую силу на целинных землях, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. о снятии ограничений с немцев и членов их семей устанавливал, что освобождение от спецпоселения не предполагало возвращения конфискованного имущества и не давало права на возвращение в прежние места жительства (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 72. Д. 576. Л. 79).

В соответствии с постановлением на 23 апреля 1956 г., в Карагандинской области органами административного надзора было освобождено из спецпоселения 46 790 человек немцев вместе с членами их семей. В протоколах отмечалось, что основная масса немцев решение правительства об освобождении их из спецпоселения встретила горячим одобрением и большой радостью, многие заявляли, что никуда не собираются выезжать из насиженных мест, живут материально хорошо и считают себя местными жителями. Большинство немцев, проживающих в Карагандинской области, основательно закрепилось в местах жительства. Многие семьи немцев имели собственные дома, свое хозяйство и по праву считали себя местными жителями. Трудоспособное население работало на производстве и в сельском хозяйстве и выезжать из области не собиралось.

Вместе с тем фиксировались случаи недовольства среди отдельных немцев по поводу запрета на возвращение в места прежнего проживания. Например, Л.Е. Гамбергер, высланный в 1941 г. из Москвы, 1898 г. рождения, заявил: «Я – советский гражданин, прав не лишен, нахожусь под защитой Конституции и жить буду там, где сочту нужным». Гражданка Р.И. Камердель, 1926 г. рождения, выразила сомнение в законности ограничения: «Это выдумка местных органов. Не может быть, чтобы указом запрещалось возвращаться в ту область, откуда я была выселена». В Караганде на домах некоторых немецких семей появлялись объявления о продаже жилья – их владельцы планировали переезд к родственникам или в районы с более благоприятным климатом. Однако такие случаи были редкими, поскольку партийные органы активно противодействовали массовому отъезду освобождённых спецпоселенцев из области (АП РК. Ф. 708. Оп. 29. Д. 1551. Л. 56–57).

Постановлением Совета Министров СССР от 17 января 1956 г. поляки, депортированные в 1936 г. из приграничных районов Украинской ССР, были сняты с учета спецпоселения и освобождены от административного надзора МВД. В Казахстане они проживали в специально организованных поселках и колхозах, где большинство из них добросовестно трудилось в сельском хозяйстве и на промышленных предприятиях, имело собственные дома и приусадебные участки. На тот момент на учете МВД числилось 23 519 человек. Решение об освобождении принималось с учетом того, что поляки находились на спецпоселении уже два десятилетия, успешно интегрировались в экономическую и культурную жизнь республики, а районы их прежнего проживания утратили статус приграничных. Однако снятие ограничений не предполагало возвращения ранее конфискованного имущества и не давало права на возвращение в прежние места жительства (ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 478. Л. 89).

Согласно данным Кустанайского обкома от 28 апреля 1956 г., из-за снятия ограничений в правовом положении спецпереселенцев и неправильного отношения некоторых руководителей предприятий, колхозов, совхозов и МТС к их трудоустройству и бытовым условиям, часть спецпереселенцев начала переезжать в южные области Казахстана, Киргизскую ССР и внутри области. Из 46 779 спецпереселенцев, проживавших в

Кустанайской области, с сентября 1954 по январь 1956 г. из области выехали 4209 человек, а внутри области переместились 1700. В основном за пределы области уезжали чеченцы и ингуши – 3483 человека. Чтобы сократить эти выезды, в январе 1956 г. бюро обкома партии обязало местные партийные организации усилить работу со спецпереселенцами; после этого из области уехали лишь 143 человека, большинство – по уважительным причинам. При этом в 1954–1955 гг. наблюдался приток спецпереселенцев: за два года в область приехало 3335 немцев, по трудоустройству которых были приняты необходимые меры (АП РК. Ф. 708. Оп. 29. Д. 1551. Л. 58–59).

В октябре 1956 г. в Казахстане проживало 480 397 немцев из числа бывших спецпоселенцев. Подавляющее большинство немцев было занято общественно-полезным трудом, обеспечено жильем, имело домашний скот и птицу. В свою очередь, изменения правового положения немцев вызвали среди них большой политический и трудовой подъем. Многие из них стали передовиками производства: 57 немцев были избраны председателями колхозов, 1895 – бригадирами полеводческих и тракторных бригад, 497 – заведующими животноводческими фермами. Поэтому местные власти уделяли особое внимание усилению массово-политической работы среди немецкого населения. Однако проверки показали, что политическая и воспитательная работа, проводимая обкомами, горкома, райкомами партии и первичными партийными организациями, не учитывала национальные особенности населения.

В связи с этим 18 октября 1956 г. бюро ЦК Компартии Казахстана приняло постановление «Об усилении массово-политической работы среди немецкого населения республики». В нем было указано обеспечить широкое разъяснение Указа Президиума Верховного Совета СССР о снятии всех ограничений с бывших спецпоселенцев немецкой национальности и предоставлении им полного комплекса гражданских прав. Также предусматривалось улучшение хозяйственно-бытовых условий и закрепление немцев на местах проживания, выдвижение активных и передовых представителей немецкой национальности на руководящие должности в колхозах, совхозах, МТС, промышленных предприятиях и партийных, советских, комсомольских и профсоюзных органах (АП РК. Ф. 708. Оп. 29. Д. 140. Л. 17–21). По указанию ЦК КПСС и Совета Министров СССР с 1957 г. во всех местах проживания немцев во вторых классах начальных школ было введено преподавание немецкого языка. В соответствии с постановлением Совета Министров Казахской ССР от 2 февраля 1957 г. «О введении преподавания родного языка для детей немецкой национальности» со второго полугодия 1957–1958 учебного года в 2–4 классах было выделено по 2 часа в неделю на изучение немецкого языка сверх основного учебного плана. К 1958 г. в республике функционировало 1099 таких групп, в которых обучалось 17 508 детей (АП РК. Ф. 708. Оп. 31. Д. 1499. Л. 66–72).

Во второй половине 1950-х гг. продолжилось преодоление последствий депортаций: были приняты указы Верховного Совета и постановления Совета Министров СССР, смягчающие правовой статус спецпоселенцев. В 1956 г. началось восстановление национальных автономий калмыков, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей, что привело к массовому снятию ограничений и принятию решений о возвращении этих народов на историческую родину. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1956 г., в Казахстане с учета спецпоселения было снято 195 911 человек, депортированных в годы войны с Северного Кавказа: 141 745 чеченцев, 36 831 ингуш и 17 335 карачаевцев (ГАРФ. Ф. Р-9479. Коллекция документов) (Земсков, 2003: 252). Были приняты меры по «укреплению» части чечено-ингушского населения на территории Казахстана, однако к концу 1950-х гг. большинство из них покинули республику. После восстановления национальных автономий в ноябре 1956 г. началось организованное возвращение на историческую родину карачаевцев, балкарцев, азербайджанцев и представителей других народов (Репрессированные народы, 1994: 206). Так, массовый выезд чеченцев и ингушей из Казахстана фактически поощрялся местными властями, поскольку они рассматривались как потенциальный источник нестабильности. В связи с этим оформление документов для их

отъезда проходило без задержек и максимально оперативно. Исключение составляли немцы и поляки, которые закреплялись на местах проживания в Казахстане, что позволяло использовать их как главную силу в освоении целины.

Таким образом, к 1957 г. была ликвидирована система спецкомендатур и жесткого контроля жизни депортированных народов. Однако, согласно данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., Северный Казахстан сохранял статус региона с наибольшей концентрацией спецпереселенцев. В областях этого региона проживало около 430 тысяч человек из их числа, при этом основную долю составляли немцы 333 991 человек (Таблица 2).

Таблица 2 – Итоги Всесоюзной переписи 1959 г. по областям Северного Казахстана (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566 г. 1566 д.)

Table 2 – Results of the All-Union Census of 1959 by regions of Northern Kazakhstan (RSAE. F. 1562. Op. 336. D. 1566 g. 1566 d.).

№	Области	Численность, чел.				
		немцы	поляки	ингуши	чеченцы	корейцы
1	Акмолинская (Целиноградская)	96562	10459	13673	6295	1309
2	Кокчетавская	67681	25232	7047	1357	954
3	Кустанайская	79836	1526	3626	3767	2346
4	Павлодарская	55100	732	7540	4077	307
5	Северо-Казахстанская	34812	2433	423	1264	397
	Итого:	333991	40382	32309	16760	5313

В постановлении Секретариата ЦК Компартии Казахстана от 10 сентября 1963 г. указывалось на ослабление политической работы с немецким населением, особенно в ряде областей республики. Отмечалась активность нелегальных религиозных групп – меннонитских, католических и лютеранских, вовлекавших в сектантскую деятельность, главным образом, молодежь. Их деятельность сопровождалась распространением антисоветской литературы. Власти считали, что идеологическое влияние западногерманских структур через такие группы негативно сказывалось на части советских немцев (АП РК. Ф. 708. Оп. 36. Д. 164. Л. 60–63).

Согласно сообщению ЦК Компартии Казахстана от 6 апреля 1964 г., в регионах с численным немецким населением при горкомах и парткомах создали группы для работы с гражданами немецкой национальности. Были определены коммунисты-немцы, способные вести политическую и просветительскую деятельность. Провели учёт неграмотных и организовали их обучение. В школах преподавался немецкий язык по расширенной программе, на предприятиях и в клубах действовали лектории и ансамбли на немецком языке. Для поддержки этой работы регулярно проводились семинары и обмен опытом (АП РК. Ф. 708. Оп. 37. Д. 184. Л. 264–266).

В Постановлении Президиума ЦК Компартии Казахстана от 9 июня 1965 г. подчеркивалось, что большинство немцев республики активно трудились в народном хозяйстве, занимали руководящие должности, участвовали в общественно-политической жизни и работали в науке, культуре и медицине. Вёлось радиовещание на немецком языке. Однако в ряде областей слабо развивалась художественная самодеятельность и атеистическая пропаганда. Эти упущения, по мнению властей, способствовали распространению националистических настроений среди части немецкого населения под влиянием западной идеологии (Из истории немцев, 2000: 243–245).

Заключение

В 1957 г. система спецкомендатур и строгого контроля над депортированными народами была официально упразднена. Однако, в отличие от народов Северного Кавказа, которым разрешили вернуться на историческую родину, большинство немцев, крымских татар и поляков остались в Казахстане. Это было связано не только с политикой государства, но и с их высокой адаптацией к местным условиям и репутацией надёжных и трудолюбивых

работников. Эти группы стали основой трудовых ресурсов в целинной кампании, что соответствовало стратегическим интересам страны. При этом командно-административная система не обеспечивала базовых условий для нормальной жизни, что нередко толкало переселенцев на правонарушения. Жёсткие ограничения мешали перераспределению рабочей силы: в одних регионах труда было в избытке, а в других – ощущался его дефицит. Несмотря на это, спецпереселенцы, особенно немцы, внесли значительный вклад в развитие аграрного сектора и освоение целинных земель, став ключевым элементом в укреплении сельского хозяйства республики.

Источники

АП РК — Архив Президента Республики Казахстан
 ГААО — Государственный архив Акмолинской области
 ГАКО — Государственный архив Костанайской области
 ГАПО — Государственный архив Павлодарской области
 ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
 РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории
 РГАЭ — Российский государственный архив экономики

Sources

AP RK — Archive of the President of the Republic of Kazakhstan
 RSACH — Russian State Archive of Contemporary History
 RSAE — Russian State Archive of the Economy
 SAAR — State Archive of the Akmola Region
 SAKR — State Archive of the Kostanay Region
 SAPR — State Archive of the Pavlodar Region
 SARF — State Archive of the Russian Federation

Список литературы

- Абуов, 2016 — *Абуов Н.* Освобождение депортированных народов со спецпоселений в Казахстане в 50-е годы XX века. 2016. // URL: <https://e-history.kz/ru/history-of-kazakhstan/show/9285>
- Абылхожин, 2019 — *Абылхожин Ж.Б.* Постсталинский период в истории советского Казахстана: череда обреченных реформ и несостоявшихся деклараций (1953–1991 гг.). Алматы: КБТУ, 2019. 468 с.
- Алдажуманов, Алдажуманов, 1997 — *Алдажуманов К.С., Алдажуманов Е.К.* Депортация народов – преступление тоталитарного режима. Алматы: Фонд «XXI век», 1997. 16 с.
- Белая книга, 1991 — *Белая книга* (Из истории выселения чеченцев-ингушей 1944–1957 гг.). Воспоминания, архивные материалы, фотодокументы. Грозный–Алма-Ата, 1991. 235 с.
- Бугай, 2006 — *Бугай Н.Ф.* Депортация этнических общностей, проблемы реабилитации в России и Казахстане // *Россия и Казахстан: проблемы истории (XX – начало XXI вв.)*. М., 2006. С. 159–211.
- Депортированные в Казахстан, 1998 — *Депортированные в Казахстан* народы: время и судьбы / сост. Анес Г. Алматы: «Арыс»–«Казахстан», 1998. 428 с.
- Земсков, 2003 — *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2003. 306 с.
- Зубкова, 2000 — *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2000. 229 с.
- Из истории немцев, 2000 — *Из истории немцев* Казахстана (1921–1975 гг.). Сб. док.: Архив Президента Республики Казахстан. Алматы–Москва: Готика, 2000. 365 с.
- Из истории поляков, 2000 — *Из истории поляков* в Казахстане (1936–1956 гг.). Сб. док.: Архив Президента Республики Казахстан. Алматы: Издательский дом «Казахстан», 2000. 344 с.
- История российских немцев, 1993 — *История российских немцев* в документах (1763–1992). М.: Международный институт гуманитарных программ, 1993. 448 с.
- Калыбекова, 2008 — *Калыбекова М.Ч.* История депортированных народов Казахстана (1937–1956 гг.). Алматы: ТОО «Издательство JEM», 2008. 188 с.
- Козыбаев, 1990 — *Козыбаев М.К.* Историография Казахстана: уроки истории. Алма-Ата: Рауан, 1990. 135 с.
- Лебина, 2015 — *Лебина Н.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: НЛО, 2015. 483 с.
- Лиджиева, 2013 — *Лиджиева И.В.* Правовой статус спецпереселенцев в СССР // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*, 2013. № 3. С. 34–39.
- Мусагалиева, 2018 — *Мусагалиева А.С.* Немцы в истории освоения целинных и залежных земель в Северном Казахстане // *Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев*, 2018. № 4. С. 157–168.
- Мусагалиева, Мусабекова, 2018 — *Мусагалиева А.С., Мусабекова Р.М.* Спецконтингент в освоении целинных и залежных земель Северного Казахстана // *Вестник КарГУ*, 2018. № 3. С. 63–73.

- Омарбеков, 2003 — *Омарбеков Т.* XX ғасырдағы Қазақстан тарихының өзекті мәселелері. Алматы: Өнер, 2003. 552 б.
- По решению Правительства, 2003 — *По решению Правительства* Союза ССР. Сб. документов / сост., авт. введ., коммент. Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. 922 с.
- Попов, 2000 — *Попов В.П.* Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. Тамбов: Издательство ТГПУ, 2000. 222 с.
- Реабилитация, 2000 — *Реабилитация: как это было.* Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х т. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956 / сост. Артизов А.Н., Сигачев Ю.В., Хлопов В.Г., Шевчук И.Н. М.: МФД, 2000. 503 с.
- Репрессированные народы, 1994 — *Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши: документы, факты, комментарии* / сост. Н. Бугай. М.: ТОО «Капъ», 1994. 260 с.
- Сактаганова, 2017 — *Сактаганова З.Г.* Экономическая модернизация Казахстана. 1946–1970 гг.: монография. Караганда: Изд-во КарГУ, 2017. 365 с.
- Сборник законодательных и нормативных актов, 1999 — *Сборник законодательных и нормативных актов* о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Ч. II. Курск, 1999.
- Спецпереселенцы, 2007 — *Спецпереселенцы* в Карагандинской области: сборник документов и материалов. Караганда: Изд-во КарГУ, 2007.
- Табулденов, 2015 — *Табулденов А.Н.* Депортации народов и эвакуация населения в Северный Казахстан (1937–1956 годы). Костанай: Костанайская академия МВД РК им. Ш. Кабылбаева, 2015. 192 с.
- Турлыбекова, др., 2023 — *Турлыбекова А.М., Мусагажинова А.А., Жакупов М.О.* Трагедия спецпереселенцев в документах Государственного архива Павлодарской области // *Отан тарихы*, 2023. Т. 26. № 1. С. 58–71.

References

- Abuov, 2016 — *Abuov N.* Osvobozhdenie deportirovannykh narodov so spetsposelenii v Kazakhstane v 50-e gody XX veka [Liberation of deported peoples from special settlements in Kazakhstan in the 1950s]. 2016. // URL: <https://e-history.kz/ru/history-of-kazakhstan/show/9285> (In Russ.).
- Abylkhozhin, 2019 — *Abylkhozhin Zh.B.* Poststalinskiy period v istorii sovetskogo Kazakhstana: chereda obrechennykh reform i nesostoyavshikhsya deklaratsiy (1953–1991 gg.) [Post-Stalin period in the history of Soviet Kazakhstan: a series of doomed reforms and failed declarations (1953–1991)]. Almaty: KBTU, 2019. 468 p. (In Russ.).
- Aldazhumanov, Aldazhumanov, 1997 — *Aldazhumanov K.S., Aldazhumanov Ye.K.* Deportatsiya narodov – prestupleniye totalitarnogo rezhima [Deportation of peoples – a crime of the totalitarian regime]. Almaty, 1997. 16 p. (In Russ.).
- Belaya kniga, 1991 — *Belaya kniga* (Iz istorii vyseleniya chechentsv-ingushey 1944–1957 gg.). Vospominaniya, arkhivnyye materialy, fotodokumenty [White Book (From the history of the deportation of Chechens and Ingush, 1944–1957). Memoirs, archival materials, photo documents]. Grozny–Alma-Ata, 1991. 235 p. (In Russ.).
- Bugai, 2006 — *Bugai N.F.* Deportatsiya etnicheskikh obshchestv, problemy reabilitatsii v Rossii i Kazakhstane [Deportation of ethnic communities, problems of rehabilitation in Russia and Kazakhstan] // *Rossiya i Kazakhstan: problemy istorii (XX – nachalo XXI vv.)* [Russia and Kazakhstan: Problems of history (20th – early 21st centuries)]. M., 2006. Pp. 159–211. (In Russ.).
- Danilov, Pyzhikov, 2001 — *Danilov A.A., Pyzhikov A.V.* Rozhdeniye sverkhderzhavy. SSSR v pervyye poslevoyennyye gody [The Birth of a Superpower. USSR in the First Post-War Years]. M.: ROSSPEN, 2001. 304 p. (In Russ.).
- Deportirovannyye v Kazakhstan, 1998 — *Deportirovannyye v Kazakhstan* narody: vremya i sud'by [Peoples deported to Kazakhstan: time and destinies] / comp. Anes G. Almaty: Arys–Kazakhstan, 1998. 428 p. (In Russ.).
- Istoriya rossiyskikh nemtsev, 1993 — *Istoriya rossiyskikh nemtsev* v dokumentakh (1763–1992) [History of Russian Germans in documents (1763–1992)]. M.: Mezhdunarodnyy institut gumanitarnykh programm, 1993. 448 p. (In Russ.).
- Iz istorii nemtsev, 1997 — *Iz istorii nemtsev* Kazakhstana (1921–1975 gg.) [From the history of Germans in Kazakhstan (1921–1975)]. Sb. dok.: Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan. Almaty–M.: Gotika, 1997. 365 p. (In Russ.).
- Iz istorii polyakov, 2000 — *Iz istorii polyakov* v Kazakhstane (1936–1956 gg.) [From the history of Poles in Kazakhstan (1936–1956)]. Sb. dok.: Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan. Almaty: Izdatel'skiy dom “Kazakhstan”, 2000. 344 p. (In Russ.).
- Kalybekova, 2008 — *Kalybekova M.Ch.* Istoriya deportirovannykh narodov Kazakhstana (1937–1956 gg.) [History of the deported peoples of Kazakhstan (1937–1956)]. Almaty: TOO “Izdatel'stvo JEM”, 2008. 188 p. (In Russ.).
- Kozybayev, 1990 — *Kozybayev M.K.* Istoriografiya Kazakhstana: uroki istorii [Historiography of Kazakhstan: history lessons]. Alma-Ata: Rauan, 1990. 135 p. (In Russ.).
- Lebina, 2015 — *Lebina N.* Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voyennogo kommunizma k bol'shomu stil'yu [Soviet everyday life: norms and anomalies. From military communism to the grand style]. M.: NLO, 2015. 483 p. (In Russ.).
- Lidzhieva, 2013 — *Lidzhieva I.V.* Pravovoy status specpereselencev v SSSR v 40–50-e gg. XX v. [The legal status of special settlers in the USSR in the 1940s–1950s] // *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2013. No. 3. Pp. 34–39. (In Russ.).
- Mussagaliyeva, 2018 — *Mussagaliyeva A.S.* Nemtsy v istorii osvoiniya tselinnykh i zaleznykh zemel' v Severnom Kazakhstane [Germans in the history of the development of virgin and fallow lands in Northern Kazakhstan] // *Ezhgodnik Mezhdunarodnoy assotsiatsii issledovateley istorii i kul'tury rossiyskikh nemtsev*. 2018. No. 4. Pp. 157–168. (In Russ.).

Mussagaliyeva, Musabekova, 2018 — *Mussagaliyeva A.S., Musabekova R.M.* Spetskontingent v osvoyenii tselinnykh i zaleznykh zemel' Severnogo Kazakhstana [Special contingent in the development of virgin and fallow lands of Northern Kazakhstan] // *Vestnik KarGU*. 2018. No. 3. Pp. 63–73. (In Russ.).

Omarbekov, 2003 — *Omarbekov T.* XX g'asyrdagy Qazaqstan tarikhynyn' ózekti maseleleri [Actual issues of the history of Kazakhstan in the 20th century]. Almaty: Oner, 2003. 552 p. (In Kaz.).

Po resheniyu Pravitel'stva, 2003 — *Po resheniyu Pravitel'stva* Soyuz SSR [By decision of the Government of the USSR]. Sb. dokumentov. Comp., introd., comm. N.F. Bugay, A.M. Gonov. Nal'chik: Izd. tsentr "El'-Fa", 2003. 922 p. (In Russ.).

Popov, 2000 — *Popov V.P.* Ekonomicheskaya politika sovetskogo gosudarstva. 1946–1953 gg. [Economic policy of the Soviet state. 1946–1953]. Tambov: Izdatel'stvo TGPU, 2000. 222 p. (In Russ.).

Reabilitatsiya, 2000 — *Reabilitatsiya: kak eto bylo.* Dokumenty Prezidiuma TSK KPSS i drugiye materialy [Rehabilitation: How it was. Documents of the Presidium of the Central Committee of the CPSU and other materials]. In 3 vols. Vol. 1. Mart 1953 – fevral' 1956. Comp. Artizov A.N., Sigachev Yu.V., Khlopov V.G., Shevchuk I.N. M.: MFD, 2000. 503 p. (In Russ.).

Repressirovannyye narody, 1994 — *Repressirovannyye narody* Rossii: chechentsy i ingushi [Repressed peoples of Russia: Chechens and Ingush]. Docs, facts, commentary. Comp. N. Bugay. M.: TOO "Kap", 1994. 260 p. (In Russ.).

Saktaganova, 2017 — *Saktaganova Z.G.* Ekonomicheskaya modernizatsiya Kazakhstana. 1946–1970 gg. [Economic modernization of Kazakhstan. 1946–1970]. Monografiya. Karaganda: Izd-vo KarGU, 2017. 365 p. (In Russ.).

Sbornik zakonodatel'nykh i normativnykh aktov, 1999 — *Sbornik zakonodatel'nykh i normativnykh aktov o repressiyakh i reabilitatsii zhertv politicheskikh repressiy* [Collection of legislative and regulatory acts on repression and rehabilitation of victims of political repression]. Ch. II. Kursk, 1999. (In Russ.).

Spetspereselentsy, 2007 — *Spetspereselentsy v Karagandinskoy oblasti* [Special settlers in the Karaganda region]. Sb. dok. i materialov. Karaganda: Izd-vo KarGU, 2007. (In Russ.).

Tabuldenov, 2015 — *Tabuldenov A.N.* Deportatsii narodov i evakuatsiya naseleniya v Severnyi Kazakhstan (1937–1956 gody) [Deportations of peoples and evacuation of the population to Northern Kazakhstan (1937–1956)]. Kostanai: Kostanaiskaya akademiya MVD RK im. Sh. Kabyldaeva, 2015. 192 p. (In Russ.).

Turlybekova, et al., 2023 — *Turlybekova A.M., Musagazhinova A.A., Zhakupov M.O.* Tragediya spetspereselentsev v dokumentakh Gosudarstvennogo arkhiva Pavlodarskoy oblasti [The tragedy of special settlers in the documents of the State Archives of Pavlodar region]. Otan tarikh, 2023. Vol. 26. No. 1. Pp. 58–71. (In Russ.).

Zemskov, 2003 — *Zemskov V.N.* Spetsposelentsy v SSSR, 1930–1960 [Special settlers in the USSR, 1930–1960]. M.: Nauka, 2003. 306 p. (In Russ.).

Zubkova, 2000 — *Zubkova Ye.Yu.* Poslevoyennoye sovetskoye obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953 [Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953]. M., 2000. 204 p. (In Russ.).

ТАРИХ / ИСТОРИЯ / HISTORY

Published in the Republic of Kazakhstan
Asian Journal “Steppe Panorama”
Has been issued as a journal since 2014
ISSN 2710-3994.
Vol. 12. Is. 4, pp. 1130-1148, 2025
Journal homepage: <https://ajspiie.com>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2710-3994_2025_12_4_1130-1148

FEATURES OF ETHNO-DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF EASTERN KAZAKHSTAN IN COMPARISON WITH OTHER REGIONS OF REPUBLIC

Makhmetova Nadira A.¹, Aubakirova Zhanna S.², Margulan Aida S.^{3*}

¹S. Amanzholov East Kazakhstan University
(34 /1, 30th Guards Division Str., 070002 Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan)
PhD-doctoral student
 <https://orcid.org/0000-0001-6701-8019>. E-mail: nadira_95@mail.ru

²D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University
(19, Serikbayev Str., 070000 Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
 <https://orcid.org/0000-0003-1179-5518>. E-mail: zhanna_aubakirova707@inbox.ru

³Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28, Shevchenko Str., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
PhD-doctoral student, Researcher
 <https://orcid.org/0000-0002-1260-6099>. E-mail: aida.1@mail.ru
*Corresponding Author

© Ch.Ch. Valikhanov IHE, 2025

© Makhmetova N.A., Aubakirova Zh.S., Margulan A.S., 2025

Abstract. Introduction. This article examines the demographic development of East Kazakhstan region during Kazakhstan's independence period from an ethnic perspective. During the Soviet era, the proportion of Slavic ethnic groups, particularly Russians, predominated in the region, whilst Kazakhs mainly resided in rural areas. After 1991, geopolitical changes, migration waves, and repatriation had a significant impact on the region's ethno-demographic structure. Under these conditions, the Kazakh ethnos gradually became demographically dominant. Eastern Kazakhstan represents an important zone of interaction between ethnic changes, migration, and urbanisation, making it a distinct subject of scientific interest. Research objective. *Goals and objectives* are to analyse ethno-demographic changes in Eastern Kazakhstan compared to other regions during the inter-census period (1989–2021) and examine the causes and consequences of this transformation. The evolution of the ethnic structure of the population, urbanisation dynamics, and identification of migration movement patterns became the research objectives. Eastern Kazakhstan reflects nationwide processes: mono-ethnicisation, changes in age structure, and population reproduction. *Results.* The following demographic characteristics were identified: the proportion of Kazakhs in the population structure increased from 38 % to 63 %, whilst Russians and other Slavic ethnic groups decreased from 60.4 % to 29.6 %. The proportion of urban population increased substantially. The urbanisation process contributed to active adaptation, primarily of Kazakhs, to the urban environment. Migration movements of the 1990s–2000s had the greatest impact on ethnic composition. Despite

mono-ethnicisation trends, regional differences, historically established features, and sociocultural factors continue to play an important role. *Conclusions.* During the years of independence, the ethno-demographic situation in East Kazakhstan has changed significantly. Due to the regional geopolitical developments that occurred after 1991, a process of mass migration of ethnic Kazakhs back to their historical homeland began. This process was influenced by the settlement of newcomers in Zaisan, Ayagoz, Tarbagatai, Zharm, and Abai districts, as well as Semey. This led to an increase in the number of Kazakh people in these areas. The government's policies to address social issues, provide employment, and promote the use of the state language have led to fundamental changes in the cultural, linguistic, and social structures of the region, which are crucial for strengthening interethnic relations and national integrity.

Keywords: Ethno-demographic development, regional features, urbanisation, migration, ethnic composition, population census, Kazakh ethnos, social structure

Acknowledgement. The article was written within the framework of the grant project AP23488712 “Everyday life of small and single-industry towns of Independent Kazakhstan (on the example of the Eastern region)” with financial support from the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

For citation: Makhmetova N.A., Aubakirova Zh.S., Margulan A.S. Features of ethno-demographic development of Eastern Kazakhstan in comparison with other regions of Republic // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Vol. 12. No. 4. Pp. 1130–1148. (In Eng.).

DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1130-1148

РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ БАСҚА ӨНІРЛЕРІМЕН САЛЫСТЫРҒАНДА ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАННЫҢ ЭТНОДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ДАМУ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Махметова Надира Аманжолқызы¹, Аубакирова Жанна Сакеновна², Марғұлан Аида Серікқызы³

¹С. Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан университеті
(34-үй, 30-шы Гвардиялық дивизия көш., 070002, Өскемен Қазақстан Республикасы)
PhD-докторант

 <https://orcid.org/0000-0001-6701-8019>. E-mail: nadira_95@mail.ru

²Д. Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университеті
(19-үй, Серікбаев көш., 070000, Өскемен, Қазақстан Республикасы)
Т.ғ.к., қауымдастырылған профессор

 <https://orcid.org/0000-0003-1179-5518>. E-mail: zhanna_aubakirova707@inbox.ru

³Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көш., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
PhD-докторант, ғылыми қызметкер

 <https://orcid.org/0000-0002-1260-6099>. E-mail: aida.1@mail.ru

*Автор-корреспондент

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2025

© Махметова Н.А., Аубакирова Ж.С., Марғұлан А.С., 2025

Аңдатпа. *Kіріспе.* Осы мақалада этникалық аспектіде Қазақстанның тәуелсіздігі кезеңінде Шығыс Қазақстан облысының демографиялық дамуы жан-жақты зерттеледі. Кеңес заманында славян этностары, әсіресе орыстар өкілдерінің үлесі аймақта басым болды, ал қазақтар негізінен ауылдық жерлерде тұрды. 1991 жылдан кейін геосаяси өзгерістер, көші-қон толқындары, репатриация аймақтың этнодемографиялық құрылымына айтарлықтай әсер етті. Мұндай жағдайда қазақ этносы демографиялық тұрғыдан біртіндеп үстемдік ете бастады. Шығыс Қазақстан этникалық өзгерістердің, көші-қон мен урбанизацияның өзара

іс-қимылының маңызды аймағын білдіреді, бұл оны ғылыми қызығушылықтың жеке объектісіне айналдырады. *Зерттеудің мақсаты.* Бұл зерттеу санақаралық кезеңдегі (1989–2021 жж.) басқа өңірлермен салыстырғанда Шығыс Қазақстандағы этнодемографиялық өзгерістерді талдауға және осы трансформацияның себептері мен салдарын зерттеуге бағытталған. Халықтың этникалық құрылымының эволюциясы, урбанизация динамикасы және көші-қон қозғалысының ерекшеліктерін анықтау зерттеу міндеттеріне айналды. Шығыс Қазақстан жалпы қазақстандық процестерді көрсетеді: моноэтнизация, жас құрылымының өзгеруі және халықтың көбеюі. *Зерттеу нәтижелері.* Келесі демографиялық сипаттамалар анықталды: халық құрылымындағы қазақтардың үлес салмағы 38 %-дан 63 %-ға дейін өсті, ал орыс және басқа славян этностары 60,4 %-дан 29,6 %-ға дейін қысқарды. Қала тұрғындарының үлесі едәуір өсті. Урбанизация процесі, ең алдымен, қазақтардың қалалық ортаға белсенді бейімделуіне ықпал етті. Этникалық құрамға ең үлкен әсер 1990–2000 жылдардағы көші-қон қозғалыстары болды. Моноэтнизация тенденцияларына қарамастан, аймақтық айырмашылықтар, тарихи қалыптасқан ерекшеліктер мен әлеуметтік-мәдени факторлар маңызды рөл атқаруда. *Қорытындылар.* Тәуелсіздік жылдарында Шығыс Қазақстан облысындағы этнодемографиялық жағдай едәуір өзгерістер орын алды. 1991 жылдан кейінгі өңірлік геосаяси үдерістердің нәтижесінде этникалық қазақтардың тарихи отанына жаппай оралу үдерісі басталды. Қандастардың Зайсан, Аягөз, Тарбағатай, Жарма, Абай аудандарына және Семей қаласына қоныстануы қазақ этносының сандық өсіміне әсер етті. Әлеуметтік мәселелерді шешу, жұмыспен қамту және мемлекеттік тілді дамытуға бағытталған мемлекеттік саясаттың нәтижесінде этнос өкілдерінің мәдени, тілдік және әлеуметтік құрылымына түбегейлі өзгерістер еніп, бұл өзгерістер өңірдегі этносаралық қатынастарды нығайту мен ұлттық тұтастықты қалыптастыруда шешуші рөл атқарды.

Түйін сөздер: Этнодемографиялық даму, өңірлік ерекшеліктер, урбанизация, көші-қон, этникалық құрылым, халық санағы, Шығыс Қазақстан, қазақ этносы, әлеуметтік құрылым

Алғыс айту. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің қаржылық қолдауымен жүзеге асырылған «Тәуелсіз Қазақстанның шағын және моноқалаларының күнделікті өмірі (Шығыс өңірінің мысалында)» АР23488712 ГҚ жобасы аясында жазылды.

Дәйексөз үшін: Махметова Н.А., Аубакирова Ж.С., Марғұлан А.С. Республикасының басқа өңірлерімен салыстырғанда Шығыс қазақстанның этнодемографиялық даму ерекшеліктері // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. 1130–1148 бб. (Ағылш.).

DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1130-1148

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ РЕГИОНАМИ РЕСПУБЛИКИ

Махметова Надира Аманжолкызы¹, Аубакирова Жанна Сакеновна², Марғұлан Аида Сериковна³

¹Восточно-Казахстанский университет имени С. Аманжолова
(д. 34, ул. 30-й Гвардейской дивизии, 070002 Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)
PhD-докторант

 <https://orcid.org/0000-0001-6701-8019>. E-mail: nadira_95@mail.ru

²Восточно-Казахстанский технический университет имени Д. Серикбаева
(д. 19, ул. Серикбаева, 070000 Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)
кандидат исторических наук, ассоциированный профессор

 <https://orcid.org/0000-0003-1179-5518>. E-mail: zhanna_aubakirova707@inbox.ru

³Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова
(д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
PhD-докторант, научный сотрудник
 <https://orcid.org/0000-0002-1260-6099>. E-mail: aida.1@mail.ru
*Корреспондирующий автор

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2025

© Махметова Н.А., Аубакирова Ж.С., Маргулан А.С., 2025

Аннотация. *Введение.* В настоящей статье комплексно исследуется демографическое развитие Восточно-Казахстанской области в период независимости Казахстана в этническом аспекте. В советское время доля представителей славянских этносов, особенно русских, в регионе преобладала, тогда как казахи в основном проживали в сельской местности. После 1991 года геополитические изменения, миграционные волны, репатриация оказали существенное влияние на этнодемографическую структуру региона. В этих условиях казахский этнос стал постепенно доминировать в демографическом отношении. Восточный Казахстан представляет собой важную зону взаимодействия этнических изменений, миграции и урбанизации, что делает его отдельным объектом научного интереса. *Цель исследования.* Это исследование направлено на анализ этнодемографических изменений в Восточном Казахстане в сравнении с другими регионами в межпереписной период (1989–2021 гг.) и изучение причин и последствий этой трансформации. Эволюция этнической структуры населения, динамика урбанизации и выявление особенностей миграционного движения стали задачами исследования. Восточный Казахстан отражает общеказахстанские процессы: моноэтнизации, изменения возрастной структуры и воспроизводства населения. *Результаты.* Были выявлены следующие демографические характеристики: удельный вес казахов в структуре населения вырос с 38% до 63%, а русских и других славянских этносов сократился с 60,4 % до 29,6 %. Существенно выросла доля городского населения. Процесс урбанизации способствовал активной адаптации, прежде всего, казахов к городской среде. Наибольшее влияние на этнический состав оказали миграционные движения 1990–2000-х годов. Несмотря на тенденции моноэтнизации, региональные различия, исторически сложившиеся особенности и социокультурные факторы продолжают играть важную роль. *Заключение.* За годы независимости этно-демографическая ситуация в Восточно-Казахстанской области значительно изменилась. В результате региональных геополитических процессов, произошедших после 1991 года, начался процесс массового возвращения этнических казахов на историческую родину. Расселение кандасов в Зайсанском, Аягозском, Тарбагатайском, Жарминском, Абайском районах и г. Семей повлияло на количественное увеличение казахского этноса. В результате государственной политики по решению социальных вопросов, трудоустройства, развитие государственного языка произошли кардинальные изменения, повлиявшие на его культурную, языковую и социальную структуру, играющих решающую роль в процессе укрепления межэтнических отношений и национальной целостности региона. **Ключевые слова:** Этнодемографическое развитие, региональные особенности, урбанизация, миграция, этнический состав, перепись населения, казахский этнос, социальная структура **Благодарность.** Статья написана в рамках реализации грантового проекта AP23488712 «Повседневность малых и моногородов Независимого Казахстана (на примере Восточного региона)» при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. **Для цитирования:** Махметова Н.А., Аубакирова Ж.С., Маргулан А.С. Особенности этнодемографического развития Восточного Казахстана в сравнении с другими регионами Республики // Asian Journal "Steppe Panorama". 2025. Т. 12. № 4. С. 1130–1148. (На Англ.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1130-1148

Introduction

The period following the Republic of Kazakhstan's independence opened the way for ethno-demographic processes in the country to develop with new content and in new directions. Whilst these changes encompassed all regions of the republic, their manifestation varied in each area. Among these, East Kazakhstan region stands out with its historical, geographical, and social peculiarities. During the Soviet period, this region was known for having a high proportion of Slavic ethnic groups – particularly Russian, Ukrainian, Belarusian, and German peoples. The Kazakh ethnos was mainly located in rural areas and played an insignificant role in the social structure. During this period, most important positions in the social hierarchy belonged to representatives of non-titular ethnic groups.

The political and social changes that occurred during the years of independence, the change in direction of migration flows, the arrival of ethnic Kazakhs returning to their historical homeland, and the acceleration of urbanisation processes led to fundamental renewal of the ethno-demographic structure in Eastern Kazakhstan. These changes reshaped inter-ethnic balance in the region and caused the Kazakh ethnos to rise to a leading position in the demographic and social space.

This article analyses the ethno-demographic development of the Eastern Kazakhstan region based on historical statistical data, examining regional features, cause-and-effect relationships of demographic processes, and their social consequences. The findings of the study offer a chance to present solid scientific insights that can contribute to fostering inter-ethnic harmony and shaping regional strategies.

In the 1990s, mass migration of Kazakhs from villages to cities began. This flow differed from the dominant migration flow. Cultural attitudes were transported from one location, where people had previously lived according to their cultural norms, to another location. In the Soviet era, rural migrants were generally prepared to adjust to the city, to embrace its regulations, and to conform to the existing urban environment.

Numerous scholarly works have been published on the subject of demographic shifts in Kazakhstan during the latter half of the XXth century. However, there is a dearth of scholarly inquiry into the East Kazakhstan region. Alekseenko N.V. has provided a comprehensive account of East Kazakhstan's history through the lens of documents and materials in their work titled "History of East Kazakhstan in Documents and Materials" (Alekseenko, 2007). Additionally, Alekseenko A.N. has offered a detailed examination of the ethnic composition of the East Kazakhstan region in their textbook titled "Peoples of East Kazakhstan". (Alekseenko, 1994)

In science, the regional features of demographic development in Kazakhstan are considered as "ethno-demographic regions" and divided into regions, as they are formed under the influence of high ethnic differentiation (Aubakirova, 2010: 27). Ethno-demographic regions are territories that differ from others by their demographic development features, population reproduction regimes, and have interconnection and integrity of their constituent elements (ethnic composition, population size, natural growth, settlement type, etc.). At the same time, considering this integrity as an objective condition and natural result of the demographic development of ethnic groups in this territory over a long historical period, one can conclude that the regional features of demographic development in Kazakhstan were formed under the influence of clear ethnic differentiation (Aubakirova, 2010: 31). This potential accumulation was formed over a long historical period as a result of the patterns of natural population movement, as well as under the influence of state policy – regulation of certain demographic processes (for example, population settlement, its size, migration flows, etc.). Gradually, Kazakhstan's ethnic composition is changing, moving towards a mono-ethnic direction, with Kazakhs becoming the majority of the population. Kazakhstan's unified demographic system is being formed, which Kazakhs are defining for the first time in new history. However, the mono-ethnic composition of the population does not lead to homogeneity of demographic processes; regional specificity remains clear, based on previously formed different types of reproduction that arose under the influence of the entire complex of socio-economic, socio-cultural, and historical features of Kazakhstan's regions.

The Kazakh demographic system can be considered in two periods: the nomadic period and the USSR period. That is, it was characterised by ethnic, distinct socio-cultural and socio-economic isolation in which traditional birth coefficients were maintained. The demographic indicators of Kazakhs particularly demonstrated these features. They did not reflect urban lifestyle, industrial employment structure, etc. Kazakhs entered the sovereign period on this basis. They became the majority of the population, including in cities. The political factor that inevitably occurs during the formation of a sovereign state and the construction of a sovereign state system becomes a determinant. In the 2000s, demographic development was proceeding based on the Kazakh ethnos. In the 1990s, there was a “preparation” period for creating a new ethno-demographic situation (approaching mono-ethnicism). The ethnic environment of political and economic institutions was formed. Social structures were established where Kazakhs occupied key positions. They became a demographic majority both in the Republic of Kazakhstan generally and in cities. Thus, at the beginning of the 21st century (1999 census), the foundation of the Kazakh demographic system was established.

At the end of the XXth century, amid political upheavals, the Soviet “Europeanised” demographic system was destroyed, and the foundation of a sovereign system based on the socio-cultural and socio-economic advantages of the Kazakh ethnos was laid. The results of the 1999 population census provided new data about the demographic changes that had formed in the republic. In 1999, the population decreased by 9.2 %. During the comparison of statistical data, we observed ethnic differentiations. Precisely during this period, the number of Kazakhs exceeded fifty percent of the population for the first time (53.4 %), comprising an equal half. Meanwhile, the numbers of other ethnic groups decreased: the Russian ethnos by 27.6 %, Ukrainians by 42.8%, and Germans by 2.7 times. Although the Kazakh population increased, this did not significantly affect the number of people. Consequently, the overall population declined. Consequently, the overall population declined. (Aubakirova et al., 2023: 20).

Materials and Methods

During the research, official data from the Statistics Agency of the Republic of Kazakhstan, results of population censuses (1989, 1999, 2009, 2021), ethno-demographic literature, and scientific articles were used. The research was conducted using qualitative and quantitative approaches, identifying demographic indicators and regional characteristics of each ethnos.

The timeframes for the research were categorized into three distinct historical phases:

1. End of the Soviet period (1989).
2. First decade of independence (1991–2000).
3. Period of economic stabilisation and active execution of the national strategy (after 2000).

Materials were examined structurally and dynamically. The extent of urbanisation, migration patterns, and demographic trends were contrasted at the regional scale.

The research employed comparative-historical approach, statistical techniques, content and cartographic analyses.

Ethnic characteristics mainly determine significant territorial differences in demographic processes, age-gender structure and family size, population movement, and forms of economic activity and settlement. An ethnos is usually considered a historically formed stable community of individuals with a common language, common characteristics of culture, psyche, and self-identification, standing under its own name and established (in ethnonym). Additionally, the composition of the population influences the political and economic trends occurring in the state. The population develops as a result of the long historical process of mixed ethnic group representatives.

In the first decades after Kazakhstan gained independence, significant changes occurred in the country's socio-economic structure. One of these was urbanization – the movement of population to cities and active development of urban lifestyle. This trend not only changed the settlement structure of the population but also significantly affected the economy, infrastructure, culture, and state governance system. Although the process of urbanization in Kazakhstan started during

the Soviet era, it took a new turn after 1991. During 1999–2009, economic crises, migration processes, and changes in city statuses influenced the pace of urbanisation.

Discussion

Scientific research dedicated to Kazakhstan's ethno-demographic development encompasses a wide range of issues and is being conducted across various theoretical and methodological directions. The first systematic studies in this field began at the end of the Soviet period and, after independence, developed within new methodological paradigms closely linked to national policy, migration, and changes in ethnic structure. (Aubakirova et al., 2024: 203–214)

The theoretical foundation of the research drew upon the works of domestic scholars such as A. Alekseenko and M. Tatimov. Aubakirova Zh.S. first introduced the concept of "ethno-demographic regions" and analysed demographic characteristics at the regional level. This concept enables comprehensive assessment of ethnic composition, migration patterns, natural growth, and socio-cultural factors in each region. Particular attention was given to Kazakhstan's eastern region. (Alekseenko, Aubakirova, 2020: 16; Tatimov, 1975: 21)

Among foreign researchers, the works of specialists in demography and urbanisation such as Rowland D.T. and Dave B. provided a foundation for broader consideration of the characteristics of urbanisation and ethnic migration in Kazakhstan. According to their assessments, migration is important not only economically but also as an indicator of social identity and cultural integration. They examine inter-ethnic relations, state language policy, and national identity issues in Kazakhstan, analysing the characteristics of nation-building processes in the post-Soviet space. They link the Kazakh ethnos becoming the demographic core of the state with institutional changes (Rowland, 2003: 432; Dave, 2007: 16–17).

Similarly, A. Uskelenova and N. Nikiforova in their works offer a comprehensive approach by applying SWOT analysis methodology to ethno-demographic transformation whilst analysing the development characteristics and historical preconditions of Kazakhstan's regions. The research content is aimed at proving the impact of migration and urbanisation at the regional level on ethnic structure (Uskelenova, Nikiforova, 2024: 11).

A. Ualtayeva and her research team, who studied Eastern Kazakhstan, analyse the urbanisation process and development dynamics of small cities, connecting them with historical migration processes. They examine the interrelationship and adaptation process between urbanisation and ethno-demographic structure within an ethnological context (Ualtayeva, et al., 2024: 96–110; Ualtayeva, 2006: 352–353).

Within the historiographical framework, N. Abdinassir, S. Kovalskaya, A.S. Adilbayeva, and A.B. Bakytzhanova deserve particular attention. They characterise domestic and foreign historiography of studying Kazakhstan's population ethnic structure by dividing it into three periods – imperial, Soviet, and independence – conducting comparative analysis. This research enables understanding of methodological aspects of ethno-demographic development evolution (Abdinassir, Kovalskaya, 2025: 9–10; Adilbayeva, 2023: 25–26; Adilbayeva, Bakytzhanova, 2024: 27).

In joint work by A. Saparbekova and Czech researchers, migration movements of the late XIXth and early XXth centuries are considered as factors influencing ethnic structure changes. They substantiate historical data with quantitative indicators, identifying historical patterns of demographic trends (Saparbekova et al., 2014).

In recent years, particular attention has been paid to the interrelationship between ethno-demographic processes and urbanisation. G. Dauletova and colleagues in their research analyse rural and urban population ratios, examining ethnic composition changes in new phases of urbanisation. They link urbanisation's new character with ethno-social adaptation processes (Dauletova et al., 2025: 72–73).

Additionally, G. Ilyassova, T. Sadykov, I. Zherebtsov, and G. Dinmukhammed extensively analyze the evolution of Kazakhstan's ethnic demographics in their research. Their research scientifically explains the impact of state policy in regulating inter-ethnic relations, as well

as post-Soviet migration flows on ethno-demographic structure. Researchers, whilst analysing historical statistical materials, clearly demonstrate the interdependence between demographic processes and national policy (Ilyassova et al., 2023: 132–139; Dinmuhammed, 2022: 225–227)

Among researchers studying the demographic situation, ethnic composition, urban and rural population, and ethno-demographic processes of the Eastern Kazakhstan region, we note the papers of G. Pankovskaya, T. Kamaldzhanova, R. Akhmetova and Sh. Shyngysbaeva, A. Saipov, Zh. Alkanova (Pankovskaya, 2008: 129; Kamaldzhanova, Akhmetova, 2024: 89–99; Shyngysbaeva, Saipov, 2022: 4–13; Alkanova, 2024: 76–85).

The publications mentioned above provide additional information on the ethno-demographic development of Kazakhstan and aim to provide a comprehensive study of the regional characteristics. As this historiographical review demonstrates, the study of ethno-demographic processes is an important scientific direction in determining national integrity, social stability, and future strategies.

In 1999, approximately 56 % of Kazakhstan's population lived in rural areas and 44 % in cities. In 2009, this indicator remained practically unchanged. In 2021, the urban population share reached 59.1 %, demonstrating a revival of the urbanisation process.

Table 1. Urban and rural population numbers by region (1999–2021) (National composition, 2021: 7–10)

Regions	1999		2009		2021	
	city	village	city	village	city	village
Republic of Kazakhstan	56,0	44,0	56,1	43,9	61,2	38,8
Akmola	45,5	54,5	47,0	55,7	53,0	44,3
Aktobe	56,2	43,8	66,9	74,1	33,1	25,9
Almaty	29,8	70,2	24,6	25,4	75,4	74,6
Atyrau	58,2	41,8	52,0	55,1	48,0	44,9
West Kazakhstan	40,8	59,2	46,0	55,7	54,0	44,3
Zhambyl	46,2	53,8	40,7	43,0	59,3	57,0
Karaganda	82,2	17,8	77,5	80,6	22,5	19,4
Kostanay	54,2	45,8	52,2	61,2	47,8	38,8
Kyzylorda	60,5	39,5	41,9	46,8	58,1	53,2
Mangystau	78,4	21,6	50,9	45,3	49,1	54,7
Pavlodar	63,4	36,6	68,0	70,5	32,0	29,5
North Kazakhstan	37,8	62,2	40,0	48,0	60,0	52,0
Turkistan	40,0	60,0	21,3	24,3	78,7	75,7
East Kazakhstan	58,8	41,2	57,4	63,1	42,6	36,9

The ratio of urban and rural population is one of the important indicators characterising a state's demographic, social, and economic development level. The level of urbanisation determines the structure in the labour market, migration flows, infrastructure policy, and regional development characteristics. The table above shows the demographic structure of Kazakhstan's regions, particularly the proportion of urban and rural population, based on census data from 1999, 2009, and 2021.

The 1999 census was a time when the consequences of the post-Soviet transitional period were still clearly felt. In Soviet industrialised regions (Karaganda, Pavlodar, Mangystau), the proportion of urban population was high because coal, oil, metallurgy, and chemical industries had developed in these regions. For example: In Karaganda region, the proportion of urban population was 82.2 %, which is explained by the development of coal production during the Soviet period and the abundance of mono-cities such as Zhezkazgan, Temirtau, and Saran. In Mangystau region – 78.4 %, where the formation of Caspian oil and gas complexes that began in the 1960s played a decisive role (Tatimov, 1975. 32).

Conversely, in agriculturally oriented regions, rural population predominated. For example: Almaty region – rural population 70.2 %; Zhambyl region – 53.8 %. This was connected with the preservation of the Soviet system's collective farm structure oriented towards agriculture, slow urban development, and insufficient infrastructure.

In the 2010s, economic growth began in Kazakhstan. New industrial programmes and state projects such as “Ak Bulak” and “Road Map” gave new impetus to the urbanisation process. (Resolution, 2011; Resolution, 2015) The urbanisation process in Kazakhstan over the past 20 years proceeded at different rates and for different reasons:

- In industrial regions (Karaganda, Pavlodar), former Soviet cities went through a period of decline.
- In southern regions (Turkistan, Almaty), new administrative decisions and investments caused sharp growth in the urban proportion.
- In northern regions, urban population is increasing through migration and state programmes.

These changes directly affect social policy, transport infrastructure, education, and the labour market. Therefore, urbanisation must be considered not merely as a quantitative indicator but as a complex historical-social phenomenon (Dave, 2007: 18–20).

Dynamics of Urban Population Share in Kazakhstan Regions (1999–2021)

Қазақстан облыстарындағы қала халқының үлесі динамикасы (1999–2021)

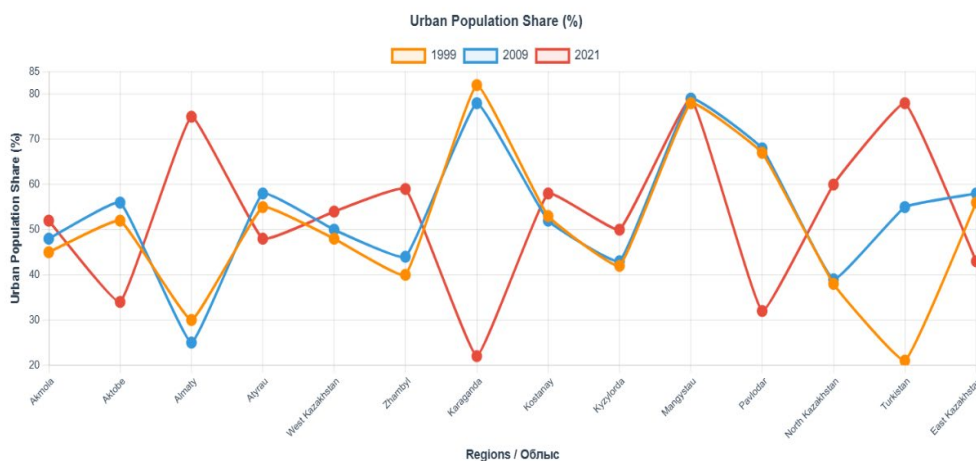

Figure 2 – Dynamics of urban population share in Kazakhstan regions (1999–2021)
(National composition, 2021: 12–16)

Figure 1 depicts the dynamics of change in the urban population share across Kazakhstan's 14 regions in 1999, 2009, and 2021. As evident from the graph, the level of urbanisation across the republic has developed at different rates over the past two decades. This is related to each region's socio-economic situation, historical development characteristics, and the direction of state policy.

Overall, the presented data demonstrates that urbanisation trends in Kazakhstan have not proceeded uniformly, with each region having its own development trajectory characteristics. The main factors affecting urbanisation levels include changes in administrative status, migration dynamics, regional policy direction, and concentration of infrastructure and employment opportunities.

Regions with high urbanisation momentum:

Almaty region: Whilst the urban population share was 29.8 % in 1999, it reached 75.4 % in 2021. This indicator shows intensive urbanisation in the region, expansion of the Almaty agglomeration, as well as an increase in the number of settlements that gained city status.

Turkistan region: Sharp increase from 21.3 % in 2009 to 78.7 % in 2021. Such significant growth is related to Turkistan city gaining regional centre status in 2018 and infrastructure investments directed towards it.

North Kazakhstan region: The urbanisation indicator grew from 37.8 % in 1999 to 60 % in 2021. This change may be the result of state programmes (such as “Serpin”) aimed at attracting labour resources from southern regions.

Regions with reverse trends or instability:

Karaganda region: A sharp decrease from a high urbanisation indicator of 82.2% in 1999 to 22.5% in 2021 was recorded. This data may be related to statistical inconsistencies or administrative-territorial changes, as such a sudden change cannot be explained by natural demographic factors.

Pavlodar and Aktobe regions: The urban population share somewhat decreased from 1999 to 2021. This can be linked to reduced economic activity in mono-cities (e.g., Ekibastuz, Khromtau) as well as external migration processes.

Regions with observed urban-rural population balance:

Akmola, Kostanay, and West Kazakhstan regions have urban and rural population ratios positioned around 50 %. These regions show balanced development of urbanisation and rural life. Such structure can be considered as a manifestation of socio-economic stability and infrastructural balance.

Between 1999–2021, the urbanisation process in Kazakhstan proceeded at different rates, with regional differences clearly observed. Whilst urbanisation accelerated rapidly in some regions (Almaty, Pavlodar, NKR), in others the rural population share increased (Aktobe, Atyrau, EKR). These differences are related not only to economic factors but also to historical, ethnic, and migration characteristics.

The demographic potential accumulated by Kazakhs in the 1950s-80s became the foundation for the successful functioning of the sovereign demographic system (Table 2).

Table 2. Population size and composition of Kazakhstan according to population censuses of 1989, 1999, 2009, 2021 (thousands of people) (Note – Compiled based on literature (Statisticheskii sbornik, 1991: 70), (National composition, 2021: 22–25))

Ethnic Groups	1989		1999		2009		2021	
	Number	%	Number	%	Number	%	Number	%
Total population	16464,5	100	14953,1	100	16009,6	100	19196.0	100
Kazakhs	6534,6	39,7	7985,0	53,4	10096,8	63,1	13497.9	70,3
Russians	6227,5	37,8	4509,6	30,2	3793,8	23,7	2981.9	15,5
Uzbeks	332,0	2,0	370,6	2,5	456,9	2,9	614,0	3,2
Ukrainians	875,7	5,4	547,1	3,7	333,0	2,1	387,3	2,0
Other ethnic groups	2512,7	15,2	1540,8	10,3	1329,1	8,3	1714,9	8,9

During the final years of the Soviet period, ethno-demographic trends during the years of independence led to significant changes in the national composition of the population. Whilst the proportion of the Kazakh people increased from 39.7 % to 68.4 %, the proportion of ethnic groups such as Russians, Ukrainians, and Germans sharply decreased. These processes occurred under the influence of factors such as migration, repatriation, natural growth, and assimilation.

Research results show that ethno-demographic changes in Eastern Kazakhstan have gradually moved towards mono-ethnicisation. Although this process proceeded more slowly compared to other regions of Kazakhstan, it took on a stable character despite regional historical characteristics and demographic inertia. Regional differences, migration policy, social infrastructure, and economic development levels directly influenced ethnic structure. Additionally, the adaptation of ethnic Kazakhs to urbanisation and the increase in their proportion in urban society is also affecting the spread of state language and culture. The results obtained during the research can serve as an important foundation for forming demographic, linguistic, and cultural policies at republican and regional levels and ensuring inter-ethnic stability.

Results

In the 1990s, mass migration of rural Kazakhs to cities began. This migration took on a different character from previous Soviet urbanization – Kazakhs began not only adapting to the urban environment but also creating new social space based on their own culture. The proportion of the Kazakh ethnos grew from 39.7 % in 1989 to 70.3 % in 2021. This trend was influenced by migration, the arrival of ethnic repatriates, natural growth, and ethnic assimilation.

From 1999–2021, the level of urbanisation increased across the republic. In regions such as Turkistan, Almaty, and North Kazakhstan, the proportion of urban population increased significantly. However, reverse trends or statistical inconsistencies were observed in Pavlodar and Karaganda regions.

Regional analysis showed that there is an interrelationship between ethnic structure and urbanisation. In western and southern regions, the proportion of the Kazakh ethnos predominates, whilst in the north and east this indicator increased later. In EKR and Abay regions, the proportion of Kazakhs was 38–40 % in 1989, reaching 62–63 % in 2021.

Kazakhstan's population ethnic structure underwent complex changes from the second half of the XXth century, forming its contemporary national-demographic profile. The collapse of the Soviet Union and Kazakhstan's independence directly affected ethnic composition. Analysis of these historical-social changes based on census data from 1989, 1999, 2009, and 2019 is important.

The research was conducted based on official statistical data – results of population censuses in Kazakhstan in 1989, 1999, 2009, and 2019. The proportion and absolute numbers of each ethnos within the general population were compared dynamically.

Whilst Kazakhstan's population was 16.5 million people in 1989, this indicator exceeded 18.4 million in 2019. Over 30 years, the population increased by approximately 1.9 million people. However, this growth did not affect all ethnic groups equally.

Kazakhs comprised 39.7 % of the population in 1989, whilst this indicator reached 68.4% in 2019. In absolute terms, they increased from 6.5 million to 12.6 million. This growth is explained by the following factors:

1. Natural growth – the birth rate of the Kazakh people was higher than all other ethnic groups.
2. Arrival of compatriots – during the years of independence, more than 1 million ethnic Kazakhs (from China, Uzbekistan, Mongolia, Turkmenistan, Russia, and other countries) returned to the country.

In the period from 1991 to 2001, about 370,000 emigrated to the country. During this period, the vast majority of those who arrived were rural professions from Mongolia and Uzbekistan. In 2002–2011, this figure was increased by another 400 thousand people. During this period, the scale of repatriation expanded, and repatriates also began to arrive from China, Iran, Afghanistan and Russia. (Resolution, 2008) In the years 2012 to 2021, the pace of migration slowed down somewhat, with approximately 280,000 ethnic Kazakhs immigrating to the country during this decade. During this time, the admission quotas were determined at the regional level. In the period from 2022 to 2023, the migration of Kazakhs decreased, but on average, 18,000 to 20,000 people returned on a permanent basis each year. In general, by the end of 2023, more than 1,900,000 native residents had visited Kazakhstan. (National composition, 2021) As for their regional distribution, most incomer are located in the Turkestan (22–25 %) and Almaty (15–18 %) regions, as well as the Zhambyl region (10–12 %). A significant portion is also allocated to areas with high labor demand, such as Mangistau and Atyrau. (National composition, 2021)

Despite the fact that the East Kazakhstan region, including the Abai region, which was later formed, welcomed a substantial number of settlers, this number was lower than the national average. In general, the proportion of ethnic Kazakhs who relocated to the eastern regions is estimated to be between 3 % and 4 %, which amounts to approximately 35,000 to 45,000 individuals. The majority of these individuals settled in rural areas, such as Zaisan, Tarbagatai, Ayagoz, Zharma, and Abai districts. These were regions where the population had declined, leaving behind vacant homes. Additionally, a portion of the Kandases relocated to Semipalatinsk and Ust-Kamenogorsk, where they were registered in the private sector.

1. Strengthening of national identity and increase in the proportion of Kazakhs living in cities.
2. The number of Russians was 6.2 million (37.8%) in 1989, whilst this indicator was 3.47 million (18.9%) in 2019. That is, the proportional indicator decreased by nearly half. This decrease is mainly connected with migration processes.
4. Between 1990–2000, a wave of mass resettlement to Russia occurred.
5. Linguistic and cultural factors, as well as difficulties in economic adaptation, also contributed to increased migration.

The proportion of Ukrainians decreased from 5.8% to 1.5%, whilst Germans decreased from 5.8 % to 1.0 %. The main reason was the resettlement of these ethnic groups to their historical homelands (Germany, Ukraine). Most Germans left the country in the 1990s under Germany's repatriation programme. The proportion of the Uzbek people increased, with most Uzbeks concentrated in southern regions. This is territorially influenced. The increase in proportion is explained by migration and employment in Kazakhstan's labour market. The “other ethnic groups” category includes Uyghurs, Tatars, Koreans, and Caucasian peoples. Their proportion was 10.9 % in 1989 and 10.2 % in 2019. Relative stability of this group is observed (Abdakimov, 2009: 62).

Between 1989–2021, Kazakhstan's population ethnic structure underwent fundamental change. Whilst the proportion of the Kazakh people nearly doubled, the proportion of Slavic and German ethnic groups significantly decreased. This trend is the result of complex factors such as migration, natural growth, arrival of compatriots, peoples returning to their historical homeland, and strengthening of national identity. Although Kazakhstan's current ethnic structure is based on a stable multi-ethnic society model, Kazakh national predominance has been established.

According to statistical data, fundamental changes in Kazakhstan's ethnic composition are observed at the end of the XXth century and beginning of the XXIst century. The dynamics of the state's population are determined by Kazakhs. From 1989–2021, Kazakhstan's population increased by 14.2 %. As a result, in 2021 the proportion of Kazakhs in the population composition was 70.3 % (Table 2).

The formation of the sovereign demographic system went through several stages. The ethno-demographic changes took place in Kazakhstan during the 1990s (1989–1999) were the outcome of intricate and conflicting processes during the period of transition. Within the framework of political, social, economic, and cultural upheavals, the Soviet “Slavic” demographic system was destroyed, and the foundation of a sovereign system based on the socio-cultural and socio-economic advantages of the Kazakh ethnos was being laid. These phenomena had a negative impact on demographic processes, and Kazakhstan's population began to decrease. At the same time, the proportion of the Kazakh ethnos in the republic's population composition was 53.4% (Table 2). A trend of Kazakhs' leading role in the republic's demographic development was determined (Aubakirova, 2020: 46–48).

This process gained even greater momentum in the first decade of the 21st century (1999–2009). In 2009, the proportion of the ethnos in the population composition increased to 63.1 % (Table 2). The rapid growth in the Kazakh population became the defining factor in the republic's population growth from 1999–2009, whilst the rate of reduction of Kazakhstan's other ethnic groups, primarily Russians, substantially reduced. As a result, in 2009 Kazakhstan's population almost returned to its 1989 level, but its ethnic composition fundamentally changed. The majority determining the demographic situation in the first decade of the 21st century were Kazakhs. During that period, the Slavic ethnic group decreased by nearly half, and its proportion in the population composition significantly decreased.

Thus, the demographic influence of Slavic ethnic groups, which had affected Kazakhstan's population dynamics for more than a century, was minimal by 2009. From this moment, the demographic behaviour of Kazakhs decisively determines demographic trends in the country. The republic's population growth momentum is steadily increasing. The following factors are the reasons for “demographic acceleration” occurring within the framework of socio-economic stabilisation:

1. The scale of social initiatives aimed at assisting families with multiple children, including financial assistance upon the birth of a child, is gradually expanding;

2. A prosperous demographic situation persists, with a significant part of the population in the reproductive age range;

3. Declining emigration barely determines the essence of demographic processes anymore. At the same time, the state's immigration policy is beginning to yield demographic results. Traditional reproductive attitudes and large families are common among ethnic compatriots;

4. Changes in the ethnic composition of the population. Kazakhs are becoming the dominant ethnos. Quantitative changes in ethnic composition have moved to a new quality;

5. The demographic situation in the state is determined by representatives of the Kazakh ethnos who maintain high reproductive attitudes (Aubakirova et al., 2023: 146–149).

Further growth of Kazakhstan's population was observed on the established ethnic basis. The growth rate from 2009–2021 was 14.2%, which is 2.1 times higher than the growth rate of the previous decade (1999–2009). Compared to the 1999–2009 period, the growth dynamics of the Kazakh population somewhat decreased due to reduced migration flow (from 26.4% to 24.7%), but much less than steel (1.9 times) and the rate of decrease in the Russian population. The demographic evolution of other Slavic groups has little impact on the general situation due to their small numbers (Table 2).

Demographic processes, which have been developing on an external basis for many decades, are increasingly determined by internal factors. The main patterns of demographic development are located within the country and focused on the cultural and social characteristics of the Kazakh ethnos. For the first time in new history, the republic's demographic system began operating on a sovereign basis.

Current statistics on Kazakhstan's population size and ethnic composition from 2021 data were statistical confirmation of sovereign evolutions. Kazakhs determine the republic's ethnic composition both in cities and rural areas. In 2021, in all regions of Kazakhstan (except North Kazakhstan and Kostanay regions), they constitute the majority of the population. In this regard, in Atyrau, Mangystau, and Kyzylorda regions, the proportion of Kazakhs exceeds 90%. Aktobe region is also close to this indicator. Currently, the Kazakh people, who have preserved traditional values, are a powerful demographic resource of the state in many regions.

Kazakhstan's population ethnic structure is an important indicator of the country's demographic stability and national identity. In the second half of the XXth century, as a result of Soviet migration policy and industrialisation, the Kazakh people became an ethnic minority in many regions. After Kazakhstan gained independence in 1991, policies aimed at restoring national identity and demographic balance began to be implemented. These processes were observed at different rates at the regional level.

However, as a result of migration, demographic, and national policies implemented during the years of independence, the ethnic structure of the republic's population acquired new content. This process proceeded at different rates in each region and depended on regional characteristics. In individual regions, the proportion of Kazakhs increased by more than double, whilst the Russian ethnos decreased significantly. For example, in northern regions – previously ethnically Russian-speaking and industrial areas – ethno-demographic balance completely changed, with Kazakhs becoming the dominant ethnos (Tatimov, 1975: 72–75).

In southern regions – Turkistan, Zhambyl, and Almaty – whilst Kazakhs comprised 53–67 % of the population in 1989, this indicator increased to 70–80 % in 2021. This growth is explained by natural demographic rates as well as high ethnic homogeneity in southern regions. The proportion of the Russian ethnos correspondingly decreased from 20–30 % to 9–17 %. In these regions, the resettlement of part of the Russian population to their historical homeland and the assimilation process resulting from frequent mixed marriages among youth also played an important role.

The northern region – North Kazakhstan, Akmola, Kostanay, and Pavlodar – was characterised by Russian dominance in ethnic composition in 1989: Russians comprised 46–55 %, whilst Kazakhs were only at the 25–36 % level. However, by 2021, Kazakhs in these regions increased to 51–65 %, becoming the dominant ethnos. The largest growth was recorded in North Kazakhstan region – Kazakhs rose from 25 % to 65 %, whilst Russians decreased from 55 % to 30 %. This change

was achieved through state programmes to attract youth from southern regions (“Serpín”), internal migration processes, and natural growth. Additionally, large-scale migration waves (especially in 1990–2000) were directed towards the Russian Federation.

In Central Kazakhstan – Karaganda and the newly established Ulytau regions – the proportion of Kazakhs was around 30–35 % in 1989. These regions traditionally belong to industrialised areas where the proportion of Russian and Ukrainian ethnic groups was previously high. In 2021, the proportion of Kazakhs increased to 59–66 %, whilst the proportion of Russians decreased to 31–27 %. Demographic changes here are also related to migration, changes in ethnic balance during urbanisation, and natural growth.

Eastern Kazakhstan – East Kazakhstan and Abay regions – were regions where the proportion of the Russian ethnos was high even during the Soviet period. In 1989, Russians comprised 44–45 % of the population in these regions, whilst Kazakhs were only 38–40 %. However, by 2021, the proportion of Kazakhs reached 62–63 %, becoming the dominant ethnos. Here too, Russian-directed migration as well as the arrival of repatriates played a major role.

In western regions – Atyrau, Mangystau, West Kazakhstan, and Aktobe – the proportion of the Kazakh people was relatively high even during the Soviet period. In Atyrau and Mangystau regions, the proportion of Kazakhs was 47–51 % in 1989, increasing to 92 % and 78 % respectively in 2021. Whilst natural growth was very high in these regions, the Russian ethnos decreased rapidly: in Atyrau from 31 % to 5 %, in Mangystau from 30 % to 14 %. Similar trends were observed in West Kazakhstan and Aktobe: Kazakhs increased from 44–29 % to 79–71 %, whilst Russians decreased from 38–52 % to 14–25 % respectively. This shows that in western regions, the development of the energy sector and the influence of internal migration and urbanisation factors were significant.

Thus, over the past thirty years, the demographic and ethnic predominance of the Kazakh people has been established in all regions of Kazakhstan. These trends were greatly influenced by migration, the policy of accepting repatriates, natural growth, urbanisation, and state national policy. The number and proportion of the Russian ethnos decreased in all regions, with the return of Slavs to their historical homelands and their slow demographic activity in Kazakhstan being one of the main reasons. These ethno-demographic changes formed the basis for the homogenisation of Kazakhstan's contemporary national structure and the strengthening of the role of the state-forming nation – the Kazakh people.

Table 3. Population size and ethnic composition of Kazakhstan according to current statistical data for 2021 (thousands of people) (National composition, 2021: 12–16)

Regions	Total population		Kazakhs		Russians		Uzbeks		Ukrainians		Other ethnic groups	
	Number	%	Number	%	Number	%	Number	%	Number	%	Number	%
Republic of Kazakhstan	19196.0	100	13497.9	70,3	2981.9	15,53	614.0	3,2	387.3	2,2	1714.8	8,9
Akmola	783.0	100	385.0	49,1	210.8	26,92	1.5	0,1	0.6	0,7	185.2	23,6
Aktobe	906.2	100	770.6	85,0	67.5	7,4	1.3	0,1	3.3	0,6	63.6	7,02
Almaty	2146.6	100	1577.3	73,4	229.2	10,6	5.8	0,2	10.9	0,5	323.3	15,6
Atyrau	681.6	100	625.9	91,8	30.1	4,4	0.9	0,1	1.7	0,2	23.1	3,3
West Kazakhstan	675.7	100	592.1	87,6	109.2	16,1	0,5	0,02	13.5	1,9	23.3	3,2
Zhambyl	1199.3	100	891.3	74,3	88.0	7,3	29.0	2,4	9.8	0,8	181.2	15,1
Karaganda	1348.5	100	751.9	55,7	391.7	29,0	3.3	0,2	52.9	3,9	148.7	11,0

Kostanay	833.6	100	368.3	44,1	280.6	33,6	1.3	0,1	87.9	10,5	95.6	11,4
Kyzylorda	814.9	100	782.8	96,0	12.3	1,5	2.1	0,2	0.9	0,1	16.8	2,7
Mangystau	735.0	100	670.5	91,2	32.0	4,3	2.1	0,2	3.2	0,4	27.2	3,7
Pavlodar	756.8	100	432.3	57,1	223.7	29,5	1.3	0,1	8.7	1,1	90.7	11,9
North Kazakhstan	540.8	100	203.2	37,5	240.6	44,4	0.6	0,1	30.0	5,5	66.5	12,2
Turkistan	2054.0	100	1551.6	75,5	27.9	1,3	0.4	0,2	3.4	0,1	470.7	22,9
East Kazakhstan	1341.3	100	842.4	62,8	431.0	32,1	1.5	0,1	9.4	0,7	57.0	4,2
Astana city	1234.0	100	1004.8	81,4	118.4	9,5	7.1	0,8	20.7	1,6	83.0	6,7
Almaty city	2030.3	100	1286.2	63,3	415.7	20,4	11.4	0,6	21.0	1,4	295.9	14,5
Shymkent city	19196.0	100	13497.9	70,3	2981.9	15,53	614.0	3,2	387.3	2, 2	1714.8	8,9

The 2021 ethnic structure indicators show a significant increase in the proportion of the Kazakh ethnos in Kazakhstan and the ongoing process of ethnic homogenisation. This trend was formed as a result of the restoration of historical justice as well as natural demographic growth and ethnic migration. Ethnic diversity has been preserved at the regional level. In northern and central regions, the proportion of Slavic ethnic groups is still high, based on historical reasons. In southern and western regions, the historical predominance of the Kazakh people is clearly visible. Changes in ethnic structure have a direct impact on state policy, linguistic environment, education system, cultural integration, and inter-ethnic accord.

Ethnic differences between urban and rural residents are also significant. Whilst most of the Kazakh people live in rural areas, the number of Kazakhs living in cities has sharply increased as a result of the urbanisation process. Although Russian, German, and Ukrainian ethnic groups historically comprised the majority of the urban population, this situation is changing as a result of migration.

Today, the Kazakh ethnos is becoming the dominant ethnos in all regions of the country. This trend is particularly evident in metropolises such as Astana, Almaty, and Shymkent. As a result of internal migration, a large part of the Kazakh people has been directed from the south and west towards the north and centre. In these regions, the proportion of Kazakhs increased by 10–15% over the past decade (Dave, 2007: 18–19).

The ethno-demographic situation in Eastern Kazakhstan has undergone fundamental change since the 1990s. Whilst the Russian ethnos was the main ethnic group of the region at the end of the Soviet period, according to the results of the 2021 census, the proportion of the Kazakh ethnos reached 63%, gaining demographic predominance. The proportion of Russians and other Slavic ethnic groups correspondingly decreased to 32 %. These changes were influenced by return to historical homeland, migration waves, natural growth, and internal migration processes. The activity of Kazakhs in the urban environment increased, which is directly related to urbanisation. The cities of Semey and Oskemen are the main centres of demographic restructuring.

Conclusion

In conclusion, Kazakhstan's ethnic structure is gradually becoming a society dominated by the Kazakh ethnos. This trend requires maintaining inter-ethnic harmony and social integration along with demographic stability.

The ethno-demographic development of East Kazakhstan region entered a historically new phase during the years of independence. The Kazakh ethnos becoming the dominant ethnos in the regional demographic structure led to changes in ethnic identity and social structure. These changes are closely related to factors such as urbanisation, migration, and natural growth. At the same time, the influence of the historically established multi-ethnic environment is still felt. In the coming years, the social, cultural, and economic consequences of these changes will determine the main directions of regional policy and demographic planning. Therefore, the research results can serve as a valuable scientific-practical foundation for developing demographic strategies, ensuring social stability, and predicting future migration processes.

Despite the numerous demographic catastrophes that befell the East Kazakhstan region in the previous century, in the new century, these shocks gradually began to subside. In the years since independence, the ethnodemographic development of the East Kazakhstan region has entered a new phase in history. Initially, the region was divided into two administrative units: East Kazakhstan and Semipalatinsk. However, in 2022, a new region, Abai, was established, aiming to bridge the gap between densely populated and sparsely populated areas. While Kazakhs constitute the majority of the region's population, the local government in the region continues to uphold a policy of interethnic unity and harmony.

References

- Abdakimov, 2009 — *Abdakimov A.* Qazaqstandaǵy etnostyq quram: tarihi aspektleri [The ethnic composition in Kazakhstan: historical aspects]. Almaty: RIK, 2009. 215 p. (In Kaz.).
- Abdinassir, Kovalskaya, 2025 — *Abdinassir N.N., Kovalskaya S.* The ethno-demographic structure of Kazakhstan's population and its representation in domestic and foreign historiography // Bulletin of the Karaganda University. History and Philosophy series, 2025. No. 117(1). Pp. 7–22.
- Adilbayeva, 2023 — *Adilbayeva A.S.* Development trends of the Kazakh population of Eastern Kazakhstan during the period of independence // Ethno-demographic Processes in Kazakhstan and Adjacent Territories: Collection of Scientific Papers of the 22nd International Scientific and Practical Conference, September 25–26, 2023. Ust-Kamenogorsk: Media-Alliance, 2023. 498 p.
- Adilbayeva, Bakiyitzhanova, 2024 — *Adilbayeva A.S., Bakiyitzhanova A.B.* Etnicheskaya struktura urbanizatsii v Vostochnom Kazakhstane mezhdru perepisyami 2009 i 2021 gg. [Ethnic structure of urbanization in East Kazakhstan between the 2009 and 2021 censuses] // Ethnodemographic processes in Kazakhstan and adjacent territories: proceed. of the XXIII int. scient. conf. Ust-Kamenogorsk: Media-Al'yans, 2024. Pp. 24–35. (In Russ.).
- Alekseenko, 1994 — *Alekseenko A.N.* Narody Vostochnogo Kazakhstana [Peoples of East Kazakhstan]. Ust-Kamenogorsk: Regional Printing Company. 1994. 52 p. (In Russ.).
- Alekseenko, 2007 — *Alekseenko N.V.* Istoriya Vostochnogo Kazakhstana v dokumentah i materialah [The history of East Kazakhstan in documents and materials]. Ust-Kamenogorsk: Media Alliance. Vol. 2: From 1917 to the beginning of the XXI century. 2007. 108 p. (In Russ.).
- Alekseenko, Aubakirova, 2020 — *Alekseenko A.N., Aubakirova Zh.S.* Naselenie Kazakhstana v kontse XX veka: etnodemograficheskie evolyutsii i stanovlenie suverennoi demograficheskoi sistemy [Population of Kazakhstan in the late XXth century: ethnodemographic evolutions and the formation of a sovereign demographic system]. Vestnik KazNPU. Seriya istoricheskie i sotsialno-politicheskie nauki, 2020. No. 4(67). Pp. 15–20. (In Russ.).
- Alkanova, 2024 — *Alkanova Zh.* Etnodemograficheskie prosesy v Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti v pervye gody nezavisimosti sotsialno-politicheski analiz [Ethnodemographic processes in East Kazakhstan in the early years of independence: Socio-political analysis] // Republican scientific journal Qazaqtanu. Shymkent: M. Auezov South Kazakhstan State University, 2024. No. 22. Pp. 76–85 (In Russ.).
- Aubakirova et al., 2024 — *Aubakirova Zh.S., Ualiyeva S.K., Omyrzak T.E., Alekseenko A.N.* Etnicheskie osobnosti rojdaemosti v Kazakhstane v seredine XX veka [Ethnic characteristics of the birth rate in Kazakhstan in the middle of the XXth century] // Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography, 2024. No. 2(65). Pp. 203–214. (In Russ.).
- Aubakirova, 2010 — *Aubakirova Zh.S.* Vosproizvodstvo naseleniya Kazakhstana: etnoregional'nyi aspekt [Reproduction of the population of Kazakhstan: ethno-regional aspect]. Ust-Kamenogorsk: Librius, 2010. 190 p. (In Russ.).
- Aubakirova, et al., 2023 — *Aubakirova Zh.S., Stolyarova E.O., Sarsembayeva G.A., Krasnobaeva N.L., Alekseenko A.N.* Modernizatsiya rozhdaemosti v Kazakhstane (sotsiokul'turnyi aspekt). [Modernization of fertility in Kazakhstan (sociocultural aspect)]. Almaty: Obshchestvo invalidov “Meiyrimdi El”, 2023. Vol. 2. 300 p. (In Russ.).
- Dauletova, et al., 2025 — *Davletova G., Dosekeyva K., Junusbayeva A., Chatybekova K., Zhuztayeva B.* Ethno-demographic and urbanisation processes in Kazakhstan (1970–2020). *Revista Inclusiones*, 2025. No. 12(34). Pp. 68–81. // URL: <https://revistarivar.cl/images/vol12-n34/art04.pdf> (accessed: 12.06.2025).

Dave, 2007 — *Dave B.* Kazakhstan: ethnicity, language and power. London and New York. Ethnodemographic situation in Kazakhstan 2002 // The nationalities Question in Post-Soviet Kazakhstan. Institute of developing economies Japan External Trade Organization. Pp. 16–20.

Dinmuhammed, 2022 — *Dinmuhammed G.* Ethnodemography damuindagi Kazakstannyn ult kuramindagi 2009–2021 zhyldardagi ozgerister // Ethnodemographic processes in Kazakhstan and adjacent territories: proceed. of the XXI int. scient. and pract. conf. Ust-Kamenogorsk: Media Alliance, 2022. 461 p. (In Kaz.)

Ilyassova, et al., 2023 — *Ilyassova G.S., Sadykov T.S., Zharebtsov I.L.* Ethno-demographic development of Northern Kazakhstan from 1999 to 2022: history, issues and prospects // Bulletin of Karaganda University. Series “History. Philosophy”, 2023. No. 2(110). Pp. 132–139.

Kamaljanova, Akhmetova, 2024 — *Kamaljanova T., Akhmetova A.* Etnodemograficheskie protsessy v Vostochnom Kazakhstane vo vtoroi polovine XX – nachale XXI veka [Ethnodemographic processes in East Kazakhstan in the second half of the XXth – early XXIst century] // Bulletin of Shakarim University. Seriya: Istoricheskie nauki, 2024. No. 22. Pp. 89–99. (In Russ.).

National composition, 2021 — *National composition* of the population of the Republic of Kazakhstan, 2021. // URL: <https://stat.gov.kz/ru/national/2021/> (access date: 12.06.2025). (In Kaz.).

Pankovskaya, 2008 — *Pankovskaya G.I.* Goroda Vostochnogo Kazakhstana v dorevolutsionnyi period (demograficheskii aspekt) [Cities of East Kazakhstan in the pre-revolutionary period: A demographic aspect]. // In the proceedings of the international scientific and practical conference “Altai in the Eurasian space: historical traditions and prospects of interregional development”. Ust-Kamenogorsk: Media Alliance, 2008. Pp. 126–135. (In Russ.).

Resolution, 2008 — *Resolution* of the Government of the Republic of Kazakhstan dated December 2 // On the approval of the Nurly Kosh Program for 2009-2011. The official Internet portal, 2008 No. 1126. // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P080001126_ (access date: 08.10.2025).

Resolution, 2011 — *Resolution* of the Government of the Republic of Kazakhstan dated May 24. On Approval of the “Ak Bulak” Program for 2011-2020. The official Internet portal, 2011 No. 570. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1100000570> (access date: 08.10.2025).

Resolution, 2015 — *Resolution* of the Government of the Republic of Kazakhstan dated March 31. On the approval of the Employment Road Map 2020. The official Internet portal, 2015 No. 162. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1500000162> (access date: 08.10.2025).

Rowland, 2003. — *Rowland D.T.* *Demographic Methods and Concepts*. Oxford: Oxford University Press, 2003. 546 p.

Saparbekova, et al, 2014 — *Saparbekova A., Kocourková J. Kučera.* Sweeping ethno-demographic changes in Kazakhstan during the XXth century: A dramatic story of mass migration waves. Part I: From the turn of the XIXth century to the end of the Soviet era. // *AUC Geographica*, 2014. No. 1(49). Pp. 71–82.

Shyngysbaeva, Saipov, 2022 — *Shyngysbaeva Sh.K., Saipov A.A.* Shygys Qazaqstannyñ demografialyq ahualyna yqpal etuşı faktorlar [Factors influencing the demographic situation in East Kazakhstan] // *Vestnik KazNU. Seriya Geograficheskaya*, 2022. No. 64(1). Pp. 4–13 (In Russ.).

Statisticheskii sbornik, 1991 — *Statisticheskii sbornik po otdelnym pokazatelyam Vsesoyuznykh perepisei naseleniya 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 gg.* [Statistical collection on selected indicators of the All-Union population censuses]. Alma-Ata, 1991. Pp. 7–70 (In Russ.).

Tatimov, 1975 — *Tatimov M.* Demografiya – khalyqtanu: khalyqtardyn sany men quramyn zertteu [Demography – population studies: study of the population’s size and composition]. Almaty: Kazakhstan, 1975. 104 p. (In Kaz.).

Ualtayeva, et al, 2024 — *Ualtayeva A.S., Margulan A.S., Apendiyev T.A., Berkinbayev O.U., Sain E.D.* Urbanization and the emergence of small towns: Rural urban transformations and the formation of urban vernacular settlements in East Kazakhstan. // *ISVS e-journal*, 2024. No. 11(6). Pp. 96–110.

Ualtayeva, et al., 2024 — *Ualtayeva A.S., Margulan A.S., Apendiyev T.A., Berkinbayev O.U., Sain E.D.* Urbanization and the emergence of small towns: Rural urban transformations and the formation of urban vernacular settlements in East Kazakhstan // *ISVS e-journal*, 2024. No. 11(6). Pp. 96–110.

Uskelenova, Nikiforova, 2024 — *Uskelenova A.T., Nikiforova N.* Regional development of Kazakhstan: Theoretical premises and reality. *Regional Science Policy & Practice*, 2024. No. 16(3). <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S175778022400146X> (access date: 15.03.2025).

Литература

Абдакимов, 2009 — *Абдакимов А.* Қазақстандағы этностық құрам: тарихи аспектілері. Алматы: РИК, 2009. 215 с.

Адилбаева, Бакытжанова, 2024 — *Адилбаева А.С., Бакытжанова А.Б.* Этническая структура урбанизации в Восточном Казахстане между переписями 2009 и 2021 гг. // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: мат-лы науч. трудов XXIII Междунар. науч.-практ. конф. Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2024. 511 с.

- Алексеевко, Аубакирова, 2020 — *Алексеевко А.Н., Аубакирова Ж.С.* Население Казахстана в конце XX века: этнодемографические эволюции и становление суверенной демографической системы // Вестник КазНПУ. Серия исторические и социально-политические науки, 2020. № 4 (67). С. 15–20.
- Алексеевко, 1994 — *Алексеевко А.Н.* Народы Восточного Казахстана (монография) Усть-Каменогорск: Облтипография, 1994. 52 с.
- Алексеевко, 2007 — *Алексеевко А.Н.* История Восточного Казахстана в документах и материалах. Часть 2: С 1917 г. до начала XXI века. с древнейших времён до 1917 г. Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2007. 108 с.
- Алканова, 2024 — *Алканова Ж.* Этнодемографические процессы в Восточно-Казахстанской области в первые годы независимости: социально-политический анализ // Республиканский научный журнал Qazaqtanu. Шымкент: Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауэзова, 2024. № 22. С. 76–85
- Аубакирова и др., 2024 — *Аубакирова Ж.Ш., Уалиева С.К., Омырзак Т.Е., Алексеевко А.Н.* Этнические особенности рождаемости в Казахстане в середине XX века // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2024. № 2(65). С. 203–214.
- Аубакирова, 2010 — *Аубакирова Ж.С.* Воспроизводство населения Казахстана: Этнорегиональный аспект. Усть-Каменогорск: Либриус, 2010. 190 с.
- Аубакирова, т.д., 2023 — *Аубакирова Ж.С., Столярова Э.О., Сарсембаева Г.А., Краснобаева Н.Л., Алексеевко А.Н.* Модернизация рождаемости в Казахстане (социокультурный аспект). Алматы: «Общество инвалидов «Мейірімді Ел», 2023. Т. 2. 300 с.
- Дінмұхаммед, 2022 — *Дінмұхаммед Ф.* Этнодемография дамуындағы Қазақстанның ұлт құрамындағы 2009–2021 жылдардағы өзгерістер // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: сб. науч. трудов XXI Междунар. науч.-практ. конф., 3–4 октября 2022 г., посвящённой 70-летию ВКУ им. С. Аманжолова. Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2022. 461 с.
- Камалджанова, Ахметова, 2024 — *Камалджанова Т., Ахметова А.* Этнодемографические процессы в Восточном Казахстане во второй половине XX – начале XXI века // Вестник университета Шакарима. Серия: Исторические науки, 2024. № 1(1).
- Панковская, 2008 — *Панковская Г.И.* Города Восточного Казахстана в дореволюционный период (демографический аспект) // В материалах международной научно-практической конференции «Алтай в евразийском пространстве: исторические традиции и перспективы межрегионального развития». Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2008. С. 126–135.
- Постановление, 2008 — *Постановление* Правительства Республики Казахстан от 2 декабря 2008 года № 1126 «Об утверждении Программы «Нұрлы көш» на 2009–2011 годы». Официальный интернет-портал, 2008. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P080001126> (дата обращения: 08.06.2025).
- Постановление, 2011 — *Постановление* Правительства Республики Казахстан от 24 мая 2011 года № 570 «Об утверждении Программы «Ақ бұлақ» на 2011–2020 годы». Официальный интернет-портал, 2011. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1100000570> (дата обращения: 08.06.2025).
- Постановление, 2015 — *Постановление* Правительства Республики Казахстан от 31 марта 2015 года № 162 «Об утверждении Дорожной карты занятости 2020». Официальный интернет-портал, 2015. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1500000162> (дата обращения: 08.06.2025).
- Статистический, 1991 — *Статистический* сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Алма-Ата, 1991. С. 7–70.
- Тәтімов, 1975 — *Тәтімов М.* Демография – халықтану: халықтардың саны мен құрамын зерттеу. Алматы: Қазақстан, 1975. 104 б.
- Уалтаева, 2006 — *Уалтаева А.С.* Характерные тенденции миграционных процессов Восточно-Казахстанской области (1995–2004 гг.) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: сб. науч. трудов VII Междунар. науч.-практ. конф. Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2006. 408 с.
- Ұлттық құрамы, 2021 — *Қазақстан Республикасы халқының ұлттық құрамы*, 2021 ж. // 2021 жылғы халық санағының нәтижелері, 2021. // URL: <https://stat.gov.kz/ru/national/2021/> (қол жеткізілген күні: 12.06.2025).
- Шынғысбаева, Саипов, 2022 — *Шынғысбаева Ш.К., Саипов А.А.* Шығыс Қазақстанның демографиялық ахуалына ықпал етуші факторлар // Вестник КазНУ: Серия географическая, 2022. Т. 64. № 1.
- Abdinassir, Kovalskaya, 2025 — *Abdinassir N.N., Kovalskaya S.* The ethno-demographic structure of Kazakhstan's population and its representation in domestic and foreign historiography // Bulletin of the Karaganda University. History and Philosophy series, 2025. No. 117(1). Pp. 7–22.
- Adilbayeva, 2023 — *Adilbayeva A.S.* Development trends of the Kazakh population of Eastern Kazakhstan during the period of independence // Ethno-demographic Processes in Kazakhstan and Adjacent Territories: Collection of Scientific Papers of the 22nd International Scientific and Practical Conference, September 25–26, 2023. Ust-Kamenogorsk: Media-Alliance, 2023. 498 p.
- Dauletova, et al., 2025 — *Davletova G., Dosekeyva K., Junusbayeva A., Chatybekova K., Zhuztayeva B.* Ethno-demographic and urbanisation processes in Kazakhstan (1970–2020). Revista Inclusiones, 2025. No. 12(34). Pp. 68–81. // URL: <https://revistarivar.cl/images/vol12-n34/art04.pdf> (access date: 12.06.2025).

Dave, 2007. — *Dave B.* Kazakhstan: ethnicity, language and power. London and New York. Ethnodemographic situation in Kazakhstan 2002 // *The nationalities Question in Post-Soviet Kazakhstan*. Institute of developing economies Japan External Trade Organization. Pp. 16–20.

Ilyassova, et al., 2023 — *Ilyassova G.S., Sadykov T.S., Zhrebtsov I.L.* Ethno-demographic development of Northern Kazakhstan from 1999 to 2022: history, issues and prospects // *Bulletin of Karaganda University. Series “History. Philosophy”*, 2023. No. 2(110). Pp. 132–139.

Rowland, 2003. — *Rowland D.T.* Demographic Methods and Concepts. Oxford: Oxford University Press, 2003. 546 p.

Saparbekova, et al, 2014 — *Saparbekova A., Kocourková J.* Kučera. Sweeping ethno-demographic changes in Kazakhstan during the XXth century: A dramatic story of mass migration waves. Part I: From the turn of the XIXth century to the end of the Soviet era. // *AUC Geographica*, 2014. No. 1(49). Pp. 71–82.

Ualtayeva, et al, 2024 — *Ualtayeva A.S., Margulan A.S., Apendiyev T.A., Berkinbayev O.U., Sain E.D.* Urbanization and the emergence of small towns: Rural urban transformations and the formation of urban vernacular settlements in East Kazakhstan. // *ISVS e-journal*, 2024. No. 11(6). Pp. 96–110

Uskelenova, Nikiforova, 2024 — *Uskelenova A.T., Nikiforova N.* Regional development of Kazakhstan: Theoretical premises and reality. *Regional Science Policy & Practice*, 2024. No. 16(3). <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S175778022400146X> (access date: 15.03.2025).

ТАРИХ / ИСТОРИЯ / HISTORY

Published in the Republic of Kazakhstan
Asian Journal “Steppe Panorama”
Has been issued as a journal since 2014
ISSN 2710-3994.
Vol. 12. Is. 4, pp. 1149-1162, 2025
Journal homepage: <https://ajspiie.com>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2710-3994_2025_12_4_1149-1162

THE MAIN ASPECTS OF THE FORMATION OF KNOWLEDGE ABOUT HEALING IN CENTRAL ASIA (XIX – EARLY XX CENTURIES)

Mukanova Gyulnar K.¹, Sadvokasova Zakish T.²

¹Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28, Shevchenko Str., 050060 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences, Professor, Leading researcher
 <https://orcid.org/0000-0002-9222-5893>. E-mail: Gulnar_mukanova@mail.ru

²Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28, Shevchenko Str., 050060 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher
 <https://orcid.org/0000-0002-8659-3024>. E-mail: tungatar_k@mail.ru

© Ch.Ch. Valichanov IHE, 2025
© Mukanova G.K., Sadvokasova Z.T., 2025

Abstract. *Introduction.* The relevance of studying the vital activity of Ishan healers, a special category of the population of Kazakhstan that left its mark on the history of the Central Asian region in the second half of the 19th – early 20th centuries, is beyond doubt. *Purpose and objectives:* to restore, based on archival and narrative sources, the stages of formation of knowledge about the Ishan, their education, methods of popularization of Islam and healing, through the prism of stereotypes of the colonial period. *Materials and methods.* The materials were the testimonies of Russian travelers and military personnel, local historians and employees of the Steppe and Turkestan territories, epistolary sources and memoirs, documents from the funds of the GARF (Moscow) and the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (Almaty), and the National Archive of the RUz (Tashkent). Collections of documents, materials of the pre-revolutionary Kazakh periodical press, on the example of the magazine “Aikap” and the newspaper “Kazak”, etc., were used as written evidence about the Ishan and their social role in Kazakh society. Methods of scientific analysis-synthesis, induction-deduction, comparative, the principle of historicism, interdisciplinary approach at the intersection of history, anthropology, medicine, psychology, geography, political science, etc. *Results.* The process of formation of knowledge about healers in the late colonial period is systematized. The regional features of the Ishan activity and the glossary are established. The attributes and practices of healing have been clarified. For the first time, the external relations and the list of book publications on the basis of which they taught in Bukhara madrassas were reconstructed. Personalities of a number of steppe Ishan have been identified. *Conclusions.* According to the results of the study, it can be argued that the formation of knowledge about healers was not subject to objective laws, but to geopolitical demands, which led to the demonization of the topic.

Keywords: Central Asia, empire, East India Company, healing, Kazakhs, Ishan, madrasah, medical books, glossary

For citation: Mukanova G.K., Sadvokasova Z.T. The main aspects of the formation of Knowledge about Healing in Central Asia (XIX – early XX centuries) // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Vol. 12. No. 4. Pp. 1149–1162. (In Russ.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1149-1162

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the grant AP26197075 “The History of Healing and traditional medicine of Kazakhstan in the XIX – early XX centuries” of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ИШАНДАРЫ ТУРАЛЫ БІЛІМДІ ҚАЛЫПТАСТЫРУДЫҢ НЕГІЗГІ АСПЕКТІЛЕРІ (XIX–XX ҒАСЫРДЫҢ БАСЫ)

Мұқанова Гүлнар Қайроллақызы¹, Сәдуақасова Зақыш Төлеуханқызы²

¹Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көш., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, жетекші ғылыми қызметкер
 <https://orcid.org/0000-0002-9222-5893>. E-mail: Gulnar_mukanova@mail.ru

²Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көш., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының докторы, профессор, бас ғылыми қызметкер
 <https://orcid.org/0000-0002-8659-3024>. E-mail: tungatar_k@mail.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2025

© Мұқанова Г.Қ., Садвокасова З.Т., 2025

Аңдатпа. *Kіріспе.* XIX ғасырдың екінші жартысы – XX ғасырдың басында Орталық Азия өңірінің тарихында із қалдырған қазақ халқының ерекше санаты – емші-ишандардың тыныс – тіршілігін зерттеудің өзектілігі күмән тудырмайды. Мақсаты мен міндеттері: отаршылдық кезеңнің стереотиптерін ескере отырып, дала ишандары, олардың білімі, емдеу әдістері туралы білімді қалыптастыру кезеңдерін мұрағаттық және баяндау көздері бойынша қалпына келтіру. *Материалдар мен әдістер.* Материалдар ресейлік саяхатшылар мен әскерилердің, өлкетанушылар мен дала және Түркістан өлкесінің қызметшілерінің куәліктері, эпистолярлық дереккөздер мен естеліктер, ГАРФ (Мәскеу) және ҚР ОМА (Алматы), ӨР ҰА (Ташкент) қорларынан алынған құжаттар болды. Ишандар және олардың қазақ қоғамындағы әлеуметтік рөлі туралы жазбаша куәлік ретінде құжаттар жинағы, революцияға дейінгі қазақ мерзімді баспасөзінің материалдары, «Айқап» журналы мен «Қазақ» газетінің мысалында және т.б. пайдаланылды. Ғылыми талдау әдістері-синтез, индукция-дедукция, компартивтік, тарих, антропология, медицина, психология, география, саясаттану және т.б. қиылысындағы пәнаралық тәсіл. *Нәтижелер.* Отарлық кезеңде емшілер туралы білімді қалыптастыру процесі жүйеленген. Ишандар қызметінің аймақтық ерекшеліктері, глоссарий белгіленді. Ишандардың сыртқы белгілері мен тәжірибелері нақтыланды. Алғаш рет, Бұхара медресесінің сыртқы байланыстары мен оқытылған медициналық кітаптардың тізімі анықталды. Бірқатар дала ишандарының аттары анықталды. *Қорытындылар.* Зерттеу нәтижелері бойынша емшілер туралы білімді қалыптастыру объективті заңдылықтарға емес, тақырыпты демонизациялауға себеп болған геосаяси сұраныстарға бағынды деп айтуға болады.

Түйін сөздер: Орталық Азия, империя, Шығыс Үндістан компаниясы, емшілік, қазақтар, ишандар, медреселер, медициналық кітаптар, глоссарий

Дәйексөз үшін: Мұқанова Г.Қ., Сәдуақасова З.Т. Орталық Азия ишандары туралы білімді қалыптастырудың негізгі аспектілері (XIX–XX ғасырдың басы) // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. 1149–1162 бб. (Орысш.).

DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1149-1162

Алғыс. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің АР26197075 «XIX–XX ғасырдың басындағы Қазақстандағы емшілік тарихы мен халық медицинасын зерттеу» грант бойынша дайындалды.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЗНАНИЯ ОБ ИШАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Муканова Гюльнар Кайроллиновна¹, Садвокасова Закиш Тулехановна²

¹Институт Истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова
(д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
Кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
 <https://orcid.org/0000-0002-9222-5893>. E-mail: Gulnar_mukanova@mail.ru

²Институт Истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова
(д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
Доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник
 <https://orcid.org/0000-0002-8659-3024>. E-mail: tungatar_k@mail.ru

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2025

© Муканова Г.К., Садвокасова З.Т., 2025

Аннотация. *Введение.* Актуальность изучения жизнедеятельности целителей – ишанов – особой категории казахского населения, оставившей след в истории центрально-азиатского региона во второй половине XIX – начале XX вв., не вызывает сомнений. Цель и задачи: восстановить, по архивным и нарративным источникам, этапы формирования знания о степных ишанах, их образованности, методах целительства, с учетом стереотипов колониального периода. *Материалы и методы.* Материалами послужили свидетельства российских путешественников и военных, краеведов и служащих Степного и Туркестанского края, эпистолярные источники и мемуары, документы из фондов ГАРФ (Москва) и ЦГА РК (Алматы), НА РУз (Ташкент). В качестве письменных свидетельств об ишанах и их социальной роли в казахском обществе использованы сборники документов, материалы дореволюционной казахской периодической печати, на примере журнала «Айқап» и газеты «Қазақ» и др. Методы научного анализа-синтеза, индукции-дедукции, компаритивный, принцип историзма, междисциплинарный подход на стыке истории, антропологии, медицины, психологии, географии, политологии и др. *Результаты.* Систематизирован процесс формирования знания о целителях в поздний колониальный период. Установлены региональные особенности деятельности ишанов и глоссарий. Уточнены атрибуты и практики целительства. Впервые реконструированы внешние связи и перечень медицинских книг, на основе которых обучали в бухарских медресе. Выявлены персоналии ряда степных ишанов. *Выводы.* По итогам исследования, можно утверждать, что формирование знания о целителях подчинялось не объективным закономерностям, а геополитическим запросам, что породило демонизацию темы.

Ключевые слова: Центральная Азия, империя, целительство, Ост-Индская компания, казахи, ишаны, медресе, медицинские книги, глоссарий

Для цитирования: Муканова Г.К., Садвокасова З.Т. Основные аспекты формирования знания об ишанах Центральной Азии (XIX – начало XX вв.) // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. С. 1149–1162. (На Русс.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1149-1162

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации гранта АР26197075 «История целительства и народной медицины Казахстана XIX – начала XX вв.» Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан

Введение

Изучение истории жизнедеятельности ишанов в колониальный и советский периоды сформировало неполное, фрагментарное, критическое знание. Системного научного подхода априори не складывалось, поскольку колониальный этап проявил категорически негативный взгляд на деятельность мусульманских священнослужителей. Тематические публикации отражают предвзятость дореволюционных авторов, в числе которых преобладали офицеры царской армии и чиновники уездных управлений, предвзятость, явно вызванную активной ролью ишанов, хазретов, пиров среди инородцев Степного и Туркестанского края. Эти публикации безусловно дают представление о характере взаимоотношений между царской администрацией, с одной стороны, и – духовными отцами рядовых верующих (уммы), с другой. Полу-знание, знание, обремененное иной верой и государственной службой, тем не менее становилось генерализующим в силу того, что имперские архивы и периодическая печать пропиталась именно таким, недоброжелательным, взглядом на жизнь и деятельность ишанов. О их методике врачевания также преобладали негативные отзывы со стороны лиц, никоим образом не посвященных в кочевой быт, традиции и систему народного целительства.

Атеистическое воспитание нанесло колоссальный ущерб мировоззренческим взглядам поколений, выросших в рамках советской школы и молодежных общественных организаций. Им прививались понятие о классовой борьбе, антисоветских происках, разрушительной пропаганде со стороны ишанов, мулл. Соответственно, если и были знания об этой социальной категории на тот момент, то эти знания скрывались, прятались глубоко. Последующие поколения, лишенные искусственно знаний о прошлом, зрительной памяти, могли пополнять кругозор из советских, выверенных учебников и газетных статей. После многолетнего замалчивания темы в советском информационном поле, впервые вопрос о политической роли ишанов в антиколониальном сопротивлении откровенно был легализован в зарубежных западноевропейских изданиях. Это стало толчком к постепенному расконсервации темы, которую подспудно знали и изучали этнографы советских национальных республик, Казахстана и Средней Азии. Этнологические методы сбора данных тяготеют более к прикладным; путем опросов старейшин, дешифрования эпиграфических надписей на памятниках, реконструкции руин мечетей и медресе, формировалось, точнее возрождалось прежнее полузабытое знание о носителях веры и целителях. И только в XXI веке, на базе перечисленных выше пластов знаний, на базе междисциплинарного подхода и привлечения сведений из сопредельных регионов дальнего зарубежья, мемуаров членов зарубежной диаспоры существует уникальная возможность переосмыслить ненаучные мнения и укрепить знания о практике степного ишанства, в целях кристаллизации полезного контента и истинных причин популярности целительства.

Материалы и методы

Характер исторических источников по теме отличается хронологическими и региональными особенностями. В их ряду встречаются архивные коллекции (ГАРФ, ЦГА РК, НА РУз) и публицистика, мемуары и периодическая печать. Ишаны и их методы врачевания, в отражении субъективного видения российскими военными и чиновниками Туркестанского генерал-губернаторства наглядно изображены в очерках В.Наливкина, участника взятия Скоблева и много лет затем служившего в колониальной администрации (Наливкин, 2015). Эти материалы изучены нами с учетом того, что инородцы воспринимались данной категорией служащих однобоко, в записках Наливкина заслуживают внимания имена ишанов и регион их деятельности. Определенный задел по изучению ишанов Мангышлака можно почерпнуть из сведений издания «Документы архива хивинских ханств по истории и этнографии каракалпаков» (ДАХХ, 1967). Для начала XX столетия свидетельства о деятельности ишанов и хазретов в Степном крае обнаруживаются в номерах первого казахского журнала «Айқап» и на страницах газеты «Қазақ». Любопытно, что часть заметок написана Миржакыпом Дулатовым, который старался быть объективным при освещении заслуг хазретов. Другие корреспонденты «Айқап» довольно критически писали об ишанах.

В целом, материалы периодической дореволюционной печати являются ценным источником по теме. И в номерах газеты «Сары Арқа» есть упоминания об известном в Ферганской области Мусажан ишане: о нем писал Мустафа Шокай, делаясь своими воспоминаниями о бегстве из Коканда. Тогда ему помог сын ишана Гумархан («Мұстафа хаты» // Сары Арқа, 1918. № 34). В данной газете были опубликованы некрологи по усопшим ишанам Тургайской области и Баянаула (Сары Арқа. 1919. Февраль 1. № 68). Были использованы материалы сборников документов (ДАХХ; Каталог, 1975 и др.) и энциклопедических изданий (Ахмет, 2017: 455). Изучен пласт доступных исторических источников на казахском, узбекском и русском языках. В целом, они позволили составить представление по изучаемому вопросу на основе традиционных научных методов исторической науки, антропологии, междисциплинарного подхода – на стыке медицины, социологии и биологии, теологии и др.

Обсуждение

Предварительные результаты анализа дореволюционных и советских публикаций по теме указывают на довольно поверхностное знание, которое и не могло быть полновесным и глубоким по ряду причин. Колониальная беллетристика и официальные донесения не ставили целью детальное и объективное изучение врачевательной практики ишанов, и поскольку авторы в большинстве своем принадлежали к немусульманской религии, постольку априори им казалось лечение людьми иной веры актом из разряда магии, знахарства и т.п. Такие оценочные взгляды характерны для публикаций В.Наливкина (Наливкин, 2015).

Советский этап так же не привнес качественно нового в отношении изучения ишанства. Напротив, в угоду пропаганде атеизма и классовой борьбы, публиковались сугубо негативные материалы (Кисляков, 1938), в которых ишаны объявлялись феодалами и людьми с архаичными взглядами, что тормозит дело революции. К тому же события в Коканде, Андижане, Намангане, Фергане и Адаевском уезде, реакция казахов, узбеков, таджиков и каракалпаков на земельную реформу, когда ишаны вдохновляли восставших фразой о том, что отчуждать земли баев противоречит шариату, решительно настроили против них новую власть. Потому предвзятая тенденция в освещении темы ишанов, их происхождения как явления, учебы и целительства была типична для советской историографии на протяжении XX века. Представители дореволюционной научной школы такие, как М.С. Андреев, в своих очерках по итогам экспедиций оставили интересные описания традиции выбора пиром, одного из ишанов (Андреев, 1927: 60).

Вхождение в состав СССР национальных республик Средней Азии открыл возможность написания письменной истории. Само по себе прогрессивное, данная возможность составления обобщающего свода прошлого, в коммунистической интерпретации, имел весьма спорный характер. Для придания процессу советизации таджикского народа большей весомости, социальные отношения излагались в русле марксово-ленинского учения о классах (Гафуров, Прохоров, 1940). Соответственно, были допущены перекосы в оценке ишанства тоже; к примеру, авторы советской истории таджикского народа даже приводили пословицу: «Блохи, вши и мулла – самое зло для народа» (Гафуров, Прохоров, 1940: 20). Положительной стороной издания «Истории таджиков» (1940 г.) можно считать наличие в нем имен конкретных ишанов, что проявляет их действительную роль на определенных этапах развития нации. Тем более, что Б. Гафуров с соавтором собственно и не отрицали, что Ишан Карахан, Ишан Балгахан, ишан Мулла-Якуб Хатиб и другие были авторитетными людьми лечили больных, в их честь возведены были мазары, ставшие сакральными местами для массового посещения (Гафуров, Прохоров, 1940: 23). То есть, они констатировали реальные факты уважения в народе ишанов, имевшие место в действительности.

Указанный подход проявился и в обобщающих трудах по истории отдельных отраслей культуры и хозяйства Центральной Азии (Бендриков, 1960). Можно уверенно утверждать, что советские этнографы, как бы то ни было, придерживались установок Восточного Отдела ОГПУ сталинских времен. Эта предусмотрительность сыграла плохую роль в целостном восприятии института ишанства, не позволив систематизировать специфику целительства в

отдельных регионах Казахстана и Центральной Азии. Лишь некоторые ученые вкрапляли свои суждения в научные доклады (Мукминова, 1983) Письменное наследие ишанов, рукописи и книги вследствие гонений и смены арабского алфавита на латиницу, а затем и на кириллицу, в большинстве своем остаются недоступными; их изучение оказалось возможным лишь на базе центральных союзных НИИ (Щеглова, 2001; 2011). Тем не менее, историческая наука Казахстана и Каракалпакии находила возможности для постепенной реанимации истории мусульманских целителей, имена ишанов этнографы вкрапливали в свои диссертации и монографии (Шалекенов, 1980). Независимый этап привнес новую волну обобщающих трудов по истории колониального периода и освободительной борьбы казахского и братских народов. С началом «перестройки» самосознания советских граждан совпало издание статей по истории суфизма в Узбекистане (А. Муминов, Э. Каримов). Следует выделить опубликованные за последнее время результаты исследований каракалпакских ученых (Карлыбаев, 2002).

Отечественные ученые, философы, культурологи приступили к теме исламских священнослужителей в независимое время (Мустафина, 1992). Преимущественно, акцент их публикаций делается на политических событиях XX столетия в истории СССР, в которых волей-неволей приходилось возвращаться ишанам и их последователям (Кененсариев, Авазов, 2002).

Однако больших справочных энциклопедических трудов и обобщающих сводов о практике целительства на данный момент не имеется.

Ученые из дальнего зарубежья, изучающие среднеазиатский суфизм: Дж. Тримингэм, автор монографии «Суфийские ордена в исламе» (Тримингэм, 1989). Известно также исследование Bennigsen, Wimbush, 1985, благодаря которому тема суфиев и ишанов приобрела гораздо большее число желающих за рубежом углубиться в феномен данного исторического явления. Критических отзывов о позиции авторов, в СССР было немало; новизна подачи темы противостояния ишанов и коммунистов вызвала естественный резонанс. Отзвуки этого резонанса проявляются в журналистских очерках, не всегда подкрепленных достоверными фактами. В любом случае, тема обрела определенный абрис, и нуждается в поиске источников, которые позволили бы выстроить парадигму эволюции степного ишанства и его социальной миссии.

Собственно, этот обзор истории изучения роли и места целительства – ишанства в Казахстане и Центральной Азии лишний раз подчеркивает важность международной коллаборации, выявления источников, рукописей и целенаправленной систематизации как судеб отдельных ишанов и их школ, так и народных корней врачевания на Востоке, значения центров обучения ишанов и их контактов с внешними наставниками за пределами региона.

Результаты

В исследуемый хронологический период на западе, юге казахских степей и сопредельных феодальных владениях Средней Азии иметь своего наставника – пира, из социальной страты суфиев было нормой; зачастую пир доставался от родителей. Советский историк-этнограф М. Андреев убедился в этом обычае, когда в двадцатые годы XX века посетил долину Панджшер в северном Афганистане. Ареал экспедиции по линии советской Академии наук в тот период еще включал афганские территории, на период дружеских советско-афганских отношений. С его свидетельств, панджширцы – таджики называли себя мюридами определенного ишана, то есть «вручили ему свои руки» и признали наставником (Андреев, 1927: 30). Это заключение подтверждается научными наблюдениями и опросами другого советского этнографа Б.Х. Кармышевой (Кармышева, 1976: 74).

В целом, находки этнографов свидетельствуют о распространении влияния ишанов в Центральной Азии на рубеже XX века и сохранности традиции почитания пиров, особенно в горной части региона. В обозначенных географических локациях – южных районах Узбекистана, Таджикистана и на севере Афганистана, о которых писали М. Андреев и Б. Кармышева, концентрация казахских «степных» ишанов в первые два десятилетия

XX столетия увеличилась, вследствие иммиграций из-за гонений на данную категорию со стороны как колониальных, так и советских властей.

Специфическими чертами степного ишанства, практиковавшего в зоне кочевания казахов, кыргызов, туркмен и каракалпаков, были мобильность, оптимальность инструментов и средств врачевания, которые приходилось добывать из лекарственных растений, на месте, водоемов (озер, напр., пиявки). Ишаны так же размещались в юртах, вместе с другими аульчанами, нередко им обеспечивала безопасность охрана из последователей-мюридов. Степные ишаны должны были быть убедительны и даже властны, особенно в своих речах, для упрочения в вере кочевников, за короткий сезон между кочевками. Думается, именно по этой причине им было доверено руководство антиколониальными восстаниями кочевых казахов, туркмен и кыргызов, поскольку ишаны ассоциировались с вождями, их слово, приказ расценивались как руководство к действию...

Соответственно, они должны были демонстрировать сеансы магии, возможно и гипноза, такие явления широко распространялись узун-кулаком, в разы увеличивая авторитет ишанов.

Атрибуты и внешняя визуализация ишанов выделяла их из массы степняков. Их белые одежды и головные уборы, несомненно, служили знаками – ишанов идентифицировали издалека.

Мюридизм среди казахов-степняков не был явлением массовым: для поездки и учебы необходимы были немалые материальные средства. Для молодого человека такой путь (тарикат) могли обеспечить его родители, достаточно обеспеченные, что также было не распространено. Единицы из детей степняков все же поступали в авторитетные медресе Ташкента, Бухары. В Ташкенте со времен средневековья в чарбате Кайкаус существовала лечебница, где получала исцеление раненые в боях элита, султаны (Мукминова, 1983: 29). Целительство поощрялось, формировалась библиотека справочных изданий, поступавших из английских колоний Индии, Персии, Ближнего Востока.

Бухарское медресе Кокильташ (Кукалдош - узб.) функционировавшее с конца XVI века, славилось своей учебно-методической базой (НА РУз, Ф. И-323., Д. 40., Д. 55-9., Ф. И-126); книги по врачеванию на персидском, арабском языках выписывались из Индии. Книготорговцы городов Дели и Бомбея специализировались на поставках литографированных изданий из Каира и Тегерана, Ближнего Востока, в их числе научных книг по медицине, гигиене (см. Щеглова, 2001; Щеглова, 2011). Такие книги, как: «Абу'Али б. Сина. Тарджума-и Кануна-йи Бу' Али Сина» (Абу'Али, 1909) - персидский перевод знаменитых «Канонов» Ибн Сины, в котором изложены были основы анатомии, методы лечения, думается, были популярны среди суфийских ишанов. Описание лекарств содержалось в книге «Пизишки-нама» (Пизишки-нама, 1899). Способы лечения кожных заболеваний учащиеся Кокильташа могли узнать из «Китаб-и Зинат ал-абдан» (Тегеран, 1862). Написанная в XIV–XV вв. Мансуром б.Мухаммадом «Ташрих-и Мансури ма'а ... ташрихати зарури» (Дели, 1888) была востребована как пособие по анатомии человека (Каталог, 1975: 297). Характерный штрих: суфийские целители предпочитали старинные средневековые сочинения аль-Фараби, Авиценны (Ибн-Сины) по медицине (Письменные, 1989: 62). Часть книг переписывалась на фарси и тиражировалась в самой Бухаре. Есть сведения, что одноименных медресе Кукалдош было четыре: в Таашкенте, Балхе, Бухаре и Самарканде (Сухарева, 1976: 183).

Вновь обращенные адепты веры дублицировали образ жизни ишанов, часть намеренно отправлялась в пределы Бухарского эмирата, для пополнения состава учащихся медресе. Наиболее известный факт, когда Исабек ишан, сын Мурат ишана, выбрал одаренного ученика в Баян-Аульской волости и способствовал его учебе в Бухаре. Им оказался будущий философ, поэт, участник айтысов Машгур Жусуп Копеев (Мундуинов, 2006). Время становления Копеева пришлось на начало XX века, когда на севере Казахстана статус ишанов в имперском масштабе был сведен к изоляции их от сообщества, авторитет мусульманских центров Туркестанского края, оказавшихся под контролем генерал-губернаторства, практически был низведен до ничтожного, и люди опасались примыкать к разряду ишанов.

Дореволюционные источники повторяли обвинение ишанов в антиколониальных агитациях, в том что они «подстрекнули в 1868 году акмолинских киргизов (казахов) не принимать знаков, установленных новым Положением для должностных биев, волостных управителей и старшин» (Андаренко, 1889), при этом ссыла дана на газету «Голос» за 1875 год.

Врачебные практики ишанов вытеснялись открывавшимися лечебными светскими заведениями, строительство которых колониальная администрация осуществляла за счет налогов с местных жителей. Публичная деятельность прошедших обучение в бухарских медресе, по крайней мере в северных и северо-восточных областях Казахстана, перешла потому в разряд менее политически острых и реализовалась в острословии, зрелищных выступлениях, поэзии. Статус ишана, к примеру, Машгур Жусуп Копеев не афишировал, - однако известны факты, что обращавшиеся к нему получали исцеление, в части бесплодия, кожных и психических заболеваний. В ареале бухарского ханства-эмирата между тем хорошо знали казахов-найманов, которые славились разведением породы лошадей-карабаиров (Записки, 1983: 76). Данный акцент важен с учетом огромного влияния в Бухарии британской Ост-Индской торговой компании, довлевшей на транзитном рынке от Ближнего Востока до Индии и Китая (Записки, 1989: 24), не исключая Кабул и Кашгар.

В начале XX века казахские ишаны отдавали своих детей в русские учебные заведения, мотивируя тем, что двуязычие все больше распространено и важно владеть несколькими языками. Об этом сообщал корреспондент журнала «Айқап» за 1912 год (Айқап. 1912. Январь. № 1). Другая часть ишанов предпочитала направлять сыновей в традиционные мусульманские учебные заведения; сын Молдагазы ишана из Уральской области по имени Нуралин, например закончил в 1912 году Оренбургское медресе Хусайния (Айқап. 1912. Ноябрь. № 12).

Любопытный факт из жизни и общественной деятельности казахских ишанов выявлен нами; на страницах журнала «Айқап» была опубликована заметка, автором которой указан Мухамедсалим Кошимов. Он посетил Шымкент и познакомился с ишаном по имени Кенжекожа, весьма просвещенным человеком передовых взглядов, который выписывал и читал разные газеты и журналы. Узнав от М.Кошимова о новом журнале, ишан выразил согласие самому подписаться на «Айқап» и предложить выписывать его своим знакомым (Айқап. 1912. Июнь. № 6). Этот факт свидетельствует в пользу того, что некоторые казахские ишаны не были чужды светской прессы и держали руку на пульсе повседневной жизни.

Ниже в обобщенной форме представлены основные результаты нашего изучения.

Ишанов XIX – начала XX веков в источниках встречаются. С наступлением независимости, интерес в семьях к генеалогии и родословным (шежире) проявляется и рождает публикацию книг и статей в социальных сетях о предках с духовным исламским образованием.

Однако до настоящего времени отсутствуют системные каталоги, в которых была бы отражена их общественная, педагогическая, организационная врачебательная (медицинская) и политическая деятельность. Их имена упоминаются разрозненно: как в архиве хивинских ханов (см. ДАХХ, 1967), официальных документах колониального периода по Туркестанскому краю, так и в семейных архивах и мемуарах, собранных в разное время этнографами. Одно из имен казаха-ишана Хажи кази, родовая принадлежность обозначена как «ашамайлы», в диапазоне с 1869 по 1872 годы отражено в архиве ханов Хивы (ДАХХ, 1867: 152, 268). В ДАХХ также встречаются следующие имена ишанов: Сейфулла ишан, Аимбет ишан, Суюм ишан и другие, о которых есть сведения в документах конца XIX столетия (ДАХХ, 1967: 166, 181). На территории современной Каракалпакии, история и границы которой тесно связаны с западными и южными областями Казахстана, этнографы зафиксировали немало следов деятельности ишанов. В Чимбайском районе на рубеже XIX–XX столетий построил и руководил медресе Сметулла ишан. Карлыбаев приводит данные о Абдусаттар ишане и Жантемир ишане (Карлыбаев, 2002: 32).

Интерес представляют информации об ишанах в периодической национальной печати, первом казахском журнале и первой казахской газете. В журнале Айқап упоминаются жившие в XIX веке Едіге хазрет, Мәулім ишан из Гурьевского уезда и его внук Бейсенбай ахун, скончавшийся в 1912 году (Айқап. 1912. № 12. Ноябрь). Редакция «Айқап» писала об известном ишане Зайнолле Расулеве, этническом башкире, из г. Троицк (Айқап. 1912. № 12. Ноябрь).

Об этом уважаемом ишане и его медресе в Троицке, где получали образование казахские подростки, сообщалось на страницах газеты «Қазақ» в 1915 году и что интересно, в статье, подписанной Мадьяр – Миржакып Дулатов (Қазақ. 1915. 11 январь. № 95). В данной газете Алаш упоминается Ахмет ишан Оразаев, как сдавший 125 рублей в пользу мусульман Карса, пострадавших от землетрясения в 1915 году (Қазақ. 1915. 11 январь. № 95). В газете «Қазақ» за 1916 год упоминаются потомки Байгазы ишана из Атбасара («Қазақ». 1916. № 168), так же оказывавшие денежную поддержку учащимся девушкам-казашкам. В том же году газета опубликовала заметку Ахмет ишана Оразайұлы о качестве преподавания в школах Кызылкума («Қазақ». 1916. 8 апрель. № 176). То, что ишаны не просто упоминались в газете, а осуществляли обратную связь с редакцией, как Ахмет ишан Оразаев, весьма примечательно и отражает высокую культуру данного человека. Казахское население степных областей, таким образом, к имени и фамилии человека прибавляли его статус «ишан», «ахун», «хазрет», что проявляет уважение к учености и потенциалу личности. Это на самом деле немаловажно для повседневного общения и этикета, равно как дань уважения к институту ишанства. Более того, по информации редакции газеты «Қазақ», при кончине уважаемых казахских аксакалов в Семипалатинске, Атбасаре один завещал отправить в Троицк Зайнолле ишану часть книг из личной библиотеки, а во втором случае – часть денег, собранных на поминки. Эти акты свидетельствовали об уважении казахами большой просветительской деятельности З. Расулева, и как бы сказали сейчас, высоком рейтинге его медресе (Қазақ. 1916. 18 август. № 193). Впрочем, пожертвования делались в Уральской области, например, в пользу мечети Билал ишана тоже (Қазақ. 1916. 15 октября. № 201).

В Тургае в XIX веке был известен Сатыбалды ишан Габдоллаулы, получивший знания в Бухаре (Ахмет, 2017: 455). Имена выпускников среднеазиатских медресе выявлены в некрологах, увидевших свет в газете «Сары Арқа». Так, были опубликованы некрологи по усопшим ишанам Тургайской области – Габдрахман ишан окончил медресе в Бухаре и Баянаульский Сұлтан ишан в свое время учился в бухарском медресе «Мағырып» (Сары Арқа. 1919. Февраль 1. № 68).

Ишаны и хадж. Несмотря на длительность и даже опасность дороги, в колониальный период часть ишанов Туркестанского края, Семипалатинской области, Ферганы, Бухары совершила хадж в Мекку и Медину. Вначале они достигали пункта назначения, добираясь сухопутными и морскими путями через Афганистан, Иран и Индию. С постройкой Российским правительством железнодорожных магистралей, а особенно ветки Оренбург – Ташкент, путь значительно сократился и стал популярнее прежних маршрутов (ГАРФ, Ф. 102., 2-е делопроизводство., Оп. 47., Д. 314., Л. 101–103).

Атрибуты деятельности ишанов. Анализ сообщений из источников второй половины XIX – начала XX веков дает следующие результаты о материальных свидетельствах жизнедеятельности ишанов.

а/ Печати имелись у ишанов для скрепления бумаг, рекомендаций и назначений. Печати имели форму овальную либо прямоугольную, реже - квадратную, с ручкой или без. Материалом для изготовления печатей была твердая порода дерева, на внешней поверхности печати вырезалась надпись арабскими буквами и имя владельца печати. Такие печати этнографами выявлены, изучены, переведены и по некоторым регионам (Каракалпакия) и опубликованы фотографии печатей Атаулла ишана, Кутлы хаджи ишана, датируемые серединой XIX века (Карлыбаев, 2002: 33, 39).

б/ Белые шапаны, белые чалмы, либо белые повязки на головных уборах. О каракалпакских ишанах, получивших в конце XIX века образование в Бухаре и, повязав

белые повязки на высокие черные шапки, разъезжавших по кочевьям туркмен и казахов, сообщал Бендриков (Бендриков, 1960: 32).

в/ Наконец, ишаны обладали письменными подтверждениями своего статуса, которые в казахском языке искаженно произносилось как шатыр-хат. То были грамоты с печатью пиров, написанные на арабской вязи и подтверждающие, что определенный человек прошел курс обучения и может заниматься продвижением учения Пророка. По некоторым свидетельствам, такие шатыр-хаты выдавались в Кабуле и Герате, Хиве и Бухаре, центрах мусульманского духовного образования. К сожалению, их сохранилось до наших дней в мизерном количестве, – кочевки, репрессии, массовый голод, насильственное оседание и другие факторы не способствовали сохранности этих документов. Но даже редкие экземпляры шатыр-хатов дополняют источниковую базу исследований по теме уровня образованности среди инородцев империи.

Материальным культурным наследием ишанов являются; в Баян-Ауле – здания отстроенных в начале XX века мечети и медресе Исабек Ишан хазрета, остатки мечети Жакуда ишана в области Улытау на правом берегу р. Терисбутах (вторая половина XIX века). Открытие мечетей и медресе входило в миссию ишанов и по мере своих сил они стремились к этому. Здания не были частной собственностью самих основателей-ишанов, а принадлежали номинально казахским аулам, на земле которых сооружались мечети и медресе при них.

Глоссарий темы в ходе нашего исследования дополнился такими дефинициями: – у оседлых тюркских народов Центральной Азии окружающие ишана использовали в обиходе обозначения: «кази-калям» – глава мусульманского духовенства (перс.-тадж.); «хальфа, кальпе» – помощник (ишана); «фольбин» – гадалщик; «табиб» – знахарь; «фарраш» – служащий, сторож; «сартараш» – цирюльник; «мударрис» – преподаватель медресе; «муаззин» – чтец утренней молитвы-азана; «ишан-и мираси» – наследственный ишан.

Почитание ишанов, пиров было настолько проявлено в исследуемый период, что на карте Центральноазиатского региона достаточно обозначений в их честь. Причина появления наименований могла дифференцироваться – либо ишаны массово врачевали в определенной локации по ходу своих передвижений, либо – стационарно проживали здесь, либо – укрывались в урочищах в период репрессий царских властей... *Топонимы, связанные с ишанами*, имелись в конце XIX века в разных регионах Центральной Азии и Казахстана. К примеру, урочище Сейтек ишана, или урочище Джантемир ишана в Талдыкской волости Чимбайского уезда (см. Карлыбаев, 2002: 19), местность Артык ишан в Дюртюльской волости Каракалпакии (Карлыбаев, 2002: 23). Эти обозначения на картах и в памяти народов также составляют значимую часть исторического знания; топонимы и есть нетленный исторический источник, благодаря которым не угасает память о неординарных личностях, преодолевавших темноту невежества и обретавших полезные прикладные знания, чтобы облегчить страдания своих сородичей.

Репрессии в отношении членов семей и потомков ишанов.

Преследования ишанов и мюридов, казни и высылки характерны для колониального этапа. Особенно запоминающиеся оказались расправы царизма над лидерами Андижанского восстания 1898 и 1916 годов: среди казненных лидеров Андижанского восстания, во главе жителей киштака Таджик (Мин-тюбе) фигурируют ишан Мадали Дукчи и руководители восстания кыргызы Зиядин Максым уулу, Шадыкан калпа (хальфе). Повстанцы двинулись на Андижан и напали на войско Туркестанского батальона. Расправа была жесточайшей, повешены более двадцати участников, остальные сосланы на каторгу, а места их проживания сравнивали с землей (Кененсариев, Авазов, 2002: 161–162). Туркмены почитают Курбанмурада ишана, руководившего антиколониальным восстанием под Гектепе в 1880–1881 гг.

Логика изложения темы ишанов вынуждает выйти за рамки хронологии темы, поскольку это даст ответ на риторический вопрос, почему современные жители Казахстана, к примеру, так мало информированы об ишанах? Существенный информационный пробел, на наш взгляд, стал следствием репрессий, как колониальных, так и советских властей, вследствие чего

потомки ишанов выбрали образ жизни скрытный, не проявляли себя приверженцами суфизма и даже места захоронений авторитетных ишанов оставались долгие годы известны узкому кругу посвященных и членов семьи. В годы сталинских репрессивных кампаний жертвами стали: сын Ырза ишана в Каракалпакии (Карлыбаев, 46) и Абдужамил, сын Сметуллы ишана. Их обвинили в 1929 году в антисоветской деятельности и как потомков слугителей ислама. Поводом к массовым преследованиям слугителей культа было циркулярное письмо, основанное на секретной докладной записке уполномоченного представителя ОГПУ в Средней Азии от 4 июня 1927 года (РГИА, Ф. 62., Оп. 2., Д. 1145., Л. 34–68). Характерно, что и в середине 1927 года, на десятом году октябрьской революции, отработывалась тактика борьбы с влиянием мусульманского духовенства в Союзе. Появление докладной было далеко не случайно: с установлением власти большевиков в Казахстане и Средней Азии сопротивление населения продолжалось. Во главе вооруженных восстаний, спровоцированных советским переделом земельных угодий, стояли ишаны, получавшие поддержку из Афганистана, и выступления руководимых ишанами военизированных формирований пришлось на 1929 и 1931 годы (Абдуллаев, 2015: 7–9). Среди лидеров джихада и руководителей мюридов были: ишан Макдуми Азам, туркменские ишаны Халифа Кызыл Аяк, Ишани Д. Булбул, Ишан-Султан и др. (Абдуллаев, 2018). Ишаны возглавили сопротивление революционных преобразованиям, коллективизации в Бухаре. В начале XX века ишаны-туркмены выбрали путь массовой эмиграции и вооруженного сопротивления колонизации. Память об этих лидерах в устных народных легендах и песнях, надгробиях и мазарах также составляет источниковую базу для изучения социальной роли ишанов. Наглядным примером увековечения на Мангышлаке являются материальные сооружения казахов в честь ишана-пира Бекет-ата, жившего в XVIII – начале XIX вв., а также Марал Ишана – в Кызылординской области. Эпиграфика является составной частью исторической коллективной памяти и по праву относится к источниковой базе изучения традиций и обычаев сакрализации выдающихся персон недавнего прошлого. Ишаны не были оторваны от реальности; напротив, они призывали беречь земельные наделы, поскольку частная собственность защищается шариатом, а оседание считали благом для кочевых соплеменников и рекомендовали им сократить кочевание.

Заключение

Таким образом, формирование образа ишанов Центральной Азии в колониальном, а затем и в советском информационном пространстве – посредством СМИ, издания и тиражирования обобщающих трудов по истории республик, установок на демонизацию священнослужителей и басмачества, иные методы – происходило стихийно. Главным стержнем во всей этой идеологизированной кампании служили субъективные оценки, поверхностные суждения, предубеждения. Незнание языков местных народов, этнокультуры, непризнание их естественных прав, порождало домыслы, демонизацию вопроса о целителях. Колониальное наследие сформировало обобщенный и крайне негативный образ слугителя ислама, воинственно настроенного против царской власти, образ потенциального предателя, угнетающего бедняков и готовящего своих послушников-мюридов к сопротивлению. К тому же, широкие культурные контакты среднеазиатских медресе с Индией, Ираном, Ближним Востоком, Египтом трактовались как потенциальная угроза для империи. Положительные стороны деятельности целителей: их знания, практика врачевания, интеграция вокруг себя и авторитет, тенденция к оседлому образу жизни, распространение правил гигиены и санитарии, родовспоможение и проч., игнорировались. Налицо был глубинный макро-конфликт, ведь в православии – генеральной религии царизма – знахарство запрещалось, тогда как в исламе обращение за исцелением не было нонсенсом. Гражданская позиция ишанов в ходе освободительных антиколониальных восстаний в XIX веке стала дополнительным мотивом к демонизации этой социальной категории. Новые направления исследования темы целительства в регионе должны учесть отмеченные особенности.

Источники

ГАРФ — Государственный Архив Российской Федерации
 НА РУз — Национальный Архив Республики Узбекистан
 РГИА — Российский Государственный Исторический Архив

Sources

GARF — The State Archive of the Russian Federation
 NA RUz — National Archive of the Republic of Uzbekistan
 RGIA — Russian State Historical Archive

Литература

- Абашин, 2001 — *Абашин С.Н.* Суфизм в Средней Азии: точка зрения этнографа // Вестник Евразии, 2001. № 4. С. 117–141.
- Абдуллаев, 2015 — *Абдуллаев К.Н.* Политические течения в басмачестве: ишанизм и суфизм // Вестник КРСУ, 2015. Т. 15. № 12. С. 7–10.
- Абдуллаев, 2018 — *Абдуллаев К.Н.* История в лицах. Ибрагимбек Лакой // Greylib, 2018. // URL: <https://greylib.align.ru/1398/kamoludin-abdullaev-istoriya-v-licax-ibragimbek-lakaj.html>
- Абу’ Али, 1909 — *Абу’ Али б. Сина* (Ибн-Сина). Тарджума-и Кануна-йи Бу’ Али Сина. Бухара–Каган, 1909.
- Айкап, 1912 — *Айкап* (Троицк), 1912.
- Андаренко, 1889 — *Андаренко Г.А.* Между туземцами степного уезда // Досуги в Туркестане. 1874–1889. СПб., 1889. 480 с.
- Андреев, 1927 — *Андреев М.С.* По этнологии Афганистана. Долина р. Панджшир (Материалы из поездки в Афганистан в 1926 г.). Ташкент: Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, 1927. 101 с.
- Ахмет, 2017 — *Ахмет Байтұрсынұлы.* Энциклопедия. Бас ред. Тойбаева Ж. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2017. 744 б.
- Бендриков, 1960 — *Бендриков К.Е.* Очерки по истории народного образования в Туркестане. М.: Издательство АПН, 1960.
- Гафуров, Прохоров, 1940 — *Гафуров Б.Г., Прохоров Н.Н.* Падение Бухарского эмирата. Сталинабад, 1940. 96 с.
- ДАХХ, 1967 — *Документы архива хивинских ханств* по истории и этнографии каракалпаков / сост. Ю. Брегель. М.: Наука, 1967.
- Ескендірұлы, 2008 — *Ескендірұлы Ә.* Халифа Алтайдың өнегелі өмір жолы // Дін және қоғам қайраткері Халифа Алтай: Елдік іс пен имани құндылықтар атты Халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары. Алматы, 2008. 31 б.
- Записки, 1983 — *Записки о Бухарском ханстве* (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). М.: Главная редакция восточной литературы, 1983. 149 с.
- Карлыбаев, 2002 — *Карлыбаев М.* Медресе в Каракалпакии XIX – начале XX вв. Нукус: Билим, 2002. 84 с.
- Кармышева, 1976 — *Кармышева Б.Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М., 1976.
- Каталог, 1975 — *Каталог* литографированных книг на персидском языке в собрании ЛО ИВ АН СССР. Ч. I. М.: Наука, 1975.
- Кененсариев, Авазов, 2002 — *Кененсариев Т., Авазов Э.* Анжиян көтерүлүшү жана кыргыздар. Бишкек: Бийиктик, 2002. 164 с.
- Кисляков, 1938 — *Кисляков Н.А.* Ишан — феодал Восточной Бухары // Труды Таджикской базы Академии наук СССР, 1938. Т. 9. С. 3–27.
- Қазақ, 1915–1916 — *Қазақ.* Орынбор, 1915–1916.
- Мукинова, 1983 — *Мукинова Р.Г.* Из истории культурной жизни Ташкента конца XV–XVI вв. // Общественные науки в Узбекистане. 1983. № 9. Ташкент: ФАН, 1983. 58 с.
- Муминов, 1993 — *Муминов А.К.* Новые направления в изучении истории братства йасавийа // Общественные науки в Узбекистане, 1993. № 11–12. С. 34–38.
- Мундуинов, 2006 — *Мундуинов Е.* Ғасыр. Мешіт. Жандарбек кожа. Павлодар: Дом печати, 2006. 226 б.
- Мустафина, 1992 — *Мустафина Р.М.* Представления, культы, обряды у казахов (в контексте бытового ислама в Южном Казахстане в конце XIX–XX вв.). Алма-Ата, 1992. 173 с.
- Наливкин, 2015 — *Наливкин В.* Полвека в Туркестане. Биография, документы, труды. М.: Издательский дом Марджани, 2015. 922 с.
- Пизишки-нама, 1899 — *Пизишки-нама.* Тегеран: «Матба’а-йи тихран», 1899. 887 с. На перс. яз.
- Письменные, 1989 — *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока.* Часть I. М.: Наука, ГРВЛ, 1989. 400 с.
- Сары Арқа, 1918–1919 — *Сары Арқа.* 1918–1919.
- Сухарева, 1976 — *Сухарева О.А.* Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976. 370 с.

- Тримингэм, 1989 — *Тримингэм Дж.* Суфийские ордена в исламе. Перевод с английского под ред. О.Ф. Акимушкина. М.: Наука, 1989. 328 с.
- Шалекенов, 1960 — *Шалекенов У.Х.* Очерки истории культуры советской Каракалпакии (1917–1940). Нукус: ККГИЗ, 1960. 119 с.
- Щеглова, 2001 — *Щеглова О.П.* Персоязычная литографическая книга индийского производства (XIX в.). СПб.: Orientalica, 2001.
- Щеглова, 2011 — *Щеглова О.П.* Литографское книгоиздание на персидском языке в Туркестане и Бухаре. 1881–1918. СПб.: Orientalica, 2011. 246 с.
- Bennigsen, Wimbush, 1985 — *Bennigsen A., Wimbush S.E.* Mystics and commissars: Sufism in the Soviet Union. London: Univ. of California Pr., 1985. 203 p.

References

- Abashin, 2001 — *Abashin S.N.* Sufizm v Srednei Azii: tochka zreniya etnografa [Sufism in Central Asia: an Ethnographer's Point of View] // *Vestnik Evrazii*, 2001. No. 4. Pp. 117–141. (In Russ.).
- Abdullaev, 2015 — *Abdullaev K.N.* Politicheskie techeniya v basmachestve: ishanizm i sufizm [Political trends in Basmachism: Ishanism and Sufism] // *Vestnik KRSU*, 2015. Vol. 15. No. 12. Pp. 7–10. (In Russ.).
- Abdullaev, 2018 — *Abdullaev K.N.* Istoriya v litsakh. Ibragimbek Lakoi [The Story in the Faces. Ibragimbek Lakoy] // *Greylib*, 2018. URL: <https://greylib.align.ru/1398/kamoludin-abdullaev-istoriya-v-licax-ibragimbek-lakaj.html> (In Russ.).
- Abu' Ali, 1909 — *Abu' Ali b. Sina (Ibn Sina).* Tardzhuma-i Kanuna-ii Bu' Ali Sina [Tarjuma-i Kanuna-yi Bu' Ali Sina]. Bukhara–Kagan, 1909. (In Pers.).
- Aikap, 1912 — *Aikap* (Troitsk) [Aykap], 1912. (In Kaz.).
- Akhmet, 2017 — *Akhmet Baitursynuly.* Entsiklopediya [Ahmet Baitursinuly. Encyclopedia]. Almaty, 2017. 744 p. (In Kaz.).
- Andarenko, 1889 — *Andarenko G.A.* Mezhdru tuzemtsami stepnogo uezda [Between the Natives of the Steppe District] // *Andarenko G.A.* Dosugi v Turkestane. 1874–1889. SPg., 1889. 480 p. (In Russ.).
- Andreev, 1927 — *Andreev M.S.* Po etnologii Afganistana. Dolina r. Pandzhshir (Materialy iz poezdki v Afganistan v 1926 g.) [On the Ethnology of Afghanistan. The Valley of the Panjshir River (Materials from a Trip to Afghanistan in 1926)]. Tashkent, 1927. 101 p. (In Russ.).
- Bendrikov, 1960 — *Bendrikov K.E.* Ocherki po istorii narodnogo obrazovaniya v Turkestane [Essays on the History of Public Education in Turkestan]. M., 1960. (In Russ.).
- Bennigsen, Wimbush, 1985 — *Bennigsen A., Wimbush S.E.* Mystics and Commissars: Sufism in the Soviet Union. London: University of California Press, 1985. 203 p.
- DAKhKh, 1967 — *Dokumenty arkhiva khivinskikh khanstv po istorii i etnografii karakalpakov* [Documents from the Archive of the Khiva Khanates on the History and Ethnography of the Karakalpaks]. M., 1967. (In Pers., Russ.).
- Eskendiruly, 2008 — *Eskendiruly A.* Khalifa Altaidyn onegeli omir zholy [The Moral Life Path of Khalifa Altai] // *Din zhane kogam kairatkeri Khalifa Altai: Eldik is pen imani kyndylyktar* [Religion and Public Figure Khalifa Altai: State Affairs and Spiritual Values]. Proceedings of the International Scientific-Practical Conference. Almaty, 2008. 31 p. (In Kaz.).
- Gafurov, Prokhorov, 1940 — *Gafurov B.G., Prokhorov N.N.* Padenie Bukharskogo emirata [The Fall of the Emirate of Bukhara]. Stalinabad, 1940. 96 p. (In Russ.).
- Karlybaev, 2002 — *Karlybaev M.* Medrese v Karakalpakii XIX – nachale XX vv. [Madrasahs in Karakalpakia in the 19th – Early 20th Centuries]. Nukus, 2002. 84 p. (In Russ.).
- Karmysheva, 1976 — *Karmysheva B.Kh.* Ocherki etnicheskoi istorii yuzhnykh raionov Tadzhikistana i Uzbekistana (po etnograficheskim dannym) [Essays on the Ethnic History of the Southern Regions of Tajikistan and Uzbekistan (Based on Ethnographic Data)]. M., 1976. (In Russ.).
- Katalog, 1975 — *Katalog litografirovannykh knig na persidskom yazyke v sobranii LO IV AN SSSR* [Catalog of Lithographed Books in Persian in the Collection of the Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences]. M., 1975. (In Pers., Russ.).
- Kenensariyev, Avazov, 2002 — *Kenensariyev T., Avazov E.* Anzhiyan koterulushy zhana kyrgyzdar [The Andijan Uprising and the Kyrgyz]. Bishkek: Biiiktik, 2002. 164 p. (In Kyrg.).
- Kislyakov, 1938 — *Kislyakov N.A.* Ishan – feodal Vostochnoi Bukhary [Ishan – Feudal Lord of Eastern Bukhara] // *Trudy Tadzhikskoi bazy Akademii nauk SSSR* [Proceedings of the Tajik Branch of the Academy of Sciences of the USSR]. 1938. Vol. 9. Pp. 3–27. (In Russ.).
- Kazakh, 1915–1916 — *Kazakh* [Kazakh]. Orynbork, 1915–1916. (In Kaz.).
- Mukminova, 1983 — *Mukminova R.G.* Iz istorii kul'turnoi zhizni Tashkenta kontsa XV–XVI vv. [From the History of Cultural Life of Tashkent at the End of the 15th–16th Centuries] // *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*, 1983. 58 p. (In Russ.).
- Muminov, 1993 — *Muminov A.K.* Novye napravleniya v izuchenii istorii bratstva iasaviia [New Directions in the Study of the History of the Yasawi Brotherhood] // *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*, 1993. No. 11–12. Pp. 34–38. (In Russ.).

- Munduinov, 2006 — *Munduinov E.* Gasyr. Meshit. Zhandarbek qozha [Century. Mosque. Zhandarbek Khoja]. Pavlodar, 2006. 226 p. (In Kaz.).
- Mustafina, 1992 — *Mustafina R.M.* Predstavleniya, kul'ty, obryady u kazakhov (v kontekste bytovogo islama v Yuzhnom Kazakhstane v kontse XIX–XX vv.) [Kazakh Beliefs, Cults, and Rituals (in the Context of Everyday Islam in Southern Kazakhstan in the Late 19th–20th Centuries)]. Alma-Ata, 1992. 173 p. (In Russ.).
- Nalivkin, 2015 — *Nalivkin V.* Polveka v Turkestane. Biografiya, dokumenty, trudy [Half a Century in Turkestan. Biography, Documents, Works]. M., 2015. 922 p. (In Russ.).
- Pis'mennye, 1989 — *Pis'mennye* pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka [Written Monuments and Problems of the Cultural History of the Peoples of the East]. M., 1989. 400 p. (In Russ.).
- Pizishki-nama, 1899 — *Pizishki-nama* [Pizishki-nama]. Teheran, 1899. 887 p. (In Pers.).
- Sary Arka, 1918–1919 — *Sary Arka* [Sary Arka]. 1918–1919. (In Kaz.).
- Shalekenov, 1980 — *Shalekenov U.Kh.* Ocherki istorii kul'tury sovetskoi Karakalpakii (1917–1940) [Essays on the Cultural History of Soviet Karakalpakstan (1917–1940)]. Nukus, 1960. 119 p. (In Russ.).
- Shcheglova, 2001 — *Shcheglova O.P.* Persoyazychnaya litograficheskaya kniga indiiskogo proizvodstva (XIX v.) [Persian-Language Lithographic Book of Indian Production (19th Century)]. SPg., 2001. (In Pers., Russ.).
- Shcheglova, 2011 — *Shcheglova O.P.* Litografskoe knigoizdanie na persidskom yazyke v Turkestane i Bukhare. 1881–1918 [Lithographic Book Publishing in Persian in Turkestan and Bukhara. 1881–1918]. SPg., 2011. 246 p. (In Pers., Russ.).
- Sukhareva, 1976 — *Sukhareva O.A.* Kvartal'naya obshchina pozdnefeodal'nogo goroda Bukhary [The Quarterly Community of the Late Feudal City of Bukhara]. M., 1976. 370 p. (In Russ.).
- Trimingem, 1989 — *Trimingem Dzh.* Sufiiskie ordena v islame [Sufi Orders in Islam]. Transl. O.F. Akimushkin. M., 1989. 328 p. (In Russ.).
- Zapiski, 1983 — *Zapiski o Bukharskom khanstve* (Otchety P.I. Demezona i I.V. Vitkevicha) [Notes on the Bukhara Khanate (Reports by P.I. Demezons and I.V. Vitkevich)]. M., 1983. 149 p. (In Russ.).

ТАРИХ / ИСТОРИЯ / HISTORY

Published in the Republic of Kazakhstan
Asian Journal “Steppe Panorama”
Has been issued as a journal since 2014
ISSN 2710-3994.
Vol. 12. Is. 4, pp. 1163-1176, 2025
Journal homepage: <https://ajspiie.com>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2710-3994_2025_12_4_1163-1176

KAZAKH REFUGEES FROM XINJIANG IN THE 1930S AND THE SOCIAL PROBLEM OF ABANDONED CHILDREN

Sauyrkan Yeldos¹, Kaipbayeva Ainagul T.²

¹Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28, Shevchenko Str., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
1st year doctoral student of Al-Farabi Kazakh National University
 <https://orcid.org/0000-0003-0079-0420>. E-mail: erekejan@gmail.com

²Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28, Shevchenko Str., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher
 <https://orcid.org/0000-0002-3387-624X>. E-mail: aina__78@mail.ru

© Ch.Ch. Valikhanov IHE, 2025
© Sauyrkan Ye., Kaipbayeva A.T., 2025

Abstract. *Introduction.* Since gaining independence, a new stage has begun in the study of the history of the Kazakh diaspora abroad as part of Kazakhstan’s national history. In researching the history of ethnic Kazakhs living abroad, greater attention has traditionally been paid to the formation of Kazakh communities in those regions. However, the history of forced migrations in search of freedom, their settlement in foreign lands, and the political and social inequalities they encountered – along with their struggle to preserve their national identity – have often been overlooked. While the formation of Kazakh communities abroad remains a relevant topic, there is a lack of research on their migration to foreign territories and the associated social hardships. Orphaned and abandoned children, in particular, became victims of disease, famine, and assimilation into foreign cultures. As the research progressed, it became increasingly clear that the topic contains many unexplored political and social dimensions. *Goals and objectives.* To examine the situation of Kazakhs who were forced to migrate from China’s Xinjiang region to the provinces of Gansu and Qinghai in the 1930s based on archival data and memoirs; to identify the causes of their migration to foreign lands; to analyze the policies implemented by Xinjiang Governor Sheng Shicai; to uncover the horrific conditions faced by abandoned children in exile; and to highlight the struggle of Kazakh refugees to preserve their identity. *Results.* The article investigates the condition of Kazakh refugees who were forced to migrate from the Xinjiang region to inner China, as well as the plight of orphaned and abandoned children, based on various sources and memoirs. The reasons behind the Kazakhs’ flight to foreign lands in pursuit of freedom were identified. A significant number of children were among those who migrated, and many of them became victims of hunger and various hardships along the way. The study clearly demonstrates the crucial social and spiritual role of the family institution in preserving Kazakh identity in a foreign environment. *Conclusion.* In the 1930s, the Kazakhs of China were forced to flee their ancestral homeland and migrate to foreign lands in pursuit of freedom. As a result, Kazakh diaspora communities emerged not only in Xinjiang, but also in inner China

(Gansu and Qinghai) and abroad (Turkey, Europe). Orphaned and homeless children became a part of society. Some of them later grew into skilled professionals and public figures.

Keywords: Xinjiang, Kazakhs, migration, refugees, orphaned children, social issues, hardships

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the grant financing project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan “The problem of child homelessness in Kazakhstan and neighboring countries in the 1920–1930s”. Registration number: AP23488331).

For citation: Sauyrkan Ye., Kaipbayeva A.T. Kazakh refugees from Xinjiang in the 1930s and the social problem of abandoned children // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Vol. 12. No. 4. Pp. 1163–1176. (In Eng.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1163-1176

1930 ЖЫЛДАРЫ ШЫҢЖАҢНАН КӨШКЕН ҚАЗАҚ БОСҚЫНДАРЫ ЖӘНЕ ҚАРАУСЫЗ ҚАЛҒАН БАЛАЛАРДЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК МӘСЕЛЕСІ

Сауырқан Елдос¹, Қаипбаева Айнагүл Толғанбаева²

¹Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көш., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университетінің 1 курс докторанты
 <https://orcid.org/0000-0003-0079-0420>. E-mail: erekejan@gmail.com

²Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көш., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер
 <https://orcid.org/0000-0002-3387-624X>. E-mail: aina__78@mail.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2025

© Сауырқан Е., Қаипбаева А.Т., 2025

Аңдатпа. *Kіріспе.* Тәуелсіздік алғаннан кейін Қазақстан тарихы қатарында шетелдегі қазақ диаспорасының тарихын зерттеудің жаңа кезеңі басталды. Шетелдегі этникалық қазақтардың тарихын зерттеуде қазақтардың сол аймақтағы қалыптасу тарихына көбірек мән беріледі. Шетелдегі қазақтардың әртүрлі себептерге байланысты еркіндік жолындағы көші, жат жұртқа қоныстану тарихы және дөп келген саяси, әлеуметтік теңсіздіктері мен ұлт ретінде өзін сақтау күресі назардан тыс қалып қойды. Шетелдегі қазақтардың қалыптасу тарихы өзекті болғанымен олардың жат жұртқа ірге тебу тарихы мен әлеуметтік келеңсіздік турасындағы зерттеу сирек жүргізілді. Қараусыз қалған жетім балалар әртүрлі аурулар мен аштықтың және өзге жұртқа сіңіп кетудің құрбанына айналды. Аталған тақырыпты зерттеген сайын оның ашылмаған саяси, әлеуметтік аспектілерінің көп екендігі байқалды. *Зерттеудің мақсаты мен міндеттері* – 1930 жылдары Қытайдың Шыңжаң өлкесінен Гансу, Цинхай провинциясына көшуге мәжбүр болған қазақтардың жағдайын деректер мен естеліктерге сүйене отырып зерделеу; жат жұртқа көшудің себептерін анықтау; Шыңжаң губернаторы Шэн Шицайдың жүргізген саясатын талдау; жат жұртта қараусыз қалған балалардың жантүршігерлік ахуалын анықтау; босқын қазақтардың өзін сақтау жолындағы күресін көрсету. *Нәтижелер.* Мақалада Шыңжаң өлкесінен ішкі Қытайға көшуге мәжбүр болған қазақ босқындары мен қараусыз қалған жетім балалардың жағдайы әртүрлі деректер мен естеліктерге сүйене отырып зерттелді. Қазақтардың бостандық жолында жат жұртқа босып көшуінің себептері анықталды. Ауа көшкен қазақтардың ішінде балалар да көп болды. Көш жолындағы балалар көбінде аштық пен түрлі қиындықтың құрбанына айналды. Қазақтардың жат елде өзін сақтауда отбасы институтының маңызды әлеуметтік, рухани рөлі анық байқалды. *Қорытынды.* 1930 жылдары Қытай қазақтары бостандық жолында атамекенінен жат жұртқа көшуге мәжбүр болды. Нәтижесінде Шыңжаңнан бөлек ішкі Қытайда (Гансу, Цинхай) және шетелде (Түркия, Еуропа) қазақ диаспорасы қалыптасты. Қараусыз, панасыз қалған балалар қоғам санатына қосылды. Олардың арасынан білікті мамандар мен қоғам қайраткерлері өсіп шықты.

Түйін сөздер: Шыңжаң, қазақ, көш, босқын, қараусыз балалар, әлеуметтік мәселелер, қиындықтар

Алғыс. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің «1920–1930 жылдардағы Қазақстан аумағындағы және іргелес елдердегі балалар панасыздығы мәселесі» тақырыбындағы гранттық қаржыландыру жобасын жүзеге асыру аясында орындалды (жеке тіркеу нөмірі: АР 23488331).

Дәйексөз үшін: Сауырқан Е., Қаипбаева А.Т. 1930 жылдары Шыңжаңнан көшкен қазақ босқындары және қараусыз қалған балалардың әлеуметтік мәселесі // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. 1163–1176 бб. (Ағылш.).

DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1163-1176

КАЗАХСКИЕ БЕЖЕНЦЫ ИЗ СИНЬЦЗЯНА В 1930-Х ГОДАХ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА БЕСПРИЗОРНЫХ ДЕТЕЙ

Сауырқан Елдос¹, Қаипбаева Айнагул Толғанбаева²

¹Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова

(д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

Докторант 1 курса Казахского национального университета имени аль-Фараби

 <https://orcid.org/0000-0003-0079-0420>. E-mail: erekejan@gmail.com

²Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова

(д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник.

 <https://orcid.org/0000-0002-3387-624X>. E-mail: aina__78@mail.ru

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2025

© Сауырқан Е., Қаипбаева А.Т., 2025

Аннотация. *Введение.* После обретения независимости начался новый этап в изучении истории казахской диаспоры за рубежом как составной части истории Казахстана. При исследовании истории этнических казахов за пределами страны большее внимание традиционно уделялось процессу формирования казахских общин в тех регионах. В то же время история вынужденных переселений в поисках свободы, обоснование на чужбине, а также столкновение с политическим и социальным неравенством и борьба за сохранение национальной идентичности зачастую оставались вне поля зрения. Несмотря на актуальность темы формирования казахов за рубежом, вопросы их миграции и социальных трудностей исследовались крайне ограниченно. Особое беспокойство вызывает судьба осиротевших и брошенных детей, ставших жертвами болезней, голода и ассимиляции в инокультурной орта. По мере углубления исследования стало очевидным, что тема имеет множество нераскрытых политических и социальных аспектов. *Цель и задачи исследования.* Изучить положение казахов, вынужденно переселившихся в 1930-х годах из Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая в провинции Ганьсу и Цинхай, на основе архивных материалов и воспоминаний; выявить причины переселения на чужбину; проанализировать политику, проводимую губернатором Синьцзяна Шэн Шицаем; раскрыть ужасающие условия, в которых оказались брошенные дети; и показать борьбу казахских беженцев за сохранение своей идентичности. *Результаты.* В статье исследуется положение казахских беженцев, вынужденно переселившихся из Синьцзяна во внутренние районы Китая, а также судьба осиротевших и оставшихся без присмотра детей на основе различных источников и воспоминаний. Выявлены причины бегства казахов на чужбину в поисках свободы. Среди переселенцев было много детей, и большинство из них стали жертвами голода и различных лишений на пути переселения. Исследование наглядно показывает важную социальную и духовную роль

института семьи в сохранении казахской идентичности в чужой среде. *Выводы.* В 1930-х годах китайские казахи были вынуждены покинуть свою историческую родину и переселиться на чужбину в поисках свободы. В результате казахская диаспора сформировалась не только в Синьцзяне, но и во внутреннем Китае (Ганьсу, Цинхай), а также за рубежом (Турция, Европа). Брошенные и бездомные дети стали частью общества. Среди них впоследствии выросли квалифицированные специалисты и общественные деятели.

Ключевые слова: Синьцзян, казахи, переселение, беженцы, дети-сироты, социальные проблемы, трудности

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Проблема детской беспризорности на территории Казахстана и сопредельных стран в 1920–1930 годы» (регистрационный номер: АР 23488331).

Для цитирования: Сауыркан Е., Каипбаева А.Т. Казахские беженцы из Синьцзяна в 1930-х годах и социальная проблема беспризорных детей // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. С. 1163–1176. (На Англ.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1163-1176

Introduction

In the 1930s, the political, military, and social upheavals that took place in China's Xinjiang region had a profound impact on the fate of the indigenous population—the ethnic Kazakhs. Colonial-style oppression, interethnic and religious persecutions, as well as the repressive policies of the regime led by Sheng Shicai, forced thousands of Kazakh families to abandon their homeland and flee to the inner provinces of China such as Gansu and Qinghai, and further abroad. This migration was not merely a geographical movement, but rather a desperate step aimed at preserving their very existence as a nation.

Historical records and oral testimonies reveal that Kazakh refugees encountered numerous social hardships during their migration. In particular, the fate of children who were separated from their families and left without care remains one of the most tragic and least studied aspects of this history. Hunger, disease, homelessness, and the threat of assimilation into foreign environments claimed the lives of many orphans. This issue is of great significance in terms of preserving ethnic identity, preventing the rupture of national upbringing, and safeguarding historical memory.

Research on the migration of Xinjiang Kazakhs has only been actively undertaken in the decades following independence. Although fragments of this history can be found in the works of scholars from China, Turkey, Kazakhstan, and the West, the social structure of Kazakh refugees and, more specifically, the problem of orphaned and abandoned children has never been systematically studied. In this regard, the tragic fate of homeless orphans must be examined as a direct consequence of both Soviet and Chinese repressive policies.

The subject of displacement and orphanhood is important not only as a historical fact but also as a humanitarian issue that profoundly influences the collective memory of the nation. Today, in the pursuit of restoring generational continuity, national identity, and historical justice, it is essential to analyze the causes and consequences of such tragedies. This study carries scholarly and social value in understanding the collapse of family structures, the erosion of national values, and the fate of vulnerable social groups.

The research focuses on the political circumstances that compelled Kazakhs to migrate from Xinjiang to inner China and abroad under the rule of Governor Sheng Shicai. It further provides a comprehensive analysis of the social challenges faced by Kazakh refugees in their struggle for freedom, with particular emphasis on the plight of abandoned children.

Materials and Methods

The primary sources of this study consist of both foreign and domestic scholarly works related to Kazakh refugees who migrated from Xinjiang to inner China in the 1930s. In particular, the research of Abdulijian Sayiti, which analyzed interethnic relations in Xinjiang, the interactions between central authorities and local ethnic groups, as well as the political influence of Islam, was

utilized to demonstrate that the migration of Kazakhs during the Republican era was shaped not only by external factors but also by tribal-economic, ecological, and political causes. Articles authored by Xu Rongmin and Sene, which examined the socio-economic adaptation of Kazakhs who settled in Qinghai Province, their processes of cultural transformation, and their adjustment to state policies, also played a significant role in this research. In addition, the work of Karim Akirami served as a key reference in analyzing the political preconditions of the migration.

Furthermore, the studies of Jin Noda and Ryosuke Ono, which investigated ethnic migration processes in Xinjiang-particularly the movements of Kazakh and Uyghur refugees who reached Turkey via Pakistan and India-were incorporated within an international migration context. The research of Abduvahap Kara, which approached migration issues through family narratives and archival documents in a multidisciplinary framework, alongside the memoirs of Hasan Oraltay, Halifa Altay, and Abdurrahman Çetin concerning refugee history, further enriched the source base of this study.

In addition, oral history methodology was employed, drawing on the recollections and interviews presented in the work of Äbetai Muqarap, which contained material on the history, causes of migration, and the individual destinies of Kazakhs who fled Xinjiang in the 1930s.

Several theoretical and methodological approaches were applied to ensure a comprehensive examination of historical processes. First and foremost, perspectives grounded in migration theories and diaspora studies were employed. Moreover, the historical-anthropological method and the core principles of social exclusion theories were applied to analyze the social adaptation processes of refugee children.

The historical-comparative method and content analysis were widely used throughout the research. A chronological approach enabled the step-by-step study of Kazakh migration processes, highlighting the particularities of each historical stage. In-depth content analysis of the sources was conducted to reveal the contextual interconnections of historical facts.

Special attention was also given, from a historical-anthropological perspective, to the social conditions of abandoned children and their adaptation to new environments. This approach allowed for linking the destinies of individuals with broader historical events, thereby assessing the significance of social structures and the family institution of that era.

The study primarily focused on Xinjiang, Gansu, and Qinghai regions. These areas were chosen because they represented the initial settlement zones of Kazakh refugees, where the tragic fate of orphaned children became especially severe. Although geographically limited, the data from these regions provide insight into the broader character of the historical phenomenon.

Both written and oral sources were subjected to content analysis. An interpretative (hermeneutic) method was employed to identify internal contradictions within memoirs and testimonies, as well as to examine the interplay between emotional and factual dimensions. Comparative analysis was conducted between official data found in scholarly works and oral recollections, with an emphasis on drawing objective conclusions.

Great attention was devoted to verifying the authenticity and reliability of the sources used. Oral accounts and memoirs were tested through textual-comparative methods, carefully examining the consistency of time, place, and events within the data. In particular, oral testimonies of eyewitnesses and information from foreign publications were cross-referenced, and where they mutually corroborated one another, they were treated as principal evidence in the study.

Additionally, the study adhered strictly to the ethical standards of academic research in the use of personal data. Names mentioned in memoirs and interviews were anonymized where necessary, in order to protect the privacy of informants. A balance between scholarly objectivity and human sensitivity was maintained in the presentation of materials.

Alongside these methods, comparative approaches, scholarly inference, critical evaluation, and analytical interpretation were also employed to determine the significance of the topic and clarify the object of research.

Discussion

The large-scale migration of Xinjiang Kazakhs in the first half of the twentieth century is examined within the broader framework of colonial policies, geopolitical conflicts, and interethnic tensions. One of the earliest researchers to draw attention to this issue was the British publicist Godfrey Lias, whose 1956 work *Kazakh Exodus* described the causes and routes of migration, as well as the fate of its leaders—Eliskhan Älipuly, Qalibek Häkim, and Qamza Shömishbaiuly—after reaching foreign lands. Lias interpreted the migration as a direct outcome of China's nationalities policy in Xinjiang and portrayed the Kazakhs as a "nomadic people in search of freedom" (Lias, 2018). This study was the first to introduce the plight of Kazakh refugees to the Western academic community.

Following 1954, several representatives of the Kazakh community who had resettled in Turkey published memoirs and works concerning the migration. Among these, biographical recollections stand out as valuable historical sources. On the one hand, they represent the testimonies of direct participants in the migration process; on the other, they constitute a form of cultural and spiritual memory that shaped the collective historical consciousness. For instance, Halifa Altay's memoirs depict the spiritual and moral dimensions of the migration, highlighting the pressures exerted by the intensifying Chinese communist policies on religious belief and traditional lifestyles in Xinjiang (Altay, 1980). His accounts further emphasize not only the geographical relocation but also the struggle to preserve faith and the bond between homeland and spirituality (Altay, 2014).

The works of Hasan Oraltay, while written in a journalistic style, combine factual historical information with vivid personal testimony. He interprets the complex migration of Xinjiang Kazakhs in the 1930s–1940s as part of the broader struggle for national independence (Oraltay, 1961). Moreover, he highlights the historical roles played by migration leaders such as Eliskhan Älipuly, Qalibek Häkim, Sultan Sharip Zuqaulı, Qamza Shömishbaiuly, Dälelhan Janaltay, and Qusayin Taiji in the pursuit of freedom (Oraltay, 2005).

Dälelhan Janaltay's work provides a detailed account of the tragic historical trajectory of the Kazakh people in the twentieth century, with particular emphasis on the East Turkestan liberation movement, its eventual defeat, and the ensuing refugee crisis. His study underscores resistance to the communist system and the struggle to maintain national identity (Canaltay, 2000).

The memoirs of Hızırbk Gayratullah combine ethnographic and socio-political reflections, describing the social structure, tribal divisions, religious beliefs, nomadic lifestyle, and cultural memory of Xinjiang Kazakhs. His works also examine Sino-Kazakh relations and the socio-political conflicts provoked by the repressive communist system (Gayratullah, 1977). Furthermore, his personal recollections address themes such as childhood, the refugee experiences of his family, loss of close relatives, and aspirations for freedom (Gayratullah, 2004).

Similarly, Mansur Taiji's memoirs not only recount the migration but also trace the genealogy of Qusayin Taiji, who led Kazakhs to Turkey. They shed light on the social stratification of Xinjiang Kazakhs in the 1930s–40s and the role of leadership structures during migration (Teyci, 2024).

A memoir-based volume compiled by historian Abduvahap Kara draws on oral history, personal narratives, and community recollections to reconstruct the political events of the 1930s preceding the settlement of Xinjiang Kazakhs in Turkey (Kara, 2016). In addition, the memoirs of Abdurahman Çetin, a member of the Kazakh diaspora in Vienna, frame the broader migration history through personal experience, recounting the social, political, and spiritual ordeals of the community that crossed the Himalayas and passed through India and Pakistan before reaching Turkey (Çetin, 2022).

Quddus Sholpan's publicistic research presents an ethnographic and sociological account of the Kazakh settlement in Atayköy, in Turkey's Niğde province, providing insights into both the historical trajectory and contemporary life of this ethnic community (Sholpan, 2024).

Furthermore, a 1996 collective study combined archival sources with personal testimonies, family histories, and oral history materials to provide a multidimensional perspective on the migration. It analyzed the political pressures and social upheavals of the 1930–40s that drove the Kazakhs to migrate through Pakistan and India to Turkey, examining both the causes and consequences of this displacement. The work also provided a multidisciplinary interpretation of

migration as both a historical process and a formative moment in the construction of diasporic identity (Selvi, et al., 1996).

Japanese researchers Jin Noda and Ryosuke Ono edited a scholarly collection examining ethnic migration in Xinjiang, particularly focusing on Kazakh and Uyghur refugees' routes through Pakistan and India to Turkey. Several articles in this volume situate the Kazakh case within the broader framework of international migration studies, analyzing displacement not merely as ethnic relocation but as political exile and the outcome of religious persecution (Noda & Ono, 2019). This work thus situates the migration of Xinjiang Kazakhs within global migration history, refugee studies, and transnational humanitarian movements.

Meanwhile, Chinese scholar Abdulijian Sayiti analyzed interethnic relations in Xinjiang, the interactions between central authorities and local populations, and the political role of Islam. He linked Kazakh migration during the Republican period not only to external pressures but also to clan-based economic, ecological, and political factors. Saiti argued that the early 1930s resettlement of some Kazakh clans into Gansu and Qinghai was driven by political instability, armed conflict, and pasture crises in Xinjiang (Sayiti, 2006). Similarly, Xu Ruming and Senge studied the socio-economic adaptation, cultural transformation, and integration of Kazakhs in Qinghai province from the 1940s to the present. Their research illustrates the gradual transition from nomadic pastoralism to sedentary life under the influence of state policies, including national integration programs, pasture reforms, and sedentarization efforts. Using ethnographic methods such as field interviews, observations, and surveys, they documented Kazakhs' strategies for preserving ethnic identity, sustaining traditional livelihoods, and negotiating relations with the state (Xu, Senge, 2010). Wang Zhitong (2023) further situated the internal migration (内迁) of Kazakhs to Gansu and Qinghai within the broader processes of interethnic interaction and integration, linking displacement to the dynamics of Xinjiang's multiethnic relations.

Taken together, the above-mentioned memoirs and scholarly works constitute unique sources for understanding the historical migration of Kazakh refugees from Xinjiang to China's interior provinces, and eventually to Pakistan, India, and Turkey. They identify political repression, religious persecution, economic hardship, and colonial governance as the primary drivers of migration. Importantly, they highlight the intertwining of individual destinies with collective memory, demonstrating the political, social, religious, and spiritual dimensions of the migration process.

However, despite their richness, most of these works give limited or episodic attention to the plight of children—whether orphaned, abandoned, or perished during the migration. While memoirs by Hasan Oraltay, Halifa Altay, and Abdurahman Çetin contain brief accounts of such tragedies, systematic analysis of the issue remains absent. This gap underscores the need for further socio-demographic research on refugee history.

International studies, such as the collection edited by Noda and Ono, have more extensively addressed challenges faced by Kazakh refugees, including statelessness, lack of access to citizenship, healthcare, and education, as well as dependence on humanitarian aid. Nevertheless, the specific vulnerabilities of children and the absence of institutional protection have not been adequately examined. Similarly, while Chinese researchers such as Wang Zhitong, Xu Ruming, Senge, and Abdulijian Sayiti provide systematic accounts of internal migration, interethnic integration, and adaptation, they do not explicitly focus on the condition of children in refugee contexts.

Results

Before their migration from Xinjiang, the Kazakhs were engaged primarily in nomadic animal husbandry (Rakhimzhanova, 2015). From the 1920s onward, the region's political situation grew increasingly tense. According to historian Äbdiljan Seituly, during the 1930s the Kazakhs of Altay, Barköl, and Qumul suffered most severely under the political repression of Xinjiang's governor Sheng Shicai (Seituly, 2015). The outflow of Kazakh refugees to other regions intensified during the 1930s.

The political situation in the province particularly deteriorated under the rule of Jin Shuren (1928–1933) and Sheng Shicai (1933–1944) (Seituly, 2015). Sheng Shicai is described as one of the

most brutal rulers in Xinjiang’s history. Estimates suggest that between 1934 and 1944, more than 120,000 people were imprisoned under his rule, while 80,000–100,000 fell victim to political repression (Benson, 1990; Rakhimzhanova, 2015). His repressive regime, combined with the influence of the Soviet Union, facilitated the spread of communist ideology in Xinjiang and compelled Kazakhs to rise in defense of their freedom, prompting mass migration to borderlands and foreign territories (Kuşçu, 2016: 383).

However, the flight of Kazakhs from Xinjiang into the interior regions of China did not occur all at once; rather, it unfolded in several stages. Researchers Abduvahap Kara (2019) and Kuşçu (2016) identify two major waves of Kazakh migration out of Xinjiang: the first in the 1930s and the second in the early 1950s. According to Äbduljan Seit, the first wave of the 1930s occurred in four phases: the first group in November 1936 (113 families, 565 people); the second in the summer of 1937 (136 families, 680 people); the third in September 1937 (233 families, more than 3,000 people); and the fourth in early 1939 (about 1,000 families, roughly 7,000 people), all relocating to Gansu and Qinghai (Sayiti, 2006). According to Äbetai Muqarapuly, however, the initial refugee migration began in 1935 (Muqarapuly, 2012: 10). The Collected Historical Materials of Barköl County reports that Kazakh relocations to Gansu province for various reasons date as far back as 1919 (Collected Historical Materials of Barköl, 1998: 49). Nevertheless, it is evident that the first wave directly triggered by political repression began in 1935 (Kara, 2019). The arrests of influential leaders became the principal catalyst of the migration (Rakhimzhanova, 2015).

Analyzing the causes from another perspective, Käräm Äkirmi argues that in 1932 the punitive forces of Jin Shuren’s government massacred the entire village of Älip Ükirday along with 107 of its inhabitants. Following the tragedy, Älip’s son, Elishan, resolved to migrate to Gansu under the leadership of the Muslim general Ma Bufang. The primary goal was to establish a defensive base in the borderlands, leveraging Ma Bufang’s political and military strength to resist the dominance of Sheng Shicai (Äkirmi, 2009). In response, Sheng Shicai, under Soviet influence, strengthened the military fortifications of Qumul in order to block the Kazakhs’ movement toward Gansu.

Despite armed clashes with Sheng Shicai’s forces, the group led by Elishan Älipuly successfully reached Gansu in 1936. Thereafter, other Kazakhs in Xinjiang resolved to embark on similar journeys. Ultimately, Kazakh groups from Qumul, Barköl, and Altay converged in Gansu. There they lived in relative peace for nearly two years (Gayratullah, 2017; Kara, 2019).

Table 1 – Migration of Kazakhs from Xinjiang to Gansu Province (1934–1938)

Migration Period	Tribal Leaders	Clans	Number of Households	Number of People
February 1934	Aduhai zanggi	Kerei-Tasbike	113 households	565 people
August 1935	Eliskhan Alipuly; Atshybai; Tungyshbai.	Kerei-Tasbike; Kerei-Zhedik; Kerei-Esdaulet.	178 households; 42 households; 112 households.	890 people; 210 people; 605 people.
August 1936	Zayip Tayji; Qasy batyr; Qasym; Ismaq; Quayin Tayji; Nurgali.	Kerei-Bazarqul; Kerei-Merkith; Naiman; Naiman; Naiman; Kerei-Shaqabai.	232 households; 80 households; 70 households; 50 households; 409 households; 178 households.	1165 people; 400 people; 350 people; 250 people; 2040 people; 750 people.
December 1938	Sabyrbai; Ayanbet; Salaqaddin; Soltan Sherip; Abylqaiyr; Meirimkan; Ziydan; Zhanabil; Mukadir-Syban; Mazhan.	Kerei-Zhadik; Uaq; Kerei-Molqy; Kerei-Iteli; Kerei-Molqy; Kerei-Tasbike; Kerei-Qarakas; Kerei-Tasbike; Kerei-Zhantekei/ Kerei-Sarbas; Kerei-Zhantekei.	450 households; 130 households; 170 households; 500 households; 200 households; 140 households; 180 households; 180 households; 330 households; 110 households.	1805 people; 500 people; 700 people; 2000 people; 915 people; 625 people; 850 people; 1500 people; 1480 people; 600 people.
Total	Over 3,700 households, approximately 20,000 people.			

In the 1930s, the Kazakh refugees who had migrated to Gansu and Qinghai provinces initially sought to establish peaceful relations with the local administration (Muqarapuly, 2012). In order to legalize their settlement and secure pastures suitable for livestock breeding, the Kazakhs offered gifts to local authorities and, through negotiations, obtained temporary resettlement areas (Äkrami, 2009). Although this period witnessed relative stability in bilateral relations, over time tensions began to emerge between the needs of the nomadic Kazakhs and the interests of the sedentary local population (Sayiti, 2006).

In particular, the scarcity of pasturelands and ethnic-social divisions led to escalating disputes over land. As the Kazakhs' livestock numbers increased, so too did their demand for land, which local Chinese and Hui elites and military officials perceived as a threat to their authority. Consequently, they adopted repressive measures against the Kazakhs (Migration of the Sanji Kazakhs Eastward, 1989: 79). Lands previously used by Kazakhs were confiscated, while some villages were forcibly relocated or subjected to punitive military raids (Collection of Barköl Historical Materials, 1998: 51). This process is interpreted as a manifestation of the historical socio-political conflict between nomadic and sedentary populations, reflecting the dynamics of marginalization experienced by the resettled group.

Although the local Hui population initially showed hospitality toward the Kazakhs, Muslim general Ma Bufang was unable to provide full protection against Sheng Shicai's persecution. Negotiations between Elishan and Ma Bufang eventually broke down (Äkrami, 2009). Following the growing pressure from Ma Bufang, Kazakh leaders decided to embark on the next stage of migration – crossing through Qinghai and Tibet toward India.

However, this stage of migration was marked by even harsher and more tragic circumstances than the earlier one. The route through Gansu to Qinghai and further into Tibet was characterized by devastating losses inflicted by Ma Bufang's punitive military detachments, villages straying off course, severe shortages of food supplies, and the hardships of disease and starvation. While part of the group managed to advance, many families were left behind or went missing without a trace. The gravest consequences fell upon children who had been abandoned or separated from their parents. Numerous historical testimonies and memoirs recount the plight of children left alone in the open steppe, those who froze to death while attempting to cross snow-covered mountain passes, and orphans who were forced to survive among local populations (Altay, 2014; Gayratullah, 1977).

According to Äbetai Muqarapuly (2012), among the Kazakh refugees, the first to suffer heavy losses was the village of Mülük of the Uaq clan. From Ikiram Shökitaiuly, an 83-year-old resident of Aratürük district, the following oral testimony is recorded about the assault on Mülük's village:

"At the time when mares were being tethered, the sound of gunfire erupted, as if the enemy was closing in. Panic-stricken, the people scattered into the ravines. Our caravan had just turned into a gorge when we realized it was a dead end, and before we could retreat, the enemy had surrounded us. Gunshots cracked, swords clashed, shouts and cries filled the air. I hardly knew what happened. Along with those struck by bullets or cut down by swords, I too was trapped under a fallen camel. I lost consciousness. When I came to, I found my body unharmed and crawled out from beneath the load. Looking around, there was an eerie silence-no living soul. All around me lay dead horses, camels, and people. A small pool of bright red blood had formed. I began to recognize the martyrs one by one-my father Shökitai, my mother Aniza, my brother Toqytqan-all three lay lifeless in blood. Suddenly, I heard the cry of a baby, and forgetting my fear, I ran toward the sound. In the midst of the corpses and the scattered belongings lay a baby girl in a cradle. I freed her hand and began rocking the cradle. At some point, I must have fallen asleep, and the exhausted child too. How much time had passed? By evening, someone shook me awake. I looked up to see a soldier with a rifle on his shoulder and a dagger in his hand. He made me carry the cradle with the baby and drove me downhill. Rounding a bend, we came upon a large cavalry troop, with some twenty women and children in their midst. The soldiers rode back to the massacre site and looted freely. When they returned, they carried bags, rugs, furs, clothes-laughing and boasting, utterly indifferent to the blood they had shed. That evening, we were forced onto the remaining livestock and driven eastward. After

two days' journey, we reached Dunhuang, the district center. My heart still aches for my parents, left unburied, prey to animals in the open steppe. To this day, the memory chills me to the bone. Alas, my parents-abandoned in the wilderness".

The interviewee cited in the source was only 4–5 years old at the time of the event. Although the massacre was attributed to the 298th Brigade under the command of Ma Bukan, stationed locally (Muqarapuly, 2012), it is evident that the military general Ma Bufang was behind it. The military structures controlled by the Ma family, relying on the local Hui (Dungan) population, perceived the Kazakh refugees as an uncontrollable and potentially threatening socio-political force (Äkirami, 2009). The deterioration of relations between the Kazakhs and the local populations was further exacerbated by the deliberate actions of administrative structures. The Kazakhs' attempts to establish direct contact with authorities aroused suspicion among the Hui military officials (Gayratullah, 1977). Thus, relations between Kazakhs and the Hui community worsened under various provocations.

As a result, a policy of persecution targeting Kazakh villages was initiated by local military officials in Gansu and Qinghai. As reflected in oral testimonies, raids, looting, and punitive attacks against Kazakh villages became increasingly frequent, and systematic military pressure was exerted on civilians. This led to the ethnic and social marginalization of the Kazakhs, as well as the breakdown of family and communal structures. From a historical perspective, this process can be seen as an intersection of interethnic conflict and structural violence. The acts of violence against Kazakh refugees were not only the consequence of resisting administrative control but also part of a broader policy of displacement, intimidation, and assimilation (Oraltay, 2005).

Following the military assaults, captured Kazakh refugees—mostly children, young women, and girls—were deported to the city of Dunhuang in Gansu, where they lived in hardship and deprivation (Muqarapuly, 2012). They remained confined there until 1943, when Kazakh leaders came to retrieve them (Äkirami, 2009).

As an additional example of the psychological hardships endured by refugee women and children, one may refer to the oral testimony of Külbätish Qamitqyzy, a resident of Barköl County, recorded in her memoirs (Muqarapuly, 2012: 337):

"At the time of tethering mares, as soon as cries of 'The enemy is coming! The enemy!' rang out, people panicked and began fleeing into the thick reeds. Nursadiq, Turdy, Jäule, and Nuriqan seemed to be firing from the hill. My father saddled the gray horse, mounted it, took my sister Shamsia behind him, my brother Qapaqtı in front of him, and tucked my younger sister Zären under his arm before galloping toward the river. My mother was pulling me along when a bullet struck my chest, and I fell flat on my face. My mother dragged me to a patch of thick grass by the riverbank and hid us there. The water was up to our throats. Behind us, Shöken's wife was fleeing with her child. Before they could hide, the soldiers arrived and shot her. The poor woman rolled into the river and shouted, 'Ai, Külända, if you still have life in you, take this girl out of the water, save her!' That unfortunate girl crawled over to us. My chest hurt so badly that I thought I was dying, but I kept clinging to my mother. When the sun went down and we finally emerged from the water, the enemy had gone. As we walked back toward the village, we found bodies of people and livestock everywhere—especially in a sandy hollow at the edge of the settlement, where many had been massacred. My mother wrapped the four of us in the hide of a dead camel and went off to look for survivors. I followed her despite the pain in my chest. Everywhere we stepped lay scattered belongings—cut ropes, broken trunks, burst sacks, and debris so thick it was impossible to walk".

This tragic episode coincided with the period when the main body of the Kazakh migration began crossing into Tibet via Gansu and Qinghai. Sources indicate that at this time some individual villages were unable to keep pace with the main migration. Notably, these included Turdy's village from the Tasbike lineage of the Kerei tribe, and Nursadiq's village from the Sarbas lineage. According to Ä. Muqarapuly (2012), these forty or so villages had initially planned to replenish their livestock, rest, and then set out after the main group. However, following an unexpected attack, about forty men were massacred, while many young children and women were captured by soldiers (Collected Historical Materials of Barköl, 1998: 58).

By the late 1930s, the social conditions of Kazakh refugees who had resettled in Gansu and Qinghai had sharply deteriorated. During this period, the military structures of Ma Bufang's government intensified surveillance and pressure on the refugee community, particularly targeting Kazakh children with coercive measures. According to data collected by researcher Äbetai Muqarapuly, nearly 800 children from Kazakh villages in Gansu and Qinghai were forcibly rounded up and taken away by unidentified military units (Muqarapuly, 2012: 468). This episode illustrates both the vulnerability of refugee communities and the tragic fate of children separated from their families. It also represents a process of forced assimilation, exploitation, and militarized mobilization.

These orphaned or displaced children were compelled by local authorities to engage in forced labor, being employed in both military and economic tasks (Historical Materials of Qumul, 2013). Regardless of age, their conscription into labor constituted a harshly exploitative practice that violated international humanitarian law and children's rights. This process formed part of Ma Bufang's broader strategy of controlling, exploiting, and informally integrating the refugee community (Sayiti, 2006). Moreover, it underscored the marginalization, vulnerability, and forced social disintegration of the Kazakh minority in interior China.

According to the testimony of Musayip Shayakhmetuly, an 83-year-old resident of Barköl, the tragic events unfolded as follows (Muqarapuly, 2012: 468):

"I was deeply shaken when the children were taken away by force. We stayed one winter in Ganzhou (甘州), and the following summer 110 Kazakh children were transported to Xining. In Ganzhou, we lived in a barracks called Damanchu. Many children perished from hunger, hepatitis, and lice infestations. In Xining, I personally witnessed how the deceased children were buried at the Gunguan Temple (宫馆大寺), four to a grave. I myself helped with the burials. Later, I was forced into heavy labor at a wool-processing factory. From dawn till dusk we spun thread, tanned leather, made saddles, and wove carpets. Discipline was strict, the work was exhausting, and living conditions were extremely poor. At one point, together with Samarkan, Nuqtarkan, and Shoken Amilbayuly, the four of us attempted to escape. After three days, Shoken and I were captured by soldiers. They tied us up, dragged us back, and set us before the entire group of children as an example. We were nearly hanged, beaten mercilessly, and had our joints crushed. Our cries pierced the sky as though reaching God Himself. But there was no pity to be found among the tormentors. Afterward, I could barely crawl to relieve myself. Our meals consisted mostly of a thin soup made from black beans, which was brought by children from the dormitory. Thus, the days went by. After two years, my legs finally healed and I regained the ability to walk. Eventually, I escaped alone, crossing two great mountains, and after a week I reached the people of Sultan Sharip".

Fig. 1 – Kazakh refugees who arrived in Qinghai in the late 1930s (Gayratullah, 1977: 247)

The forced collection of Kazakh refugee children and their coercion into hard labor is a clear manifestation of violence directed at the most vulnerable segment of a community severed from its family structures. The involvement of young adolescents in physically exhausting labor deprived them of social interaction, education, and upbringing, thereby weakening their prospects for survival as a distinct nation. This reflects the systematic nature of Ma Bufang's policies of control, oppression,

and assimilation directed against the Kazakh refugees (Äkirmi, 2009). Furthermore, this historical example is assessed as evidence of structural violence and legal vulnerability imposed upon the children of ethnic minority groups by colonial-type power structures.

Fig. 2 – Kazakh refugees arriving in Qinghai in 1938 (Gayratullah, 1977: 245)

The journey towards India through Gansu and Qinghai in search of freedom proved to be far more arduous than the earlier stages. In addition to clashes with Chinese and Tibetan troops along the route, the Kazakhs faced severe natural and climatic hardships. In Tibet's high-altitude regions, many perished due to cold and oxygen deprivation. By September 1941, the Kazakh migrants had reached India, where they were placed in refugee camps. The total number of Kazakhs who managed to reach India that year was 3,039 (Altay, 1981; Oraltay, 2005).

However, living conditions in the refugee camps were extremely harsh. The lack of sanitation, widespread hunger, and inability to adapt to the tropical climate led to the deaths of thousands of Kazakhs from various diseases. During this period, Indian Muslims extended assistance, contributing to the fight against the epidemics. After several relocations within India, most Kazakhs eventually settled in the city of Bhopal. Following the partition of British India in 1947, the Kazakhs once again relocated, this time establishing themselves in Pakistan (Gayratullah, 1977; Kara, 2019).

Conclusion

In the 1930s, the complex political and socio-economic conditions that emerged in Xinjiang, China, brought significant changes to the historical destiny of the Kazakh people. During this period, as a result of Sheng Shicai's repressive rule, interethnic inequality, and political instability, Kazakhs were forced to flee first to Gansu and Qinghai provinces, and later, through Pakistan and India, to Turkey—a fact firmly established in history. This study has shown that the migration process was not merely a demographic phenomenon but also an ethno-social, cultural, and humanitarian crisis.

From a historical perspective, the migration of Kazakh refugees into China's interior during the 1930s was not simply a matter of resettlement, but rather a survival strategy of an ethnic community under conditions of colonial pressure and political instability. The internal power struggles in Xinjiang, Sheng Shicai's repressive policies, and interethnic conflicts triggered the mass refugee movement. This wave of displacement severely disrupted internal social structures, particularly the institution of the family, and undermined the roles of women and children, thereby weakening the fabric of Kazakh society. Refugeedom must therefore be understood not only as a historical episode but also as a period of structural upheaval.

Furthermore, the survival and preservation of ethnic identity among Kazakh refugees in new environments demonstrates their reliance on historical memory and traditional institutions. Evidence shows that in times of hardship, the primary unifying factors for the nation were historical consciousness and social solidarity. The efforts of Kazakhs to maintain spiritual and cultural life in Gansu, Qinghai, and later diasporic settings laid the foundation for diasporic identity. This process should be regarded both as a manifestation of the nation's capacity to respond to historical challenges and as a concrete example of ethnic cohesion being tested by historical trials.

One of the most severe aspects of the refugee experience was the social vulnerability and psychological trauma of women and children. Many abandoned children perished from hunger and disease, while survivors faced profound emotional suffering and the loss of family bonds. The erosion of women's social roles and the restriction of maternal functions further deepened the ethno-social consequences of displacement. This phenomenon calls for a comprehensive historical-anthropological and socio-psychological analysis, which remains an important task for contemporary humanitarian scholarship.

In conclusion, this article, by analyzing the complex fate of Kazakh refugees in China on the basis of primary sources and historiography, has been among the first to focus specifically on the social plight of abandoned children and refugee women. Deeper exploration of such topics can make a significant contribution to understanding the fate of the nation in borderland contexts, the preservation of collective historical memory, and the mechanisms of sustaining ethnic cohesion.

References

- Äkirami, 2009 — *Äkirami K.* Barköl qazaqtarının şığısqa awwı [The migration of Barköl Kazakhs to the East]. Qulja: İle tarihi materialdarı, 2009. Pp. 184–196. (In Kaz.).
- Altay, 1980 — *Altay H.* Esterlikterim [My memories]. İstanbul: Otağ Matbaası, 1980. 144 p. (In Turk.).
- Altay, 2014 — *Altay H.* Altaydan awğan el [The people who migrated from Altai]. Almaty: Däwir Publishing, 2014. 272 p. (In Kaz.).
- Barköl tarihi materiıyaldarı, 1998 — *Barköl tarihi materiıyaldarı* [Historical materials of Barköl]. Barköl: Internal Materials Publishing House, 1998. 225 p. (In Kaz.).
- Benson, 1990 — *Benson L.* The Ili Rebellion. The Moslem Challenge to Chinese Authority in Xinjiang 1944–1949. New York: An East Gate Book. Pp. 10–67.
- Canaltay, 2000 — *Canaltay D.* Qiyli zaman – qiyin tagdyr. Almaty: Duniye juzi qazaq qawimdistigi. 2000. 160 p.
- Chetin, 2022 — *Chetin A.* Ömir jolımdağı soñğı köş [The last migration in my life journey]. Almaty: AmalBooks, 2022. 560 p. (In Kaz.).
- Gayratullah, 1977 — *Gayratullah H.* Altaylarda kanlı günler, İstanbul: Ahmet Sait Matbaası, 1977. 274 p.
- Gayratullah, 2009 — *Gayratullah H.* Uzaklara balam. İstanbul: Toker yayınları, 2009. 182 p.
- Jin Noda, Ryosuke Ono, 2019 — *Jin Noda, Ryosuke Ono.* Emigration/Muhacir from Xinjiag Middle East during 1940–60s. MEIS-NIHU Series no. 1. Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa (ILCAA). Fu Chu, Tokyo. 2019. 155 p.
- Kuşçu, 2016 — *Kuşçu I.* Chang ng percept on of homeland for the Kazakh diaspora. Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. Vol. 44. No. 3. Pp. 380–396.
- Lias, 2018 — *Lias G.* Aspantaw asqan ürkın köş [The great migration crossing Aspantaw]. Almaty: AmalBooks, 2018. 232 p. (In Kaz.).
- Muqarapuly, 2012 — *Muqarapuly Ä.* Kiyeli köş [The sacred migration]. Beijing: Ulttar Publishing House, 2012. 796 p. (In Kaz.).
- Oraltay, 1961 — *Oraltay H.* Hürriyet uğrunda Doğu Türkistan Kazak Türkleri [Kazakhs of East Turkistan in the struggle for freedom]. İzmir: İstiklal Matbaası, 1961. 210 p. (In Turk.).
- Oraltay, 2005 — *Oraltay H.* Elim-aylap ötkın ömir [A life passed through homeland longing]. Almaty: Atamura Corporation Publishing, 2005. 665 p. (In Kaz.).
- Qumıl tarihi materiıyaldarı, 2013 — *Qumıl tarihi materiıyaldarı* [Historical materials of Qumul]. Qumul: Internal Materials Publishing House, 2013. 295 p. (In Kaz.).
- Rakhimzhanova, 2015 — *Rakhimzhanova A.* Collective memory: Kazakh exodus from Altay mountains // *Türkologia*, 2024. 20 p.
- Sanji qazaqtarının şığısqa awwı, 1989 — *Sanji qazaqtarının şığısqa awwı* [Migration of the Sanji Kazakhs to the East]. Sanji: Sanji Publishing House, 1989. 330 p. (In Kaz.).
- Sayiti, 2006 — *Sayiti A.* Qıtay respublikası kezeñindegi qazaq rularının taralwı jäne qonıs awdarıwı [The distribution and migration of Kazakh tribes during the Republican period of China]. *Guizhou University Journal (Social Sciences Edition)*, 2006, No. 4. Pp. 55–60. (阿布都力江·赛依提. 民国时期哈萨克族部落分布与迁徙. 贵州师范大学学报 (社会科学版), 2006, 4, 55–60.) (In Ch.).

Selvi, et al., 1996 — *Selvi Z., Teyci M., Kara A.* Kazakların Doğu Türkistan'dan Anadolu'ya Göçü ve Osman Taştan [The migration of Kazakhs from East Turkistan to Anatolia and Osman Taştan]. İstanbul: Kazak Türkleri Vakfı, 1996. 62 p. (In Turk.).

Seyituli, 2015 — *Seyituli A.* Minguo дәуіріндегі қазақ тарихі [History of the Kazakhs during the Republican period]. Үрімжі: Xinjiang Arts and Photography Publishing, 2015. 677 p. (In Kaz.).

Şolpan, 2024 — *Şolpan Q.D.* Altayköy qazaqtarı [The Kazakhs of Altayköy]. Almaty: Mazmundama Publishing, 2024. 216 p. (In Kaz.).

Teyci, 2024 — *Teyci M.* Doğu Altay'dan Türkiye'ye ilk Kazak göçü (1952) [The first Kazakh migration from East Altay to Turkey (1952)]. İstanbul: Hayat, 2024. 144 p. (In Turk.).

Wang, 2023 — *Wang Zhitong.* Жаңа заманда қазақтардың ішкі аймақтарға қоныс аударуы және Шыңжаңдағы этностардың алмасуы мен интеграциясы [Kazakh internal migration and the interaction, exchange, and integration among ethnic groups in modern Xinjiang]. Guizhou University Journal (Social Sciences Edition) (王志通. 哈萨克族内迁与近代新疆民族交往交流交融. 贵州师范大学学报(社会科学版), 2023. No. 3. Pp. 108–124. (In Ch.).

Әдебиеттер тізімі

Алтай, 1980 — *Алтай X.* Естеліктерім. Ыстанбұл: Otağ Matbaası, 1980. 144 б.

Алтай, 2014 — *Алтай X.* Алтайдан ауған ел. Алматы: Дәір баспасы, 2014. 272 б.

Әкірамы, 2009 — *Әкірамы K.* Баркөл қазақтарының шығысқа аууы. Құлжа: Іле тарихи материалдары, 2009. Б. 184–196.

Баркөл тарихи материалдары, 1998 — *Баркөл тарихи материалдары* жинағы. Баркөл: ішкі материалдар баспа заводы, 1998. 225 б.

Ван Чжитун, 2023 — *Ван Чжитун.* Жаңа заманда қазақтардың ішкі аймақтарға қоныс аударуы және Шыңжаңдағы этностардың алмасуы мен интеграциясы. Гуйчжоу университетінің журналы (Әлеуметтік ғылымдар басылымы), (3), 108–124. ISSN 0256-1891 (王志通. (2023). 哈萨克族内迁与近代新疆民族交往交流交融 [Kazakh Internal Migration and the Interaction, Exchange, and Integration among Ethnic Groups in Modern Xinjiang]. 贵州师范大学学报(社会科学版), 2023. Б. 108–124. ISSN 0256-1891

Құмыл тарихи материалдары, 2013 — *Құмыл тарихи материалдары.* Құмыл: ішкі материалдар баспа заводы, 2013. 295 б.

Лияс, 2018 — *Лияс Г.* Аспанға асқан үркін көш. Алматы: AmalBooks, 2022. 232 б.

Мұқарапұлы, 2012 — *Мұқарапұлы Ә.* Киелі көш. Бейжиң: Ұлттар баспасы, 2012. 796 б.

Оралтай, 1961 — *Oraltay H.* Hürriyet Uğrunda Doğu Türkistan Kazak Türkleri. İzmir: İstiklal Matbaası, 1961. 210 p.

Оралтай, 2005 — *Оралтай X.* Елім-айлап өткен өмір. Алматы: Атамұра корпорациясы ЖШС баспасы, 2005. 665 б.

Сайити, 2006 — *Сайити A.* Қытай республикасы кезеңіндегі қазақ руларының таралуы және қоныс аударуы. Гуйчжоу университетінің журналы (әлеуметтік ғылымдар басылымы) 4, 55-60 б. (阿布都力江·赛依提. (2006). 民国时期哈萨克族部落分布与迁徙. 贵州师范大学学报(社会科学版), 2006. Б. 55–60.

Санжы қазақтарының шығысқа аууы, 1989 — *Санжы қазақтарының шығысқа аууы.* Санжы: Санжы баспа заводы, 1989. 330 б.

Сейітұлы, 2015 — *Сейітұлы Ә.* Минго дәуіріндегі қазақ тарихы. Үрімжі: Шыңжаң әсемөнер-фотосурет баспасы, 2015. 677 б.

Тайжы, 2024 — *Teyci M.* Doğu Altay'dan Türkiye'ye ilk kazak göçü (1952), İstanbul: Hayat, 2024. 144 p.

Четин, 2022 — *Четин A.* Өмір жолымдағы соңғы көш. Алматы: AmalBooks, 2022. 560 б.

Шолпан, 2024 — *Шолпан Қ.Д.* Атайкөй қазақтары, Алматы: Мазмұндама баспасы, 2024. 216 б.

Benson, 1990 — *Benson L.* The Ili Rebellion. The Moslem Challenge to Chinese Authority in Xinjiang 1944–1949. New York: An East Gate Book. Pp. 10–67.

Canaltay, 2000 — *Canaltay D.* Qiyli zaman - qiyin tagdyr. Almaty: Duniye juzi qazaq qawimdistigi, 2000. 160 p.

Gayratullah, 1977 — *Gayratullah H.* Altaylarda kanlı günler, İstanbul: Ahmet Sait Matbaası, 1977. 274 p.

Gayratullah, 2009 — *Gayratullah H.* Uzaklara balam. İstanbul: Toker yayınları, 2009. 182 p.

Jin Noda, Ryosuke Ono, 2019 — *Jin Noda, Ryosuke Ono.* Emigration/Muhacir from Xinjiag Middle East during 1940–60s. MEIS-NIHU Series no. 1. Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa (ILCAA). Fu Chu, Tokyo. 2019. 155 p.

Kuşçu, 2016 — *Kuşçu I.* Chang ng percept on of homeland for the Kazakh diaspora. Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity, 2016. Vol. 44. No. 3. Pp. 380–396.

Rakhimzhanova, 2015 — *Rakhimzhanova A.* Collective memory: Kazakh exodus from Altay mountains // Türkologia, 2024. 20 p.

Selvi, et al., 1996 — *Selvi Z., Teyci M., Kara A.* Kazakların Doğu Türkistan'dan Anadolu'ya Göçü ve Osman Taştan, İstanbul: Kazak türkleri vakfı, 1996. 62 p.

ТАРИХ / ИСТОРИЯ / HISTORY

Published in the Republic of Kazakhstan
Asian Journal “Steppe Panorama”
Has been issued as a journal since 2014
ISSN 2710-3994.
Vol. 12. Is. 4, pp. 1177-1189, 2025
Journal homepage: <https://ajspiie.com>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2710-3994_2025_12_4_1177-1189

PERSONAL FILE – AS A SOURCE FOR STUDYING THE PROBLEM OF RESEARCHING KAZAKH PRISONERS OF WAR IN THE STUTTHOF CONCENTRATION CAMP (BASED ON THE EXAMPLE OF A. BELOZAROV'S PERSONAL FILE)

*Sissenbayeva Aliya Amangalykyzy*¹, *Kalybekova Manara Chaltenovna*²

¹Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28, Shevchenko Str., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
2nd year doctoral student of Al-Farabi Kazakh National University
 <https://orcid.org/0000-0002-5299-8250>. E-mail: 20aliya.sysenbaeva@mail.ru

²Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28, Shevchenko Str., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences
 <https://orcid.org/0000-0001-5194-6136>. E-mail: 20k.manara@gmail.com

© Ch.Ch. Valikhanov IHE, 2025
© Sissenbayeva A.A., Kalybekova M.Ch., 2025

Abstract. *Introduction.* During the Second World War, Poland became one of the centers of concentration camps in Germany, where millions of Soviet people, including Kazakhstanis, were held captive. Due to insufficient documentation and study of the fate of Kazakhstani prisoners of war, the names and fates of many of them remain unknown. *The purpose and objectives* of the study are to study the personal files of prisoners of war and identify Kazakhstanis who were held captive in German concentration camps in Poland, in particular in the Stutthof concentration camp, as well as to analyze documents in the personal files of prisoners of war. This article attempts to analyze, using the example of a Personal File on A. Belozarov, what determines their daily life in concentration camps and the preservation of their civic identity, and how their destinies fit into the broader context of World War II. *Results.* This study is aimed at uncovering a complex and multifaceted topic concerning the fate of Kazakhstanis in concentration camps in Poland, which is conducted with a deeper understanding of not only the historical but also the cultural aspects of this period. Information about the Stutthof concentration camp is provided, and documents in the Personal file of Anatoly Belozarov, a native of Kazakhstan, who died in captivity, are analyzed. *Conclusion.* The main part of the work is devoted to the analysis of archival data on the personal files of Kazakh prisoners of war, which will allow us to reflect in more detail the fate of each prisoner in the concentration camps of Germany in Poland.

Keywords: The Great Patriotic War, Kazakhstani prisoners of war, the Stutthof concentration camp, personal file, file cabinet

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the grant AP26102953 “History of Kazakh Prisoners of War in Nazi Concentration Camps in Poland, Russia, Ukraine, Belarus, and the Baltic States” of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

For citation: Sissenbayeva A.A., Kalybekova M.Ch. Personal file – as a source for studying the problem of researching kazakh prisoners of war in the stutthof concentration camp (based on the example of A. Belozarov's personal file) // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Vol. 12. No. 4. Pp. 1177–1189. (In Kaz.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1177-1189

ЖЕКЕ ІС – ШТУТТГОФ КОНЦЛАГЕРІНДЕГІ ҚАЗАҚСТАНДЫҚ СОҒЫС ТҮТҚЫНДАРЫН ЗЕРТТЕУ МӘСЕЛЕЛЕРІНІҢ ДЕРЕК КӨЗІ РЕТІНДЕ (А. БЕЛОЗАРОВТЫҢ ЖЕКЕ ІСІ МЫСАЛЫНДА)

Сисенбаева Алия Амангалиқызы¹, Калыбекова Манара Чальтеновна²

¹Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көш., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университетінің 2 курс докторанты
 <https://orcid.org/0000-0002-5299-8250>. E-mail: 20aliya.sysenbaeva@mail.ru

²Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көш., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының кандидаты
 <https://orcid.org/0000-0001-5194-6136>. E-mail: 20k.manara@gmail.com

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2025

© Сисенбаева А.А., Калыбекова М.Ч., 2025

Аңдатпа. *Kipicne.* Екінші дүниежүзілік соғыс кезінде Польша аумағы Германияның концлагерьлер жүйесін шоғырландыру орталықтарының біріне айналды, онда миллиондаған совет адамдары, соның ішінде қазақстандықтарда тұтқында болды. Қазақстандық әскери тұтқындарының тағдыры туралы құжаттардың толық болмауы, олардың есімдері мен жеке өміріне қатысты көптеген мағлұматтардың белгісіз тұстары сақталып отыр. *Зерттеудің мақсаттары мен міндеттері* – әскери тұтқындардың жеке істерін зерделеу және Польша аумағындағы Германия концлагерьлерінде, атап айтқанда Штуттгоф концлагерінде тұтқында болған қазақстандықтарды анықтау, сондай-ақ әскери тұтқындардың жеке ісіндегі құжаттарды талдау. Автор бұл мақалада А. Белозаровтың жеке ісін қарастыра отырып, концлагерьлердегі тұтқындардың күнделікті өмірін және азаматтық бірегейлігін сақтауды және олардың тағдырлары Екінші дүниежүзілік соғыстың кең контекстіне қалай сәйкес келетінін анықтайды. *Нәтижелер.* Осылайша, бұл зерттеуде Польша аумағындағы концлагерьлеріндегі қазақстандықтардың тағдырына қатысты күрделі және көп қырлы тақырыпты ашуға бағытталған, бұл осы кезеңнің тек тарихи ғана емес, мәдени аспектілерін де тереңірек түсіну арқылы жүргізіледі. Штуттгоф концлагеріне қатысты анықтама беріліп, қазақстандық Анатолий Белозаровтың тұтқында қаза табуы жөніндегі құжаттар сараланады. *Қорытынды.* Жұмыстың басым бөлігінде Германияның Польша аумағының концлагерьлеріндегі жеке тұтқындар тағдырын толығырақ көрсетуге мүмкіндік беретін, қазақстандық әскери тұтқындардың құжаттық істері бойынша архив деректерін талдаудан өткізеді.

Түйін сөздер: Ұлы Отан соғысы, қазақстандық әскери тұтқындар, Штуттгоф концлагері, жеке іс, картотека

Дәйексөз үшін: Сисенбаева А.А., Калыбекова М.Ч. Жеке іс – штуттгоф концлагеріндегі қазақстандық соғыс тұтқындарын зерттеу мәселелерінің дерек көзі ретінде (А. Белозаровтың жеке ісі мысалында) // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. 1177–1189 бб. (Қазақш.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1177-1189

Алғыс. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің АР26102953 «Польша, Ресей, Украина, Беларусь және Балтық елдеріндегі фашистік концлагерьлерде қазақстандық әскери тұтқындардың болу тарихы» грант бойынша дайындалды.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО – КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ КАЗАХСТАНЦЕВ КОНЦЛАГЕРЯ ШТУТТГОФ (НА ПРИМЕРЕ ЛИЧНОГО ДЕЛА А. БЕЛОЗАРОВА)

Сисенбаева Алия Амангалиқызы¹, Калыбекова Манара Чальтеновна²

¹Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова
(д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
Докторант 2 курса Казахского национального университета имени аль-Фараби
 <https://orcid.org/0000-0002-5299-8250>. E-mail: 20aliya.sysenbaeva@mail.ru

²Институт Истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова
(д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
Кандидат исторических наук
 <https://orcid.org/0000-0001-5194-6136>. E-mail: 20k.manara@gmail.com

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2025
© Сисенбаева А.А., Калыбекова М.Ч., 2025

Аннотация. *Введение.* В годы Второй мировой войны Польша стала одним из центров сосредоточения системы концлагерей Германии, где содержались в плену миллионы советских людей, в том числе и казахстанцы. Из-за недостаточного документирования и изучения судеб казахстанцев военнопленных, имена и судьбы многих из них остаются неизвестными. *Цель и задачи исследования* – изучение личных дел военнопленных и выявление казахстанцев, которые находились в плену в концлагерях Германии на территории Польши, в частности в концлагере Штуттгоф, а также анализ документов, находящийся в личном деле военнопленных. В данной статье делается попытка анализа на примере одного Личного дела на А. Белозарова, что определяет их повседневную жизнь в концлагерях и сохранение гражданской идентичности и как их судьбы вписываются в более широкий контекст Второй мировой войны. *Результаты.* Данное исследование направлено на раскрытие сложной и многогранной темы, касающейся судеб казахстанцев в концлагерях на территории Польши, которая проводится с более глубоким пониманием не только исторических, но и культурных аспектов этого периода. Дается справка о концлагере Штуттгоф, анализируются документы в Личном деле уроженца Казахстана Анатолия Белозарова, который будучи в плену погиб. *Вывод.* Основная часть работы посвящена анализу архивных данных личных делах военнопленных-казахстанцев, что позволит более детально отразить судьбу каждого заключенного в концлагерях Германии в Польше.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, казахстанцы-военнопленные, концлагерь Штуттгоф, личное дело, картотека

Для цитирования: Сисенбаева А.А., Калыбекова М.Ч. Личное дело – как источник изучения проблемы исследования военнопленных казахстанцев концлагеря штуттгоф (на примере личного дела А. Белозарова) // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. С. 1177–1189. (На Каз.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1177-1189

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации гранта AP26102953 «История пребывания военнопленных-казахстанцев в фашистских концлагерях на территории Польши, России, Украины, Белоруссии и стран Прибалтики» Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Кіріспе

Екінші дүниежүзілік соғыс кезеңінде Совет Одағы үшін тұтқынға түскен әскерилер өз «Отанын сатқандар» деп саналды. Қызыл әскердің Жоғарғы Бас қолбасшылық Ставкасының 1941 жылдың 16 тамыз айындағы № 270 бұйрығы бойынша «Қорқақтық және тұтқынға берілген әрекеттері үшін және осындай жағдайлардың алдын алу туралы» құжатында нақты

көрсетілді (Құжат, 1941: 476). Олар туралы ақпарат құпия түрде сақталды. Сондықтанда Советтік кезеңде бұл тақырып зерттеу мүмкін болмады. Дегенмен, Сталиннің жеке басына табынушылықты әшкерелеген КОКП-ның XX (1956 жылғы 14–15 ақпан) съезінен кейін Екінші дүниежүзілік соғыстың, оның ішінде тұтқындар тарихы туралы зерттеулер жүргізуге серпіліс берді. Алайда, тұтқындар тарихын терең зерттеу коммунистік идеология номенклатуралық билік кезінде мүмкін емес еді. Ұзақ жылдардан кейін 1985 жылы басталған қоғамдық қайта құру және демократияландыру кезеңінде концлагерлердегі тұтқындар туралы айтыла бастады. Архив құжаттарының қол жетімді болуы зерттеушілерге тұтқындардың лагерлердегі жағдайы мен тағдырын зерттеуге мүмкіндік тудырды және осы кезең бойынша түрлі мәселелерге қызығушылық өзектілігін арттырады.

Әскери тарихта аз зерттелген тақырыптардың бірі тұтқындалу мен репатриация мәселелері кең және ауқымды тақырып болып табылады. Қазақстандық әскери тұтқындар мәселесін кеңестік әскери тұтқындарының бір бөлшегі ретінде қарастырылу керек. Екінші дүниежүзілік соғыс кезінде тұтқынға алынған кеңес сардарлары мен сарбаздарының саны жағынан салыстырмалы түрде ауқымы кең болғанын атап өткен дұрыс. Олардың тағдыры өте қайғылы жағдайда болды. Тұтқындар мәселесін зерттеу аясында Екінші дүниежүзілік соғыс жылдарындағы кеңестік әскери тұтқындар мысалында зерттелетін кезеңде зардап шеккендердің ең көп санаты ретінде қарастырамыз. 2025 жылы Ұлы Отан соғысының аяқталғанына 80 жыл толды. Осы жылдар ішінде соғыс тақырыбы жан-жақты талқыланып келеді. Соның ішінде, тұтқындар мәселесі өзекті болып отыр. Соғыс тұтқынсыз болмады. Әрбір тұтқынға түскен әскердің тағдыры оңай емес еді. Осындай оқиғалардың қатарында қазақстандық тұтқындардың рөлі де аз емес. Әсіресе, Германия 1939 жылы жаулап алған Польша аумағындағы концлагерьлерде қазақстандық тұтқындар тарихы әлі зерттелмеген тақырыптардың бірі.

Зерттеу тақырыбы аясында Штуттгоф лагерінің тұтқыны болған А. Белозаровтың жеке ісі қарастырылады. Осыған байланысты, тақырыпты зерделеудің бірнеше аспектілерін атап өтуге болады. Біріншіден, тұтқынның жеке іс құжаты – соғыс жылдарындағы оқиғалар мен тұлғалардың тағдырын анықтауда маңызды дереккөз болып табылады. А. Белозаровтың жеке ісін зерттеу арқылы оның өмір жолы, тұтқынға түсуі, қайтыс болуы сияқты құжаттармен толықтырылып, бұл тарихи шындықты дәлелдеуге мүмкіндік береді. Екіншіден, жеке іс арқылы тұтқындардың өмір жағдайы, олардың қатыгездік пен ауыр еңбекке мәжбүрлеуі жағдайы арқылы бұл зерттеу соғыс тұтқындарының адамгершілік мәселелерін, олардың қайғылы тағдырын тереңірек түсінуге септігін тигізеді. Үшіншіден, А. Белозаровтың жеке ісін зерттеу арқылы архивтік құжаттарды жүйелеу, талдау әдістері жетілдіріліп, болашақта басқа да дереккөздерді пайдалану тәжірибесі қалыптасады. Төртіншіден, тұтқындардың тағдырына қатысты нақты деректер қоғамда тарихи әділдікті қалпына келтіруге және ұрпақтар арасындағы тарихи сабақтастықты нығайтуға ықпал етеді. Осылайша, жеке іс-деректерді зерттеу – қазақстандық соғыс тұтқындарының тарихын жан-жақты ашуға және отандық тарихшылардың зерттеу нысанына айналады.

Материалдар мен зерттеу әдістері

Мақаланы жазу барысында әскери тұтқындардың жеке істерін объективті талдау әдісі, Польшадағы неміс концлагерьлеріндегі қазақстандық әскери тұтқындарды анықтау және зерттеу мәселесін зерттеудің тарихи дереккөзінің бір түрі ретінде, атап айтқанда, Штуттгоф концлагерінде тұтқынға алынған А. Белозаровтың жеке ісінің мысалында пайдаланылды.

Отандық тарих ғылымында Екінші дүниежүзілік соғыс жылдарында Польша аумағында орналасқан концлагерьлердегі қазақстандық әскери тұтқындар мәселесіне арналған тікелей зерттеулер жоқтың қасы. ҚР Ұлттық кітапханасының Әлем әдебиеті бөлімінде 2 архивтік материалға негізделген жинақ «Сообщение чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Об убийстве немцами советских военнопленных в районе города Остров-Мазовецкий в Польше» (Жинақ, 1947) және «Об убийстве немцами советских военнопленных

в крепости Демблин (Иван-Город) и в некоторых других немецких лагерях на территории Польши: Док. и фотоснимки / Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников» (Жинақ, 1948) табылды. Соғыс біткен жылы арнайы комиссия Польша аумағында зерттеу жүргізді. Зерттеу барысында естеліктер мен құпия деп танылған құжаттар жинақтары жарияланды. Польша аумағындағы концлагерлердегі кеңестік әскери тұтқындардың тарихы туралы материалдар алғашқы құжаттар жинағы ретінде жарыққа шықты.

Мәселенің тарихи объективтілігіне қазақстандық және шетелдік архивтерден алынған көптеген мұрағаттық құжаттары, оның ішінде Ш.Ш. Уәлиханов атындағы тарих және этнология институтының архиві (Диск 4, Іс 1–11–58997) мен материалдар Екінші дүниежүзілік соғыс жылдарында Польша аумағында концлагерьлерде болған қазақстандық әскери тұтқындардың зерттелу тарихнамасында негізгі шет елдік архив құжаттары, монографиялар, диссертациялар сонымен қатар зерттеу мақалалары және отандық зерттеушілердің еңбектері мен зерттеу жұмыстары болып табылады. Зерттеу мәселесін ашу үшін нақты тарихи, статистикалық, сыни талдау, баяндау, қорыту әдістері қолданылды.

Талқылау

Польша аумағындағы концлагерлердегі кеңестік әскери тұтқындардың тарихы туралы кейбір материалдар алғашқы құжаттар жинағы Неміс-фашистік басқыншылар мен олардың сыбайластарының зұлымдықтарын тергеу белгілеу жөніндегі Төтенше Мемлекеттік комиссия жұмыстары жарияланды. «Сообщение чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Об убийстве немцами советских военнопленных в районе города Остров-Мазовецкий в Польше» (Жинақ, 1947). Бұл құжат жинағында аумақтағы концлагердің тарихы, кеңес әскери тұтқындардың түсуі, олардың режимі, жерленген жерлеріне сот-сараптамалық экспертизаларын жүргізілген құжаттар көрсетілді. Остров-Мазовецкий қаласының 2 ауданы Гронды және Комарова мекенінде орналасқан концлагерьлердегі кеңестік әскери тұтқындардың санын 67 мыңнан жоғары екендігін анықтады. Оның ішінде нақты қазақ тұтқындарының болғандығы көрсетіледі «всех остальных людей делили на 3 группы по национальностям. В одной были русские, в другой – украинцы, в третьей – казахи...» (Акт, 9 б.). Аталған Варшава қаласынан 100 км солтүстік-шығыс аумақта орналасқан 2 ауданда, комиссия жұмысының нәтижесінде неміс-фашистік басқыншыларының 67 мың кеңес әскерінің қасақана өлтіру фактісін анықтады. Бұл нәтиже барысында Остров-Мазовецкий қаласы мен оның маңындағы іргелес ауылдардың 26 куәгер тұрғынынан сұхбат алу негізінде жұмыс жасалды. Жинақтағы берілген фактілер мен сандардың есебі нақты зерттеу нәтижесінде жүзеге асты. Арнайы комиссия жүргізген зерттеу шындыққа сәйкес келеді.

Екінші құжаттар жинағы «Об убийстве немцами советских военнопленных в крепости Демблин (Иван-Город) и в некоторых других немецких лагерях на территории Польши: Док. и фотоснимки / Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников» (Жинақ, 1948 ж.). Жинақта Демблин бекінісіндегі бұрынғы неміс лагеріндегі зұлымдықтарды тексеру үшін арнайы комиссияны Польшаға іссапарға жіберген неміс-фашистік басқыншылар мен олардың сыбайластарының зұлымдықтарын анықтау және тергеу жөніндегі Төтенше Мемлекеттік Комиссияның материалдары келтірілген. Кеңес комиссиясы поляк комиссиясымен бірлесіп 1947 жылдың қазан айында тергеу жүргізді. Демблин бекінісіндегі «№ 307 Фронтшталагта», «№ 316 Шталагта», «№ 333 Шталагта» және Седлец қаласындағы лагерде 1941–42 жыл бойы неміс-фашистік басқыншылар аштық, азаптау, ату және улану жолымен, сондай-ақ инфекциялық ауруларды саналы түрде тарату жолымен 132 мыңнан астам кеңестік әскери тұтқындарды жойғаны анықталды. Аталған құжаттарды негізге ала отырып, Польша аумағында орналасқан концлагерьлерде қазақстандық азаматтардың болғаны белгілі. Олар туралы деректер Польша архивтерінде картотекалар негізінде көрініс тапқан.

Польша аумағындағы қазақстандық әскери тұтқындар тарихы мен тағдыры турасында зерттеулер аз болғанымен, отандық тарихнамада біршама зерттеу жұмыстары бар. Екінші дүниежүзілік соғысқа қатысушы қазақстандық азаматтар туралы алғашқы еңбектердің бірі А. Нүсіпбековтың (Нусупбеков, 1947: 73–84), тарихшы Қ.С. Алдажұманов зерттеулерінде, Т.Б. Балақаевтың мақалаларында (Алдажұманов, Балақаев, 1980: 113–124), Ж.Б. Абылхожин мен М.Қ. Козыбаев еңбектері бар (Абылхожин, 1997; Козыбаев, 1970).

Қазақстандық зерттеулерде әскери тұтқындар мәселесін қарау бойынша ҚР 1993 жылғы 14 сәуірдегі Заңы «Жаппай саяси қуғын-сүргіндер құрбандарын ақтау туралы» негізінде алғашқы қадамдар жасалды. 1995 жылы Жеңістің 50 жылдығына Р.Н. Нұрғалиевтің «Боздақтар – книга памяти» (Нұрғалиев, 1995) томдық кітаптар желісі соғыс жылдарында іс-түссіз кеткен боздақтарға арналған этюд-еңбек жарыққа шықты.

Сонымен бірге, 2007 жылы ғалым Г.К. Кокебаева «Официальная политика Германии и СССР по проблеме военнопленных (1918–1955 гг.)» докторлық диссертация жұмысы осы бағыттарды негіздеді. 2015 жылы ҚР Президенті Архиві «Екінші дүниежүзілік соғыстағы әскери тұтқындар» жобасын қолға алып, оның мақсатына әскери тұтқындардың бірыңғай республикалық мәліметтерін базасын құру болды. Жоба барысында tutkyn.kz (tutkyn.kz) республикалық базасын жасады. Мақсаты – кеңестік әскери тұтқындар тарихын зерттеу, қазақстандық әскери тұтқындардың тағдырын анықтау, ауқымды зерттеуді ақпараттық ресурстармен қамтамасыз етуге бағытталған көп функциональды жүйені құру болды. Аталған сайтта 30 мыңнан астам тұтқын болған азаматтардың тізім жасалған.

Мерзімді баспасөз беттерінде Жас қазақ газетінде Қ.С. Алдажұмановтың «Тұтқындағы қазақ жауынгерлері» атты көлемді мақаласы жарық көрді. Мақалада жалпы соғыс тұтқындары мәселесі көтеріліп, «Боздақтар» кітабын негізге ала отырып, тұтқыннан оралмағандар саны 7046 деп көрсетілген санды құптамайды. Хабарсыз кеткендер санын 271503 тұтқындар санын шамамен келетінен пікір білдіреді. Польша аумағындағы Ченстохово, Сувалки, Легиново лагерлеріндегі жағдайды қарастырады. «Мысалы, Ченстохово лагеріне жинақталған 30 мың түркі мұсылман тұтқындарынан екі ақ мың қалған. Олардың бәрі сүзек пен басқа да аурулардан жаппай қырылған» (Алдажұманов, 2017: 11) – деген ақпарат келтіреді. Жалпы соғыс тұтқындарына герман жағының мақсаты оларды іскери мақсатта пайдалану идеясы болғанына назар аудартады.

2017 жылы «Тамұқтан тірі қайтқандар» жинағы жарыққа шықты. Кітапта Екінші дүниежүзілік соғыста неміс басқыншыларының тұтқынына түсіп, концлагерьлерде ауыр зардап шеккен Қызыл Әскерің сол кездегі атауы Оңтүстік Қазақстан облысы бойынша жауынгерлерінің басынан кешкендері мен олардың кейінгі өмірлері туралы баяндайды.

2022 жылы ғалым Г.К. Көкебаева «Талқыға түскен тағдыр: түркістандық соғыс тұтқындары» монографиясы шықты. Монографияда екінші дүниежүзілік соғыс кезіндегі түркістандық соғыс тұтқындарының тарихы мен тағдыры зерттелген. Ұсынылған кітапта Германияның, Ресей, Польшаның архивтерінен алынған тың деректер негізінде жарияланды (Көкебаева, 2022).

Сонымен қатар, поляк зерттеушілерінің ғылыми еңбектері, оның ішінде аталған мәселені толық қарастырған бірден бір еңбек Ш. Датнер орыс тіліне аударылды. Еңбек «Преступления немецкого-фашистского вермахта в отношении военнопленных во второй мировой войне» деп аталады (Датнер, 1963). Польшалық тарихшы және публицист, Польша аумағындағы нацистік қылмыстарды тергеу жөніндегі Орталық комиссияның мүшесі Шимон Датнердің ұсынылып отырған кітабы гитлерлік вермахт құжаттарына негізделген. Сонымен қатар, еңбектің V бөлімінде Польша аумағында орналасқан концлагерьлер мен кеңестік әскери тұтқындар турасында сөз қозғаған.

2021 жылы «Советские военнопленные во время Второй мировой войны на польских землях» атты поляк ғалымдарының зерттеулер жинағы жарық көрді. Ғалым Гжегож Мотыка «Трагедия советских военнопленных во время Второй мировой войны в польской историографии» атты зерттеуінде польшалық зерттеуші В. Марчикке сілтеме бере отырып «В границах современной Польши находилось 77 таких лагерей» деп көрсетеді. (Мотыка,

2021: 23). Ең алғаш Польша аумағындағы кеңестік әскери тұтқындар мәселесін 1945 жылдан бастап «Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников» атты құжаттарда жарияланды. Аталған құжаттар, кеңес азаматтары мен және басқа мемлекеттердің азаматтарына қатысты жасалған қатыгездік XX ғасырдың ең ауыр тақырыптары болып қала беретінін көрсетеді. Себебі, барлық болған оқиғаларды экспертизалар жасаумен және куәгерлерді сұрай отырып акт жасалған. Осы тұста, тұтқын деген сөзге зерттеуші Полян: «Гражданами второго сорта, не вызывающими доверия репатриантами, чуть ли не диверсантами, – предателями с навсегда испорченными анкетами и листками учета кадров.» (Полян, 2002: 7) деп түсініктеме берді. Яғни, тұтқын соғыс жағдайында ұсталған адам немесе еркіндігінен айырылған, жағдайға тәуелді адам. Сонда, әскери тұтқын соғыс жағдайында тұтқынға түсіп, өз еркіндігінен айырылған адамдар тобы болды.

Автор мақалада Польша архивтерінен алынған әскери тұтқындардың жеке істері мен картотекаларын, тұтқында болған қазақстандық әскери тұтқындар туралы мәліметтер базасын құруға және олардың кейінгі тағдырларын зерттеуге тарихи дерек көзі ретінде қолданады. Мысал ретінде автор 1942 жылы Польша аумағында болған қазақстандық әскери тұтқын Белозаровтың жеке ісін келтіреді.

Зерттеу нәтижелері

Екінші дүниежүзілік соғыстың адам тағдырына қатысты ең бір күрделі тақырыбын қамтитын «тұтқындар» мәселесі тасада қалған өмір туралы жалпы адамзаттық тұрғыдан қараудың қажеттігі көрсетілді. Архивтік құжаттарды саралаудың нәтижесінде концлагерлердегі тұтқындардың жеке істеріне байланысты мәліметтер анықталып, олардың маңызыдылығы баға берілді. Польша аумағында орналасқан – Штуттгоф концлагерлері советтік тұтқындарының тарихын зерттеуде маңызды нысан ретінде анықталды. 1945 жылғы 1 тамызда жарыққа шыққан акт бойынша Штуттгоф концлагерінде кеңес азаматтары мен басқа мемлекеттердің азаматтарына жасалған зұлымдықтарды тергеу туралы есебі жүргізілді (Акт, 1945). Аталған акте лагерь адамдарды жою орны болғанын нақты көруге болады. Себебі, «Штуттгоф лагерь уничтожения» деп жазылған. Орналасу аймағы батпақты төбелерде, Балтық теңізінің жағалауында, Данциг қаласынан 40–45 шақырым жерде орналасқан, ол Висла өзенінен өтетін тар табанды теміржолмен байланысқан. Лагерьдің оңтүстігінде Фришес Хаф теңізі бар. Теңіз бен Шығанақ лагерьді үш жағынан қоршап тұр (Акт, 1945: 43). Яғни, лагерь географиялық орналасуы Гданьскке жақын болғандықтан, лагерьді тұтқындарды тасымалдау мен ұстаудың стратегиялық орны ретінде құруға ықпал етті, бұл өз кезегінде олардың өмір сүру жағдайлары мен тағдырларына әсер етті. Лагерь құрылуы 1939 жылы басталып 1941 жылдар аралығында лагерьде ең алдымен 15 ке жуық ағаш стандартты типтегі барақтар және қажет шағын қызмет көрсету ғимараттары және негізінен саяси тұтқындарға арналған. Бірақ тұтқындар контингентінің кеңеюімен ғимараттардың саны өсті. 1944 жылдың аяғында олардың саны 112 болды (акт, 44 бет). Ғимараттар санының көбеюі сол кезеңдегі Екінші дүниежүзілік соғысқа байланысты кеңес әскерлерінің орналастырылуына байланысты еді.

Аталған лагерьде советтік тұтқын, қазақстандық азамат Белозаров Анатолий болды. Әскери тұтқынның жеке ісіндегі құжаттар төменде көрсетілген. 1-суретте жеке картотекасында ақпарат беруші Штуттгоф концлагерінің комендатурасы. Саяси бөлім. Тұтқынның жеке картотекасы бойынша ол 1917 жылы 20 қарашада дүниеге келген. Петропавл қаласында тұрған. Ұлты: орыс. Мамандығы: Жұмысшы. Ауруы: жоқ. Жеке тұлғалық ерекшеліктері бойынша ақпарат жоқ. Соттылығы: жоқ. Картотеканың соңғы бөлімінде алдын ала шара қабылдануының себебі ретінде жұмыс орнынан қашып кетті деп көрсетілген. Концлагерьге жеткізілуі 1942 жылдың 1 маусымы. Жоғарыда көрсетілген ақпараттардың растығына өз қолымен қол қойылған.

**Kommandantur
des Konzentrationslagers Stutthof
Politishe Abteilung**

1

Größe: 13 7 3 3
Sch. H.
Arbeitsschein

Familienname: **Bjelosjorow**
Vorname: **Anatolij**
geb. am: **20.11.17** **Petropawlowsk**
Wohnort: **Petropawlowsk**
Straße:
Beruf: **Landarbeiter**
Religion: **orthod.** Staatsangeh.: **Russe**
Ehefrau:
Kinder oder
Verwandte:

Größe:
Gefalt:
Gesicht:
Augen:
Nase:
Mund:
Ohren:
Zähne:
Haare:
Bart:
Sprache:

Krankheiten **keine**
und
Gebrechen:
Besondere Kennzeichen: **keine**

Vorbeugungs-Schutzhaft angeordnet
am: durch: **Stapo Danzig**
Grund: **von seiner Arbeitsstelle flüchtig**
Vorstrafen: **keine**
Bisherige Parteizugehörigkeit: **keine**

eingeliefert am: **1. 6. 42**
entlassen am:
Vfg.
vom:
nach:

Ich bin darauf hingewiesen, daß meine Befragung wegen intellektueller Urkundenfälschung erfolgt, wenn sich die vorstehenden Angaben über meine Person als falsch erweisen sollten.

Анатолій Белозаров
(Unterschrift)
I. H. der Leiter der Politischen Abteilung

Stutthoflager XX, Danzig

Сурет 1 – Анатолий Белозаровтың жеке картотекасы
(Ш. Ш. Уәлиханов атындағы институт архиві. Диск 4, Іс 1–11–58997)
[Fig. 1 – Personal card file of Anatoly Belozarov
(Archives of the Ch. Ualikhanov Institute. Disk 4, Case 1–11–58997)]

Сонымен қатар, «Память народа» сайтында тұтқын туралы ақпарат бар. 2 суретте көрсетілгендей 1945 жылғы 25 қазандағы жағдай бойынша Петропавл біріккен қалалық әскери комиссариатындағы жеке құрамның орны толмас шығындарының тізімінде Белозаров Анатолий Петрович туылған жылы 1917 жылы деп көрсетілген. Туылған жері: Қазақ КСР, Солтүстік Қазақстан облысы, Петропавлск. Шақыру күні мен орны: Петропавл МКК, Қазақ КСР, Солтүстік Қазақстан облысы, Петропавл қаласы. Шақыру күні: 10.10.1939 жылы. Әскери атағы: Қызыл Армия. Соңғы қызмет орны: 208 атқыштар полкі. Әскери бөлім: 208 атқыштар полкі екендігі көрсетілген. (РФҚМОА. Ф. 58. Оп. 977521. Д. 726). Тұтқынның жеке ісіндегі құжаттар легі сайттағы (2 сурет) ақпаратпен сәйкес келеді. Мұндай сәйкестік зерттеушілерге Анатолий Белозаровтың өмір жолын толыққанды реконструкциялауға, оның тағдырына қатысты қосымша мәліметтерді іздеуге және соғыс жылдарындағы қазақстандықтардың қатысуы мен олардың тұтқында болу жағдайларын жан-жақты талдауға мүмкіндік береді.

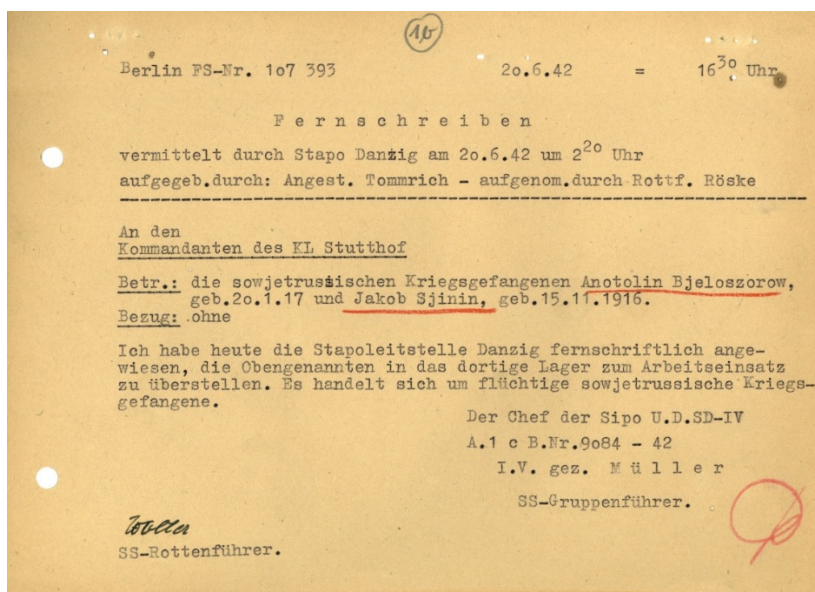
21

№ 56720

№	Имя	Дата рождения	Дата вступления в армию	Дата окончания службы	Дата смерти	Причина смерти	Место захоронения	Степень	Звание	Служба	Судьба
1.	А.А.А.А.А.А.А.	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
2.	А.А.А.А.А.А.А.	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
3.	А.А.А.А.А.А.А.	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
4.	А.А.А.А.А.А.А.	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
5.	А.А.А.А.А.А.А.	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
6.	А.А.А.А.А.А.А.	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
7.	А.А.А.А.А.А.А.	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
8.	А.А.А.А.А.А.А.	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
9.	А.А.А.А.А.А.А.	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
10.	А.А.А.А.А.А.А.	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
11.	А.А.А.А.А.А.А.	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...

Сурет 2 – 1945 жылғы 25 қазандағы жағдай бойынша Петропавл біріккен қалалық әскери комиссариатындағы жеке құрамның орны толмас шығындарының тізімі 4. Белозаров А.
[Fig. 2 – List of irreparable losses of personnel in the Petropavlovsk United City Military Commissariat as of October 25, 1945. 4. Belozarov A.]

Сонымен қоса, жеке картотека тұтқындарды жұмыс күші ретінде пайдаланғандығы туралы мәлімет береді, кеңес тұтқыны ретінде оның еңбекке қатыстырылғанын 3 сурет растайды. 1942 жылдың 20 маусым күні тұтқынға жұмысқа тартылу телекс шығады. Құжатта Анатолий Белозаровты жұмыс жасау үшін лагерьге орналастыру туралы айтылған. Бұл кеңес тұтқыны деп нақты көрсетілді. «Сегодня я телеграфировал в полицейское управление Данциг с просьбой первести вышеупомянутых заключенных в местный лагерь для выполнения работ. Это беглые советские военнопленные» (Диск 4, Іс 1–11–58997). Алайда, кеңес тұтқынының қандай жұмыспен айналысқаны туралы нақты мәліметтер жоқ. Бұл зерттеушілер үшін маңызды мәселе болып табылады, себебі тұтқындар тартылған еңбек түрі олардың жағдайы мен зардаптарын түсінуде маңызды рөл атқарады. Тұтқындарды жұмысқа пайдалану фактісі олардың адамгершілік құқықтарының бұзылуын көрсетеді бұл мәліметтер тұтқындардың күнделікті өмір тарихы жағдайларын жан-жақты зерттеуге мүмкіндік береді. Бірақ, қандай жұмыстармен айналысқаны туралы қосымша мәліметтердің болмауы зерттеудің шектеулігін көрсетеді.

Сурет 3 – Тұтқынды жұмысқа жіберу туралы телеграмма
[Fig. 3 – Telegram about sending a prisoner to work]

Тұтқындардың қандай жағдайда өмір сүргенін және күнделікті өмір тарихын 1945 жылы 1 тамызында жарияланған «Штуттгоф» концлагерінде кеңес азаматтары мен басқа мемлекеттердің азаматтарына қатысты тергеумен анықталған қатыгездіктер туралы Актісіне дәрігер, әскери азаматтар, прокурорлар мен заңгерлер сараптамалық жұмыс құрамына енген комиссия есебінен көруге болады.

Комиссия өз жұмысын жасай отырып төмендегідей қорытынды шығарды:

Путем расстрелов, отравлений, впрыскивания в область сердца бензина, голода, повешений, умышленного распространения инфекционных заболеваний, сыпного тифа, дизентерии, брюшного тифа и чудовищных истязаний немцы истребили в Штуттгофском концентрационном лагере около 100000 человек граждан Советского Союза /русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, евреев/, Польши, Франции, Чехословакии, Югославии, Дании, Венгрии и др(угих) государств.

По степени продуманности, технической организованности, по массовости и жестокости истребления людей Штуттгофский концентрационный лагерь представляет из себя «лагерь смерти» (Акт, 1945: 43).

«Штуттгоф» концлагері Екінші дүниежүзілік соғыс кезінде кеңес азаматтары мен басқа ұлт өкілдері бастан кешірген қатыгездік пен қайғы-қасіреттің орталығына айналды. 1945 жылы 1 тамызда қол қойылған тергеумен анықталған қатыгездік актісі осы аумақта жасалған қылмыстарды тіркейтін маңызды құжат болып табылады.

Der Lagerarzt
des
Konzentrationslagers Stutthof

Stutthof bei Danzig, den 31. Dezember 1942.

Todesbescheinigung

Name: **Belozarov**
Vorname: **Anatoli**
geboren am: **20. November 1917** in: **Petropawlowsk /Russl./**
Heimataufenthalt: **Petropawlowsk /Russl.:**
letzter Aufenthalt: **K.-L. Stutthof**
Todesstag: **31. Dezember 1942.**
Todesstunde: **5,00 Uhr.**
Todesort: **K.-L. Stutthof**
Todesursache: **Herzmuskelschwäche**

Der Lagerarzt
des K.-L. Stutthof
SS-Untersuchungsleiter

Wohlfahrtsdienst XX, Danzig

Сурет 4 – А. Белозаровтың қайтыс болуы туралы куәлік
[Fig. 4 – Death certificate of A. Belozarov]

Сонымен қатар, жеке істің 3 парағы (4 сурет) Штуттгоф лагеріне түскен соң 6 айдан соң құжат бойынша қазақстандық тұтқын 31 желтоқсан 1942 жылы дүниеден өтті. Ресми құжатта өлім себебін жүрек бұлшық етінің аруына байланысты деп көрсетілген. (Ш.Ш. Уәлиханов атындағы тарих және этнология институт архиві. Диск 4, Іс 1–11–58997). Бірақ, жоғарыда аталған комиссияның зерттеу құжаттарында: «Из изучения этих карточек явствует, что большинство из «умерших» было насильно умерщвлено. Это же подтверждается показаниями бывшего заключенного ВЛОДАРЧИК Францишек. Работая в политическом отделе лагеря, – говорит он, – я часто видел, как вели заключенных в газокамеру или крематорий, а через несколько дней к нам поступали списки на этих людей с указанием даты и диагноза смерти: «умер от ослабления сердечной деятельности» (Акт: 1945, 49) деп көрсетілген, яғни комиссияның құжаттарында көрсетілгендей, көптеген тұтқындардың қайтыс болуы жасанды түрде жасалған немесе олардың өлімі басқа себептермен, атап айтқанда, газ камерасы немесе крематорий арқылы өлтірумен байланысты болуы мүмкін. Францишек Влодарчиктің көрсетулері бұл тұжырымды растайды: ол лагердегі тұтқындарды газ камерасына немесе крематорийге әкеткенін көргенін айтады және өлгендердің тізімдерінде өлімнің себебі «жүрек қызметінің әлсіреуі» деп көрсетілгенін айтады. Бұл мәліметтер жеке іс құжатындағыдай емес, шынайы себептері басқа болуы мүмкін екенін көрсетеді. Өлімнің жасанды түрде жасалғаны немесе басқа себептермен жасырынғаны ықтимал. Жеке іс құжаты мен комиссияның зерттеу нәтижелері арасындағы айырмашылықтар тұтқындардың өліміне қатысты шынайы жағдайды анықтауда қиындықтар туғызады. Бұл деректердің негізінде, өлімнің нақты себебі мен жағдайын анықтау үшін қосымша архив және тарихи зерттеулер жүргізу қажет.

Қорытынды

Польша аумағында әскери тұтқындалған қазақстандықтардың тағдыры туралы мәселені зерттеу көші-қонға, соғысқа және мәдени бірегейлікке байланысты тарихи процестердің маңызды аспектісі болып табылады. Қазақстандық әскери тұтқындардың XX ғасырда Польшада болуы терең талдауды талап ететін күрделі саяси және әлеуметтік жағдайлардың нәтижесі болды. Қазақстандық әскери тұтқындардың тағдырына әсер еткен басты тұлғалар әскери тұтқындардың өздері де, Үшінші рейх басқарған Германия, сондай-ақ адам құқықтары мәселелерімен айналысатын халықаралық ұйымдар да болып табылады. Бұл факторлар мазмұн жағдайын ғана емес, мәдени дәстүрлер мен бірегейлікті сақтау мүмкіндіктерін де қалыптастырды.

Зерттеу барысында қарастырылып отырған жеке іс – Штуттгоф концлагеріндегі қазақстандық соғыс тұтқындарын зерттеуде маңызды дерек көзі ретінде қызмет етеді. Анатолий Белозаровтың жеке ісі мысалында, бұл құжаттар оның тұтқында болуы, орналасуы, еңбекке тартылуына қатысты мәліметтер талданды.

Өкінішке орай, бүгінге күнде Польша территориясында орналасқан концлагерьлерде қанша қазақстандық тұтқын болғаны белгісіз. Бүгінгі таңда, зерттеу жұмысы барысында тұтқында қайтыс болған қазақстандықтарды анықтау және табу, олардың лайықты есімдерін қайтару және мәліметтер қорын толықтыру мақсаты тұр.

Дереккөз

РФҚМОА — Ресей Федерациясы Қорғаныс министрлігінің Орталық архиві
ТЭИ архиві — Ш.Ш. Уәлиханов атындағы тарих және этнология институты архиві

Sources

Archive IIE — Archive of the Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
CAMD RF — Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Әдебиеттер тізімі

- Абишев, 1958 — *Абишев Г.А.* Казахстан в Великой Отечественной войне. Алма-Ата, 1958. 346 с.
- Абылхожин, 1997 — *Абылхожин Ж.* Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы, 1997. 360 с.
- Акт об установленных расследованием, 1945 — *Акт об установленных расследованием злодеяний в отношении советских граждан и граждан других государств в концентрационном лагере «Штуттгоф»*, 1945.
- Алдажуманов, Балакаев, 1980 — *Алдажуманов К.С., Балакаев Т.Б.* Историография Казахстана периода Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы истории Советского Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 113–124.
- Алдажуманов, 2017 — *Алдажуманов К.С.* Тұтқындағы қазақ жауынгерлері. Жас қазақ, 2017. № 20(644). 11 б.
- Боздақтар, 1995 — *Боздақтар.* Ұлы Отан соғысы (1941–45) жеңісінің 50 жылдығына арналады; [бас ред. Р. Н. Нұрғалиев]. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1995. Томдар жинағы.
- Датнер, 1963 — *Датнер Ш.* Преступления немецко-фашистского Вермахта в отношении военнопленных во Второй Мировой войне / Пер. с польского Я.О. Немчинского; вступит. статья С.К. Тимошенко; под ред. Д. С. Карева. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. 486 с.
- Козыбаев, 1970 — *Козыбаев М.* Казахстан – арсенал фронта. Алма-Ата, 1970. 473 с.
- Козыбаев, 1991 — *Козыбаев М.* История и современность. Алма-Ата, 1991. 254 с.
- Көкебаева, 2022 — *Көкебаева Г.К.* Талқыға түскен тағдыр: түркістандық соғыс тұтқындары. Монография. Алматы: [б. ж.], 2022. 302 б.
- Нусупбеков, 1947 — *Нусупбеков А.Н.* Могучий арсенал Великой Отечественной войны Советского Союза. Известия АН КазССР. Серия историческая, 1947. Вып. 3. С. 73–84.
- Об убийстве немцами советских военнопленных, 1948 — *Об убийстве немцами советских военнопленных в крепости Демблин (Иван-Город) и в некоторых других немецких лагерях на территории Польши: Документы и фотоснимки* / Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1948. 46 с.
- Полян, 2002 — *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 896 с.
- Приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии, 1941 — *Приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий»*. Приказ № 270 от 16 августа 1941 г. // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/102746-prikaz-stavki-verhovnogo-glavnokomandovaniya-krasnoy-armii-o-sluchayah-trusosti-i-sdache-v-plen-i-merah-po-presecheniyu-takih-deystviy-16-avgusta-1941-g#mode/inspect/page/1/zoom/4>
- Советские военнопленные, 2021 — *Советские военнопленные* во время Второй мировой войны на польских землях: сборник статей / науч. ред. Я. Войтковяк, пер. М. А. Крисань. СПб.: Алетей, 2021. 196 с.
- Сообщение чрезвычайной государственной комиссии, 1947 — *Сообщение чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Об убийстве немцами советских военнопленных в районе города Остров-Мазовецкий в Польше*. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1947. 37 с.
- Тамұқтан тірі қалғандар, 2017 — *Тамұқтан тірі қалғандар*. Шымкент, 2017. 162 б.

- Филипов, 2016 — *Филипов К.* Деньги концентрационных лагерей Третьего Рейха. Банкаўскі веснік, Студзень, 2016. С. 62–67. // URL: <https://www.nbrb.by/bv/pdf/articles/10226.pdf>
- Чиликова, 2017 — *Чиликова Е.* Военнопленные-казахстанцы: проект архива Президента РК. Архивы Казахстана. Ақпараттық және ғылыми практикалық журнал, 2017. № 2(42). С. 5–9.
- Mendikulova, Gabdullina, 2020 — *Mendikulova G.M., Gabdullina A.Z.* Historiography and sources of the problem of the Soviet prisoners-of-war of Kazakh ethnicity in the Second World War. Vestnik KazNU. Seriya istoricheskaya, 2020. No. 80(1). Pp. 10–18. // URL: <https://bulletin-history.kaznu.kz/index.php/1-history/article/view/683>

References

- Abishev, 1958 — *Abishev G.A.* Kazakhstan v Velikoy Otechestvennoy Voynе [Kazakhstan in the Great Patriotic War]. Alma-Ata, 1958. 346 p. (In Russ.).
- Abylhozhin, 1997 — *Abylhozhin Zh.* Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Kazakhstana. XX vek [Essays on the socio-economic history of Kazakhstan. 20th century]. Almaty, 1997. 360 p. (In Russ.).
- Akt ob ustanovleniykh rassledovaniem, 1945 — *Akt ob ustanovleniykh rassledovaniem zlodeyaniyakh v otnoshenii sovetskikh grazhdan i grazhdan drugih gosudarstv v kontsentratsionnom lagere “Shtutthof”* [Report on the investigation into the atrocities committed against Soviet citizens and citizens of other states in the Stutthof concentration camp], 1945. (In Russ.).
- Aldazhumanov, 2017 — *Aldazhumanov K.S.* Tutkyndagy qazaq zhauyngerleri [Kazakh soldiers in captivity] // Zhas qazaq, 2017. No. 20. 11 p. (In Kaz.).
- Aldazhumanov, Balakaev, 1980 — *Aldazhumanov K.S., Balakaev T.B.* Istoriografiya Kazakhstana perioda Velikoy Otechestvennoy voyny [Historiography of Kazakhstan during the Great Patriotic War] // Aktual'nye problemy istorii Sovetskogo Kazakhstana. Alma-Ata, 1980. Pp. 113–124. (In Russ.).
- Bozdaqtar, 1995 — *Bozdaqtar* [Bozdaq]. Uly Otan sogysy (1941–45) zhenisinin 50 zhyldygyna arnaldy; [bas red. R.N. Nurgaliev] [Dedicated to the 50th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War (1941–45); chief editor R.N. Nurgaliev]. Almaty: Qazaq enciklopediyasy, 1995. Collection of volumes. (In Kaz.).
- Chilikova, 2017 — *Chilikova E.* Voennoplennye-kazakhstantsy: proekt Arkhiva Prezidenta RK [Soldiers of Kazakhstan: Project of the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan]. Arkhivy Kazakhstan. Akparattyq zhane gylymi praktikalyq zhurnal, 2017. No. 2 (42). Pp. 5–9. (In Russ.).
- Datner, 1963 — *Datner Sh.* Prestupleniya nemetsko-fashistskogo Vermahta v otnoshenii voennoplennyykh vo Vtoroy Mirovoy voynе [Crimes of the Nazi Wehrmacht against prisoners of war in World War II] / Trans. From Polish by Ya. O. Nemchinskiy; Introductory article by S. K. Timoshenko; Edited by D. S. Karev. M.: Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1963. 486 p. /// *Datner S.* Zbrodnie Wehrmachtu na jeńcach wojennych w II wojnie światowej. Warszawa, 1961. (In Russ.).
- Filipov, 2016 — *Filipov K.* Den'gi kontsentratsionnykh lagerey Tret'ego Reykha [Money from the concentration camps of the Third Reich]. Bankaўski vesnik, 2016. Pp. 62–67. // URL: <https://www.nbrb.by/bv/pdf/articles/10226.pdf> (In Russ.).
- Kokebaeva, 2022 — *Kokebaeva G.K.* Talqyga tysken taǵdyr: tyrkistandyq sogys tutqyndary [The fate discussed: Turkestan prisoners of war]. Almaty: [s. n.], 2022. 302 p. (In Kaz.).
- Kozybaev, 1970 — *Kozybaev M.* Kazakhstan – arsenal fronta [Kazakhstan – Arsenal of the Front]. Alma-Ata, 1970. 473 p. (In Russ.).
- Kozybaev, 1991 — *Kozybaev M.* Istoriya i sovremennost' [History and Modernity]. Alma-Ata, 1991. 254 p. (In Russ.).
- Mendikulova, Gabdullina, 2020 — *Mendikulova G.M., Gabdullina A.Z.* Historiography and sources of the problem of the Soviet prisoners-of-war of Kazakh ethnicity in the Second World War. Vestnik KazNU. Seriya istoricheskaya, 2020. No. 80(1). Pp. 10–18. // URL: <https://bulletin-history.kaznu.kz/index.php/1-history/article/view/683>
- Nusupbekov, 1947 — *Nusupbekov A.N.* Moguchiy arsenal Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuzа [The mighty arsenal of the Great Patriotic War of the Soviet Union]. Izvestiya AN KazSSR. Seriya istoricheskaya, 1947. Iss. 3. Pp. 73–84. (In Russ.).
- Ob ubiystve nemcami sovetskikh voennoplennyykh, 1948 — *Ob ubiystve nemcami sovetskikh voennoplennyykh v kreposti Demblin (Ivan-Gorod) i v nekotorykh drugih nemeckikh lageryakh na territorii Pol'shi: Dokumenty i fotosnimki* [On the murder of Soviet prisoners of war by the Germans in the fortress of Demblin (Ivan-Gorod) and in some other German camps on the territory of Poland: Documents and photographs] / Chrezvychaynaya Gosudarstvennaya Komissiya po ustanovleniyu i rassledovaniyu zlodeyaniy nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov i ikh soobshchnikov. M.: OGIZ, Gospolitizdat, 1948. 46 p. (In Russ.).
- Polyan, 2002 — *Polyan P.M.* Zhertvy dvukh diktatur: Zhizn', trud, unizheniya i smert' sovetskikh voennoplennyykh i ostarbayterov na chuzhbine i na rodine [Victims of two dictatorships: Life, work, humiliation and death of Soviet prisoners of war and Ostarbeiters in foreign lands and at home]. 2nd ed., revised and enlarged. M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2002. 896 p. (In Russ.).

Prikaz Stavki Verkhovnogo Glavnokomandovaniya Krasnoy Armii, 1941 — *Prikaz Stavki Verkhovnogo Glavnokomandovaniya Krasnoy Armii* “O sluchayakh trusosti i sdache v plen i merakh po presecheniyu takikh deystviy” [Order of the Headquarters of the Supreme Command of the Red Army “On cases of cowardice and surrender and measures to suppress such actions”], 1941. (In Russ.).

Soobshchenie Chrezvychaynoy gosudarstvennoy komissii, 1947 — *Soobshchenie Chrezvychaynoy gosudarstvennoy komissii* po ustanovleniyu i rassledovaniyu zlodeyaniy nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov i ikh soobshchnikov. Ob ubiystve nemcami sovetskikh voennoplennykh v rayone goroda Ostrov-Mazovetskiy v Pol'she [Report of the Extraordinary State Commission for the establishment and investigation of the atrocities of the German fascist invaders and their accomplices. On the murder of Soviet prisoners of war by the Germans in the area of the city of Ostrow Mazowiecki in Poland]. M.: OGIZ, Gospolizdat, 1947. 37 p. (In Russ.).

Sovetskie voennoplennyye, 2021 — *Sovetskie voennoplennyye* vo vremya Vtoroy mirovoy voyny na pol'skikh zemlyakh [Soviet prisoners of war during World War II on Polish lands]. Collection of articles. Ed. by Ya. Voytkovjak, trans. by M. A. Krisan'. St. Petersburg: Aletyya, 2021. 196 p. (In Russ.).

ЭТНОЛОГИЯ/АНТРОПОЛОГИЯ / ETHNOLOGY/ANTHROPOLOGY

Published in the Republic of Kazakhstan
Asian Journal “Steppe Panorama”
Has been issued as a journal since 2014
ISSN 2710-3994.
Vol. 12. Is. 4, pp. 1190-1201, 2025
Journal homepage: <https://ajspiie.com>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.41.91
https://doi.org/10.51943/2710-3994_2025_12_4_1190-1201

GLASSMAKING IN MEDIEVAL KAZAKHSTAN: RESULTS OF X-RAY SPECTRAL MICROANALYSIS OF GLASS FROM SOUTH AND SOUTHEAST KAZAKHSTAN

Akymbek Yeraly Shardarbekuly¹, Kembyaeva Assem Kadyrhanovna²

¹Marghulan Institute of Archaeology
(44, Dostyk Ave., 050000 Almaty, Republic of Kazakhstan)
PhD (Archeology), Leading Researcher, Head of Department
 <https://orcid.org/0000-0002-0603-4514>. E-mail: eraly_a@mail.ru

²Marghulan Institute of Archaeology
(44, Dostyk Ave., 050000 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Junior Research Fellow
 <https://orcid.org/0000-0002-0155-5097>. E-mail: asem.kembaeva@mail.ru

© Ch.Ch. Valikhanov IHE, 2025
© Akymbek Ye.Sh., Kembyaeva A.K., 2025

Abstract. *Introduction.* The study of medieval glass and glassmaking in Kazakhstan holds significant importance archaeological scholarship of Central Asia as a whole. *Goals and objectives.* This paper presents the results of X-ray spectral microanalysis of eight glass fragments from six archaeological sites in Southern and Southeastern Kazakhstan. The analysis revealed a chemical diversity in the glass composition, including elevated concentrations of certain elements and the use of manganese and copper by local glassmakers as coloring agents. The analysis also identified minor impurities, linked to the composition of the original glass batch (frit). *Results.* The outcomes of the X-ray microanalysis show numerous parallels with glass assemblages from medieval sites in Central Asia and Kazakhstan, as well as with materials from sites of the Golden Horde period located in the territory of the Russian Federation. *Conclusion.* The research is ongoing, and further investigations may substantially reshape our understanding of the cultural phenomenon of medieval glass in Kazakhstan, as well as the broader interregional interactions across the Eurasian continent.

Keywords: Archaeology, medieval period, Southern Kazakhstan, glass, glassmaking, monument, site, Tortkul, X-ray spectroscopic microanalysis

Acknowledgments. This article was prepared as part of the fundamental scientific research project of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan on the topic “Kazakhstan in ancient and medieval ages: systematization and analysis of archaeological sources”, project IRN BR20280993.

For citation: Akymbek Ye.Sh., Kembyaeva A.K. Glassmaking in medieval kazakhstan: results of x-ray spectral microanalysis of glass from South and Southeast Kazakhstan // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Vol. 12. No. 4. Pp. 1190–1201. (In Eng.).

DOI: [10.51943/2710-3994_2025_12_4_1190-1201](https://doi.org/10.51943/2710-3994_2025_12_4_1190-1201)

ОРТА ҒАСЫРЛАРДАҒЫ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ШЫНЫ ӨНДІРІСІ ТУРАЛЫ: ОҢТҮСТІК ЖӘНЕ ОҢТҮСТІК-ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАН ШЫНЫЛАРЫНЫҢ РЕНТГЕН-СПЕКТРЛІК МИКРОТАЛДАУЫНЫҢ НӘТИЖЕЛЕРІ

Ақымбек Ералы Шардарбекұлы¹, Кембаева Асем Кадырхановна²

¹Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты
(44-үй, Достық даңғ., 050000 Алматы, Қазақстан Республикасы)
PhD, жетекші ғылыми қызметкер, бөлім меңгерушісі
 <https://orcid.org/0000-0002-0603-4514>. E-mail: eraly_a@mail.ru

²Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты
(44-үй, Достық даңғ., 050000 Алматы, Қазақстан Республикасы)
Кіші ғылыми қызметкер
 <https://orcid.org/0000-0002-0155-5097>. E-mail: asem.kembaeva@mail.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2025
© Ақымбек Е.Ш., Кембаева А.К., 2025

Аңдатпа. *Kіріспе.* Ортағасырлық шыны және шыны өндірісін зерттеу Қазақстанның археология ғылымы үшін, сондай-ақ Орталық Азияның археология ғылымы үшін маңызы зор. *Мақсаты мен міндеттері.* Мақалада Оңтүстік және Оңтүстік-шығыс Қазақстандағы алты археологиялық ескерткіштен алынған сегіз шыны сынықтарына жүргізілген рентген-спектрлік микроталдау нәтижелері беріледі. Талдау шыны құрамының химиялық әртүрлілігін, оның ішінде кейбір элементтердің жоғары концентрациясын және жергілікті шыны өндірушілердің бояу ретінде марганец пен мыс қолданғанын анықтады. Сонымен қатар, талдау кезінде бастапқы шыны массасының (партиясының) құрамына байланысты аз мөлшерде қоспалар анықталды. *Нәтижелер.* Шыныларға жүргізілген рентген-спектрлік микроталдау нәтижелері Орталық Азия мен Қазақстандағы орта ғасырлардағы ескерткіштердегі шынымен, сондай-ақ Ресей Федерациясының аумағында орналасқан Алтын Орда кезеңінің ескерткіштерінің материалдарымен көптеген ұқсастықтарды көрсетеді. Зерттеулер жалғасуда және одан әрі зерттеулер ортағасырлық Қазақстандағы шыны өндірісінің орны мен құрлық шеңберіндегі өндіріс орталықтарының өзара байланысын жаңа қырынан ашуы мүмкін.

Түйін сөздер: Археология, орта ғасыр, Қазақстан, шыны, шыны өндірісі, ескерткіш, қала орны, сауда, рентген-спектрлік микроталдау

Алғыс. Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің «Ежелгі және орта ғасырлардағы Қазақстан: археологиялық деректерді жүйелеу және талдау», ЖТН BR20280993 жобасы тақырыбындағы іргелі ғылыми зерттеу шеңберінде дайындалды.

Дәйексөз үшін: Ақымбек Е.Ш., Кембаева А.К. Орта ғасырлардағы қазақстандағы шыны өндірісі туралы: Оңтүстік және Оңтүстік-шығыс Қазақстан шыныларының рентген-спектрлік микроталдауының нәтижелері // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. 1190–1201 бб. (Ағылш.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1190-1201

О СТЕКЛОДЕЛИИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ КАЗАХСТАНЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ РЕНТГЕНОСПЕКТРАЛЬНОГО МИКРОАНАЛИЗА СТЕКЛА ИЗ ЮЖНОГО И ЮГО-ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Ақымбек Ералы Шардарбекулы¹, Кембаева Асем Кадырхановна²

¹Институт археологии им. А.Х. Маргулана
(д. 44, просп. Достық, 050000 Алматы, Республика Казахстан)
PhD, ведущий научный сотрудник, руководитель отдела
 <https://orcid.org/0000-0002-0603-4514>. E-mail: eraly_a@mail.ru

²Институт археологии им. А.Х. Маргулана

(д. 44, просп. Достык, 050000 Алматы, Республика Казахстан)

Младший научный сотрудник

 <https://orcid.org/0000-0002-0155-5097>. E-mail: asem.kembaeva@mail.ru

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2025

© Акымбек Е.Ш., Кембаева А.К., 2025

Аннотация. *Введение.* Исследование средневекового стекла и стеклоделия Казахстана представляют важное значение для археологической науки Центральной Азии в целом. *Цель и задачи.* В работе представлены результаты рентгеноспектрального микроанализа восьми фрагментов стекла из шести археологических памятников Южного и Юго-Восточного Казахстана. Анализ показал химическое разнообразие состава стекла, включая повышенное содержание некоторых элементов и использование местными стеклоvarами марганца и меди в качестве красителей. Анализ также выявил незначительное содержание примесей, что обусловлено составом начальной стекломассы (шихты). *Результаты* рентгеноспектрального микроанализа средневековых стекол Казахстана демонстрируют многочисленные параллели со стеклами из средневековых памятников Средней Азии и Казахстана, а так же с материалами из памятников золотоордынского периода, расположенных на территории Российской Федерации. *Заключение.* Исследования продолжаются, и дальнейшие изыскания могут существенно изменить понимание культурного феномена стекла в рамках средневекового Казахстана, а также взаимосвязей между различными регионами евразийского континента.

Ключевые слова: Археология, Средневековье, Казахстан, стекло, стеклоделие, памятник, городище, торговля, рентгеноспектральный микроанализ

Благодарность. Статья подготовлена в рамках фундаментального научного исследования Комитета науки МНВО РК по теме «Казахстан в древности и средневековье: систематизация и анализ археологических источников», ИРН проекта BR20280993.

Для цитирования: Акымбек Е.Ш., Кембаева А.К. О стеклоделии в средневековом Казахстане: результаты рентгеноспектрального микроанализа стекла из Южного и Юго-восточного Казахстана // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. С. 1190–1201. (На Англ.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1190-1201

Introduction

Glass is originally a plastic material that can only be obtained artificially. The components of the raw mixture – the batch (vitreous mass), which is the first stage of glass production – are primarily determined by their availability and reflect the traditions and technologies characteristic of specific geographical regions. These components include sand, natural soda, plant ash, potash, and lead. The concentration of these components also determines the chemical type of the glass. Alongside ceramics and numismatics, fragments of glass and glassware represent a common category of material culture frequently found during excavations of medieval towns and settlements, and less often at nomadic sites such as barrows and burial grounds.

Before the development of techniques for producing artificial glass, people used naturally occurring glass. Most often, shapeless, opaque pieces of glassy material were used to make ornaments and amulets. In the territory of Kazakhstan, the earliest glass-like items – beads dated to the Bronze Age – were discovered during excavations of the Tau-Tary, Borovskoe 2, Bylkildak I and II, Begazy, and Atasu cemeteries, as well as at the Kamai settlement (Ageeva, 1970: 7).

Modern science identifies two main origins of glassmaking. The first is as a byproduct of pottery production. As craftsmanship improved and the pace of ceramic production increased, and as kiln design advanced for final firing, an interesting phenomenon occurred – the formation of a thin vitreous layer, or glaze, which is literally considered the progenitor of glass. Burnt fuel (ash),

combined with sand subjected to high temperatures, also led to the formation of fused “clumps” of glassy mass, which can be attributed to the earliest unintentional attempts at producing artificial glass.

The second origin of glassmaking is directly associated with metal and the development of metallurgy. During the smelting of metal ores in clay crucibles, slag was formed, which either intentionally or accidentally coated the crucible with a glaze or vitreous layer.

Items coated with ash-based or slag-based glaze had clear advantages over other products. The glaze rendered the ceramic surfaces waterproof, which naturally increased the lifespan of the vessel and created a consistent production demand.

Each of these two origins of glassmaking most likely developed in parallel. However, it is important to note that at this stage, people were constrained by the technological capabilities of their time. Although glaze and surface coatings represented a significant technical breakthrough, glassmaking as a craft was only beginning its gradual path of formation and development.

Over the centuries, the technology of producing vitreous mass, along with the methods of manufacturing glass products, spread extensively across trade and migration routes deep into Eurasia. Based on the study of the composition of glass masses and melting recipes, researchers suggest that glassmaking as a craft emerged in Central Asia as early as the 5th century CE (Abdurazakov, Bezborodov, 1966: 17). The continuity of technologies, as well as the relatively close proximity to the urban centers of Southern Kazakhstan, supports the hypothesis that glassmaking appeared in this region within the above-mentioned timeframe. However, one important clarification must be made: to date, no glassmaking workshops have been found during regular archaeological research at major medieval urban centers in Kazakhstan. Field reports and scholarly publications from the Soviet period to the present have recorded references to kilns of unusual construction uncovered at sites in southern Kazakhstan and Zhetysu. However, it was later established that these “unusual” kilns were used by craftsmen for firing ceramic ware (Patsevich, 1956: 79). The existence of glassmaking on the territory of medieval Kazakhstan is indirectly indicated by the numerous finds of glass products, semi-finished pieces, cullet (glass waste), and production rejects

During the Soviet period, the study of glass and glassmaking in medieval Kazakhstan received some scholarly attention, but was largely limited to describing morphological features such as color, thickness, and transparency. The dating of glass artifacts and fragments was based, first and foremost, on associated materials such as ceramics and coins, and secondly on parallels with better-studied medieval glass from Central Asia. The scholarly works and field reports of researchers such as E.I. Ageeva, T.N. Senigova, G.I. Patsevich, and others laid the foundation for the further, more detailed study of glass artifacts. This stage marked the beginning of the classification and typology of glass fragments and products from medieval Kazakhstan.

Later, glass fragments and objects were grouped into collections according to various aspects of their usage. Of particular importance are the collections of glass artifacts from the urban settlements of Taraz, Otrar, and Kuyruk-Tobe. Taking into account the preservation state of the items, these collections were divided into several functional categories: domestic and household, sanitary and hygienic, perfumery and pharmaceutical, chemical, as well as lamps and window glass (Baipakov, 2013: 352). This phase of medieval glass research in Kazakhstan is closely associated with the work of K.M. Baipakov, T.S. Doshchanova, T.V. Saveleva, and others.

As a result of these studies, typological characteristics of medieval Kazakhstani glass and its production techniques were identified. Numerous finds of glass artifacts in Southern Kazakhstan and Zhetysu, made using techniques such as free blowing, mold-blowing with rotation, and mold-casting, are dated to the 10th century. Scholars also noted a specific pattern: the forms and types of glass items from Kazakhstan remained largely unchanged up to the Mongol invasion and bear some resemblance to similar glass products from Central Asia (Baipakov, 1986: 163).

Since the late 18th century, the foundations for the study of ancient and medieval glass using specialized analytical methods began to take shape (Abdurazakov, Bezborodov, 1966). By the early 20th century, the number of chemical analyses conducted on ancient and medieval glass exceeded one hundred. These studies revealed that the composition of all examined glass artifacts included a series of chemical compounds—such as SiO_2 , Al_2O_3 , Fe_2O_3 , CaO , MgO , PbO , SO_3 , Na_2O , and

K₂O—which were later identified as the main glass-forming oxides, along with oxides of copper, manganese, cobalt, cuprous oxide, and tin. The quantitative content of these compounds became the basis for reconstructing the specific recipes used to produce the original glass batch. The study of artifacts in combination with the chemical properties of glass components represented a major breakthrough in archaeological research.

To date, glass and glassmaking specialists have accumulated a vast body of chemical and spectroscopic analytical results from glass samples originating in regions ranging from the Middle East, Central Asia, and China to Kievan Rus and various countries in the European part of Eurasia. Of particular importance to this work are studies conducted in Central Asia and Russia. Specifically, the research of A.A. Abdurazakov, M.A. Bezborodov, Yu.L. Shchapova, G.D. Belov, N.N. Kachalov, O.S. Rumyantseva, S.I. Valiulina, and others laid significant groundwork. These scholars based their investigations not only on the typological and morphological characteristics of glass artifacts, but also supported their findings with cross-referenced chemical, spectroscopic, and radiocarbon analyses. The primary aim of each study was to trace the origin and development of glassmaking within the local context of specific production schools and glassmaking recipes. This research direction remains highly relevant today for the archaeology of Kazakhstan and its neighboring regions.

The systematic study of medieval glass from Kazakhstan using specialized analytical methods began in 1966. Four samples of glass from the medieval site of Taraz were subjected to quantitative (wet) chemical analysis. The results of this study suggested that this location was likely a regional center for glass smelting and production in Southern Kazakhstan during the medieval period (Abdurazakov, Bezborodov, 1966: 17).

Materials and Methods

In 2009, researchers from the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology initiated a program of quantitative chemical analysis of glass samples from Southern Kazakhstan and the Semirechye (Zhetysu) region to identify characteristics of local glass production. This study continues prior research on medieval glass and glassmaking in Kazakhstan and introduces new results into academic discourse.

The study employed X-ray spectral microanalysis, which yielded reliable results characterizing the composition of the glass. The analyses covered a range of elements from boron to uranium. The margin of error for the analysis was $\pm 5\%$ in relation to the concentration of elements (n) across the range from 100 % to 0 %.

The X-ray spectral microanalysis method offers several advantages, most notably the ability for precise targeting. However, for accurate interpretation, the surface area of the glass must be clean. Otherwise, “the analysis may not detect components of the batch that did not dissolve into the glass phase during the melting process” (Sedykh, Frenkel 2012: 84), which may in turn affect the accuracy of the results. Another advantage of X-ray spectral analysis is its high sensitivity, up to 0.00001 % (10^{-5}), which exceeds that of conventional chemical analysis.

The interpretation of the obtained results is based on the chemical correlation system developed by V.A. Galibin, who conducted over 9,000 determinations of glass composition (Galibin, 2001; Egorkov, 2014: 286), and on interpretations of glass chemical analyses by A.A. Abdurazakov and M.A. Bezborodov from Central Asia (Abdurazakov, Bezborodov, 1966). Percentage comparisons were based on a conventional threshold of 1 %, with values exceeding this threshold considered intentional additives.

Eight glass fragments from six archaeological sites of medieval Kazakhstan were subjected to X-ray spectral microanalysis (Tables 1 and 2). Two samples were taken from the sites of Kuyruk-Tobe and Taraz, and one sample each from Otyrar, Kayalyk, and the Talas Valley tortkuls of Talapty and Zhargul-2.

Sample No. 1 – A fragment of the body of a thin-walled vessel made of transparent blue glass with a small number of oxygen bubbles. Found in Trench No. 1, Room No. 2 (TAE-83) during excavations at the Taraz city-site in 1983. The fragment is “clean”, with no patina or carbonate layers (Fig. 1: 1).

Sample No. 2 – A fragment of the body (possibly the lower part) of a vessel made of opaque dark brown glass with minor oxygen bubbling. The color intensity fades in places. Found in Trench No. 1, Room No. 2 (TAE-83) at the Taraz city-site in 1983. The fragment is “clean”, with no patina or carbonate deposits (Fig. 1: 2).

Sample No. 3 – A fragment of the body (possibly a lid) of a thin-walled vessel made of transparent yellow glass. Oxygen bubbles are visible in the glass, some large enough to be seen with the naked eye. The fragment is decorated with circular lines. Found at the Kuyruk-Tobe city-site in the Otyrar Oasis in 1983. The fragment is “clean”, with no patina or carbonate layers (Fig. 1: 3).

Sample No. 4 – A fragment of the body of a glass object made of opaque dark brown glass, with visible oxygen bubbles. Found at the Kuyruk-Tobe city-site in the Otyrar Oasis in 1983. The fragment is covered by a thin layer of carbonates (Fig. 1: 4).

Sample No. 5 – A rim fragment of a thin-walled vessel made of semi-transparent blue glass. Oxygen bubbles are visible. Found at the Otyrar city-site in 2012. The fragment is “clean”. with no patina or carbonates (Fig. 1: 5).

Sample No. 6 – A body fragment (possibly window glass) of a thin-walled vessel made of transparent blue glass. Oxygen bubbles are visible. Found at the Antonovka (Kayalyk) city-site in 2012. The fragment is “clean”, with no patina or carbonates (Fig. 1: 6).

Sample No. 7 – A body fragment made of opaque, thick-walled blue glass. Found at the Talapty tortkul site in 2021. The fragment is covered with a thin layer of patina (Fig. 1: 7).

Sample No. 8 – A body fragment of opaque blue glass. Found 1 at the Zhargul-2 tortkul site in 2021. The fragment is covered by a significant layer of patina (Fig. 1: 8).

Table 1. Results of X-ray spectral microanalysis (average compound content in %)
Таблица 1. Результаты рентгеноспектрального микроанализа (среднее значение соединений в %)

Archaeological Site	Sample No.	Glass Color	Results of X-ray Spectral Microanalysis (Average Compound Content in %)												
			Na ₂ O	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	P ₂ O ₅	SO ₃	Cl	K ₂ O	CaO	MnO	FeO	TiO ₂	CuO
Taraz (TAE-83)	1	Transparent blue	12,64	3,82	3,56	64,05	0,44	0,38	0,39	4,93	8,27	0,43	1,08	-	-
Taraz (TAE-83)	2	Opaque dark brown	12,68	3,36	3,95	63,94	0,26	0,35	0,41	4,52	8,85	0,27	1,26	-	-
Kuyruk-Tobe (K-R-T-83)	3	Transparent yellow	11,80	4,26	6,13	60,13	0,34	0,49	0,52	3,82	9,07	1,34	1,71	-	-
Kuyruk-Tobe (K-R-T-83)	4	Opaque dark brown	14,00	3,98	5,79	60,47	0,32	0,59	0,78	3,13	9,08	0,16	1,49	-	-
Otyrar (OT-2012)	5	Semi-transparent blue	12,89	3,44	4,33	63,06	0,40	0,58	0,27	5,20	6,99	-	1,10	0,27	1,47
Antonovka (Kayalyk-2007)	6	Transparent blue	8,10	3,85	5,78	65,00	0,63	0,33	0,52	6,93	7,69	0,03	0,81	0,33	-
Talapty (2021)	7	Blue glass	8,36	5,87	10,83	61,62	0,99	1,29	2,08	4,47	3,38	-	1,10	-	-

Zhargul-2 (2021)	8	Opaque blue	1,9 2	5,0 1	8,12	49, 54	0,8 6	1,2 2	0,9 3	4,8 4	22, 92	0,2 9	3,9 7	0,3 7	-

Table 2. Results of X-ray spectral microanalysis (average element content in %)

Таблица 2. Результаты рентгеноспектрального микроанализа (среднее значение компонентов в %)

Archaeological Site	Sample No.	Glass Color	Results of X-ray Spectral Microanalysis (Average Compound Content in %)													
			O	Na	Mg	Al	Si	P	S	Cl	K	Ca	Mn	Fe	Ti	Cu
Taraz (TAE-83)	1	Transparent blue	43,95	9,45	2,32	1,91	30,28	0,20	0,16	0,40	8,27	4,15	0,34	0,85	-	-
Taraz (TAE-83)	2	Opaque dark brown	44,58	9,41	2,03	2,09	29,88	0,11	0,14	0,41	3,76	6,33	0,21	0,96	0,09	-
Kuyruk-Tobe (K-R-T-83)	3	Transparent yellow	43,16	8,86	2,61	3,30	28,66	0,15	0,20	0,54	3,24	6,63	1,06	1,36	0,23	-
Kuyruk-Tobe (K-R-T-83)	4	Opaque dark brown	45,73	10,21	2,35	2,98	27,46	0,14	0,23	0,75	2,51	6,29	0,12	1,12	0,11	-
Otyrar (OT-2012)	5	Semi-transparent blue	44,71	9,52	2,06	2,28	29,32	0,18	0,23	0,26	4,29	4,97	-	0,85	0,16	1,17
Antonovka (Kayalyk-2007)	6	Transparent blue	50,64	5,61	2,13	2,78	27,34	0,24	0,12	0,45	5,08	4,85	0,02	0,56	0,18	-
Talapy (2021)	7	Blue glass	65,42	4,57	2,43	3,76	17,98	0,24	0,29	1,18	2,18	1,42	-	0,53	-	-
Zhargul-2 (2021)	8	Opaque blue	51,79	1,25	2,62	3,67	19,46	0,30	0,40	0,76	3,32	13,50	0,19	2,57	-	-

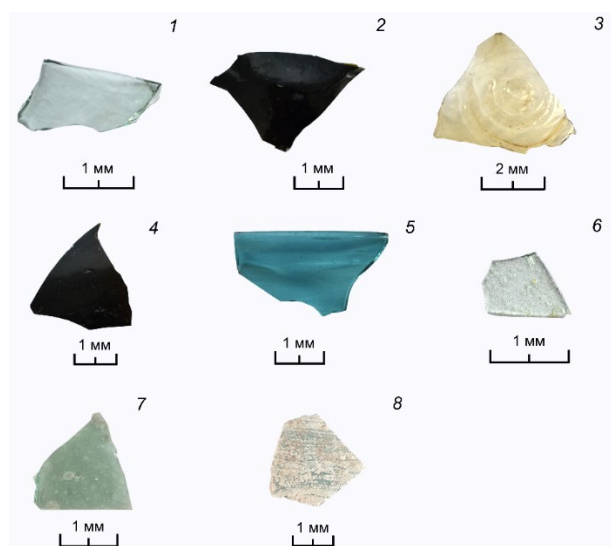

Figure 1. Glass fragments selected for X-ray spectral analysis: 1 – Glass fragment. Taraz city-site, 1983;

2 – Glass fragment. Taraz city-site, 1983; 3 – Glass fragment. Kuyruk-Tobe city-site, 1983; 4 – Glass fragment. Kuyruk-Tobe city-site, 1983; 5 – Glass fragment. Otyrar city-site, 2012; 6 – Glass fragment. Kayalyk (Antonovka) city-site, 2007; 7 – Glass fragment. Talapy Tortkul, 2021; 8 – Glass fragment. Zhargul-2 Tortkul, 2021

Рис 1. Фрагменты стекол, отобранные для рентгеноспектрального анализа: 1 – Фрагмент стекла. Городище Тараз. 1983 год; 2 – Фрагмент стекла. Городище Тараз. 1983 год; 3 – Фрагмент стекла. Городище Куйрук-тобе. 1983 год; 4 – Фрагмент стекла. Городище Куйрук-тобе. 1983 год; 5 – Фрагмент стекла. Городище Отырар. 2012 год; 6 – Фрагмент стекла. Городище Каялык (Антоновка). 2007 год; 7 – Фрагмент стекла. Торткуль Талапты. 2021 год; 8 – Фрагмент стекла. Торткуль Жаргуль-2. 2021 год

Discussion

According to V.A. Galibin, the chemical process that leads to the formation of glass mass is based on the reaction between silica and the carbonates of alkali and alkaline earth metals. The chemical composition of any glass object typically includes three fundamental groups of elements, each contributing to specific functions in glass formation: glass formers, colorants/decolorants/opacifiers, and additives/impurities.

The *glass-forming* elements include silicon, sodium, aluminum, potassium, calcium, magnesium, lead, barium, and boron. The glass samples selected for this study contain almost all of these elements, with the exception of boron, barium, and lead. Nearly all fragments exhibit high concentrations of silicon and sodium compounds, which corresponds to the raw batch composition characteristic of the “Eastern” glassmaking school (sand + plant ash). The concentration of these compounds reflects the specific chemical makeup of the raw materials –namely, the sand and the plant ash used.

The situation with aluminum and its oxide is more complex. While many researchers consider aluminum a glass-forming element, Galibin—one of the pioneers in using chemical composition of glass as an archaeological source—suggests that aluminum may have entered the glass mass unintentionally. During the initial melting phase in ceramic crucibles, the clay could have reacted with the batch materials. Since clay minerals are aluminosilicates, they may have “contaminated” the mixture with aluminum (Galibin, 2001: 48). At the same time, aluminum could have also been present in the plant ash or sand. The presence of aluminum in glass has long raised questions regarding its origin. In the analyzed samples, aluminum concentrations range from 1.91 % to 3.67 %, with the highest value (3.76 %) found in the sample from the Talapty tortkul (2021).

The concentration of the primary glass-forming compound—silicon dioxide (SiO_2) – in the analyzed samples ranges from 17.98 % to 30.28 %, which is determined by the composition of the sand used in the glass batch. The lowest silica concentration was recorded in the sample from the Zhargul tortkul site (2021).

Phosphorus, sulfur, and chlorine—whether in combination with each other or with other elements may have acted as *colorants*, *decolorants*, *clarifiers*, or *opacifiers*. These elements can influence properties such as color, transparency, or saturation of the glass, or they may simply be unintentional impurities. Therefore, the interpretation of their presence in the samples should be based not only on the fact of their inclusion, but primarily on their chemical behavior. The phosphorus content in the samples does not exceed 1 %. Since phosphorus is a component of plants, its presence further supports the sand-and-plant-ash composition of the batch. During glass melting, most phosphorus volatilizes under high temperatures, but as part of the initial batch, it may remain in trace concentrations.

Iron and its oxide play a different role. Iron tends to impart a greenish hue to glass. To neutralize this coloring effect, decolorants were intentionally added to the batch. For example, in the sample from the Kuyruk-tobe settlement, iron is present at 1.36 %, while the manganese content exceeds 1 %. In this case, manganese oxide likely acted as a decolorizing agent, giving the glass a yellow tint.

In the medieval period, the color of glass primarily depended on the presence and chemical properties of the glass-forming components. In the sample from Otyrar city-site, the copper content exceeds 1 %, while manganese oxide is absent. Given the levels of silicon and sodium in this specimen, it can also be classified as a sand-and-plant-ash glass. Since cobalt is not present in the composition, it is safe to conclude that copper acted as the main colorant, imparting a rich blue color to the glass.

Overall, based on the presence of coloring agents, the analyzed samples can be divided into two groups. The first includes samples from the sites of Taraz, Kuyruk-tobe, Kayalyk, and the tortkuls of Talapty and Zhargul-2, whose glass is colored with manganese. The second group includes the sample from Otyrar, which was colored using copper oxide.

Results

The results of the X-ray spectroscopic microanalysis reveal a relatively homogeneous pattern. All samples are classified as sodium–plant ash alkali glasses of the Na_2O – K_2O – CaO – MgO – Al_2O_3 – SiO_2 type (Valiulina, 2013: 26). The relative content of magnesium oxide indicates that dolomites were the primary source of alkaline earth materials in the glass batch.

An exception is the blue glass fragment from the Zhargul-2 tortkul site, which shows a minimal Na_2O concentration (1.92 %). Given the elevated calcium content, the alkaline earth source in this batch was likely dolomitic limestone. A close analogy to this sample can be found in the rim fragment of a light green vessel from the Samosdelka settlement, which was made of K–Ca–Si glass. According to widely recognized chemical classifications and subtypes, the Zhargul-2 sample corresponds to Western European glassmaking traditions (Valiulina, Zilivinskaya, 2010: 71).

The relative concentrations of elements that do not exceed the conventional threshold of 1 %—such as phosphorus, titanium, and chlorine—indicate their initial presence in the glass batch and classify them as unintentional impurities. The presence of these impurities in the glass compositions directly suggests that medieval glassmakers may have used locally available raw materials in the production process—such as quartz sand naturally containing titanium oxides and elevated levels of alumina, as well as plant ash, which “contaminated” the batch with trace amounts of phosphorus and chlorine. No detectable levels of cobalt, antimony, or lead were found in the analyzed samples.

As previously noted, a significant body of analytical data on ancient and medieval glass has now been accumulated by researchers across nearly the entire continent. Each of these studies has enabled the identification of chemical types of glass and the recipes (or technological traditions) used by ancient artisans.

The most widespread chemical type of ancient glass is soda glass, which is characteristic of Egyptian and Phoenician production schools (Galibin 1983: 98). This type is distinguished by a high Na_2O content and a low K_2O concentration (up to 1–1.5 %) (Rumyantseva, 2015: 22). Soda glass produced according to the Phoenician or Egyptian recipes was widely used during the Roman and Early Byzantine periods (Yegorykov, Plokhov 2019: 93), although this recipe continued to be used in some regions during the medieval era. According to V.A. Galibin, Chinese glass up until the early 3rd century CE is characterized by a high barium content, while medieval Chinese glass often contains lead.

The results of the X-ray spectroscopic microanalysis conducted by the authors clearly show that the analyzed samples do not correspond to soda glass types, nor to traditions where lead was employed as a primary glass-forming component. The compositions of the medieval Kazakhstani samples most closely align with those from Central Asia.

During the medieval period, glassmaking workshops in Central Asia followed the so-called “Eastern” glassmaking tradition, which utilized a mixture of sand and unrefined plant ash as the primary glass-forming raw materials. The availability of certain ingredients for the glass batch not only reflects the production school and the chemical types and subtypes of the glass but also highlights regional variations in the composition of the batch materials themselves.

Table 3 presents the results of quantitative chemical analyses of glass samples from major urban centers in Central Asia dating from the 8th to the 13th centuries. In the mid-20th century, quantitative (wet) chemical analysis was considered the most accurate method for determining the concentrations of various compounds and elements in glass compositions. The compositional parallels revealed between glasses analyzed by both methods may raise some questions; however, comparisons remain valid due to the fact that average values of compounds and elements tend to exhibit only minimal deviations.

Table 3. Average chemical composition of medieval glasses by historical-geographical regions (Based on the correlation of wet chemical analysis by A.A. Abdurazakov and M.A. Bezborodov, and the X-ray spectral analysis by the authors)

Таблица 3. Средние значения химических составов средневековых стекол по историко-географическим областям (количественный химический анализ согласно корреляции Абдурзакова А.А. и Безбородова М.А. и рентгеноспектрального анализ авторов)

	Results of quantitative (wet) chemical analysis (Average values in %)				Results of X-ray spectral analysis (Average values in %)	
Oxides	Southern Tajikistan	Bukhara Oasis	Ferghana	Khorezm	Otyrar Oasis	Talas Valley
Oxides						
Na₂O	14.89	18.25	18.02	16.79	13.02	9.08
MgO	4.85	5.64	4.74	4.84	4.0	4.01
Al₂O₃	1.48	4.75	4.20	1.95	5.30	7.01
SiO₂	67.47	59.22	63.50	68.44	60.37	63.94
K₂O	2.42	4.41	2.35	12.85	4.02	4.52
CaO	7.52	8.18	6.73	6.78	7.02	7.5
SO₃	0.06	0.39	-	0.17	0.58	1.05
TiO₂	-	0.08	0.14	-	0.27	0.37

Conclusion

Preliminary results based on the X-ray spectroscopic microanalysis of eight glass samples suggest that medieval glass production in Kazakhstan was comparable to that of the major urban centers of Central Asia. The proportion of the primary glass-forming component, SiO₂, is generally similar across the samples, with only slight variations in concentration. This indicates a comparable glassmaking recipe while also reflecting chemical differences in the sand used as a raw material.

The Na₂O content is comparable to that found in glass from southern Tajikistan, particularly from Panjakent, as well as to the average values observed in the samples from the Kuyruk-Tobe and Otyrar city-sites. However, the sodium oxide concentration is higher than that of samples from the Talas Valley archaeological sites.

The analyzed samples also exhibit an elevated alumina (Al₂O₃) content in comparison with glass samples from Central Asia. The difference in Al₂O₃ levels exceeds 1 %, suggesting the possible existence of a local glassmaking industry that utilized raw materials with a higher alumina content.

The K₂O content in glasses from the Otyrar Oasis and Talas Valley sites ranges between 4.0–4.6 %, aligning with the average potassium oxide concentration observed in glass from the Bukhara Oasis and exceeding that of glasses from Tajikistan, Ferghana, and Khwarezm.

An elevated SiO₂ content was recorded in the sample from the Kayalyk city-site. Notably, this result contrasts with the data from the quantitative chemical analysis conducted in 2009, which showed SiO₂ levels in two Kayalyk samples not exceeding 55 % (Doszhanova 2009: 166). X-ray spectral microanalysis, which in some respects surpasses traditional wet chemical analysis, has not revealed such critical discrepancies when compared with similar analyses of glass from Central Asian sites. Therefore, it would be reasonable to conduct additional research on the Kayalyk glass to obtain more accurate conclusions.

In the context of the 21st century, given the continuous and dynamic development of analytical technologies, it is essential to incorporate results from cross-method analyses—such as spectral, spectroscopic, X-ray structural, and chemical durability tests—into research. However, according to early researchers of glass artifacts, each analytical method solves a number of specific issues while failing to address others. Yulia L. Shchapova, a pioneer in the study of ancient and medieval glasses of Central Eurasia, noted that “... despite the high value and potential of technical methods in the study of the history of glass, the successes achieved thus far should be considered more practical and local than general and theoretical...” (Shchapova 1977: 95). According to Shchapova, the primary task in glass research is to identify the technological features and glassmaking principles of particular production schools. It would be erroneous to localize any given fragment to a single workshop, considering the advanced level of trade from antiquity to the late Middle Ages and the high likelihood

that glass found at one archaeological site may have been produced in a completely different region. Moreover, there are known cases where raw glass or cullet was transported from one geographic area to another due to its advantages over local glass materials. Nevertheless, the identification of specific glassmaking principles and recipes using specialized analyses, including X-ray spectral techniques, may serve as a reliable basis for determining the place of manufacture, taking into account the chemical properties of the batch components.

The presence of specific components in the composition of glass samples, based on the results of analyses of medieval glass artifacts from sites in southern and southeastern Kazakhstan, makes it possible not only to distinguish them from Central Asian glass but also to date them to the 12th–13th centuries. This conclusion is supported by the absence in the glass composition of several key ingredients: natural soda, which was a primary component of glass in the ancient period; antimony, used as a decolorizing agent until the 4th century CE; and lead, commonly used as a primary glass-forming agent. Moreover, the manufacturing methods also support this chronological framework. Most of the analyzed samples—except for the fragment from the Talapty tortkul—are thin-walled and contain a noticeable number of air bubbles, indicating the use of a glassblowing pipe in their production. The dating of the analyzed samples is based on typological parallels with artifacts from Central Asia and Golden Horde period sites in Russia and will require further refinement.

The preliminary results of this study of medieval glass artifacts suggest that there were at least two distinct glassmaking schools on the territory of Kazakhstan during the medieval period—one at the Taraz settlement and another at the Otrar settlement—each employing similar glassmaking recipes but using different raw material combinations in the batch formulation.

References

- Abdurazakov, Bezborodov, 1966 — *Abdurazakov A.A., Bezborodov M.A.* Srednevekovie stekla Srednei Azii (opit himicheskoi karakteristiki) [Medieval glasses of Central Asia (chemical characterization experience)]. Tashkent, 1966. 186 p. (In Russ.).
- Ageeva, 1970 — *Ageeva E.I.* Po sledam drevnih kultur Kazakhstana [In the footsteps of ancient cultures of Kazakhstan]. Alma-Ata, 1970. Pp. 7–21. (In Russ.).
- Baipakov, 1986 — *Baipakov K.M.* Srednevekovaya gorodskaya kultura Uzhnogo Kazakhstana i Semirechya (VI – nach XIII v.) [Medieval urban culture of Southern Kazakhstan and Semirechye (VIth – early XIIIth century)]. Alma-Ata, 1986. 255 p. (In Russ.).
- Baipakov, 2013 — *Baipakov K.M.* Drevnyaya i srednevekovaya urbanizatsiya Kazakhstana (po materialam issledovaniya Uzhnokazhastanskoi kompleksnoi arheologicheskoi ekspeditsii) [Ancient and medieval urbanization of Kazakhstan (based on materials from the study of the South Kazakhstan complex archaeological expedition)]. Almaty, 2013. 514 p. (In Russ.).
- Valiulina, 2013 — *Valiulina S.I.* Steklyannie izdeliya Torezkogo poseleniya ([Glass products of the Toretskoye settlement] / Uchenie zapiski Kazanskogo Gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of Kazan State University]. Kazan, 2013. Pp. 20–29. (In Russ.).
- Valiulina, Zilivinskaya, 2010 — *Valiulina S.I., Zilivinskaya E.D.* Steklyannie izdeliya Samosdelskogo gorodisha [Glass products from the Samosdelskoye settlement] / Uchenie zapiski Kazanskogo Gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of Kazan State University]. Kazan, 2010. Pp. 63–76. (In Russ.).
- Galibin, 1983 — *Galibin V.A.* Sostav stekla iz pamyatnikov Krasnoyarskogo kraia [Composition of glass from monuments of Krasnoyarsk region] / Drevnie kultury evraziiskih stepei (po materialam arheologicheskikh rabot na novostroikah) [Ancient cultures of the Eurasian Steppes (based on the materials of archaeological work on the new building)]. Leningrad, 1983. Pp. 98–100. (In Russ.).
- Galibin, 2001 — *Galibin V.A.* Sostav stekla kak arheologicheskii istochnik [The composition of glass as an archaeological source]. Trudi IIMK RAN. Saint Petersburg, 2001. Vol. IV. 216 p. (In Russ.).
- Doshanova, 2009 — *Doshanova T.S.* Sravnitel'nyi analiz himicheskogo sostava uzhnokazhastanskikh, semirechenskikh i sredneaziatskikh stekel [Comparative analysis of the chemical composition of South Kazakhstan, Semirechye and Central Asian glasses] / In Izvestia NAN RK, 2009. No. 1. Pp. 165–167. (In Russ.).
- Egorkov, 2014 — *Egorkov A.N.* Spektral'nyi analiz arheologicheskogo materiala v IIMK RAN [Spectral analysis of archaeological material in the IIMCRAS]. Saint Petersburg, 2014. Pp. 280–291. (In Russ.).
- Egorkov, Plohov, 2019 — *Egorkov A.N., Plohov A.V.* Himicheskii sostav rannesrednevekovykh izdekii Rurikova gorodisha [Chemical composition of early medieval glassware from Rurik's settlement]. Saint Petersburg, 2019. Pp. 91–98. (In Russ.).
- Pacevich, 1956 — *Pacevich G.I.* Rsskopki na territorii drevnego goroda Taraz v 1940 godu [Excavations on the territory of the ancient city of Taraz in 1940]. Alma-Ata, 1956. Pp. 73–86. (In Russ.).

Rumyanceva, 2015 — Rumyanceva, O.S. Steklo 1 tis.n.e.: proishojdenie i rasprostronenie po dannim himicheskogo sostava i izotopnogo analiza [Glass of the 1st millennium AD: origin and distribution according to chemical composition and isotopic analysis]. *Kratkie soobsheniya IA RAN*, 2015. No. 237. Pp. 20–49. (In Russ.).

Sedih, Frenkel, 2012 — *Sedih V.N., Frenkel Ya.V.* Rezultati arheometricheskikh analizov steklyannih izdelii XII–XIII vv. Iz raskopok Temerevo [Results of archaeometric analyses of glass items from the 12th–13th centuries from the excavations of Timerevo]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2012. Pp. 77–104. (In Russ.).

Shapova, 1977 — Shapova Y.L. O himicheskom sostave drevnego stekla [About the chemical composition of ancient glass]. In *Sovetskaya arheologia*, 1977. Pp. 95–106. (In Russ.).

Литература

Абдуразаков и др. 1966 — *Абдуразаков А.А., Безбородов М.А.* Средневековые стёкла Средней Азии (опыт химической характеристики). Ташкент, 1966. 186 с.

Агеева, 1970 — Агеева Е.И. Средневековое стекло из Тараза. По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 7–21.

Байпаков, 1986 — *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI–начало XIII в.). Алма-Ата, 1986. 255 с.

Байпаков, 2013 — *Байпаков К.М.* Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследования Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Книга II. Алматы, 2013. 514 с.

Валиулина, 2013 — *Валиулина С.И.* Стекланные изделия Торевского поселения. Ученые записки Казанского Государственного университета. Т. 155. Кн. 3. Ч. 1. С. 20–29.

Валиулина, Зиливинская, 2010 — *Валиулина С.И., Зиливинская Э.Д.* Стекланные изделия Самосдельского городища. Ученые записки Казанского Государственного университета, 2010. Т. 152. Кн. 3. Ч. 1. С. 63–76.

Галибин, 1983 — *Галибин В.А.* Состав стекла из памятников Красноярского края (V в. до н.э. – I в. н.э.). Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках). Ленинград, 1983. С. 98–100.

Галибин, 2001 — *Галибин В.А.* Состав стекла как археологический источник. Труды ИИМК РАН. Том IV. Санкт Петербург, 2001. 216 с.

Доцанова, 2009 — *Доцанова Т.С.* Сравнительный анализ химического состава южно-казахстанских, семиреченских и среднеазиатских стекол. Известия НАН РК 1, 2009. С. 165–167.

Егорьков, 2014 — *Егорьков А.Н.* Спектральный анализ археологического материала в ИИМК РАН. СПб., 2014. С. 280–291.

Егорьков, Плохов, 2019 — *Егорьков А.Н., Плохов А.В.* Химический состав раннесредневековых стекланных изделий Рюрикова городища. Санкт-Петербург, 2019. С. 91–98.

Пацевич, 1956 — *Пацевич Г.И.* Раскопки на территории древнего города Тараза в 1940 году. Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, 1956. Т. 1. С. 73–86.

Румянцева, 2015 — *Румянцева О.С.* Стекло I тыс. н.э.: происхождение и распространение по данным химического состава и изотопного анализа. Краткие сообщения ИА РАН, 2015. № 237. С. 20–49.

Седых, Френкель, 2012 — *Седых В.Н., Френкель Я.В.* Результаты археометрических анализов стекланных изделий XII–XIII вв. из раскопок Тимерево. Вестник Санкт-Петербургского университета, 2012. Серия 2. Вып. 4. С. 77–104.

Щапова, 1977 — *Щапова Ю.Л.* О химическом составе древнего стекла. Советская археология, 1977. № 3. С. 95–106.

ЭТНОЛОГИЯ/АНТРОПОЛОГИЯ / ETHNOLOGY/ANTHROPOLOGY

Published in the Republic of Kazakhstan
Asian Journal “Steppe Panorama”
Has been issued as a journal since 2014
ISSN 2710-3994.
Vol. 12. Is. 4, pp. 1202-1220, 2025
Journal homepage: <https://ajspiie.com>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.61.00; 13.51.01
https://doi.org/10.51943/2710-3994_2025_12_4_1202-1220

REGIONAL SPECIFICS OF SAFEGUARDING THE INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE “KNOWLEDGE AND CUSTOMS RELATED TO NATURE AND THE UNIVERSE” IN THE ABAI REGION

Beysegulova Ainur¹, Ashimova Saltanat^{2*}, Kartaeva Tattigul³

¹Al-Farabi Kazakh National University
(71, al-Farabi Ave., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
PhD
 <https://orcid.org/0000-0002-1470-1751>. E-mail: beysegulovaak@gmail.com

²Cultures under the auspices of UNESCO
(94, Kabanbai Batyr Str., 050000 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Deputy Director for the International Centre for the Rapprochement
 <https://orcid.org/0000-0003-3493-9457>. E-mail: salta-03.04@mail.ru

*Corresponding author

³Al-Farabi Kazakh National University
(71, al-Farabi Ave., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences, Professor
 <https://orcid.org/0000-0001-6180-4107>. E-mail: kartaeva07@mail.ru

© Ch.Ch. Valikhanov IHE, 2025

© Beysegulova A., Ashimova S., Kartaeva T., 2025

Abstract. Introduction. The Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage (hereinafter ICH) was ratified by the Republic of Kazakhstan in 2011. In accordance with the UNESCO Convention, a National List of the ICH of the Republic of Kazakhstan was established in 2013, and subsequently updated and expanded in 2024. Documenting ICH across the entire territory of a specific region holds significant scientific and practical value. The monitoring and preservation of ICH in the Abai Region has been carried out in alignment with the National ICH List of the Republic of Kazakhstan. Kazakhstan’s historical and cultural heritage has been preserved in the sacred complex of Konyr Aulie, medieval stone cemeteries and tombstones, and monuments of ancient stone-carving art. The culture of Kazakh pilgrimage is closely tied to folk knowledge, which reflects the interconnectedness with nature and the veneration of saints. *Goals and objectives* of the study were to conduct a comprehensive field investigation in the domains of ethnozoology and ethnoecology in the city of Semey and in the villages of Karaul, Kaskabulak, and Sarzhal of the Abai District, Abai Region, in accordance with the ICH category “Knowledge and Customs Related to Nature and the Universe”. The expedition-based field research employed a range of methods to ensure the representativeness of ethnographic materials: interviews using a questionnaire focused on surviving elements of archaic culture and traditional beliefs in the region; the collection, systematization, and academic processing of data reflecting the characteristics of material and

spiritual culture. *Results.* The field research included the documentation of ethnographic heritage reflecting the preservation specifics of ICH elements listed in the National Registry of the Republic of Kazakhstan within the Abai Region. *Conclusions.* Within the ICH category “Knowledge and Customs Related to Nature and the Universe”, the regional features of the Abai Region are reflected in the body of folk knowledge on wildlife and traditional hunting practices. Ancient methods of hunting bears and wolves were recorded, as well as the continued use of traditional trap-making techniques. In the village of Sarzhal, alongside unique local practices of tethering mares, fermenting kumis (horse milk), and smoking kumis with tobolgy wood, the development of the “Sarzhal Kumis” brand was analyzed. Wells at previously unstudied ancient settlements in the Abai District were documented, and the traditional stone masonry technique used in the construction of well walls was examined. For the first time, the construction of stone corrals was studied as a result of indigenous knowledge regarding the traditional organization of livestock farming.

Keywords: Folk knowledge, environmental use, ethnozoology, Sarzhal kumis, stone corral

Acknowledgments. The article was written according to a target project: “BR28713619 – Interdisciplinary research and replenishment of paleontology, zoology, archaeology, archeography collections with new materials (based on the “Gylym Ordasy” museums)”.

For citation: Beysegulova A., Ashimova S., Kartaeva T. Regional Specifics of Safeguarding the Intangible Cultural Heritage “Knowledge and Customs Related to Nature and the Universe” in the Abai Region // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Vol. 12. No. 4. Pp. 1202–1220. (In Kaz.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1202-1220

МАТЕРИАЛДЫҚ ЕМЕС МӘДЕНИЕТ МҰРАНЫҢ «ТАБИҒАТ ПЕН ДҮНИЕГЕ ҚАТЫСТЫ БІЛІМДЕР МЕН ӘДЕТ-ҒҰРЫПТАР» ТИПІН САҚТАУДЫҢ АБАЙ ОБЛЫСЫ БОЙЫНША АЙМАҚТЫҚ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Бейсегулова Айнуір¹, Әшімова Салтанат^{2*}, Картаева Тәттігүл³

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеті
(71-үй, Әл-Фараби даңғ., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
PhD

 <https://orcid.org/0000-0002-1470-1751>. E-mail: beysegulovaak@gmail.com

²ЮНЕСКО қамқорлығындағы Мәдениеттерді жақындастыру орталығы
(94-үй, Қабанбай батыр көш., 050000 Алматы, Қазақстан Республикасы)
Директорының орынбасары

 <https://orcid.org/0000-0003-3493-9457>. E-mail: salta-03.04@mail.ru

*Автор-корреспондент

³Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеті
(71-үй, Әл-Фараби даңғ., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының кандидаты, профессор

 <https://orcid.org/0000-0001-6180-4107>. E-mail: kartaeva07@mail.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2025

© Бейсегулова А., Ашимова С., Картаева Т., 2025

Аңдатпа. *Kipicne.* ЮНЕСКО-ның Материалдық емес мәдениет мұрасын (МЕММ) қорғау Конвенциясын ҚР 2011 жылы ратификациялаған. ЮНЕСКО Конвенциясына сәйкес 2013 жылы ҚР МЕММ Ұлттық тізімі жасалып, ол 2024 жылы қайта толықтырылып жаңартылды. МЕММ жекеленген аймақ бойына тіркеудің ғылыми-практикалық маңызы зор. Абай облысы бойынша МЕММ-ның сақталуын тіркеу ҚР МЕММ Ұлттық тізіміне сәйкес жүргізілді. Қазақстанның киелі нысаны Қоңыр әулие кешенінде сақталған ортағасырлық

жерлеу орындарындағы тас зираттар, құлпытастар байырғы тас қашау өнері ескерткіштерін қамтитын тарихи-мәдени мұра. Қазақтардың зиярат ету мәдениеті табиғатпен етене өмір сүрудегі халықтық білімімен және әулиелік культпен астасып жатыр. *Зерттеудің мақсаты және міндеттері* – МЕММ «табиғат пен дүниеге қатысты білімдер мен әдет-ғұрыптар» санатына сай этнозоология, этноэкология бағытында Абай облысы Семей қаласында, Абай ауданы Қарауыл, Қасқабұлақ, Саржал ауылдарында кешенді далалық зерттеу жүргізу. Экспедициялық далалық зерттеулер кезінде этнографиялық материалдардың репрезентативтілігін қамтамасыз ететін әртүрлі әдістер қолданылды: аймақта сақталып қалған архаикалық мәдениет сарқыншақтары, дәстүрлі наным-сенімдерге қатысты сауалнамалық сұрақтар бойынша сұхбаттасу; материалдық және рухани мәдениеттің ерекшеліктерін айғақтайтын деректерді жинау, жүйелеу, ғылыми өңдеу. *Нәтижелер.* Далалық зерттеу барысында ҚР Ұлттық тізіміне енген МЕММ Абай облысында сақталу ерекшелігін айғақтайтын этнографиялық мұралар құжатталды. *Қорытынды.* МЕММ «табиғат пен дүниеге қатысты білімдер мен әдет-ғұрыптар» санатында Абай облысындағы аймақтық ерекшеліктер дәстүрлі аңшылықта жабайы табиғатқа қатысты халықтық білімдер жүйесінен көрінеді, аю, қасқыр аулаудың көне әдістері тіркелді, дәстүрлі аңшылықтағы тұзақ құру әдісінің сақталуы құжатталды. Саржал ауылында жергілікті халықтың бие байлау, қымыз ашыту, қымызды тобылғымен ыстау әдісінің ерекшелігімен қатар, «Саржал қымызы» брендтік атауының қалыптасуы айғақталды. Абай ауданынан бұрын зерттелмеген байырғы мерзімдік қоныстардағы құдықтар құжатталып, құдық қабырғасына тас шегендеудің әдісі зерттелді. Тас қора тұрғызу мал шаруашылығын дәстүрлі ұйымдастырудағы халықтық білімнің нәтижесі ретінде алғаш рет зерттелді.

Түйін сөздер: Халықтық білім, табиғатты игеру, этнозоология, Саржал қымызы, тас қора

Алғыс. Мақала «BR28713619 – Палеонтология, зоология, археология, археография қор жинақтарын пәнаралық зерттеу және жаңа материалдармен толықтыру («Ғылым ордасы» музейлері негізінде)» атты мақсатты жоба аясында жазылды.

Дәйексөз үшін: Бейсегулова А., Ашимова С., Картаева Т. Материалдық емес мәдениет мұранының «табиғат пен дүниеге қатысты білімдер мен әдет-ғұрыптар» типін сақтаудың Абай облысы бойынша аймақтық ерекшеліктері // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. 1202–1220 бб. (Қазақш.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1202-1220

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ ВИДА НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ «ЗНАНИЯ И ОБЫЧАИ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИРОДОЙ И ВСЕЛЕННОЙ» В АБАЙСКОМ ОБЛАСТИ

Бейсегулова Айнур¹, Ашимова Салтанат^{2*}, Картаева Тамтигул³

¹Казахский Национальный университет им. аль-Фараби
(д. 71, просп. аль-Фараби, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
PhD

 <https://orcid.org/0000-0002-1470-1751>. E-mail: beysegulovaak@gmail.com

²Заместитель директора Центра сближение культур под эгидой ЮНЕСКО
(д. 94, ул. Кабанбай батыра, 050000 Алматы, Республика Казахстан)

 <https://orcid.org/0000-0003-3493-9457>. E-mail: salta-03.04@mail.ru

*Автор-корреспондент

³Казахский Национальный университет им. аль-Фараби
(д. 71, просп. аль-Фараби, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
Кандидат исторических наук, профессор

 <https://orcid.org/0000-0001-6180-4107>. E-mail: kartaeva07@mail.ru

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2025

© Бейсегулова А., Ашимова С., Картаева Т., 2025

Аннотация. *Введение.* Конвенция ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия (далее НКН) была ратифицирована Республикой Казахстан в 2011 году. В соответствии с Конвенцией ЮНЕСКО в 2013 году был создан Национальный список НКН РК, который был дополнен и актуализирован в 2024 году. Учет НКН на всей территории отдельного региона имеет важное научное и практическое значение. Учет сохранения НКН в Абайском районе осуществлялся в соответствии с Национальным списком НКН РК. Историко-культурное наследие Казахстана сохранившиеся в сакральном комплексе Коныраулие, каменные кладбища и надгробные камни средневековых могильниках, памятники древнего камнерезного искусства. Культура паломничества казахов неразрывно связана с народными знаниями взаимосвязанные с природой и культом святых. *Цель и задачи исследования* – проведение комплексного полевого исследования по направлению этнозоология и этноэкология в городе Семей, и в селах Караул, Каскабулак, Саржал Абайского района Абайской области в соответствии с категорией НКН «Знания и обычаи, связанные с природой и вселенной». В ходе экспедиционного полевого исследования использовались различные методы, обеспечивающие репрезентативность этнографических материалов: интервьюирование по вопросам анкеты, связанным с сохранившимися в регионе остатками архаичной культуры, традиционными верованиями; сбор, систематизация и научная обработка данных, свидетельствующих об особенностях материальной и духовной культуры. *Результаты.* В ходе полевого исследования проводилось документирование этнографического наследия, свидетельствующее об особенностях сохранности НКН, включенных в Национальный список Республики Казахстан, в Абайском области. *Выводы.* В категории НКН «Знания и обычаи, связанные с природой и вселенной» региональные особенности Абайского области отражены в системе народных знаний о дикой природе в традиционной охоте. Зафиксированы древние способы охоты на медведя и волка, а также зафиксировано сохранение метода создания ловушек в традиционной охоте. В ауле Саржал, наряду с особенностями местных способов привязывания кобыл, ферментации кумыса и копчения кумыса с тоболгы, проанализировано формирование бренда «Кумыс Саржала». Задokumentированы колодцы на ранее не изученных древних поселениях Абайского района, изучен способ каменной кладки стен колодцев. Строительство каменных загонов впервые было изучено как результат народных знаний по традиционной организации животноводства.

Ключевые слова: Народное знание, природопользование, этнозоология, кумыс Саржала, каменный загон

Благодарность. Статья написана по целевому проекту «BR28713619 – Междисциплинарные исследования и пополнение коллекций палеонтологии, зоологии, археологии, археографии новыми материалами (на базе музеев «Ғылым ордасы»).

Для цитирования: Бейсегулова А., Ашимова С., Картаева Т. Региональные особенности сохранения вида нематериального культурного наследия «знания и обычаи, связанные с природой и вселенной» в Абайском области // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. С. 1202–1220. (На Каз.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1202-1220

Кіріспе

ЮНЕСКО-ның «Материалдық емес мәдени мұраны қорғау туралы конвенциясын ратификациялау туралы» 2011 жылғы 21 желтоқсанда Қазақстан Республикасының Заңының қабылдануы мәдени мұраларды сақтау ісінде жаңа серпіліс тудырды (Материалдық емес мәдени мұраны қорғау, 2011). Қазақстанның Материалдық емес мәдениет мұрасының (бұдан әрі – МЕММ) 2013 жылы алғаш, 2024 жылы қайта толықтырылған Ұлттық тізімінің жасақталуына барлық облыс әкімдігі жанындағы Мәдениет департаменттерінің үлесі зор. ЮНЕСКО Конвенциясына сәйкес жергілікті МЕММ келесідей санаттарға жіктеп

қарастырды: МЕММ-ның тасымалдағышы ретінде тілді қоса алғанда, пайымның дәстүрлері мен нысандары; әдет-ғұрыптар, салт-жоралар, мейрамдар; дәстүрлі кәсіптермен байланысты білімдер және дағдылар; табиғат пен дүниеге қатысты білімдер мен әдет-ғұрыптар; орындаушылық өнерлер (Қазақстан Республикасында материалдық емес мәдени мұраны қорғау, 2013; Қазақстанның жанды мұрасы, 2024). Қазақстанның жанды мұрасын сақтау, музейлендіру ісінде пәнаралық зерттеу, музейлік далалық зерттеумен ұштастыра отырып ғылыми нәтиже беру, әрі ЮНЕСКО қорғауындағы мұраларды музейлік зерттеу бүгінгі ғылымның өскелең талабы.

МЕММ-ның сақталу ерекшеліктерін жекеленген аймақ бойынша тіркеудің ғылыми-практикалық маңызы зор. МЕММ «табиғат пен дүниеге қатысты білімдер мен әдет-ғұрыптар» санатына сай этнозоология, этноэкология бағытында кешенді далалық зерттеу Абай облысында Семей қаласы, Абай ауданы Қарауыл, Қасқабұлақ, Саржал ауылдарын қамтыды. Аймақтық далалық этнографиялық зерттеу, барлау жұмыстарына дәстүрлі баспана, киім-кешек, ыдыс-аяқ, ас-тағам жүйесіндегі аймақтық ерекшелік, материалдық және рухани мәдениет пен тұрмыстың көптеген құбылыстары мен аспектілері туралы жеткілікті толық ақпарат жинау мақсатын көздейтін қысқа мерзімді зерттеу таңдалды.

Зерттеу нысанына алынатын ауылдары, елді мекендерді таңдаған кезде олардың қаншалықты нәтиже беретіндігіне алдын ала болжау жұмыстары жүргізіледі. Ақпарат беруші «дерек кісілер» үш топқа жіктелді: көнекөз қариялар, шежіре кісілер; дәстүрлі ортада қалыптасқан орта буын өкілдері; дәстүрлі мәдениетпен жас буын өкілдері.

Дәстүрлі аңшылықтағы аймақтық ерекшелік аю аулау мен тау аңдарын аулаудан көрінетіндігі белгілі. Аңшылық нысанында аю да, тау аңдарының қайсысы болса да жабайы табиғаттағы «тірі ескерткіш» ретінде қорғалады. Қазақстанның музей қорларындағы аю қақпандар тек шығыс өңірге тиесілі, әрі өте сирек кездесетін құндылық, сирек кездесуі жалпы аю аулаудың сирек болғандығын айғақтайды.

Абай облысы МЕММ-ның аймақтық ерекшелігі жергілікті айғақтайтын ән-саз өнері, шығыстық күй мектебі, шығыстық ән мектебі, айтыс, халық ауыз әдебиеті жанрларын ауызша баяндау дәстүрінің қазіргі сақталу деңгейі де бақыланды. Музейлердің этнографиялық қорынан аймаққа тән ерекшелікке сәйкес қымыз шелек, күбі шелек, сүйектелген киіз үй жиһаздары, тошала үй, адалбақан және шаруашылық бұйымдарының жасалу әдісі мен қолданыс аясы зерттеуге алынды. Далалық ашық аспан асты этнографиялық ескерткіштері, көне қыстаулар, көктеулік, күзеулік мерзімдік қоныстар, этнографиялық кезең қорымдары, дәстүрлі мал шаруашылығы, жылқы, ірі қара, қой шаруашылығы, түйе өсіруді тіркеуге алу кезінде «табиғат пен ғаламға қатысты білімдер мен дағдылар» санатын тұрғысына басты назар аударылды. Абай облысындағы МЕММ этнографиялық далалық зерттеу кешенді, күрделі жүргізілгендіктен, мақала тек жергілікті халықтың табиғатпен байланысының кейбір нысандарын талдауға арналады.

Материалдар мен әдістер

МЕММ-ның белгілі бір аймақтарды сақталу, қорғалу үрдісін бақылауда басты ұстанатын құжаттар – ЮНЕСКО Халықаралық ұйымы тарапынан қабылданған МЕММ құқықтық реттеуге негізделген Конвенция, қарарлар және ҚР МЕММ тіркеу, тізімдеуге байланысты құқықтық тұжырымдары (Мартыненко 2017: 282–294; Қазақстанның жанды мұрасы, 2024; Материалдық емес мәдени мұра, 2015). МЕММ құқықтық реттеу, сақтау немесе қорғау этнология ғылымында «нормативті этнология» немесе «құқықтық этнология» деп аталады. Материалдық емес мәдениет тұрғысынан нақты бір аймақта зерттеу жүргізіп, тіркеу жасау маңызды, әрі материалдық емес мәдениет мұрасының аймақтық ерекшелігін айғақтайды, басқа өңірмен салыстырмалы сараптау жасауға мүмкіндік береді. Ұсынып отырған тақырыпқа сай зерттеу жұмысы МЕММ сақтаудың аймақтық жүзеге асуын тіркеуге бағытталған. Абай облысынан жинақталған авторлардың экспедициялық материалдары (бұдан әрі – АЭМ) негізгі дереккөз болып саналады. Абай ауданы аумағындағы сақталған XVIII–XX бас кезіне саятын ашық аспан асты этнографиялық ескерткіштер, байырғы мерзімдік қоныстар орны,

жерлеу орындары, зираттар, құдықтар зерттеуге заттай материал, әрі құндылығы жоғары тарихи-мәдени мұра болады. Сондай-ақ, дәстүрлі қолданыстағы дәстүрлі мал қоралар, оның құрылыс материалдары «табиғат пен ғаламға қатысты білімдер мен дағдылар жүйесін» айғақтағанға заттай дерек ретінде тіркелді. Далалық материалдарды ғылыми өңдеуге этноэкология, этнозоология, этноботаника әдістері қолданылды. Қазақ халқының табиғатпен байланысты білімдері этнология ғылымының этнозоология/антропозоология, гео-био-экология, құқықтық-нормативтік этнология тұрғысында пәнаралық күрделі байланысы негізінде зерттеледі. Абай облысы, Семей тарихи-өлкетану музейі қорынан (бұдан әрі – Семей музейі) алғашқы фототүсірілімдер, сирек кездесетін кітап беттеріндегі тарихи фотоларға интерпретация жасалды.

Кейінгі жылдар мен қазіргі заманда қазақтың табиғатты танудағы зоологиялық халықтық білімдер жүйесі өзгерді, оған қабан қақпан, аю қақпан, тышқан қақпан сияқты аңшылық-кәсіптік құралдарының музейлік артефакті нысаны болып қалуы дәлел. Музейлердегі және жекеленген аңшылар қолындағы қақпан түрлері, аң терілері қазақтың тарихи-зоологиялық, тарихи-табиғаттану білімін саралауға мүмкіндік береді. Қазақ халқының табиғатпен байланысты халықтық білім жүйесін ғылыми практикалық қырынан игерудің отандық археология ғылымы үшін де, этнология ғылымы үшін де маңызы зор. Этнозоология – әртүрлі жануарлардың жаратылуы туралы түсініктерді, жануарлар түрлерін жіктеу, жасы/төлі/жынысына қарай атауларды, жабайы жануарларды алу және қолға үйрету/өсіру, өнімін пайдаланумен байланысты мәдени білімді де қамтиды (Dídac SSantos Fita, 2016; Clément, 1998). Әлемдік ғылымда бұл бағыт XX ғасырдың соңғы жылдарында кең қанат алып, әлеуметтік антропологияда жаңа бағыт – этнозоология, антропозоология пайда болды (Воробьев, 2018). Этнозоология – адам мен жануарлар арасындағы қарым-қатынасқа және адамдардың қоршаған ортада тіршілік ететін жануарлар туралы алған біліміне ерекше назар аударады. Этнозоология бағытында жергілікті аймақтық ерекшеліктен марал, бұғы мүйізін ұқсату, өндеп тұрмысқа пайдалану, қасқыр, түлкі, аю терісін өңдеу, аю терісінен тұлпып, тулақ жасау әдістері тіркеліп, ғылыми өңделді. Жергілікті табиғат ескерткіштерінің қасиеттілігін тану, жергілікті тастан зират тұрғызу, құлпытас қашау, құдық қабырғасын шегендеу ландшафты игерудегі дәстүрлі технологияларды қолдану және этноэкологиялық білімдерді алға тартады.

Далалық зерттеу этнозоология, этноэкологиялық бағыттағы зерттеуге тиімді нәтиже беретін бие байлау науқанының басталуы, жайлаулық жайылымда шөп, су қорының мол болатын, мал төлінің аяғы шираған кезі – мамыр айының соңынан маусым айында жүргізілді. Жерлеу орындарына қатысты тарихи-мәдени мұраны қоса қамтитын Ақтас шатқалындағы Қоңыр әулие үңгірі арқылы адамдардың экологиялық ортадағы су терапиясын қоса қабылдауы, ландшафты дәстүрлі пайдалануын бақылауға да тиімді нәтиже жаз айында күтеледі. Далалық зерттеу мерзімін белгілеу, таңдау әдісі – практикалық этнозоология, этноэкология бағытында аса маңызды.

Қоңыр әулие табиғат ескерткіші және әулиелік культ

Шыңғыстаудың батысында орналасқан Ақтас шатқалындағы Қоңыр әулие үңгірінің табыну орнына айналуы жазба деректерге ортағасырларға саяды. Ақтас етегінде ескі қорымды зерттеушілер қалмақ-жоңғар шапқыншылығы кезеңімен байланыстырады (Брюханов, 1912: 1–3). Исламдағы әулиелер культі (تقديس الأولياء, *такдіс-уль-авлия* – әулие, қазақ тіліне бейімделген араб сөзі) жергілікті халықтың белгілі бір тұлғаның әруағына деген ерекше құрмет көрсетумен байланысты исламға дейінгі діни реликтермен байланысты қалыптасқан табынушылық нанымдары. Жалпы ислам дінінде әулиелерді канонизациялау әдеті қабылданбайды, бірақ Әбу-Ханифа машабын ұстанатын қазақ және басқа түркі халықтарында нақты адам немесе мифтік кейіпкерді көпшіліктің қалауы бойынша құрметтеу орын алған. Кейбір аймақтарындағы әулиелер культінде ру-тайпаның негізін қалаған, одан тараған үрім-бұтақтың оның атымен аталатын ру тармағын құрап, уақыт өте келе ру негізін қалаған адам аты қасиеттеніп, жерленген немесе белгі қойылған орын да қасиетті орынға айналады. Әулиелердің қабірлеріне тәу ету, зиярат етудің мақсаты – әулиеден рақымдылық пен қорғау алу, әулиелермен рухани қарым-қатынасқа түсу. Исламдағы әулиелік орындарға зиярат еткен

мұсылмандардың барлығы қабір басында Құран бағыштайды. Ислам дінін тұтынатын түркі халықтары арасында әулиелер культінің құрамдас бөлігі әулиелердің, ел басқарған тарихи тұлғалардың және тарихи дәуірлерде өмір сүріп ел арасында рухани ізгі мұра қалдырған қайраткерлерінің жерленген орындарына зиярат ету болып табылады. Халық қасиетті деп санаған тұлғаның бейітінің үстіне қойылған жаңа кесене-күмбездер немесе жаңа бейіттер «киелі» орындардың орталығына айналады.

Табиғаттан тыс күш-қуаттарға ие болған исламға дейінгі ата-бабалар культінің қалдықтарын, жергілікті қасиетті орынның бірі «Қоңыр әулие үңгірінен» байқауға болады. Қоңыр әулие қасиетті орнына зиярат етушілердің бір тобы түнеп жатып құрбандық шалады, бір тобы түнеуге қалмай құрбан шалып, басында басқа келушілерге құдайы тамақ, ас береді. Зиярат етушілердің бір тобы Қоңыр әулие үңгірі шатқалында өскен ағашқа немесе қорымдағы зияраттарға шүберек байлап, белгі қалдырады. Ғылымда «заттық антропология» деп аталатын белгі қалдыру, зиярат етушілердің осы жерге келгендігін білдіретін ақпарат ретінде қызмет етеді. Көптеген мұсылмандар қабірлерді зиярат еткенде өлілерден мұқтаждықтарын қанағаттандыруды тікелей сұрайды, әулиелік орынға тағзым етеді және қабірді, қабір тасты ұстайды. Зиярат етушілер әулиелердің шапағатшы ретіндегі тылсым күші арқылы өз ата-баларына арнап Құран бағыштайды, дертіне дауа іздейді. Қазақ халқында әулие деп танылған тұлғалардың қабіріне зиярат ету сенімі қазақ жерінің барлық өңірінде кең тараған. Ал, Қоңыр әулиенің тарихи мәдени құндылығы мен қасиетті жер танымындағы аймақтық ерекшелігі дәстүрлі медицинадағы «су терапиясы» мен «тас терапиясы» (Қазақстанның жалпыұлттық қасиетті, 2017: 39–41; 16-сурет). Қоңыр әулие басындағы тарихи мәдени мұраны келесідей жіктейміз: табиғат ескерткіші – Қоңыр әулие үңгірі, үңгір қайнары, жартас; этноархеологиялық ескерткіш – балбал; этнографиялық ескерткіштер – қорым, құлпытастар, қоныс орындары (АЭМ; 1 а, в, г-сурет).

Сурет 1 – Қоңыр әулие ескерткіштер: а) Қоңыр әулие қорымындағы төрткұлақ тас зияратқа шүберек байлау; б) Зиярат етушілердің Қоңыр әулие үңгірінің түбіндегі қайнар суына баруы; в, г) тас зияраттар мен құлпытастағы рулық таңбалар

[Fig. 1 – Monuments of Qonyr Aulie: a) tying cloth to the four-pillared stone grave (tortqulag) at the Qonyr Aulie burial ground; b) Pilgrims visiting the spring at the bottom of the Qonyr Aulie cave; c, d) stone graves and tribal tamgas (symbols) on the gravestones]

Этнозоологиялық халықтық білімнің аймақтық ерекшелігі

Жылқы, түйе таңбалау. Жылқы, түйенің есебін жүргізу үшін қолданылатын шартты белгі. Жылқыны күз айларында бие сауу уақытында таңбалайды. Өйткені бұд кезде шыбын-шіркей аз болмайды да таңбалаған жері асқынбай тез жазылады. Жылқыны үйірімен ашық қораға қамап таңбалайды. Айғыр мен саяқтарға таңбаны бұрын басады, өйткені олар

адамға қарсы шауып, жұмысқа қиындық келтіреді. Таңбаны жылқының сол иығы мен сол жақ санына басады, түйенің сол жақ санына басады. Жауын-шашын күні түйе, жылқы таңбалауға болмайды, өйткені дымқыл жүнге таңба дұрыс түспейді. Егер түйе, жылқының түгі қалың болса, таңба басатын жерін қайшымен тықырлап қырқады. Таңба жақсы түсу үшін таңбалайтын темірді қыздырып, жылқы денесіне күйетіндей етіп басады. Күйген жерге май жағады. Күн ашық болса таңбаланған жылқы, түйені жайылымға жібереді. Егер қораға қамаса, таңба басқан жері қышығанда әр нәрсеге сүйкеніп, таңбаның белгісін бұзады. Мал өрісінен адасып кетіп, басқа елдің отарына қосылғанда осы таңбасы арқылы өз тайпасына қайтарылған. Барымталанған жылқыны қайтаруға да таңба айғақ болған. Дәстүрлі кезеңде ру таңбасын басса, қазіргі кезде әулет иесі, үй иесінің бас әріптерінен «таңбабасар» темір аспап жасайды. Таңбабасар аспабы халық арасында «дақ» деп те аталады. Тарихи дәуірлерде таңбасар рулық таңба бейнесінде соғылған. Таңбабасарды темір ұсталары соққан. Жергілікті жерде қазіргі таңда түлік иесінің аты-жөнінің бас әріпін көрсететін таңбасар соғу ісі кең тараған (2-сурет).

Сурет 2 – Таңбалау: а) таңбалау үшін жылқы өткізетін дәліз-қора; б) шөк астау мен таңбабасар; в,г) таңбабасар
[Fig. 2 – Branding: a) a corridor-pen for leading horses to be branded; b) a brazier with a branding iron (tanbabasar); c, d) a branding iron (tanbabasar)]

Жылқыны тағалау. Абай ауданының жері тасты, таулы болып келгендіктен халықтық білімнің бірі жылқы тағалаудан көрінеді. *Тағалау* – мұзға таймау және тастақты жерде тұяғы жарылып сынбау үшін жылқыны бағып-қағу, күту, жұмыс қабілетін арттыру шараларының бірі. Шығыс өңірінде жердің тасты, қыстың қарсы, суық, мұзды болуы жылқы тұяғын тағалаудың қажет етті. Жергілікті ұсталар тағаны тағаланатын жылқының тұяғының үлкен-кішілігіне қарай тапсырыспен соқты. Жегіс жылқысының тұяғы үлкен, мініс жылқысының тұяғы көбіне дөңгеленген кішірек келеді. Алдымен тағаланатын жылқының аяғын тебе алмайтындай етіп бекітеді, тұяғын тазалап, сынғаны болса жонып тегістейді. Тағаны тұяққа тегіс қабыстырып, шегесін тұяқтың көбесіне кірмейтіндей етіп көлбеу қағады. Тұяқтың көбесіне немесе құндықдыққа шеге немесе бөгде зат кірсе жылқы ақсайды. Кезінде қарап емдемесе, ол асқынып жараға айналуы мүмкін. Жылқының төрт аяғын бірдей тағалайды. Егер тағаның бірі сынып немесе түсіп қалса, оның орнына қайтадан таға қағады немесе тағаның бәрін алып тастайды. Үйірге салатын айғырды, сауын биелерді тағаламайды. Олар өзге малға немесе бие сауатын адамға зақым келтіруі мүмкін.

Саржалдағы бие байлау. 2018 жылы Қазақстан тарапынан ЮНЕСКО-ның МЕММ-ның репрезентативті тізіміне «Қазақ жылқы өсірушілерінің көктемгі мерекелік салт-дәстүрлері: бие байлау, айғыр қосу, қымыз мұрындық» мұрасының енуіне Абай облысының Саржал ауылының қосқан үлесі зор (Browse the Lists, 2003). «Саржал қымызы» тек өңірде ғана емес, Қазақстан қымызының «бренд» үлгісіне айналған. Саржалда қымыз шелекті күбіде шайқалған маймен немесе қаймақпен сылап, тобылғымен ыстау арқылы дайындайды. Тобылғының жапырақты жас шыбығын сындырып, темір ыдысқа салып от қойып, лапылдап жанбайтындай етіп түгіндетеді, ол үшін алдыңғы тобылғы шөк қалдықтары үстіне салады, оны «түгіндік дайындау» деп атайды. Түгіндікті майланған күбі шелекке салып, түбін қабырғасына ыс боп сіңу үшін бетін жауып таңып тастайды. Ысы қатты болу үшін түгіндік салуды 4–5 ретке дейін қайталайды. Ысы күбіге әбден сіңгенде қор (ашыған қымыз қалдығы) қосылған жаңа қымызды

құйып, піспекпен иіні қанғанша піседі. Тобылғымен ыстау қымыздың сапасын, ысын күшейтеді. Саржалда бір үйде кемі 5-6 күбі шелек болады. Қымыз күбі атауы да қолданылады, бір күбінің сиымдылығы 20–30 литр болады. Тобылғымен жергілікті қолөнершілер саба, торсық, теріні де ыстайды. (АЭМ; Қазақтың этнографиялық категориялар, 2017: 383–384; 3-сурет).

Сурет 3 – Қымыз ыстау: а) Саржал тобылғылы даласы; б) тобылғыны түтету;

в) ысты ұстау үшін күбішелекті таңғышпен таңу

[Fig. 3 – Smoking kumis: a) the Sarzhal steppe with spirea (tobylgy) shrubs; b) smoking with tobylgy; c) tying the churn with a strap to keep the smoke inside]

Күрделеу. Асау сауын биені, әсіресе, қулық биені (алғаш құлындаған тұмса, асау бие) сауу кезінде қолданылатын «күрделеу» әдісінің де дәстүрлі сақталғанын тіркедік. *Күрделеу* екі түрлі: біреуінде арқанның бір ұшын малдың мойнына күрмей байлайды да, екінші ұшын артқы оң аяғының шашасынан іліп, мойнындағы арқанға сәл тартып байлайды. Екінші түрінде кәдімгі тұсаумен малдың тірсегінен жоғары екі аяғын қоса матайды. Күрделеуге ешкі, қой жүнінен ескен «күрде жіп» деп аталатын арқан қолданылады. Күрделеу жылқыны жығуға да қолданылады, жығу үшін күрде жіпті екі қабаттап жылқының алқым тұсіна күрмеп байлайды, қалған екі ұшын алдыңғы екі аяқ арасынан өткізіп, артқы аяқтың шашасынан төмен шалып байлайды. Оны жылқының мойнына байланған жіп тұйығына іліп алып тартып, жылқы оңай жығуға бейімдейді. (Қазақтың этнографиялық категориялар, 2017: 426).

Айыр түйе өсіру. Түйе өсіру мәдениеті Абай ауданы Қасқабұлақ ауылында дамыған. Алғашқы жазба деректер, фотодеректерде шығыс өңірінде айыр түйенің қатынас көлігі, жүк көлігі ретіндегі қызметі жайында ақпараттар береді. Айыр түйе суыққа төзімді келеді, жергілікті табиғатқа бейімделген, бір өркешті нар қазақ жерінің оңтүстігі мен оңтүстік-батысына бейім. Жергілікті жерде айыр түйенің бір мен екі жас арасындағы ұрғашысын *тайлақша*, еркегін *торым*, нардың екі жастан асқанын *буыршын* (немесе *інгенбұзар*), ұрғашысын *бүлдіршін* деп атайды. 3 жасқа жеткен айыр түйенің еркегін *құнанша* немесе *сарша*, ұрғашысын *інгенше* немесе *сілбі* деп атауды шығыс түйешілері сақтап қалған (4-сурет).

Сурет 4 – Айыр түйе өсіру: а) інген; б) айыр бота. Қасқабұлақ ауылы
[Fig. 4 – Breeding of Bactrian Camels: a) a female camel (ingen); b) a Bactrian camel calf; Kaskabulak village]

Күзеу. Көктемде жылқының жал-құйрығын қырқудың дәстүрлі әдістері мен көне атауларының сақталуы назар аудартады. Жылқының жал-құйрығының ұшын тегістеп, бір ізге түсіріп күзеу (қырқу) көбіне жас жылқы, бие, байталдарға жасалады. Бәйге, көкпар аттарының жал-құйрығын күзеу көз тиюден қорғайтын магиялық күшке ие деп санайды. Үйір айғырының жал-құйрығын күші қайтады немесе шаңырақ құты деген наныммен қимайды. Түйенің көктем, мамыр айында жүні әбден көтерілгенде тарап түсіреді.

Бөлтірік асырау. Бөлтірік асырау қазақ қоғамында болған, әрі ішінара жалғасын тауып отырған дәстүр. Бөлтірік алған аңшының әртірлі мақсаттары болуы мүмкін, бірі бөлтіріктің еркегін аңшы ұрғашы төбетпен шағылыстыру көздейді, бірі тағылық мінезін бақылауды құмар көреді. Дерек кісілерден алынған ақпараттарды қорытатын болсақ бөлтірікті ешкім қолға түпкілікті үйрете алмаған, оларды босатқан соң қасқыр үйіріне қосылып кеткен. Табиғатпен етене өмір сүруді білетін малшы, аңшылар қолға алған бөлтірікті 3–4 айдан артық ұстамауға тырысқан, өйткені шикі азығын тауып беру қиынға түскен. Дерек кісілер қолда ұзақ ұстаған бөлтіріктің табиғатты сағынғаннан ішқұса болатынын жеткізді. Кейбірі алған апанына апарып тастамауын, адамдарға кек қайтаруы мүмкін деп түсіндіреді. Дерек беруші кісілер, аңшылар бөлтірікті тек құмарлары қанғанша ғана, әрі бөлтіріктің тағылық мінезін бақылау үшін ғана ұстап, есейе бастағанда, мінезінен тағылық көріне бастаған кезде босатып жіберген дұрыс, олар өздері үйірге қосылып кетеді дейді. Семейлік Сералы Құсман (руы найман-байжігіт. Абай облысы, Ақсуат ауданы, Есім ауылы) қолға ұстаған бөлтірігін есейген соң босатып жіберсе де, алғашқы уақытта иесіне қайтып келіп жүрген, кейін қайтып оралмағанын үйірге қосылды деп болжайды (Соңғы скиф, 2023; АЭМ; 5 а, б-сурет).

Сурет 5 – Сералы Құсманның өзі асыраған бөлтірігі. Аты Ноян. 5 ай. Бөлтірік Семей орманына жіберілген
[Fig. 5 – Seraly Kusman's hand-raised wolf pup named Noyan, 5 months old. The pup was released into the Semey forest]

Қасқырды ие ретінде тану. Ертеде бақсылық өнер мен бақсылық ем кең қолданыста болғанымен қазіргі таңда өзгеріске енуі, жойылу қаупіне орай МЕММ Ұлттық тізіміне «бақсырық өнер, сарын айту» шұғыл қорғауды қажет ететін мұра ретінде енген. Қазақ жерінің шығысында өмір сүрген Таласбай бақсы бала көтермеген әйелдерді емдеу үшін жергілікті Бөрітастаған тауында өмір сүретін Көкбарақ атты қасқыр кейпіндегі жынын көмекке шақырған екен (Толеубаев, 1991: 5). Зікір салғанда қасқыр көмегіне жүгінетін, «пір қасқырды» сарынмен шақыратын бақсыларды «қасқыр жынды бақсылар» деп атаған.

Бұл бөрі иеге табынудың бақсылық өнердегі көрінісі. Тағы бір бақсы сарыны:

«Айдаушы бермен, төрт бөрі,

Төртеуі де Көк бөрі

Жаным қалмай шақырдым,

Болып па ең, маған өкпелі», –

деп төрт бөріні шақыра отырып, олардың қай жақтан келетініне нұсқау береді:

«Біреуіңіз тесіктен,

Біреуіңіз көлден кел,

Біреуіңіз жабықтан,

Біреуіңіз судан кел!»

Бақсы төрт бөрі біртіндеп қабылдап, шок ұстау, күлін қолына алып ұшықтау, камшымен қағу, зиянкесті қуалау әрекеттерін әрқайсысының ерекшелігіне қарай атқарады (Бабалар сөзі, 2013: 158–161)

Айберген бақсының жын шақыруындағы бөрі:

«Ойдан келген он бөрі,

Сол бөрінің ішінде,

Алты ауызды көк бөрі...»

(Бабалар сөзі, 93 т., 2013:241)

Моңғолия қазақтарының бақсылық өнерінде жын, ие ретінде бөріні шақыруы шығыс қазақтарымен ортақ. Этнограф Б.Камалашұлы жазып алған сарында келесідей жолдар кездеседі:

«О Көк бөрі, Көк бөрі.

Қасыма кел тез бөрі» (Камалашұлы, 2013: 569).

Моңғолия қазақтарының арасында тараған бақсылық сарында келесідей сөз тіркестері кездеседі:

«Бәрі бөрі, бөрі ием,

Кел жебеуші бөрі ием,

Ұмай ене, Шашты Әзіз,

Еміп өскен бөрі ием»

(Қазақтың этнографиялық категориялар, 2017: 296).

Бақсылық сарын айту ҚР МЕММ Ұлттық тізімінде «жойылу қаупіндегі шұғыл қорғауды қажет ететін мұра» категориясына енгізілді.

Тұзақ құру. Қазақ жерінің шығыс өңірі аңшылары дәстүрлі аңшылықтың ең көне әдісі тұзақ құруды сақтап жеткізген бірден-бір аймақ.

Қыл тұзақ – жасырын құрылып, аң алданып, аяғын басқан кезде тұсаулап ұстайтын ең көне аңшылық құралы.

Махмұд Қашқари жазбасына сүйенсек, тұзақтың қызметі мен түрі тарихи дәуірден өзгеріссіз жеткен.

«Ілінді менің аяғым,

Жасырған көрмей тұзағын» (Махмұд Қашқари, 437–438).

Тұзақ түрлері жылқының құйрық қылынан есіп, бір басынан аңның аяғын немесе басын қысатын ілмекті, түскен аңды тартынған сайын қыса, буындыра түсетін, бұғалық әдісімен жасайды. Тұзақтың екінші басын қазыққа немесе жыңғыл, ағаш бұтағына байлаған.

Тұзақтың ұзындығы 2–3 метрдей болады, қазіргі кезде сымнан жасай береді. (Қазақтың этнографиялық категориялар, 5 т, 2017: 457). Адам тұзаққа исі сіңіп қалмас үшін, қолына қолғап киген, аяғына киіз байлап құрған. Тұзақ құру үшін аңшы аулайтын аң-құсының мінезін, әдеттерін, өрісін, жүретін жерін жақсы білуі керек те, сол жерге тұзағын құрады. Аңшы сондай жерлерге бірнеше тұзақ құрады да күнде, әрі кетсе күнара аралап тексеріп тұрады. Тұзаққа түскен олжаны алып, тұзақтарды қайта құрып, жөндеп отырады.

Қасқырға ұзындығы 2,5 метрден – 5–6 метрге дейін жететін сымнан қасқырдың жүретін жолына тұзақ құруды осы күні Тарбағатай аңшылары сақтап қалған. Тарбағатай бөктерінде «Қасқыр Ержан» атанған Қасымбеков Ержан атты аңшы (руы найман-мұрын, Абай облысы, Ақсуат ауданы, Үштөбе ауылы, Қаражал қыстағы) аңшы қазақ сыммен тұзақ құрып қасқыр алудың дәстүрлі әдісін сақтап қалған. Сым тұзаққа қасқыр басымен түседі, тұзаққа түскен қасқыр тартынған сайын сым тұзақ қылғындыра түседі. Тұзақтың екінші басы бұтаның түбіне байланады. (Қасқыр тілін білетін қазақ, 2024).

Тұзақты қоян аулау үшін қоянның жолына бұталар түбіне құрады. Аңшы тұзаққа түскен аң-құс оралып тұншығып арам өлмес үшін қарап аңдып жүреді, әрі аңшы уақытында келіп алмаса қоянның даусына жыртқыш аңдар келіп оны жеп кетеді. Қазіргі кезеңде қоянға құрылатын тұзақты жасау үшін жұмсақ сымның бір басын тұйықтап, екінші басын тұйықтаған жерден өткізіп жасайды. Жергілікті аңшылар қоянның ізіне күндіз 15–20-дай тұзақ құрса, ертеңіне кемінде 7–10-на аң-құс түскен. Ал, түлкі, қарсақ, суырға тұзақты іннің аузына құрып, екінші басын қазық немесе қадаға байлаған. Байырғы қазақтар тұзаққа түскен аң-құсты «тұзақта байланып тұр», – дейді. *Тас тұзақ* – ішіне ауыр тас салып байлаған екі тері түйіншектің арасын қыл тұзақпен жалғап, аңның аяғына қарай лақтырғанда аңның аяғына тұзақтың екі басындағы ауыр тас оралып қалып, аңды тұсайтын құрал. Тас тұзақты аң терісін зақымдамай алу үшін қолданған.

Қақпанды ойлап тауып, аңшылық әдісіне қосқанда темір-тұзақ қақпанмен қыл, қыл-тұзақтар қатар қолданыла берді, алайда қыл-тұзақ құрып аң алудан, қақпан құрып аң алу тиімдірек болды. Сарышұнақ, суыр, балпаң секілді тышқан түрлерінің інінің аузына – «тышқан қақпан», түлкі, қарсақ інінің аузына – «түлкі қақпан» құру кең қолданысқа енді. Қазіргі таңда қазақ жерінде ішінара құс алуға тұзақ құрылғанымен, аңға тұзақ құру сақталмады.

Тұзақ жабайы үйректі ұстау үшін су ішіне құрылса, ұзын жіпті тұзақтар қырғауыл аулау үшін қамыс түбіне құрылды (АЭМ). Дерек кісілер Қасымбеков Ержан мен Сералы Құсманнан тұзақ құрудың үлгілік түрлерін тәжірибелік көрсетуі арқылы құжатталды.

Тас құдықтар және жергілікті ландшафты дәстүрлі пайдалану

Жергілікті жердің табиғи ерекшелігін айғақтайтын таспен шегенделген құдықтар шұғыл қорғауды қажет ететін мұра болып саналады. Мал шаруашылығын дәстүрлі ұйымдастыруда құдық суын пайдалану маңызды рол атқарады. Байырғы тас құдықтарды қазіргі заманға бейімдеп пайдалануы орын алған. Құдықшылықты кәсіп ету қолданыстан шыққан, құдықшылық кәсібі жойылу қаупінде. Құдық, құдық қабырғасын таспен шегендеп, құдық аузы мен ернеуін таспен көтеру – құдық қазу ісінде күрделі технология. Құдықтар байырғы мерзімдік қоныстарда сақталған. Көшпеліліктен отырықшылыққа ауысқан кезеңде кейбір тас шегенді құдықтың иелері құдыққа мал, адамның түсіп кетуі қауіпсіздігі үшін көміп кеткен немесе құдық аузын ағаш бөренелермен жауып бекітіп кеткен (Қазақтың этнографиялық категориялар, 2017: 778–783; 6-сурет).

Аймақта құдық қабырғасын таспен бекітуді «тас қию», «тас жию» сияқты аймақтық кәсіптік сөздердің қалыптасуы, бұл өңірдегі дәстүрлі гидротехникалық білімнің ерекшелігін нақтылайды.

Зерттеу негізінде қазылу, шегендеу, құдық түбінде су сақтау әдісіне қарай *келесідей типтерін* анықтадық:

1) түбіне қарай кеңейіп, қабырғасы да, қорабасы да таспен шегенделген, қорабасында су сақталатын «сиясауыт» түріндегі таяз тас құдық;

2) қабырғасы толық таспен шегенделген, ішкі ернеуі мен ішкі қабырғасы орташа кеңдік немесе тар, цилиндр типіндегі таяз тас құдық;

3) қабырғасын табиғи тасты шеген құрайтын цилиндр түріндегі терең тас құдықтар.

Зерттеу нысанына алынған құдықтардың барлығының қабырға тас шегені көне, тарихи дәуірлерге саяды, тек үстіңгі ернеулері жаңартылған.

№ 1 құдық. Боқшоқы құдығы. Атауы Боқты көлінен батысқа қарайғы көлден биікте орналасуына орай, әрі осы жердегі Боқшоқы көне қыстауы атымен байланысты. Ішкі диам – 2х2, сыртқы шегені 2–3 қатар, тереңдігі 6 м. Ескі, тастап кеткен қыстауда орналасқан. Қоныс болмағандықтан қолданыстан шыққан. Мал, аң түсіп кетпесін деп бетін ағашпен жауып қойған.

№ 2 құдық. Ырзықбай қыстауындағы, Қайырбайдың құдығы. Қайырбайдың құдығы атауын кейін алған, көне атауы Ырзықбай құдығы. Диам. 3х3, тереңдігі 6 м. Беті ағаш бөренемен қималап жабылған, үстінен тас үйген, ағаш қақпақ салынған.

№ 3 құдық. Ұлжан мен Зере зиратының шығыс жақ бетінде, жол бойында орналасқан. Қабырғасы ағашпен сұрыпталған, қималанып қалынған, көмілген, қолданыстан шыққан, үстіңгі қабатындағы ағаш сұрыптары алынған.

№ 4 құдық. Диам. 2,5х2,5, тереңдігі 6 м. Көне қыстау орнында, далалық жерде орналасқан, қазір қолданыстан шыққан. Мал, аң түсіп кетпесін деп, бетін ағашпен жауып қойған. Басында темір астау қалған.

№ 5 құдық. Диам. 2,5х2,5, тереңдігі 6 м. Беті ағаш бөренемен қималап жабылған, үстін цемен бетонмен жауып, ернеуіне балон орнатқан. Қақпағы темір.

№ 6 құдық. Орналасқан жері Сарықора қыстауы. Диам. 3х3 м., тереңдігі 7 м. Ернеуі 1 м жоғары, ағаш тақталармен көтерілген, қақпағы ағаш қималардан жасалған.

№ 7 құдық. Орналасқан жері Қарауыл кенті. Диам. 2х2 м., тереңдігі 6 м. Ернеуі 0,5 м ағаштан көтерілген, ағаш қақпақ орнатылған. Кеңестік заманда Жүнісов Оспанғали пайдаланған. Қазіргі таңда қолданыстан шыққан.

Қарауыл кенті ішінде Әлішбайдың құдығы, Жақияның құдығы деп аталатын тасқұдықтар бар.

№ 7–8 құдықтар. Саржал ауылынан зерттеуге алынды. Саржал ауылы құдықтарының ішкі ернеуі тар қазылған. Диам. 1,80, тереңдігі 3–6 м. аралығында.

Сурет 6 – Жергілікті тас құдықтар: а) жолбастаушылардың Боқты көне мерзімдік қоныс орнын көрсетуі; б, в, г) Боқты құдығын ашу барысынан; д) Ырзықбай құдығының ішкі шегені; ж) Қарауылдағы көне құдық; з, е) Саржал құдықтары

[Fig. 6 – Local stone wells: a) guides showing the ancient seasonal settlement site of Boqty; b, c, d) the process of opening the Boqty well; e) the inner masonry of the Yrzyqbay well; f) an ancient well in Qaraul; g, h) the wells of Sarzhal]

Шығыс қазақтары ҚХР, Моңғолияға қоныс аударғанда «тас жиған құдық» атауын сақтап қалған. Моңғолия мен шығыс қазақтарының құдық қабырғасын таспен шегендей әдісі ортақ, оның себебі Моңғолия қазақтарының аталары шығыстан қоныс аударуымен байланысты. Баянөлгийдегі құдық қазуды кәсіп еткен құдықшылар жер асты суын шығарып құдықта жинаудың дәстүрлі гидротехникалық білімін атадан-балаға мирас етіп келеді. Цилиндр типіндегі жер астын кеулей тік қазылған құдықтардың тереңдігі 8 м-ден 18 м-ге дейінгі тереңдікте. Құдық қазуды кәсіп еткен жігіттер жер асты суын шығарып, құдықта ауыз судың қоры ретінде сақтаудың, жер асты су көзіне жетудің қиындығын «отын олжа, су қордық» деп жеткізеді (АЭМ).

Мал қора

Табиғатты дәстүрлі игерудегі және мал шаруашылығын дәстүрлі ұйымдастырудағы халықтық білім жергілікті тастан құрғақ қалап жинаған «тас қоралардан», іргетасы биік тасты, қабырғасы сабан, қиыршық тас қосып иленген кірпіштен өрілген төбесі жабық және төбесі ашық қоралардан көрінеді. Жайлаудағы тас қоралар ашық кеңістікте салынса, қыстау, күзеулік тас қоралар ішінара тау жарларына жапсарлана салынып, қораның бір қабырғасын жартастар құрайды. Күз, қыста тауға жапсарлана салынған немесе екі жартастың түйісер қуысына, екі тау шатқалының ортасындағы сайдан салынған қоралар аязды, бұрқасынды жел өтінен ықтасын, әрі малға жылы болады. Қораның төбесін жабуды, үйдің төбесін жапқандай итарқасын жабу дейді. Қораның төбесіне екі ұзындық қабырғасын жалғайтын еніне параллель түсетін етіп қатар қатар бұтағынан, қабығынан ажыратылған қарағай бөренелерін қояды, бөрене үстін қамыс, шөп, тал шыбықтарын тастап, оның үстіне балшық құяды (7е-сурет). Мал қора типтері мен құрылысының ерекшелігі жергілікті ландшафт пен флорасына байланысты. Жылқы қораларда әдетте бие мен құлын, қыс қатты үскірік болғанда үйір жылқысы ұсталады. Абай облысы қазақтарының тас қораларын бес типке жіктедік:

1) бір бөлмелі қой, ешкіге арналған, төрт қабырғасы да таспен қаланған, итарқасы жабылған, көлемі 5х6 м., есігі тар, бір қақпалы тас қора (4а-сурет);

2) іргетасы 7–10 қатар тастан бекітіліп, қабырғасы қиыршық тас қосып иленген қалың шикі кірпіштен қаланған, итарқасы жабылған, көлемі 6–8 м. х 20 м. болатын, бағаналар орнатылған, жылқыға арналған, есігі кең екі қақпалы тас қоралар (7б, в, г-сурет);

3) төрт қабырғасы да тастан қаланып, жоғары бөлігіне шағын терезе-булық орнатылған, есігі кең, екі қақпалы, көлемі 5–6 м. х 15–20 м. тас қоралар (7д-сурет);

4) ені мен арқалық іргетасы тастан қаланып, қабырғасы қиыршық тасты иленген шикі кірпіштен көтерілген, ішіне бағаналар орнатылған, алдыңғы қабырғасы ашық немесе көлденең белдеу ағаштар бекітілген, итарқасы жабылған;

5) қабырғасы тас, шикі кірпіштен қаланған немесе ағаштан соғылған төбесі ашық қоралар (8г-сурет).

Сурет 7 – Мал қора типтері
[Fig. 7 – Traditional types of livestock shelters]

Адам мен табиғат арасындағы байланыстың жергілікті ерекшелігі алғашқы фототіркеулерде

Семей музейі фотоқоры. Біз зерттеуге алып отырған оңтүстік-шығыс және шығыс аймақ қазақтарының МЕММ-да кейбір фотоқұжаттар «дәстүрлі кезең мен бүгінгі трансформацияланған қоғам қарекеттерінің астасуы» мәселесінде өзгеріске енген немесе жойылып кеткен сирек құндылықтарды нақтылауға айғақ болады.

Семей тарихи-өлкетану музейі қорында «Ағайынды Белослюдовтар» деген атаумен танымал ағайын өлкетанушылардың ішінде Федор Белослюдов (1884–1944) түсірген фотоқұжаттар түпнұсқасы «Белослюдов альбомы» деген атаумен сақталған. Альбом қала, өлке ескерткіштерін және қазақ ауылы тұрмысын қамтиды. Оның Семей өңірінен түсірген көптеген фотолары қазіргі таңда Ресей музейлері мен архивтері қорында сақтаулы. Федор Белослюдов Семей қаласындағы санақ комитеті, бастауыш білім беру қоғамы, географиялық қоғам бөлімшесі сияқты ұйымдарға мүше болған. Бауырлары Виктор (1882–1916); Николай (1880–1943); Алексей (1887–1939) төртеуі бірге музей қорын қалыптастырған, ауыз әдебиеті үлгілерін жинап, аударып жариялаған, ағартушылықпен қоса айналысқан. Федор Белослюдовтың этнографиялық фототіркеулері 1910–1931 жылдар аралығын қамтиды. Федор Белослюдов Семей, Өскеменде қызметте жүріп, жұмыс бабымен қазақ ауылдарының тыныс-тіршілігімен танысып, күнделікті оқиғаларды фототіркеуге алып отырды. Семей музейінде сақталғаны фотолардың баспалық, яғни басып шығарылған алғашқы түпнұсқасы. Ал, шыны негативтері Қазақстан мемлекеттік кино, фотоқұжаттар және дыбыс жазбалар архивінде және Ф.Достоевский музейінде сақталған.

Федор Белослюдов әскери қызметте жүріп, Семей жұмысшы және солдат депутаттары кеңесінің делегаты болып сайланады. Қаладағы контрреволюциялық төңкерістен кейін ол депутаттық қызметтен бас тартады, осы әрекеті үшін ақ әскер қатарында қызмет етуден бас тартқан офицер ретінде тұтқындалады, ол Семей түрмесінде аз уақыт жатып, кейін Омбы түрмесінде болған. 1919 жылы түрмеден қашып шығып, Омбыны қызыл әскерлер азат еткеннен кейін біраз уақыт сонда қалады. 1920 жылы Семейге қайтып оралып, Губревкомның басқару бөлімі бастығының орынбасары, одан кейін 1935 жылға дейін әртүрлі мекемелерде қызметтер атқарып, Қалалық комхоздың инспекторы болып тағайындалады. Федор Белослюдов 1937–38 жылдары репрессиялық қысымға ұшырап, 1944 жылы қайтыс болған.

«Белослюдов альбомы» фотоқорының қазақтың төрт түлік малының мерзімдік жайылымда бағылуы, мал қора, жайлау, қыстаудан беретін этнозоологиялық, этноэкологиялық деректілігінің маңызы зор. Белослюдов альбомын музейдің бірегей экспонаты, әрі Қазақстанның сирек кездесетін кітаптар мен қолжазбалар қоры мұрасы деуге болады. (8-сурет).

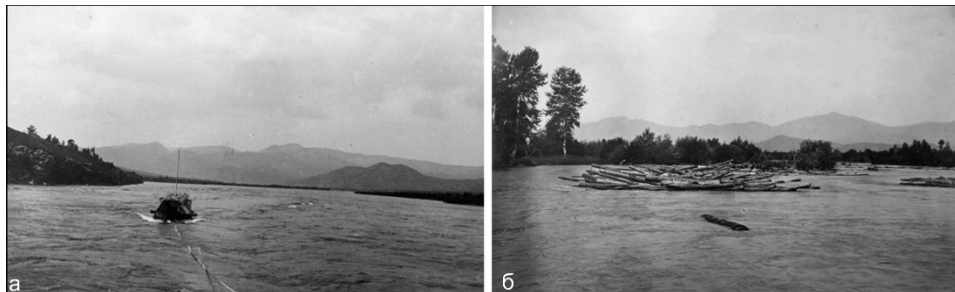
Сурет 8 – Дәстүрлі мал шаруашылығынан: а) отар; б) қос өркешті түйелер; в) ірі қара табыны; г) көл жағасындағы мал қора. 1913 ж., қыркүйек. ВКП-23515-23517, 23526.

Семей музейі, Белослюдов альбомы, 1910–1931

[Fig. 8 – Traditional animal husbandry: a) a sheep flock; b) Bactrian (two-humped) camels; c) a herd of cattle; d) a livestock shelter by the lake.

September, 1913. VKP-23515–23517, 23526. Semey Museum, Beloslyudov Album, 1910–1931]

Құрылыс ісінде ғимарат соғу, дәстүрлі тұрмыста баспана соғу, мал қора соғу, зират тұрғызу ісіне жергілікті орманда өскен қарағайларды құлатып, бұтағын шауып, Бұқтырма, Шідерті, Ертіс сияқты өзендермен ағызып иірімдерге келгенде ағаш діндерін тартып алған. Құрылысқа пайдалану үшін әбден кептіріп барып, қабығын сүргі, шотпен қырған, қабығын қырып тазалау, ағаш зиянкестерінің түсуінен қорғайды. Шабуға түзу өскенін тандайды (9-сурет).

Сурет 9 – Бұқтырма өзенімен ағаш ағызу: а) жинап жағаға тарту; б) сал етіп ағызу. 1910 жыл, маусым.

ВКП-1509а, б. Семей музейі, Белослюдов альбомы, 1910–1931

[Fig. 9 – Log rafting on the Bukhtarma River: a) collecting and pulling logs to the shore; b) floating them downstream as a raft. June, 1910. VKP-1509 a, b. Semey Museum, Beloslyudov Album, 1910–1931]

Қазақ жерінің шығыс өңірі жерасты қазба байлықтарына бай өлке, соның ішінде Семей өңірінде ежелден белгілі Қаражыра, Күршім кен орнындарынан жасалған тарихи фототіркеулер жылқыны көлік ретінде пайдалану, төрт дөңгелекті арбамен көмір тасу жергілікті халықтың кәсіпшілігінен мәлімет береді (10а, б-сурет). Мал терілерін өңдеп көмір салатын теріден кен-қап тігуді фототіркеуге алу тері өңдеп, оны дәстүрлі тұрмыста пайдаланудың жергілікті ерекшелігін айғақтайды, әрі сирек кездесетін дерек болып саналады (10в-сурет). Қазақ жерінің шығыс өңірінде қой шаруашылығының басым дамуы, жергілікті базар, жәрмеңкелерде сауда көзі болды, «Жәрмеңкеде қой жүнін өткізу» фотосында жүн өлшейтін таразы-безбен анық көрінеді. Безбен дайындау үшін ортасына қарай ойыңқы келген қаңылтыр табақ соғады, шеткі жақтарын қайырып, үш жерден тесіп, бөрене мосыға кендір жіп немесе қой жүнінен ескен жұмсақ арқан арқылы ілген (10г-сурет).

Сурет 10 – Кәсіпшілік: а,б) Күршім, кен орнынан жүк тасуға жылқыны көлік ретінде пайдалану; в) жәрмеңкеде қой жүнін өткізу, безбенмен өлшеу; г) кен салатын тері қап дайындау. XIX ғасыр соңы – XX ғасыр басы. Семей музейі қоры.

[Fig. 10 – Traditional industries: a, b) using horses as transport to carry loads from the Kurshim mine; c) selling sheep wool at a fair, weighing it with a scale; d) preparing a leather bag for carrying ore. Late 19th – early 20th century. Semey Museum collection]

Қазақ халқының иллюстративті тарихында маңызды орын алатын фотоқұжаттардың негізгі бөлігін қазақ жерінің оңтүстік-шығыс, шығыс жерінде болған статистар, әскерилер, зерттеушілер, саяхатшылар материалдары құрайды. Семей музейі фотоқор коллекциясында сақталған Көкпекті қазақтарының мініс аттарының торы, көк ат, боз ат, жирен, күрең, ала, қылаң түстерін тіркеу мақсатында түсірілген КСРОҒА антропологиялық отряд зерттеушілері фотолары назар аудартады. Жылқы түсі анық болу үшін барлық мініс аттарын ер-тоқымсыз түсірген (Добрянский т.б., 1928: 32–129; 11-сурет).

Сурет 11 – Қазақ жылқыларының түрлері. Көкпекті, Тарбағатай. 1925 ж.
[Fig. 11 – Types of Kazakh horses. Kokpekty, Tarbagatai. 1925]

Қорытынды

Шығыс өңірі қазақтарының этнографиялық аймақтық ерекшеліктері дәстүрлі мәдениеттің барлық қырынан көрініс табады. Табиғатты – жергілікті шақпақ тас, қиыршықтың тасты дәстүрлі пайдалану сәулеттік құрылыстың барлық түрінен, баспана, зират соғу үлгілерінен, шаруашылық құрылыс – мал қора, үй қоршау, құдық шегендеуден көрінеді. Дәстүрлі мал шаруашылығынан жайылым, өріс пайдалану, мал қора соғу ісінен аймақтық этнографияның ерекшелігі табиғатты дәстүрлі игерумен, жергілікті ландшафтпен үйлесім тапқан. Байырғы қыстау үйлердің қирандылары, қыстау, көктеудегі қорымдар, құдықтар ашық аспан астындағы этнографиялық ескерткіш ретінде шұғыл қорғауды талап етеді. Осы өңірден зерттеуге алынған құдықтар, жан-жануармен байланысты бақсылық сарындардың сақталуы жойылу қаупіндегі, шұғыл қорғауды қажет ететін жанды мұра ретінде тіркелді. Тарихи мәдени мұра ретінде тіркеуге, зерттеуге алынбаған қазақ қорымы, шаруашылық, қоныс орындары, құдықтар саны әлі де жеткілікті. Абай облысында түйе шаруашылығы тарихи дәуірлерден саны жағынан аз дамыған төрт түліктің бірі ретінде оның бағымын жергілікті табиғатқа икемдеп дамытуы этнозоология, этноэкологиялық бағытта алғаш ғылыми зерттеу нысанына алынды. Музейлік этнографияда «шығыс аймақтық этнографиясы» аз зерттелген өңір ретінде маңызды нысан болып табылады.

Зерттеу барысында Семей тарихи-өлкетану музейінің визуальды дерекқорына ғылыми атрибуция жасалды. Фотоқор коллекциясы сол өңірдегі XIX ғасыр аяғы – XX ғасырдың бас кезіндегі дәстүрлі қазақ тұрмысының болмысын дәлме-дәл береді. Фотоқұжаттардың деректік маңызы жазба, мұрағаттық нарративтік құжаттармен пара-пар. Ұсынылған музейлік фотоқұжаттар этнографиялық тұрғыда бұрын зерттелмеген, музейлік-этнографиялық атрибуция жасау ісінде алғашқы қадам. Осы зерттеу жобасы аясында әскери өлкетанушы

ағайынды Белослюдовтар ішінде Федор Белослюдовтың фотоқұжаттары хатталып, музейлік-этнографиялық интерпретация жасалып, ҚРҰҒА «Ғылым Ордасы» және Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Археология, этнология және музеология кафедрасының «этнографиялық электронды дерекқор» базасына тіркелді. Мақалада фототіркеудің тек кейбір нұсқалары берілді.

Әдебиеттер тізімі

- Бабалар сөзі, 2013 — *Бабалар сөзі*. 100 томдық. Т. 93. Магиялық фольклор. Астана: Фолиант. 2013. 432 б. Белослюдов, 1910–1931 — *Белослюдов* альбомы. Семей тарихи-өлкетану музейі қоры, 1910–1931.
- Брюханов, 1912 — *Брюханов В.А.* Марал-Аулие. Записки Семипалатинского Подъотдела Императорского Русского Географического общества. Выпуск VI. Семипалатинск, Электро-Типолитография, 1912. 369 с.
- Воробьев, 2018 — *Воробьев Д.В.* Этнозоология или взаимодействие человека с миром фауны? (введение). Этнографическое обозрение. 2018. № 4. С. 5–12.
- Добржанский т.б., 2018 — *Добржанский Ф.Г., Лус Я.Я., Войтицкий Б.П., Колесник Н.Н., Медведев Н.Н.* Домашние животные Семипалатинского губернии. Част 1. Лошадь, марал. Материалы особого комитета по исследованию Союзных и Автономных Республик. Ленинград: Издание АН СССР, 1928. 250 с.
- Камалашұлы, 2013 — *Камалашұлы Б.* Қазақ халқының салт-дәстүрлері. Ұланбатор, 2013. 988 б.
- Қазақстан Республикасында материалдық емес мәдени мұраны қорғау, 2013 — Қазақстан Республикасында материалдық емес мәдени мұраны қорғау және дамыту жөніндегі тұжырымдама туралы. Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2013 жылғы 29 сәуірдегі № 408 қаулысы, 2013. // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P1300000408> (Қаралған күні: 28.05.2025).
- Қазақстанның жалпыұлттық қасиетті, 2017 — *Қазақстанның жалпыұлттық қасиетті* нысандары. Астана: Фолиант, 2017. 496 б.
- Қазақстанның жанды мұрасы, 2024 — *Қазақстанның жанды мұрасы*. Қазақстан Республикасының ЮНЕСКО-ның Материалдық емес мәдениет мұрасы конвенциясын (2013) іске асыруға қатысты Ұлттық баяндамасы. Редакцияны басқарған Мұзафаров Р.Р. Астана, 2024. 120 б.
- Қазақтың этнографиялық категориялар, 2017 — *Қазақтың этнографиялық категориялар*, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. 2017. Энциклопедия. 5-томдық. Редактор: Н. Әлімбаев. Алматы: Әлем даму интеграция, 2017. 856 б.
- Қасқыр тілін білетін қазақ, 2024 — Қасқыр тілін білетін қазақ. «Ержан-қасқыр» атанған аңшы туралы деректі-танымдық фильм, 2024. // URL: https://www.youtube.com/watch?v=4P_FJM6JzVQ (Қаралған күні: 07.05.2025).
- Мартыненко, 2017 — *Мартыненко Е.И.* Правовая охрана нематериального культурного наследия государств – участников СНГ на международном и национальном уровнях. Мартыненко. Вестник Воронежского Государственного Университета. Серия Право, 2017. № 2. С. 282–294.
- Материалдық емес мәдени мұра, 2015 — Материалдық емес мәдени мұра элементтерінің ұлттық тізбесін қалыптастыру және жүргізу қағидаларын бекіту туралы. Қазақстан Республикасы Мәдениет және спорт министрінің 2015 жылғы 30 қарашадағы № 368 бұйрығы, 2015. // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V1500012594> (Қаралған күні: 15.06.2025).
- Материалдық емес мәдени мұраны қорғау, 2011 — Материалдық емес мәдени мұраны қорғау туралы конвенцияны ратификациялау туралы. 2011 жылғы 21 желтоқсандағы Қазақстан Республикасының Заңы, 2011. // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1100000514> (Қаралған күні: 15.06.2025).
- Махмұд Қашқари, 1997 — *Махмұд Қашқари*. Түрік тілінің сөздігі (Диуани лұғат-ит-түрік). 3 томдық. Алматы: Хант, 1997. Том 1. 589 б.
- Соңғы скиф, 2023 — «Соңғы скиф» деректі фильмі, 2023. // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AjTXU3o9gmg> (Қаралған күні: 15.06.2025).
- Толеубаев, 1991 — *Толеубаев А.* Реликты до исламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – нач. XX вв.). Алма-ата: Ғылым, 1991. 214 с.
- Browse the Lists, 2003 — *Browse the Lists* of Intangible Cultural Heritage and the Register of good safeguarding practices, 2003. // URL: <https://ich.unesco.org/en/lists> (accessed 04.05.2025).
- Clément, 1998 — *Clément D.* The Historical Foundation of Ethnobiology (1860–1899). Journal of Ethnobiology, 1998, Vol. 18. No. 2. Pp. 161–187.
- Dídac, 2016 — *Dídac Santos Fita*. Etnozoología. Centro de Investigación en Ciencias Biológicas Aplicadas – CICBA. Mexico, 2016. 95 p.

References

- Babalar sozi, 2013 — *Babalar sozi*. 100 tomдық. Vol. 93. Magiyalyk fol'klor [Words of Ancestors: A hundred volumes. Vol. 93. Magical folklore]. Astana: Foliant, 2013. 432 p. (In Kaz.).
- Beloslyudov, 1910–1931 — *Beloslyudov al'bomy*. Semey tarihi-olketanu muzeyi kory [Beloslyudov's album. Collection of the Historical and Cultural Museum of Semey], 1910–1931. (In Russ.).
- Browse the Lists, 2003 — *Browse the Lists* of Intangible Cultural Heritage and the Register of good safeguarding practices, 2003. // URL: <https://ich.unesco.org/en/lists> (access date: 04.05.2025).

Bryuhanov, 1912 — *Bryuhanov V.A. Maral-Aulie. Zapiski Semipalatinskogo Podotdela Imperatorskago Russkago Geograficheskago obshhestva. Vypusk VI* [Notes of the Semipalatinsk Subdepartment of the Imperial Russian Geographical Society. Issue VI]. Semipalatinsk: Yelektro-Tipolitografiya, 1912. 369 p. (In Russ.).

Clément, 1998 — *Clément D. The Historical Foundation of Ethnobiology (1860–1899). Journal of Ethnobiology*, 1998, Vol. 18. No. 2. Pp. 161–187.

Dídac, 2016 — *Dídac Santos Fita. Etnozoología. Centro de Investigación en Ciencias Biológicas Aplicadas – CICBA. Mexico, 2016. 95 p. (In Fr.).*

Dobrzhanskiy, et al., 1928 — *Dobrzhanskiy F.G., Lus Ya.Ya., Voytickiy B.P., Kolesnik N.N., Medvedev N.N. Domashnye zhivotnye Semipalatinskogo gubernii. Chast 1. Loshad', maral* [Domestic animals of the Semipalatinsk province. Part 1. Horse, maral]. Materialy osobogo komiteta po issledovaniyu Soyuznyh i Avtonomnyh Respublik. Leningrad: Izdanie AN SSSR, 1928. 250 p. (In Russ.).

Kamalashuly, 2013 — *Kamalashuly B. Kazak halkynyn salt-dasturleri* [Customs and rituals of the Kazakh people]. Ulanbator, 2013. 988 p. (In Kaz.).

Kaskyr tilin biletin kazak, 2024 — *Kaskyr tilin biletin kazak. “Erzhan-kaskyr” atangan anshy turaly derekti-tanyndyk fil'm* [A documentary about a hunter nicknamed “Yerzhan the Wolf”], 2024. // URL: https://www.youtube.com/watch?v=4P_FYM6YzVQ (access date: 07.05.2025). (In Kaz.).

Kazakstan Respublikasynda materialdyk emes madeni murany korgau, 2013 — *Kazakstan Respublikasynda materialdyk emes madeni murany korgau* zhane damytu zhonindegi tuzhyrymdama turaly. Kazakstan Respublikasy Ukimetinin 2013 zhylgy 29 sauirdegi No. 408 kaulysy [On the Concept of Protection and Development of Intangible Cultural Heritage in the Republic of Kazakhstan. Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated April 29], 2013 No. 408. // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P1300000408> (access date: 28.05.2025). (In Kaz.).

Kazakstannyn zhalpyulttyk kasietti, 2017 — *Kazakstannyn zhalpyulttyk kasietti* nysandary [The Kazakhstan Sacred Objects of Whole National Importance]. Astana: Foliant, 2017. 496 p. (In Kaz.).

Kazakstannyn zhandy murasy, 2024 — *Kazakstannyn zhandy murasy*. Kazakstan Respublikasynyn UNESCO-nyn Materialdyk emes madeniet murasy konvenciyasyn (2013) iske asyruga katysty Ulttyk bayandamasy [Living Heritage of Kazakhstan. National report of the Republic of Kazakhstan on the implementation of the UNESCO Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage (2013)]. Ed. by Muzafarov R.R. Astana, 2024. 120 p. (In Kaz.).

Kazaktyn etnografiyalyk, 2017 — *Kazaktyn etnografiyalyk* kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Yenciklopediya. 5-tomduk [Traditional system of ethnographic categories, concepts and names of Kazakhs. 5 Volumes]. Ed. by N. Alimbay. Almaty: Alem Damu integrasiya, 2017. Vol. 5. 856 p. (In Kaz.).

Mahmud Kashkari, 1997 — *Mahmud Kashkari. Turik tilinin sozdigi* (Diواني لغات-یت-توریک) [Dictionary of the Turkic language]. 3 tomduk. Almaty: Hant, 1997. Vol. 1. 589 p. (In Kaz.).

Martynenko, 2017 — *Martynenko E.I. Pravovaya ohrana nematerial'nogo kul'turnogo nasledija gosudarstv – uchastnikov SNG na mezhdunaronom i nacional'nom urovnjah* [Legal protection of intangible cultural heritage of the CIS member states at the international and national levels]. Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Pravo, 2017, No. 2. Pp. 282–294. (In Russ.).

Materialdyk emes madeni mura yelementterinin ulttyk tizbesin, 2015 — *Materialdyk emes madeni mura yelementterinin ulttyk tizbesin* kalyptastyru zhane zhurgizu kagidalaryn bekitu turaly. Kazakstan Respublikasy Madeniet zhane sport ministrinin 2015 zhylgy 30 karashadagy No. 368 buyrygy [On approval of the Rules for the formation and maintenance of the National List of Elements of Intangible Cultural Heritage. Order of the Minister of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan dated November 30], 2015 No. 368. // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V1500012594> (access date: 15.06.2025). (In Kaz.).

Materialdyk emes madeni murany korgau, 2011 — *Materialdyk emes madeni murany korgau* turaly konvenciyany ratifikacyalau turaly. 2011 zhylgy 21 zheltoksandagy Kazakstan Respublikasynyn Zany No. 514-IV [On ratification of the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage. Law of the Republic of Kazakhstan dated December 21, 2011 No. 514-IV], 2011. // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1100000514> (access date: 15.06.2025). (In Kaz.).

Songy skif, 2023 — *“Songy skif” derekti fil'mi* [Documentary film “The Last Scythian”], 2023. // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AyTXU3o9gmg> (access date: 15.06.2025). (In Kaz.).

Toleubaev, 1991 — *Toleubaev A. Relikty do islamskih verovaniy v semeynoy obryadnosti kazahov (XIX – nach. XX vv.)* [Relics of pre-Islamic beliefs in the family rituals of the Kazakhs (XIX – early XX centuries)]. Alma-Ata: Gylym, 1991. 214 p. (In Russ.).

Vorob'ev, 2018 — *Vorob'ev D.V. Yetnozoologiya ili vzaimodeystvie cheloveka s mirom fauny? (vvedenie)* [Ethnozoology or human interaction with the world of fauna? (introduction)]. Yetnograficheskoe obozrenie, 2018. No. 4. Pp. 5–12. (In Russ.).

ЭТНОЛОГИЯ/АНТРОПОЛОГИЯ / ETHNOLOGY/ANTHROPOLOGY

Published in the Republic of Kazakhstan
Asian Journal “Steppe Panorama”
Has been issued as a journal since 2014
ISSN 2710-3994.
Vol. 12. Is. 4, pp. 1221-1234, 2025
Journal homepage: <https://ajspiie.com>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.41.01; 03.41.91
https://doi.org/10.51943/2710-3994_2025_12_4_1221-1234

TRADITION OF BURIAL OF HORSES IN EARLY IRON AGE CEMETERIES OF KAZAKHSTAN

Sapatayev Samat^{1*}, Kuralova Zulfiya²

¹Selçuk University
(369, Yeni İstanbul Ave., 42130 Konya, Republic of Türkiye)
PhD Student
 <https://orcid.org/0000-0003-2873-5183>. E-mail: samat.sapatayev@gmail.com
*Corresponding author

²Selçuk University
(369, Yeni İstanbul Ave., 42130 Konya, Republic of Türkiye)
Master Student
 <https://orcid.org/0009-0007-9258-198X>. E-mail: zulfiyakuralove@gmail.com

© Ch.Ch. Valikhanov IHE, 2025
© Sapatayev S., Kuralova Z., 2025

Abstract. *Introduction.* Early Iron Age nomads in Kazakhstan buried horses alongside humans, reflecting the horse’s profound social and spiritual significance. Despite numerous excavations documenting this practice, understanding of its regional variations and evolution remains limited. *Goals and objectives.* This study aims to reveal the distribution and development of horse burial rituals across different regions of Early Iron Age Kazakhstan. It examines the Northern/Central, Eastern (including Jetisu), and Southern/Western regions, comparing the technical characteristics and decorative motifs of horse harnesses interred in graves. *Results.* Clear regional patterns emerge. In Northern and Central Kazakhstan (Tasmola culture), horse interments were predominantly symbolic often limited to a horse’s head or a few harness pieces accompanying the human burial. Eastern Kazakhstan and Jetisu (Saka cultures) featured more elaborate rites, including complete horse skeletons (sometimes several in one kurgan) buried with lavish gold-adorned harness sets. Southern and Western Kazakhstan yielded fewer and more modest cases (partial horse remains or only harness items) yet confirm that the custom was present there as well. These findings reveal a trajectory from simpler, symbolic offerings in peripheral or early contexts to increasingly opulent horse burials among elite groups over time. *Conclusions.* The tradition of horse burials in Early Iron Age Kazakhstan though regionally varied consistently reflects the horse’s dual role as a status symbol and as a sacred guide to the afterlife. The most esteemed individuals were accompanied by richly ornamented horses, mirroring a broader steppe-wide belief in horses as indispensable companions in both life and death.

Keywords: Horse burial tradition, Early Iron Age, Kazakhstan, kurgan, horse equipment

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the grant financing project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan “Study of the Kazakh people’s attitude to the conservation of “living monument” and biodiversity in wildlife from the viewpoint of ethno-anthropozoology, legal ethnology” (Registration number AP26199955).

For citation: Sapatayev S., Kuralova Z. The Tradition of Horse Burials in Early Iron Age Cemeteries of Kazakhstan Geography // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Vol. 12. No. 4. Pp. 1221–1234. (In Eng.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1221-1234

ЕРТЕ ТЕМІР ДӘУІРІ ҚАЗАҚСТАН АУМАҒЫНДАҒЫ ҚОРЫМДАРДА АТПЕН ЖЕРЛЕУ ДӘСТҮРІ

Сапатаев Самат Әбдіразақұлы^{1*}, Куралова Зүлфия Сеитбекқызы²

¹Селчук университеті

(369-үй, Йени Истамбул даңғ., 42130 Кония, Түркия Республикасы)

PhD докторант

 <https://orcid.org/0000-0003-2873-5183>. E-mail: samat.sapatayev@gmail.com

*Автор-корреспондент

²Селчук университеті

(369-үй, Йени Истамбул даңғ., 42130 Кония, Түркия Республикасы)

Магистрант

 <https://orcid.org/0009-0007-9258-198X>. E-mail: zulfiyakuralove@gmail.com

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2025

© Сапатаев С.Ә., Куралова З.С., 2025

Аңдатпа. *Kіріспе.* Қазақстандағы ерте темір дәуірінің көшпелілері адамдарды жылқыларымен бірге жерлеген, бұл жылқының қоғамдағы және рухани өмірдегі ерекше маңызын көрсетеді. Бұл дәстүрді құжаттайтын көптеген қазбаларға қарамастан, оның аймақтық ерекшеліктері мен дамуы толық түсіндірілмеген. *Мақсаты мен міндеттері.* Бұл зерттеудің мақсаты – ерте темір дәуіріндегі Қазақстанның әртүрлі аймақтарындағы атпен жерлеу рәсімдерінің таралуы мен дамуын анықтау. Зерттеу Солтүстік/Орталық, Шығыс (Жетісуды қоса), сондай-ақ Оңтүстік/Батыс аймақтарын қамтып, қорымдардағы ат әбзелдерінің техникалық ерекшеліктері мен сәндік мотивтерін салыстырады. *Нәтижелер.* Айқын аймақтық үлгілер байқалады. Солтүстік және Орталық Қазақстанда (Тасмола мәдениеті) атпен жерлеулер көбіне символдық сипатта болып, адам жерлеуіне жылқының басы немесе бірнеше әбзел бөлігі ғана қосылған. Шығыс Қазақстан мен Жетісуда (Сақ мәдениеті) рәсімдер анағұрлым күрделі, кейде бір қорғанда бірнеше толық жылқы қаңқасы алтынмен әшекейленген әбзелдерімен бірге жерленген. Оңтүстік және Батыс Қазақстанда бұл дәстүр сирек және қарапайым түрде көрінеді (жартылай жылқы қалдықтары немесе тек әбзелдер), бірақ мұнда да әдеттің бар екендігі дәлелденген. Бұл деректер шеткері немесе ертеректегі жағдайларда қарапайым, символдық құрбандықтардан уақыт өте келе элита арасындағы сәнді атпен жерлеулерге дейінгі дамуды көрсетеді. *Қорытынды.* Ерте Темір дәуіріндегі Қазақстандағы атпен жерлеу дәстүрі аймақтық тұрғыдан әртүрлі болғанымен, жылқының мәртебе нышаны және о дүниеге жетелейтін қасиетті серік ретіндегі қосарлы рөлін тұрақты түрде көрсетеді. Ең құрметті адамдар бай әшекейленген жылқыларымен бірге жерленіп, жылқының өмір мен өлімде ажырамас серік екендігіне деген далалық кең ауқымды сенімді айқын бейнелейді.

Түйін сөздер: Ат жерлеу дәстүрі, ерте темір дәуірі, Қазақстан, қорған, ат әбзелдері

Алғыс. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің «Қазақ халқының жабайы табиғаттағы «тірі ескерткіш» пен биоалуандылықты сақтауға қарым-қатынасын этно-антропозоология, құқықтық этнология тұрғысынан зерттеу» тақырыбындағы гранттық қаржыландыру жобасын жүзеге асыру аясында орындалды (жеке тіркеу нөмірі: AP26199955).

Дәйексөз үшін: Сапатаев С.Ә., Куралова З.С. Ерте темір дәуірі Қазақстан аумағындағы қорымдарда атпен жерлеу дәстүрі // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. 1221–1234 бб. (Ағылш.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1221-1234

ТРАДИЦИЯ ЗАХОРОНЕНИЯ ЛОШАДЕЙ В МОГИЛЬНИКАХ КАЗАХСТАНА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Сапатаев Самат Абдиразакович^{1*}, Куралова Зульфия Сеитбеккызы²

¹Сельчукский университет

(д. 369, просп. Йени Истамбула, 42130 Конья, Турецкая Республика)

PhD докторант

 <https://orcid.org/0000-0003-2873-5183>. E-mail: samat.sapatayev@gmail.com

*Автор-корреспондент

²Сельчукский университет

(д. 369, просп. Йени Истамбула, 42130 Конья, Турецкая Республика)

Магистрант

 <https://orcid.org/0009-0007-9258-198X>. E-mail: zulfiyakuralove@gmail.com

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2025

© Сапатаев С.А., Куралова З.С., 2025

Аннотация. *Введение.* Кочевники раннего железного века в Казахстане хоронили людей вместе с лошадьми, что отражает особое социальное и духовное значение лошади. Несмотря на многочисленные раскопки, фиксирующие эту традицию, её региональные особенности и эволюция остаются недостаточно изученными. *Цель и задачи исследования.* Цель исследования – выявить распространение и развитие обрядов захоронения лошадей в различных регионах Казахстана раннего железного века. Исследование охватывает Северный/Центральный, Восточный (включая Жетысу), а также Южный/Западный регионы, сравнивая технические характеристики и декоративные мотивы конской упряжи, найденной в погребениях. *Результаты.* Выявлены чёткие региональные различия. В Северном и Центральном Казахстане (культура Тасмола) захоронения лошадей носили преимущественно символический характер, часто ограничиваясь головой лошади или несколькими элементами упряжи, сопровождавшими человеческое погребение. В Восточном Казахстане и Жетысу (культуры сакского времени) ритуалы были более сложными: иногда в одном кургане находили несколько полных скелетов лошадей, погребённых вместе с богато украшенной золотом упряжью. В Южном и Западном Казахстане традиция встречается реже и в более скромной форме (частичные останки лошадей или только предметы упряжи), однако её наличие также подтверждено. Эти данные отражают развитие от простых, символических жертвоприношений в периферийных или ранних контекстах до всё более пышных захоронений лошадей среди элитных групп. *Выводы.* Традиция захоронения лошадей в Казахстане раннего железного века, несмотря на региональные различия, последовательно отражает двойную роль лошади – как символа статуса и как священного проводника в загробный мир. Наиболее почитаемые личности были погребены вместе с богато украшенными лошадьми, что отражает широкое степное представление о лошади как незаменимом спутнике в жизни и после смерти.

Ключевые слова: Традиция захоронения лошадей, ранний железный век, Казахстан, курган, конское снаряжение

Благодарность: Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Исследование отношения казахского народа к «живому памятнику» дикой природы и сохранению биоразнообразия с позиций этно-антропозоологии, правовой этнологии» (регистрационный номер: AP26199955).

Для цитирования: Сапатаев С.А., Куралова З.С. Традиция захоронения лошадей в могильниках Казахстана раннего железного века // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. С. 1221–1234. (На Англ.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1221-1234

Introduction

The Early Iron Age nomadic equestrian cultures that emerged across the Eurasian steppes are known for their profound relationship with horses, which formed a significant component of their material culture. During this period, the horse transcended its role as a means of transportation and warfare, becoming central to symbols of social prestige and power. Particularly in Kazakhstan, the practice of burying horses alongside humans in graves vividly reflects the ritual and spiritual dimensions of this relationship. Archaeological findings demonstrate that horse burials were integral to the funerary customs of early nomadic societies, playing a significant role in conceptions of the afterlife. Indeed, ritual horse interments found in Altai, Tasmola, and Berel kurgans suggest that horses were perceived as spiritual beings responsible for guiding souls to the afterlife. For instance, the 17 ornately adorned horse remains preserved intact in Berel Kurgan through artificial freezing strikingly underscore the sacred and ceremonial importance of horses.

Graves containing horse burials yield artifacts indicative of the elite nomadic class, serving as status symbols. Items such as golden or bronze bits, bronze ornaments, harness components, and horse remains found in these graves symbolize both the deceased's social position and the horse's role as a guide in the journey to the afterlife. Thus, horses were viewed not merely as mounts, but as sacred entities transporting their owner's status into the next world. Similarly, in ancient Turkic and steppe beliefs, the horse was considered a spiritual animal, often sacrificed without shedding blood (by strangulation), highlighting its sacred dimension (Çoruhlu, 2018: 162). This historical and cultural continuity emphasizes the horse's central role in social rituals dating back to the Early Iron Age.

The tradition of horse burial in Kazakhstan has long attracted the interest of archaeologists. Beginning in the mid-20th century, Soviet archaeologists such as A.A. Iyessen (1953), M.P. Gryaznov (1950; 1980), and M.K. Kadyrbayev (1966), along with Kazakh researchers like Z.S. Samashev (2006; 2011; 2014), conducted numerous kurgan excavations documenting horse burial practices. Although these studies have clarified aspects of regional and chronological variations, many questions remain unanswered. Comprehensive evaluations are particularly needed concerning the chronological distribution, regional variations, and underlying belief systems related to horse burials.

The present study is an attempt to address this need and is fundamentally based on findings from previous research. This article, drawing upon those studies, specifically focuses on horse burial practices in graves, grave typologies, and the iconographic analysis of harness equipment. The aim of the study is to reveal the distribution and development of horse burial rituals observed throughout the Early Iron Age in different regions of Kazakhstan (North-Central, East-Jetisu, South-West); and to comparatively evaluate the technical-typological features and decorative motifs of the horse harnesses deposited in graves during these rituals.

As a method, a multifaceted analysis of archaeological data has been adopted. Excavation reports of kurgans belonging to different regions and cultures were examined in depth; typological classification of finds, correlation with chronological data, and iconographic interpretation were conducted together. For example, by analyzing the morphology of harness components (types of bits and cheekpieces, rein parts, etc.), material composition (bone, bronze, iron), and their decorative motifs, regional traditions were identified. In this way, the study goes beyond the functional dimension of material finds and enables interpretations regarding the social hierarchy, aesthetic values, and belief systems of the societies to which they belonged.

In subsequent sections, the article first addresses the cultural and economic significance of horses in the Early Iron Age Kazakh steppes. It then analyzes archaeological finds from horse burials across Kazakhstan within a regional and chronological framework, comparing practices in the North/Central, East/Jetisu, and South/West regions. Thirdly, it compares the Kazakh examples with similar horse burial traditions across Eurasia, exploring the broader context within steppe culture. The final section synthesizes the findings and provides conclusions along with recommendations for future research.

Materials and methods

This study is based on a comprehensive analysis of archaeological data collected from Early Iron Age burial sites across different regions of Kazakhstan, including Northern and Central Kazakhstan (Tasmola culture), Eastern Kazakhstan (Berel, Eleke Sazy, Shilikty), Southern Kazakhstan (Uygarak, Tagisken), and Western Kazakhstan (Kyryk-Oba 2). The selection of sites was determined by the availability of well-documented excavation reports, stratigraphic observations, and artifact inventories related to horse burials. The chronological framework spans from the 9th/8th to the 3rd century BC, covering the entire Early Iron Age period. The research employed a multidisciplinary approach combining typological, spatial, and comparative analyses.

- **Typological Analysis of Material Culture:** The study focused on horse-related artifacts, including bits, cheekpieces (psalia), saddles, harness fittings, and decorative elements. These items were classified according to their morphology, manufacturing techniques, and decorative styles. Metal objects were further assessed based on alloy composition and technological features described in excavation reports. Bone and wooden components, where preserved, were examined for traces of use-wear, carving patterns, and symbolic ornamentation.

- **Zooarchaeological Examination of Horse Remains:** Osteological data from excavated horse skeletons were analyzed to determine species, age, sex, and physical characteristics. These parameters helped to identify whether selected horses were prime individuals, indicative of ritual selection processes. In cases where full skeletons were absent, isolated bones (such as skulls or limbs) were studied to understand their ritual placement within the burial structure.

- **Spatial and Contextual Analysis of Burials:** The positioning of horses and associated artifacts in relation to the human burial was documented using site plans and stratigraphic data. Special attention was given to burial chamber architecture, side compartments, and symbolic placements of horse elements. The spatial arrangement was interpreted to infer ritual practices, ceremonial sequences, and the social hierarchy represented in the funerary context.

- **Iconographic and Symbolic Interpretation:** Decorative motifs on harness ornaments were analyzed within the framework of Scythian animal-style art. Comparative iconographic studies were conducted to explore symbolic meanings and their connections to beliefs about the afterlife and the role of horses in spiritual cosmology.

The methodology relied primarily on published excavation reports, museum collections, and the author's critical synthesis of data from fieldwork and scholarly literature. By integrating artifact typology, osteology, burial context, and iconographic analysis, the study provides a holistic reconstruction of the horse burial tradition in Early Iron Age Kazakhstan and its significance within the broader Eurasian steppe cultural landscape.

Discussion

Within the framework of the findings and comparisons presented above, several key aspects of the horse burial tradition in Early Iron Age Kazakhstan become clear. First, from a chronological perspective, this tradition appears to have taken root in the Late Bronze Age and gradually institutionalized throughout the Iron Age. While traces of horse sacrifice in the Late Bronze Age (for example, in the Andronovo-Begazy culture) are still rare and ambiguous, from the 8th–7th centuries BCE onward they become more distinct, reaching their peak between the 5th and 3rd centuries BCE. During this period, advances in metallurgy and increasing social complexity contributed directly to the elaboration of horse burial rites. For instance, as societies transitioned from bronze to iron, the harness components placed in graves evolved accordingly bronze fittings gave way to iron bits, and the widespread use of bronze decorations signaled those technological innovations had become integrated into ritual practices. While early examples reflect simpler and fewer horse sacrifices, the later periods show an increase in both the number of horses and the opulence of their decorations, indicating the growing theatrical and political significance of funerary ceremonies. This evolution corresponds to the consolidation of aristocratic power in nomadic societies and the transformation of funerals into public displays of authority.

Secondly, in terms of regional variation, it becomes clear that the tradition of horse burial manifested with differing intensity and forms across various geographical parts of Kazakhstan. In the Tasmola culture of Central and Northern Kazakhstan, horse burials were mostly symbolic limited in number and often represented by partial remains. In contrast, this practice reached its peak in the elite Saka kurgans of Eastern Kazakhstan, where numerous horses were buried in full harness. In the southern and western regions, although the tradition continued into later centuries, it underwent some transformation with the decline of Scythian/Saka influence and the rise of the Sarmatians. In these areas, horses were typically represented not by full burials, but through parts of their bodies or through harness elements. These differences may be partially explained by environmental conditions. In the mountainous and cold regions of Eastern Kazakhstan, the frozen soil allowed the preservation of organic materials, possibly encouraging the deliberate burial of entire horses turning this dramatic ritual into a form of cultural “*signpost*”. In contrast, the warmer climate of the steppe interior would have led to rapid decomposition of organic matter, prompting more practical and symbolic approaches, such as burying only the horse’s skull. Moreover, the eastern Saka societies, due to their interactions with neighboring Chinese and Persian civilizations, may have enjoyed increased wealth and resources, enabling them to conduct large-scale sacrificial ceremonies. On the other hand, the Tasmola culture in the central steppes likely had more limited economic means, leading to more restrained horse sacrifices. While such explanations remain speculative, the geographic distribution of the finds strongly suggests this possibility.

Thirdly, it is important to focus on the religious and social motivations underlying the horse burial tradition. The evidence clearly shows that horses were not buried merely for their economic value; rather, their placement, orientation, associated objects, and decorative elements within the grave were arranged with deliberate care. For example, in the kurgans of Central Kazakhstan, horse skulls are consistently placed along the eastern edge of the grave likely a reflection of symbolic belief, perhaps tied to the idea that the horse’s spirit would journey to the afterlife in the direction of the rising sun. The selection of horses was also not random but followed specific criteria. As seen in the examples of Nurtay and Berel, strong, adult male horses were deliberately chosen (Tkachev, 2002: 136–138), indicating a belief that the sacrificed animal had to be one of the “*best*”, both physically and symbolically. From a social standpoint, horse burials served as a form of public display during funeral ceremonies. The sacrifice and burial of multiple horses in a high-profile funeral likely functioned as a ritual emphasizing the power and status of the deceased leader, and perhaps as a means of legitimizing the authority of their successors. In this sense, the horse burial tradition was not solely an expression of spiritual belief but also a political discourse. The symbolism of power and wealth became concentrated within the funerary context, transforming the burial into a stage for projecting elite authority.

Finally, it is important to emphasize the contributions of studying the horse burial tradition to the field of archaeology. This tradition, as it leaves both biological (faunal) and cultural traces in the archaeological record, provides an ideal basis for interdisciplinary research. On the one hand, osteological and genetic analyses of horse bones offer insights into the breeds of ancient horses, their levels of domestication, diet, and mobility. Indeed, DNA analyses of the Berel and Pazyryk horses have shown that these animals likely belonged to a local landrace and that there was no significant importation of horses from outside regions (Rubinson, Linduff, 2023: 5–6). This suggests that early nomadic societies followed a principle of self-sufficiency in horse breeding. On the other hand, by examining the manufacturing techniques (such as casting, inlay, gilding) and stylistic features of horse harnesses, it becomes possible to trace networks of interaction between different cultural centers. For example, the distribution of bronze bit types in Kazakhstan offers an opportunity to track the diffusion of technology between Central Asia and the Caucasus; or stylistic comparisons of gold applique artwork reveal the communication between workshops of Scythian, Saka, and Sarmatian centers. In this regard, the horse burial tradition also provides clues about historical connections.

In general, the horse burial tradition in Early Iron Age steppe societies can be regarded as the most extreme expression of the human-animal relationship. Humans, seeing the horse as their most valuable possession, chose to bury it alongside themselves, unwilling to part even after

death – thereby also conveying social messages. Within this tradition, a profound spirituality (the sanctity attributed to the horse) is intertwined with conspicuous display (the exhibition of wealth and power). The ritual of horse sacrifice served both as a component of religious belief and as an instrument of political authority. The archaeological findings from the Kazakh steppes confirm this multi-layered phenomenon.

Results

Horse Culture in Early Iron Age Kazakhstan

The nomadic societies of Early Iron Age Kazakhstan (part of the Scythian-Saka world) built their economy and military power on the horse. By the 9th–8th centuries BCE, mounted cavalry had replaced chariots, giving these steppe communities greater mobility and making horse ownership a key marker of wealth and status. Beyond their practical value, horses held profound ritual significance. Classical accounts describe how a deceased nomadic king would be accompanied in burial by his sacrificed horses (Herodotus, 2006: 71–72), indicating the belief that horses escorted their masters into the afterlife. Archaeology corroborates this: early nomadic kurgans as far apart as Tuva and Kazakhstan (9th–7th centuries BCE) contain horse remains, a practice later seen in the Altai Pazyryk tombs as well (Rubinson, Linduff, 2023: 2). Steppe mythologies regarded the horse as a sacred intermediary between worlds; for example, Turkic ritual required that a funeral horse be strangled without shedding blood to preserve its purity (Çoruhlu, 2018: 163). The prominence of the horse also drove technological innovation. By the Iron Age, artisans across the steppes were producing sophisticated bronze and iron bits, cheekpieces, and other tack, greatly improving riding control (Khinayatuly, 2004: 183). These items themselves became status symbols and are frequently found as grave goods. In sum, the horse was central to early Kazakh nomadic life economically, socially, and spiritually and this centrality is vividly reflected in the tradition of horse burials.

1. *Horse Burials in Early Iron Age Kazakhstan*

The practice of burying horses alongside humans was observed throughout Kazakhstan from the 9th/8th to 3rd centuries BCE, with regional variations. Distinct traditions have been identified in the northern and central steppes, the eastern mountainous areas (Altai and Jetisu), and the southern and western peripheries of the steppe (see Map 1 for the locations of major sites). Below, we outline the evidence from each region in turn.

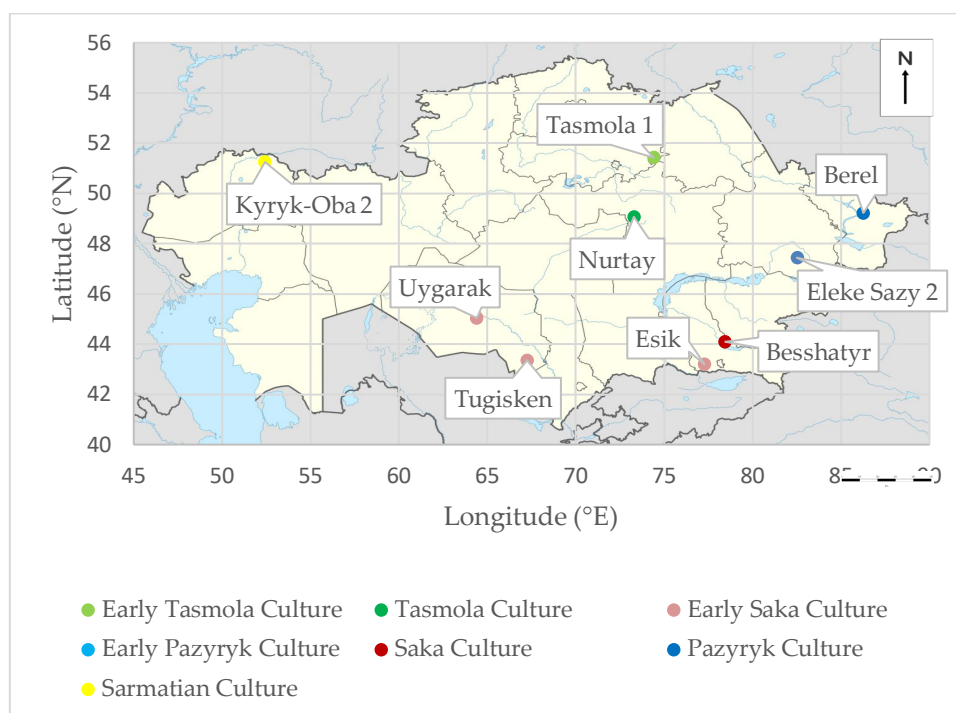

Fig. 1 – Horse Burial Graves in Early Iron Age Kazakhstan

2.1. Northern and Central Kazakhstan (Tasmola Culture Kurgans): The Early Iron Age Tasmola culture (7th–5th centuries BCE), centered in the Saryarka steppe, is characterized by “*mustached*” kurgans large mounds with stone extensions where a human burial lies in the center and a horse offering is placed nearby. In these burials, horse remains typically appear in a symbolic or partial manner rather than as whole animals. Often only select parts (a horse’s head, leg, or a few bones) or specific horse-related items (bits and other harness components) were interred to represent the horse. For example, at the Nurtay cemetery (Central Kazakhstan, 7th–6th centuries BCE), many graves contained a horse’s skull on the eastern side of the human skeleton, accompanied by bronze cheekpieces. These cheekpieces were expertly cast, featuring geometric motifs; most are double-ringed bit types with small perforations for attaching straps, reflecting high craftsmanship (Tkachev, 1999: 22–29). Typological analysis of Tasmola bronze bridle sets shows a limited number of standardized bit designs used across the culture (Kadyrbayev, 1966: 303). Occasionally, higher-status burials included more elaborate horse offerings. For instance, one grave contained a richly adorned harness set (gold-plated cheekpieces, bronze animal-style appliques, and bells) along with seven horse skulls. Even in this case no full horse body was present the emphasis on skulls and ornate bridles suggests a symbolic sacrifice of multiple horses. In other instances, horse bones (skulls or limbs) appear to have been scattered in the upper layers of a tomb during post-burial ceremonies, indicating that horse sacrifice could continue as a commemorative rite after the primary interment. Overall, horse burial in Northern and Central Kazakhstan was predominantly symbolic. Typically only one horse (or its head) was dedicated per grave, accompanied by finely made bronze bits and cheekpieces (sometimes with gold ornamentation). This practice may reflect a balance between the desire to honor the deceased with horses and the economic cost of sacrificing herd animals. Compared to the eastern regions, Tasmola horse burials were modest in scale, but they firmly establish the horse’s role as a sacred funerary offering in the steppe tradition.

2.2. Eastern Kazakhstan and Jetisu (Horse burials in Elite Saka Kurgans): Eastern Kazakhstan, particularly the Altai foothills (Tarbagatai and Zaysan regions), and the Jetisu area of southeastern Kazakhstan host richly furnished Saka-period kurgans that exhibit the most elaborate horse burials in the region. Thanks to permafrost in some high-altitude sites, organic remains are preserved, revealing spectacular funerary rituals in which entire horses (often multiple) were interred with the deceased and adorned with opulent trappings. The Berel Valley in Eastern Kazakhstan offers a prime example: a 4th–3rd century BCE “*princely*” kurgan contained two human burials accompanied by 13 horse skeletons preserved in frozen condition (Samashev, 2006: 35). Each horse was caparisoned with extraordinary luxury: wooden masks with horn-shaped protuberances, gilded and felt-decorated breastplates, and complete harness sets with bronze-silver alloy bits and even stirrups (Samashev, 2011: 12). These ornamented horses were essentially ritual effigies, prepared to follow their master into the afterlife. Berel is not an isolated case other Altai sites like Eleke Sazy produced similar finds. One kurgan at Eleke Sazy yielded two horse skeletons along with several hundred gold harness ornaments (Toleubaev et al., 2020: 172), including gold-plated plaques with griffon and deer motifs and finely crafted metal bits closely paralleling the Berel assemblage. Some Eastern Kazakh burials also show evidence of secondary horse offerings after the main interment: at the Karakaba-1 kurgan, for instance, disarticulated horse bones were found scattered in the mound’s fill (Samashev et al., 2014: 207), suggesting additional ritual deposits. The sheer number of horses in these graves is noteworthy major kurgans at Berel contained 10 to 17 horses, comparable to the multi-horse burials of the Pazyryk culture in neighboring Siberia (Rubinson, Linduff, 2023: 3–4). This suggests that the scale of horse sacrifice was directly proportional to the status of the deceased. The lavish Altai horse graves also share artistic features with neighboring traditions: for example, the iconic gold deer plaques from early Sarmatian sites like Filippovka in the Urals have close analogues in the Saka animal-style decorations of Eastern Kazakhstan (Yablonskiy, 2013).

In the Jetisu region, similar practices prevailed, though sometimes at a smaller scale. The Besshatyr necropolis (Ili Valley, 6th–5th centuries BCE) contains massive Saka royal mounds. Although many were looted, some yielded horse bones and bridle pieces inside the tombs, and dozens of stone altars encircling the mounds held burnt animal bone fragments evidence of ritual sacrifices

(Akishev, Kushaev, 1963). Another famous site is the Issyk kurgan (5th–4th centuries BCE), where the tomb of the “*Golden Man*” did not preserve horse remains in situ, but did contain ornate gold horse tack (including a gilded bridle and a decorated saddle covering) as grave goods (Nurmukhanbetov, 2017: 252). This implies a horse was symbolically present, perhaps buried just outside the chamber or represented by the lavish equipment. As in Eastern Kazakhstan, Jetisu horse burials feature high-quality harness sets adorned with gold and bronze plaques crafted in the Scytho-Siberian animal style (Viazmitina, 1963: 158). It was once conjectured that the variety of horse ornamentation in certain graves (e.g., different mask styles in Berel) meant the horses came from multiple clans or allies; however, DNA analysis has shown that all the Berel horses belonged to the same local herd (Keyser-Tracqui et al., 2005: 203). This finding suggests that the sacrificed horses were likely the personal steeds of the deceased rather than tribute from others.

2.3. Southern and Western Kazakhstan (Saka-Sarmatian interaction zone): In the southern reaches of Kazakhstan (the Aral Sea vicinity) and the western steppes near the Ural River, evidence of horse burial is more limited, yet it shows that the custom extended to these peripheral regions. At sites like Uygarak and Tugisken (7th–6th centuries BCE) in the south, archaeologists found horse-related remains such as bronze bits, a horse tooth, and scattered bones associated with human graves (Vishnevskaya, Itina, 1971: 200–204). Although it is unclear whether whole horses were interred, these finds demonstrate that horses figured in the funerary rituals of southern Saka groups. In Western Kazakhstan, which by the 4th century BCE fell under early Sarmatian influence, horse burials were likewise present but often only in symbolic form. Sarmatian graves typically include only select horse parts or equipment rather than entire horse carcasses (Smirnov, 1964). The limited excavations in western sites align with this pattern: for example, at the elite Kyryk-Oba 2 cemetery, warriors were buried with horse skulls or bones placed beside them, accompanied by rich harness items like bronze cheekpieces, gold-plated bridle ornaments, and carved bone saddle pieces (Gutsalov, 2007: 75–81). The Sarmatian nobility thus maintained the tradition of indicating the horse in burials, even if the animal itself was not always whole. Notably, they continued the artistic traditions of their Scythian-Saka predecessors for instance, adorning horse gear with large gold deer plaques of the type known from the Filippovka kurgans underscoring the enduring prestige of the horse in their culture (Gutsalov, 2007: 75–81). In summary, the southern and western parts of Kazakhstan exhibit fewer and generally simpler horse-burial deposits than the heartland regions. This may reflect both the lesser intensity of archaeological research in those areas and genuine differences in ritual practice. Nevertheless, the custom of including horses (or their substitutes) in burials is attested in all corners of the Kazakh steppe. Whether through the interment of an entire horse, the placement of a skull or limb bone, or even just the burial of the horse’s bridle, the underlying intent was the same: to equip the deceased for the afterlife with their horse as an essential companion. These regional patterns are summarized in Table 1.

Table 1 – The Tradition of Horse Burial in Early Iron Age Kazakhstan: Regional and Chronological Distribution

Area	Cemeteries	Historical Period	Horse Burial Type	Harness Features
North/Central Kazakhstan	Nurtay, Tasmola	7th–5th century BCE.	Symbolic (head/bone)	Bronze bits, cheekpieces, geometric ornaments
East Kazakhstan	Berel, Eleke Sazy	5th–3rd century BCE.	Multiple full burial	Gold-plated masks, griffin/deer motif decorations
Jetisu	Besshatyr, Esik	6th–4th century BC.	Symbolic + full burial	Gold ornaments, saddle cloths, stone circle monuments
South Kazakhstan	Tugisken, Uygarak	7th–6th century BCE.	Partial burial	Bronze bits, horse tooth
West Kazakhstan	Kyryk-Oba 2	4th–2nd century BCE.	Symbolic (harness)	Bronze bits, saddle

3. *The Horse Burial Tradition in Early Iron Age Eurasia*

The horse burial tradition examined in detail through the case of Kazakhstan is, in fact, a regional reflection of a widespread ritual observed throughout the Eurasian steppes during the Early Iron Age. Throughout the first millennium BCE, numerous steppe societies from the Scythians in the northern Black Sea region to the Saka in Central Asia, the Pazyryk culture in Siberia and the Altai Mountains, and the Huns in Inner Asia sent their leaders and nobles to the afterlife accompanied by their horses. This broad geographic distribution demonstrates how critical the horse was to early nomadic societies and indicates that the burial tradition stemmed from a shared set of beliefs and social structures.

The earliest known archaeological examples of the horse burial tradition in the Eurasian steppes date back to the late 2nd millennium BCE and are found in the graves of the Sintashta Culture in the southern Ural region. In several Late Bronze Age kurgans attributed to the Sintashta culture, archaeologists have uncovered two-wheeled war chariots along with the skeletons of horses harnessed to them (Gening et al., 1992). This discovery suggests that the practice of sacrificing horses and burying them alongside their owners predates the Iron Age. However, with the onset of the Iron Age, this tradition increased in frequency and gained richer symbolic content (Koryakova, Yepimakhov, 2010: 96). By the 9th–7th centuries BCE, during the earliest phases of Scythian or early nomadic culture stretching from the eastern Black Sea to the Altai Mountains, abundant evidence of horse burial traditions appears. One of the most remarkable examples is the Arzhan I kurgan, located in what is now the Tuva Republic. Dated to around 800 BCE, this monumental burial complex includes over 100 satellite graves. While horse remains were limited in the central elite tomb of Arzhan I, several of the surrounding graves yielded horse bones and harness components (Gryaznov, 1980: 25). These findings indicate that even in the early Scythian period, horse sacrifice was an integral part of funerary ceremonies.

The most striking evidence, however, comes from the Scythian-Siberian cultural group dated to the 7th–3rd centuries BCE. On the western edge of this cultural sphere, within the territories of the Scythian kingdom north of the Black Sea, archaeological evidence of horse burials has been partially found. Excavations of certain “*royal kurgans*” in the Ukrainian steppes such as Oleksandropol, Chertomlyk, and Solokha, all dated to the 4th century BCE have revealed multiple horse skeletons and harness components located outside or near the burial chambers (Brashinskiy, 1979: 61–83). In particular, the discovery of two bridled horse skeletons at the entrance of the burial chamber in the Chertomlyk kurgan (in the Dnieper region) recalls the ancient accounts that describe horses being stationed at the grave entrance as part of the funerary rite (Alekseev et al., 1991). However, horse burials were not as widespread in the Pontic Scythian region as they were in Central Asia and the Altai. Scythian aristocrats typically sacrificed their horses and placed their belongings in the grave, but in many cases, the horses themselves were burned during external funeral ceremonies or buried separately. Nevertheless, horse harnesses are found in nearly every rich burial in the region, and the artistic decoration on these items serves as clear evidence that horses were symbols of status in Scythian society.

When we turn to the Altai Mountains and the Sayan region, we observe the apex of the horse burial tradition. The Pazyryk Culture, which flourished there between the 5th and 3rd centuries BCE, is renowned for its extraordinarily well-preserved kurgans thanks in part to the region’s freezing climate (Gryaznov, 1950). Many Pazyryk kurgans contain the remains of five to fifteen horses sacrificed and buried alongside the deceased leader. The Berel kurgans previously discussed can in fact be considered an extension of the Pazyryk culture within the borders of present-day Kazakhstan. In Pazyryk Kurgan 1, ten horse skeletons were found, while Kurgans 2 and 4 each yielded fourteen, and Kurgan 5 revealed nine horse burials (Vitt, 1952: 163). In this respect, the Altai-Pazyryk burial practices closely parallel those of Eastern Kazakhstan. The Pazyryk horses were likewise adorned with lavish harnesses and decorative masks, and some had notches cut into their ears in specific patterns. While some researchers have interpreted these ear cuts as indicators that the horses came from different owners or clans, others argue the opposite that all the horses belonged to the same individual and that the cuts symbolized each horse’s distinct role in life (e.g., one being a warhorse,

another used for ceremonial purposes). In any case, the Pazyryk and similar Altai kurgans contain the richest archaeological inventories related to the horse burial tradition, offering valuable insight into the social and political structures of early nomadic societies. For instance, recent isotopic and DNA analyses have shown that the horses buried at Pazyryk and Berel were genetically related to local herds, meaning they were not brought in as external gifts (Librado et al., 2016: 423). This finding suggests that the horses sacrificed were most likely sourced from within the community, and that the act of sacrifice may have symbolized not only a display of a leader's power, but also a collective offering made by the community.

At the eastern edge of the Eurasian steppes in the inner regions of Central Asia and Mongolia the tradition of horse burial continued in various forms. In some aristocratic graves of the Hun Empire, which emerged from the 3rd century BCE onward, evidence of horse sacrifice has been identified. For example, in several Hun kurgans in Mongolia, archaeologists have found pits along the edges of the burial mounds containing rows of horse skulls (Polosmak, 2001). This indicates that horses were also sacrificed during the Hun period and made part of the burial architecture. However, in Hun society, horse burial practices appear to have remained at a more symbolic level compared to the Scythian-Saka traditions. Typically, only one or two horse heads were included in the burial, while the rest of the horse remains may have been placed in a separate offering pit.

Considering all these comparisons, it can be concluded that the tradition of horse burial was present across most Eurasian steppe societies during the Early Iron Age and was maintained through mutual influence and adaptation. This tradition reflects a clear cultural continuity: in the west, the Scythians and their successors the Sarmatians, and in the east, the Saka and Hun groups continued to honor the horse in burial rituals albeit under different names and regional expressions. Despite minor variations, the underlying belief appears to have been shared: the horse was regarded as the nomadic person's most loyal companion both in life and in the afterlife. Therefore, it was seen as essential not to abandon it in death. As a result of this belief, the more developed the social hierarchy, the more horses were dedicated to the deceased. Royal graves might include 10–15 horses, those of lower-ranking warriors perhaps one horse or just a horse head, while graves of the poor often contained no horse remains at all. In this way, the number of horses in a grave served as a symbol of the deceased's status. Likewise, the richness of the decorations on the horses also served as a clear indicator of social rank.

The widespread diffusion of the horse burial tradition across Eurasia also reflects intersocietal communication and cultural exchange among steppe communities. For example, the “*animal style*” motifs seen on horse masks in the Altai region closely resemble those found on Scythian gold artifacts from the Black Sea area. Similarly, the golden deer motifs of Filippovka appear in both Scythian and Saka art. This suggests that the symbolic meanings attributed to horse burial were largely shared across these cultures. Deer or antler motifs may have associated the horse with celestial beings, while griffons or predatory bird figures could have symbolized the horse's protective spirit. In any case, the horse burial tradition emerges as a unifying cultural element across the Eurasian steppes, underscoring a common set of values and beliefs among early nomadic societies.

Conclusion

The tradition of horse burials in the cemeteries of the Kazakh steppe during the Early Iron Age is a remarkable practice that combines both the material and spiritual dimensions of nomadic steppe life. The findings presented in this study demonstrate that the horse held a central place in the funerary rituals of nomadic societies, and that this tradition evolved and diversified over time. Chronologically, it is understood that horse burial practices progressed from simple symbolic offerings to elaborate ceremonial displays during the period extending from the 9th/8th century BCE to the 3rd century BCE. Regionally, while the Tasmola culture of Central Kazakhstan is characterized by modest practices such as placing a horse's head or a few harness elements in a grave, centers like Berel in Eastern Kazakhstan exhibit grandiose ceremonies where multiple fully equipped horses were interred in a single grave. The southern and western regions of Kazakhstan, on the other hand, display more limited versions of this burial tradition, positioned between these two extremes.

The study of this tradition provides valuable insights into the social hierarchy, economic structure, and belief systems of early nomadic societies. The number and quality of horses reflect the status of the deceased; the choices made regarding the sex and physical characteristics of the horses included in the graves reveal that the sacrificial ritual was carried out in a deliberate and carefully planned manner. The technical craftsmanship and artistic richness of the harness equipment not only demonstrate these societies' technological skills and appreciation for art, but also served as a medium of symbolic communication. Gold and bronze ornaments adorned with animal-style motifs conveyed messages about the identity of the horse and, by extension, its owner: concepts such as power, wealth, and cosmic guardianship were expressed through the language of these motifs.

The findings of this article, extending beyond the specific context of Kazakhstan, contribute to broader studies on the cultural history of nomadic societies across the Eurasian steppes. Since the tradition of horse burials is a shared heritage among the peoples of the Eurasian steppes, comparing the findings from Kazakhstan with similar materials from across Eurasia helps unravel networks of intercultural interaction. The comparisons presented in this study also demonstrate that distinct regions of the Scythian-Saka world such as the Altai, the Kazakh steppes, the Black Sea steppes, and the Southern Urals exhibit clear parallels in both belief systems and artistic styles. This suggests that Early Iron Age nomads may have possessed a more integrated cultural structure than previously assumed.

In conclusion, the tradition of horse burials in Early Iron Age Kazakhstan demonstrates the indispensable place of the horse in these societies and its significance that transcends death. The horse was believed to accompany its owner not only in this world but also in the afterlife; for this reason, the most valuable horses were adorned in the most splendid manner and laid to rest alongside their owners in their eternal resting places. This tradition reflects both the spiritual depth and the social display aspects of nomadic culture in a richly layered phenomenon.

References

- Akishev, Kushaev, 1963 — *Akishev K.A., Kushaev G.A.* Drevniaia kultura sakov i usunei doliny reki Ili [Ancient culture of the Saks and Usuns of the Ili River Valley]. Alma-Ata: Kazakh SSR Academy of Science Publishing House, 1963. 320 p. (In Russ.).
- Alekseev, et al., 1991 — *Alekseev A.I., Murzin V.I., Rolle R.* Chertomlyk (Skifskii carskii kurgan IV v. do n.e.) [Chertomlyk (Scythian royal burial mound of the 4th century BC)]. Kiev: Naukova dumka, 1991. 416 p. (In Russ.).
- Argent, 2010 — *Argent G.* Do the Clothes make the Horse? Relationality, Roles and Statuses in Iron Age Inner Asia // *World Archaeology*, 2010. Pp. 157–174. // URL: <https://doi.org/10.1080/00438241003672633>
- Brashinskiy, 1979 — *Brashinskiy I.B.* V poiskah skifskikh sokrovishch [In Search of Scythian Treasures]. Leningrad: Nauka, 1979. 144 p. (In Russ.).
- Çoruhlu, 2018 — *Çoruhlu Y.* Eski Türklerde ölüm kültü ve sembolizminde atın yeri [The place of the horse in the death cult and symbolism of the ancient Turks] // *Z Dergisi At: Tematik Mevsimlik Kültür, Sanat, Şehir Dergisi*, 2018. Pp. 154–163. (In Turk.).
- Gening, et al., 1992 — *Gening V.F., Zdanovich G.B., Gening V.V.* Sintashta. Arkheologicheskii pamyatnik ariyskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepy [Sintashta. Archaeological site of the Aryan tribes of the Ural-Kazakhstan steppes]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoye, 1992. 408 p. (In Russ.).
- Gryaznov, 1950 — *Gryaznov M.P.* Pervyj Pazyrykskij kurgan [The First Pazyryk Mound]. Leningrad: Gosudarstvennyj Ermitazh, 1950. 92 p. (In Russ.).
- Gryaznov, 1980 — *Gryaznov M.P.* Arzhan: Tsarskii kurgan ranneskifskogo vremeni [Arzhan. Royal burial mound of the early Scythian period]. Leningrad: Nauka, 1980. 64 p. (In Russ.).
- Gutsalov, 2007 — *Gutsalov S.Y.* Pogrebalnye pamiatniki kochevoi elity Yujnogo Priuralia serediny I tys. Do n.e. [Funeral monuments of the nomadic elite of the Southern Urals in the middle of the 1st millennium BC.] // *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2007. 2(30). Pp. 75–92. (In Russ.).
- Herodotos, 2006 — *Herodotos.* Tarih (M. Ökmen, Çev.). İstanbul: Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 2006. 832 p. (In Turk.).
- Iyessen, 1953 — *Iyessen A.A.* K voprosu o pamyatnikakh VIII–VII vv. Do n.e. na yuge Yevropeyskoy chasti SSSR [On the issue of monuments of the 8th–7th centuries made in the south of the European part of the USSR] // *Sovetskaya Arkheologiya*, 1953. Pp. 49–110. (In Russ.).
- Kadyrbayev, 1966 — *Kadyrbayev M.K.* Pamyatniki tasmolinskoy kul'tury [Monuments of the Tasmola culture] / *Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana*. Almaty, 1966. Pp. 303–389. (In Russ.).

Keyser-Tracqui, et al., 2005 — *Keyser-Tracqui C., Blandin-Frappin P., Francfort H-P., Ricaut F-X., Lepetz S., Crubézy E., Samashev Z., Ludes B.* Mitochondrial DNA analysis of horses recovered from a frozen tomb (Berel site, Kazakhstan, 3rd Century BC) // *Animal Genetics*, 2005. Pp. 203–209. // URL: <https://doi.org/10.1111/j.1365-2052.2005.01316.x>

Khinayatuly, 2004 — *Khinayatuly B.* At jalynyndağy мәдениет [Culture in horse flame] // *Shahar-Kültura*, 2004. Pp. 183–186. (In Kaz.).

Koryakova, Yepimakhov, 2010 — *Koryakova L.N., Yepimakhov A.V.* Sintashtinskaya arkheologicheskaya kul'tura: 1233 rocess interpretatsii [Sintashta Archaeological Culture: Problematic Interpretations] // *Vestnik istorii, literatury i iskusstva*, 2010. Pp. 95–110. (In Russ.).

Librado, et al., 2016 — *Librado P., Fages A., Gaunitz C., Leonardi M., Wagner S., Khan N., Orlando L.* The evolutionary origin and genetic makeup of domestic horses // *Genetics*, 2016. Pp. 423–434. // URL: <https://doi.org/10.1534/genetics.116.194860>

Nurmuhanbetov, 2017 — *Nurmuhanbetov B.N.* Kompleks rannesakskogo vremeni iz Jetysu [Early Saka period complex from Zhetysu] / *Arheologicheskoe nasledie Centralnogo Kazakhstana: izuchenie i sohranenie*. Almaty: Nauchno-issledovatel'skii centr istorii i arheologii “Begazy-Tasmola”, 2017. Pp. 252–257. (In Russ.).

Polosmak, 2001 — *Polosmak N.B.* Vsadniki Ukoka [Riders of Ukok]. Novosibirsk: Infolio-Press, 2001. 336 p. (In Russ.).

Rubinson, Linduff, 2023 — *Rubinson K.S., Linduff K.M.* Deer or Horses with Antlers? Wooden Figures Adorning Herders in the Altai // *Arts*, 2023. Pp. 1–21. // URL: <https://doi.org/10.3390/arts12010029>

Samashev et al., 2014 — *Samashev Z.S., Chotbaev A.E., Zhalmagambetov J.M., Kariev E.M., Aitkali A.K., Ahmetov M.G.* Karakaba: pervye rezultaty issledovaniy [Karakaba: First results of research] / *Kulturno-istoricheskie rocess v kazahskikh stepiah v drevnosti i srednevekovye: tradicii i innovacii*. Astana: Filial Instituta arheologii im. A.H. Margulana v g. Astana, 2014. Pp. 207–236. (In Russ.).

Samashev, 2006 — *Samashev Z.S.* Culture of the Nomadic Elite of Kazakhstan's Altai Region (Based on materials from the Berel Necropolis) / *Of Gold and Grass: Nomads of Kazakhstan*. Washington, DC: The Foundation for International Arts & Education, 2006. Pp. 35–44.

Samashev, 2011 — *Samashev Z.S.* Berel [Berel]. Almaty: Taimas, 2011. 236 p. (In Russ.).

Smirnov, 1964 — *Smirnov K.F.* Savromaty. Ranniaia istoriia i kultura sarmatov [Sauromatians. Early History and Culture of the Sarmatians]. Moskva: Nauka, 1964. 379 p. (In Russ.).

Tkachev, 1999 — *Tkachev A.A.* Osobennosti Nurtaiskikh kompleksov Centralnogo Kazakhstana [Features of the Nurtai complexes of Central Kazakhstan] // *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* (2), 1999. Pp. 22–29. (In Russ.).

Tkachev, 2002 — *Tkachev A.A.* Centralnyi Kazakhstan v epohu bronzy [Central Kazakhstan in the Bronze Age] (Part 1). Tiumen: TiumGNGU, 2002. 289 p. (In Russ.).

Toleubaev et al., 2020 — *Toleubaev A.T., Zhumataev R.S., Omarov G.K., Shakenov S. T., Besetaev B.B., Ergabylov A.E.* Rezultaty arheologicheskikh issledovaniy 2019 g. na mogilnike Eleke sazy 2 [Results of archaeological research in 2019 at the Eleke Sazy 2 burial ground] / *Margulanovskie chteniia – 2020*. Almaty: A.Kh. Marghulan Institute of Archaeology, 2020. Pp. 172–197. (In Russ.).

Viazmitina, 1963 — *Viazmitina M.I.* Rannie pamiatniki skifskogo zverinogo stilia [Early monuments of the Scythian animal style] // *Sovetskaia arheologiya* (2), 1963. Pp. 158–170. (In Russ.).

Vishnevskaya, Itina, 1971 — *Vishnevskaya O.A., Itina M.A.* Rannie saki Priaralia [Early Sakas of the Aral Sea region] // *Problemy skifskoi arheologii*. MIA (177), 1971. Pp. 197–208. (In Russ.).

Vitt, 1952 — *Vitt V.O.* Loshadi Pazyrykskikh kurganov [Horses of the Pazyryk mounds] // *Sovetskaia arheologiya* (16), 1952. Pp. 163–205. (In Russ.).

Yablonskiy, 2013 — *Yablonskiy L.T.* Zoloto sarmatskikh vojdei. Elitnyi nekropol Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004–2009 gg.) [Gold of the Sarmatian Chieftains. Elite Necropolis Filippovka 1 (based on excavations in 2004–2009)]. Moscow: Institute of archaeology of the Russian Academy of Science, 2013. 232 p. (In Russ.).

Әдебиеттер тізімі

Акишев, Кушаев, 1963 — *Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1963. 320 с.

Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991 — *Алексеев А.И., Мурзин В.И., Ролле Р.* Чертомлык (Скифский карский курган IV в. до н.э.). Киев: Наукова думка, 1991. 416 с.

Брашинский, 1979 — *Брашинский И.Б.* В поисках скифских сокровищ. Ленинград: Наука, 1979. 144 с.

Витт, 1952 — *Витт В.О.* Лошади Пазырыкских курганов // *Советская археология* (16), 1952. С. 163–205.

Вишневская, Итина, 1971 — *Вишневская О.А., Итина М.А.* Ранние саки Приаралья // *Проблемы скифской археологии*. МИА (177), 1971. С. 197–208.

Вязьмитина, 1963 — *Вязьмитина М.И.* Ранние памятники скифского звериного стиля // *Советская археология* (2), 1963. С. 158–170.

Генинг, Зданович, Генинг, 1992 — *Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Уральское, 1992. 408 с.

Грязнов, 1950 — *Грязнов М.П.* Первый Пазырыкский курган. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 1950. 92 с.

- Грязнов, 1980 — *Грязнов М.П.* Аржан: Царский курган раннескифского времени. Ленинград: Наука, 1980. 64 с.
- Гуцалов, 2007 — *Гуцалов С.Ю.* Погребальные памятники кочевой элиты Южного. Приуралья середины I тыс. до н.э. // *Археология, этнография и антропология Евразии*, 2007. С. 75–92.
- Иессен, 1953 — *Иессен А.А.* К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР // *Советская археология*, 1953. С. 49–110.
- Кадырбаев, 1966 — *Кадырбаев М.К.* Памятники тасмолинской культуры / Древняя культура Центрального Казахстана. Алматы, 1966. С. 303–389.
- Корякова, Епимахов, 2010 — *Корякова Л.Н., Епимахов А.В.* Синташтинская археологическая культура: проблемные интерпретации // *Вестник истории, литературы и искусства*, 2010. С. 95–110.
- Нурмуханбетов, 2017 — *Нурмуханбетов Б.Н.* Комплекс раннесакского времени из Жетысу / *Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение*. Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. С. 252–257.
- Полосьмак, 2001 — *Полосьмак Н.Б.* Всадники Укока. Новосибирск: Инфолио-Пресс, 2001. 336 с.
- Самашев, 2011 — *Самашев З.С.* Берел. Алматы: Таймас, 2011. 236 с.
- Самашев, др., 2014 — *Самашев З.С., Чотбаев А.Е., Жалмагамбетов Ж.М., Кариев Е.М., Айткали А.К., Ахметов М.Г.* Каракаба: первые результаты исследования / Культурно-исторические процессы в казахских степях в древности и средневековье: традиции и инновации. Астана: Филиал Института археологии им. Маргулана А.Х. в г. Астана, 2014. С. 207–236.
- Смирнов, 1964 — *Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. Ранняя история и культура сарматов. Москва: Наука, 1964. 379 с.
- Ткачев, 1999 — *Ткачев А.А.* Особенности Нуртайских комплексов Центрального Казахстана // *Вестник археологии, антропологии и этнографии* (2), 1999. С. 22–29.
- Ткачев, 2002 — *Ткачев А.А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы (Часть 1). Тюмень: ТиумГНГУ, 2002. 289 с.
- Толеубаев, др., 2020 — *Толеубаев А.Т., Жуматаев Р.С., Омаров Г.К., Шакенов С.Т., Бесетаев Б.Б., Ергабылов А.Е.* Результаты археологических исследований 2019 г. на могильнике Елеке сазы 2 / Маргулановские чтения – 2020. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. С. 172–197.
- Хинаятулы, 2004 — *Хинаятулы Б.* Ат жалындағы мәдениет // *Шахар-Культура*, 2004. Б. 183–186.
- Яблонский, 2013 — *Яблонский Л.Т.* Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка I (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Москва: Институт археологии Российской академии наук, 2013. 232 с.
- Argent, 2010 — *Argent G.* Do the Clothes make the Horse? Relationality, Roles and Statuses in Iron Age Inner Asia // *World Archaeology*, 2010. Pp. 157–174. // URL: <https://doi.org/10.1080/00438241003672633>
- Çoruhlu, 2018 — *Çoruhlu Y.* Eski Türklerde ölüm kültü ve sembolizminde atın yeri // *Z Dergisi At: Tematik Mevsimlik Kültür, Sanat, Şehir Dergisi*, 2018. Pp. 154–163.
- Herodotos, 2006 — *Herodotos.* Tarih (M. Ökmen, Çev.). İstanbul: Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 2006. 832 p.
- Keyser-Tracqui, et al., 2005 — *Keyser-Tracqui C., Blandin-Frappin P., Francfort H-P., Ricaut F-X., Lepetz S., Crubézy E., Samashev Z., Ludes B.* Mitochondrial DNA analysis of horses recovered from a frozen tomb (Berel site, Kazakhstan, 3rd Century BC) // *Animal Genetics*, 2005. Pp. 203–209. // URL: <https://doi.org/10.1111/j.1365-2052.2005.01316.x>
- Librado, et al., 2016 — *Librado P., Fages A., Gaunitz C., Leonardi M., Wagner S., Khan N., Orlando L.* The evolutionary origin and genetic makeup of domestic horses // *Genetics*, 2016. Pp. 423–434. // URL: <https://doi.org/10.1534/genetics.116.194860>
- Rubinson, Linduff, 2023 — *Rubinson K.S., Linduff K.M.* Deer or Horses with Antlers? Wooden Figures Adorning Herders in the Altai // *Arts*, 2023. Pp. 1–21. // URL: <https://doi.org/10.3390/arts12010029>
- Samashev, 2006 — *Samashev Z.S.* Culture of the Nomadic Elite of Kazakhstan's Altai Region (Based on materials from the Berel Necropolis) / *Of Gold and Grass: Nomads of Kazakhstan*. Washington, DC: The Foundation for International Arts & Education, 2006. Pp. 35–44.

ЭТНОЛОГИЯ/АНТРОПОЛОГИЯ / ETHNOLOGY/ANTHROPOLOGY

Published in the Republic of Kazakhstan
Asian Journal “Steppe Panorama”
Has been issued as a journal since 2014
ISSN 2710-3994.
Vol. 12. Is. 4, pp. 1235-1256, 2025
Journal homepage: <https://ajspiie.com>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.29.00
https://doi.org/10.51943/2710-3994_2025_12_4_1235-1256

THE ROLE OF HISTORIC RESIDENTIAL BUILDINGS IN PRESERVING THE URBAN CULTURAL LANDSCAPE OF ALMATY

Sakhi Zhuldyz¹, Karzhaubayeva Amina^{2*}

¹Istanbul Ticaret University
(88/2, Sutluce, 34445 Beyoglu, İstanbul, Türkiye)
PhD, assistant professor
 <https://orcid.org/0000-0002-8608-7498>. E-mail: zsakhi@ticaret.edu.tr

²Al-Farabi Kazakh National University.
(71, al-Farabi Ave., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
PhD student
 <https://orcid.org/0009-0009-9795-5033>. E-mail: amina-almaty.kz@mail.ru

*Corresponding author

© Ch.Ch. Valikhanov IHE, 2025
© Sakhi Zh., Karzhaubayeva A., 2025

Abstract. *Introduction.* This research explores the architectural, historical, and legal status of residential buildings in Almaty that are included in the official list of monuments of local significance. *Goals and objectives.* These houses, built in the late 19th and early 20th centuries, are an important part of the city's identity. They are studied not only as residential facilities but also as monument houses and cultural heritage sites that reflect the lives and legacies of notable individuals. The study identifies approximately ten such buildings and analyzes those recognized as monuments of national or local importance. It also examines how these buildings are protected legally and what regulations or requirements apply to them. *Results.* The research revealed considerable differences in the quality of preservation between nationally and locally protected buildings, both in terms of legal safeguards and actual conditions. Many of the houses have not retained their original form, and some lost their historical features during renovations. *Conclusion.* One proposed method of preserving these valuable sites is to repurpose them into museum spaces. This approach is seen as an effective way to maintain the city's historical memory and pass on cultural heritage to future generations.

Keywords: Almaty city, historical residential buildings, architectural heritage, museification

For citation: Sakhi Zh., Karzhaubayeva A. The role of historic residential buildings in preserving the urban cultural landscape of Almaty // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Vol. 12. No. 4. Pp. 1235–1256. (In Kaz.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1235-1256

АЛМАТЫ ҚАЛАСЫНДАҒЫ ТАРИХИ ТҰРҒЫН ҮЙЛЕРДІҢ ҚАЛАЛЫҚ МӘДЕНИ КЕҢІСТІКТІ САҚТАУДАҒЫ РӨЛІ

Сахи Жұлдыз¹, Каржаубаева Амина^{2*}

¹Стамбул Тиджарет университеті

(88/2-үй, Сютлюдже, 34445 Бейоглы, Стамбул, Түркия)

PhD, ассистент профессор

 <https://orcid.org/0000-0002-8608-7498>. E-mail: zsakhi@ticaret.edu.tr

²Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеті

(71-үй, Әл-Фараби даңғ., Алматы, Қазақстан Республикасы)

PhD докторант

 <https://orcid.org/0009-0009-9795-5033>. E-mail: amina-almaty.kz@mail.ru

*Автор-корреспондент

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2025

© Сахи Ж., Каржаубаева А., 2025

Аңдатпа. *Kıpısne.* Зерттеу жұмысында Алматы қаласының жергілікті маңызы бар тарих және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізіміне енген тұрғын үй ғимараттарының архитектуралық, тарихи және құқықтық мәртебесі қарастырылды. *Зерттеудің мақсаты мен міндеттері:* XIX ғасырдың соңы мен XX ғасырдың басында салынған тұрғын үйлерді қала келбетінің маңызды бөлігі ретінде ғана емес, белгілі тұлғалардың өмірі мен шығармашылығын таныстыратын, тарихи құндылығы бар ескерткіш үй және мәден мұра нысаны негізінде зерделеу. Зерттеу барысында 10-ға жуық баспана ғимаратын айқындау арқалы, олардың ішінде республикалық және жергілікті маңызы бар тарихи және мәдени ескерткіштер ретінде танылғандарын сараптау; сонымен қатар, осы ғимараттардың құқықтық жағынан қалай қорғалып, оларға қатысты қандай ережелер мен талаптар қолданылатындығын талдау. *Нәтижелері.* Жұмысты жүргізу барысында жергілікті деңгейде қорғалатын ғимараттар мен республикалық мәртебесі бар ескерткіштер арасында заңдық тұрғыдан да, іс жүзінде де қорғау сапасында айтарлықтай айырмашылық бары анықталды. Көптеген тұрғын үй ғимараттары бастапқы қалпын сақтай алмаған, кейбірі қайта жөндеуден өткенде тарихи ерекшеліктерін жоғалтқандығы анықталды. *Қорытынды.* Қорытынды бөлімде мұндай құнды нысандарды сақтау жолдарының бірі ретінде оларды музей кеңістігіне айналдыру ұсынылады. Бұл тәсіл қаланың тарихи жадысын сақтап, мәдени мұраны келер ұрпаққа жеткізудің тиімді жолы ретінде қарастырылады.

Түйін сөздер: Алматы қаласы, тарихи тұрғын үйлер, сәулет мұрасы, музейлендіру

Дәйексөз үшін: Сахи Ж., Каржаубаева А. Алматы қаласындағы тарихи тұрғын үйлердің қалалық мәдени кеңістікті сақтаудағы рөлі // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. 1235–1256 бб. (Қазақш.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1235-1256

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖИЛЫХ ДОМОВ ГОРОДА АЛМАТЫ В СОХРАНЕНИИ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

Сахи Жұлдыз¹, Каржаубаева Амина^{2*}

¹Стамбульский университет Тиджарет

(д. 88/2, Сютлюдже, 34445 Бейоглы, Стамбул, Турция)

PhD, ассистент профессор

 <https://orcid.org/0000-0002-8608-7498>. E-mail: zsakhi@ticaret.edu.tr

²Казахский Национальный университет им. аль-Фараби
(д. 71, просп. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан)
PhD докторант
 <https://orcid.org/0009-0009-9795-5033>. E-mail: amina-almaty.kz@mail.ru

*Автор-корреспондент

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2025

© Сахи Ж., Каржаубаева А., 2025

Аннотация. *Введение.* В исследовательской работе всесторонне рассмотрены архитектурный, исторический и правовой статус жилых зданий, включённых в список памятников истории и культуры местного значения города Алматы. *Цели и задачи исследования.* Дома, построенные в конце XIX – начале XX века, являются важной частью облика города. Их изучение проводится не только как объектов жилого назначения, но и как памятников, представляющих историческую ценность и связанных с жизнью и творчеством известных личностей. В ходе исследования были определены около 10 зданий, проанализированы те, которые признаны памятниками республиканского и местного значения. Также рассмотрено, каким образом они охраняются с правовой точки зрения, какие правила и требования к ним применяются. *Результаты.* В процессе работы выявлены значительные различия в уровне защиты между памятниками республиканского и местного значения – как с правовой точки зрения, так и на практике. Многие жилые здания не сохранили свой первоначальный облик, некоторые при реконструкции утратили исторические особенности. *Заключение.* В качестве одного из путей сохранения таких ценных объектов предлагается преобразовать их в музейные пространства. Такой подход рассматривается как эффективный способ сохранить историческую память города и передать культурное наследие будущим поколениям.

Ключевые слова: Город Алматы, исторические жилые дома, архитектурное наследие, музеефикация

Для цитирования: Сахи Ж., Каржаубаева А. Роль исторических жилых домов города Алматы в сохранении городской культурной среды // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. С. 1235–1256. (На Каз.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1235-1256

Кіріспе

Алматы қаласының урбанистік дамуы оның тарихи келбетіне елеулі әсер етуде. Қала аумағында сақталған революцияға дейінгі тұрғын үй ғимараттары – бұл тек сәулет ескерткіштері емес, сонымен бірге өткен дәуірдің мәдени және әлеуметтік тарихының айқын куәсі. Қазіргі уақытта бұл ғимараттардың тағдыры әртүрлі: олардың кейбірі мемлекеттік қорғауға алынған тарихи-мәдени ескерткіш ретінде сақталса, басқалары жойылып кеткен немесе түбегейлі өзгеріске ұшыраған. Алматыдағы революцияға дейінгі тұрғын үйлердің қазіргі жағдайын зерттеу – қала тарихи жадының сақталуы мен урбанизацияның қарқыны жағдайында маңызды мәселелердің бірі. Зерттеу барысында XIX ғасырдың соңынан бастап XX ғасырдың басына дейін салынған тұрғын үй ғимараттарының архитектуралық және тарихи ерекшеліктері қарастырылып, олардың қазіргі кездегі құқықтық мәртебесі мен мәдени маңызы сараланады.

Сондай-ақ, ғимараттардың физикалық күйі, сақталу деңгейі және қорғау шараларының тиімділігі бағаланады. Қазіргі глобализация, технология заманында бұл тақырып «қала антропологиясы» тұрғысынан да өзекті, себебі Алматы қаласында тарихи ғимараттарды қорғау мен олардың қолдану аясын кеңейту мәселелері әлі де толық шешімін тапқан жоқ. Қаланың қарқынды дамуы және құрылыс жұмыстары ескерткіштердің бүтіндігін бұзуға, олардың тарихи құндылықтарын жоғалтуға алып келуі мүмкін. Осы орайда, ғимараттардың сақталуы мен қоғамдық қолжетімділігіне қол жеткізудің тиімді жолдарының бірі оларды музейлендіру.

Бұл тәсіл қаланың тарихи жадысын жандандырып, мәдени мұраны сақтау мен қайта қолданудың балама үлгісін ұсынады. Бұл жұмыс тарихи-мәдени құндылықтарды қорғау мәселелеріне назар аударып, Алматы қаласының урбанистік келбетін сақтау жолындағы өзекті проблемаларды ашуға және оларды шешу бағыттарын ұсынуға ықпал етеді.

Материалдар мен әдіс-тәсілдері

Мақаланың негізгі әдістемелік және мазмұндық негізі ретінде үш маңызды еңбек алынды. Ең алдымен, К.И. Самойловтың «Архитектура Казахстана XX века (развитие архитектурно-художественных форм)» (Самойлов, 2004) атты зерттеуі XX ғасырдағы Қазақстан сәулет өнерінің көркемдік-архитектуралық формаларының дамуын жан-жақты сараптай отырып, жалпы жұмыстың құрылымын, ұстанымдарын айқындауға мүмкіндік берді. Сонымен қатар, Алматы қаласындағы тарихи және мәдени мұраларды жүйелеп ұсынған «Свод памятников истории и культуры г. Алматы» (Свод памятников истории, 2006) жинағы материалдық мұралармен жұмыс істеу барысындағы талдаулардың негізін қалады. Ал «Исторические здания и сооружения города (Верный, Алма-Ата, Алматы). Тематический обзор документов» (Алматы қаласының мемлекеттік архиві, 2020) атты құжаттық шолу тарихи ғимараттар мен құрылыстар эволюциясын архивтік деректер негізінде нақтыласа, ҚР Орталық мемлекеттік кино-фотоқұжаттар мен дыбыс жазбалар архиві тұрғын үйлердің тарихы фотоларын зерттеудің эмпирикалық базасын толықтырды.

А.К. Капанов пен С.К. Баймағамбетовтің «Алматы: архитектура и градостроительство» (Капанов, Баймағамбетов, 1998) еңбегінде қала құрылысының негізгі кезеңдері мен сәулет ерекшеліктері сипатталған. Олар Алматының урбанистикалық дамуын кезең-кезеңімен талдап, қаланың архитектуралық бейнесінің қалыптасуына терең талдау жүргізген. М.М. Мендикуловтың «Архитектура города Алма-Аты» (Мендикулов, 1953) атты еңбегі Кеңестік кезеңдегі қала сәулетінің ерекшеліктерін талдап, сол дәуірдің урбанистикасына шолу жасайды. Қазақстанның тарихи архитектурасын сипаттаған А. Марғұлан, Т. Басенов және М. Мендикулов бірлескен еңбегі – «Архитектура Казахстана» (Марғұлан, Басенов, Мендикулов, 1959) – Алматыны ұлттық сәулет мектебінің көрнекті үлгісі ретінде қарастырады.

Алматы қаласының тарихи-мәдени дамуын зерттеу барысында бірқатар маңызды дереккөздер мен ғылыми еңбектер негізге алынды. Аталған мәселені кеңірек тарихи-мәдени контексте қарастыру үшін «Алматы тарихы» (Алматы тарихы, 2006) атты екі томдық еңбектің І-томы пайдаланылды. Мұнда Алматы мен Жетісу өңірінің тарихы ежелгі дәуірден бастап, Верный бекінісінің іргесі қаланғанға дейінгі аралықта археологиялық және жазба деректер негізінде жан-жақты талданады. Осылайша, Верный қаласының қалыптасуын тек отарлық тарих шеңберінде ғана емес, кең ауқымды өркениеттік үдерістермен байланыстыруға мүмкіндік туады.

Соңғы онжылдықтарда қала кеңістігіндегі тарихи жады мен мәдени мұра ескерткіштерінің тағдыры да зерттеу нысанында. Бұл тұрғыда Б. Сүгірбекова (Сүгірбекова, 2007: 12) «Алматыда мемлекеттік маңыздылығын жоғалтқан тарихи ескерткіштер жойылады!» атты мақаласында тарихи ғимараттардың заңдық мәртебесінен айырылып, бұзылып жатқандығы, мұның қала келбетіне және тарихи санаға кері әсері жөнінде мәселелер көтеріледі. Еңбекте Алматыдағы тарихи мұраны сақтау мен қорғау жолындағы күрделі ахуал ашық көрсетілген.

Зерттеу барысында Алматы қаласындағы революцияға дейінгі тұрғын үйлердің көпшілігі ресми мәртебесіне қарамастан урбанизация және құрылыс қысымына ұшырап отыр; бұл жағдай олардың тарихи құндылығын жоғалту қаупін тудырып, қолданыстағы заңнамалық тетіктердің толыққанды іске аспай отырғанын көрсетеді. Бұл болжамды тексеру және аталған мақсатқа жету үшін тарихи-ғылыми талдау талаптарына сай бірнеше әдіс қолданылды. Біріншіден, дереккөздерге әдеби шолу жүргізілді – бұл Алматы қаласының (Верный бекінісінің) құрылу тарихы мен архитектуралық дамуын сипаттайтын негізгі ғылыми

еңбектер мен мақалалардың мазмұнын сараптауға мүмкіндік берді. Екіншіден, архивтік құжаттар мен фотоматериалдарға мәтіндік және визуалды талдау жасалды. Бұл әдіс қаланың тарихи кеңістігін кезең-кезеңімен қалпына келтіру және деректер арасындағы сәйкестікті тексеру үшін пайдаланылды. Архивтік суреттер, сызбалар мен карталар зерттеудің эмпирикалық базасын толықтырды. Үшіншіден, салыстырмалы талдау әдісі қолданылды, яғни тарихи деректер, заманауи зерттеулер және мерзімді баспасөз материалдары негізінде Алматы қаласындағы жеті тарихи ғимаратқа сипаттама берілді. Әр ғимараттың қазіргі жағдайы, құқықтық қорғалуы мен қауіп-қатер деңгейі бағаланып, салыстырмалы қорытындылар жасалды. Жалпы алғанда, зерттеу сапасын арттыру мақсатында кешенді тәсіл негізге алынды. Әрбір дереккөздің мазмұндық, құрылымдық және идеологиялық ерекшеліктері ескеріліп, мәліметтерді тарихи контекст аясында саралау жүзеге асырылды.

Талқылау

Алматы қаласының тарихи орталығы – қала дамуының бастапқы кезеңінен бастап бүгінге дейінгі сәулеттік, әлеуметтік және мәдени өзгерістердің күрделі қабаттарын бойына жинақтаған кеңістік. Верный кезеңінде қалыптасқан қала құрылымы мен сәулеттік орта, әсіресе «Верный бекінісі» сияқты негізгі стратегиялық және әлеуметтік маңызы бар нысандар, кейінгі урбанистік дамудың өзегіне айналды. Бұл архитектуралық кешеннің жоспарлануы, құрылыс материалдары мен орналасуы XIX ғасырдың әскери-инженерлік ойының айқын көрінісі. 1854 жылы негізі қаланған Заилийское әскери укреплениесі (кейін Верное деп аталған) стратегиялық жағынан маңызды орынға, яғни көне керуен жолдарының тоғысқан, Кіші Алматы өзенінің бойындағы жерге орналастырылды. Бекініс аумағында казармалар, артиллериялық қоймалар, госпиталь, шіркеу, офицерлер үйлері сынды әскери инфрақұрылым нысандары салынды (Тюрин, 2021: 33). Бұл құрылымдар тянь-шаньдық шырша мен жергілікті құрылыс материалдарынан тұрғызылып, әскери архитектура үлгісінің классикалық мысалы болды (Байнатов, 2015: 43).

Алматы қаласының сәулеттік келбеті мен тарихи дамуы бірнеше кезеңдерге бөлінетінін және олардың әрқайсысы қала құрылымына өзіндік із қалдырды. Алматы қаласының сәулеттік келбеті мен құрылымдық дамуы оның тарихи, саяси және мәдени трансформацияларымен тығыз байланысты. Қала XIX ғасырда Верный әскери бекінісі ретінде пайда болып, XX ғасырдың басында Қазақстанның астанасы мәртебесін алғаннан кейін қарқынды урбанистік өзгерістерге ұшырады. Алматының сәулеттік дамуы бірнеше кезеңдерге бөліп, олардың әрқайсысы қала құрылымына өзіндік із қалдырды. 1929 жылы астана мәртебесі Қызылордадан Алматыға ауыстырылғаннан кейін, қалада қарқынды құрылыс басталды (Донченко С.А. және т.б., 2020: 50) Бұл кезеңде авангард стиліндегі маңызды ғимараттар салынды. Купец И. Габдулвалиевтің үйі (арх. А.Н. Зенков), дәрігер Фидлердің үйі, Кургановтар ағайындарының үйі және купец Радченконың үйі – бұл ғимараттар XX ғасыр басындағы Верный қаласындағы тұрмыстық архитектура үлгілерін көрсетеді. (ҚР ОМҚҚДЖА. 2–115109, 2–49528, 8–2069, 2–1151057)

Алматы қаласының сәулеттік дамуы әртүрлі стильдер мен кезеңдерді қамтиды. Қала тарихында конструктивизм, неоклассика, модернизм және қазіргі заманғы урбанизация кезеңдері айқын көрініс тапты (Труспекова, 2019: 41).

Алматы қаласындағы алғашқы тұрғын үйлер XIX ғасырдың соңында, дәлірек айтқанда, 1875 жылы қалыптаса бастады. Қонақ үй ауласының маңайында Күлджинская (қазіргі Макатаева) және Бульварная (қазіргі Пушкина) көшелері бойында алғаш рет көше-жоспарлы құрылыс жүргізіліп, шамамен 600 үй салынды. Бұл үйлердің қабырғалары сабаннан жасалып, сыртынан күйдірілген кірпішпен қапталған болатын. Мұндай қаптау олардың монументалды әрі ұзаққа шыдайтын әсер қалдыруына бағытталған. Ал бай көпестердің үйлері жеті терезесі бар кең және биік етіп салынған, кейбірінің төбесі тіпті темірмен жабылған. Үйлердің түсі, шатырының материалы мен пішіні тұрғындардың әлеуметтік мәртебесін айқындап тұрған. Бұл тұрғыда француз архитектор Пол Гурдэ әзірлеген түс концепциясы қатаң сақталған (Бейсенова, т.б., 2020: 77).

Сурет 1 – Қаланың солтүстік бөлігіндегі тұрғын үйлердің Татар мешітінен көрінісі.

И.Н. Панов, 1928–1929 жж. Сайт: pastvu.com

[Fig. 1 – View of the residential buildings in the northern part of the city from the Tatar Mosque.

I.N. Panov, 1928–1929]

И.Н. Панов түсірген фотосуретте (1928–1929) татар мешітінен қаланың солтүстік бөлігіне бағытталған панорамалық көрініс ұсынылған; аталған визуалды дерек XX ғасырдың алғашқы ширегіндегі қалалық кеңістіктің құрылымын зерттеуде маңызды. Алматының XX ғасырдың басындағы келбеті ауыл сипатты, бірақ болашағы зор қала бейнесінде дамыды. Тұрғын үй құрылысы әуелде қарапайым саман үйлерден басталып, біртіндеп күрделі архитектуралық үлгілерге ұласты. Жаңа аумақтар игеріліп, теміржол маңы мен жұмысшылар қонысы ретінде қаланың солтүстік бөлігі – Алматы-1 станциясы маңы дамыды. Мұнда Түрксіб құрылысшыларының киіз үйлері мен саманнан тұрғызылған баспаналары пайда болды. Осылайша, қарапайым халықтың тіршілігімен тығыз байланысты алғашқы тұрғын үйлер қаланың тарихи келбетінің негізін қалап, бүгінгі Алматыдағы сәулет ескерткіштерінің бастау көзіне айналды. XIX ғасырдың соңы мен XX ғасырдың басында Верный қаласындағы тұрғын және әкімшілік ғимараттардың сәулеттік келбеті империялық идеология мен орталық билік символикасын айшықтап көрсетті.

XIX ғасырдың соңы мен XX ғасырдың басында Верный қаласындағы тұрғын құрылыс қаланың сейсмологиялық жағдайына бейімделе отырып, жаңа құрылыс әдістерін қолдану арқылы жүргізілді. Қаланың көлемдік-кеңістіктік құрылымын сақтай отырып, құрылысшыларға кірпіш пен тас материалдарын негізгі құрылыс материалы ретінде пайдалануға тыйым салынуы жаңа конструктивтік және көркемдік шешімдерді іздеуге мәжбүр етті.

Бұл үдерісте Ресей мен шетелдерде білім алған кәсіби мамандардың, соның ішінде Шалон-Марндағы Француз императорлық өнеркәсіп және өнер мектебінің түлегі П.В. Гурдэ мен Санкт-Петербургтегі Николаев инженерлік академиясының түлегі А.П. Зенковтың келуі маңызды рөл атқарды (Шейнер, 2017: 115). Олар өз тәжірибелерін Верный қаласының қоғамдық және тұрғын үйлерінің сәулеттік бейнесін қалыптастыруда қолдана білді.

Зерттеу нәтижелері

Алматы қаласының тұрғын үй архитектурасы өзінің қалыптасуында әлеуметтік, табиғи және құрылыс материалдарының қолжетімділігіне байланысты бірқатар кезеңдерді бастан кешірді. Келесі архитектуралық-тарихи талдауларда мазмұндық негіз ретінде К.И. Самойловтың еңбегі, Алматы қаласындағы тарихи ескерткіштер жинағы және архивтік шолулар пайдаланылды. XIX ғасырдың соңы мен XX ғасырдың басында орын алған табиғи апаттар, әсіресе 1887 жылғы жойқын жер сілкінісі, қаланың сәулеттік келбетіне айтарлықтай өзгеріс әкелді. Бұл кезеңде сейсмотұрақты материалдарға сұраныс артты және ағаш құрылымдар негізгі құрылыс материалына айналды. Ағаштың жеңілдігі мен икемділігі оны тек шағын тұрғын үйлерге ғана емес, сонымен қатар ауқатты азаматтарға арналған ірі көлемді қалалық коттедждерге қолдануға мүмкіндік берді. Ағаш үйлердің жобаларында

материалдардың шектеулігіне қарамастан эстетикалық мәнерлілік байқалды. Қасбеттер декоративті элементтермен безендіріліп, жиі сылақ арқылы тас немесе кірпіш құрылысқа ұқсатып өңделді. Бұл тәсіл архитектуралық бейнеде классикалық элементтердің танылуына жол ашты. Имитациялық пластик элементтерді бейнелеген сылақ, капитель және пилястрлар арқылы қалалық келбеттің классикалық стильге жақындауы қамтамасыз етілді. Сонымен қатар, ықшамдалған коринф ордерінің қолданысы, мансардалы шатырлар, оюланған ағаш карниздер тұрғын үйлердің тек көркемдік қырын ғана емес, функционалды сипатын да күшейтті. Қала келбетінің архитектуралық тұтастығын белгілі сәулетшілердің жобалары қалыптастырды. Бұл тұрғыда сол кезеңдегі Г.А. Колпаковский көшесіндегі және Гоголь көшесінің бұрышындағы үй, А. Зенков жобалаған Жетісу көшесіндегі ғимарат, сондай-ақ А. Пугачевтің авторлығымен салынған құрылыстарды атап өтуге болады. Аталған нысандардың көпшілігі эстетикалық тұтастық пен тарихи сабақтастықты сақтауымен ерекшеленді.

Алматыда кірпіштен салынған, кейін сылақпен жабылып, декоративті пластика элементтерімен толықтырылған үйлер кеңінен таралды. Семипалатинск типологиясына тән үйлерде балкондарды тіреп тұрған бағаналар мен шойын қоршаулар қолданылып, қасбеттер бұрыштық эркерлер мен симметриялы элементтер арқылы күрделене түсті. Бұл үйлердің жобаларында пішіндік тепе-теңдік пен классикалық стиль элементтері ұтымды үйлестірілді. Қаланың кейбір аудандарында, атап айтқанда Әуезов және Айтеке би көшелерінде орналасқан үйлер сыртқы көрінісінде қарапайымдылық пен үйлесімділікті сақтай отырып, классикалық пішіндік және декоративті элементтермен толықтырылды. Мұндай үйлердің көпшілігі төмен қабатты, симметриялы құрылыммен сипатталып, орталық акцент ретінде эркер немесе шағын балкон орналастырылды.

Революцияға дейінгі кезеңдегі тұрғын құрылысқа тән басты ерекшеліктердің бірі – дәстүрлі орыс ағаш сәулетінің тәжірибесіне қайта оралу және эклектикалық стильдің үстемдігі болды. 1897 жылы бекітілген жоба қаланың сәулеттік келбетін классицизм бағытында қалыптастыруға негіз болды. Бұл жобада орталық бөліктің екі қабатты көлеммен ерекшеленуі мен қасбеттің симметриялы шешімі классицизм элементтерінің сақталғанын көрсетеді (Шейнер, 2020: 189). Бұл стильдік бағыт сол кезеңдегі техникалық шектеулер мен қала тарихына сілтеме жасаушы сәулеттік «бағдарлама» арқылы негізделді. Бұл ретте көптеген тұрғын үйлердің сәулеттік келбеті тек функционалдық талаптарды ғана емес, сонымен қатар әлеуметтік мәртебе мен эстетикалық талғамды да бейнеледі. Мысал ретінде табак фабрикасының иесі көпес А. Гавриловтың үйін алуға болады. Бұл ғимарат көрнекті сәулетші Андрей Зенковтің жобасымен тұрғызылып, алғашында Гоголь мен қазіргі Назарбаев даңғылының қиылысында орналасқан. 1973 жылы кеңістікті қайта құру жұмыстары барысында нысан бөлшектеліп, Желтоқсан көшесі, 167 мекен-жайына көшірілді (Қазақ Энциклопедиясы, 2006: 63). Бұрынғы орнына көпқабатты тұрғын үй және «Москва» дүкені тұрғызылған болатын.

Қасбеттің композициялық шешімі классикалық сәулет дәстүрлерін ұстана отырып, құрылымдық айқындықпен және формалардың симметриясымен ерекшеленеді. Сылақпен әрленген қабырғалар мен декорациялық элементтер ғимараттың стильдік тұтастығын қамтамасыз етсе, көшеге бағдарланған бас кіреберіс ағаш консольдермен көтерілген фронтон типтес шатырмен белгіленген. Бұл элемент ғимаратқа өкілдік мәртебе мен салтанатты бейне берді.

Көпес Гавриловтың үйі Алматы қаласының тарихи-мәдени мұрасы ретінде танылып, 1982 жылы 26 қаңтарда Қазақ КСР Министрлер Кеңесінің № 38 қаулысымен республикалық маңызы бар тарихи және мәдени ескерткіштер тізіміне енгізілген. Алайда, 2010 жылы 10 қарашада Алматы қаласы әкімдігінің № 4/840 қаулысымен қаланың жергілікті маңызы бар тарихи және мәдени ескерткіштерінің жаңа мемлекеттік тізімі бекітілді. Бұл тізімде Гавриловтың үйі көрсетілмеген. 2014 жылы 10 қыркүйекте Алматы қалалық мәслихатының № 261 шешімімен тарихи-мәдени мұра объектілерінің қорғау аймақтарының шекаралары бекітілді. Алайда, 2022 жылы 12 қыркүйекте бұл шешімнің күші жойылды. Қазіргі уақытта

Гавриловтың үйі мемлекеттік қорғаудағы ескерткіштер тізімінде жоқ. Бұл тарихи ғимаратта жауапкершілігі шектеулі серіктестік орналасқан. Ал оның дәл жанында, Желтоқсан көшесі, 167-үй мекенжайында мейрамхана жұмыс істейді.

Көпес Шахворостовтың үйі. Сол кезеңдегі көпестердің тағы бір айқын өкілі көпес Шахворостов болды. Оның үйі 1890 жылы, белгілі архитектор Андрей Павлович Зенковтың жобасы бойынша салынған. Ғимарат барокко стиліндегі ағаш үй. Сыртқы көрінісі тас құрылысына еліктеу арқылы көркемделген, оның цоколь қабатындағы терезелерінде фигуралы, сылақпен жасалған сәндік қаптамалар (наличник) орналасқан, олардың пішіні – бір-бірімен айқасқан филёнкалар түрінде орындалған. Фасадтың бұрыштарында және ортаңғы бөліктерінде орналасқан тікбұрышты пилястралар (лопаткалар) күрделі профильді екі қабатты филёнкалармен безендірілген. Бұл филёнкалардың сыртқы жиегі аралық (межэтажный) карнизге үйлесімді түрде өтіп кетеді. Бельэтаж аймағында бұл пилястралар көлемдірек әрі бейнелі болып, үш ширек және жартылай колонналарға айналады. Олар күрделі профильді белдеулермен, сонымен қатар картуштармен (әшекейлі герб тәрізді элементтер) безендірілген капительдерімен ерекшеленеді. Архитрав пен карниздің гусек бөлігінде ұсақ, нәзік сылақ өрнектері орналасқан. Фасадтардың ортаңғы бөліктері ерекше айқын пластикамен орындалған күрделі, көпдеңгейлі фронтондармен (щипец) бөлектенген. Бұл фронтондардың ішінде колонна тәрізді элементтер кездеседі және олардың бейнесі шатыр бұрыштарында да қайталанатын. Шатыр бұрыштарындағы колонналар мен фронтондар арасындағы аралықтар сәндік өрнектелген темір торлармен толтырылған. Бельэтаж деңгейіндегі терезелер ірі әрі биік, олар сандриктармен (жоғарғы қаптама) және кеңейтілген терезе тұғырымен (подоконник) жабдықталып, сәнді қаптамалармен (наличник) көркемделген. Жалпы алғанда, бұл ғимараттың сәулет композициясы – XIX ғасырдың соңындағы эклектикалық стильдің, соның ішінде Верный мектебінің (Зенков стилі) классикалық және декоративті элементтерді үйлесімді біріктіру шеберлігінің жарқын үлгісі болды.

Қазіргі таңда бұл ғимаратта АҚШ-тың Алматы қаласындағы консулдығы орналасқан. Дегенмен, дипломатиялық өкілдікке жалға берілуі кезінде сәулетшілер тарапынан сынға ұшыраған. Мамандар ішкі құрылымды қайта жоспарлау кезінде тарихи интерьер элементтерінің бұзылуы мүмкін деп алаңдаған. Соңғы жылдары ғимараттың айналасы құрылыс жабындарымен қоршалғаны байқалды. Алайда бұл процестің қандай деңгейде, қандай бақылаумен жүзеге асып жатқаны туралы ашық мәліметтер жоқ. Ғимарат 1982 жылы 26 қаңтарда Қазақ КСР Министрлер Кеңесінің № 38 қаулысымен республикалық маңызы бар тарих және мәдениет ескерткіштерінің Мемлекеттік тізіміне енгізілген (Қазақ КСР Министрлер Кеңесі, 1982, № 38). Бұл тізімде көрсетілген мәртебе осы күнге дейін күшінде. Алайда, Алматы қаласы әкімдігінің 2010 жылғы 10 қарашадағы № 4/840 қаулысында (яғни, жергілікті маңызы бар ескерткіштердің тізімінде) бұл ғимарат көрсетілмеген.

И. Габдулвалиевтің үйі. Верный қаласындағы көпестер арасында ағашты тас құрылысқа ұқсатып сәндеу үрдісі кең таралған болатын, әсіресе барокко стиліндегі декоративтік элементтерді қолдану арқылы. И. Габдулвалиевтің үйі де (ҚР ОМҚДЖА архивінде 2–115109 нөмерінде сақталған) жоғарыда аталған сипаттамаларға сәйкес келеді.

Исхақ Габдулвалиевтің 1909 жылы сәулетші А. Зенковтың жобасымен салынған, Төлебаев көшесі, 38 мекенжайында орналасқан екі қабатты тұрғын үйі модерн стиліндегі архитектуралық ғимарат. Ғимараттың басты және бұрыштық ризалиттер аймағында қырлы доғалар орналасқан, олардың үстінде тіктөртбұрышты алаңдар мен фигуралық өрнекті торлар бар. Ең үлкен доғаның төбесінде биік шпиль орналасқан, ал доға астында дөңгелек терезелер орналастырылған. Қабырға аралығындағы пилястрлар (жазық бағанша түріндегі сәндік элементтер) филёнкалармен (ойылып бедерленген геометриялық сәндік элементтер) әрленіп, парапеттегі мұнарашалармен (шағын мұнаралар) жалғасады, олардың үсті шатыр тәрізді жабынымен аяқталған. Ғимарат терезелері күрделі профильденген сәндік жақтаулармен қапталған, терезе астындағы сөрелер тіреуіш кронштейндерге сүйенеді. Қабаттар арасындағы аймақ филёнкалармен толықтырылған. Жоғарғы жағын кең дамыған карниз қоршайды, ол оюлы ағаш элементтермен байытылған.

Кеңес үкіметі орнағаннан кейін, бұл үй ұлттық меншікке айналып, 1928 жылы Қаржы халық комиссариатының кеңсесі ретінде пайдаланылды. Кейінірек, ғимаратта аяқ киім фабрикасы және басқа да өндірістік мекемелер орналасты. 1986 жылы ғимарат жергілікті маңызы бар тарихи және мәдени ескерткіш ретінде танылды. 2010 жылғы 10 қарашада Алматы қаласы әкімдігінің № 4/840 қаулысымен бұл мәртебе қайта расталды, ал 2014 жылы оның қорғау аймақтарының шекаралары бекітілді.

2024 жылғы 18 қазанда орын алған өрт салдарынан И. Габдулвалиевтің үйінің шатыры мен бірқатар құрылымдық элементтері зақымданды. Аталған нысан жергілікті маңызы бар тарихи және мәдени ескерткіштер тізіміне енгізілгенімен, республикалық мәртебеге ие болмағандықтан, оның реставрациясы мемлекеттік деңгейде емес, меншік иесінің бастамасымен жүзеге асырылуы тиіс. Республикалық мемлекеттік кәсіпорын «Қазреставрация» тек республикалық маңызы бар ескерткіштермен жұмыс істейтіндігін хабарлаған. Бұл жағдай XX ғасыр басындағы сәулет мұрасының сақталуына байланысты елеулі мәселелерді алға тартады.

Т. Головизиннің үйі XX ғасырдың басындағы сәулет өнерінің дамуын бейнелейтін нысандардың бірі ретінде қала кеңістігінің мәдени-тарихи мәнін арттыра түседі.

Верный қаласының құрметті азаматы, аяқ киім шеберханаларының иесі Тит Алексеевич Головизинге тиесілі үй 1908 жылы салынған. Ғимарат қазіргі Алматы қаласының Фурманов (бұрынғы Лепсинская) мен Құрманғазы (бұрынғы Артиллерийская) көшелерінің қиылысында орналасқан. Сәулет нысаны «модерн» стилінде, ағаштан тұрғызылған және тұрғын үй типіне жатады.

Үйдің композициясы асимметриялы, бұл оның бұрыштық орналасуымен түсіндіріледі. Қасбеттері ионикалық капительдері бар пилястралармен бөлінген, ал сәндік бөлшектерінде өсімдік элементтері бар бедерлі өрнек кездеседі. Бұрыштық мұнарасы мен шпильді күмбезі ғимаратқа ерекше көркемдік мән береді. Купецтік тұрмыс мәдениетінің көрінісі ретінде Головизин үйі (фотосуреті ҚР ОМҚҚДЖА 2–49580, 2–59231 нөмерінде сақталған) XX ғасыр басындағы ағаш сәулеттің маңызды үлгісі.

Сурет 2 – Головизиннің үйі (1908–1910 жж.)
[Fig. 2 – Golovizin's House (1908–1910)]

Осы кезеңнің тұрғын үй сәулетінде сейсмикалық төзімділігі басты назарда болды. Құрылыс конструкциялары ағаштан жасалып, бұрыштарда және ішкі қабырғалар түйісетін нүктелерде бөренелердің арнайы тәсілмен қиылысуымен бекітілді. Пилястрлар тек декоративтік емес, сонымен қатар конструктивтік қызмет атқарды, олар ғимараттың құрылымдық тұрақтылығын қамтамасыз етті. Бұл шешімдер ғимараттардың ұзақ сақталуына себеп болды. Фасадтық шешімдерге келсек, ғимараттардың сыртқы қабырғалары әдетте сылақпен қапталып, гипс пен ағаштан жасалған көркем элементтермен безендірілді. Терезе жиектемелері, карниздер және кіреберіс шатырлар ағаштан жасалып, көркем оюмен айықталды. Бұл элементтер, әдетте, қасбеттік беткейлермен контрастты түспен боялып, ғимараттың жалпы келбетіне көркемдік әсер берді. Алматы қаласындағы Фурманов көшесінде орналасқан.

Мұнараның бельэтаж деңгейінде эркер (фасадтан шығыңқы элемент) қалыптасқан. Күмбездің астында доғал пішінді фронтономмен өрнектелген карниз орналасқан, ал оның тимпан бөліктерінде медальондар мен олардан төмен қарай түсетін гүлшоғырлар бейнеленген. Мұнара барабанына толқынды пішін беретін карниз диагональ осіндегі медальонға көтеріліп тұрады. Ғимараттың сәндік шешімдерінің бірі – молынан шығарылған, сирек орналасқан кронштейндермен (тірек элементтермен) көмкерілген қорытынды карниз. Фасадтардың орталық бөліктері толық ионикалық ордер стиліндегі үшширек колонналармен ерекшеленеді. Бұл колонналардың капительдері төрт жағынан да өрнектелген, ал валюта бөліктерінде гүлшоғырлар бейнеленген. Фурманов көшесіне қараған фасадта екі үшширек колонна үстінде үш бөліктен тұратын архитрав орналасқан, ал карниз бұл жерде айқын бөлініп көрсетілген. Құрманғазы көшесіне қараған жақта төрт колонна үстінде екі деңгейлі аттик орналасқан, оның ортасында дөңгелек терезе мен астына орналасқан гүлшоғыр бар. Ғимарат терезелері жоғары, тікбұрышты болып келген, олардың сыртқы жиектері архивольттармен (доға тәрізді әшекейлі жиекпен) және көркем кілт тастармен көмкерілген. Құрманғазы көшесіне қараған үш терезе аркалық ойықтар ішінде орналасқан. Бұл архивольттардың кілт тастарына картуштар (өрнекті медальондар), ал сандрикеріне (терезе үстіндегі сәндік элементтер) күрделі пішін берілген. Терезе астыңғы бөліктері көркем кронштейндермен байланысқан жалпақ сәндік белдеумен біріктірілген. Эркер, аттик және бұрыштық парапет фриздерінде дамытылған картуштар орналастырылған. Бұл элементтер ғимараттың эстетикалық келбетін толықтырып, оны сол дәуір сәулетінің көрнекті үлгісіне айналдырды.

1918 жылы ғимарат ұлттық меншікке айналып, 1920 жылдары ғимаратта 2-ші балалар емханасы, одан соң балабақша және тұрғын үй орналасты. Кейінірек, Фурманов көшесі жағындағы кіреберіс алынып тасталып, оның орнына терезе орнатылған. Сондай-ақ, ғимараттың кейбір декоративтік элементтері жойылып, алдымен көгілдір, кейін жасыл түске боялды. 1946–1951 жылдары мұнда Жұмабай Шаяхметов, ал 1955–1956 жылдары Леонид Брежнев тұрған. Қазіргі уақытта ғимарат «Госрезиденция № 4» ретінде белгілі.

Қазіргі таңда ғимарат мемлекет қорғауында, Головизиннің үйі алғаш рет 1979 жылғы 4 сәуірде Алматы қалалық атқару комитетінің № 139 шешімімен тарихи және мәдени ескерткіштер тізіміне енгізілді. Кейінірек, 1982 жылғы 26 қаңтарда Қазақ КСР Министрлер Кеңесінің № 38 қаулысымен республикалық маңызы бар ескерткіш мәртебесі берілді. Бұл мәртебе 2020 жылғы 14 сәуірдегі ҚР Мәдениет және спорт министрінің № 88 бұйрығымен бекітілген жаңартылған тізімде де сақталған.

Кургановтар отбасының тұрғын үйі (фотосуреті ҚР ОМҚҚДЖА архивте 8–2069 нөмерінде сақталған) Алматы қаласының тарихи-мәдени мұрасының бірегей, бірақ өкінішке орай жойылған үлгілерінің бірі. Бұл ғимарат XX ғасырдың басында, шамамен 1900 жылдары, қазіргі Пушкин мен Кабанбай батыр көшелерінің қиылысында орналасқан. Сәулеттік тұрғыдан алғанда, үйдің ерекшелігі биік шпильді мұнаралары, дамыған карнизі, пилястрлары және дөңгелек терезелерімен ерекшеленетін луковица тәрізді фронтондары болды. Мұндай күрделі құрылымдар тек ауқатты отбасылардың ғана қолынан келетін, бұл Кургановтардың қаланың бай әрі ықпалды тұрғындары болғанын көрсетеді. Ғимарат 1960-жылдардың екінші жартысында бұзылып, оның орнына қазіргі уақытта көпқабатты тұрғын үй салынған. Сол кездегі қала құрылысы саясаты тарихи ғимараттарды сақтау мәселесіне жеткілікті көңіл бөлмеген. Қазіргі уақытта бұл үйдің фотосуреттері сирек кездеседі, сондықтан оның бейнесі көпшілікке беймәлім болып отыр. Кургановтардың үйі ешқашан ресми түрде тарихи-мәдени ескерткіштер тізіміне енгізілмеген, сондықтан ол мемлекеттік қорғауға алынбаған. Бұл жағдай Алматы қаласындағы көптеген тарихи ғимараттардың тағдырына ұқсас, олар уақытында қорғауға алынбағандықтан, қазіргі заманғы құрылысқа орын босату үшін жойылған.

Зенковтар үйі Алматы қаласындағы XIX ғасырдың соңының сәулеттік ерекшеліктерін сақтап қалған бір қабатты ағаш тұрғын үй. Бұл ғимарат алғашында 1880 жылдардың соңында салынған және белгілі купец И.Д. Лутмановтың меншігінде болған. 1887 жылғы апатты жер сілкінісі салдарынан Зенковтар отбасының бұрынғы үйі қирап қалған соң, 1888 жылдың қазан

айында Верный қаласының қалалық басшысы Павел Матвеевич Зенков осы үйді сатып алып, отбасымен осында қоныстанды. Ғимарат бөренелерден қиылып, тастан қаланған іргетасқа тұрғызылған. Сыртқы қабырғалары сыланған және әктелген, ал терезе жақтаулары ағаштан жасалған, ою-өрнекті сәндік элементтерімен ерекшеленеді. Қасбеттік терезелердің үстіңгі бөліктері сандриктармен көмкеріліп, пилястрлар мен рустовкалар арқылы композициялық сән берілген. Үйдің ішкі жоспарлануы дәліздік типте орындалып, екі жақты бөлме орналасуы сақталған. Бұл құрылым XIX ғасыр соңындағы Верный қаласының қарапайым тұрғын үй құрылысына тән үлгіні көрсетеді. Зенковтар сәулетшілерінің үйі (ҚР ОМҚҚДЖА архивінде 2–115119/ ч. 11212/ нөмерінде сақталған) жоғарыда аталған сипаттамаларға сәйкес келеді.

1979 жылы Алматы қаласының тарихи және мәдени ескерткіштері тізіміне енгізіліп, ал, 1982 жылы Қазақ КСР-інің республикалық маңызы бар тарихи және мәдени ескерткіші мәртебесі берілді.

Сурет 3 – Зенковтар сәулетшілерінің үйі. XX ғ. басы. (ҚР ОМҚҚДЖА. 2–115119)
[Fig. 3 – The House of the Zenkov Architects, early 20th century (CSACPhDAR RK. 2–115119)]

Сурет 4 – Зенковтар сәулетшілер үйінің қазіргі бейнесі
[Fig. 4 – The current appearance of the Zenkov Architects' House]

Аталған шешімдерге сәйкес, оны қорғау міндеттеліп, реставрация жобаларын әзірлеу жоспарланғанымен, толық көлемде жүзе асырылғаны туралы нақты дерек жоқ. Соған қарамастан, ғимарат бүгінгі күнге дейін сақталып, қазіргі таңда Алматы қаласының Жедел жәрдем станциясы ретінде қызмет етеді. Ол тек тарихи ғана емес, әлеуметтік-функционалдық мәнін де сақтап отыр.

Көпес Радченконың үйі Алматы қаласындағы XIX ғасырдың соңы мен XX ғасырдың басындағы Верный кезеңінің архитектуралық үлгілерінің бірі. Бұл үй XX ғасырдың басында Верный қаласының ауқатты тұрғыны, көпес Радченконың тапсырысымен салынған. Алғашында тұрғын үй ретінде пайдаланылған бұл ғимаратты кейінірек Верный қалалық думасы сатып алған. 1910 жылдан бастап ғимаратта Верный телеграфы, кейін Алма-Ата телеграфы орналасты. Кеңес өкіметі орнағаннан кейін де нысан телекоммуникациялық қызметтің орталығы ретінде пайдаланылып, қаланың инфрақұрылымдық дамуына үлес қосты. Кеңес дәуіріндегі мәліметтерге сүйенсек, бұл ғимаратта Алма-Ата қаласындағы алғашқы пошта-телеграф бөлімшелерінің бірі орналасқан. Кейінгі кезеңде, Қазақстан тәуелсіздік алғаннан кейін, ғимаратта Пәкістан елінің Алматыдағы елшілігі орналасқан. Астана қаласы астана мәртебесін алғаннан кейін елшілік жаңа астанаға көшірілді. Осыдан кейін ғимаратта әртүрлі ұйымдар, соның ішінде ТОО «Гео Центр Информ» қызмет атқарды. 2014 жылғы мәліметтерге сәйкес, ғимаратта мектепке дейінгі білім беру мекемесі – балабақша орналасқан.

Сәулет жағынан алғанда, Радченко үйі Верный қаласындағы көпестік тұрғын құрылыстың жарқын үлгісі. Екі қабатты, тікбұрышты жоспардағы бұл құрылыс төменгі кірпіштен қаланған цокольға орналасқан. Бірінші қабаттың қабырғалары – кірпіштен, ал екінші қабаты – ағаштан салынып, сыланған және әктелген. Ғимараттың басты кіреберісі шағын шатырмен ерекшеленеді. Фасадының композициялық құрылымында терезе ойықтарының көлденең ырғақтылығы мен тік ағаш лопаткалардың үйлесімі байқалады. Ғимараттың айналасын бедерлі карниз қоршап тұрады.

4 сәуір 1979 жылы Алма-Ата қалалық халық депутаттары Кеңесінің атқару комитеті № 139 «Алма-Ата қаласының тарих және мәдениет ескерткіштерінің тізімін бекіту туралы» шешім қабылдады. Аталған тізімге 77 нысан енгізілді. Осы шешім арқылы нысандарға қорғау міндеттемесін рәсімдеу және оларды реставрациялау жобаларын әзірлеу тапсырылған. Сол тізімге Радченконың тұрғын үйі де енгізіліп, ресми түрде тарихи-мәдени ескерткіш мәртебесін иеленді. 2010 жылы Алматы қаласының жергілікті маңызы бар тарих және мәдениет ескерткіштерінің жаңа мемлекеттік тізімі бекітіліп, бұрынғы шешімдердің күші жойылды. Осы жаңа құжатта да Радченко үйі жергілікті маңызы бар ескерткіш ретінде сақталды. 2014 жылы нысанның қорғау аймағының шекаралары бекітілді.

Қазіргі уақытта Алматы қаласындағы Радченко үйі психологиялық-педагогикалық түзету кабинеті ретінде пайдаланылып отыр. Ғимарат сыртқы келбетін жалпы сақтағанымен, қабырғалар боялып, бөлмелер қайта ұйымдастырылды. Бұл өзгерістердің тарихи-архитектуралық құндылыққа әсер ету деңгейі белгісіз, себебі күрделі ғылыми-реставрациялық жұмыстар жөнінде ресми ақпарат жоқ.

Л.И. Фидлердің үйі (фотосуреті ҚР ОМҚҚДЖА архивінде 2–49528 нөмерінде сақталған) XIX ғасырдың соңында Верный қаласында салынған бір қабатты ағаш құрылыс үлгісіндегі тұрғын үй. Ғимарат қазіргі Алматы қаласының Қазыбек би және Маметова көшелерінің қиылысында орналасқан, бұл тарихи орталықтың маңызды нүктесі болып табылады. Архив деректері бойынша (Қазақстан Республикасының Орталық Мемлекеттік Архиві, Ф. 116, оп. 2, іс 23), бұл үй дәрігер Фидлердің жеке меншігінде болған және ол медициналық қызметпен қатар тұрмыстық мақсатта да пайдаланылған. Құжаттарда көрсетілгендей, Фидлердің усадебасы Малая Алматинка өзенінің үстіндегі «жоғарғы бақтық» ауданында орналасқан. Ғимараттың сәулеттік ерекшеліктері мен тарихи қызметі туралы зерттеулерді Алматы қаласының мәдениет және мұрағат басқармасының мамандары, сондай-ақ Қазақстанның сәулет тарихшылары жүргізген (Айдаров, 2005; Жұмабекова, 2018). 1993 жылдан бастап ғимаратқа бірнеше рет жөндеу жүргізілгенімен, оның тарихи келбеті толық сақталмаған.

Сурет 5 – Л.И. Фидлердің үйінің сыртқы көрінісі. 1910 жыл. (ҚР ОМКҚДЖА. 2–49528)
[Fig. 5 – The House of the L.I.Fidler, 1910 year (CSACPhDAR RK. 2–49528)]

Бұл ғимарат XIX ғасырдың соңында салынып, сол дәуірдің қарапайым, бірақ үйлесімді сәулеттік үлгісін сақтап қалған. Ғимараттың ерекше белгісі оның сыртқы ағаш ставнялары мен қызыл шатыр. Бұл ғимараттың тарихи маңызы бірнеше себептермен түсіндіріледі. Мұхтар Әуезовтің «Абай жолы» роман-эпопеясының төртінші томында көркем шығарманың сюжетінде айтылады. Романда Абайдың ұлы Кунанбаев Абдирахман (Әбіш) Петербургтегі Михайлов әскери училищесін бітіргеннен кейін Верный қаласында қызмет етеді. Сол кезде Фидлердің үйі және оның клиникасы оқиға желісінің орталық нүктесі ретінде көрініс табады. Сонымен бірге, бұл үй кеңестік кезеңде Республикадағы алғашқы офтальмологиялық институттың және медициналық оқу орындарының бірі ретінде қызмет еткен, сондықтан оның тарихи және мәдени маңызы ерекше.

Қорыта келе, 1890–1917 жылдар аралығындағы Верный қаласының тұрғын үй архитектурасы бұл бір жағынан Ресей империясының саяси және мәдени ықпалының, екінші жағынан жергілікті материалдар мен дәстүрлердің, табиғи-климаттық жағдайлардың және сейсмологиялық ерекшеліктердің ықпалдасуының көрінісі. Бұл архитектурада бейімделу мен сәйкестену, отарлық стратегия мен аймақтық ерекшеліктің тоғысуы байқалады. Сондықтан бұл кезеңнің тұрғын үйлерін тек құрылыс нысандары ретінде емес, тарихи-мәдени құбылыс ретінде де қарастыру қажет. Олар архитектуралық жадын қалыптастырады, әрі бүгінгі Алматының мәдени ландшафтының түп негізін құрайды.

Қорғалу статусына келетін болсақ, Верный қаласының тарихи тұрғын үйлерінің архитектуралық мұрасын сақтау олардың заңнамалық мәртебесіне тікелей байланысты.

Кесте 1. Алматы қаласының республикалық маңызы бар тарих және мәдениет ескерткіштері тізімінің қала құрылысы және сәулет тобындағы тұрғын үйлер
[Table 1. Residential buildings within the urban planning and architecture category in the list of historical and cultural monuments of national significance in Almaty]

№	Ғимарат атауы	Салынған жылы	Мекенжайы	Архитектуралық стиль мен сипаттама	Қазіргі жағдайы	Заңмен қорғалуы
1	М.О. Әуезовтың әдеби-мемориалдық музей-үйі	1951 жылы салынған 1963 жыл музей-үйі ашылды	Төлебаев көшесі, 185	Екі қабатты кірпіштен салынған қатаң геометриялық стиль сәулетші Г.Г. Герасимов, әкімшілік ғимарат	Мемориалдық музей	1982 ж. республикалық тізімде болды, Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2015 жылғы 10 маусымдағы № 426 қаулысымен Республикалық маңызы бар Тарих және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізімінде

2	Көпес А. Гаврилов-тың үйі	XIX ғ. Соңы	Бастапқыда: Гоголь мен Назарбаев даңғылы, қазір: Желтоқсан, 167	Классикалық стиль, екі қабатты, симметриялы, сылақталған, фронтон шатырымен безендірілген	Жеке меншікте, орнында көпқабатты үй мен дүкен, кеңістіктік өзгерістер болды	1982 ж. республикалық тізімде болды, Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2015 жылғы 10 маусымдағы № 426 қаулысымен Республикалық маңызы бар Тарих және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізімінде
3	Құрметті азамат Тит Головизин-нің үйі	1908	Фурманов пен Құрманғазы көшелері	Ағаш, модерн стилі, асимметрия, бұрыштық мұнара, шпиль, капительдер, өрнектер	«Госрезиденция № 4», декоративтік элементтер өзгертілген	1979, 1982, 2020 жж. шешімдермен тарихи ескерткіш ретінде танылған, 2010 ж., Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2015 жылғы 10 маусымдағы № 426 қаулысымен Республикалық маңызы бар Тарих және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізімінде
4	Көпес Г. Шахворостовтың үйі,	1890 жыл	Н. Назарбаев даңғылы, 99	Барокко стиліндегі ағаш үй. Сыртқы көрінісі тас құрылысына еліктеу арқылы көркемделген. Сәулетші А.П. Зенков	Қазақстан Республикасындағы Америка Құрама Штаттарының консулдық ғимараты,	1982 ж. республикалық тізімде болды, Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2015 жылғы 10 маусымдағы № 426 қаулысымен Республикалық маңызы бар Тарих және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізімінде
5	Архитектор Зенковтар үйі	1880-жылдар соңы, 1888 ж.	Казыбек би 115/1	Бір қабатты ағаш үй, бөрене, әктелген, терезе оюлары, дәліздік жоспар	Сақталған, жедел жәрдем станциясы ретінде қызмет етеді	1979, 1982 жж. Республикалық тізімде енгізілген, реставрация жоспарланған. Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2015 жылғы 10 маусымдағы № 426 қаулысымен Республикалық маңызы бар Тарих және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізімінде
6	Ахмет Байтұрсынұлының музей-үйі	1917 жыл	Байтұрсынұлы көшесі, 60	Функционалды тұрмыстық сипатта салынған екі қабатты тұрғын үй	музей-үй	1992 жылғы 18 қыркүйектегі № 413 шешім негізінде Алматы қаласының жергілікті маңызы бар тарих және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізімінде. ҚР Мәдениет және ақпарат министрінің 2025 жылғы 11 шілдедегі № 318-НҚ бұйрығымен Республикалық маңызы бар тарих және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізімін

Кестеде келтірілген тарихи үйлердің мемлекеттік және жергілікті деңгейдегі қорғалуы олардың тарихи-мәдени маңыздылығы мен заңнамалық мәртебесіне байланысты. Республикалық маңызы бар ескерткіштерге (мысалы, Көпес А. Гавриловтың үйі, Тит Головизиннің үйі, Зенковтар үйі) мемлекет деңгейінде жоғары қорғау қолданылады, бұл олардың тарихи құндылығын сақтау, қалпына келтіру және тұрақты мониторинг жүргізуді қамтамасыз етеді. Мұндай нысандардың сақталуына жауапкершілік ұлттық деңгейде бекітіліп, олар мемлекеттік бюджеттің қолдауымен реставрацияланады және ғылыми-тарихи тұрғыдан зерттеледі. Ал жергілікті маңызы бар ескерткіштер (мысалы, Ғабдулвалиевтің үйі, Купец Радченконың үйі, Л.И. Фидлердің үйі) аймақтық деңгейде қорғалатын нысандар және олардың қорғауы мен пайдалану шарттары көбіне жергілікті билік пен ресурстарға тәуелді. Жергілікті деңгейдегі қорғаныс республикалық деңгейге қарағанда әлдеқайда шектеулі болуы мүмкін, реставрация жұмыстары мен бақылау жиі толық көлемде жүргізілмейді, бұл олардың тарихи мәнін ұзақ мерзімде сақтау мүмкіндігін төмендетеді. Сонымен қатар, кейбір тарихи ғимараттар (мысалы, Кургановтар отбасының үйі) мүлдем қорғалмай, жойылған, бұл тарихи мұраның жоғалу қаупін көрсетеді. Осылайша, республикалық деңгейдегі қорғаныс тарихи нысандарды жүйелі түрде сақтау мен ғылыми негіздеуді қамтамасыз етсе, жергілікті деңгейдегі қорғау көбінесе аймақтық маңызға ие, бірақ ресурстық және ұйымдастырушылық жағынан әлсіз.

Кесте 1. Алматы қаласының жергілікті маңызы бар тарих және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізіміндегі тұрғын үйлер
[Table 1. Residential buildings listed in the State register of historical and cultural monuments of local significance in Almaty]

№	Ғимарат атауы	Салынған жылы	Мекен-жайы	Қазіргі жағдайы	Заңмен қорғалуы
1	Көпес Ғабдулвалиевтің үйі	XX ғ. Басы	Төлебаев көшесі, 38	Тарихи ескерткіш ретінде сақталған	1979, 2010 жж. шешімдермен тарихи ескерткіш ретінде танылған, 2021 жылғы 17 наурыздағы № 1/191 қаулысы. Алматы қаласы Әділет департаментінде 2021 жылғы 19 наурызда № 1693 Алматы қаласының жергілікті маңызы бар тарих және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізімінде
2	Бұрынғы Верный обсерваториясы, Бредихин астрографы академик Г.А.Титовтың үйі және мұнарасы	1915 жыл	Амангелді к-сі, 89,	Алматы облысының қоршаған ортаны қорғау басқармасының өкілдігі	2014 жж. тізімдерде жергілікті маңызы бар ескерткіш ретінде белгіленген. 2021 жылғы 19 наурызда № 1693 Алматы қаласының жергілікті маңызы бар тарих және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізімінде
3	Көпес Радченконың үйі	Шамамен 1900 ж.	Төлебаев к-сі, 25	Қазіргі таңда – психологиялық-педагогикалық түзету кабинеті	1979, 2010, 2014 жж. тізімдерде жергілікті маңызы бар ескерткіш ретінде белгіленген. 2021 жылғы 17 наурыздағы № 1/191 қаулысы. Алматы қаласы Әділет департаментінде 2021 жылғы 19 наурызда № 1693 Алматы қаласының жергілікті маңызы бар тарих және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізімінде

4	Дәрігер Л.И. Фидлердің үйі	XIX ғ. соңы (1880–1890 жж.)	Қазыбек би мен Мәметова көшелері	Бірнеше рет жөнделген, тарихи келбеті толық сақталмаған	1979, 2010, 2014 жж. тізімдерде жергілікті маңызы бар ескерткіш ретінде белгіленген. 2021 жылғы 17 наурыздағы № 1/191 қаулысы. Алматы қаласы Әділет департаментінде 2021 жылғы 19 наурызда № 1693 Алматы қаласының жергілікті маңызы бар тарих және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізімінде
5	Ғалым-ағаш өсіруші Э.О. Баумның бұрынғы үйі	1889 жыл	Амангелді к-сі, 68 а	Астана ДҚҚБ	1979, 2010, 2014 жж. тізімдерде жергілікті маңызы бар ескерткіш ретінде белгіленген. 2021 жылғы 17 наурыздағы № 1/191 қаулысы. Алматы қаласы Әділет департаментінде 2021 жылғы 19 наурызда № 1693 Алматы қаласының жергілікті маңызы бар тарих және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізімінде
6	Ғалым, көрнекті мемлекет қайраткері, профессор С.Д. Асфендияровтың үйі	XX ғасырдың 30-жылдарының басы	Төле би к-сі, 29 Пушкин к-сі қиылысы	Қазақстан Республикасы н-дағы Түрік елшілігі	2021 жылғы 17 наурыздағы № 1/191 қаулысы. Алматы қаласы Әділет департаментінде 2021 жылғы 19 наурызда № 1693 Алматы қаласының жергілікті маңызы бар тарих және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізімінде
7	Бағбан Татариновтың бұрынғы үйі, санитарлық-эпидемиологиялық станция	XIX ғ. Соңы	Сейфуллин даңғылы, 551 (Бөгенбай батыр к-сі, 154)	Спорт жетістіктері музей	2021 жылғы 17 наурыздағы № 1/191 қаулысы. Алматы қаласы Әділет департаментінде 2021 жылғы 19 наурызда № 1693 Алматы қаласының жергілікті маңызы бар тарих және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізімінде
8	Көпес И. Габдулвалиевтің бұрынғы үйі	1909	Төлебаев к-сі, 38	«ГЦИ» ЖШС	2010, 2014 жж. тізімдерде жергілікті маңызы бар ескерткіш ретінде белгіленген. 2021 жылғы 17 наурыздағы № 1/191 қаулысы. Алматы қаласы Әділет департаментінде 2021 жылғы 19 наурызда № 1693 Алматы қаласының жергілікті маңызы бар тарих және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізімінде
9	Филипповтың бұрынғы үйі	XX ғ. басы	Мақатаев к-сі, 20	«Қазқайтажаңғырту» РМК-нің ҒЗЖФ	2010, 2014 жж. тізімдерде жергілікті маңызы бар ескерткіш ретінде белгіленген. 2021 жылғы 17 наурыздағы № 1/191 қаулысы. Алматы қаласы Әділет департаментінде 2021 жылғы 19 наурызда № 1693 Алматы қаласының жергілікті маңызы бар тарих және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізімінде
10	Верный қаласының ақсақалы С.А. Сейдалиннің үйі	XIX ғ. Соңы	Панфилов к-сі, 99	Д.А. Қонаев атындағы Халықаралық қордың ғимараты сонымен қатар жеке кәсіпкерлердің пайдалануында	2010, 2014 жж. тізімдерде жергілікті маңызы бар ескерткіш ретінде белгіленген. 2021 жылғы 17 наурыздағы № 1/191 қаулысы. Алматы қаласы Әділет департаментінде 2021 жылғы 19 наурызда № 1693 Алматы қаласының жергілікті маңызы бар тарих және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізімінде

11	Ағайынды Бреусовтардың тұрғын үйі	XX ғ. басы	Әйтеке би к-сі, 27	«Казэкология» ЖШС	2010, 2014 жж. тізімдерде жергілікті маңызы бар ескерткіш ретінде белгіленген. 2021 жылғы 17 наурыздағы № 1/191 қаулысы. Алматы қаласы Әділет департаментінде 2021 жылғы 19 наурызда № 1693 Алматы қаласының жергілікті маңызы бар тарих және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізімінде
12	Жазушы С. Мұқановтың бұрынғы музей-пәтері	1976 жыл	Төлебаев к-сі, 125, 129 пәтер	С. Мұқанов пен Ғ. Мүсіреповтің Мемлекеттік әдеби- мемориалдық музей-кешені	2010, 2014 жж. тізімдерде жергілікті маңызы бар ескерткіш ретінде белгіленген. 2021 жылғы 17 наурыздағы № 1/191 қаулысы. Алматы қаласы Әділет департаментінде 2021 жылғы 19 наурызда № 1693 Алматы қаласының жергілікті маңызы бар тарих және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізімінде

Республикалық және жергілікті қорғаудағы тарихи тұрғын үйлерді музейлендіру олардың мәдени және тарихи құндылықтарын сақтаудың маңызды тәсілдерінің бірі. Мұндай үйлер архитектуралық тұрғыдан тарихи жадыны сақтау мен ұрпаққа рухани сабақ беру функциясын атқаратын мәдени институттарға айналады. Бұл үрдіс, әсіресе Алматы қаласында айқын байқалады, мұнда XX ғасырда өмір сүрген көрнекті қоғам қайраткерлерінің мемориалдық музей-үйлері жүйелі түрде құрылған.

Мәселен, Мұхтар Әуезовтің музей-үйі алғаш рет Қазақ КСР Министрлер Кеңесінің 1982 жылғы 26 қаңтардағы № 38 қаулысымен республикалық маңызы бар тарихи және мәдени ескерткіштер тізіміне енгізілген. Ал 2025 жылғы 11 шілдеде Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрінің № 318-НҚ бұйрығымен бұл нысан қайтадан республикалық маңызы бар тарих және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізіміне енгізіліп, оның жалпыұлттық деңгейдегі тарихи құндылығы заңды түрде нақты айқындалды (Алматы қаласының жергілікті, 2021).

Ахмет Байтұрсынұлының музей-үйі де заңнамалық тұрғыдан маңызды өзгерістерге ұшырады. Ол 2019 жылғы 30 мамырда Қазақстан Республикасы Мәдениет және спорт министрінің № 156 бұйрығымен тарихи және мәдени ескерткіш ретінде тізімге алынып, бұл шешім 2019 жылғы 31 мамырда ҚР Әділет министрлігінде № 18756 болып тіркелді. Бұл нысан да 2025 жылғы жаңа тізімге сәйкес республикалық маңызы бар ескерткіштер санатына енгізілді (Алматы қаласының жергілікті, 2021).

Сәбит Мұқанов пен Ғабит Мүсіреповтің әдеби-мемориалдық музей кешені алғаш рет 2010 жылғы 10 қарашада Алматы қаласы әкімдігінің № 4/840 қаулысымен жергілікті маңызы бар тарих және мәдениет ескерткіші ретінде танылған. Бұл мәртебе 2021 жылғы 17 наурыздағы № 1/191 қаулымен бекітілген Алматы қаласының жаңартылған ескерткіштер тізімінде де сақталды, соның негізінде аталған кешен қалалық деңгейдегі қорғау нысанына айналды (Алматы қаласының жергілікті, 2010).

Ал Дінмұхамед Қонаевтың музей-үйінің құқықтық мәртебесі өзгеше. Қазіргі таңда бұл нысан ешбір мемлекеттік қорғау тізіміне енгізілмеген және тарихи немесе мәдени ескерткіш ретінде ресми танылмаған. Ол Алматы музей бірлестігінің қарамағында болғанымен, нысанға қатысты арнайы қорғау немесе құрылыс реттеу аймақтары белгіленбеген. Бұл жайт оның болашақта құрылымдық өзгерістерге немесе жекешелендіруге ұшырау қаупін тудырады, сондай-ақ заңдық тұрғыда жеткілікті қорғалмауына себеп болады.

Осы орайда, музейлендірілген үйлердің құқықтық мәртебесіне назар аудару өзекті. Мысал ретінде республикалық маңызы бар тарихи ескерткіш ретінде танылған Мұхтар Әуезов музей-үйі мен қазіргі уақытта мемлекеттік қорғау тізіміне енген Дінмұхамед Қонаев музей-үйін салыстыра отырып қарастыру музейлендірудің артықшылықтары мен шектеулерін нақты айқындауға мүмкіндік береді.

Мазмұндық және технологиялық жағынан алғанда, бұл екі музейдің де трансформациясы қазіргі заман талаптарына сай жүзеге асырылып отыр. Екеуінде де QR-код жүйелері енгізілген, бейнеэкскурсиялар ұйымдастырылған, мультимедиялық экспозициялар мен цифрлық құралдар арқылы келушілерге ақпарат беру жүйесі жолға қойылған. Сәулеттік тұрғыдан да музей кеңістіктері жаңартылып, тарихи-педагогикалық орта ретінде құрылымдалған. Осы сипаттары арқылы олардың техникалық және мазмұндық мүмкіндіктерін тең дәрежеде деп бағалауға болады. Дегенмен, олардың мақсатты аудиториясы мен қоғамдағы орны біршама ерекшеленеді. Қонаев музей-үйі ішкі аудиторияға, әсіресе қазақстандық жастар мен мемлекеттік қызметкерлерге бағытталған, саяси көшбасшылық пен тарихи сабақтастықты насихаттауға бейімделген (Алматы қаласы музейлер, 2023: 144–207). Бұл музей әлеуметтік желілерде белсенділік танытып, келушілердің тұрақты легін қалыптастырған. Ал, Мұхтар Әуезов музейі халықаралық деңгейде танылып отыр. Әуезовтің шығармалары 50-ден астам тілге аударылып, оның мұрасы UNESCO секілді халықаралық ұйымдармен бірлескен жобалар арқылы насихатталуда. Музейдің бастамалары шетелдік ғылыми және мәдени мекемелермен тығыз байланыста жүзеге асып, оны қазақ әдебиетін жаһандық деңгейде танытатын мәдени институтқа айналдырды.

Музейге айналған тұрғын үйлердің әлемдік музейтану ғылымында зерттеу нысанында болуы, оның музей типінің маңызды бағыты екенін дәлелдейді сонымен қатар, мәдени мұраны тұлғалар арқалы насихаттайды. Бүгінде тұрғын үйлерді музейлендіру бойынша жүргізілген шет елдік зерттеушілердің бірі Дж.Пинна тарихи тұрғын үйлерге «көпшілік қауымға есігі ашық және онда тұрған адамдар пайдаланған тұрмыстық заттар мен коллекциялар алғашқы қалпында сақталып, қайта құрылмаған» деген тұжырымға келсе, П. Уокермен Т. Грэм: «тарихи тұрғын үйлер музейге айналған ғимарат болған кезде ғана сақталады» деген пікірде. Л. Янг «жеке тұрмыстық кеңістік» терминін қалыптастырады және музей-үйі, үйден мәдени орынған айналу үшін тұрғын үй сияқты әртүрлі типтерден іріктеліп алынатындығын айтады (Сахи, Каржаубаева, 2025).

Музейлендірілген кеңістік тұлғалық жадыны сақтап қана қоймай, келушіге ой салатын, оның тарихи санасын қалыптастыратын белсенді мәдени ортаға айналады. Бұл мәселе, әсіресе, «Алматы қаласы тарихы музейі» экспозициясында ерекше өзектілікке ие. Қалада тұрғын үйлерді музейлеудің тағы бір үлгісі ретінде аталған музей үйлерде XX ғасырдың бірінші жартысына тән қалалық пәтер және үй интерьерінің реконструкцияланған экспозициясын атауға болады (Алматы қаласы музейлер, 2023: 144–207). Бұл экспозицияда сол кезеңдегі қалалық тұрғындардың тұрмыстық кеңістігі шынайы заттар, интерьер элементтері және инсталляциялық тәсілдер арқылы ұсынылып, қалалық жадыны визуалды және кеңістіктік деңгейде сезінуге жағдай жасалған. Мұндай тәсілдер тұрғын үйлерді музейлеудің әлеуетін арттырып, мәдени мұраны көпшілікке қолжетімді етуге септігін тигізеді. Тұрғын үйлерді музейлендіру үдерісін тиімді жүзеге асыру үшін кешенді институционалдық және ұйымдастырушылық механизмдер қажет.

Сурет 6 – Үй интерьерін экспозициялау. Алматы қаласы тарихы музейі. 4-экспозициялық зал.
(Сайт: almatymuseums.kz/kz)

[Fig. 6 – Exhibition of residential interior. Museum of the history of Almaty. Hall 4]

Ең алдымен, бұл салада жергілікті атқарушы органдардың (әкімдіктердің) рөлі ерекше. Қазақстан Республикасының «Мәдениет туралы» Заңы мен «Тарихи-мәдени мұра объектілерін қорғау және пайдалану туралы» Заңына сәйкес, тарихи-мәдени ескерткіштерді анықтау, тіркеу және олардың мәртебесін бекіту жөніндегі бастамаларды жергілікті атқарушы органдар ұсына алады. Сонымен қатар, әкімдіктер тиісті құжаттамаларды дайындап, объектіні тарихи және мәдени құндылық ретінде тану үшін республикалық уәкілетті органға ұсынады. Бұл ретте әкімдіктердің мәдени жоспарлау және қалалық даму стратегиясымен сәйкестендірілген шешімдері маңызды негіз болады.

Музейлендіру процесінің табысты болуы қаржылық қамтамасыз етілуіне де тікелей байланысты. Қазақстанда бұл салаға бөлінетін қаражат көбіне мемлекеттік немесе жергілікті бюджеттен қарастырылады. Алайда бюджеттік шектеулер жағдайында мемлекеттік-жекеменшік әріптестік тетіктерін енгізу, меценаттық қолдаулар мен қайырымдылық қорлары арқылы қосымша ресурстар тарту — халықаралық тәжірибеде де кеңінен қолданылатын тәсілдер. Мысалы, ЮНЕСКО ұсынып отырған «көпсекторлы қатысу» моделі бойынша мәдени мұра нысандарын сақтау мен оларды қайта жандандыру үшін жергілікті басқару, бизнес-қоғамдастық және азаматтық сектор арасындағы серіктестік шешуші мәнге ие

Демек, тұрғын үйлерді музейлендірудің табысты жүзеге асуы үшін құқықтық негіз бен әкімшілік ерік-жігерден бөлек, қаржылық тұрақтылық пен қоғамдық қатысудың үйлесімділігі шешуші факторлар. Бұл механизмдердің өзара байланысын қамтамасыз ету тарихи мұраны тиімді сақтап қана қоймай, оны қазіргі заманның мәдени кеңістігіне интеграциялауға мүмкіндік береді. Музейге айналған тұрғын үйлерге жаңа ғылыми нысан ретінде қарау отандық музеология ғылымында жаңа бағыт қалыптастырады.

Қорытынды

Қорытындылай келе, Алматы қаласының Верный қаласы аумағындағы тарихи тұрғын үйлердің республикалық және жергілікті деңгейде қорғалатын нысандарының заңнамалық мәртебесі мен қазіргі жағдайын талданды. Кестедегі деректер мен зерттеулер нәтижелері көрсеткендей, республикалық маңызы бар ескерткіштерге (мысалы, Көпес А. Гавриловтың үйі, Тит Головизиннің үйі, Зенковтар үйі) мемлекеттік деңгейде жоғары қорғау қарастырылған, бұл оларға ғылыми-зерттеу, реставрация және тұрақты мониторинг жүргізуге мүмкіндік береді. Қаржыландыру және жауапкершілік мемлекеттік бюджеттен қамтамасыз етіледі, сондықтан мұндай нысандар тарихи-мәдени құндылығын сақтауда салыстырмалы түрде жақсы деңгейде тұр. Алайда жергілікті маңызы бар тарихи нысандар (Көпес Ғабдулвалиевтің үйі, Көпес Радченконың үйі, Л.И. Фидлердің үйі) көбінесе аймақтық билік пен шектеулі ресурстарға тәуелді болғандықтан, олардың қорғау және сақталу деңгейі әлсіз. Мұндай жағдайлар реставрация жұмыстарының толыққанды жүргізілмеуіне, мониторингтің шектеулі болуына, әрі тарихи нысандардың бүліну немесе жойылу қаупінің жоғарылауына әкеледі. Мысалы, Кургановтар отбасының үйінің жойылуы тарихи мұраның жоғалуына тікелей мысал.

Бұл тұрғыда Қазақстан Республикасының Мәдениет және спорт министрінің 2022 жылғы 14 қаңтардағы № 9 бұйрығы ерекше назар аударады. Бұйрықтың 25-бабында «Тарих және мәдениет ескерткішін пайдалану құқығынан айыру» туралы айтады, онда тарихи-мәдени ескерткішті оның сипаты мен мақсатына сәйкес пайдаланбау нәтижесінде бүліну немесе жойылу қатері төнген жағдайда, пайдаланушыларға қатысты құқықтық шаралар қолданылатыны көрсетілген (Алматы қаласының тарихи-мәдени мұра, 2014). Сонымен бірге, 26-бапта «Меншікке және пайдалануға берілген жердегі тарихи-мәдени мұра объектілерінің сақталуын қамтамасыз ету» міндеті жер учаскелерінің меншік иелері мен пайдаланушыларына жүктелген. Алайда, осы заңнамалық нормаларға қарамастан, Алматыдағы жергілікті маңызы бар тарихи нысандардың көпшілігі қорғалуы мен сақталуы тұрғысынан жеткіліксіз деңгейде екенін байқауға болады. Бұл заңдардың орындалмауы немесе жеткіліксіз қадағалануынан тарихи-мәдени мұра объектілерінің бүлінуі және жоғалуы әлі де жалғасуда. Бұл, әсіресе,

меншік иелері мен жер пайдаланушылардың тарихи объектілерді сақтау міндетін толық орындамауы және жергілікті билік тарапынан жеткілікті бақылау мен қаржыландырудың болмауынан туындайды. Осыдан тарихи мұраны қорғау жүйесінің әлсіздігі мен оның жетілдіру қажеттілігі айқын көрінеді. Осы жағдайды ескере отырып, тарихи тұрғын үйлер мен мәдени мұраны сақтау мен насихаттаудың ең ұтымды жолы ретінде музеефикациялау ұсынылады.

Республикалық деңгейдегі қорғалатын нысандардың мысалында көрініс тапқандай, музеефикациялау ғимараттарды ғана емес, сонымен қатар олардың ішіндегі тарихи жәдігерлерді, экспонаттарды сақтап, оларды қоғамдық сананы арттыруға және тарихи танымды кеңейтуге бағытталған кешенді тәсіл. Мұндай нысандар тұрақты бақылауда болып, кәсіби мамандардың қатысуымен реставрацияланып, ғылыми негізде зерттеледі. Бұл тәсіл қоғамға тарихи-мәдени құндылықтардың маңыздылығын танытып, келешек ұрпаққа мұра ретінде қалдыруда маңызды рөл атқарады.

Қорытындылай келе, Алматы қаласындағы тарихи тұрғын үйлердің қорғалуы мен сақталуын қамтамасыз ету мақсатында республикалық және жергілікті заңнамалық механизмдерді жетілдіру, меншік иелері мен жер пайдаланушылардың міндеттерін қатаң бақылау және қаржылық қолдауды арттыру қажеттігі туындайды. Сонымен қатар, музейлендірудің сияқты кешенді тәсілдердің кеңінен қолдану тарихи мұраны сақтау және насихаттау ісін тиімді әрі тұрақты етеді. Осылайша, мәдени мұраны қорғау мен дамыту саласындағы шаралар кешені Алматының тарихи-мәдени кеңістігінің сақталуына және болашақ ұрпаққа жеткізілуіне кепілдік береді.

Дереккөздер

АҚМА — Алматы қаласы мемлекеттік архиві

ҚР ОМҚҚДЖА — Қазақстан Республикасы орталық мемлекеттік кинофото құжаттар және дыбыс жазбалар архиві

Sources

ASA — Almaty State Archive

CSACPhDAR RK — Central State Archive of Cinema and Photo Documents and Audio Records of the Republic of Kazakhstan

Әдебиеттер

Алматы қаласы музейлер, 2023 — *Алматы қаласы музейлер бірлестігі*. Фотоальбом. Алматы: 2023. 256 с.

Алматы қаласының жергілікті, 2010 — *Алматы қаласының жергілікті* маңызы бар Тарих және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізімін бекіту туралы: Алматы қаласы әкімдігінің 2010 жылғы 10 қарашадағы № 4/840 қаулысы, 2010. [Электрондық ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/archive/docs/V10R0000864/10.11.2010> (қаралған күні: 24.07.2025).

Алматы қаласының жергілікті, 2021 — *Алматы қаласының жергілікті* маңызы бар тарих және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізімі. Алматы қаласы әкімдігінің 2021 жылғы 17 наурыздағы № 1/191 қаулысы, 2021. [Электрондық ресурс]. // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V21R0001693/info> (қаралған күні: 31.05.2025).

Алматы қаласының тарихи-мәдени мұра, 2014 — *Алматы қаласының тарихи-мәдени мұра* нысандарын қорғау аймақтары. Мәслихаттың 2014 жылғы № 261 шешімі, 2014. [Электрондық ресурс]. URL: <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/V14R0001089> (қаралған күні: 31.05.2025).

Байнатов, 2015 — *Байнатов Ж.Б.* Архитектура. Архитектурные конструкции зданий и сооружений: учеб. пособие. Алматы: ҚазҰТЗУ им. Қ. И. Сатпаева, 2015. 348 с.

Бейсенова, 2023 — *Бейсенова А.М., Толепберген А.Т., Куспанғалиев Б.У.* Региональные особенности архитектуры города Алматы XIX–XX вв. // Наука и образование сегодня, 2023. № 1(75). С. 74–78. [Электрондық ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-osobennosti-arhitektury-goroda-almaty-xix-xx-vv> (қаралған күні: 31.05.2025).

Бекболов, 2020 — *Бекболов А.А., Самойлов К.И.* Предпосылки формирования Алматинской агломерации // Наука и образование сегодня, 2020. № 11(58). С. 53–56. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-formirovaniya-almatinskoy-aglomeratsii> (қаралған күні: 31.05.2025).

Ботанов, т.д., 2020 — *Ботанов А.К., Исалова А.М., Даник Л.В., Нурманова Н.Т.* Исторические здания и сооружения города (Верный, Алма-Ата, Алматы): тематический обзор документов, 2020. 8 с.

Донченко, Самойлов, 2020 — *Донченко С.А., Самойлов К.И.* Градостроительные комплексы города Алматы // Наука и образование сегодня, №9(56), 2020. С. 37–40.

- Донченко, Самойлов, 2020.1 — *Донченко С.А., Самойлов К.И.* Стилевые инновации архитектуры городов-столиц Казахстана // Наука и образование сегодня, 2020. № 9(56). С. 42–50.
- Дуйсенби, т.д., 2023 — *Дуйсенби А.С., Турекулова А.И., Самойлов К.И.* Планировочные решения городов-столиц // Наука и образование сегодня, 2023. № 1(75). С. 64–71.
- Капанов, 1998 — *Капанов А.К., Баймагамбетов С.К.* Алматы: архитектура и градостроительство. Алматы: DIDAR Publishing Co., 1998. 352 с.
- Марғұлан, 1959 — *Марғұлан А.Х., Басенов Т. К., Мендикулов М.М.* Архитектура Казахстана. Алма-Ата: Казгосиздат, 1959. 170 с.
- Мендикулов, 1953 — *Мендикулов М.М.* Архитектура города Алма-Аты. Алматы: Изд-во АН КазССР, 1953. 91 с.
- Мухантаева, 2015 — *Мухантаева А. К.* Исторические формообразующие факторы, повлиявшие на строительство жилищ г. Верного // Актуальные проблемы архитектуры... Тюмень: ТюмГАСУ, 2015. С. 183–190.
- О памятниках истории и культуры, 2008 — *О памятниках истории и культуры* Казахской ССР республиканского значения: Постановление Совета Министров Казахской ССР от 26 января 1982 г. № 38, 2008. [Электронный ресурс]. // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P820000038_ (дата обращения: 24.07.2025).
- Республикалық маңызы бар тарих, 2020 — *Республикалық маңызы бар тарих* және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізімі. ҚР Мәдениет және спорт министрінің 2020 жылғы 14 сәуірдегі № 88 бұйрығы. [Электрондық ресурс]. // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V2000020397> (қаралған күні: 31.05.2025).
- Республикалық маңызы бар тарих, 2025 — *Республикалық маңызы бар тарих* және мәдениет ескерткіштерінің мемлекеттік тізімін бекіту туралы. Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрінің 2025 жылғы 11 шілдедегі № 318-НҚ бұйрығы. [Электрондық ресурс]. // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/G25KS000318> (қаралған күні: 24.07.2025).
- Самойлов, 2004 — *Самойлов К.И.* Архитектура Казахстана XX века. М. – Алматы, 2004. 253 с.
- Сахи, Каржаубаева — *Сахи Ж., Каржаубаева А.* Музей-үйлер: тұжырымдар мен көзқарастар // «Edu.e-history.kz» электрондық ғылыми журналы, 2025. Т. 12. № 1. Б. 217–231.
- Свод памятников, 2006 — *Свод памятников* истории и культуры г. Алматы / сост. Белоносов О.Р.; гл. ред. Агаян Б.Г. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2006. 360 с.
- Труспекова, 2019 — *Труспекова Х.* Архитектура Алматы и вопросы идентичности // Central Asian Journal of Art Studies, 2019. Т. 1. № 3. С. 37–42.
- Тюрин, 2021 — *Тюрин С.С.* Образ города Верного (Алматы)... Чебоксары: ИД «Среда», 2021. 124 с.
- Шаймарданова, 2013 — *Шаймарданова З.Д.* Город Верный в исторической ретроспективе // МНИЖ, №7–1(14), 2013. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorod-vernyy-v-istoricheskoy-retrospektive> (қаралған күні: 31.05.2025).
- Шейнер, 2017 — *Шейнер А.Е.* Стилевые направления в архитектуре жилых зданий города Верного // Онтология искусства христианского мира: изобразительное и монументально-декоративное искусство, архитектура и предметно-пространственная среда: XXV Международные Рождественские образовательные чтения: «1917–2017: уроки столетия», 25–27 января 2017. М.: МГХПА им. С. Г. Строганова, 2017. С. 89–92.
- Шейнер, 2020 — *Шейнер А.Е.* Сценография городского пространства Верного... СПб.: СПГХПА им. А.Л. Штиглица, 2020. 380 с.

References

- Almaty kalasy muzeiler, 2023 — *Almaty kalasy muzeiler birlestigi.* Fotoalbum [Association of the museums of Almaty. Photo album]. Almaty: 2023. 256 p. (In Kaz.).
- Almaty qalasynyn tarikhi-madeni mura, 2014 — *Almaty qalasynyn tarikhi-madeni mura* nysandaryn qorgau ajmaqtary. Maslikhattyn 2014 zhylgy No. 261 sheshimi. // URL: <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/V14R0001089> (qaralghan kuni: 31.05.2025). (In Kaz.).
- Almaty qalasynyn zhergilikti manyzy bar, 2010 — *Almaty qalasynyn zhergilikti manyzy bar* Tarikh zhane madeniet eskertkishterinin memlekettik tizimin bekitu turaly: Almaty qalasy akimdiginin 2010 zhylgy 10 qarashadagy No. 4/840 qaulysy. // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/archive/docs/V10R0000864/10.11.2010> (qol zhetkizu kuni: 24.07.2025). (In Kaz.).
- Almaty qalasynyn zhergilikti manyzy bar, 2021 — *Almaty qalasynyn zhergilikti manyzy bar* tarikh zhane madeniet eskertkishterinin memlekettik tizimi. Almaty qalasy akimdiginin 2021 zhylgy 17 nauryzdagy No. 1/191 qaulysy. [Elektrondyq resurs]. // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V21R0001693/info> (qaralghan kuni: 31.05.2025). (In Kaz.).
- Bajnatov, 2015 — *Bajnatov Zh.B.* Arkhitektura. Arkhitekturnye konstruksii zdaniy i sooruzhenij: ucheb. posobie. Architecture. Architectural Structures of Buildings and Constructions: Textbook]. Almaty: QazUTZU im. Q.I. Satpaeva, 2015. 348 p. (In Russ.).
- Bejsenova, 2023 — *Bejsenova A.M., Tolepbergen A.T., Kuspangaliev B.U.* Regionalnye osobennosti arkhitektury goroda Almaty XIX–XX vv. [Regional Features of the Architecture of the City of Almaty in the 19th–20th centuries] // Nauka i obrazovanie segodnja, 2023. No. 1(75). Pp. 74–78. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-osobennosti-arhitektury-goroda-almaty-xix-xx-vv> (qaralghan kuni: 31.05.2025). (In Russ.).

- Bekbolov, 2020 — *Bekbolov A.A., Samojlov K.I.* Predposylki formirovaniya Almatinskoy aglomeratsii. [Prerequisites for the Formation of the Almaty Agglomeration] // *Nauka i obrazovanie segodnja*, 2020. No. 11(58). Pp. 53–56. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-formirovaniya-almatinskoy-aglomeratsii> (qaralgan kuni: 31.05.2025). (In Russ.).
- Botanov, et al., 2020 — *Botanov A.K., Isalova A.M., Dannik L.V., Nurmanova N.T.* Istoricheskie zdaniya i sooruzheniya goroda [Historical Buildings and Structures of the City]. Vernyj, Alma-Ata, Almaty: tematicheskij obzor dokumentov, 2020. 8 p. (In Russ.).
- Donchenko, Samojlov, 2020 — *Donchenko S.A., Samojlov K.I.* Gradostroitelnye komplekсы goroda Almaty. [Urban Planning Complexes of the city of Almaty] // *Nauka i obrazovanie segodnja*, 2020. No. 9(56). Pp. 37–40. (In Russ.).
- Donchenko, Samojlov, 2020.1 — *Donchenko S.A., Samojlov K.I.* Stilevye innovatsii arkhitektury gorodov-stolits Kazakhstana. [Stylistic Innovations in the Architecture of Kazakhstan's Capital Cities] // *Nauka i obrazovanie segodnja*, 2020. No. 9(56). Pp. 42–50. (In Russ.).
- Dujsenbi, et al., 2023 — *Dujsenbi A.S., Turekulova A.I., Samojlov K.I.* Planirovochnye resheniya gorodov-stolits. [Urban Planning Solutions of Capital Cities] // *Nauka i obrazovanie segodnja*, 2023. No. 1(75). Pp. 64–71. (In Russ.).
- Kapanov, Bajmagambetov, 1998 — *Kapanov A.K., Bajmagambetov S.K.* Almaty: arkhitektura i gradostroitelstvo. [Almaty: Architecture and Urban Planning]. Almaty: DIDAR Publishing Co., 1998. 352 p. (In Russ.).
- Margulan, et al., 1959 — *Margulan A.Kh., Basenov T.K., Mendikulov M.M.* Arkhitektura Kazakhstana [Architecture of Kazakhstan]. Alma-Ata: Kazgosizdat, 1959. 170 p. (In Russ.).
- Mendikulov, 1953 — *Mendikulov M.M.* Arkhitektura goroda Alma-Aty. [Architecture of the city of Alma-Ata]. Almaty: Izd-vo AN KazSSR, 1953. 91 p. (In Russ.).
- Mukhantaeva, 2015 — *Mukhantaeva A.K.* Istoricheskie formoobrazujushchie faktory, povliyavshie na stroitelstvo zhilishch g. Vernogo. [Historical Form-Shaping Factors Influencing Housing Construction in the City of Verny] // *Aktualnye problemy arkhitektury...* // Tjumen: TjumGASU, 2015. Pp. 183–190. (In Russ.).
- O pamjatnikakh istorii, 2008 — *O pamjatnikakh istorii i kultury Kazahskoj SSR respublikanskogo znachenija: Postanovlenie Soveta Ministrov Kazahskoj SSR ot 26 janvarja 1982 g.* No. 38. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P820000038> (data obrashchenija: 24.07.2025). (In Russ.).
- Respublikalyq manyzy bar tarikh, 2020 — *Respublikalyq manyzy bar tarikh* zhane madeniet eskertkishterinin memlekettik tizimi. QR Madeniet zhane sport ministrinin 2020 zhylygy 14 sauirdegi No. 88 bujrygy. // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V2000020397> (qaralgan kuni: 31.05.2025).
- Respublikalyq manyzy bar tarikh, 2025 — *Respublikalyq manyzy bar tarikh* zhane madeniet eskertkishterinin memlekettik tizimin bekitu turaly. Qazaqstan Respublikasy Madeniet zhane aqparat ministrinin 2025 zhylygy 11 shildedegi No. 318-NQ bujrygy. // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/G25KS000318> (qaralgan kuni: 24.07.2025). (In Kaz.).
- Sakhi, Karzhaubayeva, 2025 — *Sakhi Zh., Karzhaubayeva A.* Musei-uiler: houses: conclusions and views // *Electronic scientific journal “edu.e-history.kz”*, 2025. Vol. 12. No. 1. Pp. 217–231. (In Kaz.).
- Samojlov, 2004 — *Samojlov K.I.* Arkhitektura Kazakhstana XX veka. [Architecture of Kazakhstan in the 20th century]. M. – Almaty, 2004. 253 p. (In Russ.).
- Shajmardanova, 2013 — *Shajmardanova Z.D.* Gorod Vernyj v istoricheskoy retrospektive. [The City of Verny in Historical Retrospective] // *MNIZh*, 2013. No. 7–1(14). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorod-vernyy-v-istoricheskoy-retrospektive> (qaralgan kuni: 31.05.2025). (In Russ.).
- Shejner, 2017 — *Shejner A.E.* Stilevye napravleniya v arkhitekture zhilykh zdaniy goroda Vernogo. [Stylistic Trends in the Architecture of Residential Buildings in the City of Verny] // *Ontologiya iskusstva khristianskogo mira: izobrazitelnoe i monumentalno-dekorativnoe iskusstvo, arkhitektura i predmetno-prostranstvennaja sreda: XXV Mezhdunarodnye Rozhdestvenskie obrazovatelnye chtenija: “1917–2017: uroki stoletija”*, 25–27 janvarja 2017. M.: MGKhPA im. S. G. Stroganova, 2017. Pp. 89–92. (In Russ.).
- Shejner, 2020 — *Shejner A.E.* Stsenografija gorodskogo prostranstva Vernogo. [Scenography of the Urban Space of Verny]. SPb.: SPGKhPA im. A.L. Shtiglitsa, 2020. 380 p. (In Russ.).
- Svod pamjatnikov, 2006 — *Svod pamjatnikov istorii i kultury g. Almaty.* [Compendium of Historical and Cultural Monuments of the City of Almaty] / sost. Belonosov O.R.; gl. red. Agajan B.G. Almaty: Qazaq entsiklopedijasy, 2006. 360 p. (In Russ.).
- Tjurin, 2021 — *Tjurin S.S.* Obraz goroda Vernogo (Almaty). [The Image of the City of Verny (Almaty)]. Cheboksary: ID “Sreda”, 2021. 124 p. (In Russ.).
- Truspekova, 2019 — *Truspekova Kh.* Arkhitektura Almaty i voprosy identichnosti. [Architecture of Almaty and Questions of Identity] // *Central Asian Journal of Art Studies*, T. 1, No. 3, 2019. Pp. 37–42. (In Russ.).

МАЗМҰНЫ

ТАРИХНАМА ЖӘНЕ ДЕРЕКТАНУ

Мамытова С.Н.

XX ҒАСЫРДЫҢ 30-ШЫ ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ АШАРШЫЛЫҚ ТУРАЛЫ ТАРИХИ ЖАДЫН ҚАЛЫПТАСТЫРУДАҒЫ БАТЫС ТАРИХНАМАСЫ.....934

Сабитов Ж., Қаратаев Ә., Төлегенұлы Б.

«МАНАС» ЖЫРЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ РУЛАРЫНЫҢ ӨКІЛДЕРІ.....946

ТАРИХ

Азретбергенова Э.Ж.

ҚАЗАҚСТАН МЕН ТҮРКИЯ ТӘЖІРИБЕСІ КОНТЕКСТІНДЕ ҰЛТТЫҚ БІРЕГЕЙЛІКТІ ҚАЛЫПТАСТЫРУ ЖӘНЕ ОТАНДЫҚ ТАРИХТЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ.....960

Айтимбаев А.Т., Сандыбаева А.Д.

1920–1930 ЖЫЛДАРДАҒЫ ОҢТҮСТІК ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ САЯСИ ҚУҒЫН-СҮРГІН ҚҰРБАНДАРЫНЫҢ ТАҒДЫРЫ.....974

Алпыспаева Г.А., Джумагалиева К.В., Жұман Г.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ДІН ІСТЕРІ ЖӨНІНДЕГІ ҰАКІЛЕТТІЛЕР ИНСТИТУТЫНЫҢ ҚЫЗМЕТІ (1945–1990 ЖЖ.)...988

Аубакирова Ж.С., Краснобаева Н.Л., Уалтаева А.С.

ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАННЫҢ ҚАЛА ХАЛҚЫ: ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ, ӘЛЕУЕТІ ЖӘНЕ ТӘУЕКЕЛДЕРІ.....1007

Қабылдинов З.Е., Бейсембаева А.Р.

XVIII–XX ҒАСЫРДЫҢ БАСЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАН ТАРИХЫ ҚАЗІРГІ ЖАПОН ТАРИХНАМАСЫНДА.....1028

Далаева Т.Т., Идрисова А.М.

ВИЗУАЛДЫ ТАРИХИ ДЕРЕККӨЗДЕР ЗЕРТТЕУ БАҒДАРЫНДА: ДӘСТҮРЛІ ИЛЛЮСТРАЦИЯДАН VR/AR РЕПРЕЗЕНТАЦИЯЛАУҒА ДЕЙІН.....1039

Джампейсова Ж.М., Бижигитова Қ.С., Бекенжанова А.А.

XIX ҒАСЫРДЫҢ 70–90 ЖЫЛДАРЫНДА ҚАЗАҚ ДАЛАСЫНДАҒЫ РЕСЕЙ ӘКІМШІЛІК ШЕКАРАЛАРЫН ОРНАТУ ТӘЖІРИБЕСІ.....1056

Капаева А.Т., Асанова С.А.

XX ҒАСЫРДЫҢ 20–30 ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ӘЛЕУМЕТТІК САЯСАТТЫҢ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ.....1073

Қасымова Д.Б., Тілеубаев Ш.Б., Абдрахманов Б.

1950–1980 ЖЫЛДАРДАҒЫ ҚАЗАҚ КСР-індегі ДІНИ ЖАҒДАЙДЫҢ КЕЙБІР АСПЕКТІЛЕРІ 1089

Қозыбаева М.М.

ТЫҢ ИГЕРУ КЕЗЕҢІНДЕГІ (1950–1960 ЖЖ.) СОЛТҮСТІК ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ АРНАЙЫ ҚОНЫС АУДАРУШЫЛАРДЫҢ КҮНДЕЛІКТІ ӨМІРІ МЕН ҚҰҚЫҚТЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ.....1109

Махметова Н.А., Аубакирова Ж.С., Марғұлан А.С.

РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ БАСҚА ӨҢІРЛЕРІМЕН САЛЫСТЫРҒАНДА ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАННЫҢ ЭТНОДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ДАМУ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ.....1130

Мұқанова Г.Қ., Сәдуақасова З.Т.

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ИШАНДАРЫ ТУРАЛЫ БІЛІМДІ ҚАЛЫПТАСТЫРУДЫҢ НЕГІЗГІ АСПЕКТІЛЕРІ (XIX–XX ҒАСЫРДЫҢ БАСЫ).....1149

Сауырқан Е., Қанпбаева А.Т.

1930 ЖЫЛДАРЫ ШЫҢЖАҢНАН КӨШКЕН ҚАЗАҚ БОСҚЫНДАРЫ ЖӘНЕ ҚАРАУСЫЗ ҚАЛҒАН БАЛАЛАРДЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК МӘСЕЛЕСІ.....1163

Сисенбаева А.А., Калыбекова М.Ч.

ЖЕКЕ ІС – ШТУТТГОФ КОНЦЛАГЕРІНДЕГІ ҚАЗАҚСТАНДЫҚ СОҒЫС ТҰТҚЫНДАРЫН ЗЕРТТЕУ МӘСЕЛЕЛЕРІНІҢ ДЕРЕК КӨЗІ РЕТІНДЕ (А. БЕЛОЗАРОВТЫҢ ЖЕКЕ ІСІ МЫСАЛЫНДА).....1177

ЭТНОЛОГИЯ/АНТРОПОЛОГИЯ

Ақымбек Е.Ш., Кембаева А.К.

ОРТА ҒАСЫРЛАРДАҒЫ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ШЫНЫ ӨНДІРІСІ ТУРАЛЫ: ОҢТҮСТІК ЖӘНЕ ОҢТҮСТІК-ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАН ШЫНЫЛАРЫНЫҢ РЕНТГЕН-СПЕКТРЛІК МИКРОТАЛДАУЫНЫҢ НӘТИЖЕЛЕРІ.....1190

Бейсегүлова А., Ашимова С., Картаева Т.

МАТЕРИАЛДЫҚ ЕМЕС МӘДЕНИЕТ МҰРАНЫҢ «ТАБИҒАТ ПЕН ДҮНИЕГЕ ҚАТЫСТЫ БІЛІМДЕР МЕН ӘДЕТ-ҒҰРЫПТАР» ТИПІН САҚТАУДЫҢ АБАЙ ОБЛЫСЫ БОЙЫНША АЙМАҚТЫҚ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ.....1202

Сапатаев С.Ә., Куралова З.С.

ЕРТЕ ТЕМІР ДӘУІРІ ҚАЗАҚСТАН АУМАҒЫНДАҒЫ ҚОРЫМДАРДА АТПЕН ЖЕРЛЕУ ДӘСТҮРІ.....1221

Сахи Ж., Каржаубаева А.

АЛМАТЫ ҚАЛАСЫНДАҒЫ ТАРИХИ ТҰРҒЫН ҮЙЛЕРДІҢ ҚАЛАЛЫҚ МӘДЕНИ КЕҢІСТІКТІ САҚТАУДАҒЫ РӨЛІ.....1235

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Мамытова С.Н.

ЗАПАДНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О МАССОВОМ ГОЛОДЕ В КАЗАХСТАНЕ В 30-Е ГГ. XX ВЕКА.....934

Сабитов Ж., Каратаев А., Толегенулы Б.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ КАЗАХСКИХ ПЛЕМЕН В ЭПОСЕ «МАНАС».....946

ИСТОРИЯ

Азретбергенова Э.Ж.

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ ОПЫТА КАЗАХСТАНА И ТУРЦИИ.....960

Айтимбаев А.Т., Сандыбаева А.Д.

СУДЬБЫ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В ЮЖНОМ КАЗАХСТАНЕ В 1920–1930-е ГОДЫ: АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ АРХИВНЫХ ДАННЫХ.....974

Алпыспаева Г.А., Джумагалиева К.В., Жуман Г.Ж.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО РЕЛИГИИ В КАЗАХСТАНЕ (1945–1990 ГГ.).....988

Аубакирова Ж.С., Краснобаева Н.Л., Уалтаева А.С.

ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗРЕЗЕ: ОСОБЕННОСТИ, ПОТЕНЦИАЛ И РИСКИ.....1007

Кабульдинов З.Е., Бейсембаева А.Р.

ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....1028

Далаева Т.Т., Идрисова А.М.

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ В ФОКУСЕ ИССЛЕДОВАНИЙ: ОТ ТРАДИЦИОННОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ К VR/AR РЕПРЕЗЕНТАЦИИ.....1039

Джампенсова Ж.М., Бижигитова К.С., Бекенжанова А.А.

ПРАКТИКИ УСТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ГРАНИЦ В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ В 70–90-е ГОДЫ XIX ВЕКА.....1056

Капаева А.Т., Асанова С.А.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КАЗАХСТАНЕ В 20–30-е ГОДЫ XX В.....1073

Касымова Д.Б., Тлеубаев Ш.Б., Абдрахманов Б.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕЛИГИОЗНОЙ СИТУАЦИИ В КАЗАХСКОЙ ССР В 1950–1980-е ГОДЫ.....1089

Козыбаева М.М.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ В ПЕРИОД ОСВОЕНИЯ ЦЕЛИНЫ (1950–1960-е ГГ.).....1109

Махметова Н.А., Аубакирова Ж.С., Маргулан А.С.

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ РЕГИОНАМИ РЕСПУБЛИКИ.....1130

Муканова Г.К., Садвокасова З.Т.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЗНАНИЯ ОБ ИШАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (XIX – НАЧАЛО XX ВВ.).....1149

Сауыркан Е., Каипбаева А.Т.

КАЗАХСКИЕ БЕЖЕНЦЫ ИЗ СИНЬЦЗЯНА В 1930-х ГОДАХ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА БЕСПРИЗОРНЫХ ДЕТЕЙ.....1163

Сисенбаева А.А., Калыбекова М.Ч.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО – КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ КАЗАХСТАНЦЕВ КОНЦЛАГЕРЯ ШТУТТГОФ (НА ПРИМЕРЕ ЛИЧНОГО ДЕЛА А. БЕЛОЗАРОВА).....1177

ЭТНОЛОГИЯ/АНТРОПОЛОГИЯ

Акымбек Е.Ш., Кембаева А.К.

О СТЕКЛОДЕЛИИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ КАЗАХСТАНЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ РЕНТГЕНСПЕКТРАЛЬНОГО МИКРОАНАЛИЗА СТЕКЛА ИЗ ЮЖНОГО И ЮГО-ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА.....1190

Бейсегулова А., Ашимова С., Картаева Т.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ ВИДА НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ «ЗНАНИЯ И ОБЫЧАИ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИРОДОЙ И ВСЕЛЕННОЙ» В АБАЙСКОМ ОБЛАСТИ.....1202

Сапатаев С.А., Куралова З.С.

ТРАДИЦИЯ ЗАХОРОНЕНИЯ ЛОШАДЕЙ В МОГИЛЬНИКАХ КАЗАХСТАНА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА.....1221

Сахи Ж., Каржаубаева А.

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖИЛЫХ ДОМОВ ГОРОДА АЛМАТЫ В СОХРАНЕНИИ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ.....1235

CONTENTS

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

Mamytova S.N. WESTERN HISTORIOGRAPHY IN THE FORMATION OF HISTORICAL MEMORY OF THE MASS FAMINE IN KAZAKHSTAN IN THE 30S OF THE XXTH CENTURY	934
Sabitov Zh., Karatayev A., Tolegenuly B. REPRESENTATIVES OF KAZAKH TRIBES IN THE EPIC “MANAS”	946

HISTORY

Azretbergenova E.Zh. FORMATION OF NATIONAL IDENTITY AND CURRENT ISSUES OF NATIONAL HISTORY IN THE CONTEXT OF THE EXPERIENCE OF KAZAKHSTAN AND TURKEY	960
Aitimbaev A., Sandybayeva A. THE FATE OF VICTIMS OF POLITICAL REPRESSION IN SOUTHERN KAZAKHSTAN IN THE 1920 AND 1930: AN ANALYSIS BASED ON ARCHIVAL DATA	974
Alpyspaeva G., Dzhumagaliyeva K., Zhuman G. ACTIVITIES OF THE INSTITUTE OF COMMISSIONERS FOR RELIGION IN KAZAKHSTAN (1945–1990)	988
Aubakirova Zh.S., Krasnobaeva N.L. Ualtayeva A.S. URBAN POPULATION OF EAST KAZAKHSTAN: FEATURES, POTENTIAL AND RISKS	1007
Kabuldinov Z.E., Beisembayeva A.R. HISTORY OF KAZAKHSTAN IN THE XVIII – EARLY XX CENTURIES IN CONTEMPORARY JAPANESE HISTORIOGRAPHY	1028
Dalayeva T.T., Idrissova A.M. VISUAL HISTORICAL SOURCES IN FOCUS OF RESEARCH: FROM TRADITIONAL ILLUSTRATION TO VR/AR REPRESENTATION	1039
Jampeissova Zh., Bizhigitova K., Bekenzhanova A. PRACTICE OF ESTABLISHING RUSSIAN ADMINISTRATIVE BORDERS IN THE KAZAKH STEPPE IN THE 70–90S OF THE XIX CENTURY	1056
Kapayeva A.T., Asanova S.A. FEATURES OF SOCIAL POLICY IN KAZAKHSTAN IN THE 1920S–1930S XX CENTURY	1073
Kassymova D.B., Tleubayev Sh.B., Abdrakhmanov B. SOME ASPECTS OF RELIGIOUS SITUATION IN THE KAZAKH SSR IN 1950–1980s	1089
Kozybayeva M.M. EVERYDAY LIFE AND LEGAL ASPECTS OF THE LIVES OF SPECIAL SETTLERS IN NORTHERN KAZAKHSTAN DURING THE PERIOD OF VIRGIN LAND DEVELOPMENT (1950–1960S)	1109
Makhmetova N.A., Aubakirova Zh.S., Margulan A.S. FEATURES OF ETHNO-DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF EASTERN KAZAKHSTAN IN COMPARISON WITH OTHER REGIONS OF REPUBLIC	1130
Mukanova G.K., Sadvokasova Z.T. THE MAIN ASPECTS OF THE FORMATION OF KNOWLEDGE ABOUT HEALING IN CENTRAL ASIA (XIX – EARLY XX CENTURIES)	1149
Sauyrkan Ye., Kaipbayeva A.T. KAZAKH REFUGEES FROM XINJIANG IN THE 1930S AND THE SOCIAL PROBLEM OF ABANDONED CHILDREN	1163
Sissenbayeva A.A., Kalybekova M.Ch. PERSONAL FILE – AS A SOURCE FOR STUDYING THE PROBLEM OF RESEARCHING KAZAKH PRISONERS OF WAR IN THE STUTTHOF CONCENTRATION CAMP (BASED ON THE EXAMPLE OF A. BELOZAROV'S PERSONAL FILE)	1177

ETHNOLOGY/ANTHROPOLOGY

Akymbek Ye.Sh., Kembyaeva A.K. GLASSMAKING IN MEDIEVAL KAZAKHSTAN: RESULTS OF X-RAY SPECTRAL MICROANALYSIS OF GLASS FROM SOUTH AND SOUTHEAST KAZAKHSTAN	1190
Beysegulova A., Ashimova S., Kartaeva T. REGIONAL SPECIFICS OF SAFEGUARDING THE INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE “KNOWLEDGE AND CUSTOMS RELATED TO NATURE AND THE UNIVERSE” IN THE ABAI REGION	1202
Sapatayev S., Kuralova Z. TRADITION OF BURIAL OF HORSES IN EARLY IRON AGE CEMETERIES OF KAZAKHSTAN	1221
Sakhi Zh., Karzhaubayeva A. THE ROLE OF HISTORIC RESIDENTIAL BUILDINGS IN PRESERVING THE URBAN CULTURAL LANDSCAPE OF ALMATY	1235

ASIAN JOURNAL “STEPPE PANORAMA”

2025. 12 (4)

Бас редактор:

Қабылдинов З.Е.

Компьютерде беттеген:

Копеева С.Ж.

Құрылтайшысы және баспагері:

Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитеті

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМК

Редакция мен баспаның мекен-жайы:

050010, Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көш., 28-үй

ҚР ҒЖБМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМК

Журнал сайты: <https://ajspiie.com>

Ш.Ш. Уәлиханов ат. ТЖЭИ басылған:

050010 Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көш., 28-үй